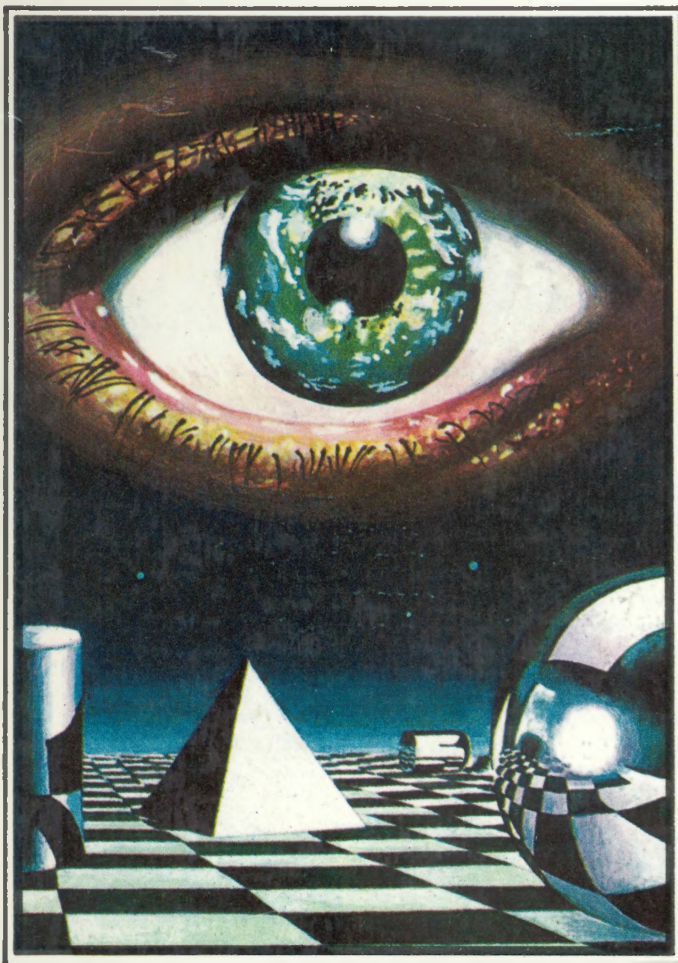

МИРЫ ГАРРИ ГАРРИСОНА

88

МИРЫ ГАРРИ ГАРРИСОНА

**ИЗДАТЕЛЬСКАЯ
ФИРМА
«ПОЛЯРИС»**

WORLDS OF HARRY HARRISON

Volume eight

THE DALETH EFFECT

**TRANSATLANTIC
TUNNEL, HURRAH !**

SPACESHIP MEDIC

МИРЫ ГАРРИ ГАРРИСОНА

Книга восьмая

**ДАЛЕТ-ЭФФЕКТ
ДА ЗДРАВСТВУЕТ
ТРАНСАТЛАНТИЧЕСКИЙ
ТУННель! УРА!
СУДОВОЙ ВРАЧ**

**Издательская фирма «Полярис»
1993**

The Daleth Effect
Copyright © 1970 by Harry Harrison

A Transatlantic Tunnel, Hurrah!
Copyright © 1972 by Harry Harrison

Spaceship medic
Copyright © 1970 by Harry Harrison

Далет-эффект
© 1993 Издательская фирма «Полярис»,
перевод на русский язык

**Да здравствует Трансатлантический
туннель! Ура!**
© 1993 В. Рыбаков, *перевод на русский язык*

Судовой врач
© 1992 Издательская фирма «Полярис»,
перевод на русский язык

© 1992 Издательская фирма «Полярис»,
оформление, составление, название серии

**Печатается с разрешения автора
и его литературного агента**

Перепечатка отдельных романов и
всего издания в целом запрещена без
разрешения издателя и переводчика.
Всякое коммерческое использование
данного издания возможно исключитель-
но с письменного разрешения издателя.

ISBN 5-88132-042-5

ДАЛЕТ - ЭФФЕКТ

Глава 1

ТЕЛЬ-АВИВ

Мощный взрыв, разрушивший западную стену физической лаборатории университета в Тель-Авиве, пощадил профессора Арни Клейна. Тяжелый стальной лабораторный стол защитил его от взрывной волны и летящих обломков. Правда, ученого сбilo с ног, и при падении он оцарапал щеку. Поднявшись на ноги и тронув лицо ладонью, он потрясенно разглядывал кровь, испачкавшую пальцы. Дальняя часть лаборатории превратилась в хаотичное нагромождение камней и разбитых приборов, над которыми клубились кольца дыма и пыли.

Огонь! Эта мысль подстегнула его. Оборудование было разрушено, но записи и данные опыта можно было попытаться спасти. Он яростно дергал ящик стола, искореженный и изогнутый взрывом, пока тот с визгом не открылся. Вот она, тоненькая папка — всего несколько недель работы, но зато какой важной! Рядом лежала потрепанная папка толщиной не менее пятнадцати сантиметров — шесть лет напряженного труда. Он достал обе и вышел из лаборатории через пролом в стене. В первую очередь необходимо спасти записи; это было важнее всего.

По тропинке у задней стены здания вообще ходили редко, а теперь, удушливо жарким днем, она была

совсем безлюдна. Этот путь напрямую соединял лабораторию с факультетским общежитием, но до взрыва им пользоваться было физически невозможно. Папка будет в безопасности у него в комнате — это он хорошо придумал. Клейн ускорил шаги, насколько позволял обжигающе сухой ветер хамсин. Погрузившись в размышления, он не отдавал себе отчета, что все его перемещения остались никем не замеченными.

Арни Клейн многим казался тугодумом, но только потому, что был совершенно не способен сосредоточиться более чем на одной мысли сразу; он должен был тщательно и методично разжевывать ее до последнего кусочка, извлечь из нее все полезные соки. Его мозг работал с невероятной точностью и перемалывал все до мельчайших составных частей. Именно это уникальное свойство позволило ему в течение шести лет, ни на мгновение не отвлекаясь от цели, обдумывать сложную математическую гипотезу, основанную всего лишь на небольшой весовой аномалии и возможности двоякого толкования одного из уравнений теории единого поля Эйнштейна.

Сейчас его мозг был занят новым предположением, которое приходило ему в голову и раньше, но после взрыва приобрело большую вероятность. Как обычно, когда он глубоко задумывался, его тело выполняло привычные действия совершенно бессознательно. Одежда и руки профессора запацкались, пока он перебирался через обломки, по лицу была размазана кровь. Он разделся, машинально принял душ, промыл ссадину, заклеил ее пластырем. И только когда Клейн снова начал одеваться, его сознание наконец включилось. Он не стал надевать чистые шорты, а снял с вешалки брюки от летнего костюма, надел их, сунул в карман пиджака галстук, кинул пиджак на стул — и замер на несколько минут, размышляя над выводами, логически вытекавшими из его новой идеи. Со стороны он выглядел совершенно обыкновенно — подтянутый мужчина с седой головой, чуть старше пятидесяти лет, — если бы не застывшая поза, в которой он неподвижно стоял чуть не десять минут, пока не принял решения.

Арни не был уверен в том, что нашел самый разумный выход из положения, но хорошо понимал, чем грозили другие варианты. Поэтому он открыл свой кейс, так и лежавший на туалетном столике с прошлой неде-

ли, когда он вернулся из Белфаста с конференции по теоретической физике, и достал чековую книжку туристической фирмы «Томас Кук и сыновья». Книжка была нетронутой: Арни собирался купить билеты на самолет и затем получить компенсацию, но билеты ему прислали заранее. Он положил в кейс только папки и паспорт с еще действующими визами. Потом, аккуратно перекинув через руку пиджак, спустился по лестнице и пошел по направлению к порту. Не прошло и минуты, как в подъезд вбежали два взволнованных студента, потных и задыхающихся от спешки, и принялись стучать в дверь его комнаты.

Как только Арни вышел из-под прикрытия зданий университетского городка, на него вновь налетел раскаленный хамсин, безжалостно иссушающий кожу. Сначала Клейн даже не заметил его, но, проходя мимо кафе на Дизенгофф-роуд, вдруг почувствовал сухость во рту и зашел в открытые двери. Это оказался «Касит», пристанище богемы, нечто вроде тех, что расположены на левом берегу Сены. Никто не обратил на него внимания, и Арни сел за маленький столик, потягивая прохладный лимонад.

Именно тут цепь его размышлений наконец развернулась на полную катушку, и он принял окончательное решение. При этом он абсолютно не замечал окружающего и понятия не имел о том, что его ищут повсюду и что университет охвачен паникой. Сначала все думали, что профессор Клейн погиб и похоронен под кучей обломков, образовавшихся в результате таинственного взрыва, однако обломки быстро разобрали, и тела не нашли. Затем удалось выяснить, что он успел побывать у себя в комнате, где обнаружили грязную одежду и следы крови. Никто не знал, что и подумать. То ли он бродит где-то в состоянии шока после удара, то ли его похитили? Район поисков расширялся, однако никому не пришло в голову искать профессора в кафе «Касит». Арни Клейн встал, тщательно отсчитал мелочь, положил ее на стол и вышел на улицу.

И снова ему повезло. Неподалеку, около изысканного кафе «Ровал», освободилось такси, и Арни быстро вскочил в открытую дверцу.

— Аэропорт Лидда, — сказал он и стал терпеливо ждать, пока шофер объяснял ему, что смена кончилась,

что нужно заправиться бензином, что погода никуда не годится, и не только погода.

Дальнейшие переговоры завершились очень быстро — теперь, когда решение было принято, Арни хорошо осознавал, что скорость позволит избежать множества неприятностей.

Когда такси наконец выехало на Иерусалимское шоссе, навстречу в бешеном темпе промчались две полицейские машины.

Глава 2

КОПЕНГАГЕН

Стюардессе пришлось прикоснуться к его плечу, чтобы привлечь внимание.

— Сэр, пристегните, пожалуйста, ремни. Через несколько минут мы совершим посадку.

— Да, конечно, — пробормотал Арни, нащупывая пряжку. Теперь и он заметил, что загорелись надписи: «Не курить» и «Пристегните ремни».

Полет прошел для него очень быстро. Он смутно помнил, что приносили ужин, хотя и не смог бы вспомнить, чем его кормили. Как только они вылетели из аэропорта, он углубился в расчеты, основанные на результатах последнего и самого важного эксперимента.

Огромный «Боинг-707» медленно и величаво лег на крыло, начиная поворот, и луна, как путеводный маяк, проплыла мимо. Подсвеченные облака внизу казались застывшим, но странно нереальным пейзажем. Авиалайнер начал спуск, промчался над облаками и нырнул в них. Капли дождя прочертили извилистые линии на стекле иллюминатора. Где-то внизу была Дания, темная и мокрая от дождя.

Арни заметил перед собой открытый блокнот, исчерканный уравнениями, сунул его в нагрудный карман и захлопнул откидной столик. Внезапно сквозь дождь мелькнули огоньки, и темные воды Эресунна пронеслись под крыльями самолета. Чуть позже показалась

посадочная полоса, и они благополучно приземлились в аэропорту Каструп.

Арни терпеливо ждал, пока выйдут все пассажиры. Это были в основном датчане, которые возвращались из отпуска, сияя загорелыми лицами, докрасна накалившимися солнцем. Они тащили плетеные сумки и восточные сувениры — деревянных верблюдов, медные подносы, коврики с причудливыми узорами, и каждый нес небольшую склянку спиртного, которую бдительное правительство разрешало провозить без пошлины.

Арни вышел последним, замыкая шествие. Дверь в кабину была приоткрыта, и он увидел тесную клетушку, забитую невероятным количеством светящихся циферблатов и переключателей. Капитан, огромный блондин с массивной челюстью, улыбнулся Арни. Над золотыми крылышками на кокарде было написано: «Капитан Нильс Хансен».

— Надеюсь, вам понравился полет, — произнес он по-английски, на международном языке авиалиний.

— Да, очень. Благодарю вас. — Выговор профессора Клейна, приобретенный в привилегированной английской школе, странно не вязался с его внешностью. Но Арни учился во время войны в Англии, в Уинчестере, и это навек наложило отпечаток на его речь.

Пассажиры уже выстроились в очередь перед кабинами таможенников, держа наготове паспорта. Арни чуть не присоединился к ним, но вовремя вспомнил, что билет был приобретен до Белфаста и датской визы у него нет.

Он повернул по стеклянному коридору в зал для транзитных пассажиров и опустился на диван из черной кожи, отделанный сверкающим хромом, пристроив кейс на пол между ног. Уставившись невидящими глазами в пространство, Арни обдумывал следующий шаг. Через несколько минут он принял решение, вернулся к действительности и огляделся вокруг. По залу степенно шествовал массивный полицейский в высоких кожаных ботинках и большой фуражке. Арни подошел к нему, глядя прямо на серебристую бляху, находившуюся на уровне его глаз.

— Я хотел бы поговорить с начальником службы безопасности аэропорта.

Полицейский наклонил голову, профессионально нахмурившись.

— Скажите мне, в чем дело, и я...

— Dette kommer kun mig og den vagthavende officer ved. Så må jeg tale med han? *

Внезапный переход на датский изумил полицейского.

— Так вы датчанин? — спросил он.

— Моя национальность не имеет значения, — продолжал Арни по-датски. — Могу сказать только, что речь идет о национальной безопасности, и будет лучше всего, если вы проведете меня к человеку, отвечающему за нее.

Полицейский задумался. В сухих фразах этого невысокого человека было что-то такое, что заставляло поверить ему.

— Пройдемте, — сказал он и молча пошел по узкому балкону высоко над главным залом аэропорта, настороженно следя за незнакомцем, чтобы тот не вздумал улизнуть и скрыться во мраке ночи.

— Садитесь, пожалуйста, — произнес офицер службы безопасности, выслушав доклад полицейского. Все это время он сидел за письменным столом, пристально рассматривая Арни немигающими глазами сквозь круглые очки в стальной оправе, словно стараясь запомнить его внешность.

— Лейтенант Йоргенсен, — представился он, когда они остались одни.

— Арни Клейн.

— Må jeg Deres pas? **

Арни протянул паспорт, и Йоргенсен не скрыл удивления, увидев, что он не датский.

— Значит, вы гражданин Израиля. По вашей речи мне показалось...

Так и не дождавшись ответа, лейтенант перелистнул страницы паспорта и положил его на стол.

— Все в порядке, профессор. Чем могу служить?

— Я хочу получить разрешение на въезд. Сейчас же.

— Это невозможно. Вы находитесь здесь транзитом и без визы. Лучше всего вам проследовать к месту назначения и в Белфасте обратиться к датскому консулу. Через день-другой вы получите визу.

— Я хочу получить разрешение на въезд немедленно и прошу вас принять необходимые меры. Я родился

* Мне нужно пройти к дежурному офицеру. Могу я поговорить с ним? (gam.).

** Ваш паспорт, пожалуйста (gam.).

в Копенгагене. Я вырос в десяти милях отсюда. Не понимаю, какие могут быть проблемы.

— Я уверен, что их и не будет. — Лейтенант вернул ему паспорт. — Но здесь мы ничем не можем вам помочь. В Белфасте...

— По-видимому, вы не поняли меня. — Голос Арни был таким же бесстрастным, как и его лицо, но слова звучали весомо, нагруженные внутренним зарядом. — Мне абсолютно необходимо въехать в страну сегодня, сейчас. Вы обязаны принять меры. Свяжитесь со своим начальством. Существует двойное гражданство. Я такой же датчанин, как и вы.

— Возможно. — В голосе офицера слышались раздраженные нотки. — Но я не гражданин Израиля, как вы. Боюсь, вам придется вылететь первым же самолетом...

Он замолчал, увидев, что собеседник не слушает его. Арни положил кейс на колени, достал тоненькую записную книжку с адресами и внимательно просматривал ее, листая страницы.

— Не хочу, чтобы это звучало слишком мелодраматично, но мое присутствие здесь — событие национального значения. Поэтому прошу вас, позвоните по этому телефону и попросите профессора Ове Руде Расмуссена. Вам знакомо это имя?

— Конечно, кто же его не знает? Лауреат Нобелевской премии. Но вы не можете беспокоить его ночью...

— Мы старые друзья, он не обидится. Да и обстоятельства достаточно серьезные.

Шел уже второй час ночи, и Расмуссен заворчал по телефону, как медведь, разбуженный во время спячки.

— Кто это? Что за дела... Черт побери, да это Арни! Откуда ты звонишь? Из Каструпа? — Он спокойно выслушал краткое изложение событий.

— Ты можешь помочь мне? — спросил Арни.

— Конечно! Правда, еще не знаю как. Вот что, ты сиди и жди меня. Я сейчас приеду, только оденусь.

За три четверти часа после этого звонка Йоргенсен весь извелся в томительной тишине, повисшей в комнате. Арни Клейн сидел неподвижно, отрешенно глядя на календарь прямо перед собой. Начальник службы безопасности рискнул щелкнуть табакеркой, набил трубку и закурил. Если Арни и заметил это, то не подал вида. Его мысли были заняты совершенно другим. Когда по-

слышался стук в дверь, лейтенант вздохнул с облегчением.

— Арни — это действительно ты!

Расмуссен выглядел в точности как на фотографиях в газетах — худой, долговязый, со светлой вьющейся бородкой, обрамляющей лицо, но без усов. Они крепко пожали друг другу руки и чуть было не обнялись, сияя улыбками.

— А теперь рассказывай, что ты тут делаешь и почему вытащил меня из постели в такую мерзкую погоду?

— Мы должны поговорить наедине.

— Разумеется. — Ове оглянулся вокруг и только теперь заметил лейтенанта. — Где мы можем поговорить с глазу на глаз?

— Если хотите, можете воспользоваться моим кабинетом. Я гарантирую его надежность.

Они оба кивнули, не реагируя на саркастические нотки в голосе лейтенанта.

Выгнали из собственного кабинета — что за чертовщина происходит? Йоргенсен стоял в зале, сердито дымя трубкой и уминая табак мозолистым пальцем. Минут через десять дверь распахнулась. На пороге стоял Расмуссен с расстегнутым воротником и горящими глазами.

— Да заходите же, заходите! — воскликнул он и едва не силой втянул офицера в кабинет, с нетерпением захлопнув дверь. — Нам нужно немедленно встретиться с премьер-министром! — Не успел изумленный лейтенант возразить, как Расмуссен передумал. — Нет, ничего не выйдет. Не сейчас. — Он принялся расхаживать по комнате, сжимая и разжимая руки за спиной. — С этим можно подождать до утра. Сначала вытащим тебя отсюда — и рванем ко мне.

Он внезапно остановился и посмотрел на офицера службы безопасности.

— Кто ваш начальник?

— Инспектор Андерс Краруп, но...

— Не годится, я его не знаю. Погодите, а глава вашего департамента, министр...

— Герр Андресен.

— Бог мой, ну конечно, — Свенн Андресен, ты помнишь его, Арни?

Клейн подумал, потом покачал головой.

— Крошка Андрес, выше шести футов. Когда мы учились в школе Кребса, он был в старшем классе. Ну, помнишь, он еще провалился под лед на Сортедамсё?

— Я ведь не успел закончить учебу, мне пришлось уехать в Англию.

— Да, конечно. Проклятые нацисты. Но он вспомнит тебя и поверит мне на слово, что дело крайне важное. Через час мы тебя отсюда вызволим, а потом стакан шнапса — в тебя, а тебя — в постель.

Однако времени потребовалось гораздо больше. Приехал министр Андресен, не выказавший особой радости от ночной прогулки, примчался его адъютант, и только тогда формальности были улажены. Маленький кабинет наполнился высокими чинами, запахами сырой одежды и табачного дыма. Наконец был подписан последний документ и поставлена последняя печать; лейтенант Йоргенсен остался один, уставший и более чем озадаченный. Он все еще отчетливо слышал совет своего министра, который отвел его в сторону и пробурчал:

— Забудь обо всем, понятно? Ты никогда не слышал имени профессора Клейна, и, насколько тебе известно, в Данию он не прилетал. Это все, что ты знаешь, *кто* бы тебя ни спросил.

Действительно, *кто* бы мог спросить его? И что вообще все это означало?

Глава 3

— Но я не хочу встречаться с ними, — сказал Арни.

Он стоял у высокого окна, выходящего в университетский парк. Листья на дубах уже начали желтеть — осень рано приходит в Данию. И все-таки в пейзаже было какое-то очарование — золотая листва и темные стволы на фоне бледного северного неба. Маленькие пушистые облака грациозно парили над красными черепичными крышами; группы студентов спешили на занятия.

— Если бы ты согласился, это многое упростило бы, — заметил Ове Расмуссен.

Он сидел за огромным письменным столом в своем профессорском кабинете с книгами вдоль стен. Многочисленные дипломы и награды, словно гербы, украшали стену позади него. Он откинулся на спинку глубокого кожаного кресла и повернул голову, наблюдая за стоящим у окна другом.

— Неужели это настолько важно? — спросил Арни, поворачиваясь к Расмуссену.

Его руки были засунуты глубоко в карманы белого лабораторного халата. Рукав был заляпан жирными пятнами, а на манжете виднелась дыра с коричневыми краями, прожженная паяльником.

— Боюсь, это действительно важно. Наши израильские друзья очень беспокоятся за тебя. Как я понимаю, они вышли на тебя через шофера такси: установили, что

ты вылетел в Белфаст рейсом САС *, но туда не прибыл. Поскольку единственная промежуточная посадка в Копенгагене, скрыть твоё местопребывание оказалось невозможно. Правда, я слышал, что сотрудники аэропорта так и устроили им нелегкую жизнь.

— По-видимому, лейтенант Йоргенсен честно отбывает своё жалованье.

— Совершенно верно. Он был настолько упрям, что чуть не возник международный скандал. Пришлось вмешаться государственному секретарю и признать, что ты находишься в Дании. Теперь они настаивают на встрече с тобой.

— Почему? Я свободный человек и могу уехать куда хочу.

— Вот так и скажи, а то уже раздались тонкие намеки на похищение...

— Что? Они что, перепутали датчан с арабами?

Ове рассмеялся и повернулся в кресле, глядя на Арни, подошедшего к столу.

— Нет, ничего подобного, — сказал Расмуссен. — Им известно — из неофициальных источников, разумеется, — что ты прибыл сюда добровольно и никто не причинил тебе вреда. Но их очень интересует, почему ты прибыл в Данию, и они не собираются уезжать, пока не получат ответы на свои вопросы. В «Ройял-отеле» сейчас заседает официальная комиссия. Они сказали, что сделают заявление для прессы, если не встретятся с тобой.

— Мне этого совсем не хочется, — забеспокоился Арни.

— Думаешь, нам хочется? Поэтому лучше тебе встретиться с израильтянами и сообщить им, что у тебя все в порядке, и пусть они отправляются домой следующим рейсом. Ничего больше от тебя не требуется.

— А я ничего больше и не собираюсь говорить им. Кого они прислали?

— Четырех человек, но трое из них, похоже, просто пешки. Я провел с ними почти все утро, и единственный, кто имеет решающий голос, это генерал Гев...

— О Боже! Только не он!

— Ты знаешь его?

* Скандинавская авиатранспортная компания.

— Даже слишком хорошо. И он знает меня. Я лучше поговорю с кем-нибудь другим.

— Боюсь, тебе не представится такой возможности. Гев стоит в коридоре и ждет, когда его впустят. Если он не поговорит с тобой, он тотчас же обратится к прессе.

— В этом можно не сомневаться. Он учился воевать в пустыне. И усвоил, что наступление — лучший вид обороны. Раз у нас нет выхода,пусти его сюда и покончим с этим. Но не оставляй нас наедине больше чем на пятнадцать минут. Чуть дольше — и он уговорит меня вернуться.

— Это вряд ли. — Ове встал и показал на свое кресло. — Садись сюда, чтобы между вами был стол. Это придает уверенности. Ему придется сесть на стул для студентов, а он твердый как камень.

— Ему все равно, даже если это будет кактус, — уныло покачал головой Арни. — Ты просто не знаешь его.

Дверь закрылась и наступила тишина. Время от времени через двойное окно доносились еле слышные голоса студентов. В комнате громко тикали высокие напольные часы «Борнхольм». Арни сидел, уставившись на сложенные руки, и думал, что сказать Геву. Надо было сделать так, чтобы он узнал как можно меньше.

— Отсюда далеко до Тель-Авива. — Гортанная фраза на иврите застигла Арни врасплох.

Он поднял голову и увидел, что Гев уже вошел в кабинет и закрыл за собой дверь. Он был в штатском, но даже гражданский костюм выглядел на нем как военный мундир. Лицо генерала, обветренное, изрезанное морщинами, было похоже на орех; длинный шрам во всю щеку приподнимал уголок рта в постоянной полусмешке.

— Заходи, Аври, заходи. Садись.

Гев пропустил приглашение мимо ушей, промаршировал через кабинет и завис над Арни, грозно сверля его взглядом.

— Я приехал, чтобы увезти тебя домой, Арни. Ты один из наших ведущих ученых, и страна нуждается в тебе.

Генерал не колебался, не давил на эмоции, не взывал к родственным чувствам. Генерал Гев отдал приказ — точно так же, как отдавал приказы, посылая в бой танки, самолеты или подразделения солдат. Ему должны были подчиняться не рассуждая. Арни чуть не встал

из-за стола и не последовал за генералом, настолько беспрекословной была эта команда. Но он лишь поежился в кресле. Решение было принято, и тут уж ничего не поделаешь.

— Извини, Аври. Я остаюсь.

Гев стоял, продолжая буравить его разъяренным взглядом — руки вытянуты по швам, но пальцы сжаты, готовые схватить ученого и силой поставить на ноги. Затем, мгновенно изменив тактику, он повернулся, опустился на стул и скрестил ноги. Лобовая атака была отбита; генерал развернул фланги и начал обходной маневр, чтобы ударить в наиболее уязвимое место. Не сводя с Арни глаз, он достал из кармана большой золотой портсигар, который из-за своих размеров выглядел несколько пошловато, и открыл его. Эмалевая инкрустация на портсигаре изображала флаг Объединенной Арабской Республики; две зеленые звездочки были выложены изумрудами. В центре виднелось аккуратное отверстие, пробитое пулей.

— В твоей лаборатории произошел взрыв, — начал Гев. — Это обеспокоило нас. Сначала мы решили, что ты погиб или ранен, потом — что тебя похитили. Твои друзья встревожены...

— Я вовсе не хотел этого.

— ...и не только друзья, но и правительство. Ты гражданин Израиля, и твоя работа принадлежит Израилу. Исчезла папка. Твоя работа украдена из страны.

Гев закурил и глубоко затянулся, машинально прикрывая огонек ладонью, как солдат на поле боя. Его глаза не отрывались от лица ученого, а его собственное лицо казалось бы бесстрастной маской, если бы не обвиняющий пронзительный взгляд. Арни беспомощно развел руками и снова сложил их перед собой.

— Работа не украдена. Это мои материалы, и я взял их с собой, когда уезжал. Уехал я добровольно. Мне жаль, что я заставил вас волноваться. Однако у меня не было другого выхода.

— Что это за работа? — Холодный, резкий вопрос попал прямо в цель.

— Это... это моя работа. — Он чувствовал, что маневр противника удался, и ему остается только отступить в молчание.

— Брось, Арни. Это не объяснение. Ты физик, и твоя работа связана с физикой. У тебя не было никаких взрывчатых веществ, и все-таки ты умудрился превра-

тить в обломки тысячи фунтов оборудования. Что ты изобрел?

Молчание затянулось. Арни беспомощно смотрел на свои сжатые руки, костяшки которых побелели от напряжения. Слова генерала продолжали неумолимо бить в десятку.

— Что означает это молчание? Ты напуган? Не надо бояться своей родной страны, Эрец Израэль. Там твои друзья, твоя работа, вся твоя жизнь. Ты похоронил там жену. Скажи, в чем дело, и мы поможем тебе. Приди к нам, и мы поддержим тебя.

— Я... не могу. — Слова Арни падали в тишину, как тяжелые камни.

— Ты должен. У тебя нет выбора. Ты гражданин Израиля, и твоя работа принадлежит Израилю. Мы окружены океаном врагов, и каждый человек, каждая частица информации жизненно необходимы нам. Ты изобрел что-то мощное, способное помочь нам выжить. Неужели ты обречешь нас на гибель и будешь спокойно смотреть, как наши города и синагоги сровняют с землей и превратят в пустыню? Этого ты хочешь?

— Ты знаешь, что это не так, Гев! Оставь меня в покое, уезжай...

— Нет, я не уеду. Я не оставляю тебя. Если я — голос твоей совести, пусть будет так. Возвращайся домой. Мы примем тебя с радостью. Помоги нам, как мы помогли тебе.

— Нет! Я не могу этого сделать! — Слова вырвались из груди, словно крик боли. И тут же он заговорил, не останавливаясь, как будто наконец прорвалась плотина, сдерживавшая его чувства: — Да, я сделал открытие — не скажу тебе как, почему, что это такое. Назови это природной силой, если хочешь, силой, возможно, более мощной, чем все известное людям сегодня. Она может быть использована и на благо человеку, и во зло, потому что по своей природе это именно такая сила — если мне удастся применить ее на практике, а я думаю, что удастся. Мне хочется использовать ее на благо...

— А Израиль — зло, да? Ты это имеешь в виду?

— Выслушай меня. Я не говорил этого. Я всего лишь хочу сказать, что Израиль — пешка в мировой политике, к тому же без единого союзника. Нефть. У арабов есть нефть, которая нужна как Советам, так и американцам, и они пойдут на любую грязную игру, чтобы

добраться до нее. Израиль никого не интересует, — кроме арабов, которые только обрадуются, если он погибнет. Мировые державы тоже не будут против, если Израиль незаметно исчезнет с карты мира, потому что он для них как заноза. Нефть. Начнется война, что-то случится, и если у вас будет мое... если у вас будет эта мощная сила, вы воспользуетесь ею для разрушения. Вы прибегнете к ней, — может быть, со слезами на глазах, но вы используете ее, — и это будет абсолютное зло.

— Выходит, — еле слышно проговорил Гев, — из гордости, персональных амбиций ты лишишь нас этой силы и станешь свидетелем гибели своей страны? В своем крайнем эгоцентризме ты полагаешь, что можешь решать глобальные политические вопросы лучше, чем избранные представители народа. Ты считаешь себя столпом разума. Ты единственный способен решить мировые проблемы, которые не по плечу всем остальным. Ты, очевидно, веришь в абсолютную диктатуру — твою собственную. В своем ослеплении ты становишься маленьким Гитлером...

— Замолчи! — хрипло выкрикнул Арни, приподнявшись из-за стола.

Воцарилось молчание. Арни медленно сел, чувствуя, что лицо его покраснело и кровь стучит в висках отбойным молотком. Огромным усилием воли он заставил себя говорить спокойно.

— Ладно. Ты абсолютно прав. Если ты хочешь сказать, что я больше не верю в демократию, так и скажи. В данном случае — не верю. Я принял решение и всю ответственность беру на себя. Я лично предпочитаю считать это гуманным актом, — возможно, для самооправдания.

— Убийство из милосердия — тоже гуманный акт, — бесстрастно заметил Гев.

— Да, конечно. Мне не нужны оправдания. Я поступил так, как считаю нужным, и готов отвечать за это.

— Даже если Израиль погибнет из-за твоей заносчивости?

Арни хотел ответить, но не смог найти слов. Что тут можно сказать? Гев окружил его со всех сторон, отрезал путь к отступлению, разрушил оборонительные укрепления. Что ему остается? Только сдаться. Его поддерживало только одно — уверенность в том, что по большому счету он все равно прав. Он даже не решался

подвергнуть испытанию свою убежденность — вдруг и она окажется ошибкой? Тишина становилась все более гнетущей, и его охватила бесконечная грусть. Он опустил голову и съёжился в кресле.

— Я поступаю так, как должен поступить, — произнес он наконец севшим от переживаний голосом. — Я не вернусь. Я оставил Израиль по собственной воле, и не в твоей власти заставить меня, Гев, не в твоей власти...

Генерал Гев встал, глядя на склоненную голову ученого. Слова рождались медленно и трудно, но в них звучало эхо трех тысячелетий преследований, скорби, смерти и безмерной печали.

— И ты, еврей, мог сделать это...

Ответить было нечего, и Арни промолчал. Гев был солдатом и видел, что потерпел поражение, хотя и не понимал почему. Не сказав больше ни слова, он повернулся к Арни спиной — какие слова могли быть красноречивее этого простого движения? Генерал толкнул дверь кончиками пальцев и даже не дал себе труда закрыть или захлопнуть ее — просто пошел вперед, выпрямив спину, печатая шаг. Человек, которого можно обыграть в бою, но нельзя победить в войне, — по крайней мере, пока он жив.

Ове вернулся в кабинет и принялся молча слоняться по комнате — сложил в стопку журналы, достал с полки книгу, потом, не раскрывая, поставил ее назад. Но заговорил он уже совсем о другом.

— Какой сегодня день, ты только посмотри! Солнце сияет, воздух прозрачный — видно даже, как развеваются юбки у девушек на велосипедах. Мне осточертела эта мерзкая столовская еда, бутерброды мне уже в горло не лезут. Поехали в «Павиллонен» на Лангелине, пообедаем, посмотрим на корабли... Ну как?

Арни поднял к нему лицо, убитое горем. Он редко испытывал сильные чувства, и потому не умел ни справиться с ними, ни защититься от них. В его глазах была такая открытая боль, что Ове не выдержал, отвернулся и вновь принялся переключать журналы, которые только что так аккуратно сложил.

— Поехали, если хочешь. Пообедаем в ресторане. — Лицо, искаженное страданием, казалось, вобра-

ло в себя всю его страсть — голос был пустым и безжизненным.

Они молча ехали вниз по Нерре-алее и через парк. Все было на самом деле так, как рассказывал Ове. Девушки на высоких черных велосипедах разноцветными пятнами мелькали в серой толпе пиджаков; они мчались по велосипедным дорожкам, обгоняя машины, стайками пересекали широкие улицы на перекрестках. Длинные ноги нажимали на педали, юбки взмывали от ветра, и день был прекрасен. Но Арни никак не мог побороть свое отчаяние.

Ове ловко провел свой маленький «спрайт» сквозь сложный транспортный узел Трианглен и по Эстерброгаде выехал к порту. Автомобиль успел проскочить на зеленый свет на Лангелине и затормозил у заднего входа в ресторан «Павиллонен». Вечер еще не наступил, и им удалось занять столик у огромного окна во всю стену, выходящего на море. Ове кивнул официанту, и заказ был мгновенно принят. Пока они устраивались поудобнее, придвигая кресла, на столе возникла бутылка шнапса, замороженная во льду, и несколько запотевших бутылок пива «Туборг».

— Вот так-то, — сказал Ове, когда официант разлил ледяной шнапс по стаканчикам величиной с наперсток. — Готов поспорить, такого у вас в Тель-Авиве не встретишь.

— Skål! * — произнесли они традиционный тост и осушили стаканчики.

Арни потягивал пиво и смотрел на тяжеловесный черно-белый паром, направляющийся в Швецию. Длинная вереница автобусов застыла в ожидании, пока туристы карабкались по скалам, совершая ритуальный визит к Русалочке с фотоаппаратами. Белые паруса крошечных яхт, вышедших из бухты, пересекали холодную голубизну пролива. Море. В Дании не было ни единого места, удаленного от моря более чем на сорок миль. Поистине страна мореплавателей, окруженная морем. Белые треугольники парусов казались игрушечными на фоне громадного лайнера, пришвартованного у Лангелинекай. Флаги и выпелы придавали ему щеголеватый праздничный вид. Из передней трубы внезапно вырвал-

* Будь здоров! (gam.).

ся белый столб пара, и через несколько мгновений они услышали отдаленный стон гудка.

— Корабль, — произнес Арни, и теперь, когда он снова подумал о работе, с его лица исчезли все следы эмоций. — Нам нужен корабль. Когда мы начнем испытывать более мощную... — Он замолчал, и они оба глянули по сторонам, не поворачивая головы, словно заговорщики. Затем Арни продолжил почти шепотом: — Нам понадобится более мощная установка. Та, первая, слишком мала и годится лишь для подтверждения правильности теории. Новую установку надо будет испытать в более крупном масштабе, чтобы убедиться, что она способна не только на такие глупости, как взрыв лабораторного оборудования.

— Она сработает. Я уверен, она сработает.

Арни криво усмехнулся и протянул руку к бутылке.

— Выпьем еще шнапса.

Глава 4

— Это вопрос безопасности, — сказал Скоу.

Вообще-то его имя было Ланкильде *, но он никогда не упоминал его, и не без причины. «Скоу, — настаивал он, — зовите меня просто Скоу», словно призывая весь мир к непринужденной простоте общения, как в бильярдном зале. (Привет, Хансен. — Привет, Енсен. — Привет, Скоу.) Однако к окружающим он всегда обращался исключительно корректно.

— К безопасности надо относиться серьезно, герр профессор Расмуссен, — убеждал он, одновременно наблюдая за всем, что происходит вокруг. — У вас есть что-то, требующее охраны, поэтому надо все время быть начеку.

— То, что у нас есть...

— Не говорите мне об этом, я настаиваю. Чем меньше народу знает, тем меньше болтают. Разрешите мне только охранять вас, и работайте себе спокойно.

— Бог мой, дружище, да мне не о чем беспокоиться. Мы совсем недавно начали работу, и о нашем проекте еще никому не известно.

— Вот так должно оставаться и впредь. Я предпочитаю принять меры в самом начале — или даже до начала работы. Если все будет шито-крыто, никто ничего не сможет пронюхать.

* Длинный источник (gam.).

Скоу любил подделывать свою речь под простонародный говор и потому казался простоватым, — каким на самом деле вовсе не был. Когда он стоял, засунув руки в карманы поношенного твидового пиджака и слегка накренившись в сторону, он выглядел совсем как обычный пьянчужка. Бесцветное лицо и рыжеватые редеющие волосы усиливали эту иллюзию. Но Ове знал, что это и вправду не более чем иллюзия. Скоу служил в полиции уже много лет, прекрасно говорил по-немецки и во время войны был с оккупантами на короткой ноге, играл с ними в карты в Эльсиноре, что давало основание согражданам считать его презренным коллаборационистом. Одновременно он возглавлял подполье в этом районе, и его искривленная поза была результатом того, что бывшие собутыльники сумели-таки его подстрелить. Он, однако, успел выпрыгнуть со второго этажа, прежде чем они явились с госпиталь, чтобы расспросить его поподробнее. Теперь он был связан с неким правительственным комитетом — Скоу не любил вдаваться в детали по этому поводу. В конечном счете, все сводилось к вопросам безопасности, которые он имел право решать по собственному усмотрению. Вот уже больше месяца он сновал вокруг и внутри лабораторий, налаживая систему охраны и устанавливая ее правила, чтобы все, чему надлежало быть секретным, было таковым.

— Все это очень напоминает детективный фильм, герр Скоу, — сказал Арни. — Если бы мы погрузили установку в кузов и прикрыли сверху брезентом, никто ее и не заметил бы.

— Просто Скоу, если вы не против. Искусство ведь основано на реальности, кино заимствует у жизни. А мы можем позаимствовать у кино. Меры должны быть приняты. Это вопрос безопасности.

Спорить с ним было невозможно. Они ждали, сидя в здании Института Нильса Бора. В это время к погрузочной площадке подъехал красно-черный почтовый фургон. Дав задний ход, он чуть не опрокинул штабель ящиков с молочными бутылками, послышались крики: «Стоп, Хенрик!», «Lidt endnu! Så er den der!»*, и наконец задняя дверь фургона вплотную приблизилась к краю платформы. Два молчаливых почтальона, громоздкие в

* Еще немного! Все, хватит! (*gam.*).

своих рыжевато-розовых куртках, грохоча деревянными подошвами, грузили в фургон какие-то свертки. Сразу было видно, что это не простые почтальоны: ни один нормальный датский почтальон не упустил бы случая поболтать с охранниками, стоявшими рядом. Скоу молча показал на ящики с установкой, и они так же молча втолкнули их внутрь. Широкие двери захлопнулись, защелкнулся тяжелый замок, заурчал мотор, и фургон выехал на дорогу. Они провожали его взглядом, пока он не затерялся среди утреннего транспорта.

— Почтовые фургоны нельзя назвать невидимками, но в том, что они почти незаметны, сомнений нет, — заметил Скоу. — Наш фургон приедет в центральное почтовое отделение на Кёбмаергаде, смешается там с другими такими же грузовиками, а через пару минут — с новыми номерными знаками, разумеется, — отправится к набережной. Я предлагаю, господа, поехать и встретить его там.

Скоу повез их в своем автомобиле — потрепанном «опеле» неопределенного возраста, то и дело сворачивая в узкие переулки, то вписываясь в транспортный поток, то вырываясь из него, пока не убедился, что их никто не преследует. Он припарковался рядом с бухтой и отправился на поиски телефона. Ове и Арни пошли вперед. Холодные воды Эресунна несли с собой из Швеции пронизывающий северный ветер; серые облака низко нависали над головой.

— Похоже, пойдет снег, — сказал Ове.

— Это и есть наш корабль? — спросил Арни, глядя в дальний конец причала, где виднелось одинокое судно.

— Да, «Белый медведь». Мы решили, что он подходит нам лучше всего. В конце концов, мы не так уж уверены насчет давления, а это хоть и старый, но все-таки ледокол. Я видел, как он прошлой зимой расчищал здесь проход к гавани.

Двое массивных полицейских в долгополых шинелях смотрели в сторону Швеции и не обратили на них никакого внимания, точно так же как и двое не менее крупных мужчин, сидевших в автомобиле на полпути к ледоколу.

— Скоу спустил своих сторожевых псов, — заметил Ове.

— Сомневаюсь, что у них сегодня будет много работы. В такую погоду вряд ли найдется много желающих прогуляться по набережной.

Над ними в тумане высился борт корабля — черная стена с выпуклыми рядами заклепок. Трап был спущен, но на палубе никого не было видно. Они медленно взобрались наверх по скрипучей наклонной доске.

— И в самом деле древний, — сказал Ове, когда они поднялись на палубу. — Только слегка грязноват для белого медведя.

Из топки котла далеко внизу поднималась по трубе и взвивалась вверх узкая струйка черного дыма.

— Старый, но крепкий, — произнес Арни, указав на массивные прочные шпангоуты. — Ледоколы нового поколения напозадают на лед и ломают его своей тяжестью. А этот старичок протаранивает путь своим собственным носом. Отличный выбор для нашего эксперимента. Интересно, куда все подевались?

Словно в ответ на эти слова дверь штурманской рубки распахнулась, и оттуда вышел капитан, такой же темный и мрачный, как его судно, в черном плаще и сапогах, с огромной пиратской бородой, закрывавшей нижнюю часть лица. Громохвая сапогами по палубе, он подошел к ним и небрежно отдал честь.

— Я так понимаю, вы и есть те самые джентльмены, которых мне приказано ждать. Капитан корабля Хоугор.

Ни в его голосе, ни в поведении не было даже намеков на гостеприимство. Они обменялись с ним рукопожатиями, смущенные тем, что по требованию Скоу не имели права представиться.

— Спасибо, что вы предоставили свое судно в наше распоряжение. С вашей стороны это очень любезно, — сказал Ове, стараясь смягчить капитана.

— У меня не было выбора. — Капитан не собирался смягчаться. — Мне приказало начальство. Команда останется внизу — это тоже было в приказе.

— Благодарю вас, — произнес Ове, изо всех сил стараясь, чтобы в голосе не зазвучали саркастические нотки.

Послышался скрип тормозов — внизу, на набережной, остановился почтовый фургон, вовремя прервав их диалог.

— Вас не затруднит вызвать нескольких матросов и помочь разгрузить фургон?

Капитан Хоугор наклонился к открытому люку и проревел пару команд. На палубе тут же появилось полдюжины матросов. Им явно было любопытно, что

здесь происходит, и они были даже рады возможности сменить обстановку.

— Поосторожнее с ящиками, — предостерег Арни, когда матросы несли груз вверх по трапу. — Их нельзя кидать или трясти.

— Я буду с ними так нежен, как если бы внутри сидела моя родная матушка, — заверил ученого светловолосый гигант, широкие бакенбарды которого переходили в эпические усы. Когда капитан отвернулся, матрос улыбнулся и подмигнул.

Они заранее ознакомились с планировкой ледокола и решили, что лучше всего им подойдет машинное отделение. Носовая часть отсека была отделена складной перегородкой от помещения электрика с инструментами и верстаком. Здесь же размещался распределительный щит и генератор. Наконец, что не менее важно, отсек прилегал к наружной обшивке корпуса корабля.

Под неусыпным наблюдением обоих физиков ящики были доставлены в машинное отделение и опущены наземь. Когда матросы ушли, капитан обратился к ученым:

— Я получил указание, что ваша работа требует полной секретности. Однако, поскольку один котел должен действовать постоянно, здесь будет находиться машинист...

— У нас нет никаких возражений, капитан, — перебил его Арни.

— ...а когда сменится вахта, я сам приведу другого. Если я вам понадобится, я у себя в каюте.

— Прекрасно, благодарю за помощь, капитан.

Они проводили его взглядом.

— Боюсь, ему все это сильно не нравится, — покачал головой Арни.

— А я боюсь, что нам некогда переживать по этому поводу. Давай распаковываться.

На монтаж оборудования ушел почти весь день. Установка состояла из четырех основных блоков, электронная начинка которых была скрыта под черными металлическими корпусами с бесчисленными шкалами и циферблатами. Между ними извивались толстые кабели с многожильными муфтами, и еще более толстый кабель тянулся к источнику питания. Пока Арни подсоединял и настраивал аппаратуру, Ове Расмуссен натянул плотные рабочие рукавицы и стал внимательно

изучать корпус судна, покрытый несколькими облупившимися слоями краски и испещренный заклепками.

— Вот здесь, — сказал он, постучав по выступу шпангоута, и взялся за работу, аккуратно счищая зубилом и молотком толстые слои краски, покрывавшей металл. Расчистив участок размером в квадратный фут, он принялся усердно скрести его проволочной щеткой. — Готово, — заявил он довольным голосом, снимая рукавицы и закуривая сигарету. — Блестит как стекло. Положительный контакт сюда — и через весь корпус.

— Надеюсь, так и будет. Надо подсоединить его как можно надежнее, это для нас крайне важно.

От последнего блока установки отходил гибкий волновод квадратного сечения, заканчивающийся сложным медным контактом с винтовыми зажимами. Потратив некоторое время на зачистку контакта и ворчливую ругань по поводу упрямства неподатливого материала, они закрепили его на подготовленном участке обшивки. Арни тщательно настроил установку и включил ее.

— Ток слишком слабый, — сказал он. — Но ясно хотя бы, что цепь замкнута.

Внезапно послышался резкий стук в дверь. Ове подошел и приоткрыл ее. Это был, как всегда недовольный, капитан Хоугор.

— Да?

— С вами хочет поговорить сержант. — Было очевидно, что роль мальчика на посылах ему не по вкусу.

Ове открыл дверь чуть пошире, выскользнул наружу и осторожно закрыл ее за собой. Сержант, упакованный в мундир, весь в переплетении ремней, сияющий медными застежками и высокими сапогами, держал в руках полевой телефон в кожаном чехле, провод от которого тянулся вверх по сходням.

— Мне приказали отдать вам это, сэр. Второй узел находится на причале.

— Спасибо, сержант. Оставьте его здесь, я займусь им.

Дверь, ведущая в отсек электрика, отворилась и оттуда выглянул Арни.

— Могу я поговорить с вами, капитан?

Хоугор повернулся к сержанту.

— Подождите меня на палубе, — бросил он и замолчал, выжидая, когда тот окажется вне пределов слышимости. — В чем дело?

— Нам нужна квалифицированная помощь. Может быть, среди ваших матросов найдется хороший сварщик? Мы могли бы вызвать специалиста с берега, но это слишком долго. Речь идет об интересах страны, — добавил он, заметив, что капитан не торопится отвечать.

— Да, это я уже понял. Министр торговли получит мой подробный отчет об этом деле. У нас есть Енс — он работал сварщиком на верфи. Я пришлю его. — Он ушел, и даже топот его ног звучал раздраженно.

Енс оказался тем самым усатым гигантом, который помог перенести вниз ящики. Он появился, легко поигрывая на ходу тяжелыми газовыми баллонами и весело улыбаясь.

— Дайте-ка взглянуть на этот хитрый ящик. От Енса нет секретов — он видит все, но не говорит ничего. Ему доверяют большие секретные дела — армия, флот, морская пехота, даже Институт Нильса Бора в лице, так сказать, присутствующего здесь герра профессора Расмуссена.

Ученые остолбенело уставились на него. Матрос подмигнул и кинул наземь баллоны.

— Может быть, мы все же позвоним... — начал Арни, но его прервал гомерический хохот Енса.

— Не волнуйтесь! Я все знаю, но никому ничего не рассказываю. Енс побывал в армии, в Гренландии, потом на верфях в Южной Америке. По телевизору я видел, как герр профессор получал Нобелевскую премию. Спокойно, господа, я верный датчанин, хотя и родился в Ютландии, — так это ж не значит, что всякий паршивый зеландец может задирать передо мной нос. У меня на груди даже вытатуирован датский флаг — хотите взглянуть?

Не успели они открыть рот, как Енс распахнул рубашку и с гордостью продемонстрировал датский флаг — белый крест на красном фоне, спрятанный в густых зарослях золотистых волос.

— Все это очень хорошо, — начал Арни и пожал плечами. — Думаю, у нас нет выбора. Я надеюсь, вы не будете рассказывать о том, что увидите здесь...

— Даже если палачи вырвут у меня каждый ноготь на руках и ногах, я буду только смеяться и плевать им в лицо, не говоря ни слова.

— Да, конечно. Я не сомневаюсь в этом. Проходите сюда.

Ученые посторонились, и огромный матрос втащил свое снаряжение.

— Это все из-за контакта с корпусом, — сказал Арни, обращаясь к Ове. — Нам не удалось закрепить его как следует, и сигнал не проходит. Нужно приварить волновод к обшивке.

Выслушав объяснения, Енс кивнул, его агрегат щелкнул и зашипел. Он действительно хорошо знал свое дело, капитан не ошибся. Енс убрал волновод, почистил щеткой металлическую поверхность и протер ее растворителем. После этого снова закрепил медный контакт и провел прямой и точный сварочный шов сверху вниз, весело мурлыкая себе под нос.

— Странная у вас радиоаппаратура, — заметил он, бегло взглянув на приборы. — Хотя это не радио, конечно, насколько уж я разбираюсь — сам был радистом в Индонезии. Что-то связанное с физикой, очень сложное.

— Скажите, Енс, а вам никто не говорил, что вы слишком много болтаете? — поинтересовался Ове.

— Бывало и такое, но никто не повторял этого дважды. — Матрос показал покрытый шрамами кулак размером с футбольный мяч. Потом рассмеялся. — Болтаю я много, но выбалтываю мало — и то лишь друзьям. — Он поднял сварочное оборудование и направился к выходу. — Было очень приятно поговорить с вами, господа. Не забудьте позвать старого Енса, если вам понадобится помощь. — И он исчез.

— Интересная личность, — заметил Арни. — Как ты думаешь, он проболтается кому-нибудь?

— Надеюсь, что нет. И все-таки я расскажу о нем Скоу, на всякий случай.

— Ты подхватил у него микроб подозрительности.

— Возможно. Но если сегодня все пойдет по плану, у нас в руках окажется такой секрет, который действительно нужно будет беречь как зеницу ока.

— Так, теперь сигнал проходит отлично. — Арни выключил рубильник и потянулся. — У нас все готово. Что дальше?

— Сейчас шесть, — посмотрел на часы Ове. — Я изрядно проголодался. Нас вроде бы обещали покормить на судне.

— Капитан будет в восторге. Вареная рыба, вареная картошка и безалкогольное пиво, надо думать. Нам

придется ужинать по очереди. Почему бы тебе не поесть первым? Я не слишком голоден.

— После твоего детального описания меню у меня что-то тоже отшибло аппетит. Но раз уж идея моя, пойду добровольцем. До одиннадцати часов никто не приедет, так что у нас полно времени.

Арни возился с приборами, делал предварительные подсчеты — какова будет сила поля при максимальной энергии, так что время прошло быстро. Когда снаружи донесся голос Ове, он отпер дверь.

— Вовсе не так плохо, как мы боялись. Жареная свинина и красная капуста — плотный ужин в духе старых морских традиций. Если, конечно, в последнее время у тебя не появилось предубеждений против такого меню.

— Да нет. Современный иудаизм — скорее мировоззрение и культурные традиции, чем религия. Впрочем, на рынке в Тель-Авиве домашнюю птицу найти все же легче, чем свинину. Так что я пошел ужинать.

Около одиннадцати по-военному настойчиво зазвонил полевой телефон. Ове поднял трубку.

— Говорит Скоу. Наблюдатели собрались и хотят знать, когда начнется демонстрация установки.

— Передайте им — начнем прямо сейчас. Скажите, что я поднимаюсь. — Он повесил трубку и повернулся к Арни. — Ты готов?

— Готов, насколько это возможно. — Арни глубоко вздохнул. — Ты не отходи там от телефона и информируй меня обо всем.

— Обязательно. Все сработает как надо, будь уверен.

— Я очень надеюсь. Если у нас ничего не выйдет, мы оба окажемся в дурацком положении.

— Но лабораторные результаты...

— Это совсем не то что полевые испытания. Ладно, попробуем. Ты скажи, когда начинать.

Ове пошел, следуя за телефонным проводом наверх, и открыл наружную дверь. Порывистый ветер с силой швырнул ему в лицо пригоршню мелкого колючего снега. Ове поднял воротник и поплотнее закутался в пальто. С вершины сходней он разглядел у дальней стены причала несколько темных фигур. Скоу уже поджидал его внизу.

— Если вы готовы, давайте начинать. Адмиралу Сандер-Ланге за семьдесят, да и два генерала не намного моложе.

— Премьер-министр?..

— В последний момент передумал. Но здесь его представитель. И офицеры из ВВС, — короче, весь список.

— Ну что ж, мы готовы. Принесите телефон, пожалуйста. Я по-быстрому расскажу им, в чем дело, и начнем.

— Мне бы хотелось услышать некоторые разъяснения, — раздался старческий, но все еще властный голос адмирала, когда Ове подошел к группе военных.

— Я с удовольствием это сделаю, господин адмирал. Мы надеемся продемонстрировать в действии далет-эффект.

— Далет? — спросил адмирал.

— Это четвертая буква иврита. Этот символ профессор Клейн присвоил тому фактору в уравнении, который привел к открытию.

— Какому открытию? — послышался чей-то вопрос.

Ове улыбнулся. Черты лица его были почти неразличимы в тусклом свете фонаря, залепленного снегом.

— Именно это мы сегодня и увидим. Далет-эффект теоретически доказан и проверен на практике в лабораторных условиях. Сейчас мы впервые испробуем его в достаточно крупном масштабе, чтобы проверить, можно будет его использовать или нет. Поскольку проведение испытания было сильно осложнено и физическими проблемами, и вопросами безопасности, мы решили пригласить наблюдателей, несмотря на то что опыт может потерпеть неудачу.

— Неудачу? Что вы имеете в виду? — раздался чей-то раздраженный голос.

— Это будет ясно через несколько минут... — Зазвонил телефон и Ове остановился на полуслове. — Да?

— Можно приступить?

— Давай. Начнем с минимальной нагрузки.

— С минимальной. Включая.

— Теперь, господа, наблюдайте за кораблем, — сказал Ове, прикрыв микрофон ладонью.

Впрочем, наблюдать было не за чем. Порывы ветра волнами гнали вдоль набережной мелкую снежную пыль, вспыхивавшую в конусах света под фонарями.

Трап ледокола был поднят; на берегу рядом с провисшими причальным канатами стояли наготове матросы. Прилив отнес ледокол от края набережной, так что стала видна темная полоска воды. Волны плескались и шлепали между корпусом корабля и каменной стеной причала.

— Пока ничего, — сказал Ове.

— Увеличиваю мощность.

Наблюдатели переступали с ноги на ногу и ежились от холода. Послышался приглушенный ропот. Один из них повернулся к Ове, приготовившись высказать упрек, как вдруг воздух наполнился пронзительным тонким визгом. Он шел со всех сторон сразу, тревожный и не имеющий источника. Казалось, он рождался прямо в мозгу, заставляя вибрировать черепные кости. Болезненное ощущение быстро прошло, но вибрация осталась, хотя ее тон сделался более низким, как будто струна гигантской небесной виолончели рокотала на фоне Вселенной.

В ту же минуту со стороны ледокола послышался скрежет — корпус заскрипел сначала с одной стороны, потом с другой. С палубы донеслись взволнованные крики. Затем по всему телу корабля прошла мелкая дрожь, вокруг вскипели крошечные буруны и побежали, присасываясь к корпусу.

— Господи Иисусе, вы только посмотрите! — выдохнул кто-то изумленно.

Они смотрели. Это было невероятно.

Огромный ледокол, словно укрепленный на гигантском подводном поршне, медленно поднимался из воды. Сначала появилась ватерлиния, затем нижняя часть корпуса, окрашенная свинцовым суриком и заляпанная темными пятнами ракушек. Немного ниже свисали пучки увядших водорослей. На корме показалась нижняя часть руля и гребные винты, которые поднимались из воды, пока все лопасти не оказались в воздухе. Матросы, стоявшие на причале, поспешно травили швартовы.

— В чем дело? Что это значит? — воскликнул один из наблюдателей, но его голос потонул в шуме взволнованных криков.

Метель немного утихла; отдельные вихри еще взмещались и тут же уносились прочь; фонари на набережной теперь ярко освещали корабль, висящий над морем. Вода стекала с него сплошным потоком, заглушая плеск волн о каменную стенку причала.

Киль ледокола уже на добрый метр возвышался над водой.

— Арни, ты сделал это! — Ове сжимал телефонную трубку, глядя на тысячетонную глыбу ледокола, парящую в воздухе над проливом Идэрхаун. — Ты поднялся уже как минимум на метр! Снижай нагрузку...

— Я и снижаю. — Голос был напряженным. — Но начинают нарастать гармоники, стоячая волна...

Внезапно с корабля донесся протяжный металлический стон, заглушивший его слова. Ледокол вздрогнул всем корпусом и вдруг рухнул как подкошенный, кормой вниз, словно из-под него выдернули подпорки.

Звук был такой, как будто загрохотал во всю мощь гигантский водопад. Мгновение — и ревущая стена черной воды взметнулась у берега, встала на дыбы, как зверь перед прыжком, вырастая все выше и выше — и обрушилась на причал. Разбившись в белую кипящую пену, волна хлынула на наблюдателей, потащила их вперед и грохнула о каменную стену. Люди попадали с ног, она смешала их в кучу, потом раскидала, словно выброшенную на берег рыбу, и поползла назад широким темным полотном.

Послышались стоны и крики раненых, которым эхом вторили возгласы, доносившиеся с корабля.

— Сюда, скорее, Боже мой! Это же адмирал!

— Не трогайте его — у него сломана нога, если не хуже.

— Пустите меня!..

— Вызовите «скорую помощь», здесь раненый!

Грохоча тяжелыми сапогами, подбежали охранники; кто-то кричал в полицейский радиопередатчик. «Белый медведь» раскачивался на волнах, лязгая металлом, и, перекрывая весь этот шум, властно гремел голос капитана:

— Течь на корме — ставьте деревянные заглушки, идиоты! Дайте мне только добраться до того, кто все это устроил!

С пронзительным воем приближались полицейские машины, за ними звенели колокольчики сирен «скорой помощи». Огни фар неслись вдоль набережной, освещая сотни крошечных водопадов, стекавших по каменным стенам.

От удара Ове чуть не потерял сознание, вымок до костей и запутался в телефонном проводе. С трудом приподнявшись, он сел спиной к стене и смотрел, как

обезумевшие люди метались на фоне раскачивающегося ледокола. Он был потрясен внезапностью несчастья, видом раненых, может быть погибших людей. Это было жутко; этого не должно было случиться.

И в то же время его переполняло такое чувство торжества, что он едва удержался от крика. Сработало! Они победили! Далет-эффект действует — точно так, как предсказывал Арни Клейн.

В мире появилось нечто новое, не существовавшее до этой ночи, и отныне мир уже никогда не будет таким, как прежде. Он улыбнулся в темноту, не замечая крови, стекающей по подбородку, не замечая даже того, что у него выбито четыре передних зуба.

Метель продолжала кружить, то опуская густую снежную завесу, то дразняще приподнимая ее на мгновение. Человек на другой стороне пролива Идерхаун монотонно и непрерывно ругался. Это было единственное, что он мог сделать, не успевая ничего разглядеть за такой короткий миг.

Он лежал на крыше пакгауза, отделенный проливом шириной в полмили от набережной Лангелине. После наступления темноты этот район был пустынен, и он без труда избежал встречи с несколькими ночными сторожами и полицейскими, проходившими мимо. В руках он держал превосходный цейсовский бинокль с 200-миллиметровым фокусным расстоянием, приспособленный для ночного видения, но даже в такой бинокль ничего не увидишь, если смотреть не на что. Снегопад начался вскоре после того, как к набережной подъехали служебные автомобили, и больше не прекращался.

Именно появление автомобилей привлекло его внимание — такая оживленная деятельность в такое позднее время, — а также передвижение группы военных, которых он не выпускал из вида. Он никак не мог понять, что все это значит. Выходило так, будто они приехали к этому проклятому причалу в крошечную тьму и метель только лишь затем, чтобы постоять и поглазеть на грязный, занюханный ледокол. Он снова выругался и спянул в темноту — уродливый, еще больше обезображенный яростью, с плотно сжатым ртом, бычьей шеей и редкими седыми волосами, подстриженными так коротко, что круглая голова казалась выбритой.

Что там задумали эти толстые и глупые датчане? Что-то случилось, — может, авария при входе в док? Люди падали на землю, поднялись волны. Но он не слышал звука взрыва. А теперь там мельтешили машины «скорой помощи», со всех сторон мчались полицейские автомобили. Что бы там ни случилось, все это уже позади; сегодня ничего интересного больше не будет. Он ругнулся еще раз и встал, с трудом разгибая онемевшие колени.

Что-то действительно произошло, это точно. И он расшибется в лепешку, но выяснит, что именно. Ему за это платили, и такая работа была ему по душе.

Машины «скорой помощи» уехали, и надо было иметь очень уж зоркие глаза, чтобы разглядеть в темноте, что ледокол погрузился в воду глубже чем обычно.

Глава 5

— Не слишком удачный вид, — признал Боб Бакстер, — но в некотором роде он меня вдохновляет. Всякий раз, когда я смотрю в окно, я вспоминаю о своей работе.

Бакстер, тощий и долговязый, складывался при ходьбе в суставах наподобие плотницкой линейки. Его невыразительное лицо мгновенно выпадало из памяти; самой запоминающейся чертой его внешности были массивные очки в черной оправе. Без очков его было трудно узнать, — может, поэтому он их и носил. Он сидел, развалившись, во вращающемся кресле за письменным столом, и указывал в окно остро отточенным желтым карандашом с надписью: «Собственность правительства США».

Его единственный собеседник, пристроившийся на самом краешке стула, вымученно кивнул. Ему уже неоднократно приходилось выслушивать про вид из окна. Это был коренастый, уродливый человек с тесно сжатыми губами и очень круглой головой, кое-где покрытой седой щетиной. Он называл себя Хорст Шмидт — такое же удобное имя для регистрации в отеле, как Джон Смит.

— Умиротворяющая картина, — продолжал Бакстер, направляя острие карандаша на белые камни и зеленые деревья. — Пожалуй, нет ничего более мирного, чем вид погоста. А знаете, что это за дом с затейливой крышей на другой стороне кладбища?

— Посольство Союза Советских Социалистических Республик, — ответил мужчина. Он говорил по-английски хорошо, хотя и с акцентом, где-то глубоко в горле перекатывая раскатистые «эр».

— Очень символично. — Бакстер повернулся к столу и бросил на него карандаш. — Американское посольство прямо напротив русского, а между ними — кладбище. Это наводит на размышления. Итак, что вам удалось узнать об этой вчерашней суматохе в порту?

— Это оказалось совсем не просто, мистер Бакстер. Все словно воды в рот набрали.

Шмидт достал из внутреннего кармана пиджака сложенный лист бумаги и, вытянув его перед собой на длину руки, прищурился, пытаясь прочесть.

— Это список тех, кто получил серьезные повреждения и был госпитализирован примерно в одно и то же время. Среди них...

— Я сниму ксерокопию, так что можете опустить детали. Изложите мне в общих чертах.

— Пожалуйста. Адмирал, генерал-майор, полковник, еще какой-то офицер и высокий чин из правительства. Всего пять человек. У меня есть основания полагать, что еще несколько человек, в том числе офицеры ВВС, поступили с синяками и ушибами — их перевязали и отпустили.

— Отлично. Весьма оперативно.

— Это было нелегко. Добраться до записей в военном госпитале крайне трудно. Пришлось пойти на расходы...

— Представьте счет. Вам оплатят, не волнуйтесь. А теперь у меня вопрос на 64 доллара, если можно так выразиться: что было причиной всех этих повреждений?

— Как вы понимаете, это трудно определить. Здесь каким-то образом замешан корабль, ледокол «Белый медведь».

— Я не назвал бы это потрясающей новостью, поскольку мы знали об этом с самого начала.

Бакстер слегка нахмурился и подровнял горстку остро отточенных карандашей, аккуратно разложенных в ряд на зеленой промокательной бумаге. Больше на столе ничего не было, кроме фотографии круглолицей улыбающейся женщины, держащей за руки двух тоже круглолицых, но мрачных мальчуанов.

— Этого мало. Нам нужны дополнительные сведения.

— Есть кое-что еще, сэр. «Белого медведя» отбуксировали в Кристианхаун, где его ремонтируют на верфи ВМС. Судя по всему, у ледокола пострадал корпус, возможно, в результате столкновения. Мне удалось выяснить, что повреждения на корабле и ранения людей вызваны какой-то одной причиной. Даже это оказалось исключительно трудно узнать, потому что все происшедшее покрыто завесой строжайшей секретности. Однако этого достаточно, чтобы прийти к выводу — происходит нечто очень серьезное.

— Я тоже так думаю, Хорст. — Бакстер, задумчиво глядя вдаль, взял один из карандашей, поднес ко рту и принялся легонько покусывать. — Для датчан это крайне важное происшествие, раз в него замешаны все рода войск, правительственный департамент и даже этот чертов ледокол. Ледокол ассоциируется со льдом, лед наводит на мысли о России, а потому я очень хотел бы понять, что там стряслось, черт бы их всех побрал.

— Значит, вы не получили... — Улыбка Хорста, больше напоминая оскал, обнажила плохо подобранную коллекцию пожелтевших зубов, стальных зубов и даже неожиданную роскошь в виде одного золотого зуба. — Я хочу сказать, какая-то информация должна была поступить по линии НАТО, верно?

— Не лезьте не в свое дело. — Бакстер недоуменно взглянул на обмусоленный кончик карандаша и швырнул его в мусорную корзину. — Это вы должны снабжать меня информацией, а не наоборот. Хотя, — пожалуйста, мне не жалко. Судя по официальным источникам, ничего вообще не случилось, а потому никто ни о чем сообщать не собирается, чтоб им пусто было.

Он незаметно вытер под столом мокрые пальцы о брюки.

— Это не слишком красиво с их стороны, — бесстрастно заметил Хорст. — После всего, что ваша страна сделала для них.

— Ваши бы слова да Богу в уши. — Бакстер бросил взгляд на золотые часы с невероятным количеством стрелок и кнопок. — Жду следующего доклада ровно через неделю. В тот же день, в тот же час. Надеюсь, у вас будет больше информации.

Шмидт передал ему список с именами.

— Вы сказали, что хотите снять ксерокопию. Кроме того, мы еще не решили вопрос... — Он приподнял руку ладонью вверх, быстро улыбнулся и опустил ее.

— Деньги. Так бы сразу и сказали. Нечего тут стыдиться. Мы все работаем за деньги, потому шарик и крутится. Я сейчас вернусь.

Бакстер взял список и вышел в соседнюю комнату. Шмидт продолжал сидеть совершенно неподвижно, не проявляя никакого интереса ни к ящикам письменного стола, ни к стенному шкафу, забитому папками. Он широко зевнул, потом рыгнул, недовольно чмокнул губами, достал из пластиковой коробочки две белые таблетки и принялся их жевать. Бакстер вернулся и отдал ему список вместе с длинным конвертом без надписей. Шмидт сунул их в карман.

— Вы не хотите пересчитать деньги? — спросил Бакстер.

— Вы человек чести.

Шмидт встал — типичный представитель среднего класса из средней Европы, одетый в темно-синий пиджак с широкими лацканами и просторные брюки с отворотами, почти закрывающими тяжелые черные ботинки. Брови Бакстера поползли вверх над черной оправой очков, но он промолчал. Шмидт взял с вешалки в углу пальто и шарф, такие же грубые и темные, как широкополая шляпа, и без единого слова вышел в серый скучный зал. На закрывшейся за ним двери не было таблички с именем хозяина, только номер — 117. Вместо того чтобы повернуть к вестибюлю, Шмидт прошел по коридору и спустился по лестнице в библиотеку Информационной службы США. Даже не взглянув на заглавия, он взял с ближайшей полки пару книг и, пока их заносили в карточку, натянул пальто.

Вынырнув через несколько минут на Эстерброгаде, он пошел следом за мужчиной, который тоже нес книги. Мужчина повернул направо, Шмидт — налево. Он не спеша, словно прогуливаясь, прошел мимо погоста и вышел к станции метро «Эстерпорт».

Оказавшись на станции, Шмидт посетил по очереди почти все киоски и заведения. Он развернул купленную у входа газету и взглянул поверх нее на людей, входивших следом за ним; потом пересек зал и зашел в туалет. Положил книги вместе с газетой в камеру хранения и сунул в карман ключ. Спустился по лестнице к поездам и, хотя пересекать пути было запрещено, сумел через

несколько минут подняться по другой лестнице. Такая активная деятельность измотала его, и он заскочил в закусочную, чтобы выпить на ходу кружку «Карлсберга». Все эти перемещения, очевидно, привели к желаемому результату, потому что Шмидт, вытерев ладонью пену с губ, покинул станцию через задний ход и быстро пошел по Эстбанегаде вдоль рельсов метро, которые выползали там из туннеля на свет божий. На первом же углу он свернул налево и пошел вдоль другой стороны кладбища. Улица была пустынной.

Убедившись, что его никто не видит, он быстро повернулся и вошел через открытые кованые ворота во двор советского посольства.

Глава 6

БАЛТИКА

— Ja, ja, — сказал капитан Нильс Хансен, прижимая к уху телефонную трубку. — Jeg skål nok tale med hende. Tak for det *.

Он сидел, постукивая пальцами по аппарату, и ждал. Мужчина, который отрекомендовался как «просто Скоу», стоял у окна и глядел на серый зимний день. Издалека доносилось потустороннее завывание реактивных двигателей — это один из огромных авиалайнеров поднимался со взлетной полосы.

— Привет, Марта. — Нильс перешел на английский. — Как дела? Ну и хорошо. Нет, я в Каструпе, только недавно прилетел. Хороший попутный ветер из Афин — поэтому сели пораньше. В том-то все и дело, мне нужно снова вылетать... — Капитан расстроено кивал головой, соглашаясь с упреками жены, звеневшими в трубке. — Послушай, милая, ты совершенно права, и я с тобой полностью согласен, но у меня просто нет выхода. Власть предрежающие решили по-своему. Сам я не поведу самолет — слишком много часов в воздухе, они доставят меня туда пассажиром. Один из пилотов — швед, кто же еще? — попал в калькуттскую больницу с острым приступом аппендицита. Я

* Да, да. Я буду с ней говорить. Спасибо (gam.).

должен был лететь следующим рейсом, поэтому они и привязались ко мне. Отосплюсь во время полета, ночью выплусь в отеле «Оберой Гранд» и завтра приведу его самолет обратно. Совершенно верно... Думаю, через сорок восемь часов. Мне ужасно жаль, что я пропущу этот ужин. Передай Овергорам — я просто рыдаю от отчаяния, что вместо прекрасной скандинавской оленины мне придется травиться жгучим кэрри, а потом неделю страдать расстройством желудка. Ну конечно, skat *, я тоже по тебе соскучился. За это я выбью из них премию и куплю тебе что-нибудь хорошее. Да... обязательно... до свиданья.

Нильс повесил трубку и с нескрываемой неприязнью посмотрел Скоу в спину.

— Я не люблю лгать жене.

— Мне очень жаль, капитан Хансен, но это было необходимо. Речь идет о национальной безопасности, поймите. Принимай все предосторожности сегодня, ибо завтрашний день сам будет заботиться о своем. — Он взглянул на часы. — Самолет на Калькутту вылетает как раз сейчас, и ваше имя есть в списке пассажиров. Вас зарегистрируют в калькуттском отеле — правда, вы не сможете принимать телефонные звонки. Все продумано до мельчайших деталей. Этот обман необходим, но совершенно безвреден.

— Необходим для чего? Вы являетесь неизвестно откуда, заводите меня в этот кабинет, показываете бумаги с важными подписями, требующие оказать содействие, суете под нос письмо от моего начальства, командующего резервными войсками ВВС, добиваетесь моего согласия на сотрудничество, вынуждаете, наконец, лгать жене — и при этом не говорите ничего конкретного. В чем дело, вы можете сказать, черт побери?

Скоу серьезно кивнул, оглядел комнату, будто ее стены были утыканы бесчисленными подслушивающими устройствами, и разве что не приложил палец к губам — он прямо-таки излучал подозрительность.

— Я сказал бы вам, если б мог. Но я не могу. Скоро вы сами все узнаете. А теперь — вы готовы? Я возьму вашу сумку.

* Золотко (gam.).

Не успел он протянуть руку, как Нильс схватил сумку и надвинул на голову форменную фуражку. В одних носках его рост был шесть футов и четыре дюйма; в форме, фуражке, в туго перетянтом ремнем плаще он заполнял собой всю небольшую комнату. Скоу открыл дверь, и Нильс последовал за ним, чеканя шаг. Они вышли через боковой выход, у которого их уже поджидало такси. Мотор был включен и слегка подрагивал на холостом ходу. Они сели в машину, и водитель рванул с места, не дожидаясь указаний. Отъехав от здания аэропорта, «мерседес» повернул направо, удаляясь от Каструпа.

— Очень интересно, — заметил Нильс, глядя в окно автомобиля. Недовольные складки на его лице разгладились, он вообще не умел долго сердиться. — Вместо того чтобы ехать в Копенгаген и дальше — на край света, мы почему-то направляемся на юг, на этот маленький плоский островок, где растет одна картошка. Что же такого интересного мы можем найти в той стороне?

Скоу протянул руку к переднему сиденью и взял оттуда черное пальто и темный берет.

— Если вас не затруднит, снимите, пожалуйста, форменный плащ и фуражку и наденьте вот это. Надеюсь, брюки никто не опознает как часть формы пилота САС.

— Рыцарь плаща и кинжала, ей-богу, — фыркнул Нильс, с трудом стаскивая с себя плащ на тесном заднем сиденье. — Я так понимаю, наш доблестный водитель тоже в курсе?

— Разумеется.

Вместительное переднее сиденье выдало им на сей раз маленький чемоданчик, куда едва поместились плащ и фуражка. Нильс поднял воротник своего нового пальто, надвинул берет на глаза и спрятал массивный подбородок на груди.

— Ну, теперь я выгляжу достаточно таинственно? — Он не удержался от усмешки.

Скоу, однако, не разделял его веселья.

— Прошу вас, ведите себя так, чтобы не привлекать к нам внимания. Это крайне серьезное дело — вот и все, что я могу вам сейчас сказать.

— Ничуть не сомневаюсь.

Они молча катили по шоссе, пересекавшему скучные серые поля, недавно вспаханные и готовые к весеннему севу, и вскоре подъехали к рыбацкой деревушке Дра-

гёр. Нильс подозрительно смотрел на старые дома из красного кирпича, но в деревне они не остановились, а поехали к гавани.

— Теперь куда, в Швецию? — спросил Нильс. — На пароме?

Скоу не потрудился ответить. Машина проехала мимо эллинга и остановилась у пристани. На приколе стояло несколько посуды для развлекательных прогулок, и среди них довольно большой катер.

— Следуйте за мной, пожалуйста, — сказал Скоу и, опередив Нильса, подхватил его сумку.

С сумкой в одной руке и чемоданчиком в другой он направился к катеру. Нильс покорно следовал за ним, недоумевая, куда это, к черту, он вяпался. Скоу забрался на катер, поставил свою ношу в каюту и махнул Нильсу рукой. Моряк у руля, казалось, не обращал на них внимания, однако в ту же минуту заработал двигатель.

— Здесь я с вами прощаюсь, — произнес Скоу. — Думаю, пока вы будете плыть, вам лучше находиться в каюте.

— Куда плыть?

Скоу ничего не ответил и принялся отвязывать канат. Нильс пожал плечами, наклонил голову, проходя через низкую дверь в каюту, и плюхнулся на скамью. Скудный свет едва пробивался через маленькие иллюминаторы, так что он не сразу обнаружил, что в помещении есть кто-то еще.

— Добрый день, — обратился он к закутанной фигуре в конце противоположной скамьи и услышал в ответ неразборчивое бормотание. Когда глаза привыкли к темноте, Нильс увидел, что у ног незнакомца стоит чемодан и одет он в черное пальто и темный берет.

— Подумать только! — засмеялся Нильс. — Похоже, они поймали и вас. У нас одна униформа.

— Не понимаю, о чем вы говорите, — пробурчал мужчина, снимая берет и засовывая его в карман. Нильс подвинулся на скамейке и уселся напротив.

— Понимаете, отлично понимаете. Этот Скоу с его секретами. Правда, когда речь заходит о маскировке, — никакой фантазии. Спорим, вас призвали для участия в какой-то секретной работе и спешно доставили сюда.

— Откуда вы знаете?

— Инстинкт. — Нильс стащил с головы берет и ткнул в него пальцем, затем внимательнее всмотрелся в лицо собеседника. — А мы раньше с вами не встречались? На какой-нибудь вечеринке или... Вспомнил — ваша фотография была в журнале. Вы тот самый подводник, который помогал вытаскивать «Боинг-707». Карлссон, Хенриксен или что-то вроде...

— Хеннинг Вильхельмсен.

— А я — Нильс Хансен.

Они машинально пожали друг другу руки, и атмосфера заметно разрядилась. В крошечной каюте было тепло, и Нильс расстегнул пальто. Мотор равномерно гудел, унося катер все дальше от берега. Вильхельмсен взглянул на форму Нильса.

— А ведь это действительно интересно, — заметил он. — Морской офицер и летчик САС вываливают в Эресунн на этой посудине. Что бы это могло означать?

— Может быть, у Дании есть авианосец, о котором мы не знаем?

— Если даже так, при чем тут я? Разве что это подводный авианосец, но об этом я точно хоть что-нибудь знал бы. Хотите выпить?

— Бар еще закрыт.

— Уже открылся. — Вильхельмсен вытащил из бокового кармана фляжку в кожаном футляре. — Лозунг подводников — «Будь готов!»

Нильс непроизвольно сглотнул, глядя, как темная жидкость льется в металлическую чашку.

— Мне нельзя, если придется лететь в ближайшие двенадцать часов.

— Очень сомнительно — разве только у этой лоханки вырастут крылья. К тому же это подводный ром, безалкогольный.

— Принимаю ваше предложение.

Ром был хорош на вкус и приподнял настроение. Походив немного вокруг да около, они обменялись информацией и выяснили, что отсутствие сведений возросло ровно вдвое. Ясно было одно — их куда-то везли, а зачем — непонятно. Поглядев украдкой на заходящее солнце, они пришли к выводу, что единственная часть датской территории в этом направлении — остров Борнхольм, но добраться туда на таком легком судне невозможно. Через полчаса они получили ответ на свой вопрос — двигатель катера стих, и иллюминаторы с правого борта внезапно потемнели.

— Корабль, ну конечно, — сказал Хеннинг Вильгельмсен и высунул голову в дверной проем. — «Витус Беринг».

— Никогда не слышал.

— Я знаю этот корабль. Это судно Океанографического института. В прошлом году мне пришлось побывать на нем, когда спускали на воду «Каракатицу», маленькую экспериментальную подлодку. Я проводил испытания.

По палубе простучали шаги, и в каюту просунулась голова матроса, спросившего, где их багаж. Они отдали чемоданы и последовали за ним по раскачивавшемуся трапу. Вахтенный офицер проводил их в кают-компанию, где сидело больше десятка военных всех родов войск и четверо гражданских. Нильс узнал двоих — политического деятеля, которого он как-то видел среди пассажиров, и профессора Расмуссена, лауреата Нобелевской премии.

— Садитесь, господа, — пригласил Ове Расмуссен. — Я объясню вам, зачем вас сюда привезли.

На следующее утро они уже плыли в нейтральных водах Балтийского моря, в сотне миль от берега. Арни провел беспокойную ночь; он оказался плохим моряком, и качка не давала ему уснуть. Он поднялся на палубу последним и присоединился к компании, наблюдавшей за тем, как «Каракатицу» доставали из трюма.

— Она словно игрушечная, — сказал Нильс Хансен.

Хотя на голове летчика вновь красовалась фуражка с эмблемой САС, он был одет, как и все остальные, в высокие резиновые сапоги, плотный свитер и толстые шерстяные брюки, защищавшие от резкого северного ветра. Стоял пасмурный зимний день, облака нависали прямо над головой, а горизонт приблизился вплотную.

— Это вовсе не игрушка — она на самом деле больше, чем кажется, — заступился за свою любимицу Вильгельмсен. — С экипажем в три человека она может взять на борт еще двоих. Отлично погружается, хорошо поддается управлению, выдерживает давление...

— Зато пропеллеров нет, — мрачно перебил его Нильс, подмигнув остальным. — Отломились, должно быть...

— Это подводная лодка, а не летательный аппарат! У нее водные импеллеры, реактивные двигатели — не

хуже, чем на твоих больших глупых машинах. За это ее и прозвали «Каракатицей»: она передвигается, выталкивая водную струю, как все головоногие.

Арни поймал взгляд Расмуссена и отвел Ове в сторону.

— Прекрасный день для испытаний, — заметил Ове, ощупывая языком свои новые передние зубы; он все еще не привык к ним. — Видимость невелика, и на экране радара вообще ничего нет. Недавно над нами пролетел самолет ВВС и передал, что ближайшее судно в ста сорока километрах. Всего лишь польский каботажный сухогруз.

— Я хочу принимать участие в испытаниях, Ове.

— Не думай, что я забыл об этом, — Ове мягко коснулся его плеча. — Я не хочу занимать твоего места. Но министр считает, что сейчас нельзя рисковать твоей жизнью, и он совершенно прав. Хотя я все равно поменялся бы с тобой местами, — если бы мог. Но они не позволят. Адмирал знает о приказе и примет меры, чтобы он был выполнен. Однако ты не волнуйся — я позабочусь о твоём детище. Нам удалось устранить гармоники, а больше ничего не может случиться. Вот увидишь.

Арни покорно пожал плечами, сознавая, что спорить бессмысленно.

После недолгой суматохи, звучных команд и криков одобрения маленькая подлодка была спущена на море. Хеннинг Вильгельмсен уже покачивался вниз на веревочном трапе. Едва лодка коснулась воды, он прыгнул на борт и сразу исчез в башенном люке. Через несколько минут послышался гул заработавших двигателей, и Хеннинг, высунувшись из люка, махнул им рукой.

— Давайте! — крикнул он.

— Все будет в порядке, — сказал Ове, пожимая руку Арни. — После того как мы смонтировали далет-установку, мы проверяли ее десятки раз и в разных условиях.

— Я знаю, Ове. Удачи вам.

Ове с Нильсом спустились по трапу, забрались в лодку и задраили люк.

— Отцепляйте! — прогудел из динамика, установленного на палубе, голос Хеннинга.

Корабль поддерживал связь с подлодкой с помощью коротковолнового передатчика. Канаты убрали, лодка

повернулась и начала удаляться от «Витуса Беринга». Арни взял микрофон.

— Отведите ее метров на триста.

— Слушаюсь!

Двигатели корабля были остановлены, и он тихо покачивался на волнах. Арни крепко держался за поручень, провожая лодку взглядом. Лицо его было спокойное, но он чувствовал, как сильно колотится сердце. Теория — это одно, а практика — совсем другое, как сказал бы Скоу. Арни чуть заметно улыбнулся. Это испытание будет решающим.

На шее у него висел полевой бинокль. Арни нащупал его и поднес к глазам. Подводная лодка развернулась и начала описывать широкие круги вокруг корабля. В бинокль он отчетливо видел, как волны плескались у ее корпуса, слегка выдающегося над водой.

Затем — нет, это ему показалось, — волны стали разбиваться уже о борт, и из воды появилась большая часть корпуса. Лодка поднималась все выше и выше, вырастая из моря неестественно высоко и наконец, как огромный надутый шарик, легла на поверхность воды.

И начала подниматься над ней. Легко и свободно — пять, десять, тридцать метров... Арни опустил бинокль, повисший на ремешке, и замер, вцепившись руками в поручни.

С легким изяществом, отличающим все летательные аппараты, которые легче воздуха, двадцатитонная подводная лодка, оснащенная толстым корпусом, зависла на высоте добрых сорока метров. Затем, словно стоя на невидимой опоре, повернулась носом к кораблю и медленно поплыла по воздуху, скользя над задранными вверх лицами и осыпая их каплями дождя, стекавшими с корпуса. Все застыли в безмолвии, пораженные почти невероятным зрелищем, лишь постукивание двигателей ясно слышалось в тишине. Не отводя глаз, Арни нащупал микрофон и включил его.

— Можете возвращаться. Думаю, наш эксперимент удался.

Глава 7

Стоя спиной к доске и глядя на лица, обращенные к нему в напряженном внимании, Арни чувствовал себя как дома. Словно он опять был в университетской аудитории, а не в кают-компании «Витуса Беринга». Он чуть было не написал на доске привычное «Арни Клейн», но вовремя спохватился и четкими движениями вывел наверху: «Далет-эффект», изобразив рядом древнееврейскую букву **ד**.

— Если позволите, я дам вам краткую историческую справку, чтобы объяснить то, чему вы сегодня были свидетелями. Как вы помните, несколько лет назад Израиль провел серию исследований атмосферы с помощью ракетных зондов. Эти испытания имели несколько задач, и одна из них, далеко не последняя, заключалась в том, чтобы показать окружающим арабским странам, что мы... то есть Израиль... имеем собственные ракеты и больше не зависим от капризов иностранных поставщиков. Из-за ограничений, навязанных соседними странами, и ввиду маленьких размеров Израиля выбор траекторий был крайне небольшим. Прямо вверх, затем так же прямо вниз — вот все, что мы могли себе позволить. Но для этого понадобились исключительно точные контрольные механизмы. Как выяснилось, ракета, которая вертикально поднимается прямо над местом запуска, оказалась неоценимым инструментом для исследований в самых разных областях

науки. По дыму, тянувшемуся за хвостом, метеорологи определяли направление и скорость ветра на разных высотах, а внутренние контрольно-измерительные приборы потом координировали эти данные с атмосферным давлением и температурой. Вне атмосферы проводилось еще больше экспериментов, однако тот, о котором пойдет речь, лишь по чистой случайности позволил обнаружить явление, названное нами гравиметрической аномалией.

Он приготовился написать термин на доске, но тут же одернул себя.

— В то время меня интересовали квазары и возможные источники их невероятной энергии. Как вы знаете, энергию, излучаемую квазарами, невозможно объяснить даже полной аннигиляцией вещества. Однако эта проблема отступила на второй план, потому что, совершенно случайно, один из ракетных зондов оказался за пределами атмосферы именно в тот момент, когда на Солнце началась вспышка. Он пробыл там почти пятьдесят минут. Мы и раньше запускали зонды, как только удавалось зарегистрировать вспышку, но опоздание к началу выброса составляло как минимум час. Поэтому впервые у меня в руках была исчерпывающая информация о солнечной вспышке. Магнитометр, частицы космического излучения и данные, которые показались в тот момент вообще не имеющими отношения к делу, — технические показания приборов. Я обратил на них внимание только потому, что несколько лет занимался определенными аспектами квантовой теории Эйнштейна, связанными с гравитацией. Мои исследования зашли в тупик, но я не переставал думать о них. И вот, когда некоторые показания были признаны неверными, что объясняли искажением телеметрической информации, вызванным мощными магнитными полями, я решил проверить их более детально. Оказалось, что данные абсолютно верны, но это означало, что какая-то неизвестная сила существенно уменьшила вес зонда, оставив неизменной его массу. Короче говоря, гравитационная масса в какой-то промежуток времени отличалась от инерционной массы. Я обозначил это расхождение символом «далет» и попытался выяснить, в чем его причина. Сначала я подумал о «массе Шварцшильда» или, скорее, о приложении ее к четырехмерному континууму вселенной Минковского...

Арни заметил наконец озадаченное выражение на лицах присутствующих, увидел остекленелые глаза генерала, почти вылезшие на лоб, и остановился, кашлянув в ладонь, чтобы скрыть замешательство. В конце концов, это не студенты-физики. Повернувшись к доске, он подчеркнул букву «далет».

— Чтобы не вдаваться в детали слишком глубоко, я попробую изложить это более доступно. Правда, вы должны понимать, изложение будет весьма условным. Итак, передо мной было явление, которое я не мог объяснить, хотя его существование не вызывало сомнений. Что-то вроде того, как если бы курица высидела десяток яиц, а из одного вдруг вылупился орел. Вот он перед нами, но как и почему он оказался тут — неизвестно.

По кают-компании пронесся смешок облегчения, на лицах появились улыбки — аудитория наконец хоть что-то поняла из услышанного. Ободренный, Арни продолжал в том же духе.

— Я стал исследовать эту аномалию: сначала создал математические модели для определения ее природы, потом провел простые эксперименты. В физике, как, впрочем, и везде, самое главное — иметь представление о том, что ты хочешь найти. Например, отыскать в городе преступника легче, если у вас есть его имя или описание внешности. Когда в солнечном спектре установили присутствие гелия, его обнаружили и на Земле. Он был здесь всегда, но его не замечали, потому что не знали, что нужно искать. То же относится и к далет-эффекту. Я знал, что искать, и нашел ответы на свои вопросы. И я подумал, что можно будет найти способ контролировать эту... — Арни запнулся, подыскивая слово. — Это не совсем верно, и я не должен бы так говорить, но пока условно назовем это «энергией». Только имейте в виду, что на самом деле это вовсе не энергия. Я провел эксперимент, чтобы попытаться установить контроль над этой энергией, и получил довольно впечатляющие результаты. Оказалось, что контроль возможен. Далет-энергия поддается модулированию; правда, для этого требуется немного больше, чем предлагает современная технология. Результаты вы видели сегодня утром, когда «Каракатица» поднялась в воздух. Это была очень ограниченная демонстрация. Я не вижу причин, которые могли бы помешать лодке передвигать-

ся за пределами атмосферы с любой заданной скоростью.

Арни кивнул в сторону уверенно поднятой руки. По крайней мере кто-то слушал достаточно внимательно, чтобы задать вопрос. Это оказался офицер ВВС, слишком молодой для своего высокого чина.

— Прощу извинить меня, профессор Клейн, но выходит так, что вы получаете нечто из ничего. Меня учили, что такое невозможно. Вы отрицаете ньютоновские законы движения. Двигатели лодки не обладают достаточной силой, как их ни заставляй, чтобы поднять ее вверх и удерживать в подвешенном состоянии. Вы упомянули относительность, которая основывается на законе сохранения количества движения, массы-энергии и электрического заряда. Зрелище, свидетелями которого мы были, ставит под сомнение по крайней мере два из этих трех постулатов.

— Совершенно верно, — согласился Арни. — Однако мы не игнорируем эти ограничения; мы просто используем другую систему координат, в которой они не применяются. В качестве аналогии представьте себе, что вы поворачиваете вентиль. С помощью небольшого усилия открывается клапан, сжатый газ выходит из баллона, наполняет воздушный шар, и тот взмывает вверх. Еще лучше, если вы представите себе, что летите высоко над землей, держась за веревку, свисающую с этого шара. Совсем небольшое давление, не более унции, острым лезвием на веревку перережет ее, и вы упадете на землю с самыми трагическими последствиями.

— Однако, разрезав веревку, я только освобожу кинетическую энергию, затраченную для того, чтобы поднять меня наверх, — возразил офицер. — Это земное притяжение заставит меня упасть.

— Совершенно точно. Но как раз освобожденная сила земного притяжения позволила «Каракатице» летать.

— Но это невозможно!

— Возможно или невозможно, однако это произошло, — послышался голос еще более высокого чина ВВС. — Больше верьте своим глазам, Пребен, или я переведу вас в наземную службу.

Офицер сел, нахмурившись при звуках дружного смеха, который сразу стих, когда заговорил адмирал Сандер-Ланге.

— Я верю всему, что вы говорите о теории вашего изобретения, профессор Клейн, и благодарю за попыт-

ку объяснить ее нам. Надеюсь, вы не обидитесь, если я скажу, что для нас, по крайней мере для меня, это не так уж существенно. Вот уже много лет назад я бросил попытки понять, как работают все эти хитрые ящики, которые установлены на моих кораблях, и поставил перед собой другую задачу: я должен знать, что они умеют делать и как их можно использовать. Не могли бы вы объяснить возможности и перспективы применения вашего далет-эффекта?

— Да, конечно. Но я надеюсь, вы понимаете, что остается еще множество разных «если». Если это явление можно будет использовать так, как мы надеемся, — а это покажет следующий опыт с «Каракатицей», — и если результата удастся достичь при разумных затратах энергии, тогда в нашем распоряжении окажется настоящий космический двигатель.

— Что вы хотите этим сказать? — спросил Сандер-Ланге.

— Давайте сначала рассмотрим современные космические двигатели, то есть реактивные ракеты, — вроде тех, что несут сейчас советскую капсулу к Луне. Ракеты движутся потому, что работает закон действия и противодействия. Бросьте что-нибудь в одну сторону — и ваше тело слегка откинется в другую. Для того чтобы доставить к месту назначения всего один фунт груза, нужно затратить тысячи фунтов топлива — реактивной массы. Этот процесс очень дорог, сложен и ограничен в сфере применения. Космический корабль, не зависящий от соотношения массы к грузу, будет таким же функционально практичным, как автомобиль или морское судно. Планеты могут стать такими же доступными, как любая часть земного шара. Поскольку реактивную массу не нужно будет принимать во внимание, кораблем можно будет управлять в течение всего полета, непрерывно наращивая ускорение до середины пути, а затем постоянно снижая его. Это позволит сократить продолжительность полета к Луне или планетам во много раз.

— Во много раз — это во сколько? — слышался чей-то вопрос. — Вы могли бы назвать конкретные цифры?

Арни помедлил, задумавшись, но его опередил Ове Расмуссен.

— Думаю, что смогу вам помочь. Я как раз занимался этим, пока вы беседовали. — Он взял логарифмиче-

скую линейку и сделал несколько быстрых подсчетов. — При постоянном ускорении или торможении в одно g — единицу гравитации — пассажиры корабля не будут испытывать ни состояния невесомости, ни давления излишней силы тяжести. Такое ускорение составит девятьсот восемьдесят — округлим для ясности, — значит, тысячу сантиметров в секунду за секунду. Луна находится, в среднем, на расстоянии порядка четырехсот тысяч километров. Таким образом, результат...

Пока Ове делал подсчеты, в кают-компании царила полная тишина. Он взглянул на цифры, нахмурился и пересчитал все заново. Результат, очевидно, не изменился, потому что он поднял голову и улыбнулся.

— Если на основе далет-эффекта удастся создать космический корабль, значит все-таки есть нечто новое под солнцем, господа! Мы можем долететь до Луны меньше чем за четыре часа. — Пока он продолжал вычисления, присутствующие хранили недоверчивое молчание. — Путешествие на Марс займет немного больше времени. Как-никак, даже когда Красная планета находится ближе всего к Земле, до нее остается восемьдесят миллионов километров. И тем не менее этот вояж можно будет совершить примерно за тридцать девять часов. Сутки и еще три четверти суток. В общем, не так уж и долго.

Слушатели были ошеломлены. Но когда они начали понемногу понимать и оценивать открывающиеся перспективы, в кают-компании поднялся робкий шумок, который быстро перерос в такой гвалт, что Арни пришлось постучать мелом по доске, чтобы привлечь к себе внимание. Теперь его слушали, стараясь не пропустить ни слова.

— Как вы понимаете, использование далет-двигателя открывает перед нами практически безграничные перспективы. Нам придется полностью пересмотреть отношение к размерам Солнечной системы. Но прежде чем отправиться на уик-энд для освоения Луны, мы должны быть уверены, что обладаем адекватным источником энергии. Будет ли двигатель работать вдали от Земли? Насколько точным будет управление, то есть сможем ли мы корректировать курс с точностью до минуты для достижения астрономических объектов? Хватит ли нам энергии для таких полетов? Наконец,

будет ли двигатель стопроцентно надежным? Следующий полет «Каракатицы» даст ответ на многие из этих вопросов. На сей раз судно попытается достигнуть верхних слоев атмосферы. Поскольку я наиболее квалифицированно разбираюсь в устройстве двигателя, я сам буду руководить испытаниями.

Арни оглянулся по сторонам, сжав челюсти, словно ожидая возражений. Ответом была полная тишина. Это был его день.

— Благодарю вас. Предлагаю начать испытания немедленно.

Глава 8

— Я начинаю понимать, зачем на подводной лодке нужен летчик, — сказал Нильс, задраивая нижний люк рулевой башни.

— Только не забудь записать, ладно? — Хеннинг показывал на открытый вахтенный журнал, лежавший на маленьком штурманском столике, прикрепленном к переборке.

— Я именно этим и занимаюсь, — ответил Нильс, глядя на часы и делая запись. — Если эта штука срабатывает, ты будешь единственным подводником, который когда-либо получал летное жалованье.

— Будьте добры, капитан Вильгельмсен, отведите лодку подальше, — произнес Арни, не отрываясь от приборов. — По крайней мере на такое же расстояние, как и в первый раз.

— Ja vel *.

Хеннинг передвинул рычаг импеллера на одно деление, и под ногами усилился рокот насосов. Он сидел в кресле командира в носовой части рулевой рубки. В этом месте корпус образовывал выступ с тремя круглыми, исключительно толстыми иллюминаторами. Штурвал, очень похожий на самолетный, служил для управления курсом подлодки. Поворот штурвала влево или вправо изменял соотношение скоростей двух водных

* Ладно (gam.).

струй, которые, вырываясь из дюз, продвигали лодку вперед. Хвостовые лопасти на корме регулировали поток, то увеличивая, то уменьшая его.

— Мы в двухстах метрах от корабля, — сообщил Хеннинг и уменьшил скорость.

— Скажите, капитан, ваши струйные насосы, они механические? — спросил Арни.

— Да, с электроприводом.

— Вы можете полностью отключить их, поддерживая постоянную подачу энергии? У нас есть регуляторы напряжения, но хорошо, если бы питание было как можно более постоянным.

Хеннинг щелкнул тумблерами.

— Подача тока на мотор отключена. Но есть еще отток на приборы и систему вентиляции. Я могу на какое-то время вырубить их тоже, если хотите.

— Нет, этого достаточно. Сейчас я включу установку на минимальную мощность и мы поднимемся примерно на сто метров.

Нильс сделал пометку в журнале и взглянул на волны, разбивающиеся о толстые стекла иллюминаторов.

— На твоей лоханке случайно нет альтиметра, Хеннинг?

— Случайно нет.

— Очень жаль. Придется установить. И радар вместо этого эхолота. Мне так кажется, что ты отрываешься от своей стихии...

Хеннинг страдальчески мотнул головой и поглядел в иллюминатор. По лодке пробежала легкая дрожь, не столько слышная, сколько ощущаемая. Поверхность воды с постоянной скоростью уходила вниз.

— Летим, — вздохнул он и беспомощно посмотрел на свои бесполезные приборы.

— Сто метров, — произнес Нильс, оценивая высоту по размерам корабля внизу.

Арни что-то подрегулировал и повернулся к ним.

— Похоже, в запасе достаточно энергии даже сейчас, когда далет-установка удерживает лодку на этой высоте. Оборудование функционирует нормально, опасности перегрузки нет. Вы готовы, господа?

— Никогда в жизни не был более готов.

— Нажимайте кнопку или что там у вас, профессор. Мне что-то не по нутру болтаться тут в подвешенном состоянии.

Вибрация усилилась, и они почувствовали, как их прижало к креслам. Нильс и Хеннинг сидели, уставившись в иллюминаторы и онемев от изумления, когда подводная лодка рванулась в небо. Был слышен тонкий свист рассекаемого воздуха, не более громкий, чем шипение кондиционера. Дизель деловито стучал. Их странный корабль мчался вверх без всяких усилий, беззвучно, как на киноплёнке, снятой из поднимающейся в космос ракеты. Море внизу разгладилось, «Витус Беринг» уменьшился до размеров модели, затем превратился в игрушку для ванны и наконец исчез, накрытый низкими облаками.

— Это куда хуже слепого полета, — проворчал Нильс, сжимая и разжимая громадные ладони. — Сидишь с голым задом, никаких тебе приборов кроме компаса. Так просто нечестно.

Арни был спокойнее всех, слишком занятый своими аппаратами, чтобы хоть на миг взглянуть в иллюминатор.

— Следующий полет будет со всеми приборами. Это ведь только испытание. Вверх-вниз, как на лифте. Между прочим, судя по показаниям приборов, мы все еще поднимаемся по вертикальной прямой и идем с постоянной скоростью.

Густая завеса облаков была уже у них под килем. Внезапно в ритмичном постукивании дизеля послышались сбои.

— Ток падает! — воскликнул Арни. — В чем дело?

— Что-то с горючим, что ли, не понимаю! — крикнул Хеннинг из машинного отделения. — Теряем мощность...

— Это атмосферное давление, — сказал Нильс. — Мы достигли потолка. В воздухе почти не осталось кислорода.

Дизель чихнул и почти замолк. Лодка вздрогнула и начала падать.

— Вы можете сделать хоть что-нибудь? — воскликнул Арни, лихорадочно щелкая переключателями. — Ток прерывистый... далет-эффект больше не действует. Попробуйте стабилизировать ток!

— Аккумуляторы! — Хеннинг аж подпрыгнул в кресле и тут же взмыл в воздух — настолько стремительно они уже падали.

Он попытался схватиться за спинку кресла, промахнулся, взлетел кверху, больно ударился головой об основание перископа и рикошетом свалился вниз. На

сей раз ему удалось схватиться за кресло, он уселся и пристегнулся ремнями. Затем протянул руку к переключателям.

— Ток есть!

Падение продолжалось. Арни взглянул на своих спутников.

— Приготовьтесь. Мне пришлось полностью отключить установку. Сейчас я включу ее, но реакция может быть не слишком приятной, потому что...

Послышался скрежет металла, приборы с треском повалились на пол. Внезапное торможение вдавило их в кресла. Судорожно открытыми ртами они хватали воздух, хрипя от напряжения. Кровь отлила от мозга, перед глазами расплывались черные пятна...

Когда это кончилось, они изнеможенно дышали, постепенно приходя в себя. Лицо Хеннинга походило на белую маску с красной полосой: кровь сочилась из раны, которую он даже не заметил, ударившись о перископ. Снаружи были только облака. Дизель ровно гудел, мягко шелестела вентиляция — этот привычный мирный фон нарушало только их тяжелое дыхание.

— Давайте не будем... — сказал Нильс, сделав глубокий вдох. — Давайте больше не будем так делать!

— Мы поддерживаем постоянную высоту без боковых отклонений. — Голос Арни звучал спокойно, хотя дыхание было затруднено. — Будем возвращаться или продолжим испытание?

— Если такое больше не повторится, я за то, чтоб продолжить, — произнес Нильс.

— Согласен. Будем пользоваться аккумуляторами.

— Они заряжены?

— Под завязку. Израсходовано меньше пяти процентов.

— Тогда продолжим. Дайте мне знать, когда останется семьдесят процентов, и мы начнем возвращаться. Это вполне приличный допустимый предел, к тому же, когда мы будем достаточно низко, можно снова запустить дизель.

Подъем был пьяняще плавным, облака снова остались внизу. Дизель заработал с усилием. Хеннинг выключил его и перекрыл подачу воздуха. Они продолжали подниматься.

— Пять тысяч метров, не меньше, — заметил Нильс, прищурившись опытным глазом летчика на облачный

покров внизу. — Большая часть атмосферы уже под нами.

— Тогда я увеличиваю ускорение. Пожалуйста, отметьте время.

— Все записано. Правда, в некоторых местах довольно-таки трясушейся рукой.

Стала заметна кривизна Земли с голубой лентой атмосферы, сужающейся кверху и переходящей в черноту космоса. Уже можно было различить самые яркие звезды; солнце сияло, как раскаленный маяк, и вспыхивало на палубе слепящими пятнами света. Давление снизу прекратилось.

— Ну вот, так-то лучше, — сказал Арни. — Приборы функционируют нормально, мы удерживаем позиции. Может кто-нибудь оценить высоту?

— Сто пятьдесят километров, — ответил Нильс. — Десяносто или сто миль. Выглядит очень похоже на фотографии, сделанные со спутников на этой высоте.

— Заряд аккумуляторов — семьдесят пять процентов. Разряда аккумулятору продолжается.

— Да, похоже, чтобы висеть на месте, нужно не меньше энергии, чем при ускорении.

— Значит, мы сделали это! — воскликнул Нильс и повторил еще громче, осознав грандиозность свершившегося: — Мы это сделали! Мы можем летать куда угодно и делать что захотим. Подумать только, мы и вправду сделали это...

— Заряд приближается к семидесяти процентам.

— Начинаем спуск.

— Только помедленнее, чем в прошлый раз.

— Будьте уверены.

Лодка тихо начала спускаться, словно лист, оторвавшийся с ветки, прошла сквозь покров высоких перистых облаков, отливающих серебром, и продолжила неспешный спуск.

— А не получится так, что мы спустимся гораздо западнее? — спросил Нильс. — Земля ведь не переставала вращаться, и мы не сможем попасть в ту же точку.

— Нет, я ввел необходимые поправки. Мы опустимся не дальше мили-другой от места взлета.

— Тогда я включу приемник, — сказал Хеннинг. — Мы вот-вот будем в пределах слышимости, и нам надо сказать им...

Из динамика вдруг посыпались громкие быстрые фразы, пересыпанные сленгом, понятным только уроженцам Копенгагена:

— ...ныряй, малышка, ныряй и не высовывайся. Плыви глубже, сестренка, глубже...

— О чем они говорят, ради всего святого? — спросил Арни, изумленно подняв голову.

— Вот о чем! — воскликнул Нильс, заметив в иллюминаторе промелькнувшие внизу серебристые крылья. — Русский «МиГ». Мы только что вышли из облаков, и я не думаю, что он заметил нас. Можем мы спускаться быстрее?

— Держитесь.

Движение пальцев Арни — и их желудки поднялись к горлу.

— Скажите мне, когда до поверхности останется метров двести, — спокойно заметил он. — Я заторможу перед входом в воду.

Нильс схватился за подлокотники, чтобы не взлететь вверх, несмотря на ремень. Свинцовая поверхность Балтики стремительно неслась прямо на них, были видны уже белые гребешки на волнах, в стороне покачивался «Витус Беринг».

— Ближе... ближе... Стоп!

Их отбросило вниз, покатались незакрепленные приборы, скользя по внезапно накренившейся палубе. Раздался еще один мощный удар, потрясший весь корпус, и подводная лодка нырнула в глубину.

— Капитан Вильгельмсен, примите, пожалуйста, командование, — произнес Арни, и впервые его голос прозвучал немного неровно. — Я выключаю далет-установку.

Застучали ожившие насосы, и Хеннинг почти любовно прикоснулся к приборной доске. Совсем не просто летать в собственной подводной лодке в качестве пассажира. Насвистывая сквозь зубы, он медленно развернулся и всплыл на перископную глубину.

— Взгляни-ка в перископ, Хансен. С ним легко справиться, совсем как в кино.

— Поднять перископ! — пропел Нильс Хансен, опуская рукоятку и сдвинув фуражку на затылок. Потом он прижался лицом к резиновой подушке окуляра. — Ни хрена не видно.

— Покрути ручку и настрой резкость.

— Ага, вот теперь куда лучше. Корабль слева по курсу, градусов тридцать. — Нильс повернул перископ вкруговую. — Других кораблей не видать. У этой штуки не слишком широкий обзор, поэтому насчет неба ничего сказать не могу.

— Придется рискнуть. Я немного всплыву, чтобы освободить антенну.

В динамике потрескивал фоновый шум, затем пропал чей-то голос, исчез и снова вернулся.

— Алло, «Каракатица», слышите меня? Перехожу на прием.

— «Каракатица» на связи. Что происходит? Прием.

— Судя по всему, вы появились на экранах радаров раннего оповещения у русских. С тех пор как вы взлетели, тут постоянно сновали «МиГи». Но сейчас их не видно. Похоже, они не заметили вашего возвращения. Подойдите, пожалуйста, поближе и сообщите о результатах испытаний. Прием.

Арни взял микрофон.

— Оборудование функционировало прекрасно. Никаких проблем. Поднялись в высоту на сто пятьдесят километров, используя энергию батарей. Прием.

Он щелкнул переключателем, и из динамика полились приглушенные радостные возгласы.

Глава 9

Стол был завален журналами и брошюрами, которые совершенно не интересовали Хорста Шмидта. «Новый мир», «Россия сегодня», «Правда», «Двенадцать лет империалистической интервенции и агрессии США в Лаосе».

Он откинулся в кресле, положил локоть на кипу журналов и глубоко затянулся сигаретой. Снаружи слышалось хлопанье крыльев, и на подоконник уселся голубь, скосив на Шмидта розовый глаз через стекло, забрызганное дождем. Хорст легонько стукнул сигаретой по краю пепельницы, и голубь, уловив движение в комнате, улетел.

Открылась дверь, и вошла Лидия Ефимовна Широченко, молодая стройная блондинка. Ее можно было бы принять за уроженку Скандинавии, если бы не широкие славянские скулы. Серый костюм из твида, модного покроя и прекрасного качества, был явно куплен в Дании. В руках она держала доклад Шмидта и хмурилась.

— Отсюда невозможно извлечь хоть что-нибудь стоящее, — резко бросила она. — Особенно если учесть, какие деньги мы вам платим.

Она уселась за письменный стол, на котором стояла табличка с надписью: «Troisième Secrétaire de la Légation»*. Широченко говорила со Шмидтом по-немец-

* Третий секретарь посольства (фр.).

ки, пользуясь случаем попрактиковаться в языке, как и подобало преданному члену партии.

— Здесь вполне достаточно информации. Разведданные, даже если информация негативна, все равно остаются разведданными. Мы теперь знаем, что американцам так же мало известно о происшествии на Лангелинекай, как и нам. Мы знаем, что датчане, их не слишком верные друзья, не спешат поделиться с товарищами по НАТО своими секретами. Мы знаем также и то, что в это дело замешаны все рода войск. И если вы внимательно прочтете последний абзац, tovarich Широченко, то увидите, что мне удалось установить личность одного из гражданских, находившихся на борту «Белого медведя» в тот самый вечер, когда произошла вся эта кутерьма. Это профессор Расмуссен, лауреат Нобелевской премии по физике, что представляется мне весьма интересным. Какая связь между этим происшествием и физиком?

Лидию Широченко, казалось, не очень впечатлило это открытие. Она достала из ящика стола фотографию и протянула ее Шмидту.

— Это тот человек, о котором вы говорите?

Многолетняя привычка скрывать свои эмоции не подвела и на сей раз, но на самом деле он испытывал сильное удивление. Крупнозернистый снимок был явно сделан телескопическим объективом при тусклом освещении, однако Шмидт сразу узнал изображенного на нем человека: Ове Расмуссен с небольшим чемоданчиком спускался по сходням с корабля.

— Да, это он. Откуда вы ее взяли?

— Это не ваше дело. Вам пора бы понять, что не вы один работаете на наш департамент. Ваш физик, похоже, каким-то образом связан с ракетами или ракетным оружием. Выясните все о нем. С кем встречается, что делает. И не вздумайте рассказывать об этом американцам. Это было бы крайне неразумно с вашей стороны.

— Вы оскорбляете меня! Вам прекрасно известно, кому я преданно служу.

— Вот именно. Себе самому. Да и можно разве оскорбить двойного агента? Я просто хочу, чтобы вы уяснили — вы совершите роковую ошибку, если решите предать нас так же, как предали своих хозяев из ЦРУ. Для вас не существует понятия преданности — только деньги.

— Как раз наоборот, я совершенно лоялен.

Он смял окурок, достал из кармана пачку и предложил Лидии Широченко. Взглянув на марку, она удивленно приподняла брови. Американские сигареты стоили очень дорого в Копенгагене.

— Угощайтесь. Я получаю их со скидкой военторга — примерно на четверть дешевле, чем в киосках. — Он подождал, пока она прикурила, и продолжил. — Я абсолютно лоялен по отношению к вашей организации, потому что для меня это самое разумное. Могу заверить вас как профессионал, что получить надежную развединформацию об СССР крайне трудно. У вас бдительно охраняют секреты. Поэтому я очень благодарен за сведения, — полагаю, фальшивые, — которыми вы снабжаете меня для передачи американцам. Они никогда не смогут обнаружить это, потому что ЦРУ работает до безобразия неэффективно и в жизни еще не представило своему собственному правительству хоть какую-то надежную информацию. Но они платят не скупясь за то, что получают от меня, и вдобавок предоставляют разные дополнительные льготы. — Он поднял сигарету вверх и улыбнулся. — Не последняя из них — те деньги, которые вы платите мне за их маленькие секреты. Я нахожу это выгодным предприятием. А кроме того, мне вообще нравится ваша организация. Даже во времена Берии...

— Со времен Берии все сильно изменилось, — резко прервала его Широченко. — Бывшему офицеру СС, полковнику из Аушвица нечего претендовать на моральные соображения. — Не дождавшись ответа, она посмотрела на длинное белое здание, едва различимое в пелене дождя. — Вон они, Шмидт, на другой стороне кладбища, напротив нас. В этом есть что-то глубоко символическое, вам никогда не приходило в голову?

— Никогда, — бесстрастно проговорил Шмидт. — Вы в этих делах понимаете куда больше моего, tovarich Широченко.

— Вот и не забывайте об этом. Помните: мы следим за каждым вашим шагом. Итак, постарайтесь разузнать как можно больше о профессоре Расмуссене...

Неожиданно открылась дверь, и она оборвала фразу. В кабинет поспешно вошел молодой человек без пиджака и протянул ленту от телетайпа. Широченко быстро пробежала ее глазами и ахнула.

— Boshemoi! — потрясенно прошептала она. — Этого не может быть...

Молодой человек, ошеломленный не меньше ее, молча кивнул головой.

— Сколько часов уже? — спросил Арни.

Ове взглянул на график, висевший над лабораторным столом.

— Больше двухсот пятидесяти, — причем непрерывного процесса. Кажется, нам удалось выловить почти всех блох.

— Очень на это надеюсь. — Арни с восхищением рассматривал блестящий цилиндрический аппарат, занимавший почти всю поверхность большого верстака. Цилиндр был весь опутан гирляндами проводов и электронных трубок, сбоку к нему примыкала панель управления. Не было никаких признаков того, что аппарат функционирует, кроме низкого приглушенного гудения. — Это настоящая победа, — добавил он.

— Англичане проделали основную работу еще в конце шестидесятых. Я заинтересовался ею только потому, что она была связана с некоторыми моими собственными исследованиями. Мне удавалось создать плазму при двух тысячах градусов, но только на ограниченное время, всего несколько тысяч микросекунд. Потом эти ребята из Ньюкасла-на-Тайне начали работать над гелиево-цезиевой плазмой при температуре четырнадцать сотен шестьдесят по стоградусной шкале и с внутренним электрическим полем. Им удалось повысить проводимость плазмы в сотни раз. Я воспользовался их технологией и создал этого «крошку Ганса». Мне пока не удалось пропорционально увеличить полезный эффект, но я примерно представляю, в каком направлении искать. Как бы то ни было, «крошка Ганс» отлично работает и непрерывно выдает несколько тысяч вольт, так что жаловаться не приходится.

— Ты творишь чудеса. — Арни кивком поблагодарил лаборанта, который принес ему чашку кофе, и стал задумчиво помешивать ложкой. — Если удастся увеличить полезный эффект, он мог бы стать источником энергии для настоящего космического судна. Нам вполне сгодился бы реактивный атомный генератор, такой, как на подводных лодках и надводных кораблях: не нужно ни топлива, ни окислителей. У него, однако, есть один врожденный порок.

— Охлаждение, — кивнул Ове и подул на горячий кофе.

— Вот именно. На корабле реактор можно охлаждать морской водой, но в космосе это вряд ли сделаешь. Пожалуй, можно сконструировать наружный радиатор...

— Но он будет намного больше самого корабля!

— Да, это верно. А потому мы снова возвращаемся к твоему термоядерному генератору. Мощность большая, нагревается незначительно, и охладить его куда легче. Ты разрешишь мне помочь тебе?

— Буду счастлив. Между нами говоря, я знаю... — Он умолк, отвлеченный шумом голосов из дальнего конца лаборатории. — У вас что-нибудь случилось?

— Извините, профессор, это просто новости. — Лаборантка показала ему свежий номер газеты.

— Так что же случилось?

— Здесь пишут о русских, об их орбитальном полете вокруг Луны. Оказалось, это был не просто орбитальный полет. Они посадили капсулу в самом центре Моря Спокойствия.

— Да, американцы явно не обрадуются, — усмехнулся Ове. — До сих пор они считали Луну частью американского пейзажа.

— В том-то и дело. — Девушка протянула раскрытую газету, глядя на них взволнованными глазами. — Они совершили посадку, но что-то случилось с их лунным модулем. Они не могут взлететь.

В газете было мало дополнительных сведений. Фотография трех улыбающихся космонавтов, снятая перед стартом. Нартов, Шавкун и Злотников. Полковник, майор и капитан — искусно подобранная по старшинству команда. Все было прекрасно организовано. Телевизионные трансляции, репортеры, взлет, первая ступень, вторая ступень, доклады по радио, благодарность Ленину и партии, которые сделали этот полет возможным, приближение к Луне и посадка. Они были на Луне, живые и здоровые. Однако что-то вышло из строя — что конкретно, в сообщениях не упоминалось, — но последствия были очевидны. Три человека оказались в ловушке. Навсегда. Они смогут прожить столько, на сколько им хватит кислорода.

— Какая ужасная смерть, вдали от дома, — проговорила лаборантка, выражая чувства всех присутствующих.

Арни задумался, размышляя о случившемся. Его взгляд упал на термоядерный генератор, он оглянулся и увидел, что Ове тоже смотрит туда, словно им обоим пришла в голову одна и та же мысль.

— Пошли, — сказал Ове, взглянув на часы. — Пора домой. Сегодня здесь делать больше нечего, а если уедем сейчас, то не попадем в час пик.

Машина еле тащилась в потоке велосипедистов, пока Ове не свернул на север по Люнгбювей. Они молча ехали в Шарлоттенлунд, слушая новости по радио.

— Что-то вы сегодня рано приехали, — удивилась Улла, когда они вошли в дом.

Жена Ове, рыжеволосая женщина за сорок, выглядела еще очень привлекательно. Пока Арни гостил у них, она проявляла о нем прямо-таки материнскую заботу, решив, что он выглядит слишком худым. Вот и сейчас она сразу воспользовалась неожиданно представившейся возможностью.

— Я как раз приготовила чай. Сейчас принесу вместе с бутербродами, чтобы вы не слишком проголодались до ужина, — и, не слушая возражений, устремилась на кухню.

Мужчины расположились в гостиной и включили телевизор. Датский канал еще не работал, но шведская станция передавала специальную программу о космонавтах, и они внимательно смотрели передачу. Москва наконец, хоть и крайне неохотно, обнародовала подробности катастрофы, и теперь картина происшедшего вырисовывалась достаточно ясно.

Сначала все шло по плану: посадка была проведена точно в намеченном месте, и до самого последнего момента все выглядело замечательно. Но как только двигатели были выключены, одна опора треножника подкосилась. Деталей не передавали — то ли она сломалась, то ли попала в яму, — но результат был налицо. Лунный модуль упал на бок, повредив один из двигателей, и неизвестно, какое количество топлива было потеряно. Взлететь с Луны модуль не мог. Космонавты были обречены.

— Интересно, у Советов есть в запасе ракета, которая могла бы добраться туда? — спросил Арни.

— Сомневаюсь. Если бы оставался хоть какой-то шанс, они упомянули бы об этом. Ты слышал, какая трагическая интонация глубокой славянской скорби зву-

чала в том интервью? Они уже списали этих космонавтов и сейчас отливают их бюсты для Зала Славы.

— А что американцы?

— Если бы это было в их силах, они ухватились бы за эту возможность, но они молчат. Даже если бы у американцев стоял наготове космический корабль, что маловероятно, у них все равно сейчас нет «окна». В это время месяца они не могут лететь на Луну. А когда появится «окно», трое космонавтов будут уже мертвы.

— Значит... ничего нельзя сделать?

— Вот ваш чай, — объявила Улла, ставя на стол тяжелый поднос.

— Только не делай вид, что ничего не понимаешь, — сказал Ове. — Мы оба думаем об одном и том же. Почему бы нам не поставить на «Каракатицу» термоядерный генератор? Мы могли бы отправиться на Луну и спасти их.

— Эта мысль звучит совершенно абсурдно, когда ее произносишь вслух.

— Мы живем в мире абсурда. Но попробовать-то можно. Попытаемся уломать министра?

— Почему бы нет? — Арни поднял чашку. — В таком случае — за Луну!

— За Луну!

Улла смотрела на них изумленными глазами — то на одного, то на другого, как будто решила, что они оба спятили.

Глава 10

ЛУНА

— Конец связи до шестнадцати часов, — произнес полковник Нартов и выключил радиопередатчик.

На нем были темные очки, неровно обрезанные внизу шорты, отхваченные ножницами от нейлонового бортового костюма, — и больше ничего. Щетина на щеках уже не была колючей и начала превращаться в мягкую бородку. Все тело чесалось; уже не в первый раз он пожалел о том, что на борту не хватало воды, чтобы как следует помыться. Он обливался потом от жары, и в тесной кабине воняло, как в медвежьей берлоге.

Шавкун спал, хрипло дыша открытым ртом. Капитан Злотников крутил ручку приемника, пытаясь поймать программу, которую передавали специально для них круглые сутки, благо энергии от солнечных батарей было предостаточно. Из динамика доносились атмосферные помехи, сменившиеся ревом музыки, и наконец послышались мягкие аккорды балалайки, игравшей старинную народную мелодию. Злотников откинулся назад, заложил руки за голову и стал тихонько подпевать. Нартов посмотрел вверх, на Землю, переливавшуюся голубовато-белым светом на фоне черного неба, и почувствовал, что ему нестерпимо хочется курить. Шавкун застонал во сне, потом зачмокал губами.

— Сыграем? — предложил Нартов.

Злотников отложил потрепанный томик из «Собрания сочинений В. И. Ленина», который он небрежно листал. Это была единственная книга на борту — они собирались прочесть из нее несколько цитат, устанавливая советский флаг на поверхности Луны. При иных обстоятельствах эта книга, возможно, могла бы вдохновить, но в их теперешней ситуации была совершенно бесполезной. Лучше уж шахматы. Маленькие карманные шахматы были сейчас самой ценной частью оборудования на корабле «Восток-IV».

— У меня преимущество в четыре партии, — заметил Нартов, раскладывая шахматную доску. — Ты играешь белыми.

Злотников кивнул и переставил королевскую пешку на две клетки вперед. Полковник был опасным противником, и он не хотел рисковать. Солнце заливало Море Спокойствия ослепительным светом. Казалось, его диск застыл в черном небе, хотя на самом деле он понемножку сползал к линии горизонта. Злотников прищурился, несмотря на темные очки, словно ожидая увидеть какое-то движение, какую-то перемену в этом океане камней и песка — перламутровом, серовато-зеленом, безжизненном.

— Твой ход.

Он перевел глаза на доску и передвинул коня.

— Вакуум, безвоздушное пространство... Кто мог подумать, что здесь будет так жарко? — сказал Злотников.

— Кто мог подумать, что мы застрянем здесь так надолго? Как ни полируй поверхность корабля, все равно какая-то часть излучения проникает внутрь. У него нет стопроцентного альбеда. Поэтому мы и поджариваемся. Предполагалось, что мы пробудем здесь меньше суток, так что это не имело значения.

— А пошел уже двенадцатый день. Защищай королеву.

Полковник смахнул со лба пот, взглянул на неизменный лунный ландшафт и снова посмотрел на шахматную доску. Шавкун что-то пробормотал и открыл глаза.

— Невозможно спать в такой жаре, — проговорил он.

— Последние пару часов тебя это не слишком волновало, — заметил Злотников и сделал рокировку, пытаясь защитить короля от стремительной атаки.

— Выбирайте выражения, капитан. — Шавкун был не в духе, очнувшись от тяжелого, влажного сна.

— Я — Герой Советского Союза. — Злотников нимало не был обеспокоен замечанием. Воинские звания теперь не имели значения.

Шавкун с неприязнью посмотрел на головы, склонившиеся над доской. Сам он был весьма посредственным игроком, и они побеждали его так легко, что решили исключить из своих турниров. Из-за этого у него оставалось слишком много времени на раздумья.

— На сколько нам хватит кислорода?

Нартов равнодушно пожал плечами — спокойный, похожий на медведя, — и даже не оторвал взгляда от доски.

— Дня на два. Может, на три. Когда придется вскрыть последний баллон, станет ясно.

— А потом?

— А потом и подумаем, — сказал он с внезапным раздражением. Шахматы отвлекали, хоть и ненадолго, от мыслей о неизбежном, и он злился, что его возвращают в жестокую действительность. — Мы об этом уже говорили. Смерть от удушья может быть болезненной. Есть гораздо более простые способы. Вот тогда и обсудим.

Шавкун слез с верхней койки и прислонился к иллюминатору, наклоненному под небольшим углом. Им удалось выровнять модуль, подкопав грунт под двумя уцелевшими опорами, но заменить утерянное топливо было нечем. А до Земли, казалось, рукой подать. Он расстегнул чехол, вынул фотоаппарат с телескопическими линзами и сощурился в объектив.

— Шторм кончился. Вся Балтика видна. Честное слово, я даже вижу Ленинград. Вон он, я ясно вижу, в свете солнца...

— Заткнись! — резко оборвал его полковник Нартов, и он умолк.

Глава 11

Сумрачные воды Балтики шипели по бокам «Витуса Беринга», превращаясь в массу белой пены, быстро исчезающую за кормой. Рядом медленно взмахивала крыльями чайка, нацелив глаз на корабль в оптимистическом ожидании отбросов. Арни стоял у поручней, с наслаждением вдыхая морозный утренний воздух после ночи в затхлой каюте. Над горизонтом, рдеющим на востоке красной полосой, уже пробивался краешек солнца; безоблачный светло-голубой купол небосвода покоился на волнующейся равнине моря. Распахнулась дверь, и на палубу, зевая и потягиваясь, вышел Нильс. Острым глазом профессионала клюнул в небо из-под козырька форменной фуражки — на сей раз ВВС, а не САС, — и огляделся по сторонам.

— Похоже, будет отличная летная погода, профессор Клейн.

— Просто Арни, — если вы не против, капитан Хансен. Поскольку мы вместе отправляемся в этот необычный полет, мне кажется, между нами не должно быть лишних формальностей.

— Нильс. Вы правы, разумеется. И, ей-богу, полет и в самом деле необычный, до меня только сейчас это как следует дошло. Всякая там подготовка — это одно, но стоит только подумать, что после завтрака мы вылетаем на Луну и прибудем туда до обеда... К этой мысли нелегко привыкнуть. — Упомянув о еде, он вспомнил о

незаполненным пространстве внутри своей огромной оболочки. — Пойдемте-ка позавтракаем, если там еще что-нибудь осталось.

Там еще осталось больше чем достаточно. Горячая овсянка и овсяные хлопья; Нильс взял понемногу того и другого, посыпал хлопья поверх каши и по скандинавскому обычаю утопил их в молоке. Затем последовали вареные яйца, хлеб четырех сортов, сыр на деревянной тарелке, ветчина и салями. Для тех, чей аппетит этим не удовлетворялся, на столе стояло три вида селедки. Арни, привыкший к более легкому израильскому завтраку, ограничился хлебом с маслом и чашкой кофе. Он с восхищенным интересом наблюдал за тем, как летчик взял на пробу по одной порции от каждого блюда, стоявшего на столе, и затем пошел по второму кругу.

К их столу подошел Ове с чашкой кофе и сел рядом.

— Все устроено, — сказал он. — Мы втроем — экипаж корабля. Я провел полночи с адмиралом Сандер-Ланге, пока он не понял наконец, в чем суть дела.

— А в чем она, суть? — спросил Нильс с полным ртом, набитым ржаным хлебом с селедкой. — Я летчик, поэтому я вам нужен, но по какой такой причине на борту должны быть два знаменитых физика?

— Никакой особой причины нет, — произнес Ове, подготовленный к ответу чуть не целой ночью обсуждения. — Но на борту есть два совершенно независимых устройства — ракет-двигатель и термоядерный генератор, и за каждым нужен постоянный квалифицированный присмотр. Вышло так, что пока мы единственные годимся на эту работу, что-то вроде высокооплачиваемых механиков. Это и есть самое главное. Физика в данном случае — дело второстепенное. Если мы хотим, чтобы «Каракатица» полетела, только мы можем заставить ее сделать это. Мы зашли уже слишком далеко, чтобы отступать. По сравнению с неминуемой смертью, угрожающей космонавтам на Луне, наш риск незначителен. К тому же теперь это дело чести. Мы знаем, что это в наших силах, и мы должны попытаться.

— Честь Дании, — торжественно произнес Нильс и вдруг расплылся в широкой ухмылке. — Представляете, как мы утрем русским нос! Сколько народу в их стране? Двести двадцать шесть или двести двадцать семь миллионов, слишком много, чтобы сосчитать. А сколько во всей Дании?

— Меньше пяти миллионов.

— Точно. Гораздо меньше, чем в одной только Москве. И вот у них там парады, ракеты, патриотические речи, а их штукovina опрокидывается на бок и все горячее вытекает вон. Тогда появляемся мы и наводим порядок.

Офицеры корабля за соседним столом на время замолкли, прислушиваясь к словам Нильса, который в приливе энтузиазма говорил все громче и громче. Когда он закончил, там слышались аплодисменты и оглушительный хохот. Этот полет вызывал у датчан радостное чувство. Да, они маленький народ, но безмерно гордый, с долгой и удивительной историей, уходящей корнями во тьму тысячелетий. Кроме того, подобно всем балтийским странам, они всегда настороженно осознавали, что Советский Союз отделяет от них только небольшое мелководное море. Об этой спасательной экспедиции будут потом вспоминать еще долгие годы.

Ове посмотрел на часы и встал.

— Осталось меньше двух часов до начала стартового отсчета. Давайте проверим, чтобы все было в порядке.

Они быстро закончили завтрак и поспешили на палубу. Подлодка уже была спущена на воду, и на борту возились техники, занимаясь неизбежными последними поправками в последнюю минуту.

— Придется этому бочонку дать новое имя, — сказал Нильс. — Может быть, «Летучая каракатица»? Ей это подходит.

Хеннинг Вильгельмсен перелез через поручни и присоединился к ним. Его лицо застыло в угрюмой гримасе. Поскольку он знал подлодку лучше всех, ему пришлось проследить за всеми изменениями и установкой оборудования.

— Уж и не знаю, во что она превратилась — в космический корабль, наверное. Но она больше не подводная лодка. Ни дизеля, ни импеллеров. Мне пришлось снять двигатели, чтобы разместить эту здоровую консервную банку со всеми ее трубами. И я даже просверлил в корпусе дырки!

Это последнее преступление означало для любой подводной лодки, что пришел ее смертный час. Нильс похлопал его по спине.

— Гляди веселей! Ты свою задачу выполнил. Превратил ее из скромной личинки в небесную бабочку.

— Очень поэтично. — Хеннинг явно отказывался веселиться. — Какая там бабочка, — скорее, лунная моль. Ты уж позаботься о ней, ладно?

— Вот в этом можешь не сомневаться, — искренне сказал Нильс. — Я позабочусь о своей собственной шкуре, а без «Летучей каракатицы» нам не вернуться назад. Ты все закончил?

— Все сделано. Теперь в твоём распоряжении барометрический альтиметр и радиовысотомер. Запасные баллоны с кислородом, оборудование для очистки воздуха, увеличенная внешняя антенна, — короче, все, что вы хотели, и даже больше. Мы также погрузили на борт ваш обед, а адмирал пожертвовал бутылку шнапса. Все в полной готовности. — Хеннинг пожал летчику руку. — Удачи вам.

— Увидимся сегодня вечером.

Началась прощальная суэта, рукопожатия, последние указания, и наконец, под шум ободряющих напутствий, они взошли на борт и задраили люк. На рулевой башне был нарисован датский флаг, ярко светившийся в лучах утреннего солнца.

— Задраен наглухо. — Нильс туго завернул колесо, которым закрывался внутренний люк.

— А что с люком на верху башни? — спросил Ове.

— Закрыт, но не задраен, как ты и просил. Воздух вытечет из нее задолго до того, как мы доберемся до места.

— Отлично. Мы ее приспособим под воздушный шлюз — все равно на скорую руку ничего лучшего не удалось бы придумать. А теперь вот что: надеюсь, мы все твердо знаем, что делать каждому из нас и как это делать?

— Я знаю, — проворчал Нильс, — только мне сильно не хватает контрольного списка.

— У братьев Райт тоже не было контрольных списков. Мы оставим это для тех, кто придет после нас. Арни, можем мы повторить все еще раз?

— Да, конечно. Стартовый отсчет начнется минут через двадцать, так что время есть. — Он подошел к иллюминатору. — «Витус Беринг» отходит, чтобы расчистить нам место.

Арни повернулся и показал Нильсу на рычаги управления, большинство из которых было установлено на контрольной панели совсем недавно.

— Нильс, ты пилот. Я приспособил здесь эти рукоятки, которые позволяют менять курс. Ты уже их видел и знаешь, как они действуют. При взлетах и посадках мы с тобой работаем на пару, я буду управлять делет-

двигателем. Наше машинное отделение — это Ове, он обеспечивает постоянную подачу тока. Аккумуляторы мы оставили, и они заряжены, но их надо побережь для особых случаев. Искренне надеюсь, что они нам не понадобятся. Я подниму подлодку вертикально и проведу через атмосферу, а ты положишь судно на курс и будешь поддерживать его. Ускорение — это моя забота. Если университетский компьютер, связанный с радаром, будет работать нормально, нам сообщат, когда включить обратную тягу. Если не сообщат, придется начинать торможение по хронометру и постараться сделать все самим.

— Тут есть кое-что, чего я не понимаю, — сказал Нильс, сдвинув фуражку на затылок, и показал на перископ. — Это обыкновенный старый подводный перископ, только смотрит теперь не вперед, а наверх. Я должен поймать звезду в перекрестие и удерживать ее там, и вы хотите меня убедить, что этой системы наведения вполне достаточно и нам не нужен навигатор?

— Астрогатор, если уж ты настаиваешь на точности.

— Ну астрогатор. Кто-то, кто смог бы проложить для нас курс.

— Кто-то, кому ты доверял бы побольше, чем этому перископу, ты это имеешь в виду? — засмеялся Ове и открыл дверцу в машинное отделение.

— Именно так. Я имею в виду все эти расчеты, корректировки курса и тому подобное, что продельвают американцы и русские при своих полетах к Луне. Неужели мы сможем справиться с этим с помощью одного перископа?

— Не забывай, что мы тоже произвели все необходимые расчеты. Но у нас гораздо более простые средства для их реализации благодаря краткости полета. Если учесть время, необходимое для прохождения через атмосферу, когда наша скорость будет сравнительно мала, продолжительность полета составит почти четыре часа. Принимая это во внимание, мы выбрали в качестве мишеней некоторые наиболее заметные звезды и произвели вычисления. Это и есть наши расчетные данные. Если мы вылетим точно в назначенное время и будем постоянно держать звезду на прицеле, траектория полета будет направлена в ту точку лунной орбиты, где наша мишень окажется через четыре часа. Когда мы приблизимся к месту встречи, можно будет начинать спуск. После того, разумеется, как обнаружим капсулу.

— И вы думаете, это будет так легко? — недоверчиво спросил Нильс.

— Не вижу причин для сомнений, — ответил Ове, высунув голову в дверь и вытирая руки тряпкой. — Генератор в порядке, остается только нажать на кнопку. — Он повернулся к Нильсу и показал на большую фотографию Луны, прикрепленную к переборке. — Бог ты мой, мы знаем, как выглядит Луна, мы ее всю разглядели через телескопы и запросто найдем Море Спокойствия. Мы летим прямо в это место, и если не увидим русских, то отыщем их пеленгатором.

— И в какой же именно точке Моря Спокойствия сядет подлодка? Мы что, будем руководствоваться *вот этим*? — Нильс ткнул пальцем в расплывчатую фотографию Луны, вырезанную из газеты «Правда». В северной части моря, где высадились космонавты, была напечатана красная звезда. — Судя по фотографии, они находятся здесь. Я не понял — мы будем прокладывать курс по газетному снимку?

— Да, если не придумаем ничего лучшего, — мягко сказал Арни. — И не забудь, что наш пеленгатор — это стандартная модель для малых судов, купленная в Копенгагене. «А. П. Мёллер. Поставка судового оборудования». Это тебя не беспокоит?

Нильс нахмурился было и тут же рассмеялся.

— Все это настолько безумно, что просто не может не получиться. — Он закрепил коленный ремень. — «Каракатица» к спасательному полету готова!

— А ведь на самом деле все гораздо надежнее, чем может показаться, — заметил Ове. — Не забудь, что в нашем распоряжении с самого начала была эта подлодка. Это герметичная, проверенная и самодостаточная система, которая просто предназначалась для другой среды. Но она функционирует в вакууме не хуже, чем под водой. К тому же ракет-двигатель работает надежно и доставит нас на Луну через несколько часов. Радар вместе с компьютером на Земле будут вести нас и рассчитывать правильный курс. Сделано все возможное, чтобы путешествие было безопасным. Разумеется, в дальнейших полетах оборудование будет более современным, но сейчас у нас есть все необходимое, чтобы благополучно добраться до Луны и вернуться назад. Так что не беспокойся.

— А кто беспокоится? — сказал Нильс. — Просто в это время суток я всегда потею и бледнею. Еще не пора взлетать?

— Через несколько минут, — ответил Арни, глядя на электронный хронометр. — Я думаю, пора подняться и немного набрать высоту.

Его пальцы передвинули несколько рычажков, и все трое почувствовали, как палуба надавила на них снизу. Волны начали отдаляться. На палубе «Витуса Беринга» крошечные фигурки с энтузиазмом размахивали руками, потом они совсем уменьшились и пропали из вида. «Каракатица» стремительно мчалась в небо, набирая скорость.

Самое странное в этом путешествии было полное отсутствие каких-либо происшествий. Пройдя атмосферу, они продолжали лететь с постоянным ускорением в одно g . Такое ускорение не вызывает никаких ощущений, потому что ничем не отличается от силы тяжести на Земле. Позади них, словно игрушечный или спроецированный на большой экран, уменьшался земной глобус. Не было ни грома ракет, ни рева двигателей, ни провалов в воздушные ямы. Поскольку корабль был полностью герметичен, не чувствовалось даже небольшого падения атмосферного давления, как это бывает в пассажирских авиалайнерах. Оборудование работало идеально, и теперь, за пределами воздушной оболочки, их скорость увеличилась еще больше.

— Мы следуем точно по курсу, — по крайней мере звезда находится в прицеле, — доложил Нильс. — Думаю, пора связываться с Копенгагеном и выяснить, следят ли они за нами. Было бы неплохо, если бы они подтвердили, что мы летим в правильном направлении.

Он включил приемопередатчик на заданную частоту и начал вызывать Землю по согласованному коду.

— «Кюллинг» вызывает «Хальвабе». Слышите меня? — Он переключился с передачи на прием. — Хотел бы я знать, какой алкаш придумал эти кодовые названия, — пробормотал он себе под нос.

Подводная лодка называлась «цыпленком», а наземная станция — «лемуром», но эти же слова были жаргонным обозначением для четвертинки и поллитровки.

— Слышим тебя хорошо, «Кюллинг». Вы следуете точно по курсу, но ускорение немного больше оптимального. Советуем снизить его на пять процентов.

— Понял. Подтвердим исполнение. Вы следите за нами?

— Безусловно.

— Дадите сигнал торможения?

— Безусловно.

— Прием и конец связи. — Нильс выключил радио. — Вы слышали? Все идет как нельзя лучше.

— Я уменьшил ускорение на пять процентов, — сказал Арни. — Действительно, все идет лучше некуда.

— Кто хочет банку «Карлсберга»? — спросил Ове. — Кто-то засунул сюда целый ящик.

Он протянул банку Нильсу, Арни отказался.

— Допивайте скорей, — сказал он. — Мы уже недалеко от точки поворота, и я не ручаюсь, что не будет небольшой тряски. Я мог бы уменьшить тягу до нуля перед началом торможения, но тогда наступит состояние невесомости, а мне бы хотелось по возможности избежать его. Дело не столько в нашем самочувствии, сколько в том, что оборудование корабля не приспособлено для этого. Я попробую развернуть корабль на сто восемьдесят градусов при полной тяге, и мы под ее давлением начнем сбрасывать скорость.

— Звучит вполне разумно, — согласился Нильс, прищурясь в перископ и вводя небольшую коррекцию. — Но что будет с нашим курсом? Этот газопровод на палубе — он что, предназначен именно для такого случая? Тот самый, из-за которого так стонал Хеннинг, когда сверлил дырки в корпусе?

— Совершенно верно. Там установлен широкоугольный объектив с оптическим прицелом.

— Такого типа, как на истребителях, — для ведения прицельного огня?

— Точно. Ты будешь удерживать звезду в центре, как и раньше. Не вижу никаких особых проблем.

— Да, конечно. Нет проблем. — Нильс обвел взглядом наспех переоборудованное временными приспособлениями помещение и с изумлением покачал головой. — Может кто-нибудь из вас на минутку сменить меня? Мне надо прогуляться в носовую часть. Пиво, знаете ли.

Поворот прошел гладко, и они даже не заметили бы вращения, если бы не следили за солнечным светом, переместившимся через палубу вверх по переборке. Задребезжало несколько плохо закрепленных предметов, по столу покатился карандаш и упал.

Время шло быстро. Безжалостно светило солнце, и они немного поговорили о солнечных бурях и радиации

ван Аллена. Ни то ни другое не представляло для них серьезной угрозы, поскольку корпус подводной лодки был намного толще, чем у любой ракеты, и представлял собой надежную металлическую защиту.

— А вы подумали о том, как мы будем разговаривать с космонавтами? — спросил Ове. Он стоял в дверях машинного отделения, откуда мог одновременно наблюдать за термоядерным генератором и разговаривать с остальными.

— Они же летчики, — сказал Нильс. — Значит, должны говорить по-английски.

Ове не согласился:

— Только если они летали за пределы страны. Внутри Советского Союза «Аэрофлот» пользуется русским языком. Английский применяют только в международных полетах для радиоконтроля. Я провел шесть месяцев в Московском университете, так что смогу как-нибудь объясниться, если придется. Но я надеялся, может кто-то из вас говорит поприличнее.

— Иврит, английский, идиш и немецкий — увы, это все, — сказал Арни.

— А я знаю только английский, шведский и французский, — отозвался Нильс. — Так что, Ове, придется тебе взять это на себя.

Как и большинство европейцев, закончивших колледж, они считали само собой разумеющимся, что человек должен знать по крайней мере один язык кроме родного. Жители Скандинавии, как правило, знали два-три иностранных языка. В конце концов они пришли к выводу, что космонавты говорят на каком-нибудь языке, который они смогут понять.

За их продвижением неустанно следил наземный компьютер, и, когда четыре часа начали подходить к концу, им передали, что пора включать радиовысотомер. Его максимальная дальность составляла сто пятьдесят километров, и они уже вошли в радиус действия.

— Есть слабый сигнал, — взволнованно воскликнул Нильс. — Луна действительно недалеко.

Волнение Нильса было легко объяснить. После разворота спутник Земли исчез из поля зрения и находился где-то под килем.

— Предупреди меня, когда до поверхности останется примерно сотня километров, — сказал Арни. — Я разверну корабль, и мы сможем смотреть через бортовые иллюминаторы.

Сила тяжести внутри космической подлодки стала увеличиваться — они стремительно мчались к Луне, которая все еще оставалась для них невидимой.

— Альтиметр крутится очень быстро. — Голос пилота был профессионально сдержан и не выдавал волнения, которое испытывал Нильс.

— Увеличиваю торможение до двух g, — объявил Арни. — Приготовьтесь.

Их охватило странное ощущение, словно они внезапно стали гораздо тяжелее. Руки опустились, подбородки прижались к груди, кресла под ними затрещали. Стало трудно дышать. Нильс протянул руку к контрольной панели, и ему показалось, что на руке висит тяжелый груз. Он весил сейчас около четырехсот фунтов.

— Скорость спуска уменьшается, — сообщил он. — Скоро до поверхности останется сто километров. Скорость спуска приближается к нулю.

— Я хочу зависнуть на этой высоте, пока мы будем просматривать район поиска, — сказал Арни, испытывая огромное облегчение. Он ощущал, как колотится сердце, с трудом качая кровь при двойной силе тяжести.

Через несколько мгновений он передвинул рычажки. Вес стал уменьшаться, достиг нормального уровня и продолжал становиться все меньше, пока они не почувствовали, что скоро смогут свободно взлететь. Повиснув над поверхностью, они оказались в поле притяжения Луны, составляющего всего одну шестую земного.

— Начинаю поворот, — объявил Арни.

Незакрепленные предметы покатались по палубе и застучали о переборку; все трое вцепились в ручки кресел. В иллюминатор хлынул поток белого сияния.

— Боже милосердный! — прошептал Нильс.

Это была она. Она росла, заполняя небо. До нее оставалось меньше семидесяти миль. Изрытая кратерами, прорезанная полосами ущелий, мертвая и безвоздушная. Чуждая земной жизни. Луна.

— Значит, долетели, — тихо сказал Ове. — Долетели! — выкрикнул он, давая волю эмоциям. — Господь свидетель, мы вышли в космос в этой бочке, и мы добрались до Луны!

Он отстегнул ремень и, пошатываясь, попытался пройти вперед при непривычно маленькой силе тяжести. Поскользнувшись, едва не упав, он ударился о переборку, но не обратил внимания и прильнул к иллюминатору.

— Вы только посмотрите на нее! Вон там Коперник, это Море Штормов, а где же Море Спокойствия? Должно быть, восточнее, в том направлении. — Ове заслонил глаза от ослепительного блеска. — Нам пока его не видно, но оно должно быть где-то там, за горизонтом.

Беззвучно, как кружащий в воздухе лист, «Карака-тица» вернулась в горизонтальное положение и повернулась вокруг невидимой оси. Им пришлось наклониться назад, чтобы сохранить равновесие. Лодка качнулась носом вниз, и Луна снова появилась, на этот раз прямо впереди.

— Тебе под таким углом видно достаточно, чтобы вести судно? — спросил Арни.

— Вполне. Из кабины авиалайнера обзор даже хуже.

— Тогда я поддерживаю это положение и эту высоту и переключаю управление на тебя. Ты можешь двигаться вперед и в стороны.

— Поехали! — Нильс весело замурыкал что-то себе под нос, ощутив в ладонях привычный изгиб штурвала.

Трое космонавтов стояли по стойке «смирно», насколько это было возможно в небольшом тесном модуле; нос капитана Злотникова почти уткнулся в волосатое плечо полковника. Замерли последние звуки «Интернационала», и из динамика негромко зашипели атмосферные помехи.

— Вольно! — скомандовал Нартов, и остальные двое рухнули на койки.

Полковник взял микрофон и включил его.

— От имени моих товарищей выражаю вам глубокую благодарность. Они стоят рядом, и они полностью согласны со мной, когда в это победное мгновение я обращаюсь к вам, граждане Союза Советских Социалистических Республик, с просьбой не оплакивать нас. Эта победа принадлежит нам всем — Генеральному секретарю, членам Политбюро, рабочим заводов, где были изготовлены детали и приборы нашего космического корабля, собранные затем...

Капитан Злотников рассеянно слушал слова, не вникая в их смысл. Он никогда не умел произносить речи или слушать их. За свои двадцать восемь лет на Земле он переслушал тысячи тысяч речей. И на Луне тоже. Это было неизбежное зло, что-то вроде снега зимой или

засухи летом. Оно существовало, нравилось это тебе или нет, и с ним ничего нельзя было поделаться. Оставалось только смириться и не брать в голову, и тут славянский склад ума, склонного к фатализму, приходился как нельзя более кстати. Злотников был летчиком-истребителем, одним из лучших, и космонавтом, одним из немногих. Чтобы достичь этой цели, можно было пожертвовать многим. Речи, в конце концов, — не самая главная неприятность. Даже смерть не казалась слишком дорогой ценой. Он ни о чем не жалел; игра стоила свеч. Ему просто хотелось сделать это без лишних разговоров. Голос полковника продолжал монотонно бубнить; Злотников посмотрел в иллюминатор и тут же отвел взгляд — надо было соблюдать хоть видимость приличий. Но полковник стоял к нему спиной, отбивая строгий ритм своих слов салютующим жестом правой руки, сжатой в кулак. Наверное, это была хорошая речь. По крайней мере полковник наслаждался ею. Злотников снова повернулся к иллюминатору и внезапно застыл, заметив пятнышко света, медленно движущееся высоко вверх. Метеорит? Но разве метеориты падают так медленно?

— ...и сколько погибло, отстаивая свободу нашей великой родины! Красная Армия без колебаний шла на смертный бой за светлое будущее, за мир, свободу и счастье народов. И разве могут советские космонавты уклониться от выполнения своего долга, поставить под сомнение реальность... — Он со злостью стряхнул надоедливую руку, постукивающую его по плечу. — ...реальность космических полетов, всю нашу сложную...

— Полковник!

— ...всю нашу сложную космическую программу, колоссальную ответственность... (Беспокоит меня в середине речи — он что, спятил, этот мерзавец?) ...перед всеми советскими трудящимися, которые сделали это возможным...

Полковник круто развернулся, чтобы свирепым взглядом призвать капитана к порядку. Но его взгляд невольно последовал за пальцем Злотникова, указывающим на иллюминатор, скользнул через толстые стекла по знакомому унылому ландшафту и уткнулся в небольшую подводную лодку, которая медленно спускалась с усыпанного звездами неба.

Нартов громко сглотнул, поперхнулся воздухом, откашлялся, прочищая горло, и посмотрел на микрофон в руке с выражением, очень напоминающим ужас.

— Я завершу свое обращение позже, — отрывисто сказал полковник и нажал на кнопку. — Что это за чертовщина? — проревел он хриплым голосом.

Ответить на этот вопрос, по вполне очевидной причине, не мог ни один из космонавтов. Они пораженно застыли в молчании. Тишину нарушал лишь еле слышный шепот воздуха, истощенной струей вытекавшего через решетку, да приглушенный всхлип динамика, из которого донеслась тихая музыка: кто-то на Земле решил заполнить непонятную паузу.

Подводная лодка медленно опускалась метрах в пятидесяти от капсулы; когда до поверхности осталось несколько сантиметров, она изящно зависла и через пару мгновений легко коснулась песка. К ее днищу прилипли полоски засохших водорослей, а корпус кое-где был покрыт потеками ржавчины.

— Датская? — выдохнул Шавкун, указав на флаг, нарисованный на маленькой башне. — Это ведь датский флаг, правда?

Злотников молча кивнул, потом вдруг заметил, что его нижняя челюсть неприлично отвисла, и закрыл рот, громко щелкнув зубами. Динамик зашумел, и, перекрывая музыку, оттуда донесся очень громкий голос, коверкающий русские слова:

— Алло, «Восток-IV», вы меня слышите? Это «Каракатица», мы совершили посадку рядом с вами. Сообщите, слышите ли вы меня? Прием.

Полковник Нартов посмотрел на микрофон, хотел было включить его, но тут же остановился и потряс головой, стараясь собраться с мыслями. Потом наклонился к радиопередатчику и перевел его на минимальную мощность, после чего включил микрофон. Это был автоматический защитный рефлекс — ему почему-то не хотелось, чтобы Москва слушала их разговор.

— Я «Восток-IV». Говорит полковник Нартов. С кем я разговариваю? Кто вы? Что вы тут делаете?.. — Полковник резко оборвал себя, почувствовав, что его вопросы становятся похожими на бессвязный лепет.

На борту «Каракатицы» Ове удовлетворенно кивнул.

— Контакт установлен, — сообщил он остальным. — Приготовьте-ка занавес, а я приглашу их сюда. — Он включил передатчик. — Govoreetye ve po Angleeskee?

— Да, говорю.

— Очень хорошо, полковник. — Ове с облегчением перешел на английский. — Я рад сообщить вам, что мы прилетели сюда, чтобы забрать вас на Землю. В своей радиопередаче несколько минут назад вы сказали, что все трое чувствуете себя хорошо. Это правда?

— Конечно, но...

— Отлично. Если вы наденете скафандры...

— Да, но сначала вы должны сказать...

— Давайте не будем терять время, полковник. Вы не могли бы надеть скафандр и подойти к нам на минуту? Я с удовольствием сделал бы это сам, но, к сожалению, у нас нет космической одежды. Вы не возражаете?

— Я выхожу. — Полковник решительно положил конец переговорам.

— Что-то у него не слишком счастливый голос для человека, которому только что спасли жизнь, — заметил Нильс, вдевая веревку в кольца большого куска брезента, разостланного на палубе. Брезент был серый, потрепанный непогодой и с явными следами бившихся о него рыб, которым предстояло пополнить коллекцию образцов морской фауны в трюме «Витуса Беринга».

— Думаю, он счастлив, — возразил Ове, тоже принимаясь за работу над неуклюжим полотнищем. — Но ему нужно немного времени, чтобы привыкнуть к этому. Он произносил очень драматическую надгробную речь, когда мы прервали его.

Они продели веревку через рым-болты на потолке и подняли брезент, который образовал помятую загородку в центре тесной рубки, закрывая далет-двигатель и термоядерный генератор.

— Этот угол лучше не привязывать, — сказал Ове. — Мне как-то надо будет проходить в машинное отделение.

— Он не выглядит очень уж надежной защитой, — заметил Нильс.

— Сойдет, — успокоил его Арни. — Мы имеем дело с офицерами и, надеюсь, джентльменами — и к тому же спасаем их. Не думаю, что возникнут какие-нибудь затруднения.

— Пожалуй, ты прав... — Нильс посмотрел в иллюминатор. — Смотрите, их шлюз открывается — кто-то выходит. Наверное, полковник.

Сознание полковника Нартова все еще отказывалось верить происшедшему. Он машинально надел скафандр, не обращая внимания на взволнованные реплики двух

других космонавтов, и спокойно стоял, пока они возились, застегивая его и проверяя герметичность. И, только спрыгнув на лунную поверхность, он сумел взять себя в руки. Все это было реальностью. Им больше не грозит скорая гибель. Он снова увидит Москву, жену и детей — он почувствовал прилив радости. Этот странный корабль прилетел на Луну и несомненно сможет вернуться на Землю. Подробности выяснятся позже. Самое главное, что его люди будут спасены. Высоко держа голову, он шагал к подводной лодке, поднимая сапогами клубы пыли, которая мгновенно оседала обратно.

В круглом иллюминаторе наверху был виден человек в фуражке с козырьком, который показывал рукой куда-то вниз и кивал головой. Что бы это могло значить, черт побери?

Подойдя поближе, полковник увидел наспех приваренный к корпусу ящик с толстой крышкой, на котором кириллицей было выведено: «Телефон». Нартов ослабил винт, удерживавший крышку, открыл ее и снял телефонную трубку, укрепленную внутри. Он крепко прижал ее к шлему, и до него вполне разборчиво донеслось:

— Вы слышите меня, полковник?

— Да. — Провод был достаточно длинным, он немного отступил назад и увидел за стеклом иллюминатора своего собеседника.

— Отлично. Я Нильс Хансен, капитан датских ВВС и старший пилот авиакомпании САС. Остальных я представляю, когда вы подниметесь на борт. Вы можете дотянуться до палубы?

Полковник взглянул наверх, жмурясь от солнечного блеска.

— Сейчас не могу. Но мы приспособим веревку или еще что-нибудь. Сила тяжести очень маленькая.

— Надеюсь, это будет нетрудно. Поднявшись на палубу, вы увидите люк на вершине башни. Он не задраен. Для троих там тесновато, но вы поместитесь. Вам придется залезть туда всем сразу, потому что это все-таки не настоящий воздушный шлюз. Когда заберетесь в башню, как можно плотнее закройте верхний люк и постучите три раза по палубе. Мы впустим туда воздух. Вы сможете это сделать?

— Конечно.

— И захватите, пожалуйста, с собой весь кислород, который у вас остался. Пригодится на обратном пути.

Вообще-то у нас кислорода достаточно, но неплохо иметь кое-что про запас.

— Хорошо. У нас остался последний баллон, только что открытый.

— И последнее, пока вы не ушли. На борту есть кое-какое секретное оборудование, скрытое за занавеской. Мы хотели бы попросить вас не подходить к ней слишком близко.

— Слово офицера, — произнес полковник, вытягиваясь в полный рост. — И мои товарищи тоже дадут вам слово. — Нартов посмотрел на человека с массивной челюстью, улыбающегося за стеклом иллюминатора, и впервые за все время по-настоящему почувствовал, что исполнение смертного приговора откладывается. — Я хочу поблагодарить вас за то, что вы сделали для всех нас. Вы спасли нам жизнь.

— И мы рады, что вовремя прилетели, и счастливы помочь вам. А теперь...

— Мы придем через несколько минут.

Вернувшись к капсуле, полковник увидел в иллюминаторе два лица, тесно прильнувших к стеклу, как дети прижимаются к витрине кондитерской лавки. Он чуть было не улыбнулся, но вовремя спохватился.

— Надевайте скафандры, — сказал он, когда процедура прохода через воздушный шлюз была закончена. — Мы летим домой. Эти датчане заберут нас с собой.

Он включил передатчик и взялся за микрофон, чтобы прекратить поток бессвязных вопросов. Отдаленный оркестр, наигрывавший «Край ты мой зеленый», просто-напросто затих.

— Да, «Восток-IV», мы слышим вас хорошо. Что-то случилось? Ваше выступление было прервано. В чем дело? Прием.

Полковник нахмурился и включил микрофон.

— Говорит полковник Нартов. Это последнее сообщение. Я выключаю передатчик и прекращаю связь.

— Полковник, подождите, пожалуйста. Мы понимаем, что вы сейчас чувствуете. Вся Россия душой с вами. Но генерал хотел бы...

— Передайте генералу, что я свяжусь с ним позднее. И не по радио. — Нартов глубоко вздохнул и продолжал, держа палец на кнопке выключателя. — Я знаю номер его кремлевского телефона. Я позвоню ему из Дании.

Он быстро нажал на кнопку и вырубил приемник. Может быть, надо было сказать еще что-нибудь? Но что? Правду? Они решат, что он бредит. Кроме того, разговор могли слышать и другие страны.

— Черт побери! — набросился он на своих спутников, уставившихся на него широко раскрытыми глазами. — Майор, соберите бортовые журналы, пленку, записи, образцы, положите все в ящик. Капитан, закройте кислородный баллон и открепите, чтобы мы могли забрать его с собой. Будем дышать кислородом скафандров. Есть вопросы?

Вопросов не было, и полковник опустил лицевое стекло шлема.

— Они идут, — сказал Нильс через несколько минут. — Вот спустился последний, они закрывают шлюз. Тащат с собой массу всякого барахла, записи и тому подобное, насколько я понимаю, а у одного в руках фотоаппарат. Смотрите: он снимает нас на пленку!

— Пускай, — успокоил его Ове. — По этим фотографиям они все равно ничего не поймут. А знаете, нам тоже не мешало бы взять с собой какие-нибудь образцы. Прежде чем они поднимутся на борт, попроси полковника еще раз к телефону. Скажи, чтобы прихватил для нас немного камней и пыли — надо же что-то привезти домой.

— Образцы, доставленные Первой датской лунной экспедицией. Хорошая идея, тем более что мы сами не можем выйти наружу. Ну как, у вас все готово?

— Почти, — ответил Ове, открывая бутылку шнапса и поставив ее рядом с маленькими стаканчиками на штурманском столике. — Жаль, конечно, что не догадались захватить водку, но думаю, они оценят этот шнапс. — Он открыл один из пакетов с едой и начал доставать оттуда бутерброды, приготовленные с утра корабельным поваром. — Селедка еще свежая, им понравится, а вот и печеночный паштет.

— Если они не поторопятся, я съем все это сам, — сказал Нильс, глядя на стол голодными глазами. — Вот они идут.

Он взмахнул рукой в иллюминатор, приветствуя три нагруженные фигуры, с трудом пробирающиеся через лунную пустыню.

Глава 12

КОПЕНГАГЕН

Министр иностранных дел порылся в записях, сделанных во время совещания с премьер-министром, и нашел наконец нужное место.

— Прочитайте еще раз последнее предложение, пожалуйста, — попросил он.

— Премьер-министр с удовольствием ознакомился с вашим крайне интересным посланием и... — Секретарша перевернула страницу блокнота и приготовилась стенографировать, держа наготове карандаш.

— ...и попросил меня поблагодарить вас за добрые пожелания. Он находит весьма благородным ваше предложение открыть нам доступ ко всем достижениям в области космических и ракетных технологий, а также предоставить нам право пользования вашей развернутой сетью станций слежения за космическими объектами. Тем не менее, поскольку мы не можем внести никакого или почти никакого вклада в космическую программу, мы полагаем, что с нашей стороны было бы некорректно подписывать какие бы то ни было соглашения. Все. Закончите обычными приветствиями и запечатайте. А теперь, будьте добры, прочитайте еще раз все сначала.

Он крутанул кресло и выглянул в окно, слушая чтение секретарши. Улица была темна и пустынна, толпа, спешившая по ней в час пик, уже рассеялась. Семь

часов вечера. На ужин он опоздал. Ничего, по пути домой можно забежать куда-нибудь перекусить. Короткими кивками он сопровождал тяжеловесный ритм дипломатической прозы. Все правильно, все как надо. «Большое спасибо», но «спасибо, нет». Советы с удовольствием отдали бы миллиарды рублей, которые они тратят на бесполезное ракетное вооружение, чтобы хоть одним глазком взглянуть на далет-двигатель. Но им это не удастся. И американцам тоже, хотя у них на это прав побольше — братские связи, партнерство по НАТО, обмен секретами обороны. Что-то в этом было: когда премьер-министр, разгибая пальцы, перечислил один за другим десять крупных американских оборонных проектов, о которых датчанам ничего не было известно, а посол США все гуще заливался краской. Весь мир надеялся успеть урвать кусок пирога пожирнее.

— Все отлично, — сказал министр, когда девушка остановилась.

— Напечатать прямо сейчас, сэр?

— Ни в коем случае. Завтра с утра пораньше, чтобы оно лежало на столе, когда я приду. А сейчас отправляйтесь домой, пока ваша семья не забыла, как вы выглядите.

— Спасибо, сэр. До свидания.

— До свидания.

Стук ее каблучков гулко разнесся в тишине опустевшего здания министерства. Хлопнула дверь. Он зевнул, потянулся, уложил бумаги в портфель и закрыл его на замок. Потом, прежде чем надеть пальто, позвонил вниз и вызвал машину. Перед самым уходом он проверил, заперты ли дверцы стеллажей с документами, и на всякий случай крутанул еще раз ручку сейфа. Все, работа закончена. Он надвинул на голову большую черную шляпу, взял портфель и вышел. Позади был длинный день, он устал и шел размеренной тяжелой походкой.

Медленные шаги миновали дверь и стихли вдали; Хорст Шмидт шевельнулся в темноте. Колени у него онемели, ноги отчаянно горели от долгого стояния в одной позе. Он слишком постарел для такой работы. Но она хорошо оплачивалась. А уж за сегодняшнее дельце им придется как следует раскошелиться. Он поднял руку и посмотрел на светящийся циферблат. 19.15. По-видимому, в здании больше никого не осталось. За последние полчаса мимо двери прошло только двое. Наверное,

имело смысл подождать еще немного, но у него слишком устали ноги. Еще бы, больше трех часов простоять в этой проклятой кладовке! Шмидт взял свой тяжелый портфель, тихонько приоткрыл дверь и выглянул в коридор, жмурясь от яркого света. Коридор был пуст.

Никакой охраны, — ох уж эти датчане! Он закрыл за собой дверь и пошел к кабинету министра иностранных дел, быстро и беззвучно ступая резиновыми подошвами. Дверь была не заперта. Они просто напрашиваются, чтобы их обчистили. Швейцар у входа пропустил его сразу, стоило ему назвать имя, взятое из телефонной книги, и сослаться на договоренность о встрече. У него даже не спросили визитной карточки, хотя Шмидт держал ее наготове. Они вполне удовлетворились фальшивым именем. Датчане!

Личный кабинет министра тоже не был заперт — и на двери даже не было задвижки. Он открыл портфель, наощупь отыскал деревянный клин и засунул его в щель между дверью и дверным проемом. В портфеле у него лежало два листа тонкого, но совершенно непрозрачного пластика. Он развернул их, прикрепил к двери и окну липкой лентой и только тогда включил мощный электрический фонарь. Сначала папки, там должно быть много чего интересного, в этих папках. Главной целью был, конечно, далет-двигатель, но тут хранилось немало и других вещей, которые он не прочь был узнать. Эту информацию он будет скормливать своим хозяевам по кусочку, чтобы обеспечить себе постоянный доход. Разложив инструменты, Шмидт выбрал отмычку из хромированной стали с отточенным как бритва концом. Одно движение — и шкаф с документами был вскрыт, словно банка сардин. Он перебирал папки быстро, но тщательно; рядом выросла небольшая горка отложенных документов.

Вскрыть сейф будет потруднее, — но ненамного. Антикварная вещь. Шмидт внимательно изучал его взглядом, расправляя морщины на тонких перчатках и выбирая самый быстрый способ.

Из-за глушителя дрель выглядела несколько более массивной, но зато она была низкооборотной, мощной, с алмазными сверлами. Он налепил на замок кусок замазки и немного вдавил ее внутрь, чтобы сделать свою работу совсем бесшумной. Когда он включил дрель и приступил к делу, было слышно только легчай-

шее повизгивание металла. Понадобилось всего несколько секунд, чтобы просверлить стальной лист.

Следующий этап был более опасным, однако Шмидт накопил немалый опыт и умел позаботиться о собственной шкуре. С тевтонской аккуратностью он сложил все инструменты обратно в портфель, после чего снял перчатки и положил на сейф. Потом бесконечно осторожными движениями вытянул через раскрытый ворот рубашки тонкий шнурок, висевший на шее. На шнурке болтался крохотный пузырек. Резиновая пробка была такой тугой, что ее пришлось вытаскивать зубами. Осторожно, чрезвычайно осторожно, каплю за каплей, он вылил содержимое пузырька в желобок, сделанный им в замазке, чтобы жидкость стекала во внутренний механизм замка. Когда пузырек наполовину опустел, он заткнул его пробкой и отнес в дальний угол комнаты. Затем вытер отпечатки пальцев носовым платком, скомкал его, приткнул в угол на полу и осторожно поставил сверху пузырек. Носовой платок Шмидт заранее купил в автомате.

Он перевел дух и на мгновение расслабился. Поскольку нитроглицерин приготовил он сам, качество взрывчатки сомнений не вызывало. Но все равно эта штука крайне ненадежна и лучше держаться от нее подальше. Шмидт снова натянул перчатки.

Ковер в кабинете был прикреплен к полу, так что отрывать его — слишком много возни. Зато на полках вдоль стен стояло множество книг. Как раз то, что надо. Быстро опустошая полки, он соорудил пирамиду перед дверцей и боковыми стенками сейфа, оставив свободным доступ к замку. Потом просунул в отверстие тонкий металлический детонатор и размотал провод от него через весь кабинет. И, наконец, закрыл пустое место возле замка самым толстым томом.

— *Langsam... langsam* *... — бормотал он, приседая на корточки позади письменного стола.

В здании было тихо. Он держал в руках фонарь, в корпус которого заранее встроил небольшую розетку. Двужубая вилка на конце провода подходила к ней как нельзя лучше. Шмидт наклонился пониже и сунул штепсель в розетку.

* Не спеши... не спеши... (нем.).

От глухого взрыва вздрогнул пол. Груда книг угрожающе накренилась, и он бросился вперед, чтобы подхватить ее. Ему уже почти удалось выровнять пирамиду, когда «Ежегодный отчет о рыболовстве, 1948 — 1949» приземлился на пол с глухим стуком, отдавшимся эхом по комнате. Над сейфом курился дымок, на месте замка было покореженное, оплавленное месиво. Быстро и бесшумно он начал разбирать книжную пирамиду перед дверцей, чтобы открыть сейф, — и застыл, услышав тяжелые шаги в приемной. Звук шагов замер у двери кабинета, и ручка повернулась.

— Кто там? Почему заперта дверь?

Шмидт положил книги на ковер, выключил фонарь и подошел к двери. Он бесшумно оторвал липкую ленту, и пластик с тихим шелестом опустился на пол. Когда ручка повернулась еще раз, он быстро выдернул из щели деревянный клин.

Дверь резко распахнулась, и в кабинет, запнувшись у порога, ввалилась массивная фигура ночного сторожа. Не успел он поднять пистолет, как в комнате дважды раздался негромкий кашляющий звук. Не останавливаясь, сторож сделал несколько шагов вперед и неуклюже растянулся во весь рост на полу.

Шмидт приставил дуло револьвера с глушителем к спине лежащего, прямо напротив сердца, и в третий раз нажал на спуск. Тело конвульсивно дернулось и замерло.

Проверив приемную и коридор и убедившись, что сторож был один, Шмидт закрыл дверь и вернулся к работе. Он весело мурлыкал себе под нос какой-то мотивчик, просматривая содержимое сейфа и не обращая ни малейшего внимания на лежащий рядом труп.

Глава 13

ЭЛЬСИНОР

— Ты только взгляни на это! — воскликнул Нильс. — Нет, ты только посмотри! — Перед ним, прислоненный к кофейнику, был развернут утренний выпуск «Берлингске Тиденде». Нильс яростно распиливал кусок жареного бекона у себя на тарелке. — Я просто не привык к таким заголовкам в датских газетах. Поразительно. Ночной сторож убит... кабинет министра иностранных дел ограблен... Документы пропали. Как будто читаешь американскую газету!

— Не понимаю, при чем тут Штаты, — пожала плечами Марта. — Все это произошло здесь, а не в Америке. Не вижу никакой связи.

Она взяла кофейник, чтобы налить себе немного кофе, и газета упала.

— Постарайся, пожалуйста, больше не окунать мою газету в варенье. Потом ее трудно читать. — Нильс поднял газету и промокнул красные пятна салфеткой. — Связь есть, и совершенно очевидная. Американские газеты всегда переполнены убийствами, насилием и драками, потому что вещи подобного рода происходят там постоянно. Не помню точно цифру, но в одном Далласе за год случается больше убийств, чем в Англии, Ирландии, Шотландии и Уэльсе вместе взятых. Думаю, к ним смело можно прибавить Данию.

— Если ты так сильно не любишь американцев, зачем ты женился на мне? — спросила Марта, откусывая кусочек тоста.

Он открыл рот и тут же понял, что ему абсолютно нечего сказать в ответ на этот прекрасный образчик женской логики. Пробурчав что-то нечленораздельное, от уткнулся в колонку, посвященную футболу. Марта кивнула, словно другого ответа и не ждала.

— Нам еще не пора? — спросила она.

Нильс взглянул на часы над кухонной дверью.

— Подождем пару минут, а то приедем слишком рано, почти ведь открывается в девять.

Он отложил газету и взялся за кофе. Вместо формы на нем был темно-коричневый костюм.

— Ты больше не будешь летать? — спросила Марта.

— Не знаю. Я бы хотел, но Скоу все уши прожужжал своей безопасностью. Хотя вообще-то, как выяснилось, надо было прислушиваться к нему получше. Надевай пальто, я подожду в машине.

Дверь из подсобки вела прямо в гараж, что позволяло проскользнуть туда незаметно, не выходя наружу. Скоу считал, что слежка за домом Нильса маловероятна, но ни в чем нельзя было быть уверенным. Послушать Скоу, так на борту каждого самолета, прилетающего в Данию, больше секретных агентов, чем туристов. Впрочем, как знать? Может, он не так уж и ошибался: в мире не было ни единой страны, которая не хотела бы овладеть секретом ракет-двигателя. Нильс открыл дверцу большого «ягуара» и протиснулся внутрь. Хрустнули колени, задранные непривычно высоко, и он вдруг подумал, что ни разу не ездил в своей машине на заднем сиденье. В гараж вошла Марта, привлекательная и элегантная, в коричневом замшевом костюме, на голове — яркий шелковый шарф. Она выглядела намного моложе своих двадцати шести лет. Нильс опустил стекло.

— Девушка-невеста, — окликнул он ее. — Ты даже не поцеловала меня на прощание.

— Боюсь измазать тебя губной помадой. — Она послала ему воздушный поцелуй. — А теперь закрой окно и спускайся вниз на задницу, пока я открываю ворота.

— Спускайся вниз, — проворчал он, втискивая свою массивную фигуру на пол перед сиденьем. — Амери-

канский язык. Каждый день узнаешь новые выражения. Как будто на задницу можно спуститься вверх.

— Помолчи! — сказала Марта, садясь за руль. — На улице вроде никого.

Машина выехала из гаража. Пока Марта закрывала ворота, он разглядывал верхушки деревьев, которыми была усажена Страннвеен. Когда они поехали по улице, Нильс видел только небо и случайные облака.

— Здесь внизу очень скучно.

— Скоро приедем. Во сколько поезд? В девять двенадцать?

— Так точно. Не спеши так, я не хочу маячить там на платформе.

— По лесу поедem потише. Ты вернешься к ужину?

— Не могу сказать. Как только узнаю, сразу тебе позвоню.

— Только не звони до полудня. Я схожу за покупками в Биркерёде. Там открылся новый маленький магазинчик.

— Значит, появятся новые маленькие счета. — Нильс трагически вздохнул и безуспешно попытался переменить позу.

В девять минут десятого Марта въехала на автомобильную стоянку рядом с железнодорожной станцией, напротив почтового отделения.

— Есть кто-нибудь поблизости? — спросил Нильс.

— Кто-то вошел в здание почты. Мужчина привязывает велосипед. Идет на станцию. В нашу сторону никто не смотрит.

Нильс с облегчением взобрался на сиденье.

— Какое блаженство!

— С тобой ничего не случится? — спросила она, поворачиваясь к нему. Между бровями у нее появилась маленькая озабоченная складка, которую он часто видел в первое время после женитьбы, пока она не привыкла к его полетам.

— Все будет хорошо. — Нильс протянул руку и разгладил морщинку у нее на лбу. Она попыталась улыбнуться.

— Никогда бы не поверила, что наступит такое время, когда я буду мечтать о том, чтобы ты снова начал летать на своих самолетах по всему свету. И вот — пожалуйста!

— Не переживай! Маленький Нильс сумеет о себе позаботиться. Да и супербдительный Скоу будет рядом.

Нильс проводил глазами ее грациозную удаляющуюся фигурку и перевел взгляд на часы. Еще одна минута. Улица была совсем пустынна. Он вылез из машины и пошел купить билет. Когда он поднялся на деревянную платформу, поезд уже показался из-за поворота, протяжно гудя. На платформе стояло несколько человек, ожидавших поезд из Копенгагена, но ни один из них не смотрел в сторону Нильса. Вагоны с пронзительным скрипом остановились, и он вошел в самый первый. Ове Расмуссен поднял голову от газеты, приветственно махнув рукой. Они поздоровались, и Нильс опустил рядом на пустое сиденье.

— Я думал, что Арни будет вместе с тобой, — сказал он.

— Скоу решил отправиться с ним каким-то другим, запутанным тайным маршрутом.

— Значит, все это уже далеко не увлекательная игра?

— Так получается. Интересно, удастся ли им найти подонков, которые все это сделали?

— Скоу говорил, что это крайне маловероятно. Сработано очень профессионально — никаких улик. Убийцы проклятые! Впрочем, им не повезло — в кабинете не было ничего, связанного с далет-установкой.

После этого они молчали до самого Хиллерёда, где сделали пересадку. Поезд на Эльсинор, состоявший всего из трех вагонов, отправился в путь по боковой однопутной ветке. Постукивая колесами, он оставлял за собой березовые и буковые рощи, белые дома с красными крышами, дворы, в которых свежий ветер с Зунда полоскал развешенное белье. Затем рощи сменились полями, и в Снеккерстене впервые показался океан — свинцовые воды Эресунна с зелеными берегами Швеции вдали. Это была последняя остановка перед Эльсинором. Они спустились на платформу, где их уже поджидал Скоу. Кроме них в этой крошечной рыбацкой деревушке с поезда никто не сошел.

Скоу пошел вперед, не сказав ни слова, и они последовали за ним. Улица была пустынна, старые дома прятались за высокими заборами. За первым же углом их ждал небольшой крытый грузовик. По обоим бортам была выведена надпись: «Kobenhavns Elektriske

Articler»*, рядом красовались эффектные зигзаги молний и яростно пылающая электрическая лампочка. Скоу открыл заднюю дверцу, и они забрались внутрь, стараясь поудобнее устроиться на толстых мотках электропроводов. Скоу сел за руль, сменил мягкую шляпу на шоферскую фуражку с козырьком, и грузовик тронулся.

К Эльсинуру они подъехали проселочными дорогами. Потом обогнули гавань и остановились перед воротами с надписью: «Helsingor Skibsvaerft»**. Охранник у ворот махнул им рукой, разрешая въезд.

На стапелях стояли каркасы двух строящихся кораблей. Стучали клепальные машины, то и дело вспыхивали белые огни, когда сварщики склонялись к своим аппаратам. Грузовик остановился у заднего входа в контору, укрывшись от глаз работающих на верфи.

— Выходите, приехали, — объявил Скоу, открывая заднюю дверь.

Они спустились на землю и пошли следом за ним в здание конторы и вверх по лестнице. Полицейский в форме отковырял им и широко распахнул дверь. В комнате пахло свежесваренным кофе и стоял густой дым от сигар. Спиной к двери сидели двое мужчин, смотревших на верфь через широкое окно. Услышав звук открывающейся двери, они встали и повернулись к входящим. Одним из них был Арни Клейн, другой — высокий мужчина средних лет в порывевшем черном костюме с жилетом и старомодной золотой цепочкой карманных часов. Арни представил их друг другу.

— Познакомьтесь, это герр Лейф Хольм, управляющий верфи.

Прибывшие согласились выпить по чашечке кофе, отказавшись от толстых, длинных ютландских сигар. Хольм взял сигару, раскурил ее и выпустил огромное облако сизого дыма, повисшего под потолком.

— Вот он перед вами, господа, — сказал Хольм, направляя сигару, как какое-то смертоносное оружие, в сторону окна. — На центральном стапеле. Надежда и будущее Дании.

По гавани пронесся порыв ветра с дождем, скрывающий из вида зубчатые башни Кронборга, замка принца Гамлета, а затем и приплюснутый силуэт парома, плывущего в шведский Хельсингборг. Дождь накинул ту-

* «Копенгаген, электроприборы» (gam.).

** «Судоверфь Эльсинора» (gam.).

манное покрывало на рыжие ребра шпангоутов и обшивку строящихся кораблей и помчался дальше на материк. Сквозь дымку проглянуло бледное солнце.

Они посмотрели в направлении, указанном Хольмом, и увидели приземистое, почти уродливое судно, строительство которого близилось к концу. У него была странная форма, напоминавшая автомобильную камеру, надутую и растянутую в длину. Нос, корма и бока были толстые и закругленные; надстройка, которую рабочие монтировали на палубе из готовых секций, выглядела низкой и обтекаемой.

— Это новое судно на воздушной подушке? — спросил Нильс. — «Vikingeruden»*. Строится для рейсов Эсбьер — Лондон и считается самым большим в мире. — Интересно, подумал Нильс, какое отношение этот паром на подушке имеет к надежде и будущему Дании.

— Вы правы, — кивнул Хольм. — Газетные статьи, шумиха, реклама, — судно, которое превосходит величиной паромы, пересекающие Ла-Манш. Только они не упоминают, что мы работаем над ним круглые сутки и что в проект были внесены существенные изменения. А когда судно будет готово, его окрестят «Галатеей» и оно отправится в путешествие по безбрежным просторам, подобно своей тезке. И если оно не сумеет нырять в глубины океана, то, возможно, одолеет небесные высоты.

Он приложил палец к губам и многозначительно подмигнул.

— Вы хотите сказать...

— Вот именно. Луна и другие планеты, звезды — кто знает? Я так понимаю, присутствующие здесь ученые занимались работой над двигателем этого корабля, но и мы, судостроители, не сидели сложа руки. В первоначальные чертежи были внесены коренные поправки. Внутренние крепления, корпус, герметичные люки, камеры воздушных шлюзов, — не буду утомлять вас подробностями. Достаточно сказать, что через несколько коротких недель первое настоящее космическое судно будет спущено со стапелей. «Галатеея».

Теперь они смотрели на корабль с гораздо большим интересом. Закругленный корпус, невозможный для любого нормального океанского судна, был идеально

* «Воздушный викинг», дослов. пер. — «Викинг на подушке» (gam.).

герметичным. Отсутствие четко выраженных носа и кормы не имело никакого значения для космоса. Этот ржавый уродливый торус был формой будущего.

— Вам, господа, будет интересно узнать еще кое о чем. Все руководство новой программой передано в руки нового министерства, о создании которого будет публично объявлено после окончания строительства «Галатеи», — Министерства космоса. Я имею честь быть временно исполняющим обязанности министра. Поэтому считаю своим приятным долгом предложить капитану Хансену подать рапорт о переводе из Военно-воздушных сил в Космический флот, в том же звании, разумеется, и с сохранением всех привилегий и выслуги лет. Если вы согласны, вашим первым назначением будет должность командира этого замечательного корабля. Итак, капитан, что скажете?

— Конечно, — тут же ответил Нильс, не колеблясь ни минуты. — Конечно, согласен.

Он не сводил с корабля глаз, даже когда принимал от друзей поздравления.

Марта была не совсем откровенна с Нильсом при расставании на станции в Биркерёде. Она не собиралась в этот день идти за покупками, поскольку у нее была назначена встреча в Копенгагене. Это была маленькая невинная ложь, одна из очень немногих за все годы совместной жизни. Семь лет — своего рода рекорд. Но самое глупое, что у нее не было никакой причины скрывать это от Нильса. Да и дело-то было пустяковым.

Чувство вины, вот и все, подумала она, останавливаясь у светофора и поворачивая на юг по Конгевей. Всего лишь иррациональное чувство вины. Над головой сгустились тучи, и первые капли дождя брызнули на ветровое стекло. Что бы делал современный мир без Фрейда, который обеспечил подходящим объяснением все, что происходит на свете? Марта специализировалась по психологии в Колумбийском университете, когда впервые встретила Нильса, приехав в Копенгаген навестить родителей. Ее отец, доктор Чарльз В. Грин, известный эпидемиолог, работал в это время в Дании и занимал высокий пост во Всемирной организации здравоохранения. Он пришел от дочери в восторг — выпускница, длинные ноги, юбки из твида — и устроил ей замечательные каникулы. Вечеринки, приемы, новые

знакомства. Изумительное лето. И Нильс Хансен. Большой, как гора, и прекрасный, как Аполлон в форме САС. Неотразимо притягательный, неистощимый на шутки и смех. Марта оказалась с ним в постели чуть ли не раньше, чем успела понять, что он не прочь приударить за ней. На размышления просто не хватило времени. Самое забавное, что в конце концов они все-таки решили пожениться. Его предложение оказалось для нее совершенно неожиданным. Он действительно нравился ей, он был практически ее первым мужчиной, поскольку сокурсников явно не стоило брать в расчет. Сначала Марте казалась странной даже сама мысль о том, что можно выйти замуж не за американца, — другая страна, чужой язык. Но Дания во многих отношениях не отличалась от Соединенных Штатов. Здесь были ее родители; Нильс, да и все ее новые друзья говорили по-английски. Кроме того, это было заманчиво, что-то вроде внезапного приобщения к кругу избранных. И они поженились.

Хотя она все равно так до конца и не поняла, почему он выбрал именно ее. Стоило ему поманить пальцем — и любая готова была броситься ему на шею. Даже теперь на вечеринках ему приходилось отбиваться от поклонниц. А он выбрал ее. Романтическая любовь, говорила она себе, когда была в хорошем настроении. Совсем как в «Семейном журнале для дам». Но когда неделями шли дожди, а она оставалась одна, ей приходилось навещать знакомых или идти покупать новую модную шляпку, чтобы избавиться от депрессии. Тогда она начинала изводить себя мыслями, что Нильс женился на ней только потому, что в этом возрасте у датчан вообще принято жениться. А она оказалась под рукой. К тому же в Дании довольно престижно иметь жену-американку.

Истина лежала где-то посередине, то есть отчасти верно было и то и другое. Годы шли, и ей становилось понятно, что в жизни все не так просто, как кажется в юности. Она давно уже была замужней женщиной, вела домашнее хозяйство и принимала противозачаточные пилюли, и хотя временами все это наскучивало, но несчастной она себя не чувствовала.

И все-таки Марта оставалась гражданкой Соединенных Штатов, — возможно, это и было источником чувства вины. Если она любит Нильса, а Марта была уверена в этом, то почему бы не сделать следующий шаг

и не принять датское подданство? Говоря по правде, она не слишком задумывалась над этим, и всякий раз, когда ее одолевали подобные мысли, Марта гнала их прочь. А ведь в сущности сделать это было совсем нетрудно. Она автоматически вела машину и вдруг заметила, что потоки дождя заливают ветровое стекло. Она сбавила скорость и включила дворники.

Так почему же она не поменяла гражданство? Была ли это тонкая нить, за которую она держалась и которая связывала ее с родителями, с прошлой жизнью? Или маленькая лазейка, означавшая, что у нее до сих пор оставались сомнения насчет их брака? Вздор! Нильс никогда не упоминал об этом — она вообще не могла припомнить, чтобы они хоть раз заговорили на эту тему. Но чувство вины не оставляло ее. Марта регулярно возобновляла свой паспорт, что превращало ее в иностранку, проживающую в Дании, и раз в год улыбающийся сыщик из отделения криминальной полиции ставил в него штамп, продлевающий срок пребывания в стране. Может, причина ее беспокойства заключалась в том, что это была именно криминальная полиция? Вряд ли. Обычное правительственное учреждение. Будь это любая другая контора, ее чувства не изменились бы. А теперь в американском посольстве возникли какие-то вопросы по поводу паспорта, и она направлялась туда. Вот об этом она и не сказала Нильсу.

Утренний час пик кончился, и движение было небольшим, так что Марта приехала к посольству еще до десяти. Рядом нигде не оказалось свободного места для парковки, и в конце концов она поставила машину двумя кварталами дальше. Дождь уменьшился и перешел в обычную изморось, которая могла сыпаться неделями. Марта надела пластиковые сапожки — она всегда держала их в машине — и достала зонтик. Для такси слишком близко, а пешком очень утомительно. Сделав глубокий вдох, она открыла дверцу. Дождь сразу забарабанил по прозрачной ткани зонтика.

Вестибюль, как всегда, был пуст, и регистраторша за большим столом с холодной невозмутимостью, свойственной всем портье, смотрела, как Марта щелкала мокрым зонтом и рылась в сумочке в поисках листка бумаги.

— Меня пригласили зайти, — сказала она, разворачивая листок и смахивая с него табачные крошки, — к мистеру Бакстеру в десять часов.

— Пройдите через эту дверь, поверните налево, кабинет номер сто семнадцать. В конце коридора.

— Спасибо.

Хотя Марта старательно отряхивала зонтик на коврик у входа, мокрый след продолжал брызгами тянуться за ней по мраморному коридору. Дверь в комнату сто семнадцать была широко открыта, и она увидела долгового человека в очках с темной тяжелой оправой, который склонился над письменным столом, сосредоточенно изучая лежавший перед ним лист бумаги.

— Мистер Бакстер?

— Да, заходите, пожалуйста. Разрешите мне повесить ваш плащ, а то он совсем промок. Ну и погодка! Иногда мне кажется, что вся эта страна, того и гляди, уплывет в море. — Он поставил раскрытый зонтик на свою мусорную корзину, повесил плащ и закрыл дверь. — Итак, вы...

— Марта Хансен.

— Ну конечно! Я ждал вас. Садитесь сюда, пожалуйста.

— Я по поводу паспорта, — сказала Марта, садясь на стул и открывая на коленях сумочку.

— Вы позволите взглянуть на него...

Марта передала Бакстеру свой паспорт и наблюдала, как он переворачивает страницы и пытается прочесть смазанные визы и печати таможен. Потом он сделал какие-то пометки на желтой промокательной бумаге.

— Вы, похоже, любите путешествовать, миссис Хансен.

— Это благодаря мужу, он пилот САС. Билеты нам почти ничего не стоят, так что мы много разъезжаем.

— Вы счастливая женщина. — Он закрыл паспорт и посмотрел на Марту, подняв брови над оправой очков. — Послушайте, ведь ваш муж — Нильс Хансен, датский летчик? Тот самый, о котором столько писали в прессе?

— Да. С моим паспортом что-то не так?

— Нет-нет, все в порядке. Вам действительно повезло — быть женой такого человека. Скажите, а этот кулон, который вы носите, — он с Луны? Его фотографии обошли все газеты.

— Да. Хотите посмотреть?

Она сняла цепочку через голову и протянула кулон Бакстеру. Это был обычный кристалл вулканической

породы, необработанный обломок, вставленный в серебряную оправу. Камень из другого мира.

— Я слышал, вам предлагали за него пятизначные суммы. Будьте поосторожнее с ним. — Он вернул ей кулон. — Мне хотелось взглянуть на ваш паспорт просто для проверки. У нас возникли осложнения с паспортом, у которого почти такой же номер. Мы должны были убедиться, понимаете? Надеюсь, я не причинил вам излишнего беспокойства?

— Нет, разумеется.

— И все же я приношу свои извинения. Но вы знаете, как это бывает. Такие вещи никогда не могли бы случиться дома, но, когда американские граждане живут за границей, приходится много времени тратить на бумаги. — Бакстер похлопал паспортом по столу, не делая, однако, попытки вернуть его Марте.

— Мой дом здесь, — с вызовом сказала она.

— Ну конечно. Я просто неудачно выразился. В конце концов, ваш муж — датчанин. Хотя вы все же сохранили американское подданство.

Он улыбнулся Марте, потом отвернулся к окну и посмотрел на падающий дождь. Она крепко стиснула ладони поверх сумочки и ничего не ответила. Бакстер повернулся обратно, и Марта вдруг заметила, что у него абсолютно пустая улыбка, без проблеска сочувствия или доброжелательности. Бутафория — такая же, как и стекла в оправе, придающие ему вид эдакого умника-очкарика.

— Вы, должно быть, преданная американка, — сказал он, — если решили не менять гражданство, несмотря на брак с иностранцем — вы замужем уже семь лет, не так ли? Я не ошибаюсь?

— Я... я никогда не задумывалась над этим, — еле слышно прошептала она, удивляясь самой себе. Почему она не скажет ему, чтобы он не лез не в свое дело? Не заберет паспорт и не уйдет отсюда? Может быть потому, что Бакстер произнес вслух то, в чем она не решалась признаться самой себе?

— Вам нечего стыдиться. — На его лице снова появилась улыбка. — Преданность родине может казаться старомодной, но от этого она не утрачивает своей ценности. И не верьте, если вас попытаются в этом разубедить. Нет ничего плохого в том, что вы полюбили своего мужа, в чем я не сомневаюсь, вышли за него замуж — и все-таки сохранили американское граж-

данство, данное вам от Бога. Никто не сможет лишить вас его, так что не отказывайтесь от него сами.

Он четко расставлял точки в своей речи, постукивая паспортом по столу. Марта не знала, что ответить, и потому молчала. Он кивнул, словно ее молчание подтверждало его слова.

— Как я понял из газет, ваш муж управлял кораблем с далет-двигателем, который побывал на Луне. Он, должно быть, храбрый человек.

Ей пришлось хотя бы кивнуть в ответ на это заявление.

— Весь мир смотрит сейчас на Данию, ожидая, что она станет лидером в космической гонке. Это просто какой-то скверный анекдот, что такая маленькая страна будет впереди Соединенных Штатов. После того как мы потратили миллиарды долларов и погибло столько смелых людей. Большинство американцев не считают это справедливым. В конце концов, Америка освободила эту страну от немцев, и не чьи-нибудь, а именно американские военные, деньги и оружие поддерживают НАТО в боевой готовности, чтобы защитить эту страну от русских. Пусть они обогнали нас на старте. Но космические гонки — это серьезное испытание, и маленькая Дания не сможет пройти его в одиночку. Или вы думаете иначе?

— Я действительно не знаю, мистер Бакстер. Думаю, они смогут...

— Вот как? — Улыбка исчезла. — Далет-эффект — это не просто новый космический двигатель. Это власть над миром. России стоит только руку протянуть, чтобы заграбастать ее. Вам бы не хотелось, чтобы так произошло, верно?

— Конечно, нет.

— Правильно. Вы американка, настоящая американка. Если далет-двигатель окажется в руках у Америки, на Земле будет мир и спокойствие. А теперь я скажу вам еще кое-что, строго конфиденциально, поэтому постарайтесь не разглашать эту информацию. Датчане не согласны с нами по этому вопросу. Некоторые фракции левого крыла правительства — в конце концов, они ведь социалисты, не так ли? — держат все эти сведения закрытыми от нас. И нетрудно понять почему, вы согласны?

— Нет, — возразила Марта. — Дания не такая, я имею в виду — эти люди в правительстве. Они не

испытывают никакой любви к русским. Вам не о чем беспокоиться.

— Вы немного наивны, как и большинство людей, когда дело касается международного коммунизма. Их агенты внедрились повсюду. Они похитят ракет-двигатель у свободного мира, если мы не опередим их. Вы можете помочь нам, Марта.

— Я могу, конечно, поговорить с мужем, — быстро сказала она, чувствуя, как от страха похолодело в груди. — Но это ни к чему не приведет. Он всегда сам принимает решения. К тому же я сомневаюсь, что он сумеет повлиять на кого-либо...

Она умолкла, увидев, как Бакстер медленно и выразительно покачал головой.

— Я не это имею в виду. Вы знакомы со всеми, кто участвует в этом проекте, бываете у них дома. Вы даже посетили Институт атома...

— Откуда вам это известно?

— ...и поэтому знаете о происходящем намного больше тех, кто не связан с проектом. Мне хотелось бы задать вам несколько вопросов...

— Нет, — задохнувшись, проговорила она и вскочила на ноги. — Я не могу этого сделать. Вы не имеете права просить меня об этом. Верните мне паспорт, пожалуйста, мне пора идти.

Холодно посмотрев на нее, Бакстер бросил паспорт в ящик стола и задвинул его.

— Я вынужден оставить его у себя. Простая формальность. Надо сверить номер с записями в архиве. Зайдите ко мне на следующей неделе. Регистратор в холле назначит день и час. — Он подошел к двери и взялся за ручку. — Во всем мире идет война, Марта. И каждый из нас — солдат на передовой. От некоторых требуется больше, чем от других, но таковы военные правила. Вы американка, Марта, никогда не забывайте об этом. Не забывайте о своей родине, о своем долге перед ней.

Глава 14

Освобождая свой шкафчик, Нильс чувствовал себя подавленным: в этом было что-то бесповоротное. Шкафчик номер 121 в аэропорту Каструп всегда принадлежал ему и никому больше. Когда секция перестраивалась и расширялась, ему как старшему пилоту было предоставлено право выбора. И вот теперь он забирал свои вещи. Никто не просил его об этом, но когда Нильс заехал за рабочими комбинезонами, которые хранились в шкафчике, он понял, что больше не имеет на него права. Будет только справедливо, если теперь этим шкафчиком будет пользоваться кто-то другой. Как можно быстрее он сунул в сумку все барахло, скопившееся за годы, и задернул молнию. Ну и черт с ним. Он захлопнул дверь и вышел из раздевалки.

В коридоре он внезапно услышал, как чей-то голос окликнул его по имени, и обернулся.

— Ингер!

— А кто же еще, глупый ты обезьян! Ты, видно, слишком долго летал без меня. Тебе не нужна хорошая стюардесса для полетов на Луну?

Девушка приближалась к нему — гибкая, длинноногая. Прекрасная стюардесса, живая реклама САС. Короткая юбка, плотно прилегающий жакет, подчеркивающий фигуру, маленькая шапочка, пикантно сдвинутая набок на пепельно-светлых волосах. Настоящая мечта усталого путешественника — высокая, ростом

почти с Нильса, видение из шведского фильма. И между прочим, одна из самых лучших и опытных стюардесс авиакомпании. Она взяла его руку обеими ладонями и придвинулась вплотную.

— Скажи, что это неправда, — попросила она, — что ты покончил с полетами.

— Я покончил с рейсами САС — по крайней мере на время. У меня сейчас другие дела.

— Да, конечно, и к тому же дико секретные: ракетный двигатель и тому подобное. Во всех газетах об этом пишут. Но мне так хочется, чтобы мы снова летали вместе!

С этими словами она почти прильнула к нему, и Нильс почувствовал тепло ее тела и округлость груди, прижавшейся к его руке. Ингер сразу же отстранилась, чтобы не привлекать внимания публики.

— Боже, ты не представляешь, как бы мне этого хотелось! — произнес он, и оба рассмеялись, заметив, каким хриплым вдруг стал его голос.

— В следующий раз, когда будешь вылетать за границу, дай мне знать. — Она посмотрела на часы и отпустила его руку. — Мне надо бежать — рейс через час.

Девушка помахала рукой и исчезла. Нильс повернулся и пошел в другую сторону, думая о ней. Сколько же их было — стран, в которых они были вместе? Шестнадцать или что-то вроде того. Самый первый полет, когда она появилась в его команде, закончился для них постелью — как-то совершенно естественно и легко. Это было летом, в Нью-Йорке; с другой стороны окна бушевал раскаленный ад, полный сажи и выхлопных газов. Но жалюзи в их номере были опущены, кондиционер обдувал ветерком, и они открывали друг друга, пьянея от восторга. Никакого чувства вины, только наслаждение без прошлого и без будущего. Когда Ингер исчезала из поля зрения, он почти не вспоминал о ней. Они не ревновали друг друга. Но когда встречались, думали только об одном.

После особенно приятной ночи, проведенной в Карачи на исключительно неудобном матрасе, они впервые попытались подсчитать количество городов, в которых занимались любовью. Оба изнемогали, в основном от смеха, потому что Нильс купил ей книгу фотографий эротической храмовой резьбы. Они попробовали несколько наиболее экзотических поз — из тех,

что не требуют трех или четырех помощников, — но поскольку все время помирали со смеху, не слишком преуспели. Потом они лежали рядом и не очень серьезно спорили, сколько было у них городов. После чего стали следить за списком. Нильс воспользовался своим положением старшего пилота, чтобы они могли почаще летать вместе, прибавляя все новые и новые названия к растущему перечню. Но они никогда не занимались этим в Копенгагене или даже в Скандинавии, рядом с домом. Они делили друг с другом целый мир, но его дом был запретной зоной. Это негласное правило соблюдали оба, хотя никогда не говорили на эту тему.

Нильс открыл дверь в главный зал, и у него сжалось горло. Женский голос то и дело сообщал о рейсах на десятках языков. Каждый рейс объявляли по-датски и по-английски, а затем на языке страны назначения: по-французски для рейса в Париж, по-гречески для самолета на Афины и даже по-японски, — сообщая о полете в Токио через Арктику. Нильс протолкнулся через толпу к ближайшему экрану вылетов и прибытий. Скоро должен был отправляться челночный рейс в Мальмё, в Швецию, на другой берег Зунда. Это устраивало Нильса. Скоу постоянно придумывал новые способы ускользнуть от возможной слежки, и это было его последнее изобретение. Впрочем, надо признать, весьма остроумное.

Он подождал в зале, пока до вылета осталось две минуты. Потом быстро прошел через служебную часть здания, куда пассажиры не допускались. Таким образом он должен был отделаться от любого гипотетического хвоста. Несколько человек поздоровались с ним, и через минуту он вышел на взлетное поле. По трапу поднимались последние пассажиры; он поспешил за ними, и дверь сразу же закрыли. Стюардесса знала его в лицо, так что Нильсу даже не понадобилось предъявлять удостоверение. Он прошел в кабину, сел в пустое кресло штурмана и все короткое время перелета провел с пилотами, потрепавшись немного на профессиональные темы. Когда они приземлились, стюардесса выпустила его первым и Нильс сразу пошел на стоянку автомобилей. Скоу ждал его за рулем новенького «хамбера» со спортивной газетой в руках.

— Что случилось с той gamle raslekasse, на которой ты всегда ездил? — спросил Нильс, залезая в машину и сядясь рядом.

— Старая жестянка — ничего себе! Да мой «опель» пробежит еще тысячи километров! Просто я оставил его в гараже для небольшого ремонта...

— Ну понятно! Там домкратом над ямой приподнимут руль и соорудят под ним новую машину.

Скоу фыркнул, завел мотор и выехал со стоянки, направляясь на север.

Покинув пределы города, шоссе извивалось вверх и вниз между деревнями. Слева от них, среди густых зарослей деревьев, время от времени поблескивал Зунд. Скоу сосредоточился на езде, и Нильсу не с кем было поговорить. Он думал об Ингер, в памяти мелькали эротические эпизоды. Такого с ним раньше не случилось. Нильс привык жить настоящим, заглядывая в будущее лишь постольку, поскольку это было необходимо, и мгновенно забывая прошлое, как нечто оставшееся позади и не поддающееся изменению. Он скучал без полетов, это совершенно ясно; лишь теперь он как следует понял, что полеты были основным стержнем его жизни, вокруг которого вращалось все остальное. В последний раз он водил самолет... когда же это было? Еще до путешествия на Луну. Такое чувство, будто его давным-давно похоронили в служебных кабинетах и на этой грязной верфи. Недолгий перелет из Каструпа только раздражил его. Кем он стал? Всего лишь пассажиром.

— Вот что, Скоу, — внезапно произнес он, — давай-ка я порулю немного. Нечего тебе одному развлекаться.

— Но это правительственный автомобиль!

— А я правительственный подневольный! Ну, давай, не упряйся. Иначе я доложу твоему начальству, что ты напился при исполнении служебных обязанностей.

— Я выпил всего одну кружку пива перед обедом — и к тому же шведского, совсем некрепкого. Это мне придется сообщить начальству о попытке шантажа.

Тем не менее Скоу остановился, и они поменялись местами. Он промолчал, когда Нильс выжал газ до упора и машина, взревев мотором, помчалась вперед.

Дорога была полупуста, солнце, садившееся в жидкие облака, обеспечивало вполне приличную видимость. «Хамбер» брал повороты, как спортивный автомобиль, а Нильс был прекрасным водителем и ехал быстро, но без ненужного риска. С чем другим, а с машинами он справлялся отлично.

Было уже совсем темно, когда они достигли Хельсингборга, переехали, подпрыгивая на рельсах, через железную дорогу и остановились у пристани. «Хамбер» оказался первым на автомобильной дорожке и, въехав на палубу, остановился у барьера на носу парома. Скоу вышел купить пачку сигарет в беспоплатном киоске, а Нильс остался в машине. Поездка, хотя и длилась недолго, помогла расслабиться и сняла напряжение. Он смотрел, как приближались огни замка и гавани Эльсинора, и думал о том, что работа над «Галатеей» подходит к концу.

Охранник у ворот верфи узнал Скоу и махнул, чтобы они проезжали.

— А как же охрана? — спросил Нильс.

— Секретность — лучшая охрана. Шпионам пока не удалось догадаться о связи между разрекламированным судном на воздушной подушке и строго засекреченным проектом «Далет». Так что охранники, размещенные здесь, — а их тут достаточно, — просто не бросаются в глаза. Ты видел одного из них: он стоял с тележкой на улице и продавал горячие бутерброды с сосисками.

— Polsevogn! * А выручка остается у него?

— Нет, конечно. Он получает жалованье.

Они поставили машину в обычном месте позади зданий, и Нильс переоделся в одной из комнат в комбинезон. На верфи было тихо, лишь работа над «Галатеей» велась круглые сутки. Мелькали дуги электро-сварки, освещая ржавый, еще не законченный корпус. Это была намеренная уловка — продувка песком и покраска были специально оставлены на самый последний момент.

Внутри все выглядело совершенно иначе. Они поднялись по лесенке и вошли через воздушный шлюз на палубе. Как только закрылся наружный люк, зажегся свет. За внутренней дверью шлюза начинался белый коридор с полом, покрытым линолеумом, и стенами, отделанными панелями из тикового дерева. Свет был рассеянным и не слишком ярким. По сторонам висели фотографии лунных пейзажей в рамках.

— Надо же, какая роскошь, — удивился Нильс. Когда он был здесь в последний раз, коридор представ-

* Продавец сосисок (*gam.*).

лял собой металлический проход, выкрашенный красной краской.

— В основном это осталось от первоначального проекта, — донесся голос Ове Расмуссена, подошедшего сзади. — На дизайн интерьера был подписан контракт. Пришлось внести некоторые изменения, но в большинстве кают и общих помещений почти все осталось как раньше. Убрали только фотографии замков и хижин с соломенными крышами и повесили вместо них виды Луны. Эти снимки Советы прислали в знак благодарности. Пошли со мной, Нильс, у меня есть сюрприз для тебя.

Они вошли в коридор с ковром на полу и рядом дверей по сторонам. Ове показал на последнюю дверь.

— Заходи первым, Нильс, — сказал он и сделал шаг в сторону.

На двери из тика блестела медная табличка с надписью: «Kartajn». Нильс открыл дверь.

Комната была просторной — наполовину служебное помещение, наполовину гостиная с выходом в спальню. Темно-синий ковер на полу, усеянный мириадами звездочек. Над письменным столом — ультрамодерновой конструкцией из хромированной стали и палисандра — поблескивали ряды приборов и связанных устройств.

— Немного отличается от самолетов САС? — улыбнулся Ове, глядя на изумленное лицо Нильса. — Или даже ВВС. А теперь посмотри сюда: вот первое судно, которым ты командовал. Все в духе настоящих морских традиций.

Над диваном висела большая цветная фотография маленькой «Каракатицы», сидящей на лунной равнине. На заднем плане отчетливо виднелся голубой земной шар.

— Еще один подарок от Советов? — засмеялся Нильс. — Это потрясающе!

— Лично от майора Шавкуна. Помнишь, он фотографировал нас? И все трое подписали снимок.

— Значит, осталось немного покрасить снаружи — и «Галатее» готова к полету. А как дела в машинном отделении?

— Термоядерный генератор установлен и уже прошел проверку. Нужно кое-что доделать по мелочам, навести лоск, так сказать. И конечно — далет-двигатель. Его смонтировали в институте и там же провели

стендовые испытания, а сюда привезут в последнюю очередь.

— В самую последнюю очередь, — подчеркнул Скоу. — Мы хотим как можно меньше подвергать испытанию наших шпионов. Институт охраняется воинскими подразделениями, так что они, наверное, сконцентрировали свое внимание именно там. — Он широко улыбнулся. — Отели переполнены. Постояльцы привозят массу иностранной валюты. Это уже новая отрасль туризма.

— А ты на седьмом небе секретности, — сказал Нильс. — Немуद्रено, что у тебя появился новый «хамбер». А где Арни Клейн?

— Последние пару недель он живет здесь, — ответил Ове. — С тех пор как закончились стендовые испытания далет-установки. Занимается моим термоядерным генератором и, — клянусь, я не преувеличиваю, — уже предложил как минимум пять улучшений, которые тянут на патент.

— Пошли спустимся туда. Я хочу увидеть мое машинное отделение. — Нильс еще раз с восхищением оглянулся вокруг. — К такому не сразу привыкнешь. Пожалуй, придется поднапрячься даже больше, чем я ожидал.

— Расслабься, — сказал ему Ове. — Сейчас это похоже на морское судно, но как только ты поднимешь его в небо, оно превратится в большой летательный аппарат. Вроде суперлайнера «Боинг-707», который, насколько мне известно, ты уже водил. Согласись, что гораздо легче научить тебя вести корабль, чем капитана-моряка — летать на чем бы то ни было.

— Это верно... В чем дело?

Скоу резко остановился. Ноздри его раздувались от гнева.

— Охранник. Он должен стоять у входа в машинное отделение. Двадцать четыре часа в сутки.

Он разбежался тяжелыми прыжками и с силой ударил плечом в дверь. Она даже не шелохнулась.

— Заперто изнутри, — сказал Нильс. — Есть второй ключ?

Скоу, однако, не стал терять время на поиски ключа. Он выхватил из кобуры тяжелый короткоствольный револьвер и уперся дулом в замок. Грохнул выстрел, и револьвер дернулся у него в руке. Запахло гарью, дверь отворилась, — но всего на несколько сантиметров. Что-

то мешало ей. Через щель они увидели на полу ноги охранника в синих брюках. Спинай он упирался в дверь, блокируя проход. Когда они нажали сильнее, он, не протестуя, сдвинулся вперед.

— Профессор Клейн! — крикнул Скоу, перепрыгивая через охранника.

Прогремело три быстрых выстрела, Скоу сделал еще пару шагов и упал на пол. Револьвер он держал перед собой, но ответный огонь не открывал.

— Оставайтесь на месте! — скомандовал он, поднимаясь на ноги.

Ове заколебался, но Нильс спикировал вперед и перелетел через охранника, даже не задев его. Приподнявшись, он успел заметить, как закрывается дверь, ведущая в воздушный шлюз. Нильс вскочил на ноги, подбежал к ней и дернул изо всех сил, но безрезультатно.

— Задраено с той стороны! Но где Арни?

— С ними. Я видел, они вдвоем тащили его. И оба вооружены. Черт!

Скоу достал карманный передатчик, включил его, но ничего, кроме помех, не было слышно.

— Ваше радио не будет работать здесь, — напомнил ему Ове и склонился над охранником. — Со всех сторон металл. Поднимитесь на палубу. А ваш сторож просто потерял сознание — его чем-то ударили по голове.

Скоу и Нильс уже мчались к выходу. Ове понял, что сейчас ничем не поможет охраннику, и побежал за ними.

Обе двери воздушного шлюза были открыты, и Скоу, стоя на палубе, что-то кричал в передатчик. Результаты последовали почти мгновенно — Скоу подготовился к такому повороту событий.

Вспыхнули все фонари на верфи, включая прожектора на стенах и электродути, установленные на подъемных кранах и строящихся судах. Стало светло как днем. Снаружи взревели сирены, на черной воде заплескали огни прожекторов — два полицейских катера заблокировали выход с той стороны. Нильс кубарем скатился по сходням, прыгнул вниз, когда до земли оставалось еще несколько метров, и бросился бежать, оглябая судно, в сторону кормы, где был второй воздушный шлюз. Наружная дверь была распахнута, и он успел

заметить, как в стороне мелькнули темные силуэты. Нильс схватил за рукав подбежавшего полицейского.

— У вас есть передатчик? Отлично! Вызовите Скоу. Скажите, что они направляются к воде. У них там, наверное, шляпка. Ни в коем случае не стрелять! Их двое, и они тащат профессора Клейна. Мы не можем рисковать его жизнью.

Полицейский кивнул, вытащил передатчик, и Нильс побежал дальше.

На верфи был настоящий бедлам. Рабочие разбежались в стороны, уступая дорогу полицейским машинам, которые с ревущими сиренами влетали в ворота. Задышавшись, Скоу на бегу передавал по радио сообщение Нильса. Впереди бежали охранники, устремляясь к берегу, где недостроенный корабль простирал к небу со стапеля ржавые пальцы шпангоутов.

Из-за невысокого штабеля стальных листов вырвалась яркая вспышка; один из охранников согнулся, схватился руками за живот и рухнул на землю. Остальные бросились в разные стороны, поднимая пистолеты.

— Не стрелять! — крикнул Скоу, продолжая бежать вперед. — Пусть направят сюда свет!

Кто-то развернул тяжелую электродугу в направлении, указанном фарами полицейской машины. Весь участок был теперь как на ладони. Пригнувшись, Скоу продолжал бежать в полном одиночестве.

Внезапно перед ним выросла черная фигура. Прикрываясь рукой от слепящего света, человек в черном поднял длинноствольный пистолет и дважды выстрелил. Одна пуля ударилась рядом со Скоу и с визгом отскочила от стального листа, другая задела плащ. Скоу остановился, поднял револьвер вверх и медленно навел на цель, спокойно, будто на стрельбище. Нападавший выстрелил еще раз, и в то же мгновение Скоу нажал на курок.

Мужчина дернулся, повернулся и упал на штабель, выронив пистолет, загремевший по металлу. Скоу сделал знак двум полицейским осмотреть его и заковылял дальше, не обращая внимания на скрюченную фигуру. Теперь за ним следовала группа полицейских и охранников. Патрульный катер, урча мотором, подошел ближе к берегу и стал обшаривать его прожектором.

— Вот они! — раздался чей-то крик, когда луч прожектора внезапно замер на месте.

Скоу остановился и знаком задержал остальных.

Сцена была залита светом: подмостками служили клепаные пластины кия, а на просцениум выходили изогнутые ребра шпангоутов. Только драма на этой сцене разыгрывалась всерьез — не на жизнь, а на смерть. Человек в блестящем черном водолазном костюме прятался за обмякшей фигурой Арни Клейна. Одной рукой он поддерживал ученого поперек груди, а другой приставил ему к виску пистолет. Сирены замолкли, выполнив свою работу, и в наступившей тишине громко раздался хриплый голос:

— Не подходите — я убью!

Он выкрикнул это по-английски с сильным акцентом, но достаточно понятно. Зрители стояли не шелохнувшись, глядя, как он тащит бесчувственного ученого вдоль кия к воде.

Нильс Хансен шагнул за ним из густой тени, обхватил огромной ладонью руку, державшую пистолет, и вывернул ее, направив дуло вверх. Человек в черном вскрикнул — от боли или от неожиданности, — грянул выстрел, и пуля улетела во тьму.

Левой рукой Нильс высвободил Арни и медленно наклонился, осторожно опуская его на стальную пластину. Незнакомец извивался всем телом, безуспешно пытаясь вырваться из железной хватки, затем принялся бить Нильса кулаком. Летчик не обращал на него внимания, словно не замечая потока ударов. Уложив профессора, он выпрямился, выдернул из руки похитителя пистолет и зашвырнул его подальше. Потом, размахнувшись, вмазал противнику по лицу открытой ладонью. Тот крутанулся на месте и бессильно обвис в могучих руках Нильса.

— Я должен поговорить с ним! — закричал Скоу, спеша навстречу.

Нильс встряхнул свою жертву обеими руками, словно большую куклу. Незнакомец был затянут в черный резиновый водолазный костюм, оставляющий открытой только голову. Лицо у него было болезненно желтого цвета, на верхней губе чернела узкая полоска усов, будто прочерченная карандашом. На щеке огнем горел отпечаток мощной ладони.

Увидев приближающихся полицейских, пленник в последний раз дернулся в сжимавших его тисках и понял, что это бесполезно. Он перестал сопротивляться, поднял руку и каким-то странным детским движением сунул большой палец в рот.

— Остановите его! — крикнул Скоу. Но было уже поздно.

По лицу мужчины пробежала судорога, глаза выкатились из орбит, и рот раскрылся в беззвучном крике. Его тело корчилось в руках у Нильса, выгибаясь дугой в пояснице, все более неестественно, под невозможным углом, — и вдруг обмякло и застыло без движения.

— Можешь его отпустить, — сказал Скоу, приподняв пальцем веко. — Он мертв. Яд в ногте.

— Второй тоже мертв, — сказал полицейский. — Вы попали ему...

— Я знаю, куда попал.

Нильс склонился над Арни, который пошевелился, не открывая глаз. За ухом у него виднелся красный распухший рубец.

— С ним вроде ничего страшного, — произнес Нильс, поднимая голову и наткнувшись взглядом на красные капли, падающие рядом на металлическую пластину. Штанина Скоу уже пропиталась кровью. — Ты ранен!

— Они всегда попадают мне в эту ногу. Просто не нога, а мишень какая-то. Но это детали. Самое главное — поскорее доставить профессора в больницу. Проклятье! Кто-то нас все-таки вычислил. Теперь все будет гораздо хуже.

Глава 15

Сидя в темной рубке управления, Нильс Хансен пытался увидеть себя за пультом «Галатеи» в полете. Хотя он обычно не отличался богатым воображением, но, когда дело касалось самолетов, мог представить себе в деталях, как будет работать машина, как она поведет себя в воздухе. Нильс проводил испытательные полеты почти на всех новых реактивных лайнерах, закупленных компанией САС, и на многих экспериментальных истребителях ВВС. Прежде чем поднять самолет в воздух, он внимательно изучал его устройство, смотрел чертежи, отрабатывал полет на тренажере, разговаривал с конструкторами. Нильс знакомился со всеми особенностями машины, узнавал о ней все до мельчайших подробностей. Ему никогда не надоедало копаться в мелочах, он никогда не спешил. Он мог довести окружающих до белого каления своей дотошностью, но сам всегда сохранял невозмутимое спокойствие. В небе Нильс оставался с машиной один на один, и чем больше он знал о ней, тем больше было шансов на удачный полет — и на возвращение домой.

Теперь от него требовалось максимально напрячь все свои способности. Судно было непомерно огромным, принципы управления — абсолютно неизвестными. Единственное, что могло ему пригодиться, — это опыт управления «Каракатицей». Помня о трудностях, с которыми пришлось тогда столкнуться, Нильс вместе с

инженерами планировал расположение приборов на пульте управления. Протянув руку, он коснулся штурвала — самый обычный стандартный штурвал, как на «Боинге-707», приобретенный на авиационном складе. Он почувствовал себя увереннее. Штурвал, соединенный через компьютер с валом двигателя, будет использоваться для маневрирования при взлете и посадке. Альтиметр, индикатор скорости воздушного потока, приборы для измерения реальной скорости и энергозатрат — его взгляд безошибочно перебежал с одного устройства на другое, несмотря на темноту.

Прямо перед ним в стальной стене был огромный иллюминатор из толстого стекла, через который хорошо просматривалась судоверфь и часть гавани. Хотя было уже два часа ночи и весь Эльсинор давно уснул, территория верфи была ярко освещена и полна движения. Полицейские автомобили медленно патрулировали вдоль берега, освещая прожекторами темные боковые переулки, между зданиями прохаживались группы солдат. Над уличными фонарями были установлены дополнительные лампы, так что вокруг было светло как днем. Торпедный катер «Хейрен» стоял на якоре с пулеметами наготове, перекрывая ближайший вход в гавань.

Дверь с тихим жужжанием скользнула в сторону, и в рубку вошел радист. Следом хромал Скоу, опираясь на костыль. Он постоял немного рядом с Нильсом, обозревая свои наружные оборонительные укрепления. Потом с невинным бурчанием, возможно даже одобрительным, опустился в кресло второго пилота.

— Они знают, что мы здесь, — заявил он. — Но больше им ничего узнать не удастся. Ну, как дела с этим корытом?

— Все проверено, перепроверено и потом проверено еще раз. Я сделал все, что мог, а инженеры и эксперты облазили весь корабль до последнего дюйма и осмотрели каждую деталь оборудования. Вот их подписанные заключения. — Нильс приподнял толстую папку с бумагами. — Есть что-нибудь новое о наших недавних гостях?

— Глухо как в танке. Водолазное снаряжение куплено здесь, в Копенгагене. Ни документов, ни особых примет. Пистолеты времен войны, немецкие «вальтеры» Р-38. Их можно достать где угодно. Мы пытались идентифицировать отпечатки пальцев, вроде даже нащупали

след, но потом оказалось, что это ошибка. Я сам проверял. Короче говоря, ничего. Двое невидимок из ниоткуда.

— Значит, вы никогда не узнаете, из какой они страны?

— Меня это не очень волнует. В сущности, нам это без разницы. Кто-то хорошо получил по лбу, пытаюсь подсмотреть наши секреты, и после этого переполоха всему миру стало ясно, что здесь что-то происходит. Только они не знают, что именно, и я уж позабочусь о том, чтобы никто ничего не пронюхал. — Он склонился к светящемуся циферблату. — Осталось не так уж долго. Все готово?

— Команда укомплектована, все на местах и ждут только сигнала. Кроме Хеннинга Вильхельмсена. Он отдыхает или спит — ждет моего вызова. Сегодня вечером его дежурство.

— Тогда вызовите его прямо сейчас.

Нильс снял трубку и набрал номер Вильхельмсена; тот немедленно отозвался.

— Капитан Вильхельмсен слушает.

— Рулевая рубка. Прошу прибыть сюда.

— Слушаюсь!

— Смотри, — сказал Скоу, показывая на дорогу в конце гавани, где появилось поддюжины солдат на мотоциклах. — Все идет как по маслу. Она остановилась в замке Фреденсборг, в двадцати минутах езды.

За мотоциклистами ехали два открытых грузовика с солдатами, потом опять мотоциклисты, окружавшие длинный черный сверкающий «роллс-ройс», и снова несколько машин с солдатами. Как только показалась колонна, из казарм Кронборгского замка выехали армейские грузовики, стоявшие наготове. Когда автомобиль с эскортом подъехал к верфи, его окружал сплошной военный кордон.

— Может, выключить прожектор? — спросил Нильс.

— Теперь в этом нет нужды. Всему городу ясно, что здесь что-то затевается.

Нильс включил люминесцентные лампы на панели управления, и все приборы заблестели холодным светом. Скоу улыбнулся, с довольным видом потирая руки.

— Все работает как часы. И заметь: я никем не командую. Все продумано заранее. Все шпионы-туристы в городе жаждут узнать, что же здесь творится, но никак не могут подобраться поближе. Через какое-то время они попытаются послать сообщения и смыться,

но не тут-то было. Добропорядочных датчан, спокойно спящих по домам, никто не потревожит. Но дороги все перекрыты, поезда не ходят, и телефоны не работают. Даже велосипедные дорожки — и те заблокированы. Охраняются все шоссе и проселочные дороги, даже тропинки в лесу.

— А вы расставили охотничьих соколов для перехвата почтовых голубей? — невинно поинтересовался Нильс.

— Нет! Вот черт, я и не подумал! — Скоу озабоченно жевал губу, потом поднял глаза и поймал смеющийся взгляд Нильса. — Тоже мне, шутник нашелся. Нечего измываться над старым человеком, у меня, того и гляди, будильник остановится от внезапного шока.

— Ты переживешь нас всех, — сказал Хеннинг Вильгельмсен, входя в рубку. На нем был парадный мундир, фуражка — все как положено. — Прибыл для несения службы, сэр, — отсалютовал он Нильсу.

— Да, конечно. — Нильс наклонился и пошарил под приборной доской в поисках собственной фуражки. — Скинь Дика Трэйси со своего кресла и начнем контрольную проверку.

Он нашел фуражку, надел на голову и сразу почувствовал себя уютно. Нильс снял ее и посмотрел на новую эмблему, еле различимую в тусклом свете. На кокарде поблескивала буква «далет» на фоне звезд. Быстрым движением он сунул ее назад.

— Сними фуражку, — сказал он решительным тоном. — Никаких фуражек в рубке управления.

— Вот и родилась первая великая традиция Космического флота, — откомментировал Скоу, направляясь к выходу.

— И никаких гражданских лиц в рубке! — крикнул Нильс вслед удаляющейся фигуре и услышал в ответ хихиканье.

Они прошлись по контрольному списку и призвали членов экипажа занять свои места. Хеннинг включил систему внутренней связи, и его голос загудел во всех отсеках корабля. Нильс посмотрел в иллюминатор, привлеченный неожиданной суетой внизу. Выдаваясь вперед на двузубом подъемнике, к судну приближалась деревянная платформа, украшенная флагами. Платформа остановилась у самого носа корабля; сзади по лестнице на нее тут же забралось несколько человек с

проводами. Все шло по плану. Зазвонил телефон, и Хеннинг поднял трубку.

— Они хотят прицепить к нам шнуры от микрофонов, — повернулся он к Нильсу.

— Передай, чтобы подождали. Подсоединишь их, когда проверишь все службы.

Члены экипажа один за другим докладывали о своей готовности, в то время как Нильс следил за прибывающей толпой важных гостей. Военный оркестр заиграл бравурный марш, отзвуки которого проникали даже сквозь герметичный корпус корабля. Толпа у постаментов расступилась, и по лестнице стала подниматься высокая шатенка.

— Наследная принцесса Маргрета, — сказал Нильс. — Пожалуй, пора подсоединять эти шнуры.

Маленькая платформа быстро заполнилась гостями, и наконец, в середине торжественной речи, на судне включилась трансляция. Речь оказалась на удивление короткой, — очевидно, этого потребовал Скоу из соображений безопасности, — и снова заиграл оркестр. Когда кто-то из команды спустил веревку, на которой болталась бутылка шампанского, Ее королевское высочество сделала шаг вперед. Голос принцессы был ясным, слова простыми.

— Нарекаю тебя «Галатеей»...

Бутылка с треском разбилась о корпус судна. Обычно после этого корабль сразу спускали на воду. Но случай был особый. Официальные лица отошли на заранее подготовленные позиции, платформу оттащили в сторону, и только после этого был отдан приказ о спуске «Галатеи». Из-под судна выбили подпорки, и оно вздрогнуло.

— Внимание всем отсекам, — сказал Нильс. — Проверьте, чтобы все приборы были закреплены как полагается, и приготовьтесь сами, при ударе о воду возможен сильный толчок.

Они двигались все быстрее и быстрее, навстречу кораблю мчалась темная вода. По корпусу прокатилась легкая зыбь, тяжелые цепи натянулись, замедлили движение и прекратили его. Судно покачивалось на волнах, вызванных его приводнением. К нему подошли буксиры и обслуживающие катера.

— Готово! — воскликнул Нильс, разжимая пальцы, судорожно вцепившиеся в край приборной доски. — Что, спуск всегда проходит с таким трудом?

— Никогда, — покачал головой Хеннинг. — Большинство судов вообще сходит со стапелей в незаконченном виде. Мне еще в жизни не приходилось слышать, чтобы спускали на воду не просто готовое судно, а еще и с командой на борту. Это, мягко говоря, несколько непривычно.

— Необычные времена порождают необычные условия. — Нильс заметно повеселел после пережитого напряжения. — Садись за штурвал. Пока мы плаваем по морю, ты командир. Только не вздумай погрузиться, это тебе не подводная лодка.

— Скажешь тоже! Мои подлодки почти все время плавают на поверхности. — Хеннинг явно гордился своей морской профессией. — Врубите меня в командную сеть, — повернулся он к радисту.

Пока он проверял готовность судна к отплытию и распоряжался, куда подвести буксиры, Нильс связался по очереди со всеми службами. Никаких повреждений не было, и вода вроде тоже нигде не протекала. «Галатhea» могла двигаться самостоятельно, но было решено, что буксиры сначала вытащат ее из гавани. Никто не мог поручиться, что управление этим небывалым судном пройдет совершенно гладко, поэтому двигатели решили включить только тогда, когда корабль окажется в просторных водах Зунда.

После недолгого обмена резкими, нервными гудками буксиры вышли в путь. Они медленно плыли вдоль набережной вместе с торпедным катером, который снялся с якоря и возглавил процессию.

И тут они впервые увидели, что творится кругом.

— Тоже мне — засекреченный спуск на воду, — Хеннинг показал на толпу, вытянувшуюся вдоль волнолома. Люди аплодировали, махали руками, повсюду виднелись яркие пятна датских флагов.

— Весь город знал, что на верфи что-то готовится. Когда судно спустили на воду, их уже невозможно было удержать.

Буксиры описали широкую дугу и направились к выходу из гавани. Мол и волнорез с обеих сторон были забиты людьми, многие еще бежали сюда. Когда корабль плавно скользил мимо, они радостно кричали и размахивали руками — многие в пальто поверх пижам, в надетых наспех разношерстных меховых шапках, куртках, плащах. Нильс едва удержался, чтобы не помахать в ответ.

Они миновали проход в гавань, оставив позади свет маяков, и вышли в Эресунн; первые волны плеснули через низкую палубу, обдавая брызгами матросов, смазывавших канаты.

Оттащив корабль подальше от берега, буксиры дали прощальные гудки и повернули обратно.

— Все в порядке, — доложил Хеннинг. — На палубе никого, люки задраены.

— Тогда вперед, — сказал Нильс.

Панель управления, установленная перед креслом второго пилота, предназначалась только для плавания по морю. К корпусу были прикреплены две гондолы с мощными электромоторами. Только электрические кабели проходили через корпус, гарантируя его герметичность. Каждый мотор вращал большой шестилопастный пропеллер. Руль был не нужен: корабль менял курс при изменении относительной скорости вращения пропеллеров, которые могли крутиться даже в противоположные стороны, если надо было сделать резкий поворот. Все управление судном было сосредоточено в едином центре — рулевой рубке; скорость и направление движения контролировались компьютером, который следил за всеми операциями.

Хеннинг двинул вперед рычаги, и «Галатея» ожила. Наконец она освободилась от привязи и обрела самостоятельность. Волны забили у носа корабля, заструились вдоль бортов и, когда скорость стала еще больше, начали захлестывать палубу. Огни Эльсинора исчезли позади. Вода шлепнула по иллюминатору, и капли потекли по стеклу.

— Какая у нас скорость? — спросил Нильс.

— Колоссальная — шесть узлов. Наше судно проявляет ярко выраженные мореходные способности огромного соусника.

— Расслабься. Это все равно его первый и последний океанский круиз. — Он быстро что-то подсчитал. — Сбавь до пяти узлов, тогда мы прибудем в порт к рассвету.

— Слушаюсь, сэр!

Их первое морское путешествие проходило удивительно гладко. Через один из люков просочилась вода из-за того, что прокладка прилежала недостаточно плотно, но ее можно было легко заменить в доке. Нильс скрестил в полутьме пальцы: пусть так идет и дальше.

— Хотите кофе, капитан? — спросил Хеннинг. — Пока был открыт камбуз, я наполнил термосы.

— Идея хорошая. Скажи, пусть принесут.

Через несколько минут, громыхая тяжелыми ботинками, термосы притащил высокий матрос с роскошными бакенбардами и громадными усами. Он размашисто отдал честь.

— Кто вы такой, черт побери? — спросил Нильс. Раньше он не встречал этого матроса.

— Это один из палубных матросов, которых ты просил меня нанять, — объяснил Хеннинг. — Пока я их нашел, пока они прошли отбор — трое из них появились тут только сегодня днем. Помнишь, тогда была небольшая запарка. Енс добивался этого назначения уже несколько месяцев. Он говорит — у него есть опыт работы с далет-двигателем.

— Опыт... чего?!

— Так точно, сэр. Я помогал со сваркой на первом экспериментальном двигателе. Он тогда чуть не переломил хребет нашему судну. Капитан Хоугор до сих пор ищет, кому предъявить иск.

— Что ж — рады взять вас на abordаж, Енс, — сказал Нильс, немного смущаясь своей морской терминологии, хотя окружающие, казалось, ничего не заметили.

Их медленное путешествие продолжалось. От Эльсинора до Копенгагена по морю меньше тридцати километров, однако этот путь занял у них больше времени, чем полет до Луны за сотни тысяч километров. Но выбора у них не было. Без далет-двигателя судно представляло собой всего лишь маломощную электромоторку.

Горизонт на востоке золотился лучами рассвета, когда корабль приблизился ко входу в порт Копенгагена. Два буксира уже поджидали их, стоя на якоре и слегка покачиваясь на легкой зыби. После той же процедуры, что и при выходе из гавани в Эльсиноре, только проделанной в обратном порядке, судно осторожно поставили на слип в западной части порта Фрихаун.

— Как у них все четко рассчитано, — Нильс показал в сторону эскорта, подъехавшего к пристани. — Они, должно быть, все время ехали следом за нами. Скоу говорил, здесь развернута почти целая армейская дивизия. Солдаты стоят вдоль улиц чуть не вплотную друг к другу на всем пути до института. Скорей бы все

это кончилось. — Он нервно сжимал и разжимал ладони, ничем больше не выдавая своего волнения.

— Да уж. Вообще-то все должно быть нормально. Приняты все меры предосторожности, однако...

— Однако у нас все яйца сложены в одну корзинку. А вот и наш двигатель. — Нильс показал на груз, упакованный в пластиковую пленку, который уже поднимали краном из открытого кузова грузовика. — И вместе с ним придут оба профессора. Вот уж действительно — в одной корзинке. Но ты не волнуйся. Похоже, тут собралась вся датская армия. Никто сегодня не сможет помешать нам — разве что скинут атомную бомбу.

— А что их остановит? — Лицо Хеннинга побледнело от напряжения. — Этого добра в мире более чем достаточно. Что если кто-то решит: раз нам не удалось заполучить двигатель, так пусть он не достанется никому? Баланс сил в мире...

— Закрой рот. У тебя слишком богатое воображение. — Нильс хотел сказать это в шутку, но слова прозвучали неожиданно резко.

Они оба вздрогнули и одновременно посмотрели вверх, услышав нарастающий зловещий гул. Звено реактивных истребителей, сверкая в лучах восходящего солнца, пронеслось низко над головой.

— Наши, — улыбнулся Нильс.

— Они могли бы там поторопиться, — проворчал Хеннинг, не ответив на улыбку.

Пришлось проделать массу ювелирной работы, чтобы погрузить гигантский далет-двигатель на борт и установить на судне, так что, несмотря на предварительную подготовку, все происходило медленно до безумия. «Галатею» накрепко пришвартовали к причалу, большой люк на корме открыли и сняли с него болты; длинный кран склонил стальную шею, готовый поднять его в воздух. Этот люк должны были использовать единственный раз, после чего он будет наглухо заварен. Огромная стальная пластина поднялась вверх, медленно вращаясь, и кран опустил ее на берег. В то же мгновение второй кран поднял массивный ящик с далет-двигателем и осторожным, тщательно выверенным движением опустил его в люк.

Зазвонил телефон. Нильс взял трубку и стал слушать, время от времени кивая головой.

— Хорошо. Проводите его в мою каюту. Я встречу с ним там. — Он встал, не реагируя на недоуменный взгляд Хеннинга. — Заменя меня, я ненадолго.

Зайдя в каюту, он увидел офицера в форме королевской охраны. Офицер отдал честь и протянул ему толстый кремовый конверт, запечатанный красным сургучом. Нильс сразу узнал вензель на печати.

— Мне приказано ждать ответа, — произнес офицер.

Нильс кивнул и вскрыл конверт. Прочитав короткое письмо, он подошел к письменному столу. На подставке лежали официальные бланки судна, которые расстарался напечатать какой-то сильно деловой снабженец и которыми еще ни разу не пользовались. Он взял верхний лист — неплохой адресат для самого первого бланка — и написал короткую записку. Потом запечатал конверт и отдал его офицеру.

— Полагаю, нет смысла писать адрес на конверте? — спросил Нильс.

— Нет, сэр, — улыбнулся офицер. — Позвольте пожелать вам успеха — от меня лично и от всех нас. Вряд ли вы представляете себе, какие чувства испытывает вся страна.

— Кажется, уже начинаю представлять.

Они подняли руки в салюте — и обменялись рукопожатием.

Вернувшись на мостик, Нильс все думал о письме, надежно запертом в сейфе.

— Ты не собираешься рассказать мне, в чем дело? — спросил Хеннинг.

— Не понимаю, с какой стати я должен это делать. — Подмигнув ему, Нильс обратился к радисту: — Неергор, сделайте перерыв. Вернетесь минут через пятнадцать. — Он подождал, пока закрылась дверь. — Письмо от короля. Праздничная церемония, намеченная на вечер, — сплошная фальшивка. Прикрытие для отвода глаз. Они объявят о торжестве, мы якобы встанем на якорь у дворца Амалиенбург, — но мы не сделаем этого. Как только все будет готово, мы уходим отсюда. Он пожелал нам удачи. Сожалеет, что не смог побывать на корабле. Когда мы выйдем из гавани, то сразу отправимся...

— На Луну! — воскликнул Хеннинг, глядя на сварщиков, работающих на палубе.

Глава 16

Марту Хансен мучила бессонница. И совсем не потому, что она осталась одна в пустом доме. Это было для нее привычно еще с тех пор, когда Нильс уходил в рейсы. Хотя в последнее время он гораздо чаще бывал дома, — может, потому большая двуспальная кровать казалась теперь такой пустой.

Нет, причина была в другом. Происходило что-то серьезное, может быть даже опасное, а Нильс ничего не мог ей рассказать. За годы, прожитые вместе, она изучила его достаточно хорошо, чтобы сразу увидеть, когда он что-то от нее скрывает. Сутки, может быть, несколько дней, сказал он, не глядя на нее, отвернулся и включил телевизор. Она знала, что за этим кроется что-то серьезное, и это знание не давало ей спать. Марта задремала, потом проснулась как от толчка и больше уже не смыкала глаз. Слишком уставшая, чтобы читать, слишком взвинченная, чтобы уснуть, она всю ночь до зари металась, ворочаясь на подушке. И в конце концов сдалась. Включила электрокофеварку и пошла в душ.

Обжигаясь горячим кофе, Марта пыталась найти какие-нибудь новости по радио, но безрезультатно. Она переключилась на короткие волны, наткнулась на непонятную лекцию на гортанном языке, покрутила ручку настройки дальше, мимо заунывной арабской мелодии, и, наконец, поймала международные новости Би-би-си. Диктор вещал о тупике, в который зашли переговоры в

Юго-Восточной Азии. Марта подлила себе кофе и чуть не выронила чашку, услышав слово «Копенгаген».

«...сведения неполные, поскольку до сих пор не сделано никаких официальных заявлений. Однако очевидцы сообщают, что город наводнен войсками, а в районе порта наблюдается непонятная активность. По неофициальным данным, все это как-то связано с Институтом Нильса Бора, и ходят упорные слухи об испытаниях так называемого далет-двигателя».

Марта включила приемник на полную громкость, чтобы одеваться и слушать одновременно. Что происходит? А главное — этот вопрос она старательно гнала от себя — насколько это опасно? С тех пор как были убиты шпионы и ранен Арни, Марта жила в постоянном напряжении, ожидая чего-то худшего.

Полностью одетая, в перчатках, держа наготове ключи от машины, она остановилась в дверях. Куда она едет и вообще — что она делает? Почти истерическая потребность куда-то бежать вдруг показалась ей предельно глупой. Этим она Нильсу не поможет. Бросившись в кресло, Марта подавила сильное желание расплакаться. Голос по радио гудел, не умолкая:

«...судя по сообщению, поступившему только что, экспериментальный корабль на воздушной подушке, о котором столько говорили в прессе, покинул судоверфь в Эльсиноре. Не исключено, что между этим фактом и событиями в Копенгагене существует какая-то связь».

Марта захлопнула за собой дверь и пошла в гараж. Она знала, что сделать ничего не сможет. Но в конце концов, она не обязана оставаться дома.

Пока Марта гнала машину к югу по полупустому шоссе, ее не покидало ощущение, что она делает именно то, что надо. Однако эта уверенность сильно поколебалась, когда она въехала в Копенгаген, в тупики улиц, перекрытых солдатами с винтовками через плечо. Они были очень вежливы, но пропустить ее не могли. Тем не менее она продолжала попытки, петляя вдоль улиц в тесном потоке машин, пока не обнаружила, что весь район порта оцеплен гигантским кольцом. Убедившись в этом, она развернулась по узким боковым переулкам и направилась к Кастеллету — пятиугольному замку, обнесенному рвом, который ограничивал гавань с юга. В квартале от набережной Марта нашла свободное место и припарковала машину. Ее обогнал людской

поток, спешивший к берегу, а впереди, у самой кромки воды, уже чернела большая толпа.

Ветер с Зунда продувал насквозь, и от него некуда было укрыться. Народу прибывало все больше, в воздухе витали разные слухи. Все обшаривали взглядом Эресунн в поисках признаков чего-то необычного. Некоторые из зрителей принесли с собой радиоприемники, однако никаких новых сообщений, в которых упоминалось бы о таинственных событиях в порту Фрихаун, не передавали.

Прошел час, потом другой, и Марта начала задаваться вопросом, чего они, собственно, ждут. Она продрогла уже до костей. Внезапно по радио раздались звуки фанфар. Стоявшие рядом с приемниками дружно зашикали на окружающих. Марта попыталась пробиться поближе, но безуспешно. Однако основной смысл официального сообщения ей все же удалось уловить.

«Галатей»... церемония спуска на воду... празднование... во дворце Амалиенбург вечером... Диктор продолжал говорить, но этого было достаточно. Усталая, замерзшая, Марта повернулась и направилась к машине. Ее конечно же пригласят на официальное торжество. Возможно, они сейчас пытаются ей дозвониться. Сначала надо немного вздремнуть, а потом позвонить Улле Расмуссен и выяснить, как они оденутся на этот прием.

Перед ней, загородив проход, стоял человек.

— Рано вы сегодня встали, Марта, — сказал Боб Бакстер. — Это, наверное, важный день для вас. — Он улыбался, но улыбка была фальшивой. Она поняла, что их встреча — не случайное совпадение.

— Вы ехали за мной по пятам. Вы ведете слежку за моим домом!

— На улице неудобно разговаривать — к тому же вы замерзли. Почему бы нам не зайти в это кафе? Выпьем кофе, перекусим чего-нибудь.

— Я еду домой, — сказала она, пытаясь обойти Бакстера. Он рукой преградил ей путь.

— Вы не пришли ко мне, как мы договаривались. У вас могут возникнуть серьезные осложнения с паспортом. Но почему вы не хотите поговорить об этом в неофициальной обстановке, сидя за чашечкой кофе? Что в этом плохого?

— Ничего.

Внезапно она почувствовала страшную усталость. Не стоило раздражать этого человека. А чашка горячего кофе будет очень кстати. Она позволила ему взять себя под руку, и он открыл дверь.

Из окна кафе были видны крыши автомобилей на стоянке, а за ними открывался вид на Зунд. В тепле было уютно, и она не стала снимать пальто. Бакстер аккуратно повесил плащ на спинку стула и по-английски попросил два кофе. Он начал разговор только тогда, когда официантка принесла заказ и удалилась на порядочное расстояние.

— Вы подумали о том, о чем я просил вас? — Бакстер приступил к делу без всяких предисловий.

Марта ответила, глядя в свою чашку:

— Честно говоря, нет. Я действительно ничем не могу вам помочь.

— Позвольте мне самому судить об этом. Но вы хотели бы нам помочь?

— Я хотела бы, конечно, но...

— Ну так это самое главное.

Она почувствовала, что попала в ловушку. Ее ничего не значащие слова вдруг превратились чуть ли не в обещание.

— Здесь не может быть никаких «но», — продолжал он. — И вам не придется делать ничего особенного. В последнее время вы часто общаетесь с женой профессора Расмуссена, Уллой. Продолжайте эту дружбу.

— Значит, вы все-таки следите за мной?

Он отмахнулся от ее вопроса как от пустяка, который не заслуживает ответа.

— Кроме того, вы знакомы с Арни Клейном. Он несколько раз бывал у вас дома. Познакомьтесь с ним поближе. Он в этом деле главная фигура.

— Может, мне еще и переспать с ним? — спросила она, охваченная внезапной злостью на себя, на этого человека, на все вокруг.

Он остался спокоен, хотя на лице появились жесткие складки, а голос зазвучал осуждающе:

— Люди шли и не на такие жертвы ради своей страны. Люди погибали за родину. Я всю жизнь посвятил этой работе, и я видел, как они умирали. Поэтому придерживайте свои грязные шуточки в духе Маты Хари. Может, вы считаете, что судьба наших ребят, замученных и убитых в войне с корейцами, японцами, вьетнам-

цами, — тоже предмет для шуток? Они погибли, чтобы сделать мир безопасным для вас, чтобы вы могли быть свободной американкой, жить где хочется и делать что хочется. Свободной. Вы верите в Америку, не так ли?

Его вопрос упал между ними как меч, который надо было подобрать и присягнуть на верность.

— Да, конечно, — проговорила она наконец, — но...

— Верность не признает никаких «но». Она неделима, как честь. Вы знаете, что нужны своей стране, и вы сами делаете свой выбор. У нас нет необходимости забирать ваш паспорт или прибегать к другим методам принуждения...

Нет необходимости, конечно, подумала она язвительно. Зачем тогда вообще упоминать об этом?

— ...потому что вы здравомыслящая женщина. Вам не придется делать ничего предосудительного, это я гарантирую. Вы просто поможете восстановить справедливость.

Рев реактивных самолетов, пронесшихся низко над землей, заглушил его слова. Он быстро повернул голову и показал на них с короткой кривой усмешкой.

— Наши, — заметил он. — Вы знаете, сколько стоит реактивный самолет? А мы подарили их Дании. И пушки, и танки, и корабли, и все остальное. Вам известно, что наша страна оплатила пятьдесят процентов всех расходов, которые потребовались на перевооружение датской армии после войны? Да-да, оплатила, хотя об этом теперь никто не любит вспоминать. Не то чтобы мы ожидали особой благодарности. Но им не мешало бы проявить хоть какую-то признательность. А вместо этого мы столкнулись с неприкрытым эгоизмом. Что может крошечная Дания в современном мире? — Он протянул слово «Дания» с нескрываемым презрением. — Из-за своей жадности они забыли, чем обязаны нам. Но они забыли также, что в наше время ничего нельзя сохранить в тайне надолго. Помните красных шпионов и атомную бомбу? Их шпионы работают будь здоров — и не зевают. Они доберутся до ракет-двигателя. И когда они сделают это, миру, в котором мы живем, придет конец. Нас либо убьют, либо закут в цепи — в общем, с нами будет все ясно.

— Не думаю, что до этого дойдет.

— Конечно, нет, — потому что вы поможете нам. Америка и раньше бывала единственным бастионом, защищавшим свободный мир, и мы без колебаний возъ-

мом на себя эту ношу опять. Только мы можем гарантировать мир на Земле.

Да, подумала Марта, как во Вьетнаме, в Лаосе, Гватемале, но не решилась сказать вслух.

Самолеты вновь пронеслись над ними, делая круг далеко над Зундом. Бакстер глотнул кофе и посмотрел на часы.

— Полагаю, вы хотите вернуться домой и собраться. Вы, наверное, приглашены на сегодняшний большой прием в честь «Галатеи»? Ваш муж имеет отношение к этому проекту. Что он там делает?

Это был вопрос, ответ на который она знала — он увидел, как напряглось ее лицо. Пауза затянулась.

— Ну, Марта, — сказал он с улыбкой. — Вы ведь не станете на их сторону?

Это предположение прозвучало почти шутливо, слово и мысли такой нельзя было допустить всерьез — принять сторону Дьявола, а не Бога.

— Он капитан корабля, — ответила Марта, уже не сомневаясь, на чьей она стороне.

Только потом она скажет себе, что в любом случае этот факт скоро стал бы достоянием общественности, об этом так и так узнали бы все. Но это будет потом. А сейчас она сделала выбор.

Бакстер ничем не выдал своего торжества; просто кивнул головой, как будто она сказала что-то само собой разумеющееся. Он посмотрел в окно и вздрогнул — она впервые видела на его лице признаки искреннего, живого чувства. Она проследила за его взглядом и внезапно вся похолодела.

— Это «Галатея», — произнес Бакстер, показав на приземистое судно, появившееся в проливе. Она кивнула, не сводя глаз с корабля. — Хорошо. Теперь вам нет смысла нас обманывать. Нам тоже кое-что известно. У нас есть снимок этой малышки, сделанный с большой высоты. Вчера вечером она была в Эльсиноре, а теперь зачем-то приплыла сюда. Наверное, за дател-двигателем. Она должна пришвартоваться рядом с дворцом. Там вы сможете рассмотреть ее поближе, и не исключено, что вас пригласят подняться на борт.

Повернувшись к Марте, он уставился на нее немигающим взглядом, который говорил: «Вы знаете, что делать, если это произойдет». Марта не выдержала и отвела глаза первой. Она чувствовала, что уже вступила

в сделку. Выбрала, на чьей она стороне. Хотя до сих пор не могла понять, как же это произошло.

Над головой опять промчались ревущие истребители, в проливе появились торпедные катера и со всех сторон окружили «Галатею», неуклюже переваливавшуюся на легких волнах.

— Останавливается, — сказал Бакстер. — Интересно, почему бы это... — Вдруг его глаза округлились, и он привстал со стула. — Нет! Они же не собираются...

Но они собирались. Торпедные катера направились к берегу, самолеты улетели прочь.

Легкая, как воздушный шар, «Галатея» поднялась из воды. Она ненадолго повисла в воздухе, привязанная невидимой нитью, а затем стала стремительно подниматься вверх, все быстрее и быстрее, и через мгновение исчезла в облаках.

Марта достала носовой платок и скомкала его дрожащими руками, не зная, плакать ей или смеяться.

— Вот видите, — услышала она полный презрения голос Бакстера, который, казалось, доносился откуда-то издали. — Они даже вам солгали. Вся эта история с королевским приемом — сплошное вранье. Они всех надули и смотались под шумок.

Она встала и вышла из кафе, не желая больше ничего слушать.

Глава 17

ЛУННАЯ БАЗА

— Я действительно не могу этого сделать, — сказал Арни. — Здесь полно людей, у которых это получится гораздо лучше. Профессор Расмуссен, например. Он в курсе всей нашей работы.

Ове Расмуссен покачал головой.

— Я бы с удовольствием, Арни. Но только ты сможешь сказать все так, как надо. Честно говоря, это я предложил твою кандидатуру.

Арни очень удивился и бросил на него укоризненный взгляд, чуть ли не обвиняя в предательстве. Но вслух ничего не сказал. Он повернулся к расторопному молодому человеку из аппарата правительства, который прилетел на Луну, чтобы обговорить все подробности.

— Я никогда раньше не выступал по телевидению, — сказал ему Арни. — И я не привык публично говорить неправду.

— Никто и не собирается вас об этом просить, профессор Клейн, — возразил молодой человек, открывая свой кейс и вынимая папку с бумагами. — Мы просим вас говорить только правду. После вас кто-нибудь расскажет о положении на базе со всеми подробностями и безо всякой лжи. Не надо говорить неправду, но какие-то детали можно просто опустить. Работа на Лунной базе еще не совсем закончена, но если вы скажете, что она близится к завершению, это не будет

тяжким грехом. Этот корабль стал теперь частью базы, рядом с ним склады для оборудования, а строительство ведется круглые сутки.

— Он прав, — спокойно заметил Ове. — Обстановка в Дании все время ухудшается. Вчера было совершено нападение на Институт атома. Полная машина людей, одетых в полицейскую форму. Они вломились в здание и, когда их обнаружили, завязали перестрелку с войсками. В итоге — четырнадцать убитых.

— Террористические рейды, как в Израиле. — Арни отрешенно смотрел перед собой, в глазах застыла давняя боль.

— Это совсем другое, — быстро возразил Ове. — Ты не можешь винить себя за то, что произошло. Но ты можешь предотвратить дальнейшие преступления. Ты понимаешь меня?

Арни кивнул, молча глядя в окно. Изрытая лунная равнина простиралась до горизонта, но большая часть неба была закрыта почти отвесной стеной гигантского кратера. Неподалеку желтый бульдозер рыл широкую траншею. Голубой дымок из выхлопной трубы исчезал в вакууме, едва успев появиться. За сиденьем водителя был прикреплен комплект из шести больших кислородных баллонов.

— Хорошо, я согласен. — Арни наконец решился и выбросил этот вопрос из головы. Он показал на водителя, одетого в черно-желтый скафандр и прозрачный шлем. — Были еще проблемы с утечкой кислорода из скафандра? — спросил он, когда чиновник из госаппарата исчез за дверью.

— Иногда бывает немного, но мы следим за ними и сразу же ремонтируем. Внутри поддерживается давление в пять фунтов, так что никакой серьезной опасности нет. Хорошо, что нам вообще удалось раздобыть эти герметичные скафандры. Уж и не знаю, что бы мы делали, если бы англичане не продали нам остатки оборудования, когда свернули свою космическую программу. Но как только у нас все будет готово, американцы и русские начнут отпихивать друг друга локтями, предлагая свои скафандры в обмен на... как это называется?

— Участие на паях.

— Точно. Скоро мы запрячем базу в грунт, полностью покроем крышей и будем работать только на

электричестве, так что возить с Земли кислородные баллоны больше не придется.

Команда телевизионщиков вкатила в комнату свое оборудование. Они быстро установили камеры и осветительные приборы, по полу во все стороны протянулись шнуры от микрофонов. Суетливый режиссер в темных очках и с остроконечной бородкой непрерывно выкрикивал какие-то приказания.

— Ребята, не могли бы вы встать, — сказал он, обращаясь к Ове и Арни, и махнул своим помощникам, указывая на кресла. Мебель мгновенно перетасили на другое место, откуда-то возник длинный стол, а режиссер продолжал оформление сцены. — Окно будет сбоку, динамики под ним, микрофоны на столе. Поставьте туда графин и пару стаканов. И найдите, чем прикрыть этот пустой кусок стены. — Он повернулся на каблуках и ткнул пальцем. — Вот. Этот снимок Луны. Переверьте его туда.

— Но он привинчен, — возразил кто-то.

— Ну так отвинтите! У вас что, руки не тем концом вставлены? — Он побежал к камере и посмотрел в объектив.

В каюту вошел Лейф Хольм, большой как жизнь, в своем вечном старомодном костюме, который он носил в конторе на верфи.

— Умирать буду — не забуду этот полет на «Каракатице», — сказал он, обмениваясь крепкими рукопожатиями с обоими физиками. — Будь я католиком, крестился бы не переставая всю дорогу. Даже курить не давали. Нильс боялся, что я засорю систему вентиляции.

Вспомнив о вынужденном воздержании, он вытащил из внутреннего кармана пиджака большой портсигар.

— Нильс сейчас здесь? — спросил Арни.

— Нет, он сразу же поднял свою лодку, — ответил Ове. — Они используют «Каракатицу» как ретранслятор, и сейчас она висит над горизонтом.

— С обратной стороны Луны, — добавил Лейф Хольм, отрезая кончик огромной сигары гильотинкой, висевшей на цепочке для часов. — Чтобы никто не смог увидеть ее в эти чертовы телескопы.

— У меня еще не было возможности поздравить вас, — сказал Ове.

— Благодарю вас, вы очень любезны. Министр космоса — звучит довольно внушительно. И мне не надо

исправлять то, что натворили мои предшественники: их у меня попросту не было.

— Прощу вас, займите, пожалуйста, свои места, и мы проведем небольшой брифинг, — сказал человек из аппарата правительства. На лбу у него блестела испарина.

Арни и Лейф Хольм сели за стол, кто-то побежал за пепельницей.

— Вот основные вопросы, которые мы хотели бы упомянуть. — Он положил перед ними несколько скрепленных листков бумаги. — Я знаю, что вас уже инструктировали, но пусть они будут у вас под рукой. Министр Хольм, вы сделаете вступительное заявление. Затем журналисты на Земле станут задавать вопросы. На вопросы, связанные с техникой, ответит профессор Клейн.

— А что за журналисты? — спросил Арни, — из каких они стран?

— Самые классные ребята. Отборная команда. Советские и американские, разумеется, и, кроме того, из всех ведущих европейских стран. Другие государства объединились и выбрали своих представителей. Всего их будет около двадцати пяти.

— А Израиль?

— Да. Они настаивали на том, чтобы прислать своего собственного репортера. Учитывая все обстоятельства, мы согласились.

— Связь установлена! — объявил режиссер. — Приготовьтесь. Начнем через три минуты. Мы связаны с системой Евровидения и через спутники — с Америкой и Азией. Нас смотрит вся планета. Следите за монитором, и вы увидите, когда начинать.

Под первой камерой установили телевизор с огромным экраном. Изображение было четким, без помех. Датский ведущий заканчивал вступительное слово, передача велась по-английски.

— ...со всего мира собрались сегодня здесь, в Копенгагене, чтобы поговорить с теми, кто сейчас на Луне. Хочу вам напомнить, что радиоволнам требуется почти две секунды, чтобы достичь Луны, и столько же, чтобы вернуться обратно, так что между вопросами и ответами будет небольшая пауза. А сейчас мы включаем Датскую лунную станцию. Мистер Лейф Хольм, министр космоса.

На второй камере зажглась красная лампочка, и они увидели себя на экране монитора. Лейф Хольм аккуратно стряхнул пепел и затянулся сигарой, так что его первые слова сопровождались густым облаком дыма.

— Я обращаюсь к вам с Луны, где Дания основала базу для исследования и коммерческого использования далет-двигателя, который сделал возможными такие космические полеты. Строительные работы находятся на нулевой стадии — вы сами можете увидеть рабочий процесс через окно у меня за спиной — и будут продолжаться до тех пор, пока здесь не вырастет небольшой город. Сначала база будет использоваться только как научно-исследовательский центр по изучению далет-эффекта. В каком-то смысле создание этого центра уже завершено, потому что все... — Он наклонился к камере и сурово посмотрел в объектив, — ...все, что касается далет-проекта, уже находится здесь, на базе. Профессор Клейн, сидящий справа от меня, будет руководить исследованиями. Он привез с собой своих помощников, все оборудование и все записи. — Хольм откинулся в кресле и, прежде чем продолжить, затянулся сигарой. — Надеюсь, вы извините, что я так настойчиво подчеркиваю этот факт, но мне хотелось бы, чтобы это было понятно всем. В последние месяцы в Дании совершено несколько преступных акций. Погибли люди. К сожалению, приходится признать, что некоторые государства готовы пойти на все, чтобы получить информацию о далет-двигателе. Сейчас я обращаюсь к ним и заранее приношу извинения всем миролюбивым странам, которых, к счастью, большинство. Оставьте свои попытки. Прекратите. Вам ничего не удастся украсть. Мы собираемся использовать далет-эффект для дальнейшего процветания человечества. Не для насилия.

Он замолчал, почти свирепо уставившись в камеру, и откинулся на спинку кресла. Все это время Арни сидел неподвижно, безучастно глядя прямо перед собой.

— Теперь мы готовы ответить на ваши вопросы.

На экране монитора появилась аудитория в Копенгагене, где находились представители прессы. Журналисты сидели на стульях, расставленных аккуратно рядами, и терпеливо ждали, пока длилась пауза. Они испытывали некоторое замешательство от мысли, что радиоволнам, несмотря на перемещение со скоростью

света, требовалось вполне осязаемое время для преодоления огромного пространства между Землей и Луной. И вдруг вся аудитория разом ожила, репортеры повскакали с мест, требуя слова. Операторы узнали одного из них и направили камеры на плотного человека с пышной копной волос. Внизу на экране появилась белая строка: «Соединенные Штаты Америки».

— Вы можете нам сказать, кто именно несет ответственность за так называемые нападения в Дании? Ваше выражение — «некоторые государства» — может относиться к любой стране. Таким образом вы косвенно обвиняете всех. Это крайне несправедливо. — Он с негодованием посмотрел в камеру.

— Сожалею, если вы находите это несправедливым, — спокойно ответил Хольм. — Но факт остается фактом. Нападения были. Люди погибли. Думаю, не стоит дальше обсуждать этот вопрос. Я уверен, что у мировой прессы найдутся вопросы по существу.

Не успел разгневанный репортер сказать что-нибудь в ответ, как на экране появился представитель Советского Союза, который, если и был не менее рассержен, весьма успешно скрывал свое раздражение.

— Союз Советских Социалистических Республик вместе с другими миролюбивыми народами планеты решительно осуждает акты агрессии, направленные против Дании. — Он обменялся с американцем испепеляющим взглядом. — Мне бы хотелось задать более важный вопрос. Что ваша страна намеревается делать с этим ракет-двигателем?

— Мы собираемся использовать его в коммерческих целях, — ответил Хольм, когда прошли положенные секунды. — Точно так же, как датские мореплаватели начинали торговые операции с Восточной Азией в прошлом столетии. Мы основали компанию «Det Forenede Rumslibsselskab», «Объединенную космическую компанию», в которой на правах партнеров участвуют государственные структуры и частные предприниматели. Мы намереваемся исследовать Луну и другие планеты. В данный момент у нас, естественно, нет конкретных программ, но мы уверены, что перед нами открыты блестящие перспективы. Полезные ископаемые, научные исследования, туризм — и бог знает что еще. Мы в Дании полны энтузиазма, потому что это сулит неисчерпаемые блага.

— Блага для Дании, — сказал русский журналист, прежде чем слово успели передать другому. — Не означает ли такая монополия, что вы хотите лишить весь остальной мир его справедливой доли в этом предприятии? Почему бы вам, как социалистической стране, не поделиться своим открытием со всеми?

Лейф Хольм серьезно кивнул.

— Хотя многие наши общественные институты действительно социалистические, у нас немало и частных структур, в достаточной степени капиталистических, чтобы не позволить нам разбазаривать то, что вы назвали «монополией». Это монополия лишь в том смысле, что мы будем получать определенную прибыль от использования кораблей с далет-двигателем, которые сделают Солнечную систему открытой для всех стран Земли. Мы постараемся не быть слишком жадными. Со скандинавскими странами уже подписаны соглашения о совместном производстве кораблей. Мы верим, что это открытие принесет пользу всему человечеству, и считаем своим долгом воплотить его в жизнь.

Камера выхватила из толпы возбужденных, размахивающих руками журналистов представителя израильской прессы. Сдержанная манера поведения и привычка посматривать поверх очков без оправы делали его похожим на ученого, но Арни узнал в нем одного из самых острых комментаторов страны.

— Если это открытие принесет такую пользу всем, я хотел спросить, почему оно не было опубликовано? Мой вопрос адресован профессору Клейну.

У Арни было несколько секунд, чтобы подготовиться к ответу, но этот вопрос не был для него неожиданным. Он медленно и отчетливо выговаривал слова, глядя прямо в камеру.

— Далет-эффект — это не просто средство передвижения. Его легко превратить в мощное оружие. Страна, которая хочет завоевать мир, действительно сможет подчинить его своему господству, используя далет-эффект. Или уничтожит мир во время этой попытки.

— Не могли бы вы развить вашу мысль? Мне не терпится понять, как это ракетный двигатель нового типа может сделать все то, о чем вы говорите?

Журналист улыбнулся, но Арни прекрасно знал, что кроется за этой улыбкой. Им обоим было известно об

истории с далет-эффектом гораздо больше, чем они признавали вслух.

— Он может сделать очень многое, потому что это вовсе не разновидность ракетного двигателя. Это новый принцип. Его можно использовать, чтобы поднять маленький корабль или огромное судно. Или даже целую железобетонную крепость с тяжелыми орудиями — и перенести ее в любую часть света за несколько минут. Ее можно подвесить в космосе на самом верху гравитационного колодца, где она будет недостижима для ракет, даже для ракет с ядерными боеголовками, и поражать с нее любую цель бомбами или снарядами. Если этот образ кажется вам недостаточно устрашающим, могу добавить, что, используя далет-эффект, можно оторвать от Луны огромные глыбы скал или даже целые небольшие горы и сбросить их на Землю. Предела возможным разрушениям просто нет.

— И вы полагаете, что другие страны мира использовали бы далет-эффект для насилия, если бы он попал к ним в руки?

Остальные журналисты на время замолкли, чувствуя, что диалог ведется с подтекстом.

— Вам это хорошо известно, — огрызнулся Арни. — Разве когда-нибудь страшная разрушительная сила оружия удерживала от его применения? Страны, которые практиковали геноцид, которые применяли в войне отравляющие газы и атомные бомбы, не остановятся ни перед чем.

— Значит, вы считаете, что Израиль способен на такие вещи? Насколько я понимаю, вы сделали свое открытие в Израиле и вывезли его оттуда?

Арни ожидал этого, но было явно видно, как он поник под тяжестью удара. Когда он заговорил, его голос звучал так тихо, что инженерам пришлось увеличить громкость.

— Я не хотел, чтобы Израиль был поставлен перед выбором: или выжить, или выпустить на свободу силы зла, угрожающие существованию человечества. Сначала я думал уничтожить свои записи, но потом понял, что это открытие с таким же успехом может сделать кто-то другой. Я был вынужден принять решение — и сделал это.

Голос его зазвенел от волнения, слова звучали вызывающе.

— Насколько я могу судить, я принял правильное решение и, если бы пришлось повторить все сначала, поступил бы так же. Я приехал со своим открытием в Данию, потому что Израиль, при всей моей любви к нему, находится в состоянии войны и его могли вынудить использовать далет-эффект в военных целях. Я был убежден: если моя работа принесет пользу всему человечеству, Израиль от этого выиграет не меньше, и выиграет одним из первых, поскольку я многим обязан ему. Но Дания — я знаю эту страну, я родился здесь — никогда не поддастся соблазну развязать агрессию. В этой стране уже дважды голосовали и чуть не приняли решение об одностороннем разоружении. В мире, живущем по законам джунглей, они хотят остаться безоружными! У них есть вера. А я верю в них. Я могу ошибаться, упаси бог, конечно, но я сделал все, что мог...

Его голос сорвался от эмоций, и Арни отвернулся от камеры. Режиссер быстро переключился на Землю. Прошло несколько мгновений, и на экране появился индийский репортер, представитель группы азиатских стран.

— Может ли господин министр любезно объяснить нам, какую именно пользу принесет применение этого открытия, и в частности, если возможно, что это даст странам Юго-Восточной Азии?

— Безусловно, я могу это сделать, — сказал Хольм и посмотрел на свою сигару, с удивлением обнаружив, что совершенно забыл о ней и она давно погасла.

Глава 18

РУНГСТЕД КЮСТ *

— День как по заказу, — сказала Марта Хансен, смяв сигарету в пепельнице и сцепив вместе ладони, чтобы скрыть, насколько она взволнованна.

— Безусловно, безусловно, — согласился Скоу и оглянулся вокруг, вытянув вперед шею, будто вынюхивая, где что не так. — Извините, я на минутку.

Марта не успела рот раскрыть, как он уже исчез вместе с двумя охранниками, тенью скользнувшими следом. Она взяла еще одну сигарету и щелкнула зажигалкой; с такой скоростью к полудню от пачки ничего не останется. Перевернувшись на диване, она закинула на него ноги и разгладила юбку. Так ли она оделась? Это вязаное платье всегда нравилось Нильсу. Сколько же времени прошло с тех пор? Она быстро повернулась к окну, услышав подъезжающую машину, но та проехала дальше, миновав Страннвееен.

Солнце сияло вовсю, освещая зеленую траву, высокие деревья и сверкающую голубизну Зунда. Белые паруса клонились на ветру, лихо прожужжала моторка, прочертив пенную кильватерную линию в сторону Швеции. В такое июньское воскресенье, когда светит

* Побережье Рунгстед (*gam.*).

солнце, Дания — это рай земной, и именно сегодня Нильс возвращается домой! Сколько месяцев уже...

Три больших черных лимузина притормозили и остановились перед домом. Рядом с ними припарковался полицейский автомобиль и еще одна машина. Они приехали! Марта помчалась вперед, обогнав Скоу, и широко распахнула дверь.

— Марта! — воскликнул Нильс, бросил сумку и прижал ее к себе прямо у порога, целуя так крепко, что у нее перехватило дыхание. Она с трудом высвободилась из его объятий и не смогла удержаться от смеха, увидев, сколько народу вокруг терпеливо дожидается, когда они закончат обниматься.

— Извините! Проходите, пожалуйста, в дом. — Она чувствовала, что волосы у нее растрепаны, губная помада наверняка размазана и что ей на это наплевать, — то есть абсолютно. — Арни, как я рада вас видеть! Идите сюда!

Они остались втроем в гостиной, а в остальных комнатах дома раздавались тяжелые шаги полицейских.

— Извини за почетный эскорт, — сказал Нильс. — Но это была единственная возможность доставить Арни отдохнуть на Землю. Нам всем уже пора было сделать перерыв, а ему — в особенности. Наш неусыпный сторож Скоу согласился лишь при условии, что Арни остановится у нас и что ему, то бишь Скоу, дадут возможность организовать охрану так, как он сочтет необходимым.

— Спасибо, что приютили, — сказал Арни, устало откинувшись в мягком кресле. Он выглядел похudevшим и изможденным. — Извините, что навязываю вам свое общество...

— Прекратите эти глупости! Еще одно слово — и я выгоню вас в миссионерский приют, в котором, как известно, категорически запрещено спиртное. А тут по крайней мере хоть выпить дадут. Надо же отпраздновать. Что вы будете пить? — Она встала и открыла бар.

— Руки как будто налиты свинцом, — сказал Нильс с мрачным видом, поднимая и опуская руку. — Еле хватит сил, чтобы поднести бокал ко рту. Эта сила тяжести, одна шестая земной, разрушает мускулатуру.

— Ах ты мой бедненький! Покормить тебя из бутылочки?

— Ты прекрасно знаешь, как вернуть мне силу!

— У тебя слишком измученный вид. Лучше сначала выпей. Я приготовила мартини — вы не против?

— Прекрасно. И не забудь мне напомнить, что в чемодане специально для тебя лежит бутылка бомбейского джина. Мы получаем его на Луне без пошлины, поскольку этот район решили считать свободным портом, пока не придумают чего-нибудь получше. Таможенники были безумно любезны и разрешили провезти одну бутылку обратно. Сделать небольшой крюк в 800 000 километров, чтобы сэкономить на налогах двадцать пять крон! Мир свихнулся.

Нильс надолго присосался к ледяному напитку и с наслаждением выдохнул. Арни сделал маленький глоток из своего бокала.

— Вы уж извините меня за всю эту охрану и сума-тоху, но они со мной носят как с национальным сокровищем...

— Да ты и есть сокровище, черт подери! — вмешался Нильс. — Теперь, когда дадет-установка запрятана на Луне, любая страна не пожалела бы миллиарда крон, чтобы заполучить тебя живьем, — было бы только чем платить. Жаль, что я такой патриот. А то продал бы тебя тому, кто предложит больше, и уехал бы на остров Бали на всю оставшуюся жизнь.

Арни улыбнулся, и его напряженное лицо заметно смягчилось.

— Это настоящий заговор. Врачи, Скоу, ваш муж — они все решили превратить ваш дом в вооруженную крепость, чтобы я мог приехать сюда. А какая прекрасная погода!

— Как раз для морской прогулки, — сказал Нильс, допивая мартини. — Кстати, где наша яхта?

— Пришвартована в южной части гавани, как ты и просил.

— Почему бы нам не выйти в море... Черт! Ведь Арни не должен выходить из дому.

— Отправляйтесь вдвоем, а я пока отдохну, — предложил Арни. — Позагораю в саду, мне Нильс это так расписывал...

— Ничего подобного, — сказала Марта. — Пусть Нильс один сходит в гавань, как следует просмоится и пропотеет. Он ведь никогда не ходит на яхте, только красит ее и конопатит швы. Пускай повкалывает в свое удовольствие, а мы погреемся в саду на солнышке.

— Что ж — если вы не против... — Нильс уже наклонился в сторону двери.

— Иди, — рассмеялась Марта. — Только не опоздай к обеду.

— Пойду скажу Скоу, куда я собираюсь. Хотя обо мне они не слишком беспокоятся, я ведь только и умею, что кнопки нажимать.

Марте пришлось разыскать его рабочие брюки, рубашку, заляпанную пятнами от краски, потом плавки, пока наконец он не выкатился из дома. Арни ушел в свою комнату переодеваться. Марта, взглянув на залитый солнечным светом сад, тоже надела купальник. В такую погоду все датчане становятся солнцепоклонниками.

Арни сидел в шезлонге, во внутреннем дворике, и она придвинула свое кресло поближе.

— Изумительно, — сказал он. — Только сейчас я понял, как соскучился по живому свету, краскам и свежему воздуху.

Тень парящей чайки скользнула по траве и скрылась за высоким деревянным забором. В воздухе не было ни ветерка. Вдали раздался чей-то смех, отчетливо доносились звуки пинг-понга.

— Как продвигается работа? Или хотя бы та ее часть, о которой можно рассказать.

— Единственный секрет — это далет-двигатель. А что до остального, так это очень напоминает управление паровой лодкой, которая открывает путь на дикий Запад. Вы читали о нашем путешествии на Марс?

— Да, мне было очень завидно. Когда вы начнете продавать билеты пассажирам?

— Очень скоро. И самый первый достанется вам. У нас и вправду большие планы в этом направлении. После того как на Марсе нашли открытые урановые жилы, акции «Космической компании» взлетели до небес. Деньги рекой потекли к шведам, которые строят космический суперлайнер. Он в основном предназначен для перевозки грузов, но в дальнейшем там будет много пассажирских кают. Мы отбуксируем его на Луну и установим далет-двигатель. Наша база уже превратилась в настоящий город с механическими мастерскими и сборочными цехами. Практически все детали для далет-установки изготавливаются там, за исключением стандартных электронных компонентов, которые поставляют отсюда. Все идет прекрасно, грех жаловаться.

ся. — Он оглянулся вокруг в поисках деревянного предмета, чтобы постучать по нему, но вся мебель в саду была из пластика, отделанного металлом.

— Может, принести из кухни доску? — предложила Марта, и они рассмеялись. — Лучше я принесу вам выпить что-нибудь прохладное. В наш закрытый дворик совсем не проникает ветер, и на таком солнце можно просто изжариться.

— Я согласен, только если вы присоединитесь ко мне.

— А вы попробуйте мне помешать. Джин с тоником, раз уж мы начали с джина.

Она скоро вернулась с подносом в руках, ступая босыми ногами так тихо, что Арни вздрогнул, увидев ее.

— Извините, я не хотела вас напугать, — сказала она, протягивая ему бокал.

— Пожалуйста, не извиняйтесь. Это я виноват. Просто пришлось и впрямь немало потрудиться, а здесь так прекрасно... Почти так же тепло, как в Израиле.

— Вы скучаете по Израилю? — спросила Марта и быстро добавила: — Извините. Я знаю, что это не мое дело.

Улыбка исчезла с его лица, и взгляд неподвижно застыл.

— Да, я скучаю по Израилю. Мои друзья, моя жизнь остались там. Но если бы мне дали еще один шанс, думаю, я повторил бы все заново.

— Я не хотела лезть вам в душу...

— Нет-нет, Марта, все в порядке. Я сам часто думаю об этом. Кто я — предатель или герой? Я скорее умру, чем причиню Израилю малейший вред. Недавно я получил письмо на иврите, без подписи. Всего одна строчка: «Что сказала бы Эстер Бар-Гиора?»

— Это ваша жена?

— Да. Она была очень похожа на вас. Такие же волосы и... — Он посмотрел на ее тело, едва прикрытое крошечным купальником, кашлянул и отвел глаза. — Как бы это сказать... такое же телосложение. Только кожа смуглая, всегда загорелая. Она была сабра, родилась и выросла в Израиле. Одна из моих аспиранток. Она любила повторять, что окрутила профессора. — Он сидел, глядя вдаль затуманенным взором. — Она погибла во время террористического налета.

Профессор отпил из бокала. Издалека доносились детские крики.

— Не позволяйте мне предаваться грустным воспоминаниям, Марта. Сегодня такой замечательный день. Просто мне хотелось бы знать, кто прислал это письмо. Я ответил бы ему, что Эстер могла рассердиться на меня, но она бы все поняла. А в конце концов, возможно, и согласилась бы со мной. Бывают такие случаи, когда судьба всего человечества становится важнее заботы об интересах своей страны. Вам это должно быть понятно. Родились в Америке, стали датчанкой — настоящая космополитка.

— Но это не совсем так, — Марта рассмеялась, пытаясь скрыть смятение. — Я хочу сказать, хоть я и замужем за датчанином, но считаюсь американкой, по паспорту... — Интересно, зачем она это ему рассказывает?

— Паспорт, бумаги, — произнес он, пренебрежительно махнув рукой. — Ерунда. Мы — это наше представление о нас. Наш этнос отражается в поступках. Я, наверное, косноязычно излагаю свою мысль. Никогда не был силен в философии, да и в остальных науках тоже, кроме физики и математики. Я даже завалил как-то экзамен по химии, забыл колбу на спиртовке, она и взорвалась. Вообще-то меня мало что интересовало, кроме моей работы. Ну и Эстер, конечно, когда мы поженились. Люди считали меня сухарем — и были правы. Я даже в карты ни разу не играл. Но я умел смотреть и умел думать. И видел, как пытались уничтожить Израиль. Чем более реальной становилась идея ракет-двигателя, тем больше я задумывался о том, что же с ним делать. Я вспомнил Нобеля и его миллионные премии, которыми он откупался от угрызений совести. Думал об ученых-атомщиках, которые сходили с ума или кончали с собой. Почему, думал я, почему нельзя сделать что-нибудь до того, как открытие станет известно всем? Разве нельзя обратить его на пользу, не позволить ему стать орудием уничтожения? Эта мысль не покидала меня, не давала покоя, и в конце концов заставила действовать. Я знал, что это будет нелегко, но даже представить себе не мог, насколько тяжело это будет...

Арни замолчал и поднес бокал к губам.

— Вы должны извинить меня. Я болтаю слишком много. Мужское общество, знаете ли. Стоило появиться женщине, да еще умеющей слушать, — и результат налицо. Шучу. — Он вымученно улыбнулся.

— Нет, не надо так! — Она порывисто наклонилась и взяла его за руку. — Женщина может сойти с ума, если не расскажет кому-нибудь о своих заботах. У мужчин все иначе — и я думаю, в этом причина многих бед. Мужчины все держат в себе, пока не происходит взрыв, и тогда они выходят на улицу и убивают себе подобных.

— Да, конечно. Спасибо. Я вам очень благодарен.

Он неловко погладил ее по руке и тяжело откинулся назад, закрыв глаза. Толстый шмель деловито гудел вокруг выюнков, которые ползли наверх по стенке дома.

«Den er fin med kompasset,
Slå rømmen i glasset...»*

Нильс радостно и громко выводил монотонный напев, соскабливая пузыри старой краски с кокпита. В гавани никого не было; в такие воскресные летние дни все суда выходили в Зунд. Ничего, он тоже скоро выйдет в море, вот только закончит работу. Он не выносил, когда на «Чайке» что-то было не в порядке, и поэтому чаще наводил на нее блеск, чем плавал под парусами. Что ж, это тоже интересно. Ему нравилось поразмять мускулы, благо было что разминать. Хотя завтра они точно будут болеть после нескольких месяцев расслабляющей лунной гравитации. Босиком, в одних плавках, Нильс обливался потом и был доволен до ужаса. Он пел так громко, что не заметил, как за спиной раздались легкие шаги.

— Ты что это так расшумелся? — услышал он знакомый голос.

— Ингер! — Он вскочил и вытер руки ветошью. — Вечно ты подкрадываешься незаметно. Что, черт возьми, ты здесь делаешь?

* «Отлично работает компас.
И вот уже склянки бьют... » (gam.)

— Случайность, — а может, судьба. Я здесь с друзьями из яхт-клуба в Мальмё, всего на один день. — Она показала на большое судно на другой стороне гавани. — Мы остановились пообедать — и выпить конечно. Ты же знаешь, мы, шведы, совсем не дураки выпить. Все ушли в кто *, и я тоже туда направляюсь.

— Но сначала ты выпьешь со мной. У меня в ведре несколько бутылок пива. Черт побери, да ты потрясно выглядишь!

Она действительно была хороша. Ингер Альквист. Высокая, шесть футов, медово-загорелая блондинка в настолько крохотном бикини, что его почти не было видно.

— Ты не имеешь права разгуливать в таком виде, — сказал он, чувствуя, как напрягаются мышцы живота и бедер. — Это просто преступление. И натуральная попытка для несчастного, который так долго разыгрывал из себя Человека на Луне, что совсем забыл, как выглядят девушки.

— Они похожи на меня, — со смехом сказала Ингер. — Ну давай свое пиво, а то мне пора. От морских прогулок разыгрывается зверский аппетит. Как там на Луне?

— Словами не расскажешь. Но ты сама скоро там побываешь. Нашей космической компании понадобится стюардесса, и мы переманим тебя из САС. — Нильс неуклюже прыгнул на палубу, так и не привыкнув еще к земной силе тяжести, и открыл дверь в каюту. — Захвачу бутылку себе тоже. Погодка сегодня, да? Ну а как ты вообще жила все это время?

Он прошел в угол каюты, где в ведре с водой и кусочками льда стояли зеленые бутылки. Ингер шагнула на палубу и наклонилась, чтобы продолжить разговор.

— Как обычно. Бывало кое-что интересное, но не думай, что я тебе не завидовала, — все эти путешествия, Луна, Марс... Ты говорил про стюардессу. Это серьезно?

— Конечно. — Он щелкнул открывашкой, прикрепленной к переборке. — Пока никаких деталей, все жутко секретно, но есть определенные планы насчет пассажирских рейсов в будущем. И это естественно. Ты только вдумайся: мы можем долететь до Лунной

* Кабак (gam.).

базы быстрее, чем рейсовым самолетом из Каструпа в Нью-Йорк. Держи.

Он протянул ей бутылку, и Ингер шагнула к нему.
— Skål!

Ингер сделала несколько глубоких глотков и опустила бутылку с довольным вздохом. Ее полные влажные губы были в нескольких дюймах от него. Все произошло само собой.

Бутылка упала и покатилась по палубе, выплескивая светлую струю пены. Он обхватил Ингер, ощущая ладонями теплую кожу, чувствуя, как ее бедра прижались к нему, как вдавились в него упругие груди. Она приоткрыла рот, и мокрые от пива губы встретились с его губами.

Ее бутылка тоже выпала из рук и со звоном ударилась о ведро. Но они этого не услышали. Они уже падали.

Голова Арни склонилась набок, рот приоткрылся, он дышал глубоко и размеренно. Марта тихонько встала, чтобы не тревожить его. Если она останется в этом недвижимом зное, то непременно уснет, а ей этого не хотелось. Она прошла в дом, набросила легкий пляжный халат и постучала в дверь комнаты Скоу. Он открыл с наушниками на голове и жестом пригласил войти. Скоу превратил заднюю спальню в командный пункт, уставив весь стол аппаратами для связи. Он отдал какие-то приказания и выключил микрофон.

— Схожу прогуляюсь в гавань, — сказала ему Марта. — Профессор Клейн спит во дворе, и мне не хочется его беспокоить.

— Это наша работа — наблюдать за ним. Если он проснется, я скажу, куда вы ушли.

Прогулка заняла всего пять минут. Сняв босоножки, Марта шла вдоль пляжа по теплomu песку. Купаться она не собиралась, зная по опыту, что даже в такую жару вода еще слишком холодная. Крутом было тихо, лишь один вертолет стрекотал над головой, наверняка из охраны Арни. В их районе стояло множество незнакомых легковых автомобилей и грузовиков, а к некоторым из соседей пожаловали незваные гости. Этого несчастного, усталого человека охраняли как национальное достояние. Наверное, они были правы. Марта помахала рукой знакомым, загорающим на пляже, и по

каменным ступенькам забралась на волнорез. В гавани не было почти ни одного судна, и она сразу увидела «Чайку», но Нильса нигде не было.

Может, он зашел в кабачок напротив выпить пива? Нет, обычно он заходил туда по пути и брал пиво с собой. Куда он мог деться? Наверное, спустился в каюту.

Марта уже хотела позвать его, как вдруг заметила, что на палубе лежит пивная бутылка, а рядом с приоткрытой дверью валяется голубой лоскуток. Лифчик от бикини.

Внезапно, с пронзительной ясностью, сжавшей сердце, она поняла, что увидит, если заглянет в каюту. Словно она уже пережила это мгновение когда-то в прошлом, похоронила воспоминание о нем, и вот теперь оно всплыло на поверхность. Спокойно — хотя она вовсе не чувствовала себя спокойной — Марта ступила на самый краешек пристани и, держась рукой за швартовую тумбу, вытянулась вперед. Теперь она видела через открытую дверь койку у правого борта, широкую спину Нильса и то, чем он занимается. Руки, крепко прижатые к этой спине, загорелые ноги...

Она выпрямилась, сдавленно всхлипнув, и почувствовала, как ее захлестывает бешеная волна ярости, кровью ударяя в голову. Здесь, на их яхте, после такой долгой разлуки, не успев вернуться домой!

Сейчас она ворвется туда, будет бить, кусать, рвать на части — она не желает сдерживаться! Внезапный крик заставил ее обернуться.

— Парус заклинило! — закричал кто-то по-датски с одномачтовой яхты, несущейся к пристани прямо на нее.

Быстрым взглядом она охватила всю картину: мужчина боролся с запутанной оснасткой, женщина, что-то визгливо выкрикивая, схватилась за румпель, ребятишки цеплялись за канаты и падали друг на друга. В любой другой момент это могло бы показаться забавным.

Их продолжало нести к берегу на полной скорости, и женщина изо всех сил рванула румпель. Вместо того чтобы врезаться носом в причал, яхта повернулась, стукнулась боком о сваи и отскочила назад. Один из малышей свалился с крыши каюты на палубу и зашелся испуганным плачем. Парус упал бесформенной кучей и накрыл мужчину.

Яхта наконец потеряла ход и остановилась, подпрыгивая на волнах. Трагедии удалось избежать; слышался чей-то смех. Все это заняло несколько секунд. Марта снова повернулась к «Чайке» — и заколебалась. За эти несколько мгновений все переменялось. Они, наверное, уже сидят, натягивая на себя одежду. Смеются, может быть. Эта мысль привела ее в замешательство. Внутри у нее по-прежнему все кипело, но первый порыв уже прошел. Маленькая яхта пришвартовалась совсем рядом. Сможет ли она сейчас, слегка отрезвев, зайти в каюту и орать на них в присутствии всех этих людей? Мальчик, крепивший канат, мимоходом задел ее и извинился.

Задохнувшись от ненависти и боли, Марта рванулась и побежала прочь, постепенно замедляя шаг. Ярость, безумная ярость сжигала ее. Как он мог так поступить с ней! Она судорожно глотнула воздух.

Только подойдя к воротам, она заметила, что до сих пор держит в руке босоножки. Трясущимися руками Марта надела их на горящие от ходьбы по бетону ноги и вспомнила, что не взяла ключ. Не успела она постучать, как Скоу распахнул двери.

— Бдительность — наш девиз, — сказал он, пропуская ее в дом и запирая дверь.

Она кивнула и прошла мимо, ничего не замечая вокруг. Бдительность... самое смешное, что это теперь должно стать и ее девизом. Ей не хотелось разговаривать с ним, не хотелось никого видеть.

Марта закрылась в ванной. Острая боль полыхала внутри, горло сжималось от бессильной ярости, которая искала выхода. Не надо было сбегать оттуда! Но что ей оставалось делать? Застонав от ненависти, она включила холодную воду, опустила руки под струю и плеснула в разгоряченное лицо. Она даже заплакать не могла — настолько сильным был душивший ее гнев. Как он мог! Как мог!

Марта провела пальцами по волосам, не решаясь взглянуть на себя в зеркало. Если ему не было стыдно, то она вся сгорала от стыда. Взяв щетку, она неистовыми движениями стала причесывать голову. Женатые мужчины нередко поступают так, и датчане не исключение. Но только не Нильс. А почему, собственно? Теперь-то она знает. Может, он и раньше изменял ей... Что же делать? Что ей теперь делать с ним?

Подумав об этом, она вдруг представила, как он войдет в дом и захочет ее обнять как ни в чем не бывало. Он так и сделает, — а что должна делать она? Сказать? А нужен ли он ей теперь? Да. Нет! Она хотела причинить ему такую же боль. То, что он сделал, простить невозможно.

К горлу подступил комок, и Марта почувствовала, что сейчас разрыдается. Но это уже совершенно ни к чему. О чем ей плакать? Что, черт побери, она собирается оплакивать?

Она быстро выпрямилась, чтобы не видеть свое отражение в зеркале, и вдруг заметила на бачке для белья небольшой блокнот, которому явно было не место в ванной. Машинально открыв его, Марта увидела, что все страницы исписаны аккуратными рядами вычислений — не столько цифрами, сколько странными символами. Она быстро захлопнула блокнот, пошла в свою комнату и прислонилась к двери спиной, крепко прижав находку к груди.

Если бывают моменты, когда эмоции лишают человека рассудка, — это был тот самый случай. Бакстер почти не досаждал ей в последнее время, но сейчас она думала не о Бакстере. И не об Америке или о Дании, преданности или патриотизме. Она думала о Нильсе, об этой сцене на яхте, и ей хотелось, чтобы ему было так же больно, как и ей.

Это оказалось очень просто. Закрыв дверь, Марта подошла к комоду и достала из ящика фотоаппарат. Она только вчера зарядила его новой цветной пленкой, готовясь к приезду Нильса, чтобы запечатлеть это радостное событие. На коврике у кровати светилось яркое солнечное пятно. Марта положила блокнот на пол и открыла его на первой странице. Потом села на край кровати и посмотрела в объектив. Все отлично, расстояние около метра — ближе нельзя, чтобы снимок не расплылся. Картинка в объективе была четкой и ясной, и камера автоматически установила выдержку.

Щелк!

Она перевела кадр, наклонилась, чтобы перевернуть страницу, и снова уперлась локтями в колени.

Когда последняя страничка была готова, осталось еще десять свободных кадров. Чтобы закончить пленку, Марта сфотографировала обложку блокнота спереди и сзади. Потом решила, что это уже, мягко говоря, нелепость, и сунула фотоаппарат обратно в ящик. Держа в

руках блокнот, она вышла из спальни и чуть не столкнулась с Арни, поднимавшимся по ступенькам.

— Марта, — сказал он, сощурясь в полутьме после солнечного блеска. — Я внезапно проснулся и вспомнил, что куда-то положил свой блокнот.

Марта слегка отшатнулась, крепко прижимая к себе блокнот.

— Ах вот он где! — улыбнулся Арни. — Спасибо, что нашли его.

— Я собиралась отнести его к вам в комнату. — Ее голос прозвучал неестественно громко, но профессор, казалось, ничего не заметил. Марта протянула ему блокнот.

— И правильно сделали. Если бы его нашел Скоу, он тут же послал бы меня обратно на Луну. Еще раз благодарю вас. Я немедленно закрою его в портфеле, чтобы не повторять подобных глупостей. Извините, что я заснул в саду. Хорош гость, нечего сказать! Но теперь мне гораздо лучше. А день был просто чудесный.

Она медленно кивнула, и профессор отправился к себе в комнату.

Глава 19

«Ягуар» уверенно двигался вдоль берега на север, не превышая дозволенной скорости. Нильс легко вел машину одной рукой, а другой пытался поймать какую-нибудь музыку по радио.

— Мы немного запаздываем, — заметил он. — Нам обязательно останавливаться в Эльсиноре?

— Мне надо зайти на почту. Это займет не больше минуты. — сказала Марта.

— А в чем дело-то? Что за срочность? — Он нашел шведскую станцию, которая наярывала крестьянскую польку с топаньем и свистом.

— Мне надо отправить пленку, чтобы ее проявили.

— А чем тебя не устраивает фотомагазин около гастронома в Рунгстеде?

— Они слишком долго возятся. А это специальная лаборатория в Копенгагене. Если ты боишься опоздать, высади меня у парома, а сам езжай дальше.

Он искоса взглянул на нее, но Марта невозмутимо смотрела прямо перед собой.

— Ну ладно, не злись! Мы в отпуске — конечно я подожду. Просто не хочется опаздывать к моменту запуска — или вознесения, называй как хочешь. Тебе понравится. Буксиры опустятся вниз, прицепятся к кораблю и поднимут его вверх прямо со стапелей. А на Луне уже установят ракет-двигатель.

Им пришлось притормозить у переправы, чтобы пропустить маленький пыхтящий паровозик, тянувший за собой через дорогу вереницу шведских товарных вагонов.

— Навьючили беднягу, как осла, — сказал Нильс. — Смотри: у него пар из всех дырок, смазка течет с каждого узла, а он все таскает себе вагоны с парома. Знаешь, сколько ему лет? — Марта явно не знала и столь же явно не проявляла никакого интереса. — Я тебе скажу. У него на боку есть табличка — тысяча восемьсот девяносто второй год. Такой вот старичок, а все еще трудится. Мы, датчане, очень практичный народ. Никогда не выбрасываем то, что исправно работает.

— В отличие от нас, американцев, которые строят машины, чтобы тут же сломать их и выкинуть вон, да?

Нильс промолчал. Проехав мимо станции, он повернул на Ернбаневей и остановился напротив почты. Он заглушил мотор, и Марта вышла из машины, взяв с собой маленький пакетик. Пленка. Интересно, давно она ее отсняла? Во всяком случае, за время отпуска она не сделала ни одного снимка. Тот еще отпуск получился! Она изгадила ему весь отдых. Он терялся в догадках, пытаясь понять, что на нее нашло, но так ничего и не придумал. Нильс заметил, что рядом в киоске продают горячие бутерброды с сосисками, и его желудок требовательно заурчал. Обед будет поздно, так что не грех немного подкрепиться. Он вышел из машины и заказал два бутерброда с луком, горчицей и кетчупом. Вспомнил, что на церемонию придут важные политики и всякие шишки, и попросил не класть лук. Вообще надо запомнить это место — здесь еще и пиво дают; Нильс разбавил свои бутерброды бутылкой холодного «Туборга».

Но что все-таки творится с Мартой? Она не то чтобы отвергала его, но в ней чувствовалась какая-то холодность, которая заставляла ее отодвигаться в постели подальше. Может, она слишком переживает из-за его полетов на Луну и всех этих диверсий? С женщинами никогда ничего толком не поймешь. Чертовски странные создания. Все у них зависит от настроения. Он увидел, как Марта выходит из почты, и быстро допил пиво.

Нильс ни на секунду не усомнился в себе самом. К тому же он ни разу не вспомнил об Ингер с того воскресенья.

Глава 20

МАРС

Был почти полдень, поэтому здесь, на экваторе, в самый разгар лета, температура подскочила до тридцати градусов ниже нуля. Высокий холм, — вернее, склон гигантского круглого кратера — круто вздымался над равниной. Съежившееся солнце сверкало на черном небе, освещая мерзлый ландшафт. Можно было легко различить самые яркие звезды, и только на горизонте атмосфера немного сгущалась — настолько, чтобы прочертить голубую полосу. Воздух был тих застывшей тишиной вечности. Его и воздухом-то трудно было назвать — совсем разреженный, почти сплошной углекислый газ. И холодный, очень холодный.

Двое мужчин взбирались по крутому склону с явным трудом, несмотря на сравнительно небольшую силу тяжести. Громоздкие скафандры с электрообогревом затрудняли движения, комплекты батарей и кислородные баллоны тянули вниз. Достигнув вершины, они с облегчением остановились. Их лица были неразличимы под масками и защитными очками.

— Ничего себе подъемчик, — задыхаясь, сказал Арни.

— Надеюсь, ты не слишком устал? — Голос Нильса звучал встревоженно. — Может, зря я тебя потащил с собой?

— Все в порядке. Просто дыхание сбилось. Потерял форму. Слишком давно я не занимался подобными упражнениями. Но оно того стоило — вид просто волшебный.

Безмолвие ландшафта заставило их умолкнуть тоже. Холодная, темная, чужая, эта планета не была умершей, потому что еще не рождалась к жизни. Крошечное поселение внизу светилось, как манящий огонек в окошке, единственный островок тепла в вечной стуже Марса. Арни оглянулся и быстро отошел в сторону, подзывая к себе Нильса.

— Что-нибудь случилось? — спросил Нильс.

— Нет, ничего. Мы просто загораживаем солнце от этой Mars-kål. Она уже начала закрываться. Думает, что снова ночь.

Растопыренные конечности растения-животного, похожего на морскую звезду, уже наполовину сложились, обнажив шершавую сероватую изнанку. Закрывшись полностью, они образовывали шар, изолированный от невероятно суровой внешней среды. Он цепко удерживал внутри горсточку тепла и энергии, добытых с таким трудом, и ждал, когда солнце появится снова. Тогда он опять раскрывался, распрямляя блестящие черные листы длиной в фут, которые улавливали излучение далекого светила. Это упорное растение было единственной формой жизни, которую удалось обнаружить на Марсе, и, хотя его прозвище — «марсианская капуста» — превратилось уже в официальное название, все относились к нему с уважением, чуть ли не с благоговейным трепетом. Ведь это был единственный марсианин. Они осторожно отошли в сторону, чтобы не заслонять солнечный свет.

— Оно напоминает мне некоторые растения, которые можно встретить в пустыне Израиля, — сказал Арни.

— Ты скучаешь по Израилю? — спросил Нильс.

— Да, конечно, об этом и спрашивать не стоит. — Из-за крайне разреженной атмосферы его голос казался далеким шепотом, хотя говорил он достаточно громко.

— Могу себе представить. Я побывал во многих странах, гораздо более интересных, чем Дания, особенно на первый взгляд. Думаю, я мог бы жить в любой из них, но все равно выбрал бы Данию. Мне бы не хотелось с ней расставаться. Я иногда удивляюсь, как ты

нашел в себе силы оставить Израиль ради принципиальных соображений. Сомневаюсь, что я способен на такое. У меня просто кишка тонка. — Нильс посмотрел вниз. — Смотри, отсюда все прекрасно видно, как я и говорил. Вон там строятся новые здания, а за «Галатеей» прокладывают посадочную площадку. Если потребуется, можно построить дома и на восточной стороне. Здесь вырастет настоящая колония, а когда-нибудь и целый город. Прямо отсюда к рудникам в горах протянется железнодорожная ветка.

— Очень оптимистический проект. Хотя я не вижу причин, которые мешали бы ему воплотиться в жизнь. — Арни продолжал думать о том, что сказал ему Нильс. Об Израиле. Эти мысли не давали ему покоя, как больной зуб, он не мог отделаться от них. Хотя и редко говорил на эту тему. — Что ты имел в виду? Что значит кишка тонка? Я сделал только то, что должен был сделать. Ты считаешь это ошибкой? Неужели верность Израилу выше долга перед всем человечеством?

— Да нет же, черт возьми! — Пилот умудрился вложить теплоту даже в еле слышный гудящий шепот. — Никогда не забывай — я на твоей стороне. Я просто хотел сказать, что восхищаюсь тобой, тем, что ты не продался. Остаться там было бы предательством. Сколько раз с незапамятных времен ученые продавали и предавали науку! Бомбы, отравляющие газы, гибель за отечество — все это прямое предательство. Изобрести атомную бомбу, а потом схватиться за голову и хныкать, что ее не так используют, — это косвенное предательство. А бывает еще предательство-самообман: я изобретаю парализующие газы, смертоносные бактерии, мощные бомбы, но их никогда не будут применять. Или самый распространенный вид предательства, свойственный нам всем: мир слишком большой, и я все равно ничего не могу изменить. «Доу Кемикал» производит напалм, чтобы поджаривать людей, но я не перестану покупать их изделия, это ничему не поможет. Южная Африка — самое настоящее полицейское государство с узаконенным рабством негров. Но я покупаю их апельсины, а что я могу поделывать? Это ты виноват в том, как я теперь себя чувствую, Арни.

— Богом клянусь — или Марсом? — я не понимаю, что ты хочешь этим сказать? — Арни притопывал ногами, потому что холод начал уже пробираться через подошвы.

— Я хочу сказать, что ты совершил поступок, на который у меня не хватило бы духа. Ты следуешь своим убеждениям, каких бы жертв они ни требовали. Сколько раз в Дании проводили бойкоты против «Доу» и Южной Африки, но я не обращал на них внимания, даже посмеивался. Что мог сделать я? Я летал, хорошо зарабатывал и наслаждался жизнью. Но ты перевернул все мое нутро, я понял, что можно жить по-другому...

— Хватит! — возмущенно сказал Арни. — Ты не понимаешь, о чем говоришь. Я совершил измену, предал свою страну и ее веру в меня, лишил открытия, которое по праву должно было принадлежать ей. Я поставил себя вне закона. Ученые в каком-то смысле тоже дают клятву, и я преступил свою.

— Не понимаю.

— Конечно не понимаешь. У тебя односторонний, бездумный взгляд на вещи, еще более предвзятый, чем у меня. Я признаю свое преступление. Но ты походя сваливаешь на ученых вину за все мировые грехи. Ты говорил об атомной бомбе. А как насчет атомных электростанций и лечения радиацией? Ты осуждаешь ученых за изобретение взрывчатки, но забываешь о пластиках, которые получены на той же фундаментальной основе. Говоря о бактериологическом оружии, имей в виду, что в результате аналогичных исследований созданы противовирусные препараты. Нельзя винить науку и ученых за все несправедливости мира. Мы, физики, могли только создать атомную бомбу, но финансировало ее правительство, а решение сбросить ее принимали избранные народом политики. И народ в большинстве своем, похоже, одобрил это решение. Ученые не развязывают войн — это делают народы. Обвиняя во всем ученых, ты просто ищешь козлов отпущения. Легче, конечно, обругать кого-то, чем признать свою собственную вину. Многие южноафриканцы наверняка прекрасно чувствуют себя в роли рабовладельцев, иначе их правительство не удержалось бы у власти. Помнишь, Маккиавелли говорил, что ни один государь не сможет править страной, если весь народ против него. Не нацисты истребляли евреев — это делал немецкий народ. Люди должны отвечать за свои поступки, но им не нравится тяжесть этой ответственности. Поэтому они предпочитают обвинять кого-то другого. Они говорят, что во всем виноваты ученые, которые изобрели атомные бомбы, пушки и самолеты. А народ, голосующий за

политиков, которые развязывают войны, тут ни при чем. Неужели ты действительно так считаешь?

Нильс был потрясен этой внезапной вспышкой.

— Я ничего подобного не говорил. Я только сказал, что восхищаюсь...

— Не надо восхищаться человеком, который предал доверие своей страны. Даже если время докажет правильность моего решения, я все равно совершил непростительный поступок.

— Если ты так считаешь, зачем ты вообще покинул Израиль и прилетел в Данию? Я знаю, что ты родился и вырос в Дании. Неужели только поэтому?

Над ними надолго сомкнулась марсианская тишина, пока Арни не заговорил опять:

— Возможно. Может, потому, что верил — или надеялся. А может — потому что я еврей. В Израиле я израильтянин. Но за его пределами я еврей. Везде, кроме Дании. В Дании нет евреев — просто датчане исповедуют разные религии. Тебе было три или четыре года, когда нацисты маршировали через всю Европу, поэтому для тебя это история, очередная глава в толстом учебнике. Самое чудовищное было то, что они, как демоны, умели выпускать на волю зло, живущее в сердцах людей. Народы завоеванных стран помогали им топить их печи. Французская полиция арестовывала для них евреев. Украинцы с радостью загружали их топки. Поляки бежали смотреть, как поджаривают их соседей-евреев, хотя потом их за проявленную преданность самих стерли в порошок. Все оккупированные страны помогали немцам. Все, кроме одной. Датская полиция была потрясена, когда узнала о предстоящей чистке. Полицейские известили об этом других людей, которые тоже пришли в ужас. Таксисты ездили по улицам с телефонными книгами, разыскивая жителей с еврейскими фамилиями. Бойскауты разносили предупреждения. Все больницы Дании распахнули свои двери для евреев и укрывали их у себя. За несколько суток все евреи, которых удалось найти, были тайно вывезены из страны. Вы знаете, почему датчане вели себя так?

— Конечно! — Пилот сжал огромные кулаки. — Они просто были людьми. Есть вещи, которых делать нельзя.

— Вот видишь — ты и ответил на свой собственный вопрос. Я тоже сделал свой выбор. Молю Бога, чтобы он оказался правильным.

Арни начал спускаться с горы, затем остановился на мгновение.

— Я был одним из тех, кого тайком переправили в Швецию. Возможно, я только возвращаю свой долг.

Они отправились вниз, спускаясь бок о бок к теплу и свету поселка.

Глава 21

КОПЕНГАГЕН

— Нет смысла брать обе машины, — сказала Марта в телефонную трубку. — Хорошо, потом будем выяснять, на чьей поедем... Да, Ове... Улла уже готова? Ладно, буду примерно через час... У нас останется масса времени. Места для нас заказаны, так что волноваться не о чем. Извините, кажется, звонят в дверь. Значит, договорились? До встречи.

Марта бросила трубку и пошла надевать халат. В дверь снова позвонили. Она была почти готова, оставалось только закончить макияж и надеть платье, — но не пойдет же она к двери в одном нижнем белье.

— Ja, nu kommer jeg! * — крикнула Марта, сбегая вниз. Приоткрыв дверь, она увидела перед собой внушительную связку щеток. Уличный разносчик. — Nej tak, ingen pensler idag **.

— Впустите меня скорее, — сказал торговец. — Мне надо с вами поговорить.

Услышав английскую речь, Марта удивленно скользнула глазами по изношенному костюму, кепке — и внимательно вгляделась в лицо. Водянисто-голубые прищуренные глаза, покрасневшие веки...

* Да, уже иду! (gam.).

** Нет, спасибо, мне не нужны щетки (gam.).

— Мистер Бакстер! Я вас не узнала... — Без очков в темной оправе он выглядел совершенно другим человеком.

— Я не могу торчать тут у дверей, — раздраженно сказал он. — Дайте мне пройти.

Он почти впихнул ее в дом. Она посторонилась, давая ему дорогу, и закрыла дверь.

— Я пытался связаться с вами, — сказал он, стараясь высвободиться из ожерелья венников, расчесок, метелок из перьев и щеток для мытья унитазов. — Вы же получали мои письма, записки?

— Я не желаю вас видеть. Я сделала, что вы просили, у вас есть пленка. А теперь оставьте меня в покое. — Марта повернулась и взялась за ручку двери.

— Не делайте этого! — закричал Бакстер, швырнув на пол последнюю щетку. Он запустил руку во внутренний карман пиджака, выудил очки, надел их и сразу успокоился. — Ваша пленка нам не нужна.

— Вы хотите сказать, что снимки не получились? Но я уверена, что сделала все правильно.

— С точки зрения техники все в порядке, но я не об этом. Блокнот, уравнения — они не имеют никакого отношения к далет-эффекту. Это расчеты для термоядерного генератора Расмуссена, а он нам не нужен.

Марта сдержала улыбку, но в общем она была рада. Она пыталась выполнить их просьбу, а если вышла промашка — это не ее вина.

— Что ж, тогда вы можете украсть термоядерный генератор. Разве он не представляет никакой ценности?

— Дело не в коммерческой ценности, — холодно ответил Бакстер, обретая свои прежние манеры. — К тому же генератор запатентуют, и мы сможем купить лицензию. А мы с вами обеспокоены вопросами национальной безопасности, никак не меньше.

Он в упор посмотрел на Марту, и она поплотнее запахла свой халат.

— Я больше ничем не могу вам помочь. Вы ведь знаете, что все вывезли на Луну. И Арни тоже там...

— Я скажу, что вы должны сделать, и как можно скорее. Думаете, я явился бы сюда в таком виде, если бы не крайняя необходимость?

— Вид у вас и впрямь дурацкий. — Марта чуть не прыснула со смеху.

Бакстер бросил на нее взгляд, полный неприкрытой ненависти. Ему не сразу удалось взять себя в руки.

— А теперь слушайте меня внимательно, — сказал он наконец. — Сегодня вы идете на церемонию, а потом подниметесь на корабль. Нам надо узнать о нем кое-что. Я хочу, чтобы вы...

— Я ничего не буду делать для вас. Уходите.

Не успела она взяться за ручку, как Бакстер впился в ее плечо стальными когтями. Марта вскрикнула от боли. Он оттащил ее от двери, притянул к себе и заговорил прямо в лицо. У него изо рта пахнет «Сен-сеном», подумала она. Она и не знала, что его до сих пор выпускают. Она чуть не плакала — так было больно руке.

— Слушайте, вы! Вы сделаете так, как я скажу. Если преданность своей стране — для вас недостаточная причина, то вспомните, что у меня есть пленка с отпечатками ваших пальцев и снимки, на которых прекрасно виден пол вашей спальни. Датчанам будет очень интересно на это взглянуть, вам так не кажется?

Его улыбка казалась Марте похожей на предсмертную судорогу, которая появляется на лицах людей, умирающих мучительной смертью. Она вырвала руку и отступила назад. Бессмысленно говорить этому человеку, что она о нем думает.

— Что вам от меня надо? — спросила она, уставившись в пол.

— Вот так-то лучше. Раз вам так нравится фотографировать, возьмите эту брошь. Приколите ее к сумочке перед выходом из дома.

Он положил брошь на ее ладонь; очень недурна, будет отлично смотреться на черной сумочке из крокодиловой кожи. Большой камень, окруженный маленькими бриллиантками и рубинами, в золотой оправе с причудливыми завитушками.

— Направите ее на объект и нажмете сюда, — сказал он, показывая на верхний завиток. — Фотоаппарат с широкоугольным объективом, выдержка автоматическая, можно снимать при любом освещении. В пленке больше ста кадров, так что не экономьте. Мне нужны снимки рулевой рубки и машинного отделения, если вы туда попадете. Все приборы — крупным планом. Фотографируйте коридоры, лестницы, двери, отсеки, шлюзы — все подряд. Потом я покажу вам снимки и вы должны будете объяснить, к чему они относятся, так что смотрите внимательно и запоминайте маршрут.

— Но я в этом совершенно не разбираюсь. Не могли бы вы поручить это кому-нибудь другому? Там будут сотни людей...

— Если бы у нас была такая возможность, неужели вы думаете, я стал бы просить вас? — Последнее слово Бакстер презрительно выплеснул Марте в лицо, наклонился за щетками и погрозил ей ершиком для посуды. — И не вздумайте устраивать маленькие случайные аварии — уронить аппарат, или сломать его, или засветить пленку и заявить, что мы сами виноваты. Я знаю все эти фокусы. У вас нет выбора. Вы сделаете эти снимки. Держите, это вам. — Холодно и самоуверенно улыбаясь, он протянул ей щетку, открыл дверь и испарился.

Марта посмотрела на щетку — и запустила ею в стенку. Да, намек вполне прозрачный. Щетка для чистки унитазов.

Ее всю трясло, когда она шла наверх одеваться.

— Посмотрите, какая толпа! — воскликнул Ове, объезжая автобус, битком набитый оживленными студентами, которые махали флагами из всех окон.

— Их можно понять, — сказала Улла, сидевшая вместе с Мартой на заднем сиденье. — Сегодня и в самом деле особенный день.

— И погода не подвела, — сказал Ове, поглядев на небо. — Облаков много, но дождя нет. Солнца, правда, тоже нет, — но нельзя же иметь все сразу.

Марта молча сидела, вцепившись обеими руками в сумочку, на которой выпукло блестела большая золотая брошь. Улла сразу обратила на нее внимание, и Марте пришлось что-то быстро соврать.

Если бы не официальные приглашения, им бы ни за что не удалось проехать к причалу. Их пропустили через все кордоны и направили к дворцу Амалиенбург, около которого была размечена для парковки огромная площадь. Оттуда через Ларсенс-плас они быстро дошли до набережной. Здесь тоже царила праздничная атмосфера, гремел оркестр, хлопали на ветру флаги на трибунах, приглашенные кивали друг другу, занимая места.

— Осталось десять минут, — сказал Ове, посмотрев на часы. — Давайте поспешим. Если только Марта не думает, что ее муж может опоздать.

— Нильс?

От этой мысли они дружно рассмеялись, в том числе и Марта. На какое-то мгновение она почувствовала себя легко и просто, пока пробиралась на свое место — в десяти шагах от короля и королевской семьи, — радостно улыбаясь знакомым. Но тут же ударом под вздох вернулась память, и она вцепилась в сумочку, уверенная, что все смотрят только на нее.

Раздались торжественные звуки гимна «Королю Христианини», публика начала с шумом понимать ся на ноги. Потом оркестр заиграл государственный гимн «Есть прекрасная земля», который закончился эффектной барабанной дробью. Отзвучали последние ноты, все уселись на места, и в это мгновение откуда-то сверху донесся тихий отдаленный свист. Люди подняли головы, прикрывая руками глаза и пытаясь что-нибудь разглядеть. Звук усилился, превратился в громкий гул, и высоко вверху, прорвав пелену облаков, показалась темная точка.

— Как по расписанию, секунда в секунду! — возбужденно воскликнул Ове.

Точка увеличивалась в размерах пугающе быстро, на глазах превращаясь в гигантский корабль, который падал прямо на них. Публика задохнулась, слышался сдавленный крик.

Скорость падения стала уменьшаться, корабль снижался все медленнее, паря, как перышко, над гладкими водами Идерхауна. Увидев истинные размеры судна, зрители ахнули от изумления. Огромный черно-белый корпус был не меньше, чем у океанского лайнера водоизмещением в тысячи тонн. В том, как он висел перед ними в воздухе, было что-то противоестественное. Колоссальный диск длиной в полквартиры, плоский снизу и сверху, с застекленной рубкой, выпукло выдающейся вперед. Казалось, у него нет никаких двигателей — он спускался совершенно беззвучно, только воздух шелестел, обтекая борта.

Публика притихла, охваченная внезапной немотой. В наступившей тишине было ясно слышно, как кричат над проливом чайки. Огромный корабль завис в нескольких метрах над водой. Затем очень аккуратно упал вниз, усевшись на воду настолько мягко, что всего одна маленькая волна шлепнулась о стенку набережной. Когда он подплыл поближе, на верхней палубе откры-

лись люки и оттуда показались люди с причальными тросами наготове.

И тут тишина взорвалась радостными воплями, зрители повскакали с мест, хлопая в ладоши, крича что есть мочи, заглушая звуки торжественного марша. Марта тоже кричала вместе с другими, позабыв обо всем в порыве дикого восторга.

Строгие черные буквы названия четко выделялись на белом фоне. «Хольгер Данске». Самое гордое имя в стране.

Еще не успели закрепить канаты, а из открытого входа уже выдвинулся пассажирский трап. Небольшая кучка официальных лиц поджидала офицеров, шагавших навстречу. Даже с такого расстояния можно было различить высокую фигуру Нильса. Обменявшись приветствиями с встречающими, они направились к парадной трибуне. Нильс прошел совсем рядом и улыбнулся, когда Марта помахала ему рукой.

Затем было чествование, вручение наград, коротенькое поздравление короля и более длинные речи политиков. Официальное заявление сделал премьер-министр. Какое-то время он молча стоял перед микрофоном, глядя на исполинский корабль. Когда он заговорил, в его словах звучало искреннее, глубокое чувство.

— Старая легенда гласит, что Хольгер Данске спит, но всегда готов проснуться, когда Дании потребуются его помощь. Во время войны движение сопротивления взяло себе это имя и носило его с честью. Теперь у нас есть корабль, названный этим именем, первый из многих. Эти корабли будут для Дании такой подмогой, о которой мы и мечтать не смели.

Мы открываем Солнечную систему для всего человечества. Это настолько великое достижение, что его просто невозможно оценить. Море космоса представляется мне еще одним океаном, через который мы должны проплыть, как это делали датские мореплаватели в девятнадцатом веке, чтобы открыть новые фантастические земли на другом берегу. Это принесет пользу науке, которую ждут на Луне обсерватории и криогенные лаборатории. Это пойдет на пользу промышленности, которая получит новые источники полезных ископаемых. Это будет благом для всего человечества, потому что народы мира будут вместе участвовать в освоении космического пространства. Мы лелеем надежду, что мир на нашей планете станет крепче, — ведь из

космоса она кажется такой маленькой и хрупкой. Оттуда трудно разглядеть даже отдельные континенты, а границы между государствами и вовсе невидимы. Это еще раз доказывает, что наш мир — один для всех, мы одно человечество.

Дания слишком маленькая страна, чтобы в одиночку освоить Солнечную систему, даже если бы мы этого захотели. Но мы не стремимся к этому. Мы хотим сотрудничать со всем миром. Через два дня «Хольгер Данске» отправится в свой первый полет на Марс с представителями разных стран на борту. Сейчас там заканчивается оборудование лабораторий, чтобы ученые могли остаться на Красной планете и начать целый ряд научно-исследовательских проектов. А политики вернутся на Землю и расскажут своим народам, какое будущее ждет нашу планету. Хорошее будущее. И мы, датчане, гордимся тем, что нам выпала честь первооткрывателей.

Он сел под гром аплодисментов. Заиграл оркестр, кругом стрекотали телевизионные камеры, снимая все подряд. Гостей пригласили пройти на корабль.

— Вот увидите, какой он внутри, — сказал Ове. — Все-таки первый специально спроектированный для космоса корабль, так что средств не жалели. В сущности, это грузовое судно, но сей факт тщательно замаскирован. Во внутренних отсеках расположены трюмы для грузов, впереди — командные помещения. Зато вся внешняя часть отведена под каюты. И в каждой есть иллюминатор. Роскошно, скажу я вам! Пошли, пока не набежали газетчики.

Сначала полагалось пройти через таможню, которая обычно досматривала пассажиров, прибывающих на пароме из Осло. И таможенники, оставшиеся на местах, занимались своей обычной работой. На борт не разрешили проносить никакие свертки, а портфели и сумки тщательно проверяли. Всех мужчин таможенники исключительно вежливо просили показать содержимое карманов, а женщин — открыть сумочки. На случай возникновения конфликтов рядом со служащими таможни стояли высшие чины полиции и армейские офицеры, готовые тихо навести порядок. В маленькой боковой комнате, дружески болтая с министром ведомства и послом, сидели даже генерал и адмирал, — чтобы разбираться с гостями высокого ранга.

Но все проходило спокойно. Поначалу кое-где в толпе были видны недоуменно приподнятые брови и холодные взгляды, но премьер-министр показал пример, вывернув карманы и продемонстрировав содержимое бумажника. Этот жест был явно срежиссирован заранее, но тем не менее действие свое оказал. Безопасность «Хольгера Данске» была превыше всего.

Очередь понемногу продвигалась вперед, и Марта почувствовала, что ее сковал страх. Сейчас ее разоблачат и опозорят перед всеми. Если бы можно было куда-то скрыться, она убежала бы отсюда. Но единственное, что ей оставалось, — это следовать за остальными на негнущихся ногах. Улла что-то рассказывала ей, но Марта была способна только тупо кивать в ответ. Наконец она оказалась у стойки лицом к лицу с высоким таможенником, который смотрел на нее непреклонным взором. Он медленно протянул к ней руку.

— Сегодня великий день для вашего мужа, фру Хансен, — сказал он. — Вы позволите?

Марта протянула ему сумочку.

— Откройте, пожалуйста, — сказал он, осмотрел все внутри и попросил: — Вашу пудреницу, будьте добры.

Она подала ему коробочку. Таможенник открыл ее, защелкнул и вернул обратно. Блестящий глаз камеры-брошки был направлен прямо на него. Офицер, улыбнувшись, задержал на ней взгляд.

— Это все, благодарю вас, — и отвернулся.

Расмуссены ждали ее, а Нильс махал им рукой с верхней палубы. Она махнула ему в ответ.

Они поднялись на борт. Марта держала сумочку перед собой, положив пальцы на брошку и пытаясь сообразить, что сказать Нильсу, если он заметит украшение. Но ее тревога оказалась напрасной. Обычно на службе он был подчеркнуто спокоен, но только не сегодня. Крепко сжав за спиной руки, он старался скрыть волнение, но глаза его восторженно сияли.

— Марта, какой день! — воскликнул он, схватил ее в объятия и приподнял над палубой, страстно целуя. Когда он поставил ее обратно, у Марты закружилась голова.

— Господи... — произнесла она.

— Ты видала, какая гигантская посудина! Просто мечта! Ничего подобного в мире еще не было. Мы можем взять с собой бедную маленькую «Каракатицу»

в качестве спасательной шлюпки, ей-богу! И самое замечательное, что это не какое-то временно приспособленное судно, а корабль, спроектированный специально для далет-двигателя. Моя рубка прямо впереди, на носу, и я управляю горизонтальным движением точно так же, как из кабины самолета. Но одновременно оттуда открывается полный обзор наверх и вниз, что необходимо при ускорении и торможении. Пошли, я покажу тебе все. Кроме машинного отделения — оно закрыто, пока на борту гости. А если у нас будет время, я продемонстрирую тебе свою спальню и каюту. — Он обнял ее на ходу. — Знаешь, Марта, после полета на этом чуде для меня все изменилось. Теперь, если бы пришлось сесть за штурвал самого большого самолета, это было бы все равно что — даже не знаю, как сказать, — все равно что нажимать на педали детского автомобильчика. Ну, пошли.

Когда они проходили через дверь воздушного шлюза, Марта коснулась золотого завитка на брошке и почувствовала, как он слегка подался вниз.

Она ненавидела себя.

Глава 22

«ХОЛЬГЕР ДАНСКЕ»

— Разве они еще не все на борту? — спросил Арни, глядя на пристань с высоты рулевой рубки.

Из таможни вышли два человека, пригнувшись от резкого ветра Балтики и придерживая руками фетровые шляпы. За ними спешили носильщики с чемоданами.

— Пока не все, но дело вроде близится к концу, — ответил ему Нильс. — Я справлюсь у интенданта. — Он позвонил в приемную, расположенную у входа, и на маленьком экране появилось цветное изображение начальника хозчасти.

— Сэр?

— Как у тебя с подсчетом голов?

Тот сверился со списком, отмечая фамилии галочками.

— Осталось еще шесть пассажиров.

— Спасибо. — Нильс повесил трубку. — Не так уж плохо. Особенно если учесть, что проверяют абсолютно все — разве что не просвечивают рентгеном и не исследуют пломбы в зубах. Боюсь, мне придется выслушать кучу жалоб. Капитаны кораблей обычно выходят к пассажирам только на второй день плавания. Может, и мне последовать их примеру?

— Надеюсь, с этой новой компьютерной системой тебе не придется больше беспокоиться о времени взлета?

— Что верно, то верно. — Нильс похлопал по серому корпусу дисплея рядом с креслом. — Я сообщаю этой штуке, когда мне надо вылетать, и она выдает ответ раньше, чем мы успеваем ввести данные. Здесь в доке у нас прямая линия связи с Москвой. После взлета наш компьютер будет общаться с их системой, постоянно проверяя и корректируя курс и скорость.

Они наблюдали, как один из последних пассажиров чуть не бегом бежит по набережной к трапу.

— Американцы не разобиделись, что мы решили использовать советский компьютер? — спросил Арни.

— Может и так, но претензий не высказывали, — ведь у нас нет с ними непосредственной связи. Зато мы покупаем только их скафандры, так что никому не обидно. Я так понимаю, все продумано заранее. Как там Ове, ты ведь заходил к нему?

Арни пожал плечами.

— Все еще в постели. Кашель зверский, температура не снижается. Я постоял у порога — дальше он меня не пустил. Пожелал нам всего хорошего. Похоже, его грипп перекинулся на легкие.

— Я рад, что ты согласился занять его место, хотя и сожалею, что пришлось просить тебя об этом. Когда наконец выловят всех последних блох в ваших устройствах, нам больше не понадобятся физики в машинном отделении.

— А я ничего не имею против. Мне это даже приятно. Опыты и лекции кажутся несколько нудноватыми после таких полетов. Как, например, когда мы летели на Луну на «Каракатице»...

— С телефонным ящиком, приваренным к корпусу! Незабываемые денечки! Ты только посмотри, какой прогресс.

Он широким взмахом руки обвел просторную рубку с командой на местах. Все при форме, все при деле: радист, разговаривающий с береговой охраной, штурман, второй пилот, бортинженер, программист. Зрелище было впечатляющим.

Зазвонил телефон, и Нильс поднял трубку.

— Капитан, все пассажиры на борту.

— Отлично. Приготовьтесь. Старт через десять минут.

Арни отправился в машинное отделение, хотя, честно говоря, ему там нечего было делать. Члены экипажа встретили его с должным почтением, но они прекрасно

знали свою работу. Далет-двигатель был полностью автоматизирован и управлялся компьютером, так что присутствие людей было излишним. То же относилось и к термоядерному генератору.

Проголодавшись, Арни попросил принести ему обед, хотя был приглашен на праздничный банкет. Он пропустил его под благовидным предлогом, поскольку ему всегда были невыносимы подобные мероприятия.

Когда его друг заболел, Арни сразу согласился помочь и полетел вместо него, хотя на самом деле особого удовольствия от этого не испытывал. Лаборатория на Лунной базе интересовала его гораздо больше. Там он начал совсем новые исследования и параллельно читал специалистам лекции по теории далет-эффекта.

И кроме того — пассажиры. У него был список, и ему пришлось честно признать, что именно по этой причине он предпочел сидеть взаперти в машинном отделении. Среди ученых не было ни знакомых, ни коллег. В основном специалисты второго сорта. Хотя нет, это несправедливо — скорее, младшие помощники видных ученых. Как будто университеты всего мира не рискнули отправить в этот необычный полет свои лучшие умы. Впрочем, это не так уж важно. Молодые ученые могут проводить наблюдения не хуже, а фактический материал, с которым они вернутся, заставит остальных драться за право участия в следующем полете. Лиха беда начало.

Что касается политиков, то их он не знал вообще. Несколько имен показались знакомыми на слух. Но в конце концов он никогда не был сведущ в политике. Наверное, что-то вроде вторых секретарей посольств, которых послали разведать, как там водичка, чтобы потом их боссы могли окунуться в нее.

Но одного политика Арни знал хорошо. И если посмотреть правде в глаза, это из-за него он старался держаться подальше от пассажирских кают. Хотя — какой смысл? Генерал Аври Гев находится на борту, и рано или поздно они все равно встретятся. Арни посмотрел на часы. Почему бы не сейчас? Они все слегка разомлели от хорошей еды и напитков. Может, ему удастся застать Аври в благодушном настроении. Он сразу понял, что это бессмысленная надежда. Но полет на Марс продлится почти два дня — не будет же он все время скрываться в машинном отделении.

Поговорив с инженерами (нет, все прекрасно, они обязательно позовут его в случае чего), Арни зашел в каюту за пиджаком и направился к герметичной двери, ведущей в пассажирский отсек.

— Прекрасный полет, сэр, — приветствовал его охранник.

Это был старый вояка, сержант, явно переведенный прямо из армии со всеми своими нашивками и знаками отличия. Он посмотрел на экран монитора, на котором был виден пустой коридор впереди, и нажал на кнопку. Все двери на «Хольгер Данске» были герметичными, но только эту дверь нельзя было открыть с другой стороны. Арни кивнул и пошел по коридору. За первым же поворотом он столкнулся лицом к лицу с генералом Гевом.

— Я надеялся, что ты все-таки выйдешь оттуда, — сказал Гев. — Иначе мне пришлось бы самому вызвать тебя.

— Добрый вечер, Аври.

— Ты не хочешь зайти ко мне? Угощу прекрасным шотландским виски.

— Я не большой любитель спиртного...

— Пойдем-пойдем. Эту бутылку подарил мне мистер Сакана.

Арни пристально смотрел на него, стараясь что-нибудь прочесть на бесстрастном загорелом лице генерала. Они разговаривали по-английски, и никакого мистера Саканы в природе не существовало. На иврите это значит «опасность».

— Хорошо, — если ты настаиваешь...

Гев пропустил Арни в каюту и запер за собой дверь.

— Что случилось? — спросил Арни.

— Одну минутку. Гостеприимство прежде всего. Садись сюда, пожалуйста.

Каюта была роскошной — как, впрочем, и все остальные каюты на корабле. После того как они прошли пояс ван Аллена, металлические ставни иллюминатора автоматически раздвинулись и открыли усыпанное звездами космическое пространство. На полу лежал ковер ручной работы. Стены отделаны тиковыми панелями и украшены эстампами Сиккера Хансена. Мебель — скандинавский модерн.

— И цветной телевизор в каждой каюте, — сказал Гев, показывая на большой экран, на котором беззвучно стреляли пушки в новом фильме «Из Атланты в море».

Он достал из бара бутылку.

— Это удобно, — сказал Арни. — У нас много пленок с развлекательными программами. К тому же телевизор подсоединен к внутренней системе связи. Ты пригласил меня поговорить об интерьере?

— Не совсем. Вот, попробуй. «Глен Грант» — чистый солод, без примесей. Двенадцатилетняя выдержка. Я пристрастился к нему, пока служил с англичанами. На корабле что-то неладно. Lehayim *.

— Что ты имеешь в виду? — Арни озадаченно взял бокал.

— Да ты попробуй. В тысячу раз лучше паршивой сливовицы, к которой ты привык. Я имею в виду то, что сказал. Неладно. В составе восточной делегации есть люди, которых я узнал, по крайней мере двоих. Матерые агенты, головорезы и подонки.

— Ты уверен?

— Естественно. Ты что, забыл — я все-таки отвечаю за внутреннюю безопасность страны. И читаю все сводки Интерпола.

— Что они тут делают? — Арни машинально отпил большой глоток и закашлялся.

— Пей маленькими глоточками, как материнское молоко. Я, конечно, не знаю, что они тут делают, но догадаться нетрудно. Они охотятся за далет-двигателем.

— Это невозможно!

— Вот как? — В голосе генерала странным образом соединялась неприкрытая насмешка и глубокая грусть. — Могу я спросить тебя, какие меры предосторожности приняты для этого? — Арни не ответил, и Гев рассмеялся. — Не хочешь — не отвечай. Не стану упрекать тебя за недоверие. Но один в поле не воин, а единственный представитель Израиля кроме меня — сутулый хлюпик-биолог. Говорят, гений в своей области, но вояка из него никудышный.

— В прошлый раз ты был настроен не очень-то дружелюбно.

— И у меня были на то основания, ты же сам понимаешь. Но времена переменялись, сейчас Израиль максимально использует то, что имеет. У нас нет твоего далет-двигателя, — что ж, у него хотя бы осталось хорошее еврейское имя, — но датчане во всем пошли

* На здоровье (шврит).

нам навстречу, мы такого даже не ожидали. Они признают, что теория далет-эффекта была в основном разработана в Израиле, и поэтому предоставляют нам преимущественное право на его научное и коммерческое использование. Мы даже собираемся основать свою базу на Луне. Так что жаловаться не приходится. Нам конечно хотелось бы иметь далет-двигатель, но не настолько, чтобы убивать из-за него, во всяком случае сейчас. Мне нужно поговорить с капитаном Хансенom.

Арни сосредоточенно пожевал губу, потом допил остатки виски, даже не заметив этого.

— Оставайся здесь, — проговорил он наконец. — Я расскажу ему о том, что ты видел. Он вызовет тебя.

— Только не тяни слишком долго, Арни, — тихо и очень серьезно сказал Гев.

Нильс выступил на банкете с короткой речью и вернулся к себе в рубку, сославшись на службу. Он сидел, перекинув ногу через подлокотник кресла, и смотрел на звезды. Когда Арни рассказал ему все, Нильс вскочил как ошпаренный.

— Не может быть!

— Кто знает? Но я ему верю.

— А это не хитрость с его стороны? Чтобы проникнуть в рубку?

— Не знаю. Вряд ли. Он человек чести, я доверяю ему.

— Надеюсь, что ты прав, — а он ошибается. Но я не могу просто проигнорировать его обвинения. Я вызову его сюда, но за спиной у него все время будет стоять охранник.

Генерал Гев пришел незамедлительно. В двух шагах за ним шел сержант с автоматическим пистолетом. Он держал оружие на уровне пояса, чтобы пистолет нельзя было выхватить из рук, и явно был готов пустить его в ход в любой момент.

— Могу я взглянуть на список пассажиров? — спросил Гев и внимательно изучил протянутый листок. — Этот и вот этот, — сказал он, подчеркнув две строчки. — В наших досье они проходят под разными фамилиями, но это одни и те же люди. Одного разыскивают за диверсию, другого подозревают в организации террористического акта. Отвратительные типы.

— Трудно поверить, — сказал Нильс. — Они ведь аккредитованы своими странами...

— Которые сделают все, о чем их попросит матушка-Русь. Не будьте так наивны, капитан Хансен. Это же страны-сателлиты. Они куплены с потрохами и готовы плясать под дудку своих хозяев, которые заказывают музыку.

Под рукой у Нильса затренькал телефон, и он автоматически щелкнул переключателем.

На экране появилось испуганное мужское лицо, залитое кровью.

— На помощь! — донеслось из динамика.

Раздался громкий треск, и экран погас.

Глава 23

— Что это за отсек? — закричал Нильс, нажимая на кнопки телефонной связи. — Кто-нибудь узнал этого человека?

Гев протянул руку и остановил его. Сержант поднял пистолет и прицелился в спину генерала.

— Подождите, — сказал Гев. — Подумайте. Случилась беда, и вы об этом знаете. Пока этого достаточно. Прежде всего дайте сигнал тревоги охранникам, — если они у вас есть. Потом определите район, которому угрожает опасность. Насколько я понял, двери на корабле герметичные. Их можно закрыть отсюда?

— Да...

— Тогда закройте их. Что бы там ни происходило, надо помешать дальнейшему развитию событий.

Нильс заколебался на мгновение.

— Это хорошая мысль, сэр, — сказал сержант.

Нильс кивнул.

— Закройте все двери между отсеками, — приказал он.

Бортинженер откинул пластиковую крышку и защелкал тумблерами.

— Но эти двери легко открыть на месте, — сказал сержант.

— В критической ситуации местные контрольные устройства можно заблокировать, — заметил бортинженер.

— Ситуация критическая, — сказал Нильс. — Заблокируйте их.

Гев отошел к стене рядом с дверью. Сержант опустил пистолет.

— Я не хотел вмешиваться, капитан, — произнес Гев. — Просто у меня есть определенный опыт в таких делах.

— Я рад, что вы здесь, — ответил Нильс. — Нам может понадобиться ваш опыт.

Он набрал номер машинного отделения, и ему мгновенно ответил один из механиков.

— У нас небольшая неисправность, сэр. Дверь закрылась и не поддается...

— Объявлена тревога. На корабле что-то случилось, мы пока не знаем, что именно. Не трогайте двери, никто не должен проникнуть к вам — и в случае чего сразу свяжитесь со мной.

— Мне кажется, я узнал этого человека, — неуверенно сказал радист. — То ли он повар, то ли просто работает на кухне.

— Это уже кое-что. — Нильс позвонил на камбуз, но никто не ответил. — Значит, они там. Но что, черт возьми, им нужно на кухне?

— По-видимому, оружие, — сказал Гев. — Ножи, разделочные топоры, там полно таких вещей. Но возможно, тут что-то другое... Вы позволите взглянуть на план корабля?

Нильс повернулся к Арни.

— Скажи мне быстро, этот человек на нашей стороне?

— Думаю, на нашей, — медленно кивнул Арни.

— Хорошо. Сержант, возвращайтесь на свой пост. Неергор, принесите мне схемы отсеков.

Они расстелили на столе чертежи, и Гев ткнул пальцем в один из них:

— Вот это. Что значит køkken?

— Кухня.

— Тогда все ясно. Смотрите. В нее можно попасть из столовой — практически это единственное служебное помещение, куда легко может проникнуть посторонний. К тому же одна стена у кухни общая с машинным отделением. Насколько я понимаю, это оно и есть?

Нильс кивнул.

— Тогда им двери не нужны. Они пойдут через стену. Вы можете по-быстрому добраться до машинного

отделения? Чтобы послать туда подкрепление на случай...

Зазвонил телефон, и на экране появился инженер из машинного отделения.

— Капитан, кто-то прожигает дырку в стене. Что нам делать?

— Что он сказал? — спросил Гев. Он не понимал по-датски, но уловил встревоженную интонацию говорившего. Арни быстро перевел. Гев тронул Нильса за рукав. — Скажите им, пусть придвинут к стене стол или скамейку и навалят сверху все, что есть потяжелее. Это позволит выиграть время.

Отдав приказание, Нильс повернул к нему измученное лицо.

— Они говорят, что вряд ли смогут остановить взломщиков.

— А подкрепление?

Нильс печально улыбнулся.

— У нас на борту всего один пистолет — у сержанта.

— Если это возможно, отправьте его в машинное отделение. Или пусть нападет на них через кухню. Нужно атаковать немедленно — это единственный выход.

— Пожалуй, вы правы, — сказал Нильс. — Позовите сюда сержанта. Я спрошу, согласен ли он. Ведь это почти самоубийство.

Когда ему объяснили, что происходит, сержант кивнул.

— Конечно, я попробую, капитан. Это может получиться, если только они не слишком хорошо вооружены. У меня есть запасная обойма, но я не стану брать ее с собой. Вряд ли они дадут мне возможность перезарядить пистолет. Попытаюсь проникнуть туда через кладовку. Если незаметно открыть дверь, я застану их врасплох.

Он аккуратно положил фуражку на стол, повернулся к генералу Геву и похлопал по колодке наград у себя на груди. Потом перешел на английский — вернее, на ярко выраженный кокни.

— Я видел, как вы смотрели на них, генерал. Вы правы, я был в Палестине, в британской армии, воевал с фрицами. Но когда англичане поперли против ваших кораблей с беженцами, я слинял. Дезертировал. И вернулся в Данию. Такие дела мне не по нутру.

— Я верю вам, сержант. Спасибо, что рассказали об этом.

Бортинженер стал последовательно открывать одну дверь за другой, открывая охраннику проход к кухне.

— Он, должно быть, уже там, — сказал Нильс. — Позвоните в машинное отделение.

Ему ответил взволнованный механик.

— Капитан! Похоже, мы слышали выстрелы! Там, за переборкой, — много выстрелов! И они перестали прожигать стену.

— Хорошо, — сказал Гев, когда ему перевели на английский. — Возможно, он их не остановил, но хоть задержал на время.

— Сержант не вернулся, — сказал Нильс.

— Он знал, что не вернется. — На лице Гева не отразилось никаких эмоций: в бою это непозволительная роскошь. — Теперь надо провести вторую контратаку. Нужны люди, желательно добровольцы. Вооружите их чем угодно. Мы должны воспользоваться этой недолгой передышкой. Если вы разрешите, я сам поведу туда людей...

— Телефон, капитан, — сказал радист. — Представитель американской делегации.

— Мне сейчас некогда.

— Он говорит, что знает о нападении и хочет помочь.

Нильс поднял телефонную трубку, и на экране появилось хмурое лицо человека в очках с темной оправой.

— Как я понимаю, капитан Хансен, на вас напали красные. Хочу предложить вам помощь. Мы направляемся к вам в рубку.

— Кто вы такой? Откуда вы знаете?

— Мое имя Бакстер. Я сотрудник безопасности. Меня специально послали в полет, на случай, если произойдет что-нибудь непредвиденное. Со мной несколько вооруженных людей, мы сейчас выходим.

Нильс принял решение, даже не глядя на качающего головой Гева.

— Вы сказали — вооруженных? Но проносить оружие на корабль было запрещено.

— Мы вооружены, чтобы защитить вас, капитан. И вам нужна наша помощь.

— Ничего подобного. Оставайтесь на месте. Я пошлю к вам человека, которому вы сдадите оружие.

— Мы направляемся к вам. Наша страна выступала в вашу защиту и раньше, во время войны, не забывайте об этом. К тому же НАТО...

— К черту НАТО и к черту всех вас! Если вы сделаете хоть еще один шаг к рубке, вы ничем не будете отличаться от тех бандитов.

— В мире бывали квислинги и до вас, капитан Хансен, — сурово сказал Бакстер. — Ваше правительство одобрит наши действия, даже если вы будете против.

Гев побежал к двери, ведущей в пассажирский отсек.

— Она заперта, — крикнул он. — Можно как-то ее укрепить?

Члены экипажа во главе с Нильсом уже были рядом. И с ужасом увидели на экране монитора, как группа из пяти, потом из десяти человек выбегает снаружи из-за поворота, направляясь к двери. Бакстер был впереди, за ним бежал представитель Тайваня, вьетнамец и несколько латиноамериканцев. Один из них поднял отломанную ножку стула и запустил ею в камеру. Экран погас.

— С ними будет трудно справиться, — спокойно сказал Гев, глядя на дверь. — Нам придется сражаться на два фронта, а у нас мало сил даже для одного.

— Капитан! — позвал из рубки радист. — Из машинного отделения сообщают, что переборку снова жгут автогенном.

Невыносимый грохот взрыва обрушился на них и оглушил, отдаваясь от стен в узком коридоре. Дверь выгнулась горбом, перекосилась, и в щель ворвалось облако дыма. Их сбило с ног и отбросило к стене. Дверь задрожала, еще немного подалась вперед, и в отверстие стал протискиваться человек с самопалом.

Гев прыгнул, вытянув руки вперед. Он схватил противника за кисть и вывернул ее, направляя дуло вверх. Прозвучавший выстрел показался им после взрыва тихим хлопком. Гев рубанул ребром ладони и сломал нападавшему шею. Мельком осмотрев необычное устройство, он нащупал курок, просунул ствол в щель над спиной убитого и стал стрелять, пока не кончилась обойма.

Это задержало атакующих лишь на мгновение. Дверь широко распахнулась, и в коридор, ступая прямо по трупам, ворвались двое. Первого Нильс сразу отправил назад мощным ударом в лицо.

Но противник превосходил их числом и оружием. Хотя на их счету было немало побед. Генерал Гев упал, только когда в него всадили не меньше трех пуль. В Нильса не стреляли; двое нападавших повисли у него на руках, а третий нанес сокрушительный удар по голове. Арни совсем не умел драться, хотя и предпринимал не очень успешные попытки. Их поволокли в рубку, бросив убитых и раненых на месте драки. Радист, единственный член команды, оставшийся в рубке, что-то говорил в микрофон.

— Заткнись! — рывкнул Бакстер, поднимая пистолет. — С кем ты разговариваешь?

Побледневший радист вцепился в микрофон.

— С Лунной базой. Они передали мое сообщение в Копенгаген. Я рассказал им, что здесь произошло. О том, что кто-то захватил машинное отделение.

Бакстер задумался, потом опустил пистолет и улыбнулся.

— Все правильно. Можешь продолжать. Скажи им, что вы получили подкрепление. У коммунистов ничего не выйдет. А теперь — как мне связаться с машинным отделением?

Радист молча кивнул на экран, откуда на них смотрело бесстрастное лицо. Бакстер с таким же непроницаемым выражением шагнул к телефону.

— Ты предатель, Шмидт, — сказал он. — Я сразу понял, как только увидел твоё имя в составе делегации Восточной Германии. Это было не очень дальновидное решение. — Бакстер повернулся к Нильсу, которого усадили в кресло. Он приходил в себя после полученного удара. — Я знаю этого человека, капитан. Продажный доносчик. Вам повезло, что я оказался здесь.

Генерал Гев тяжело лежал на полу, прислонившись к стене, и молча слушал, явно не замечая крови, сочившейся из раненой ноги и пропитавшей брюки. Ему попали также в правую руку, и он сунул кисть в расстегнутую рубашку. У Арни были разбиты очки; он близоруко щурился, стараясь понять, что происходит.

Бакстер с неприязнью посмотрел на экран.

— Я не люблю вести дела с предателями...

— Всем нам приходится иногда идти на маленькие жертвы, — ответил Шмидт, не скрывая иронии.

Бакстер побагровел от ярости, но сдержался и спокойно продолжил:

— Похоже, ситуация патовая. Мы держим под контролем рубку управления.

— А в моем распоряжении машинное отделение и двигатель. Нас не так много, как хотелось бы, зато мы хорошо вооружены. Думаю, вам не удастся справиться с нами. Итак, что вы намереваетесь делать, мистер Бакстер?

— Доктор Никитин с вами?

— Конечно. Иначе зачем бы мы полезли сюда?

Бакстер прервал связь и повернулся к Нильсу.

— Это очень плохо, капитан.

— О чем вы говорите? — Туман в голове Нильса понемногу рассеивался. — Кто этот Никитин?

— Один из их лучших физиков, — ответил ему Арни. — Имея под рукой схемы и диаграммы, он, скорее всего, уже разобрался в основных принципах работы ракет-двигателя.

— Совершенно верно, — сказал Бакстер, пряча пистолет. — Они удерживают машинное отделение, но не могут захватить рулевую рубку, так что еще не все потеряно. Передай своему начальству, — приказал он радисту, — что мы пока в тупике, но благодаря нам бандиты не смогли захватить весь корабль. Видите, капитан, а вы нам не доверяли.

— Где вы взяли оружие? — спросил Нильс. — И взрывчатку?

— Какая разница? Стволы в виде авторучек, проглоченные патроны, пластиковая взрывчатка в тюбиках из-под зубной пасты. Обычное дело. Но это неважно.

— Для меня важно, — сказал Нильс, выпрямившись в кресле. — И что вы теперь собираетесь делать, мистер Бакстер?

— Трудно сказать. Сначала перевяжем ваших людей. Потом попробуем поторговаться с этим продажным фрицем. Что-нибудь сообразим. Думаю, придется повернуть назад, чтобы не допустить дальнейшего кровопролития. Они уже ознакомились с двигателем, так что кот выпрыгнул из мешка. Теперь нет смысла держать его в секрете от союзников, правильно я говорю? Америка, скорее всего, будет решать этот вопрос по каналам НАТО, однако это уже вне моей компетенции. Я просто солдат на передовой. Но в одном вы можете быть уверены. — Бакстер встал, выпрямившись во весь рост. — Мы не допустим, чтобы русские вырвались

вперед в космической гонке. Им не удастся опередить нас.

Нильс медленно встал и прихрамывая подошел к пульту управления.

— С кем вы разговариваете? — спросил он радиста.

— С Копенгагеном. На линии один из помощников министра. Там сейчас глубокая ночь, и остальные спали, когда я связался с Землей. Король и премьер-министр уже в пути.

— Боюсь, мы не можем их ждать.

Они говорили по-английски, чтобы было понятно Бакстеру. Нильс повернулся к нему.

— Я хочу объяснить им, что тут произошло.

— Обязательно, само собой. Они должны все знать.

Медленно и тщательно выговаривая английские слова, Нильс обрисовал обстановку. После довольно длительной паузы — пока сигнал дошел до Земли, пока ответный сигнал вернулся обратно — они услышали датскую речь. Нильс тоже перешел на датский. Когда он закончил разговор, в помещении повисла напряженная тишина.

— Ну? — спросил Бакстер. — О чем вы говорили? Что они сказали?

— Они согласились со мной, — ответил Нильс, — что ситуация безнадёжная.

— Очень разумно.

— Мы решили, как поступить. Они поблагодарили нас.

— О чем вы говорите, черт побери?

Терпению Нильса пришел конец, и он отбросил формальную вежливость. С холодной яростью, наконец прорвавшейся наружу, он бросал слова в лицо американцу:

— Я говорю о том, что вас пора остановить, вы, ничтожество. Вы признаете только насилие, смерть, убийство. Я не вижу ни малейшей разницы между вами с вашими продажными помощниками и тем подонком, который захватил машинное отделение. Прикрываясь словами о добре, вы творите зло. Чтобы возвысить свою страну, вы готовы уничтожить человечество. Когда до вас дойдет, наконец, что все люди — братья? Когда вы прекратите это братоубийство? Только у одной вашей страны достаточно атомных бомб, чтобы четыре раза взорвать планету. Зачем вам вдобавок еще и далет-эфф-фект?

— Но русские...

— Точно такие же, как и вы. Отсюда, из космоса, стоя на пороге смерти, я ясно вижу, что между вами нет никаких различий.

— Смерти? — испуганно переспросил Бакстер, снова подняв пистолет.

— Да. Неужели вы думали, что мы возьмем и отдадим вам ракет-двигатель? Мы старались держать его подальше, чтобы избежать убийства и смерти, но вы сами вынудили нас. По всему корпусу корабля в разных местах заложено не меньше пяти тонн взрывчатки. Взрыватель активизируется радиосигналом с Земли...

Из динамика послышалась серия быстрых музыкальных пассажей. Бакстер хрипло закричал, развернулся и принялся палить по пульта управления, задел выстрелом радиста и опустошил обойму, стреляя во все приборы подряд.

— Радиосигнал нельзя прервать с корабля.

Нильс повернулся к Арни, спокойно стоявшему у стены, взял его за руку и стал что-то тихо говорить. Генерал Гев победно рассмеялся, наслаждаясь этим космическим спектаклем. Он приветствовал торжество справедливости. Бакстер снова закричал...

Гигантская огненная вспышка положила конец всему.

Глава 24

ЛУННАЯ БАЗА

Марта Хансен воспринимала события сквозь дымку нереальности, которая помогала хоть как-то все это перенести. Все началось, когда Ове позвонил ей той ночью, ровно в 4.17. Она хорошо запомнила, как светились в темноте стрелки на циферблате, пока его голос гудел в трубке.

4.17. Эти цифры должны были означать что-то важное, раз они постоянно всплывали у нее перед глазами. Но что? Время, когда мир обрушился на нее? Нет, ведь она была еще жива. А Нильс был где-то далеко в своем очередном полете. Он же всегда возвращался из своих полетов...

В этом месте ее мысли каждый раз начинали путаться и ускользать куда-то в сторону. 4.17. Ей звонили различные люди, в том числе сам премьер-министр, они что-то говорили ей. Члены королевской семьи... 4.17. Она старалась быть вежливой со всеми. Она очень старалась. Может, она ничему больше и не научилась, закончив школу, но к вежливости по крайней мере ее приучили.

Наверное, она должна была запомнить хотя бы этот полет на Луну. Но ее оцепенение не проходило. Они летели туда на одном из новых лунных кораблей, которые прозвали космическими автобусами. Все было почти так же, как на реактивном авиалайнере, только

попросторнее. Вытянутый в длину салон, ряды кресел, бутерброды и напитки. Даже стюардесса. Высокая пепельная блондинка, которая почти не отходила от нее, они даже поговорили немного. Девушка разговаривала с певучим шведским акцентом, который так нравится мужчинам. Но была печальна, как и все остальные. Марта уже забыла, когда она в последний раз видела улыбку.

Церемония похорон показалась какой-то ненастоящей. За окном в безвоздушном пространстве был виден обелиск, украшенный флагами, — все как положено. Горн простонал свой печальный призыв, надрывающий сердце. Но хоронить было некого. Никто никогда не будет здесь похоронен. Взрыв, сказали ей. Они погибли мгновенно, безболезненно. И очень далеко. Лишь через несколько дней Ове Расмуссен рассказал ей, что произошло на самом деле.

Марте показалось, что это безумие. Люди не могли на самом деле так поступать друг с другом. Но они это сделали. А Нильс оказался способным на поступок, который он совершил. Это не было самоубийством, она не могла себе представить, что Нильс может покончить с собой. Это была победа в борьбе за то, что он считал справедливым. Если за это надо было умереть — он был готов без колебаний. Своей смертью он многое рассказал ей о человеке, с которым она жила столько лет, даже не зная его как следует.

— Выпьешь капельку шерри? — спросила Улла, склоняясь над ней с бокалом в руке.

Они сидели за столом в гостиной, церемония уже закончилась. Скоро они вернутся в Копенгаген.

— Да, с удовольствием. Спасибо.

Пригубив вино, Марта заставила себя обратить внимание на окружающих. Она чувствовала, что в последнее время ничего не замечает вокруг и что люди относятся к этому с пониманием. Ей это не нравилось. Слишком похоже на жалость. Сделав еще глоток, она огляделась по сторонам. С ними за столом сидел высокопоставленный военный и кто-то — она забыла его имя — из Министерства космоса.

— Это больше никогда не повторится, — гневно произнес Ове. — Мы относились к другим странам как к цивилизованным людям, а они оказались алчными монстрами, обуреваемыми национальной спесью. Тайком пронесенное оружие, наемные головорезы, под-

рывная деятельность, космическое пиратство. Просто невозможно поверить. Но второго раза не будет. И мы не станем больше гибнуть из-за них. Мы будем убивать их, если они так на это напрашиваются.

— Правильно! Правильно! — сказал военный.

— В новых кораблях с далет-двигателями внутреннюю изоляцию нужно сделать абсолютной. Мы объявим об этом во всеуслышание. Команда на одной стороне, пассажиры — на другой, без единой общей переборки. Если понадобится, разместим на борту отряды солдат. Вооруженных автоматами, слезоточивыми газами...

— Не стоит так увлекаться, старина.

— Да, конечно. Но вы понимаете, что я имею в виду. Такое никогда не должно повториться.

— Они не оставят своих попыток, — мрачно сказал человек из министерства. — Рано или поздно они похитят у нас двигатель или случайно наткнутся на это изобретение сами.

— Отлично, — сказал Ове. — Но мы постараемся, чтобы это произошло как можно позже. Что нам еще остается?

Ответом было молчание. Действительно, что они могли сделать?

— Извините меня, — сказала Марта, и мужчины встали, когда она выходила из комнаты.

Марта знала, где найти офицера, командующего базой. Он был сама любезность.

— Конечно, миссис Хансен. Не вижу причин, почему бы нам не выполнить вашу просьбу. Мы обязательно отправим вам все личные вещи капитана Хансена. Но если вы хотите что-то взять с собой прямо сейчас...

— Нет, не в этом дело. Мне просто хочется посмотреть, где он жил тут на базе. Последний год я почти не видела его.

— Я понимаю. Если позволите, я проведу вас в его комнату.

Это была небольшая комната, без признаков роскоши, в одной из первых секций, построенных на Луне. Командующий оставил ее одну. Через слой краски на стенах проступали следы волокон деревянной опалубки, в которую заливали бетон. Кровать в железной раме была жесткой, шкаф и встроенные ящики — строго функциональными. Единственным предметом роскоши было окно, за которым раскинулась лунная равнина.

Даже не окно, а иллюминатор, один из остатков временно приспособленного морского снаряжения. Два обычных корабельных иллюминатора, приваренные друг к другу, чтобы получилась двойная рама. Она смотрела на ровную пустыню с четкими и резкими очертаниями гор вдали, не размытыми воздухом, и представляла, как он стоял здесь, глядя в окно. Запасные форменные костюмы были аккуратно развешаны в шкафу, и, Боже, как ей не хватало его, как ей его не хватало! У нее еще оставались слезы, правда, немного, и она промокнула глаза платком. Не надо было приходить сюда. Он погиб, ушел навек, он никогда больше не вернется к ней. Пора идти.

Марта повернулась и увидела свою собственную фотографию в рамке на столике. Смеющаяся, в купальном костюме — маленький цветной снимок из счастливого прошлого. Ей почему-то не хотелось смотреть на эту фотографию. Теперь она знала, что Нильс всегда любил ее. Ей следовало понять это раньше. Несмотря ни на что.

Марта положила снимок в сумочку, но потом передумала, открыла верхний ящик шкафа и сунула ее под пижаму. Ее рука наткнулась на что-то твердое, и она вытащила книгу в мягком переплете. На обложке было написано: «Elementaer Vedligeholdelse og Drift af Daleth Maskin komponenter af Model IV». Она машинально листала страницы, пока переводила про себя сложные технические датские термины. Диаграммы, схемы, уравнения мелькали перед глазами, и наконец ей удалось перевести название. «Основные принципы технического обслуживания и эксплуатации далет-двигателя IV модели».

Он, должно быть, изучал эту инструкцию. Ему всегда хотелось досконально знать самолеты, на которых он летал. И новый корабль не был исключением. Он сунул книжку сюда и забыл об этом.

Люди шли на смерть, чтобы получить то, что она держала в руках. Другие отдали свою жизнь, чтобы не допустить этого.

Марта хотела положить книгу на место, потом заколебалась и снова посмотрела на нее.

Бакстер погиб на борту корабля, ей сообщили об этом. Его сменил другой сотрудник посольства, который уже неоднократно пытался связаться с ней. Где-то у нее было записано его имя.

Она может отдать им эту брошюру, и ее оставят в покое. Все проблемы будут решены раз и навсегда.

Марта уронила книгу в сумочку и щелкнула замком. Снаружи ничего не было заметно, никакой подозрительной выпуклости. Она задвинула ящик, еще раз оглядела комнату и вышла.

Когда она вернулась в гостиную, многие уже собирались уходить. Марта посмотрела по сторонам в поисках знакомого лица. И нашла — он стоял, прислонившись к стене, глядя в огромное окно.

— Герр Скоу, — сказала она, и он резко обернулся.

— А, миссис Хансен. Я видел вас, но у меня не было возможности поговорить с вами. Все потеряно, все...

Его лицо осунулось, и она подумала, что он, вероятно, винит себя в том, что случилось.

— Вот, — сказала она, открыв сумочку и протягивая ему книгу. — Я нашла это среди вещей моего мужа. И подумала, что ей не стоит валяться без присмотра.

— Боже милостивый, не может этого быть! — воскликнул он, увидев название. — Благодарю вас, вы так помогли мне! Люди настолько легкомысленны. Это не облегчает мою работу, скажу я вам. Нумерованный экземпляр — мы были уверены, что он на борту «Хольгер Данске». Мне бы и в голову не пришло... — Он выпрямился и отвесил ей строгий официальный поклон. — Благодарю вас, фру Хансен. Вы даже не представляете, какую услугу вы нам оказали.

Марта улыбнулась.

— Я представляю, герр Скоу. Мой муж и многие другие пожертвовали жизнью, чтобы то, о чем написано в этой книге, не попало в чужие руки. Могла я поступить иначе? И вообще, на самом деле все наоборот. Я только теперь поняла, какую услугу вы — все вы — оказали мне.

Настало время возвращаться на Землю.

Глава 25

Резко затормозив, «спрайт» завернул на подъездную дорожку и, дернувшись, остановился, скрипя покрышками. Ове Расмуссен перепрыгнул через дверцу машины, взбежал по ступенькам и с силой вдавил кнопку звонка. Он услышал, как в доме зазвенели мелодичные переливы, и, не дождавшись ответа, дернул за ручку. Дверь была не заперта, и Ове широко распахнул ее.

— Марта! Где ты? — закричал он. — Ты здесь?

Он закрыл за собой дверь и прислушался. В тишине раздавалось только тиканье часов. Потом до него донеслись сдавленные рыдания из гостиной. Она лежала, распростершись на диване ничком и содрогаясь всем телом от безнадежного, безудержного плача. Рядом на полу валялась газета.

— Улла позвонила мне, я был в лаборатории всю ночь, — сказал он. — У тебя был такой голос по телефону, что она сама почти в истерике. Я сразу поехал к тебе. Что случилось?..

Тут его взгляд упал на первую страницу газеты, и он сразу все понял. Нагнувшись, Ове поднял ее и посмотрел на фотографию, занимавшую почти всю полосу. На ней был изображен яйцевидный аппарат размером с небольшой автомобиль, плывущий в нескольких метрах над головами пораженных зевак. Из маленькой кабины махала рукой улыбающаяся девушка, а впереди, между фарами, отчетливо виднелась надпись: «Хонда». На ма-

шине не было заметно никаких привычных внешних признаков летательных аппаратов. Над фотографией было написано: «Японцы демонстрируют гравитационный скутер», а чуть ниже: «Утверждают, что новый принцип произведет революцию в транспорте».

Марта села, вытирая глаза промокшим платком. Ее лицо покраснело и опухло от слез, волосы спутались.

— Я приняла снотворное, — всхлипнула она, задыхаясь. — Проспала двенадцать часов. Я не слышала радио, вообще ничего. Пока готовила завтрак, принесли газету. А там...

У нее перехватило дыхание, и она молча показала на фотографию. Ове устало кивнул и тяжело опустился в кресло.

— Это правда? — спросила она. — У японцев есть далет-двигатель?

Он снова кивнул. Закрыв лицо руками, впиваясь ногтями в кожу, она пронзительно выкрикивала слова:

— Все зря! Их убили ни за что! Японцы уже знали о далет-эффекте, они украли его. Нильс, все они, все погибли зря!

— Успокойся, — сказал Ове. Он наклонился и обнял ее за плечи, чувствуя, как всю ее трясет от мучительной боли. — Слезы не вернут его, никого не вернут.

— И вся эта секретность... бесполезно... секрет все равно просочился...

— Секретность погубила их всех, — голос Ове был мрачен, как зимняя полночь. — Глупая, бессмысленная потеря.

Горечь, звучавшая в его словах, сделала то, чего не смогло добиться сочувствие: они дошли до сознания Марты, потрясли ее.

— О чем вы говорите? — спросила она, вытирая слезы рукой.

— Вот об этом. — Он посмотрел на газету с холодной ненавистью и пнул ее ногой. — Наш секрет не был вечным, мы просто опередили остальных. Мы с Арни пытались убедить в этом службу безопасности, но нас никто и слушать не хотел. Скорее всего, только Нильсу и нескольким его помощникам было известно о взрывчатке на корабле. Если бы Арни или я знали об этом, мы бы подняли публичный скандал и отказались лететь. Это преступное расточительство, преступная глупость!

— Что это значит? — Марту напугали слова профессора.

— Это значит, что только политики и сотрудники органов безопасности верят в «Секреты» с большой буквы. И еще, наверное, те, кто начитался шпионских романов об украденных тайнах. Но у матери-природы нет никаких секретов. У нее все на виду, надо только суметь разглядеть. Иногда это не так-то просто, нужно знать хотя бы, куда смотреть. Арни понимал это, потому и привез свое открытие в Данию, во всяком случае это одна из причин. Здесь можно было быстрее построить корабли с далет-двигателем, потому что у нас хорошо развито тяжелое машиностроение. Это был всего лишь вопрос времени — пока остальные не очухаются. Как только существование далет-эффекта перестало быть тайной, всем ученым сделалось ясно, что именно надо искать. У нас было еще одно преимущество. Многие физики знали, что Арни занимается проблемами гравитации. Он переписывался с ними, и они читали о его работе в журналах. Однако они не знали того, что его подход к проблеме был неверен по сути. Арни сам нашел свою ошибку, но не успел опубликовать результаты. Настоящее открытие далет-эффекта произошло в результате изучения телеметрических данных солнечной вспышки. Эти данные не держались в секрете, весь вопрос заключался только в том, как быстро будет обнаружена связь между ними и далет-эффектом. Мы выиграли почти два года и поэтому успели уйти вперед.

— Тогда все эти убийства, шпионы...

— Все бессмысленно. Органы безопасности работают по принципу: правая рука не знает, что делает левая. Секретные службы пытаются выкрасть секрет, в то время как засекреченные лаборатории стараются раскрыть его. А когда эти службы запущены в оборот, остановить их крайне трудно. Все это было бы смешно, если бы не закончилось так трагично. Я наконец услышал всю эту историю целиком — меня всю ночь посвящали в подробности сотрудники органов безопасности. Знаешь, сколько стран уже имели ключ к разгадке природы далет-эффекта, когда взорвался корабль? Я тебе скажу. *Пять*. Японцы думали, что они первые, и пытались получить международный патент. Но их заявка была отклонена четырьмя странами, в которых заявки на патент были поданы раньше и охранялись как государственная тайна. Две из них — Индия и Германия.

— А еще две? — выдохнула она, заранее зная ответ.

— Америка и Советский Союз.

— Нет!

— Мне очень жаль. Мне так же больно говорить об этом, как тебе — слушать. Твой муж, Арни, мои друзья и коллеги погибли при взрыве. Бессмысленно. Потому что страны, виновные в их смерти, уже знали разгадку. Но так как информация была сверхсекретной, ее не могли сообщить своим же сотрудникам. Не меньшая вина лежит и на наших органах безопасности, которые первым делом позаботились о том, чтобы напичкать корабль взрывчаткой. Все страны, замешанные в этом деле, виновны в трагедии. Это какая-то паранойя, возведенная в статус закона. Сотрудники секретных служб в любой стране одинаковы по своей натуре — ими руководит страх и неуверенность в себе. Они могут быть вполне искренними патриотами, но из-за своей болезненной мнительности проявляют патриотизм таким вот образом. Люди подобного сорта никогда не поймут, что во времена паровозов появляются паровозы, а во времена самолетов — самолеты.

— Я не понимаю вас. — Она хотела заплакать, но не смогла, слез уже не осталось.

— История всегда повторяется. Стоило японцам во время второй мировой войны услышать об американских радарх, — и они тут же приступили к работе. Они создали магнетрон и все остальные составные части почти одновременно с американцами. Только междоусобные распри и недостаток производственных мощностей помешали им начать серийный выпуск. Это было время радаров. А теперь... теперь настало далет-время.

Повисла долгая пауза. Солнце спряталось за облако, и в комнате потемнело. Наконец Марта заговорила: ей необходимо было задать этот вопрос.

— Значит, все это было напрасно? Их гибель. Она была бессмысленна?

— Нет. — Ове заколебался и попытался улыбнуться, но не смог. — По крайней мере, я надеюсь, что это не так. Во время взрыва погибли люди из многих стран. Этот удар должен отрезвить людские головы, — может быть, даже головы политиков. Они ведь могли бы использовать это открытие во имя добра. Хоть раз в жизни поступить как должно. Без пререканий. Не превращая его в еще одно фантастически разрушительное оружие. У нас есть реальная возможность превратить Землю в цветущий рай. Японцы в чем-то даже обогнали

нас: избавились от внешнего источника энергии. Они сумели сделать далет-эффект источником питания для двигателя. Мы сейчас живем в предместьях одного мирового города. К этому еще придется привыкать. Но весь мир, все люди должны собраться и осознать свое единство. И любой человек, любая страна, которые попытаются использовать эту силу для разрушения или войны, будут мгновенно остановлены. Тогда их гибель не будет напрасной. Если мы сумеем извлечь урок из этой жертвы — она стоила того.

— Сумеем ли? — спросила Марта. — Сможем ли мы извлечь этот урок? Сделать мир таким, каким мы все хотим его видеть, но который всегда остается недостижимой мечтой?

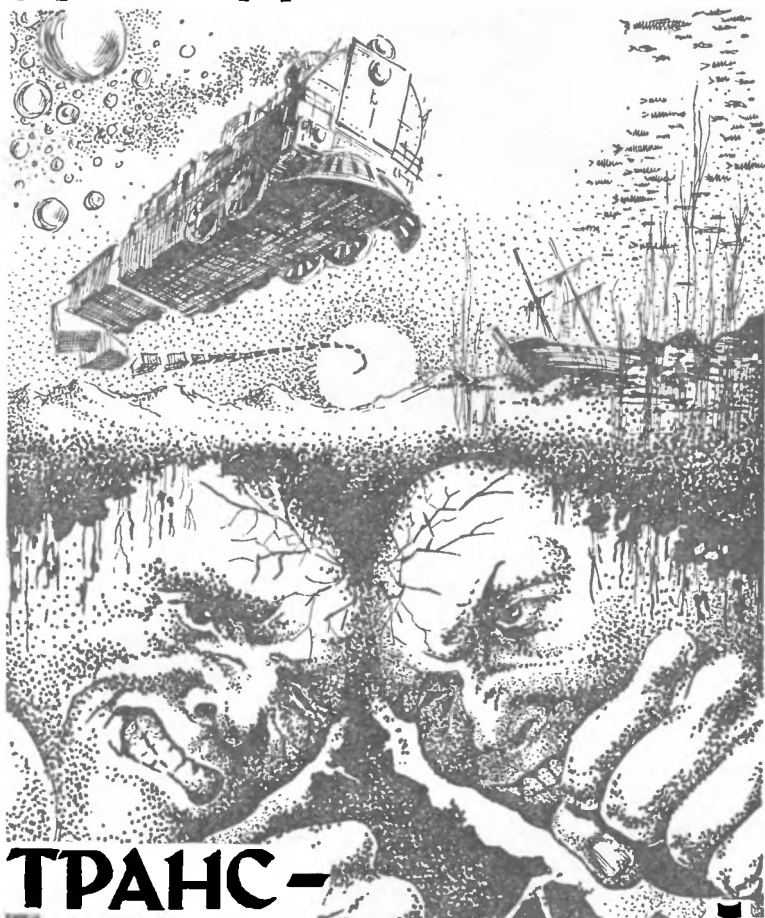
— Нам придется это сделать, — сказал Ове, наклонившись вперед и взяв ее руки в свои. — Или мы умрем, пытаясь сделать это.

Марта невесело рассмеялась.

— Мир, один для всех. Где-то я уже это слышала.

Солнце вынырнуло из-за облака, но внутри дома, в комнате, где сидели два человека, так и не рассеялась тьма.

ДА ЗДРАВСТВУЕТ

ТРАНС- АТЛАНТИЧЕСКИЙ ТУННЕЛЬ! УРА!

КНИГА ПЕРВАЯ

ВОССОЕДИНЕНИЕ МАТЕРИКОВ НАЧИНАЕТСЯ

Глава 1

СРОЧНОЕ ПОСЛАНИЕ И ОПАСНЫЙ МОМЕНТ

Отходивший от Паддингтонского вокзала «Летучий Корнуоллец» с виду мало чем отличался от других поездов. Возможно, убранство выглядело чище и новее; золотые кисточки, обрамлявшие подушки сидений в вагоне первого класса, даже придавали ему некоторую роскошь, — но все это было не более чем декоративными ухищрениями. То, что разительно выделяло этот поезд среди остальных в Англии — а значит, и во всем мире, — отнюдь не так бросалось в глаза, как его огромный золоченый локомотив, медленно выбиравшийся на свой маршрут из лабиринта рельсов и стрелок сортировочных станций, туннелей и выемок. Здесь полотно дороги было обычным, пользоваться им могли любые поезда. Истинное отличие стало выявляться позднее, когда угловатый локомотив, волоча за собой длинный цилиндр вплотную прижатых друг к другу вагонов, нырнул глубоко под Темзу и вынырнул в Суррее. Тут уж полотно пошло иное — одна-единственная колея из последовательно сваренных рельсов с лежащими на специальной подушке шпалами, спрямленная и выглаженная куда основательнее, нежели какая-либо из прежде существовавших; отблескивая в глубоких выемках, пробивших четкий канал через меловые холмы,

выбрасывая стрелы приземистых железных мостов над ручьями и реками, этот тщательно выверенный путь даже на поворотах, подъемах и спусках лишь едва-едва отклонялся от безупречной прямой. Скорость быстро все объяснила — поезд равномерно разгонялся до тех пор, пока окрестные поля и деревья не замелькали, словно летящие мимо зеленые пятна; лишь вдали можно было еще различить кое-какие детали, но и они стремительно ускользали назад и исчезали едва ли не сразу, как их ловил взгляд.

Альберт Дригг занимал целое купе и был этим весьма доволен. Он знал, что поезд совершает ежедневные рейсы в Пензанс и обратно уже без малого год и с ним никогда ничего не случилось, но знание было чисто теоретическим. Другое дело — испытать на себе. От Лондона до Пензанса 282 мили, и это нешуточное расстояние должно быть покрыто за два часа пять минут — значит, средняя скорость, с учетом остановок, намного превысит 150 миль в час. Можно ли было думать, что такое станет доступно? В глубине души Альберт Дригг сильно подозревал, что нет. Нет — даже теперь, на 1973 году по христианскому летосчислению, когда империя, оставаясь непоколебимой, старательно обновлялась и шла в ногу со временем. Дригг сидел прямо, будто аршин проглотил, так что на его черный костюм и черный жилет не набегало ни морщинки — сияет жесткий белый воротничок, блестящий кожаный портфель лежит на коленях; и никаких признаков эмоций. Туго свернутый зонтик и черный котелок, лежавшие в багажной сетке наверху, выдавали в нем горожанина, а жители города Лондона не склонны к публичному проявлению чувств. И тем не менее Дригг все же вздрогнул слегка, когда дверь открылась на своих бесшумных роликах и жизнерадостный голос явного кокни предложил:

— Чай, сэр, чай!

Полтора миль в час — если не больше! — а чашка стоит себе на полочке у окна, и чай льется в нее спокойно и ровно.

— Это будет три пенса, сэр.

Дригг вынул из кармана шестипенсовик, не обращая внимания на благодарный лепет, — но пожалел о своей щедрости, стоило двери закрыться. Немудрено было утратить присутствие духа, дав чаевые с подобным великодушием, — однако Дригг утешился тем, что смо-

жет провести их как накладные расходы, поскольку совершает поездку по делам компании. А чай был хорош — свежий и горячий, он очень благотворно сказался на нервах. Виски сказалось бы еще благотворнее, Дригт понимал это; он уж нажал было кнопку электрического звонка, чтобы вызвать официанта, но тут вспомнил о салон-вагоне, снимки которого мелькали на страницах «Таглера» и «Пэлл-Мэлл газетт». Посещали его, однако, весьма немногие. Дригт допил чай и поднялся, запихивая излишек цепочки в рукав. То, что портфель намертво прикован к его запястью, раздражало его, так как выдавало ущербность его джентльменства; но посредством тщательного маневрирования ему удавалось скрывать цепочку от посторонних глаз. Салон-вагон — вот что ему нужно!

Ковровая дорожка в коридоре утонченно контрастировала своим глубоким золотым цветом с алым маслянистым блеском панелей красного дерева. Чтобы добраться до цели, Дригту надо было пройти еще один вагон, но у него не было ни малейшей нужды сражаться с непокорными дверьми, как то было бы в обычном поезде, — стоило подойти, некие невидимые приспособления ощущали его приближение, и двери проворно отворялись под музыкальное гудение упрятанных электрических моторов. Разумеется, идя по коридору, Дригт ни разу не заглянул в окна купе, но уголками глаз на мгновение улавливал то изящно одетых мужчин и элегантных, принаряженных женщин, то спокойно сидящих за книгой детей — и лишь однажды внезапный громкий лай заставил его непроизвольно покоситься. Два джентльмена, явно из провинции, сидели, задрав ноги, и опорожняли стоявшую между ними бутылку портвейна, в то время как с поддюжины охотничьих собак всех пород и размеров увивались вокруг, ища внимания хозяев. Вскоре Дригт оказался в салон-вагоне.

Никаких автоматических приспособлений — только индивидуальное обслуживание на высочайшем уровне. Громадная резная дверь с массивными латунными ручками; бой в похожей на коробочку для пилюль кепке и униформе с двумя рядами пуговиц, бросавшихся в глаза ярким блеском. Бой приветствовал Дригга и потянул за ручку двери.

— Добро пожаловать, сэр, — чирикнул он, — в Большой салон-вагон железной дороги «Лондон — Край Земли».

Теперь, увидев салон во всем его великолепии, Дригт понял, что газетные фотографии несколько грешили против истины. Ощущения того, что находишься в вагоне поезда, не было напрочь: обстановка напоминала скорее закрытый клуб. С одной стороны были громадные, прозрачные как хрусталь окна, от пола до потолка обрамленные алым бархатом штор, а перед окнами выстроились столики, за которыми клиенты железной дороги могли сидеть, коротая время в созерцании проносящихся мимо сельских красот. Напротив тянулся переполненный бутылками бар; изящное, ограненного стекла зеркало позади удваивало их шеренги. Справа и слева от стойки бара находились оконца, изысканный вкус конструктора оснастил их цветными стеклами, сквозь которые солнце рисовало на ковре непоседливый разноцветный узор. Лики святых, конечно, были бы здесь неуместны; их заменили лица отцов-основателей железнодорожного транспорта, таких как Стефенсон и Бранел, — сильных, прозорливых мужчин с компасами и картами в руках. По сторонам их окаймляли изображения вошедших в историю машин: от паровика капитана Дика * и крохотной стефенсоновской «Ракеты» с левого края до — через многие времена и эпохи — могущественнейшего атомного «Дредноута», тянувшего сейчас поезд Дригта. Дригт сел у окна, укрыв портфель под столиком, и велел принести виски; неторопливо он делал маленькие глоточки и с удовольствием прислушивался к веселой, незатейливой мелодии, которую наигрывал на фисгармонии улыбающийся музыкант в дальнем конце вагона.

Поистине, это было восхитительно, и Дригт смаковал каждый миг, мысленно уже видя, как от почтения отвисают челюсти и безмолвно вытаращиваются глаза приятелей, когда, вернувшись, он будет рассказывать о поездке в хэмпстедской «Голове короля». Еще до того, как с первой рюмкой было покончено, поезд плавно остановился на станции Солсбери, и Дригт с одобрением проследил, как внезапно появившийся полицейский шутанул с платформы стайку глазастых мальчишек в школьных курточках, остолбенело разглядывающих вагоны. С чувством выполненного долга офицер вскинул руку, приветствуя проезжающих, а затем величествен-

* Имеется в виду первый в мире паровоз, сконструированный Ричардом Треветиком. (Здесь и далее примеч. ред.)

но и решительно двинулся по делам дальше. Вновь «Летучий Корнуоллец» устремился в путь, а Дригг вместе со вторым виски заказал порцию сандвичей и ел их до предпоследней остановки в Эксетере; он едва успел с ними разделаться, как поезд уже замедлял ход, приближаясь к Пензансу, — и за шляпой и зонтом пришлось поторопиться.

Как только состав подошел, у локомотива выстроился караул — кряжистые, невозмутимые солдаты из аргайльских и сазерлендских горцев, выглядевшие весьма представительно в своих темных килтах и белых гетрах; особое впечатление производили их неизменные винтовки системы Ли-Энфилда с примкнутыми штыками. За караульными громоздилась золотистая туша «Дредноута», самого удивительного и, возможно, самого мощного механизма в мире. Несмотря на срочность своей миссии, Дригг, как и все прочие пассажиры, замедлил шаги, не в силах пройти равнодушно мимо блестящего вытянутого корпуса. Черные ведущие колеса были высотой с Дригга; шатуны, толще, чем его нога, уходили внутрь пузатых цилиндров, истекающих белыми клубами пара. Внизу, у ходовых механизмов, локомотив был окрашен невзрачно, но сверху весь его корпус сиял ничем не замутненным золотым сиянием, точно сгусток солнечного света; четырнадцатикаратное золочение при таких-то размерах — поистине королевские траты. Но солдаты стояли здесь, охраняя отнюдь не золото, хотя это выглядело бы естественно, а двигатель, упрятанный в недрах гладкого, беструбного, монолитного панцыря. Атомный реактор, как заявляло правительство, плюс кое-что еще, однако что именно еще — умалчивало. И выставило у механизма охрану. Любое из германских государств не пожалело бы годового дохода казны за этот секрет, а те шпионы, которые уже были схвачены, работали, по слухам, на короля Франции. Солдаты строго поглядывали на проходящих, и Дригг ускорил шаги.

Офисы располагались в здании станции, наверху, и лифт быстро поднял Дригга на четвертый этаж. Он был уже у двери администраторской, когда она открылась и появился человек, землекоп с виду; кто, кроме дорожника-землекопа, наденет эти сапоги до колен — именно про такие и говорят «не ладно скроены, да крепко сшиты» — с этими зелеными брюками рубчатого плеса? Рубашка из крепкого холста, поверх нее — когда-

то цветастый, но немилосердно перемазанный жилет, на бычьей шее — кричащий платок. Землекоп придержал дверь, но заступил Дриггу путь, пристально вглядываясь в него своими светло-голубыми глазами, казавшимися поразительно ясными на темно-коричневом от загара, с задубевшей кожей лице.

— Вы — мистер Дригг, не так ли, сэр? — быстро спросил он, не давая Дриггу возможности возмутиться его поведением. — Мне доводилось видеть вас на торжественном открытии т'станции и на других официальных т'мероприятиях.

— Если вам угодно.

Мощная мускулистая рука все еще перекрывала вход, и, судя по всему, Дригг мало что мог с нею поделать.

— А, вы еще не знаете меня. Я Боевой Джек, сменный начальник, подчиняюсь непосредственно капитану Вашингтону. Если вы его хотите видеть, то его здесь нет.

— Да, я именно его хочу видеть, и дело не терпит отлагательств.

— Только вечером, после смены. Тогда капитан поднимется из т'забоя. Но никаких посетителей. Если у вас в портфеле письма, я отдам их за вас.

— Невозможно. Я должен передать лично.

Дригг достал из жилетного кармана ключ и, провернув его в замочке портфеля, сунул руку внутрь. Там лежал один-единственный льняной конверт, и Дригг тотчас бросил его обратно, дав собеседнику заметить лишь наверху золотого геральдического шлема, оттиснутого на одной из сторон.

— Маркиз?

— Никто иной, — голос Дригга не был лишен толики тщеславного удовольствия.

— Что ж, тогда идемте. Но вам придется надеть спецодежду — в т'забое без нее мерзковато.

— Послание должно быть доставлено.

Начальника смены дождался «подкидыш» — кургузый электрокар с прицепной вагонеткой, груженной доверху заполненными ящиками. Электрокар тронулся, стоило им забраться на площадку позади машиниста. Миновали город, проскочили холмы и нырнули в черный туннель, освещенный лишь едва-едва тлеющими плафонами, — и Дригг невольно вцепился в поручни, боясь, как бы одним из толчков его не сбросило в

темноту. Затем опять оказались на солнце и несколько сбросили ход, потому что впереди показалась пасть второго туннеля. Она была грандиозной; гранитные блоки облицовки и мраморные колонны, выполненные в дорическом стиле, поддерживали мощную перемычку. Четко вырезанные на ней слова заставили горло Дригта сжаться от волнения, несмотря на многие годы сотрудничества с компанией.

«ТРАНСАТЛАНТИЧЕСКИЙ ТУННЕЛЬ», — гласили они.

Трансатлантический туннель! Что за гордый порыв! Магия двух этих слов подействовала бы и на менее чувствительного человека, чем Дригт, и, хотя за внушительной внешней конструкцией скрывалось пока не более мили туннеля, они все равно вызывали трепет. Воображение вело дальше — пронзало землю, ныряло под моря, молниеносно оставляло позади тысячи миль под темными водами океанских бездн, чтобы вновь вырваться к солнцу в Новом Свете.

Огни бежали назад все медленнее и медленнее, пока «подкидыш» наконец не остановился перед бетонной стеной, запечатавшей туннель, словно гигантская пробка.

— Последняя остановка. Теперь — за мной, — произнес Боевой Джек и с легкостью, необыкновенной для человека его комплекции, перемахнул через борт. — Доводилось ли вам бывать в т'туннеле прежде?

— Никогда.

Дригт уже готов был признать свою беспомощность в этом чуждом мире. Взад и вперед сновали какие-то люди, обменивались друг с другом ничего не говорящими постороннему фразами; металл с лязгом бил о металл, и где-то высоко, под сводом туннеля, эхо вторило этому лязгу; ничем не прикрытые, свисающие на проводах лампы освещали дантовскую картину неизвестных Дригту машин, узкоколеек и вагонеток, какого-то непонятного оборудования. И Дригт повторил:

— Никогда.

— Вам не о чем беспокоиться, мистер Дригт. Здесь вы в такой же безопасности, как дома, если будете делать что надо и когда надо. Я проработал на дорогах и в туннелях всю жизнь и, если не считать поломанных ребер, треснувшей черепушки, перелома бедра и одного-двух шрамов, свеж, как майская роза... За мной, за мной!

Возможно, убежденный этими сомнительными доводами, Дригт вслед за сменным прошел через стальные двери в бетонной переборке, и они медленно с громом сомкнулись. Мужчины оказались в небольшой комнате — скамейки по центру, шкафчики для вещей вдоль одной из стен. Внезапно раздалось шипение; где-то вдали глухо зашумели насосы, и Дригт почувствовал, как у него заложило уши. Боевой Джек перехватил его испуганный взгляд.

— Это воздух! Сжатый воздух, и только. И всего каких-то паршивых двадцать фунтов. Могу вас заверить как человек, которому доводилось работать при шестидесяти и больше, вы их и не заметите, когда окажетесь внутри. Теперь выходим, — он вытащил из шкафчика защитный комбинезон и, резко встряхнув, расправил его. — Этот достаточно велик, чтобы вы могли натянуть его поверх костюма. А ваш чемоданчик я подержу.

— Не снимается, — и Дригт на глазах у сменного вытряхнул из рукава спрятанную часть цепочки.

— И ключа нет?

— У меня — нет.

— И не надо.

Сменный выхватил здоровенный складной нож, причем быстрота и точность движений неопровержимо доказывали, что ему не раз приходилось делать это во всякого рода чрезвычайных ситуациях; наружу прыгнуло длинное отблескивающее лезвие. Сменный шагнул вперед. Дригт попятился.

— Неужто вы подумали, что я собираюсь отрезать вам руку, сэр? Я собираюсь лишь чуток попортняжничать.

Одним движением он распорол рукав от запястья до подмышки, другой рывок лезвия вскрыл комбинезон по боку. Затем сложенный нож вернулся на место, а Дригт надел изувеченный балахон; портфель прошел в прореху без всяких затруднений. Тем временем Боевой Джек разрезал еще один комбинезон — судя по всему, он относился к собственности компании с рыцарственной щедростью — и натуго обмотал им распоротый рукав. И только с этим было покончено, как насосы смолкли и открылась другая дверь, в дальнем конце кессона; в нее заглянул оператор и, увидев Дригта в его котелке, коснулся лба ладонью.

Сцепка из небольших открытых платформ выползла из стальных ворот переборки, и Боевой Джек, как-то

по-хитрому сложив губы, издал свист, от которого у Дригга едва не лопнули уши. Водитель оглянулся на звук со своего приземистого электрокара и вырубил ток.

— Это Кривой Конро, — доверительно сообщил Боевой Джек Дриггу. — В заварухах — страшный человек, кулаки у него чешутся постоянно. Стараются сравнять счет; видите ли, ему-то кое-что уже выбили.

Конро пристально посверкивал на них своим единственным, покрасневшим глазом, а когда они вскарабкались на кар, тронул сцепку вперед.

— Ну, как оно там? — спросил Боевой Джек.

— Песок, — и Кривой Конро сплюнул ком табачной жвачки во тьму. — Все еще песок. Мокрый! Над кровлей сплошной кисель, и мистер Вашингтон сбросил давление, чтобы ее не выбило, — так теперь на грунте полно воды, и все помпы в работе.

— Это все давление воздуха, понимаете? — принялся объяснять Дриггу Боевой Джек, будто бы посланца это и впрямь интересовало. Тому же было вовсе не до технических подробностей. — У нас над головами т'океан, десять, а то и двадцать саженей океанской воды, которая так и рвется сквозь песок вниз, к т'нам, понимаете? Так мы поднимаем давление, чтобы держать ее там, где следует. Но поскольку диаметр туннеля — тридцать футов, возникает разница в давлении под кровлей и у грунта, вот в чем загвоздка. Если мы держим такое давление, чтобы под т'кровлей все было тип-топ, вода начинает сочиться через т'грунт, где ее давление выше, и нам впору плавать. Но, заметьте, если мы решаемся поднять давление так, чтобы блокировать воду на т'грунте, получается перебор под т'кровлей, и ее вполне может прорвать до самого дна океана, а тут уж вся вода в мире хлынет нам на головы... Да вы не думайте об этом.

Дриггу ничего другого и не оставалось. Он обнаружил, что по какой-то необъяснимой причине руки его начали дрожать, и ему пришлось плотно обмотать цепочку вокруг запястья — иначе она бы звенела. Очень скоро сцепка начала замедлять ход, и впереди, совсем рядом, показался конец туннеля. Громоздкий металлический щит разделял рабочих и нетронутую плоть земли, и он же давал возможность вгрызаться в нее через закрывающиеся дверцами отверстия, пронизывающие сталь. С воем и грохотом работали буры, а механиче-

ские черпалки под ними заглатывали разрыхленный грунт и перегружали в стоящие наготове вагоны. Хаос здесь был просто адский, но даже Дригт своим неискушенным взглядом вскоре заметил, что работа идет слаженно и продуктивно. Боевой Джек спустился с электрокара, Дригт сошел следом; они подошли к щиту и, миновав пролет металлической лестницы, поднялись к одному из отверстий.

— Побудьте здесь, — велел сменный, — я приведу его.

У Дригта не было ни малейшего желания идти за ним, он и без того изумлялся своей верности компании — верности, заведшей его так далеко. Между ним и расстрепанным телом планеты, которое точила ниточка туннеля, оставались считанные футы.

Серый песок и плотная глина. Черпалки перемалывали их и ссыпали в машины, ждущие внизу. Было нечто зловещее, нечто пугающее во всем этом действе, и Дригт заставил себя перевести взгляд на Боевого Джека, который разговаривал с высоким мужчиной в одежде цвета хаки и высоко зашнурованных инженерских ботинках. Только когда мужчина повернулся, показав в профиль свой классический нос, Дригт сообразил — это и был капитан Огастин Вашингтон. Прежде Дригт видел его лишь в офисах и на собраниях правления и не смог сразу признать в этом здоровяке-инженере того прекрасно одетого джентльмена. Но, все правильно, — не в цилиндре же ему здесь ходить.

Раздалось нечто среднее между воплем и визгом, и все взгляды разом устремились в одном направлении. Один из землекопов указывал на темную поверхность песка перед собой — она морщилась, вдавливаясь в щит.

— Прорыв! — крикнул кто-то.

Дригт ничего не понимал, но видел: случилось что-то ужасное. Все происходило стремительно и нелепо, люди растерянно суетились, а песок морщился, шевелился, а потом лопнул, и с оглушительным свистом в песке разверзлась дыра в добрых два фута шириной. Ветер налетел на Дригта, болезненно ударил его по барабанным перепонкам, и посланец с ужасом понял, что его затягивает прямо в зияющую пасть. Он вцепился в металл, все его тело свела судорога при виде того, как ветер этот сдувает со щита тяжелые доски, и они летят, раскалываются в щепы, пропадаают...

Какой-то землекоп, спотыкаясь и сгибаясь под напором засасывающего вихря, приблизился к месту прорыва с кипой соломы в сильных руках. Это был Боевой Джек; он выходил на битву против того, что, возникнув так внезапно, грозило уничтожить их всех. Кипу буквально вырвало у него из рук, стоило лишь ее поднять. Она ударилась о края пробоины, сплющилась, на мгновение застряла — и исчезла.

Боевой Джек корчился, пытаясь найти опору и выбраться из опасной зоны; руки его тянулись к стальной переборке. Его пальцы почти касались ее, — но так и не достали. С ревом, полным скорее досады, нежели страха, он раскачивался издевательски близко от цели, а затем его поволокло назад, оторвало от земли и головой вперед втянуло в пробоину.

Одно нескончаемое, жуткое мгновение он держался там, как пробка в бутылке, и его дергающиеся ноги были еще в туннеле.

Затем он пропал из виду, и воздух опять засвистел и завыл без помех.

Глава 2

ВАЖНОЕ РЕШЕНИЕ

Потрясенные быстротой трагедии, все землекопы — не говоря уже об Альберте Дригге — стояли, оцепенев от ужаса. Хотя жизнь, полная грубой работы и испытаний, несчастных случаев и неожиданных увечий, давно стала привычной для этих сильных людей — даже они были напуганы. Лишь один человек сохранял присутствие духа и был в состоянии двигаться, действовать, расшевелить оцепеневших от страха рабочих.

— Ко мне! — крикнул капитан Вашингтон, рванувшись к блоку крепежных бревен, приготовленному как раз на такой случай. Это было нечто вроде напоминающего створку двери щита высотой в рост человека, собранного из толстых досок, болтами посаженных на мощные бревна. Казалось, один человек не в силах и пошевелить такую машину, но Вашингтон, ухватив щит за край, напрягся и продвинул его вперед на добрых два фута.

Это подтолкнуло остальных. Сомкнувшись вокруг Вашингтона, очнувшиеся землекопы ухватили блок, подняли и поволокли вперед. Затем поток воздуха вырвал его у них из рук и отверстие захлопнулось; пробоина наконец была перекрыта. В щелях между досками воздух еще свистел вовсю, но бешеный напор его сник. Вашингтон четко распоряжался; землекопы, спеша, старались окончательно обуздать стихию, в то время как

над ними из главного отверстия в туннельном щите показался странный механизм, приводимый в движение равномерно работающими гидравлическими цилиндрами. В нем было что-то от орудийной башни военного корабля, только вместо пушки из него торчали четыре длинные трубы с буровыми головками на концах. Они уткнулись в песок над пробойной, и оператор запустил двигатель; головки завертелись. Буры стремительно погрузились в мягкий песок, и как только башня вплотную прижалась к его поверхности, бурение было прекращено и открылись клапаны. Башня мгновенно покрывалась коркой льда.

Тем временем дюжий землекоп топором прорубил отверстие посредине деревянного щита напротив пробоины. Последовавший за этим воздушный удар был так силен, что топор вырвало у землекопа из рук и утянуло в дыру. Землекоп с усилием отступил назад, смеясь и держа руки так, чтобы товарищи видели кровоточащие ссадины на ладонях, оставленные топорищем, когда вихрь, одолев мертвую хватку рук, вырвал его топор. Едва он успел посторониться, в сделанное им новое отверстие был введен раструб толстого шланга, и залокотал насос.

В считанные секунды надсадный свист рвущегося наружу воздуха стал замирать. Лед сковал теперь влажный песок, в котором произошел прорыв; знобкая волна холодного воздуха прошла над головами людей. Когда движение воздуха полностью прекратилось, Вашингтон приказал остановить насосы, и от внезапной тишины у землекопов зазвенело в ушах. Не сразу они обратили внимание на звук телефонного зуммера — это капитан Вашингтон крутил ручку полевого телефона.

— Немедленно дайте мне радиосвязь с кораблем.

Все теперь напряженно следили за Вашингтоном, который, когда связь была установлена, резко бросил одно лишь слово:

— Докладывайте.

Потом он слушал и кивал. Потом, обратившись наконец к затаившим дыхание землекопам, сообщил:

— Он в порядке. Жив и здоров.

С радостными криками они принялись бросать кепки в воздух, но тут же замерли, когда Вашингтон поднял руки, требуя тишины.

— Когда произошел прорыв, они увидели его признаки на поверхности — грязевой выброс и фонтан

высотой в сорок футов. Затем они рискнули приблизиться, насколько возможно, к точке выброса — вода там буквально кипела — и были как раз над нами, когда появился Боевой Джек. Его, как там говорят, подбросило в воздух, и они подобрали его почти сразу, как он упал обратно. Он был без сознания, но телесных повреждений не получил и, когда пришел в себя, начал ругаться, еще не открыв глаза. А теперь за работу, парни; сегодня мы должны пройти еще двенадцать футов.

Как только работа вошла в обычную колею, капитан Вашингтон повернулся к Дригту и крепко пожал ему руку.

— Мистер Дригт, не так ли? Личный секретарь маркиза?

— Да, сэр, и секретарь правления к тому же.

— Вы застали нас в напряженный момент, мистер Дригт, и я надеюсь, вы не слишком встревожены. В туннельном строительстве есть свои сложности, которых не всегда удается избежать. Но, как вы видели, они отнюдь не являются непреодолимыми, надо лишь быть наготове. По океаническому дну над нами проходит складка, так называемая синклиналь; вряд ли больше чем пять футов песка отделяет нас от воды. Возможность прорыва здесь сохраняется постоянно. Но экстренная закупорка и применение фиксатора Гауэна быстро прекрывают пробойну.

— Боюсь, это выше моего понимания, — сказал Дригт.

— Отнюдь нет. Механика проста, — по мере того как капитан Вашингтон продолжал свои объяснения, в глазах его засверкала подлинная увлеченность. — Поскольку песок над нами насыщен водой, сжатый воздух, которым мы нейтрализуем водяное давление, продул отверстие до самого морского дна. Отверстие временно перекрыли деревянной заглушкой, а там подоспел фиксатор Гауэна. Эти сверла полые, и, как только они вошли на всю длину, началась закачка жидкого азота. Эта жидкость имеет температуру 345,5 градуса ниже нуля* и мгновенно замораживает все, с чем соприкасается. По трубе, которую вы видите вон там, был подан густой раствор жидкого грунта, который, замерзнув, отвердел и закупорил пробойну. Мы будем поддерживать его в этом состоянии, пока не выйдем из опасной

* Имеется в виду — по шкале Фаренгейта. По Цельсию это примерно 210 градусов ниже нуля.

зоны и не установим здесь стальных секций туннельной обшивки. Все хорошо, что хорошо кончается — у нас все кончилось как раз так.

— Действительно, кончилось хорошо, и для вашего начальника смены тоже. Очень удачно, что корабль был близко.

Прежде чем ответить, Вашингтон смерил собеседника пронизывающим взглядом.

— Здесь нет никакой случайности, и я уверен, вы это знаете. Если не ошибаюсь, последнее письмо директоров, где мое внимание обращается на неоправданность расходов по содержанию корабля на стационарном дежурстве, шло за вашей подписью?

— Это так, сэр, но это подпись лишь составителя текста, не более. Решать подобные вопросы я никоим образом не уполномочен и всего лишь довел до вашего сведения мнение директоров. Но, если вы позволите, я дам полный отчет о том, что видел сегодня, и обязательно подчеркну, что благодаря вашей предусмотрительности была спасена человеческая жизнь.

— Человеческую жизнь, мистер Дригг, спасла правильная организация работ.

— Предусмотрительность, сэр, я настаиваю. Она заключается в том, что вы ставите жизнь человека выше денег. Я скажу именно это, и вопрос будет решен раз и навсегда.

Вашингтон, казалось, был несколько смущен теплыми нотками в голосе Дригга и постарался побыстрее сменить тему разговора.

— Я заставил вас ждать слишком долго. Дело у вас, должно быть, весьма важное, коль скоро вы лично проделали такой путь.

— Всего лишь бумага, если вам угодно.

Дригг отомкнул замочек портфеля и вынул лежавший внутри одинокий конверт. Увидев золотой геральдический шлем, Вашингтон приподнял брови, затем быстро разломал печать и прочел письмо.

— Вы осведомлены о том, что тут говорится? — спросил он, поигрывая сложенным листом бумаги.

— Я знаю лишь, что маркиз написал письмо лично, а на словах поручил мне любыми средствами способствовать вашему возвращению в Лондон по делу известной важности. Нам следовало бы отбыть теперь же.

— Стоит ли? Ближайший прямой до Лондона уходит в девять и прибывает уже после полуночи.

— Напротив, — сказал Дригг с улыбкой. — Для вас подготовлен спецрейс «Летучего Корнуолльца», и поезд, я полагаю, уже ждет.

— Это настолько срочно?

— Это крайне срочно. Его Светлость дал мне это понять достаточно определенно.

— Что ж, подчиняюсь. Но я должен пере...

— Простите, я перебыю. Полагаю, соответствующие распоряжения были также переданы главному портье вашего отеля. Ваши вещи упакованы и ждут вас в поезде.

Вашингтон кивнул; решение было принято. Повернулся и возвысил голос, перекрыв нарастающий шум:

— Балхэд! Вы будете начальником смены, пока Боевой Джек не вернется. Не замедляйте работ.

Больше здесь нечего было делать. Вашингтон повел Дригга обратно через щит к электрокару, которым решил вернуться. На нем они доехали до самой переборки и прибыли как раз в тот момент, когда Боевой Джек вышел им навстречу из дверей кессона.

— Черт меня возьми, если я захочу проделать это опять! — рявкнул Джек. Его одежда все еще была мокрой насквозь, на голове и на плечах красовались кровоподтеки — следы путешествия сквозь морское дно. — Вышибло, как пробку — вот что у меня в голове колотилось напоследок. Тут сразу — будто выстрел, все почернело... а после только и помню — что смотрю я на т'небо и на лица каких-то мерзопакостных грешников и не могу сообразить, на т'небесах я или еще где.

— Ты рожден, чтобы быть повешенным, — спокойно сказал Вашингтон, — так что утонуть тебе не суждено. Теперь возвращайся в забой и присмотри, чтоб они отработали смену не спустя рукава.

— Я это сделаю. И накормлю дерьмом любого, кто не нырнет в дыру и не проделает мой путь, если это понадобится снова.

Он повернулся и, пытаясь четко ставить ноги, затопал прочь, а Вашингтон и Дригг тем временем рассаживались в кессоне.

— Ему придется работать, — осмелился подать голос Дригг после долгого молчания.

— Не следовало бы, — но я не могу его остановить. У землекопов иной, отличный от нашего, образ жизни, и мы должны его уважать. Если кто-то из них ранен или

заработал кессонную болезнь, он никогда в этом не признается, и доставить его в госпиталь можно, лишь дав ему как следует по голове, — а этого он никогда мне не простит. Я видел, как они очертя голову прыгали через устье вентиляционной шахты шириной в десять футов и глубиной в сто. Я видел троих в шлюпке, которые отчаялись и погибли, и четвертого, который смеялся и победил. Потом он и все, кто там оказался, напились пива так, что стоять не могли, — но это в память о погибших товарищах. И никто из них не сожалеет ни о чем и не терзается ничем. Тяжелая и жестокая жизнь, можете вы сказать, но, ей-богу, она-то и выковывает мужчин.

Несколько смущенный этой своей тирадой, Вашингтон хранил молчание на протяжении всего пути по туннелю до вокзала в Пензансе. Уже стемнело, и лишь в грядях облаков на западе догорали последние красноватые отсветы. Огоньки мерцали вдоль путей, насколько хватало глаз, — обходчики, неспешно расхаживая во мраке, пополняли сигнальные огни парафином и зажигали фитили. Толпы уже разошлись, и на станции было тихо, лишь одиноко громоздился «Дредноут», казавшийся еще больше, чем днем, и на его недавно отполированной заново золотой обшивке переливались красные и зеленые блики стрелочных огней. Прицеплены были только два вагона — салон и «Монарх горных долин», частный пассажирский вагон, которым пользовались маркиз и другие члены совета директоров. Пожилой седой человек по прозвищу Бродяга — когда-то он был дворецким у одного из членов правления, но, дожив до преклонных лет, удалился на почетную и необременительную должность проводника «Монарха» — встречал их на ступенях своего вагона.

— Ванна вас ждет, сэр, и одежда приготовлена.

— Превосходно, но сначала я должен выпить. Присоединяйтесь ко мне, мистер Дригт, если хотите. Денек выдался долгий и горячий, и волнений с лихвой хватило бы на месяц.

— С удовольствием.

Бой в парадной униформе с готовностью улыбнулся, открывая перед ними дверь салон-вагона. Увидев его, Вашингтон резко остановился.

— Не следует ли этому младенцу уже быть в постели? Видит бог, во время спецрейса мы и сами можем открывать двери.

Лицо мальчика вытянулось, и нижняя губа, казалось, готова была задрожать, но Дригт сказал:

— Они вызвались сами, капитан Вашингтон, и Билли, и все остальные. Они хотят ехать, и вы должны понять это.

— Тогда едем, — и Вашингтон, рассмеявшись, вошел в салон. — Пошлите Билли лимонаду, и мы выпьем все вместе.

Музыкант оглянулся на них через плечо, улыбнулся, показав сверкающую выставку золотых зубов, и, едва гости вошли, напористо заиграл «Оставь свои печали». Вашингтон послал ему пинтовую кружку пива, затем поднял свою и осушил едва ли не одним глотком. Тем временем поезд с удивительной плавностью заскользил вперед; Вашингтон и Дригт не сразу заметили, что они уже в пути.

Пока кружки сменяли одна другую, пока тянулись купание и переодевание, путешествие подошло к концу — чуть ли не прежде, чем Вашингтон это понял. Пустоту платформы Паддингтонского вокзала нарушал только дожидавшийся их прибытия восемнадцатифутовый, шестидверный «роллс-ройс», сверкающий черным лаком. Ливрейный лакей придержал дверцу, а когда Вашингтон и Дригт расположились внутри, подсел к шоферу, и они понеслись снова. Обогнули Гайд-парк, взлетели на Конститьюшн-Хилл, миновали Букингемский дворец — судя по сверканию всех окон, там шел то ли бал, то ли торжественный прием; буквально через несколько минут остановились у Трансатлантик-Хауса, резиденции компании на Пэлл-Мэлл. Главный вход был открыт, и Дригт без единого слова повел Вашингтона к лифту и затем наверх, в библиотеку. Некоторое время они стояли там в тишине, среди сафьяна и темного дерева, а когда швейцар закрыл наружную дверь, Дригт коснулся скрытой кнопки на одной из книжных полок. Целая секция отворилась, словно дверь, и Дригт указал в проем.

— Его Светлость ожидает вас в личном кабинете. Он полагает целесообразным обменяться с вами несколькими словами наедине, прежде чем вы предстанете перед правлением. Если предстанете.

Вашингтон шагнул вперед. Потайная дверь закрылась за ним, а впереди открылась другая.

Маркиз, сидя за столом, что-то писал и поначалу не поднимал глаз. Его изысканный кабинет был до предела

насыщен блеском серебра и латуни и подавлял рядами семейных портретов. За спиною маркиза большое эркерное окно с раздвинутыми шторами открывало взгяду сент-джеймский парк и башню Биг Бен, видневшуюся поодаль. Часы на башне торжественно ударили один раз, и тогда маркиз отложил перо и жестом пригласил Вашингтона сесть.

— Дело весьма срочное, — сказал он, — иначе я никогда не позволил бы себе оторвать вас от работы столь бесцеремонным образом.

— Я понял это по тону вашего послания. Но вы не написали, в чем это дело заключается.

— Мы перейдем к этому чуть позже. Но я пригласил вас сюда поговорить один на один по вопросу, который, за отсутствием лучшего термина, можно назвать личным.

Его Светлости, казалось, было не по себе. Он сцепил пальцы перед собой, потом уронил на стол; потер мощную челюсть жестом, столь характерным для его рода, затем обернулся к окну; после этого повернулся к Вашингтону снова.

— Об этом трудно говорить, капитан Вашингтон, дело связано с нашими семьями. Всем известно, кто были наши предки, а ведь могут отыскаться недоброжелатели... не берусь утверждать, но вы же понимаете...

Вашингтон понимал и отчасти испытывал то же замешательство, что и маркиз. С этим грузом на душе он прожил всю жизнь, а потому считал за лучшее бесстрастно принимать факты, как они есть. Чем хранить их, как горькую тайну, было наверняка лучше, чтобы про них знали все.

— Что прошло, то прошло, — сказал он. — Первый маркиз Корнуоллис казнил моего предка Джорджа Вашингтона как изменника, да, — но это достояние истории, вопрос элементарных знаний, не более. Я не чувствую никакого стыда и никакой враждебности лично к вам или к вашей семье, могу дать слово. Битва при Лексингтоне велась честно и была выиграна честно. Континентальную армию разгромили. Первый маркиз был солдатом, и ему ничего не оставалось, кроме как подчиняться приказам, сколь бы неприятными он ни находил их лично. Вы же знаете, о казни распорядился сам король. Джордж Вашингтон был изменником, — но оттого лишь, что проиграл. Если бы он выиграл, он

оказался бы патриотом. А он заслуживал победы, потому что дело его было правым.

— Боюсь, я недостаточно осведомлен об этом периоде истории, — сказал Корнуоллис, опуская глаза.

— Надеюсь, вы простите мне мою откровенность, Ваша Светлость, но мне все это отнюдь не безразлично. Вследствие неудачного восстания и чувства национального унижения, которое вызвало в американских колониях его подавление, мы остаемся колонией по сей день — в то время как другие — Канада, например, или Австралия — получили в рамках империи статус полностью независимых доминионов. Вам следует знать, что я активно участвую в движении за независимость и буду делать все возможное, чтобы приблизить день, когда Ее Величество официально утвердит этот статус.

— Не могу не согласиться с вами, сэръ! Вы знаете, без сомнения, что я твердо стою на позициях тори и со всей энергией поддерживаю концепцию моей партии, согласно которой статус доминиона должен быть предоставлен вам именно так, как вы говорите.

С этими словами он встал и, громко хлопнув ладонью по столу, подал руку собеседнику. Несомненно, когда Вашингтон вошел, маркиз поначалу предпочел не оказывать ему любезности — при разнице происхождений она несла слишком явный оттенок благоволения — из-за деликатной природы их семейных отношений. Вашингтону ничего не оставалось делать, кроме как встать и крепко пожать протянутую ему руку. Затем, потупив глаза, маркиз выпустил ладонь Вашингтона и покашлял в кулак, стараясь скрыть вызванное этим неожиданным проявлением чувств смущение. Но это расчистило путь для дальнейшего.

— Нас и наш туннель ждут тяжелые времена, Вашингтон, тяжелые времена, — сказал Корнуоллис, и выражение его лица сделалось под стать тем трудным временам, которые он предрекал: лоб собрался в морщины, глубокие, как борозды на свежевспаханном поле, а углы рта опустились, так что мощная челюсть маркиза отвисла чуть ли не на дюйм. — Этот грандиозный проект с самого начала имел теневую сторону. Сейчас я говорю именно о ней, о скрытой стороне дела. Я уверен, вы более или менее представляете себе всю сложность финансирования столь масштабного предприятия, но, думаю, вряд ли вы вполне отдаете себе отчет, насколько тут затронута политика. Попросту говоря,

это правительственный проект, нечто вроде обширной программы общественных работ. Вы потрясены, услышав это?

— Должен признаться, сэр, что я по меньшей мере удивлен.

— Этого следовало ожидать. Наша страна и возглавляемая ею мощная империя строятся на твердом убеждении: сильный человек ведет, остальные следуют за ним; слабые люди и неудачливые корпорации выходят в тираж, а правительство и корона не суются в эти частные дела. Все это очень хорошо, когда экономика здорова и полновесный фунт, как солнце, озаряет своим сиянием каждого. Но сейчас — а я уверен, вы об этом отлично знаете — на это солнце надвинулись тучи. Пока границы расширялись, Англию питали богатства Ист-Индской компании, компании Гудзонова залива, Инко-Андской компании и всех прочих. Их было так много за эти годы. Боюсь, однако, границы продвинуты сейчас, что называется, к последнему морю, и как в мире, так и в мировой экономике возникла некоторая успокоенность. Когда бизнес не в состоянии расширяться, он неизбежно проявляет тенденцию к сокращению, а такое схлопывание экономики является самоподдерживающимся процессом. Чтобы остановить его, нужно что-то делать. День ото дня все больше людей садятся на пособие по безработице, рабочие дома переполнены, благотворительные программы напряжены до предела. Нужно, повторяю я, что-то делать. Кое-что сделано. Некие частные предприниматели, представители неких крупных корпораций, встретились без посторонних, *in camera*, и пришли — с большой неохотой, смею вас уверить — к выводу, что окончательное решение проблемы им не по плечу. К обсуждению были привлечены квалифицированные экономисты, и по их настоянию на встречу — в ту пору совершенно секретную — была приглашена парламентская комиссия. Вот тогда-то и заговорили впервые о проекте туннеля — проекте достаточно крупном, чтобы оказать стимулирующее воздействие на всю экономику как Британии, так и американских колоний. Но такой масштаб оказался одновременно и препятствием; частный капитал был не в состоянии финансировать проект. И тогда был сделан последний, неслыханный шаг. Необходимы были субсидии короны, — он невольно понизил голос. — И обратились к королеве.

Известие было ошеломляющим. Государственная тайна сохранялась столь тщательно, что Вашингтон, вполне, казалось бы, посвященный во все дела компании Трансатлантического туннеля, до сего момента не имел ни малейшего представления об истине. Вначале он был буквально оглушен, затем задумчиво прищурился, анализируя все аспекты услышанного. Когда маркиз встал и налил им обоим хересу из стоявшего на буфете хрустального графина, Вашингтон едва ли заметил это, — но автоматически взял поданный ему бокал и поднес к губам.

Наконец он заговорил.

— Вы можете сказать мне, какова доля участия правительства?

— Оно участвует в каждом пенни и в каждом фунте. Частные вкладчики смогли пожертвовать около двенадцати процентов необходимой суммы. Правительство Ее Величества согласилось взять на себя восемьдесят процентов — но не больше.

— Таким образом, нам не хватает восьми процентов?

— Именно, — маркиз мерил комнату шагами, сложив руки за спиной и переплетя пальцы. — У меня были сомнения с самого начала — видит бог, у нас у всех были сомнения. Но лорд Кейнс добился своего. Советник королевы! Автор уж не знаю скольких книг по экономике! Сейчас ему никак не меньше девяноста, но он еще достаточно бодр, чтобы принимать посетителей. Он всех нас убедил; когда он расписывал нам, как оно все будет, это звучало чертовски заманчиво. Деньги обращаются, капитал в движении, у вкладчиков высокие доходы, развивается предпринимательство, стараясь удовлетворить потребности строительства, занятость повсеместная, значительные суммы перетекают к мелким предпринимателям, здоровая экономика...

— Так оно и должно быть...

— Черт возьми, так оно и будет, если прежде не лопнет. А оно, похоже, лопнет, и все станет как раньше, а то и хуже, если мы не найдем эти недостающие восемь процентов. И вы уж простите меня за откровенность, мой мальчик, но это ваши проклятые друзья-колонисты тянут нас назад. Вы можете нам здесь помочь. Безо всякого преувеличения могу сказать, что судьба туннеля зависит от вас.

— Я сделаю все, что нужно, сэр, — сказал Вашингтон спокойно и просто. — Вы можете рассчитывать на меня.

— Я это знаю, иначе не пригласил бы вас сюда. Простите, если я где-то допустил бестактность — у меня был чертовски утомительный день... а будет и того хуже. Мы достигли соглашения с вашим колониальным конгрессом и с генерал-губернатором — да, мы снесли и с ним, ваша экономика испытывает те же трудности, что и наша — объединить на равной основе все деньги, собранные в Америке частными вкладчиками. Но это не более чем капля в море. Нужны радикальные перемены. Вы знаете, конечно, Рокфеллера, председателя американского правления, и Макинтоша, который представляет Брэсси-Бранела и отвечает за строительство со стороны Америки. Оба согласились, что для пользы дела им следует подать в отставку. Их должности будут объединены в одну, и сегодня вечером вас на нее назначат.

— Боже правый! — Вашингтон задохнулся.

— Надеюсь, Он одобрит нас и примет нашу сторону. Первым нашим соображением было то, что кандидат должен быть хорошим инженером, а вы хороший инженер. Мы знаем, что вы справитесь с работой. Вторым — то, что вы колонист, один из их людей, так что перемена вызовет в Америке определенный положительный резонанс. Я понимаю, что среди тори есть люди, предавшие вашу фамилию анафеме — мы должны быть откровенны, — но я думаю, что они в меньшинстве. Мы надеемся, такое назначение и ваши собственные усилия подстегнут вялую продажу облигаций, что позволит продолжить работы. Вы сделаете это?

— Я дал слово и обратно его не возьму. Но здесь будут трудности.

— Единственная трудность, и вы можете назвать ее по имени.

— Сэр Айсэмбард. Проект туннеля принадлежит ему, сам замысел — его детище. Я всего лишь исполнитель, осуществляющий его распоряжения, так же как и его представитель Макинтош, который даже не инженер. Если я возьму на себя столь большие обязанности во всех делах, я стану с сэром Айсэмбардом почти вровень. Ему это вряд ли понравится.

— Это будет тайной века, мой мальчик. Старик уже пробовал пошуметь — результат известен.

На столе моргнула лампочка, и тут же мягко пропел сигнал.

— Члены правления вернулись с обеда. Мне нужно идти к ним, поскольку никто не должен знать, что я встречался с вами. Если вы будете любезны подождать в библиотеке, за вами пошлют. Если дела пойдут, как мы планируем, — а они пойдут именно так, когда мы получим голоса, — вам будет прислана записка с проектом их предложений, и затем вы предстанете перед правлением. Другого выхода нет.

Нажав кнопку на столе, маркиз открыл дверь, и Вашингтон вновь очутился в библиотеке.

Там стояло мягкое кресло, в которое он блаженно погрузился, и, когда Дригт парой минут позже подошел осведомиться, не нужно ли ему чего-нибудь, он, пребывая в глубокой задумчивости, поднял голову лишь для того, чтобы ответить отрицательным жестом. Близилась, несомненно, вершина его карьеры, — если только он сможет на эту вершину подняться. Да, он сможет, у него не было никаких сомнений на этот счет, — как не было у него сомнений ни разу с той минуты, когда он, в последний раз покидая Маунт-Вернон, на прощание помахал рукой матери и сестре, стоявшим в дверях обыкновенного провинциального дома, их родового гнезда. Тот дом был построен в тени заросших плющом развалин старого особняка, сожженного когда-то толпой сторонников тори. Огастин в то время был уже инженером, он окончил Массачусетский технологический, добившись первого места в группе, несмотря на печать бесчестия, лежавшую на его имени, — а возможно, как раз благодаря ей. Чем больше приходилось ему выдерживать кулачных боев в темноте и безмолвии помещений за общими спальнями, тем яснее становилось понимание того, что куда более тяжелой будет борьба за право быть впереди, быть лучшим, используя и кулаки, и ум, чтобы восстановить честь своего имени. После окончания он отслужил короткий обязательный срок в Территориальном инженерном корпусе — без СПОРовских * дотаций он нипочем бы не окончил колледж — и там с замирающим от счастья сердцем впервые ощутил вкус работы в поле. На западных границах,

* С П О Р — служба подготовки офицеров резерва, специальная организация при Министерстве обороны.

за которыми простирались испанские колонии, постоянно происходили стычки, и власти в Нью-Йорке решили, что там нужна стратегическая железнодорожная магистраль. В тот главный год он промерил трассу через непроницаемые Скалистые горы и много работал в туннелях, пробиваемых в неподатливых скалах. Этот опыт перевернул его жизнь; с тех пор он точно знал, чего хочет. Наряду с лучшими выпускниками разбросанных по империи бесчисленных школ он держал в Эдинбургском университете экзамен на престижную стипендию Джорджа Стефенсона и победил. Прием должен был автоматически ввести его в высшие сферы великой инженерной фирмы Брэсси-Бранела; произошло и это. Эдинбург был прекрасен, несмотря на едва заметные презрительные усмешки одноклассников-англичан по поводу его колониального происхождения, а возможно, именно благодаря им. Впервые в жизни он оказался среди людей, для которых его имя ничем не было отягощено; вряд ли стоило думать, что они будут помнить детали всех мелких баталий, происходивших на задворках империи за последние четыре сотни лет. Вашингтон был не более чем еще одним уроженцем колоний, таким же, как индусы, могавки, бирманцы, ацтеки и многие другие, и он наслаждался этой своей затерянностью.

Его восхождение было недолгим и быстрым, и сейчас перед ним была вершина. Следовало бы опасаться падения в случае, если новые полномочия окажутся ему не по плечу. Но нет! Он знал, что в силах управиться со строительством и повести американскую часть туннеля с тем же успехом, с каким он вел британскую. И, понимая, что он не финансист, он знал тем не менее, как говорить с денежными тузами, как объяснять им, что станет с их вкладами и насколько выгодны эти вклады окажутся для них самих. Он рассчитывал в основном на деньги вигов — хотя не исключал возможности того, что у тори жадность перевесит политическую нетерпимость и они постараются примкнуть к победителям, когда увидят, что их соперники быстро приближаются к финансовому успеху.

Самым важным здесь было то, что все это могло подействовать на нечто еще более важное. В глубине души он вынашивал страстное желание, о котором не говорил никому и никогда, — вернуть семье доброе

имя. Никому и никогда — кроме того дня. Он проговорился Марте, сестре, и она поняла его, хотя они были всего лишь детьми. Это стремление так или иначе выражалось во всем, что он делал, — ибо все, что он делал под своим именем, тем самым делалось под именем благородного человека, который столь усердно трудился для своей страны и в награду за свои усилия был осыпан градом английских пуль.

— Капитан Вашингтон... Капитан Вашингтон, сэр!

Чей-то голос пробился в его сознание сквозь путаницу затаенных мыслей, и лишь тогда он понял, что уже давно слышит этот голос и не отвечает. Он очнулся. Взял конверт, протянутый ему Дриггом, вскрыл его и прочел, затем прочел еще раз, уже медленнее. Это было то, о чем говорил лорд Корнуоллис, — машина была запущена; ему предлагали должность.

— Не угодно ли вам пройти со мной, сэр?

Он встал, расправил складки на жилете и застегнул пиджак. С распечатанной запиской в руке он последовал за секретарем в зал заседаний и остановился у края длинного темного стола. В зале царила тишина, и все глаза были устремлены на Вашингтона; затем лорд Корнуоллис со своего места во главе стола спросил:

— Ознакомились ли вы с нашим посланием, капитан Вашингтон?

— Да, сэр. Насколько я понимаю, это предложение занять одному лицу двойную должность, в настоящий момент поделенную между сэром Уинтропом Рокфеллером и мистером Макинтошем. Вы подтверждаете, что эти джентльмены согласились с предлагаемым изменением?

— Они это сделали.

— В таком случае я буду счастлив принять это предложение, — но с одной лишь предварительной оговоркой. Я хотел бы знать по данному вопросу мнение сэра Айсэмбарда.

Это было все равно что взмахнуть красной тряпкой перед мордой быка; все равно что оскорбить королеву в присутствии доброго англичанина; все равно что в глаза назвать француза лягушатником. Сэр Айсэмбард Брэсси-Бранел моментально вскочил и с силой уперся кулаками в полированный палисандр стола; в глазах его пылал огонь, а побелевшие крылья носа подрагивали от негодования. Маленький человечек, перед которым, когда

он был в гневе, дрожали мужчины много крупнее его; однако Вашингтон не задрожал — он был не из тех, кто дрожит. Первый являлся прямой противоположностью второму, и это бросалось в глаза: один щедушный, другой высокий, один — пожилой, с холеной кожей, с высоким лбом, который с возрастом становился все больше, лоб другого был средней величины, а его коричневое лицо загрубело от солнца и ветра. Один — одетый с иголки английский джентльмен, от кончиков лакированных, ручной работы, ботинок до аккуратной лысины на голове, пространство между которой и ботинками заполнял портновский шедевр непогрешимого Сэвила Роу ценою не менее чем в сотню гиней. Другой — хорошо одетый житель колоний, чей костюм был хоть и первоклассным, но явно провинциальным, как и его крепкие ботинки, предназначенные для того, чтобы их носили, а не демонстрировали.

— Вы хотите знать мое мнение, — сказал сэр Айсэмбард. — Вы хотите знать мое мнение!

Он произнес это негромко, но в зале его услышали все; и, возможно, из-за мягкости тона фраза прозвучала зловеще.

— Я выскажу вам свое мнение, сэр, выстраданное мнение, сэр, как оно есть. Я против этого назначения, полностью против, и возражал против него, и больше мне нечего сказать.

— Коли так, — проговорил Вашингтон, усаживаясь на поставленный для него стул, — то с этим покончено. Я не могу принять назначение.

Теперь тишина была абсолютной; если тишину можно назвать оглушающей, то она была именно такой. Сэр Айсэмбард был обезоружен этим ответом, и, по мере того как гнев улетучивался из него, словно воздух из проколотой шины, он медленно опускался обратно на свое место.

— Но вы же согласились, — обращаясь ко всем, растерянно произнес Корнуоллис.

— Я согласился, так как считал, что правление единодушно в своем решении. Предлагаемое изменение является очень серьезным. Я не могу обсуждать его, если человек, который сам предоставил мне эту работу, душа строительства, ведущий инженер и конструктор в мире, против. Я не могу, говорю это от всего сердца, ловчить перед лицом такого решения.

Все взгляды были теперь устремлены на сэра Айсэмбарда. Его лицо, безусловно, заслуживало внимания; быстрая смена выражений на нем отражала работу могучего ума. Первый гнев уступил место изумлению, затем лоб его задумчиво нахмурился, и, наконец, невозможность прийти к какому-то определенному выводу вызвала на губах признак улыбки, быстрой, как мелькнувшая тень.

— Хорошо сказано, юный Вашингтон, что-то дальше будет? Вам не следует говорить обо мне плохо — я ваш друг, верный и вполне к вам расположенный. Я признаю высокое качество вашего классического воспитания. Бремя решения теперь целиком ложится на мои плечи, и я не намерен уклоняться. У меня такое чувство, что вы знаете об этих делах больше, чем говорите вслух; вам что-то сообщили, иначе вы не были бы столь самоуверенны. Но быть посему. Строительство туннеля должно продолжаться, а чтобы строить туннель, мы, по всей видимости, должны иметь дело с вами. Я снимаю свои возражения. Я должен признать, что вы достаточно дельный инженер, и, если вы будете повиноваться распоряжениям и придерживаться моего проекта, строительство пойдет как надо.

Он протянул свою маленькую сильную руку, чтобы взять стакан воды, и это было самым сильным проявлением чувств, которое он когда-либо себе позволял; а тем временем со всех сторон слышался неразборчивый, но явно одобрительный гомон. Молоток представителя ударил, перекрывая шум, — совещание закончилось, решение принято, работы будут продолжены. Пока члены правления поздравляли Вашингтона, а заодно и друг друга, сэр Айсэмбард бесстрастно ожидал поодаль и, лишь когда инженер освободился, подошел к нему:

— Проедемся в кебе.

Это было нечто среднее между просьбой и приказанием.

— Буду рад.

Молча они спустились в лифте, швейцар открыл перед ними дверь и свистком подозвал кеб — двухколесный, высокий, черный и блестящий; водитель сидел где-то наверху, зажав между пальцами поводья, которые тянулись вниз, к одному из этих новомодных устройств, постепенно вытеснявших лошадей из цент-

ральных районов Лондона. Здесь не было величественного, гордо вышагивающего между оглоблями лошадиного муляжа; его заменял некий приземистый механизм, черный металлический корпус которого, по форме напоминавший кирпич, покоился на трех колесах. Переднее колесо несколько повернулось на вертлюге, когда водитель потянул повод, и кеб легко подрулил к тротуару; рывок за другой повод отключил двигатель, и экипаж плавно остановился.

— Усовершенствование, — сказал сэр Айсэмбард, когда они влезли внутрь. — Лошадь была проклятием этого города; выделения, мухи, болезни, и ничего больше. Ее заменил спокойный и надежный электрический мотор. От него ни шума, ни вредных выхлопов, в отличие от первых моделей, паровых, — просто батареи в багажнике; вы, вероятно, заметили провода на оглоблях. Теперь закройте люк. Наш разговор будет сугубо приватным, и я не хочу, чтобы нас слышали.

Последние слова были адресованы кебмену, чья круглая унылая физиономия заглядывала сверху в слуховое отверстие, как заблудившаяся румяная луна.

— Прошу прощения, ваша честь, но вы не сказали, куда ехать.

— Майда-Вэйл, сто восемь.

Звук захлопнувшейся крышки люка как бы подчеркнул его слова; он повернулся к Вашингтону.

— Если вы решили, что мы едем ко мне домой, выбросьте это сразу из головы.

— Я подумал...

— Вы подумали неверно. Я хотел лишь поговорить с вами без свидетелей, с глазу на глаз. В любом случае, Айрис нынче вечером в Альберт-Холле, там у них какой-то теологический балаган — так что мы обойдемся без сцен. Это моя единственная дочь. Она повинуется мне, когда это нужно, но вдобавок она разделяет мои взгляды на жизнь. Когда я расскажу ей, что вы на правлении объединились с моими противниками, чтобы отстранить меня от руководства, что вы теперь, вероятно, желаете сами занять мой пост...

— Сэр!

— Помолчите. Это лекция, а не дискуссия. Что вы захватили должность, которую до этого занимал один из моих представителей. Что вы окончательно пошли против меня. Когда я расскажу ей все это, она сразу

поймет, почему двери моего дома отныне закрыты для вас, и утром отошлет вам ваше кольцо с посыльным прямо в ваш клуб. Наши деловые отношения сохраняются, потому что другого выхода нет. Но ваша помолвка с моей дочерью разорвана, я больше не принимаю вас в своем доме, и вы не должны ни теперь, ни в будущем искать встреч с Айрис.

И он громко стукнул концом трости в крышку люка.
— Остановите кеб. До свидания.

Глава 3

КОРОЛЕВСКИЙ АЛЬБЕРТ-ХОЛЛ

Мелкий дождь сыпал на темные тротуары Кенсингтон-Го, превращая их в черные зеркала, в глубине которых лучились желтым светом отражения висящих сверху газовых фонарей. Улица перед закрытыми дверями Холла была пустынной, но внезапно из-за угла показался одинокий джентльмен в насквозь промокших одежде и шляпе; он спешил, нисколько не обращая внимания на дурную погоду. Шагая через ступеньку, он направился прямо ко входу, растворил одну из внешних дверей и лицом к лицу столкнулся с дюжим швейцаром в ливрее, который одной лишь своей дородной фигурой перекрывал любые возможности двигаться дальше.

— Сеанс начался, сэр. Все уже на своих местах.

— Я хочу переговорить кое с кем из зрителей, — сказал Вашингтон, отчаянно стараясь хоть как-то взять себя в руки и понимая, что его внезапное появление из ночной тьмы вполне может быть истолковано превратно. — Дело срочное. Если это необходимо, я куплю билет.

— Весьма сожалею, сэр. Касса закрыта.

Пока звучали эти слова, в руке Вашингтона уже появился кошелек, а вслед за этим, естественно, последовала другая и, можно было смело надеяться, более успешная попытка проникнуть внутрь. Вашингтон вложил две полукроны в руку швейцара.

— Вы уверены, что тут ничего нельзя поделывать? Может, я загляну туда и поищу своих друзей?

Просверк серебра, хоть и исчез мгновенно, свершил чудесную перемену в поведении местного цербера; он попятился и приглашающе взмахнул рукой.

— Вполне понимаю вас, сэр. Прошу сюда.

Дверь тихо закрылась у Вашингтона за спиной, и тогда он огляделся. Холл не был переполнен. Во мраке Вашингтон мог разобрать лишь, что аудитория была почти исключительно женской, и на какой-то миг за-сомневался, под силу ли ему найти ту, одну-единственную, среди всех остальных. Восторженно замерев, они внимали небольшому седобородому человеку в черной ермолке, стоявшему на кафедре, возвышающейся посреди сцены. Чуть позади располагался нелепого вида диван с обивкой из красного плюша, на котором лежала весьма упитанная особа с вполне заурядной внешностью; женщина то ли была без сознания, то ли спала. Несоответствие одной половины этой странной пары другой было настолько разительным, что Вашингтон, не имевший вдобавок никакой возможности начать поиски Айрис немедленно, невольно стал прислушиваться к оратору.

— ...слышали, что мадам Клотильда, называя Мартина Алаяя Гонтрана, хотя она немало всякого повидала, это имя почти прокричала, подчеркивая тем самым его важность. Это связано с тем, что я говорил прежде, когда вкратце обрисовывал вам свою теорию многослойной структуры времени. В этой структуре существуют точки, названные мною альфа-узлами, а на существовании альфа-узлов и строится моя теория. Если они есть, значит, моя теория обладает определенной доказательностью и может служить инструментом исследования времени; если их нет, значит, время течет подобно реке, одним мощным потоком, а не многочисленными параллельными струями, существование которых принимаю за постулат. Если альфа-узлов нет, значит, я ошибаюсь.

— Так-так, — прошептал Вашингтон, высматривая прелестную темную головку среди других, не менее темных и, пожалуй, не менее прелестных головок впереди.

— На поиски основного альфа-узла ушли годы, и мадам Клотильда является первой ясновидящей, установившей контакт, — настолько трудна оказалась задача.

Вначале — в это время было труднее всего — она произнесла одно только слово: «Гонтран», и я провел длительные и глубокие изыскания, чтобы выяснить, что оно значит. Наконец я решил, что отыскал точную ссылку, и сегодня вечером все вы могли убедиться в моей правоте, поскольку, когда я сказал: «Мартин», мадам восстановила недостающую третью часть. Алая! Имя, существеннейшее полное имя, которое с точностью указывает на наш альфа-узел. Мартин Алая Гонтран. Позвольте мне рассказать вам, кем он был, этот незаметный человек, этот неграмотный пастух, который держал в своих потрескавшихся, натруженных ладонях рождение целого нового мира. Я прошу вас учесть дату — 16 июля 1212 года. Место действия — Иберийский полуостров. Грядет великая битва христиан с мусульманами. Низко горят бивачные костры, воины с оружием в руках отдыхают по своим лагерям, собирая силы для битвы, которая вспыхнет на рассвете. Но никто не спит. И вот этот пастух, Мартин Алая Гонтран, рассказывает своему другу, что собирается предпринять; друг передает кому-то еще — и в итоге мавры хватают Гонтрана. Времена были дикие, и люди подвергали своих собратьев таким мучениям, которые я предпочел бы не описывать, щадя нежные ушки прекрасной половины моей аудитории. Достаточно сказать, что перед смертью Гонтран признался и рассказал, что ночью собирался провести войско христиан тайными, неохраняемыми тропами — они были известны ему, он ведь пастух — в тыл боевых порядков мусульман. Гонтран умер и не сделал этого. А теперь я прошу вас подумать, что могло бы произойти, если бы он преуспел в своих намерениях. Очень может быть, что тогда христиане, а не мусульмане, выиграли бы на следующий день битву при Навас-де-Толоса — пожалуй, самую значительную битву того периода. Давайте порассуждаем вслух. Выигранное сражение могло бы повести к новым победам, а тогда Иберийский полуостров мог оказаться не мусульманской территорией, частью Великого Халифата, а еще одной христианской страной, наподобие Франции или Пруссии. Какое нам дело, можете вы спросить, до столь отдаленной части континента, и я отвечаю — самое непосредственное. Потому что причина однозначно связана со следствием. Причина — и следствие. Если бы в Иберии правили христиане...

На сцене позади него могучие формы мадам Клотильды вздрогнули и пришли в движение, в то время как из горла мадам раздалось нечто среднее между вздохом и глухим стоном. Большая часть аудитории эхом застонала в ответ, вздрогнув так же, как и мадам Клотильда; доктор Мендоза поднял руки, требуя тишины.

— Все отлично, все нормально, не беспокойтесь, я прошу вас. Видите — врач здесь, он настороже и немедленно поможет, если что. У ясновидящего велики нагрузки на нервную систему, и подчас, ха-ха, возникают легкие побочные реакции, которые немедленно берутся под контроль. Видите — занавеси закрыты, доктор рядом с мадам, все будет хорошо. Прошу прибавить свет; я вернусь буквально через минуту, а вы пока послушайте записи ритуальных эскимосских песнопений, которые я сделал севернее Полярного круга на зимней стоянке этих почти не восприимчивых к холоду аборигенов, когда определял основы взаимодействия между световым днем и проявляющимися в музыке биоритмами, столь важные для создания теории альфа-узлов. Благодарю за внимание.

Едва прозвучали эти слова, вспыхнули лампы и маленький доктор, слегка побарахтавшись в занавеске в поисках выхода, пропал из виду; и в уши зрителей вонзились визгливые нечеловеческие вопли, перемежавшиеся глухими, монотонными ударами. Вашингтон воспользовался неожиданной удачей и поспешно двинулся в проход между креслами в поисках известного ему лица.

Она были там — во втором ряду, как раз возле прохода; темные волосы зачесаны назад и мягко сколоты золотой заколкой; поистине, она была удивительно красивой, и недаром ее так любили выискивать на балах репортеры. Губы ее были пухлыми и ярко-алыми от природы; другим девушкам пришлось бы немало поработать с косметикой, чтобы выглядеть так. Как всегда, увидев ее, он растерял слова; счастье переполняло его от одного лишь ее присутствия. Но, должно быть, она почувствовала прикосновение его взгляда, ибо подняла глаза, и мгновенное изумление на ее лице сменилось улыбкой столь сердечной, что Вашингтон окончательно онемел.

— Гас, как вы очутились здесь? Вот приятный сюрприз!

Он лишь улыбнулся в ответ, неспособный на что-либо более осмысленное.

— Знакомы вы с Джойс Бодмэн? Думаю, впрочем, что нет; она только что вернулась с Дальнего Востока. Джойс, это мой жених, капитан Огастин Вашингтон.

Он слегка тронул предложенную ему руку, чуть поклонился, равнодушно отметив привлекательность женщины, — и только.

— Очень приятно. Айрис, я терпеть не могу вторгаться столь бесцеремонно, но я только что из Корнуолла и утром возвращаюсь туда. Можно мне переговорить с тобой сейчас же?

Другие слова готовы были сорваться с ее губ, но, должно быть, она ощутила нечто необычное в его поведении — или в голосе, поскольку успела их удержать; и в том, как она сделала это, проглянула твердая решимость, редкая для девушки, которой едва исполнилось двадцать.

— Конечно. Обморок Клотильды, по-видимому, преврал доклад, а, если доктор заговорит опять, Джойс мне все расскажет завтра. Не так ли, дорогая Джойс?

Дорогая Джойс вряд ли могла ответить хоть что-нибудь, потому что Айрис, желая, видимо, упредить любое ее высказывание, продолжала без малейшей паузы:

— Это очень любезно с твоей стороны. Когда придет машина, скажи, что я уехала домой кебом.

Затем она оперлась на его руку, и они пошли по проходу прочь от сцены. Пока швейцар подзывал кеб, Вашингтон явно почувствовал, что к делу нужно приступить немедленно.

— Прежде чем мы поедем, я должен сказать вам — ваш отец и я разошлись во мнениях.

— Пустяки. Я все время в таком положении. Бедный папочка определенно самый неуступчивый человек на свете.

— Боюсь, это не пустяки. Он отказал мне от дома и — это еще труднее выговорить — не хочет, чтобы мы с вами виделись когда-либо впредь.

Она задумчиво умолкла, и счастливая улыбка медленно сошла с ее лица. Но держала его под руку она так же плотно, как и минуту назад, — и потому, если это вообще возможно, он любил ее еще больше.

— Нам нужно поговорить. Вы должны рассказать мне обо всем, что случилось. Мы поедем — сейчас соображу — в паддингтонский «Грейт-Вестерн отель»

и посидим там в комнате отдыха. Это по дороге домой, и я помню, что вам понравился там чай с пирожными.

В уютной замкнутости кеба, пересекавшего дождливую тьму Гайд-парка, он рассказал ей, что случилось. Рассказал все, опустив лишь не относящиеся к делу детали конфиденциальной беседы с Корнуоллисом, объяснил, по каким причинам было сделано назначение и почему оно столь важно как для компании, так и для него самого, а затем едва ли не слово в слово пересказал ей последний и решающий разговор с ее отцом. Когда он закончил, они были уже в отеле, но говорить оказалось не о чем; поднявшись по парадной лестнице, они уселись, велели принести чай и пирожные, — а следовало бы позволить себе двойное бренди, он чувствовал в нем сильную потребность — и молчали, молчали, пока не подали чай.

— Случилась ужасная вещь, Гас. Ужасная вещь.

— Вы ведь не считаете, что ваш отец прав, нет?

— Я вообще не собираюсь думать о том, прав он или не прав. Мне лишь следует помнить, что он — мой отец.

— Айрис, любимая моя, так нельзя! Вы девушка двадцатого века, а не викторианская женщина без плоти и крови. Вы имеете право голоса... по крайней мере, в следующем году будете иметь, когда достигнете совершеннолетия. При Елизавете женщины свободны, как никогда прежде!

— Это так, я знаю, и я люблю вас, дорогой Гас. Но семейных уз это не отменяет. Вы сами сказали, я не достигла совершеннолетия, и не достигну еще полгода, и все еще остаюсь в доме отца.

— Вы не можете...

— Могу, хоть мне и очень больно это говорить. Пока вы и папа не разберетесь в этом кошмаре, который встал между вами, мне остается только одно. Гас, любимый Гас, у меня действительно нет выбора.

Последние слова она едва смогла произнести, теряя дыхание в вихре противоречивых эмоций; из уголков ее глаз выкатилось по слезинке, когда она сняла кольцо с пальца левой руки и вложила Гасу в ладонь.

Глава 4

НА ВОЗДУШНОМ КОРАБЛЕ

Это был славный июньский день. Возбуждение переполняло улицы Сауттемптона и как морской прибой накатывало на доки. Улыбались и погода, и люди, которые, громко переговариваясь друг с другом, по двое, по трое спускались к порту, а полдень тем временем стремительно приближался. Разноцветные, яркие флаги полоскались в потоках бриза; лодки, как водомерки, скользили туда и сюда по безмятежной глади залива. С холмов докатился далекий паровозный свисток — стало ясно, что пора поспешить, и гулявшие люди задвигались быстрее. Это был приуроченный к отходу корабля поезд из Лондона; пассажиров уже ждали.

Звук свистка вырвал Гаса Вашингтона из водоворота работы, из хаоса светокопий, карт, диаграмм, расчетов, чертежей, схем, фунтов, долларов — и забот, бесчисленных забот, таящихся в раскиданных по всему купе бумагах. Он сжал пальцами переносицу — ее постоянно ломило от переутомления; затем потер воспаленные глаза. Он сделал очень много — некоторые сказали бы, слишком много, но этой громадной работы нельзя было избежать. Пока довольно, однако. Железная дорога свернула к докам; он собрал разбросанные бумаги и документы, сложил их в свой набитый битком чемодан — крепкий, солидный, туго стянутый ремнями, на которых блестели латунные пряжки, чемодан из лоша-

диной кожи, точнее, из кожи пятнистого пони, на ней все еще были видны яркие белые и коричневые пятна. На этом пони он как-то раз ехал верхом, и ехал удачно, по достойному поводу, дело было на Дальнем Западе; но, в общем-то, это другая история. Он собрал чемодан, закрыл его, а тем временем поезд, прогрохотав по стрелкам, выехал на набережную, и прямо по ходу Вашингтон впервые увидел «Королеву Елизавету», зачalenную на своей стоянке.

Это зрелище мгновенно излечило его глаза. Чудо техники и инженерного искусства, подобного которому еще не видывал свет. Как сверкал корабль на солнце своей белизной! Нос упирался в причал; корма выдавалась в море далеко-далеко. Сходни полого поднимались к фордеку, где на флагштоке гордо развевался «Юнион Джек»*. В стороны, далеко в стороны по обоим бортам были распростерты могучие крылья — белые, широкие, с внушительными громадами висящих под ними машин. По четыре на крыло, всего восемь, каждая приводит в действие четырехлопастный пропеллер, и лопасти — в рост человека, а то и больше. «Королева Елизавета», гордость компании «Кунард-лайн», была самым крупным и самым прославленным из когда-либо существовавших летающих судов. В течение шести месяцев с отборной командой на борту она летала по всему миру, демонстрируя британский флаг всем океанам и берегам едва ли не всех континентов. Если и были какие-то сложности во время испытаний, компания держала их в строгом секрете. Теперь, когда долгий испытательный полет завершился, «Королева» приступила к тому, для чего была создана — к выполнению беспосадочных рейсов Саутемптон — Нью-Йорк по престижной Королевской Североатлантической линии протяженностью более 3000 миль. И было отнюдь не случайным, что первым же рейсом летел Гас Вашингтон — обыкновенный инженер, чье имя, вытесненное чуть ли не в конец списка пассажиров, терялось в блеске имен герцогов и лордов, владык промышленности, горстки европейских аристократов и одного прославленного, увенчанного лаврами актера. Всего сотня пассажиров — и, по меньшей мере, десять, а то и сто претендентов на каждое место. Было давление из высо-

* Так в просторечии называется флаг Соединенного Королевства.

ких сфер, были приватные разговоры за портвейном в некоторых клубах и вкрадчивые телефонные звонки. Дела туннеля затрагивали и крупный капитал, и двор; обе стороны были едины в том, что необходимо сделать все возможное для привлечения американских финансов к предприятию. Вашингтон должен ехать в колонию — так пусть он едет подобающим образом, уже одно это обеспечит наибольшее паблисити его поездке.

Первый перелет летающего судна по своему маршруту и представил такую блестящую возможность. Возможность, которую оценили еще до того, как впервые упомянули о ней вслух, — хотя успеть воспользоваться ею означало для Гаса успеть за пять дней управиться с работой, требовавшей, по крайней мере, двух недель. Он сделал это, он подготовился вполне, и путешествие вот-вот должно было начаться. Гас запер чемодан, открыл дверь купе и, выйдя на платформу, оказался среди других пассажиров. Их было немного, и он слегка приотстал, чтобы остальные ушли вперед, навстречу сухому треску блицев и клацанью фотокамер, которыми орудовали газетчики. Поездом прибыли не все; барьер, который сдерживал напирющую толпу, открыли, чтобы пропустить два высоких, черных, грузных «ролс-ройса». Едва барьер начали закрывать за ними, с улицы требовательно грянул паровой свисток, и барьер поспешно открыли вновь, пропуская вперед длинный паровой лимузин «школа» — этим экипажам оказывали предпочтение многие августейшие особы континентальной Европы. Паромобиль передвигался на шести колесах, причем колеса задней, ведущей пары были почти вдвое больше остальных, так же, как и задняя кабина, в которой располагались двигатель и топка. Сигналя, он выпустил еще один султан пара и беззвучно скользнул мимо, волоча за собою бледный дымовой след; внутри, за стеклами в серебряных рамах, заметны были неподвижные фигуры, почитавшие, видимо, ниже своего достоинства смотреть по сторонам. Да, поистине это был незабываемый день.

Дальше по платформе располагалось привокзальное кафе, в котором, поскольку прибывавшие пассажиры сразу проходили на борт судна, обосновались газетчики. Гас успел выпить пинту удивительно прохладного горького пива, прежде чем джентльмены, представляющие четвертую власть, узнали и окружили его. Он говорил с ними безо всякого напряжения и откровенно

отвечал на все вопросы о туннеле. Все идет прекрасно, абсолютно прекрасно, по графику и даже с опережением. Туннель будет построен, опасаться нечего. Они с уважением отнеслись в его просьбе не фотографировать его с кружкой в руке, так как среди пожертвованных на туннель сумм были деньги общества трезвости, и поблагодарили за приглашение встретиться еще раз. Путешествие начиналось многообещающе.

Когда он вновь вышел под лучи солнца, сходни уже опустели, все пассажиры были на борту. Вашингтон тоже поднялся на фордек и остановился перед ожидавшим там судовым офицером, который хотел было откозырять очередному пассажиру, — но рука его нерешительно замерла где-то на полпути от штанины безукоризненно отутюженных форменных брюк к сверкающему козырьку фуражки, а затем вдруг потянулась вперед для рукопожатия.

— Гас Ястребиный Глаз, это ты!

Время помчалось вспять, Вашингтон снова очутился в своей эдинбургской берлоге; и в классе; и на прогулке по Принс-стрит, и тогдашний дождь вновь хлестал его по лицу. Ястребиный Глаз — легендарный герой широко известного романа, чье прозвище приклеивалось ко многим студентам, приехавшим из американских колоний. Вашингтон широко улыбнулся и крепко пожал протянутую ему руку.

— Алек, неужто это ты? Куда ты подевал усы Королевских ВВС, Алек Даррел?!

— Он самый, Ястребиный Глаз, он самый. И, должен тебе сказать, расстаться с этими усами было непросто, — проговорил офицер и резким движением ладони как бы отмел все, что с ним было прежде. — Столько лет в ВВС, потом флотская авиация, теперь вот — «Кунард», когда они стали перетягивать к себе наших лучших летунов.

— Все мечешься, я смотрю.

— Как всегда. Рад приветствовать тебя на борту. Слушай, айда на мостик, познакомлю с ребятами. Я здесь старший механик. Компания подобралась славная. Все отставники — только среди бывших военных компания смогла найти пилотов, способных управляться с таким ковчегом. Ни одного штатского в нашей банде, если не считать казначея, а ему дорога на мостик заказана.

Они двинулись по направлению к корме; миновали пассажирский вход, расположенный как раз под высокими окнами мостика, и вошли внутрь фюзеляжа через небольшую дверь с надписью: «Только для экипажа». Дверь вела в обширное помещение с окнами по бокам и спереди, заполненное приборами управления. Ближе к переднему окну сидел рулевой, а места капитана и старшего помощника располагались справа и слева от него. За открытыми дверьми в задней переборке виднелись небольшие кубические каюты радиста и штурмана. Стены были обиты панелями из тика, ореховые подставки для приборов сверкали хромом, а пол от стены до стены покрыт великолепным ковром от Уилтона. На местах пока никого не было, только вахтенный рулевой сидел, уставясь вперед с выражением ответственности на лице, в то время как пальцы его отдыхали на спицах рулевого колеса.

— Офицеры внизу, — сказал Алек. — Болтают с пассажирами первого класса, как всегда. Благо, что я должен присматривать за машинами, так что могу от них отколоться. Знаешь, покажу-ка я тебе машинное; думаю, тебе будет интересно. Только закинем твой чемодан к штурману в норку, туда что угодно влезет.

Штурман, возможно, так не думал; каюта была не-намного больше кабинки уличного телефона, и Гас с превеликим трудом отыскал уголок для чемодана. Затем Алек открыл люк и повел приятеля по винтовой лестнице вниз, в носовой трюм, где портовые грузчики затаскивали на борт последние остатки багажа — чемоданы, громадные, неподъемные дорожные сундуки — и увязывали их в багажных сетках. Свободным оставался лишь узкий проход, по которому друзья и пошли вдоль всего судна к корме.

— Пассажирская палуба над нами, но мы не будем там толкаться и проскочим здесь.

Сверху доносились неясные голоса и веселая мелодия оркестра.

— Там наверху будто десяток духовых играет. Не говори мне только, что корабль полон музыкантов, а?

— Видимость одна. Это магнитофон, знаешь. Приходится следить за брутто-тоннами; эта колымага перед взлетом потянет больше чем на сто.

— До сих пор, признаться, я не замечал большой заботы о весе.

— Это ты можешь повторять сколько угодно — или скажи на правлении, если хочешь. Это в традициях «Кунарда», правление настояло. Если бы мы пошвыряли за борт всякий хлам с латуной и тиком, то могли бы принять еще сотню пассажиров.

— Но не с таким комфортом. Может, они предпочитают качество количеству?

— Пусть так. Не моя забота. Сюда, в этот лифт. Он маловат для двоих, так что старайся поменьше думать.

Дверь закрылась автоматически; Алек коснулся кнопки, и кабина начала плавно подниматься.

— Крыло на самом верху, так что лучше лифтом, чем пешком.

Они вошли в низкий коридор, пересекавший корабль поперек; оба конца его упирались в тяжелые двери с рукоятками и сигнальными лампочками. Механик повернул направо, включил механизмы, и дверь, повернувшись, открыла доступ в комнату, лишь немногим большую, чем кабина лифта, которую они только что покинули.

— Кессон, — сказал Алек, когда дверь позади них закрылась, а впереди открылась другая. — Нет смысла поддерживать в машинном нормальное давление, так мы делаем наоборот. Добро пожаловать в машинный отсек левого борта «Королевы Елизаветы». Здесь царствую я.

Его царствованию немедленно был брошен вызов. Старшина в перепачканной белой робе козырнул с равнодушным видом, а затем угрюмо показал большим пальцем через плечо.

— Все еще на заправке, сэр, — сообщил он, — заваливаем бункера доверху.

— Я приказал закончить к десяти.

— А я им это говорил, сэр, — голос матроса был полон такой безграничной печали, будто все скорби мира лежали на его хрупких плечах.

— Ладно, послушают еще, — сказал механик и добавил ряд сочных проклятий, выдававших в нем как армейскую, так и флотскую закваску.

Тяжело ступая, он подошел к большому донному люку, отжал страховочные рукоятки и откинул крышку. До воды было добрых двадцать футов; Алек ухватился за край отверстия и до половины высунулся наружу, буквально повиснув головой вниз.

— Эй, на барже! — проревел он.

Гас встал на колени напротив и оттуда прекрасно видел все, что происходило внизу. Неуклюжая баржа с насосной станцией на одном из концов была прицеплена к фюзеляжу «Королевы Елизаветы». Толстые гибкие трубы змеились от баржи к клапанам в борту судна; как раз в этот момент крайнюю трубу отсоединяли. Стоило ей отойти, мощный выброс черной угольной пыли осквернил борт воздушного левиафана, и комментарии старшего механика приобрели еще более живое содержание. Но, как только все трубы были оттянуты и клапана закрыты, в ход пошли пожарные брандспойты, и в считанные секунды корпус корабля обрел первоначанную чистоту. Помогая себе руками, Алек распрямился с победным блеском в глазах — и поспешно подскочил к телеграфу машинного отделения, поскольку звонок телеграфа уже прозвонил дважды и латунная сигнальная рукоятка переместилась в положение «прогрев двигателей».

— Левый борт, первый! — крикнул Алек. — Бутан в клапана!

— Есть, есть! — ответил старшина, и двое матросов мгновенно занялись этой сложной работой.

Гас, конечно, знал теорию, но до сих пор ему ни разу не доводилось видеть такие гигантские двигатели в работе. Ему было известно, что каждая из этих турбореактивных громад, частично выдававшихся над бывшей здесь полом нижней поверхностью крыла, развивала мощность в 5700 лошадиных сил. Бутан пошел, когда ротор электромотора провернулся на оси и с глухим ревом начал вращаться. Теперь горящий газ раскручивал лопасти турбины все быстрее и быстрее, пока не были достигнуты нужные температура и давление. Алек легонько постучал по циферблату и, видимо, остался доволен, поскольку отключил подачу бутана и одновременно привел в действие насос, начавший закачивать в двигатель мельчайшую угольную пыль, где та немедленно воспламенялась с большим выделением тепла. Огромный механизм, дрожа, сдержанно загрохотал — Алек вывел его на режим холостого хода.

— Я буду здесь, пока все не войдет в норму после взлета, и надо еще запустить правый борт. Почему бы тебе не вернуться на мостик? Я позвоню им и скажу, что ты идешь туда.

— Наверное, я буду мешать?

— Нисколько. На каждый твой вопрос о нашем летучем Моби Дике они зададут тебе дюжину о твоей трансатлантической трубе. Ну, шагай.

Механик был недалеко от истины — сам капитан, полковник Мэйсон, встретил Гаса и упросил его остаться на мостике. Было тихо, распоряжения отдавались сдержанно и выполнялись с готовностью; казалось, волновались только снаружи. Люди, толпившиеся на пристани, размахивали руками и приветственно кричали, то и дело звучали гудки кораблей; наконец ровно в полдень швартовы были отданы и буксиры осторожно потянули величественный корабль прочь от берега на простор Ла-Манша. Мэйсон, который был слишком молод для капитана «Кунард-лайн» и, чтобы добавить себе солидности, отрастил окладистую бороду, явно гордился своей работой.

— Водоизмещение — сто девяносто восемь тысяч фунтов, мистер Вашингтон. От носа до кормы — двести сорок футов, и семьдесят два фута — от основания степса до наблюдательного пункта на вершине главного хвостового кия. Должен признать, все работает, как часы. Сзади у нас стоит турбина в две тысячи лошадиных сил, исключительно чтобы качать воздух для контроля над пограничным слоем и подавления срыва струи, а это увеличивает нам подъемную силу втрое по сравнению с обычным крылом. Таким образом, мы взлетим на пятидесяти милях в час, с пробежкой в каких-то четырехста футов. Гофрировка по обеим сторонам корпуса гасит вспенивание, не дает брызгам взлететь вверх и как бы успокаивает для нас море. Ну, а теперь прошу меня простить.

Буксиры были отцеплены. Рулевой вывел судно на линию взлета и затем по команде капитана оставил управление. Гудящие полицейские катера очистили залив от яхт и лодок. Крепко сжимая левой рукой стартовую рукоятку, капитан правой телеграфировал в машинное отделение «полный вперед». Палуба чуть заметно задрожала, когда турбины, завывая, вышли на рабочий режим, и «Королева Елизавета», набирая скорость, начала скользить по глади моря. Отрыв был столь мягким, что переход с воды в воздух прошел незамеченным. По сути, эта божественная воздушная колесница вела себя столь устойчиво и надежно, что, казалось, это не корабль поднимается, а сам город проваливается вниз, съезжаясь до размеров макета и затем завалива-

ясь набок, когда корабль начал широкий разворот к западу. Под ними проплыл остров Уайт — скромный зеленый осколок, купающийся в сиянии океана; и вот они уже были над Ла-Маншем, и Англия сжималась и таяла под их правым крылом. Гас забрал чемодан и ушел вниз; он был счастлив, что разделил радость триумфа с отважными людьми, бороздящими это новое, безграничное море.

Короткий, шедший в направлении кормы коридор вел к Гранд-салону, где пассажиры могли и других посмотреть, и себя показать. Они сидели за столами, наслаждаясь видами через большие круглые окна, и задавали бармену жару. Помещение было не столь обширным, как обещало название, но невидимый купол потолка, на который скрытые от глаз механизмы передавали изображение мерцающих звезд и плывущих облаков, создавал иллюзию простора. Протолкавшись через толпу, Гас поймал взгляд проводника; тот отвел его в каюту. Она была миниатюрной, но в ней было все необходимое, и Гас, с облегчением опустившись в кресло, некоторое время отдыхал, глядя в иллюминатор. Его багаж был уже здесь, и Гас знал, что внутри лежат оставшиеся непросмотренными бумаги, которыми он должен заняться. Но сейчас он сидел спокойно, любясь простотой и удобством устройства каюты, тем, как легко складываются на ночь стул и стол, давая возможность выдвинуть койку, а также подлинной литографией Пикассо, висевшей перед ним на стене. Но в конце концов он зевнул, потянулся, расстегнул воротничок, открыл чемодан — и сел работать. Когда подали сигнал к ленчу, он и с места не сдвинулся, лишь попросил, чтобы ему принесли пинту бочкового «Гиннеса» и завтрак по-крестьянски — хлеб, сыр и пикули. После такой незамысловатой трапезы хорошо работалось, но к тому времени, как позвонили к обеду, желание отложить работу пересилило желание ее продолжать, и он присоединился к спутникам. На сей раз спутницей его оказалась севшая за один с ним столик леди преклонных лет, весьма богатая, но явно не аристократка. И то и другое можно было легко понять по ее драгоценностям и по гласным в ее речи, так что, быстро покончив с обедом, Гас вернулся в каюту.

Пока он отсутствовал, его постель была выдвинута и расстелена; между простынями лежала электрогрелка, поскольку воздух в каюте охладил до освежающей,

наилучшей для сна температуры, а поперек подушки Гаса ждала пижама. Часы показывали десять, но он перевел их на пять часов, поставив нью-йоркское время, — вставать придется чертовски рано. Триста миль в час, пятнадцать часов лета. В момент прибытия по местному времени, может, и будет десять часов пополудни, но для его организма это лишь пять часов; и он решил лечь как можно раньше. Денек завтра будет горячий — и неделя, и месяц, и год... и горячка эта, похоже, навечно. Не это его заботило. Туннель стоил того, стоил и много больше. Гас зевнул, залез под одеяло и погасил свет. Штору на иллюминаторе он задвигать не стал, чтобы перед сном полюбоваться на плывущие в спокойном великолепии звезды.

Потом он с кем-то боролся, его тащили, он не мог вздохнуть, он умирал, его связывали. Он отбивался отчаянно, он пытался разделаться с несокрушимыми путами, он тщился звать на помощь, — но и нос, и рот его были чем-то закрыты.

Это был не сон. Никогда он не ощущал запахов во сне, никогда его нос не попадал в подобную переделку; никогда прежде его не душил приторно-сладкий дурман эфира.

К этому моменту он уже все понял, вполне понял — и берег дыхание, задерживая его, старался не дышать. На Дальнем Западе он не раз помогал хирургу, подливая эфир в воронку у лица раненых, и научился задерживать дыхание, чтобы не нахвататься летучих, вызывающих головокружение паров. Это он и сделал сейчас, не зная, что происходит, но понимая, что стоит ему сделать еще хоть вдох — и он потеряет сознание.

Света не было, но, судя по тому, что он ощущал во время борьбы, по крайней мере два человека наваливались на него всем своим весом, не давая двигаться. Что-то холодное сковывало его запястья; что-то перехватывало лодыжки. Теперь тяжелые тела лишь прижимали его к койке, — а он еще пытался сопротивляться; и кто-то держал тряпку с эфиром на его лице, ожидая, когда он затихнет.

Это была пытка. Он боролся, как только мог, пока не позволил своим усилиям снизиться; желание сделать вдох сменилось мучительной необходимостью его сделать, и наконец настал ужасный момент, когда подумалось, что если не будет вдоха, то он умрет. С почти самоубийственным усилием он выдержал и это, и, уже

погружаясь в бездонную тьму, почувствовал наконец, что тряпку убрали с лица.

Первым делом он, прочищая ноздри, выдохнул остатки отравленного воздуха из легких и затем, очень медленно — хотя все его тело, казалось, кричало, требуя вдоха, — беззвучно впустил в легкие тоненькую струйку снаружи. Едва успев сделать это, он почувствовал, как сильные руки схватили его, подняли и понесли к двери; она была чуть приоткрыта, и ее распахнули шире, чтобы его проташить. В коридоре тускло горело ночное освещение; Гас чуть приоткрыл глаза — так, чтобы они казались закрытыми, — и полностью расслабился, хотя его ударили о косяк, когда выносили.

Никого не было видно, никого, кто мог бы услышать крик, — впрочем, неизвестно, помогло бы это или нет. Только два человека, одетых во все черное, в черных перчатках и черных пучеглазых масках, раздутых у подбородка. Два человека, два грозных незнакомца, поспешно несущих его — куда?

К ожидавшему лифту, из которого, стоило открыть дверь, хлынул поток такого яркого света, что Гас сразу зажмурился. Но он успел узнать этот лифт, соединявший трюм и машинное отделение, в котором он побывал со старшим механиком. Что бы это значило? Его впихнули внутрь, и только тела противников, втиснувшихся вместе с ним, не дали ему упасть. Он чувствовал их дыхание; лифт пошел вверх; до сих пор не было сказано ни слова. Меньше чем за минуту эти два дикаря схватили и связали его, лишили, как они считали, сознания и теперь тащили куда-то — уж конечно, не с добрыми намерениями.

Ответ не заставил себя ждать. Левый машинный отсек; они повторяли тот путь, который Гас проделал утром. Вот и кессон. Одна дверь закрылась, другая открылась под змеинное шипение отсасывающего воздух клапана.

Вашингтон все еще не мог ничего поделать. Начни он бороться, его надолго лишили бы сознания. Хотя нервы его иступленно зывали о действии, пусть о каком-нибудь, лишь бы разрушить безмолвие и беспомощность, он не предпринимал ничего. К тому времени как открылась внутренняя дверь, в голове у него окончательно прояснилось, он старался дышать глубже, как только мог, максимально насыщая легкие и кровь кислородом. Ибо за дверью начиналась негерметичная часть летающе-

го судна, где воздух был таким же разреженным, как и снаружи, на высоте 12000 футов. Человек, дышащий таким воздухом, впадает в глубокое беспамятство и погибает. Неужели именно это и было у них на уме? Они оставят его здесь умирать? Но почему, кто они, чего хотят?

Они хотели его убить. Он понял это, когда его швырнули на холодный металл палубы и завозились с рукоятками люка позади — того самого люка, в который высовывался Алек в Сауттемптоне. Но там у него было двадцать пять футов, грозивших лишь случайным купанием. Здесь были 12000 футов и жестокая смерть впереди.

Крышка люка с трудом поддавалась. Со скоростью трехсот миль в час ураганный поток ударил в отверстие, перекрыв даже рев четырех огромных двигателей. И тогда Вашингтон сделал то, что должен был сделать.

Резко распрямив согнутые ноги, он ударил ближайшего из убийц под колени. На одно короткое мгновение таинственный незнакомец завис над отверстием, дико молотя руками воздух, и канул в ледяную ночь.

Гас не стал дожидаться, когда за дело возьмется второй; со змеиной стремительностью он подполз к коробке датчика пожарной сигнализации и, ухитрившись подняться на ноги, заколотил в нее головой, пока не почувствовал, что стекло разбилось и впивается ему в кожу. Тогда он повернулся ко второму убийце, который все это время явно колебался, не зная, что предпринять.

Кислородное голодание ничем не выдает себя, просто сознание ускользает и наступает смерть. Гас думал лишь об одном; может ли выпуклая маска бандита скрывать дыхательный прибор, или бандит отключится тоже. Он должен остаться на ногах. Должен бороться. Если он потеряет сознание, его подтащат к люку и он пропадет в ночи, как тот, первый.

Его глаза закрылись, он медленно сполз вниз и, распростершись на палубе, впал в забытие.

Глава 5

НАЕМНЫЙ УБИЙЦА

— Прекрасное солнечное утро, сэр, немного облачно, но всерьез это принимать не стоит.

Стюард отдернул штору, и сноп солнечного света, сияющего, как расплавленное золото, ударил в каюту. С профессиональной ловкостью выдвинув пластину ночного столика, он поставил на нее поднос с чашкой чая. Одновременно положил судовую газету Вашингтону на грудь, так что тот окончательно проснулся и заморгал, щурясь, — дверь за стюардом тем временем тихо закрылась. Гас зевнул, но газета привлекла его внимание, и он стал просматривать заголовки. «Сотни погибших во время землетрясения в Перу». «С берегов Рейна снова сообщают об артобстреле». «Нью-Йорк тепло встречает Цезаря Чавеса». Гас знал, что газету готовили служащие линии в Нью-Йорке, а затем по радио ее передали на борт воздушного судна. Чай был крепким и вкусным; Гас выспался отлично. Было, правда, ощущение чего-то неуместного, чего-то крепко стянувшего одну половину лица, — но едва он успел дотронуться и обнаружить пластырь, как дверь широко распахнулась, и коротенький, кругленький человечек, весь в черном, с воротничком «собачий ошейник», ворвался в каюту, как живое пушечное ядро, а следом за ним вошел сам полковник Мэйсон.

— О Боже, Боже милосердный! — заговорил круглый человечек, сжимая и разжимая пальцы, трогая тяжелое распятие, висевшее у него на шее, и похлопывая по стетоскопу, болтавшемуся поверх, как если бы он не знал наверняка, на чью помощь правильнее рассчитывать — то ли Христа, то ли Эскулапа. — Боже! Я собирался сказать стюарду, вы ведь дремали, тысяча извинений. Лучше вам отдыхать, уверен, сон — лучший доктор. Для вас, разумеется, не для меня. Вы позволите? — С этими словами он бережно взял нижнее веко Гаса, оттянул вниз и стал всматриваться под него с такой заинтересованностью и с таким благоговением, как если бы там почивала бессмертная душа инженера.

Замешательство быстро сменилось смущением, а затем нахлынуло чувство страха, от которого сердце Гаса бешено заколотилось, и на лбу мгновенно выступили капли пота.

— Так это был не сон... не кошмар... — он громко вздохнул. — Это действительно произошло.

Командир корабля закрыл за собой дверь и, обеспечив таким образом разговору секретность, серьезно кивнул.

— Да, произошло, капитан Вашингтон. Хотя что именно, мы не знаем, и больше всего я хочу, чтобы вы, если только вы в состоянии, поскорее мне это как-нибудь разъяснили. Я могу сказать только, что сигнал пожарной тревоги из левого машинного отсека был подан в ноль одиннадцать по Гринвичу. Старший механик, который в это время осматривал двигатель в правом машинном отсеке, отреагировал немедленно. Он сообщает, что нашел вас лежащим на палубе — одного, в беспмятстве. Одеты вы были так же, как сейчас, на лице — страшные порезы, и лежали вы прямо под датчиком пожарной сигнализации. Осколки стекла, обнаруженные в ваших ранах, указывают, что вы подали сигнал тревоги головой. Вероятно, вы были вынуждены так поступить, поскольку лодыжки и запястья у вас были в наручниках. Аварийный люк в палубе рядом с вами оказался открытым. Это все, что мы знаем. Механик, который был в дыхательной маске, дал вам свой кислород и вытащил с палубы. Епископ Ботсванский — вот этот джентльмен, он врач — откликнулся на нашу просьбу и обработал ваши раны. Наручники с вас мы сразу сняли и по совету епископа дали вам возмож-

ность поспать. Вот и все, что мы знаем. Я надеюсь, вы сможете рассказать нам больше.

— Смогу, — хрипло сказал Гас. И тут оба внимательно следивших за ним собеседника увидели, как выражение покоя, почти безмятежности на его лице сменилось крайним отчаянием — столь глубоким, что священник-врач с криком рванулся к нему; но пациент остановил его, подняв руку и словно бы отмахнувшись, а затем со стоном боли втянул воздух и порывисто выдохнул. — Я вспомнил, — сказал он. — Я все вспомнил. Я убил человека.

Абсолютная тишина царила, пока он рассказывал; вначале нерешительно, пытаясь описать свое замешательство в момент горестного пробуждения, потом, по мере того как в памяти оживали подробности, быстрее и быстрее — борьба в темноте, пленение, последний чудовищный миг, когда тот, другой, канул в вечность, и ужас перед возможностью собственной смерти, переполнявший его. Когда Гас закончил, в глазах епископа стояли слезы — он был человеком мягким, он в жизни не подвергался сколь-либо серьезной опасности, и ему было чуждо насилие; но глаза сидевшего рядом с ним капитана оставались сухими, и в них читалось суровое понимание.

— Вы не должны казнить себя, — почти приказывая, проговорил полковник Мэйсон, — тут не о чем жалеть. Попытка преступления налицо. То, что вы сопротивлялись в порядке самозащиты, должно не осуждаться, а приветствоваться. Окажись я на вашем месте, надеюсь, у меня хватило бы умения и храбрости сделать то же самое.

— Но это были не вы, капитан. Это был я. Забыть я не смогу. Этот груз мне нести теперь всю жизнь.

— Не надо казнить себя, — сказал епископ, на шаривая свои часы и взяв Гаса за запястье, — в нем вдруг проснулся медик.

— Дело тут не в угрызениях совести, а скорее, в понимании. Я совершил ужасную вещь, и то, что она может быть оправдана, не делает ее менее ужасной.

— Да, да, конечно, — с некоторой резкостью сказал полковник Мэйсон, подергивая себя за бороду. — Но, боюсь, мы должны продолжить расследование. Знаете ли вы, кто были эти люди и каковы могли быть их мотивы?

— Я в таком же недоумении, как и вы. Насколько я знаю, у меня нет врагов.

— Вы не заметили никаких особых примет? Тембр голоса, цвет волос?

— Ничего. Черная одежда, маски, перчатки. И они не разговаривали, делали все в полной тишине.

— Исчадия ада! — Воскликнул епископ и, совершенно выбитый из колеи, перекрестил себя стетоскопом.

— Хотя... Погодите, погодите! Что-то припоминаю... только бы ухватить... Что-то... да — метка, голубая, возможно, что-то вроде татуировки. У одного из них, на запястье, оно было почти у меня перед носом, когда он меня держал, а перчатка сбилась, отошла от рукава куртки, и на внутренней стороне запястья... Я не могу припомнить точно, просто что-то голубое.

— У кого из них? — спросил капитан. — У того, кто уцелел, или у другого?

— Не знаю. Поймите, не это было моей первой заботой.

— Разумеется. Значит, пятьдесят на пятьдесят, что преступник еще на борту, — если только он не вывалился в люк вслед за своим соучастником. Но под каким предлогом мы можем осмотреть у пассажиров запястья? Члены экипажа нам хорошо известны, хотя... — Он вдруг осекся, пораженный какой-то мыслью, от которой лицо его почернело и стало внезапно жестоким. Когда он заговорил вновь, тон его требовал абсолютного повиновения. — Капитан Вашингтон, пожалуйста, побудьте здесь и ничего не предпринимайте. Доктор позаботится о вас, и я прошу вас поступать согласно его предписаниям. Я скоро вернусь.

И без дальнейших объяснений он вышел, не дав им ни о чем спросить. Епископ осмотрел пациента более тщательно, нашел его здоровым, но переутомленным и рекомендовал успокоительную микстуру, от которой Вашингтон вежливо, но твердо отказался.

Он лежал неподвижно, с окаменевшим лицом, размышляя о том, что случилось, и о том, как будет жить дальше с таким преступлением на совести. Он понимал, что ему придется смириться и привыкнуть к подобной жизни. За те минуты, что он лежал здесь, он возмужал и стал старше, так что, когда дверь открылась и капитан появился вновь, перед ним был уже совсем другой человек. За спиной капитана произошло движение; Алек

и второй помощник вошли в каюту, крепко держа за руки кока.

Он не мог быть никем иным, этот крупный солидный человек в белом, с высоким поварским колпаком на голове, с нездоровой кожей, с аккуратными усиками — и с выражением полной ошеломленности на лице. Как только дверь закрылась и пестрая компания заполнила миниатюрную каюту так, что стало нечем дышать, капитан сказал:

— Это Жак, наш кок. На корабле он с самого начала, а в «Кунард-лайн» работает лет десять, а то и больше. Он ничего не знает о событиях нынешней ночи, и заботят его сейчас только круассаны, оставленные в печи. Но он много раз прислуживал мне за столом, и я вспомнил одну вещь.

Стремительным движением капитан схватил кока за руку, вывернул ее ладонью наружу и оттянул рукав куртки. Там, на внутренней стороне предплечья, виднелась поразительно ясная на фоне бледной кожи татуировка — якоря и канаты, трилистники и лежащие русалки... Она мелькнула, и Вашингтон словно заново увидел этого человека — уже не в белом, а в черном, вновь почувствовал силу его затянутых в перчатки рук, услышал его хриплое дыхание. Не обратив внимания на попытку епископа удержать его, Вашингтон встал к коку вплотную, лицом к лицу.

— Это он. Это тот человек, который пытался меня убить.

На протяжении нескольких долгих секунд лицо кока сохраняло изумленное выражение. Затем на нем отразились тревога и замешательство, он впился взглядом в своего обвинителя, стараясь понять, чем все это может для него обернуться, в то время как Вашингтон упрямо и непреклонно смотрел коку в глаза, точно хотел заглянуть в душу. Затем оба державших Жака офицера почувствовали, что руки у него задрожали и дрожь перекинулась на все тело; отчаяние охватило его, вытеснив остальные чувства, — теперь офицерам пришлось преступника уже не держать, а поддерживать. А когда он наконец раскрыл рот, его словно прорвало — слова хлынули из него потоком, который уже невозможно было остановить.

— Да, я — я это был, но меня заставили, я не сам, бог свидетель — не сам! Святой Боже! — выкрикнул он по-французски. — И вспомните, вы были без созна-

ния, я мог сделать все, что велено, вы бы не смогли сопротивляться, я спас вам жизнь, оставил там. Так не дайте им взять мою, я умоляю вас; сам бы я ничего такого не сделал...

С мучительным облегчением он рассказывал все — всю свою несчастную повесть с момента, когда он впервые ступил на землю Англии двадцать лет назад, и что с ним происходило потом. Он въехал в страну нелегально. Друзья помогли ему убежать от унижительной парижской безработицы — друзья, которые в конечном счете оказались не столько друзьями, сколько тайными агентами французской короны. Уловка была простой и такой обыкновенной, — но она срабатывала наверняка. Просят помочь, и отказать уже невозможно — иначе его выдадут властям, посадят, сошлют... А дальше — больше, на все есть документы, и почти всякая услуга подсудна — и так, пока не запутаешься окончательно в тенетах шантажа. С тех пор как он угодил в сети, использовали его редко, он был тем, кого на языке преступного мира называют «соней», — ждал, подремывая до времени, в глубине приютившей его страны, точно так же, как дремлет бомба, готовая в любую минуту взорваться от первой же искры. И вот — запал подожжен. Приказ, встреча, пассажир на корабле, угрозы и издевательства и откровенная фраза о том, что его оставленная во Франции семья окажется в опасности, если он посмеет отказать. Он не посмел. А дальше ночная встреча и ужасные события, которые за нею последовали. И чудовищный финал, когда агент погиб, а совершить преступление сам он не смог; он сразу знал, что не сможет. Вашингтон слушал и понимал; именно он распорядился, чтобы сломленного человека увели, — он понял все слишком хорошо. Позже, когда оставались считанные минуты до последнего маневра воздушного корабля над проливами перед посадкой в бухте Нью-Йорка, капитан сообщил Вашингтону то, что к этому моменту удалось выяснить.

— Второй человек — настоящая загадка, хотя, по-видимому, он не француз. Явный профессионал в этих делах — никаких бумаг в багаже, никаких меток на одежде. Чисто. Но он англичанин — все, кто разговаривал с ним, в этом убеждены — и пользовался большим влиянием, иначе он не попал бы в число пассажиров. Все обстоятельства мы сообщим в Скотланд-Ярд, и наряд нью-йоркской полиции уже дожидается на

пристани. Это действительно загадка. У вас нет никаких соображений насчет того, кто они, ваши враги?

Вашингтон застегнул последний саквояж и устало опустился в кресло.

— Даю вам слово, капитан: до сегодняшней ночи я и не подозревал, что у меня есть враги, а тем более такие, которые могут работать в контакте с французской секретной службой и тайно нанимать подручных, — он криво усмехнулся. — Но теперь я это знаю. Знаю наверняка.

Глава 6

В ЛЬВИНОМ ЛОГОВЕ

Вагонетка потеряла управление на Третьей авеню; отскочив от одной из железнодорожных опор, она вылетела на тротуар, начисто снесла пожарный гидрант и опрокинулась на бок, вывалив весь свой груз на мостовую. Множество рулонов разноцветных тканей раскатилось во всех направлениях, покрыв мостовую подобием ярких флагов. Случайные свидетели аварии сошлись на том, что лучшего места, чтобы поозорничать и покуролесить, и захочешь — не сыщешь, и вряд ли найдешь место хуже для попыток сохранить законность и порядок — вагонетка опрокинулась прямо напротив гриль-бара ирокезов. Посетители бара тут же высыпали на улицу поглазеть на забаву и принялись с радостным гиканьем прыгать туда-сюда через потоки материи и раздирать рулоны, выясняя, что там у них внутри. В этот теплый летний денек большинство краснокожих было обнажено по пояс; на них были только легины да мокасины, а у некоторых — еще головные повязки с перьями. Они хватали самые большие рулоны и с наглым хохотом накручивали ткань на себя, пока ошеломленный водитель, свесившись из окна кабины, грозил им сверху кулаком. На этом бы веселье и закончилось и большей беды не стряслось, если бы гриль-бар «Смеющаяся вода» не соседствовал с баром Клэнси, питей-

ным заведением того же пошиба, где, однако, погоду делали исключительно выходы из Ирландии. Эта неуместная близость доставляла массу хлопот полиции; как в прошлом, так и, наверняка, в будущем, она способна была сказаться на правопорядке в районе вряд ли иначе, чем в этот раз. Заслышав шум, ирландцы тоже вышли на улицу и принялись громко комментировать действия индейцев и подзадоривать их — возможно, завидуя их буйной непосредственности. Результат легко было предвидеть; кому-то подставили ножку, кого-то обозвали при всех, кто-то с кем-то схватился, и пошла общая свалка. Ирокезы, которых закон обязывал оставлять томагавки и тесаки-скальпорезы на пропускных пунктах при въезде в город или, если те жили в городе, держать их дома, быстро нашли им замену, схватившись за столовые ножи из бара. Ирландцы, в равной степени лишенные права появляться на людях с дубинками и терновыми посохами, вес которых превышал известную величину, обнаружили, что их вполне заменяют бутылки и ножки от стульев, — и ринулись в драку. Стоило им схлестнуться, как индейские боевые кличи смешались с громогласными поминаниями святых и всего Святого Семейства. Поскольку целью этой разминки было исключительно удовольствие, до смертоубийств или серьезных увечий дело не дошло, — но были тут, конечно, и пробитые черепа, и сломанные кости, и, по крайней мере, один скальп, чисто символический, просто клочок кожи с волосами. Затем счастливые вопли заглушил своим грохотом пролетавший мимо поезд, а когда он отгрохотал свое, на смену ему завывали полицейские сирены. Зеваки, наслаждаясь представлением, толпились поодаль, а какой-то торговец с тележкой, пользуясь случаем, юлил по краю толпы и продавал прохладительные напитки. И все были довольны.

Айэн Макинтош, однако, счел происшествие крайне неприятным; подобных зрелищ никогда не увидишь на улицах Кэмпбеллтауна или Махриханиша. Людям, которые считают шотландских горцев забияками и пропойцами, следовало бы прежде заглянуть в колонии. Он презрительно и шумно фыркнул; ему это было нетрудно, ибо приспособление, которым фыркают, у него представляло собою несокрушимый таран, явно предназначенный для авторитетного фырканья, а возможно, и для чего-то еще более важного. Таран был главной

достопримечательностью его лица, — а пожалуй, и всего тела, поскольку сам он был хрупким и тонким и одет исключительно в серое, полагая, что никакой другой цвет ему так не идет, как этот; и волосы его были какими-то серыми, и даже кожа, если на нее не воздействовали стихи, вносила свою лепту в эту общую обесцвечку. Так что нос царил надо всем, и, ввиду его высокого положения, а также из-за страсти Макинтоша ко всякого рода мелким подробностям и прочей бухгалтерии, прозвище «Пылесос» Айэн заслужил честно, хотя его никогда не называли так в лицо или, вернее, в нос.

Сейчас, спеша по Сорок второй улице, он пересек Третью авеню и прощально фыркнул в сторону потасовки. Ловко лавируя, он проталкивался через толпу и даже ухитрился вытащить из кармана часы и глянуть на циферблат. Успеваает, разумеется, он успеваает. Не опаздывал никогда. Не опоздает и на эту, столь неприятную для него встречу. Чему быть, того не миновать. Он снова фыркнул; растворил дверь отеля «Коммодор» и, скорее всего обойдя торчащего при дверях служителя, путнул его, фыркнув еще раз, чтобы тот не рассчитывал получить чаевые за услугу, которая не была оказана. Было ровно два, когда он вошел и, увидев, что Вашингтон уже на месте, ощутил некоторое разочарование. Они обменялись рукопожатиями, поскольку раньше виделись часто, и лишь затем Макинтош заметил пластырь на той стороне лица собеседника, которая до этого была ему не видна. Вашингтон сразу понял причину его интереса и, опережая вопрос, сказал:

— Следы недавних событий, Айэн. Я расскажу вам в кебе.

— Кеба не будет. Сэр Уинтроп, как подобает, прислал за вами свою машину. Хотя ехать на штуке такого цвета вряд ли приятно.

— Автомобиль не обязательно должен быть черным, — сказал Гас, забавляясь его привередливостью.

Они поднялись к выходу на Парк-авеню, где их ожидал удлинённый желтый «Корд-Ландо» с откидным верхом. Хромированная выхлопная труба блестела, решетчатые колеса сверкали, шофер придерживал дверь. Уже внутри, закрыв окошко связи с шофером, Гас рассказал о событиях на воздушном корабле.

— Вот и все, — заключил он. — Кок ничего больше не знает, а полиция не установила ни личности сообщника, ни того, кто мог бы его нанять.

Макинтош громко фыркнул — в замкнутой тесноте автомобиля это прозвучало ошеломляюще, — а затем потрепал себя по носу, словно поощряя его за удачное выступление.

— Они знают, кто это сделал, и мы знаем, кто это сделал. Другое дело — доказать...

— Но я уверен, что ничего не знаю! — Гас был поражен откровением Макинтоша.

— Вы инженер, Огастин, лучший из инженеров, мне таким не стать никогда. Но вы засунули голову в туннель и совершенно упускаете из виду дальние последствия вашего предприятия, а также фондовую биржу Парижа.

— Не понимаю.

— Тогда, если хотите, попробуем так. Если кто-то вредит вам, самое время прикинуть, кому, возможно, вредите вы. Есть люди, у которых, предположим, куча денег, но которые замечают, что их доходы несколько сокращаются. Люди, которые, заглядывая в будущее, видят, что эти доходы сокращаются все больше и больше — и хотят как-то помешать этому уже сейчас. Люди со связями за границей, способные вступить в контакт с правыми из Сюртэ Женераля, а те всегда рады ухватиться за возможности нанести ущерб Британии. Кто это может быть?

— Понятия не имею.

— Как вы наивны, как наивны! — Макинтош с видом заговорщика уложил палец вдоль носа, спрятав за тараном и палец, и добрую часть ладони в придачу. — Тогда я спрошу у вас вот что: если мы под водой, то кто над нею?

— Воздушные корабли, но туннель не составит им никакой конкуренции. И морской флот, но...

Его голос сорвался, и лицо приобрело испуганное выражение. В ответ Макинтош холодно улыбнулся.

— Кого набрали в эту шайку, я назвать не могу — да и вообще, ругаясь, пособников будет трудно найти. Но тот, кто этим верховодит, может быть назван. Можете считать это за шутку, но я попрошу вас помнить Томаса Беккета! Что ему стоит отдать приказ: человек он честолобивый, деньги так и текут через его

руки. Я не берусь утверждать это наверняка, но на будущее могу посоветовать. Мой совет — остерегайтесь его.

Машина остановилась у одного из высотных зданий на Уолл-стрит, при виде которого Гас глубоко задумался. Построить туннель — не яму выкопать, он понимал это; очевидно, убийц можно теперь причислить к факторам профессионального риска. Как и совет директоров. Но к последнему, по крайней мере, он был подготовлен; всю неделю готовился он к этому дню, подкрепил свою позицию фактами, увязал цифры. Это его шанс — прыжок во тьму, самый рискованный из всех с той поры, когда он впервые понял, что должно быть сделано. Его карьера целиком зависела от исхода сегодняшней встречи, и вполне понятно, что это его глубоко волновало. Но сегодняшняя ночь, когда до прыжка во тьму оставался один лишь шаг — и не в переносном, а в самом буквальном смысле слова, — закалила его волю. Что должно быть сделано — будет сделано, и сделает это он.

Он был знаком с сэром Уинтропом и поздоровался с ним за руку, а затем был представлен другим членам правления, которых знал лишь заочно, по их именам и делам. Двадцать один человек — все обязаны своим положением лишь себе, все твердые, незаурядные, уверенные в своих способностях, они сливались сейчас в глазах Вашингтона в одно целое. Все они — один человек, один-единственный, и нужно его убедить. Едва Гас занял место, оставленное для него за длинным столом, он понял, что заседание, судя по пепельницам, началось задолго до его прихода; но, поскольку все эти люди были опытными стрелками, вид плевателей данного факта не выдавал. Стало ясно, что его намеренно пригласили сюда уже после того, как предложения, касающиеся его нового статуса, были оглашены перед правлением. Ни тяжелые портьеры на окнах, ни густой дым сигар в воздухе не хранили отзвуков спора, но нахмуренные брови и застывшие лица нескольких членов правления ясно указывали на то, что без разногласий не обошлось. Очевидно, единства мнений здесь не было, как не было его и на правлении в Лондоне, но Гас этого и ожидал. Он знал умонастроения своих собратьев-колонистов и построил свой доклад так, чтобы подавить все возражения в корне.

— Господа члены правления, — сказал сэр Уинтроп. — В течение некоторого времени мы обсуждали вопрос, касающийся моего возможного ухода с поста председателя правления и замены меня на капитана Вашингтона, который возглавит также и инженерное обеспечение строительства туннеля с американской стороны. К этому шагу нас вынуждает катастрофическое состояние наших финансов, — состояние, которое должно быть поправлено, если мы вообще хотим продолжать нашу деятельность. Мы решили отложить голосование по этому вопросу до тех пор, пока капитан не выскажется и не ответит на наши вопросы. А, я вижу, мистер Стреттон хочет начать.

Сухая фигура мистера Стреттона поднялась над стулом, подобно взмывающему стервятнику — сочетание черных одежд, белой кожи, выцветших глаз и обвиняюще выставленного пальца представляло собою картину, способную вывести из равновесия при любых обстоятельствах и особенно сейчас, когда он гневно и торопливо начал выкрикивать:

— Не годится, совсем не годится, мы не можем допустить, чтобы нашу фирму представлял человек с фамилией Вашингтон, никак не можем! Скорее Иуда Искариот станет председателем правления, или Понтий Пилат, или Гай Фокс *!..

— Стреттон, будьте любезны сосредоточиться на делах нам близких и оставьте исторические экскурсы на другое время.

Эти негромкие, но язвительные слова произнес развалившийся в кресле коротышка, жирный и рыхлый, как пудинг, с широкой седой бородой, лежавшей у него на груди, громадной черной сигарой, торчавшей изо рта, как флагшток, — и холодными, пронзительными глазами, разрушавшими всякое впечатление расхлябанности или слабости, которые, казалось бы, демонстрировала его внешность.

— Вы будете слушать меня, Голд, и будете молчать. Есть вещи, о которых нельзя забывать...

— Есть вещи, которые лучше забыть, — снова прервал коротышка. — Прошло почти две сотни лет, а вы

* Г а й Ф о к с — английский заговорщик, который, желая отомстить за закон, направленный против католиков, пытался 5 ноября 1605 года убить короля Джеймса I и взорвать парламент.

все пытаетесь снова подавить восстание. Хватит, говорю я вам. Ваши предки были тори, и в этом им крупно повезло; они оказались на стороне победителей. Если бы они проиграли, сейчас бы их называли изменниками, и, возможно, Джордж Вашингтон расстрелял бы их точно так же, как они схватили и расстреляли беднягу Джорджа. Может, вы чувствуете себя виноватым за них, а? Ведь у вас это по сию пору зудит. К вашему сведению, у меня тоже имелись предки, а один из них даже был со всем этим связан — лопух Хаим Соломон потерял все, давая деньги на революцию, и кончил свои дни, торгуя на Ист-Сайде маринованными овощами из бочки. Беспокоит ли это меня? Нисколько. Я честно голосовал за кандидатов тори, потому что это партия больших денег, и я — человек больших денег. Что прошло, то прошло.

— Значит, вы так же неудачно выбрали себе предков, как и Вашингтон, — парировал Стреттон, рассвирепев и даже охрипнув от гнева; он так хлопнул ладонями по столу, будто и впрямь хотел кого-нибудь расстрелять. — На вашем месте я бы этим не хвастался. Во всяком случае, большинство людей не знает о вашей дурной родословной, в то время как на имени Вашингтона лежит несмываемое пятно. Американский народ встретит в штыки любое начинание, связанное со столь одиозным именем.

— Вы, Генри, ушат с помоями, — донесся с дальнего стола жесткий техасский выговор. Там сидел крупный мужчина в широкополой шляпе, которого, видимо, не волновало, что у остальных головы не покрыты. — Мы, на Западе, едва помним, где обретается Новая Англия, и уж нам совсем наплевать на ваши замшелые счеты. Если этот технарь может продать наши акции, найдем его, и дело с концом.

— Я тоже так считаю, — басовито прогудел краснокожий, сидевший еще дальше. — Индейцы знают только одно: все белые люди плохи. Слишком многих из нас постреляли, пока в 1860 году не был заключен мир. Если бы на землях чероки не обнаружили нефть, я бы тут сейчас не сидел. Найдем его.

Последовала оживленная перепалка, которую прервал удар председательского молотка. Затем сэр Уинтроп кивнул Вашингтону; тот встал и невозмутимо оглядел присутствующих.

— То, что сказал мистер Стреттон, очень существенно. Если фамилия Вашингтон может повредить туннелю, этот факт должен быть принят во внимание; если это так, я немедленно откажусь от поста, по поводу которого ведется дискуссия. Но я чувствую — как, видимо, чувствуют здесь многие, — что старая вражда в нашу эпоху уже подзабылась. С той поры как тринадцать первых штатов попытались сформировать собственное правительство и потерпели неудачу, страна росла и росла, и теперь состоит из тридцати одного штата и территории Калифорнии. В этих штатах живут различные индейские племена, которым, как сказал только что вождь Подсолнечник, мало дела до наших древних свар. В этих штатах живут также те, кто бежал от бесконечных войн между балтийскими странами, от еврейских погромов в России, от прорыва дамбы в Голландии, от датчан, когда они оккупировали Швецию; люди разных национальностей, выходцы из разных стран, которым тоже мало дела до этих старинных свар. Уверен, что их больше заинтересует процент прибыли, чем фамилия моего предка. Эта фамилия сейчас не имеет значения и к делу не относится. Что сейчас имеет значение — так это то, что у меня есть план, как привлечь вкладчиков, и я хочу, чтобы вы выслушали этот план перед тем, как будете голосовать относительно пригодности моей кандидатуры. В противном случае вы будете покупать kota в мешке. Позвольте мне рассказать, что я собираюсь делать, а затем, если вы сочтете мой план достойным, голосуйте за него, а не за того, кто его предложил. Если он покажется вам плохим, значит, я не тот, кто вам нужен, и я без лишней болтовни вернусь в свой туннель в Англии.

— Это честный разговор. Послушаем парня.

Пренебрежительное ворчание Стреттона утонуло в раздавшихся возгласах одобрения. Гас кивнул и, открыв кейс, извлек оттуда кипу бумаг, тщательно подготовленных им заранее.

— Джентльмены! Единственной моей целью является спасение туннеля, и вот план, который я вам предлагаю. Больше я ничего делать не собираюсь и ни на что не претендую. Если бы я мог помочь, став носовой фигурой, украшающей корабль корпорации, я бы влез на бушприт и повис под ним на руках. Я инженер. Самое горячее мое желание — участвовать в создании

Трансатлантического туннеля. Британский совет директоров счел, что я смогу быть более полезным, если возглавлю строительство с американской стороны, это покажет американской общественности, что туннель является американским предприятием в такой же степени, в какой он является британским. Я собираюсь не заменить мистера Макинтоша, но помогать ему, так что нас будет двое в одной упряжке. Я надеюсь, он останется первым моим помощником во всех вопросах строительства и будет, по крайней мере, равен мне в вопросах снабжения и обеспечения, поскольку по этим делам он опытный специалист.

Трубное фырчание возвестило, что, по мнению Макинтоша, это утверждение не было ошибочным ни на четверть.

— По отношению к правлению моя роль и будет ролью корабельного украшения, хотя я предпочел бы оставить это между нами. Я не финансист, и надеюсь, что сэр Уинтроп продолжит выполнение своих функций до тех пор, пока не сможет выполнять их уже открыто. Я хочу построить туннель, построить хорошо, построить быстро, чтобы вклады принесли ощутимый доход. Это моя первая задача. Во-вторых, я должен так рекламировать строительство, чтобы вкладчики стекались под наши знамена и доверяли нам все больше и больше своих долларов.

— Верно! — выкрикнул кто-то, а кто-то спросил:

— И как это будет сделано?

— Вот как. Мы откажемся от существующей технологии и перейдем к другой, более дешевой, более эффективной, а она создаст базу для экономии средств. Быстро возрастающая экономичность окажется, я верю, побудительным мотивом первоочередной важности.

— Знает ли об этом сэр Айсэмбард? — выкрикнул Макинтош, побагровев; его темные ноздри нацелились на Вашингтона, как спаренный пулемет большого калибра.

— Если быть совершенно откровенным — нет. Хотя в прошлом мы многократно обсуждали это. Он решил придерживаться существующей технологии шагового бетонирования — по крайней мере пока она не докажет свою полную несостоятельность, и лишь тогда приступить к рассмотрению альтернативных методов строительства. Я всегда полагал, что он не прав, но, пока я был его подчиненным, я ничего не мог сделать. Те-

перь, когда я надеюсь получить, так сказать, независимость, я осуществляю свое намерение перейти к более современной, более американской технологии, к...

— Голову ему оторвать за такие слова!

— Ничего подобного мы не допустим!

— Дай ему домолоть, Скотти, — возвысил голос техасец. — Тут есть смысл.

Он завладел их вниманием и привлек симпатии хотя бы некоторых. Теперь только бы удалось их убедить. Стояла полная тишина, когда Вашингтон достал из кейса светокопию и показал собранию.

— Вот что мы делаем сейчас, строя туннель методом шагового бетонирования, которое называют самой современной технологией. По мере продвижения туннельного щита и выемки грунта наша громадная металлическая труба продвигается вслед за ним. С внешней стороны трубы располагаются арматурные штанги, и туда заливается бетон. Когда бетон застывает, труба движется дальше, и в итоге мы получаем непрерывный туннель, бетонируемый в забое. Щит движется с различной скоростью, но в среднем ни в коем случае не быстрее тридцати футов в день. Очень впечатляюще. Пока вы не примете во внимание ширину Атлантики. Если указанная скорость будет сохраняться, — а мы не имеем никаких гарантий этого, напротив, есть масса обстоятельств, заставляющих подозревать, что не будет, — срок, за который мы и, я надеюсь, британская сторона также, достигнем точки встречи в середине Атлантики, составит что-то около ста пяти тысяч дней. А это, джентльмены, без малого триста лет.

Вполне понятно, что за этим последовало обескураженное перешептывание; заскрипели перья по листам бюваров — кто-то решил быстренько посчитать сам.

— От этой цифры захватывает дух, я согласен, а большинство вкладчиков озабочено как раз быстрым оборотом средств. К счастью, этот метод не единственный. Поэтому я предлагаю заменить технологию, которую мы сейчас применяем, что качественно ускорит процесс и в то же время вызовет подъем американской экономики во всех сферах: кораблестроении, металлургии, инженерно-строительном деле и во многих других. И, кроме того, это сократит время, необходимое для создания туннеля. — Гас сделал паузу, затем сказал: — Сократит его примерно до десяти лет.

Эта фраза вызвала не просто изумление, а мгновенный ужас, дикое возбуждение; чей-то голос, перекрыв гомон, спросил за всех:

— Как, я хочу знать? Скажите же как!

Гул голосов увял, когда Вашингтон вынул из кейса чертеж и развернул его, показывая всем.

— Вот как. Смотрите, это — секция туннеля, длина ее около девяноста футов, изготовлена из армированного бетона. В ней находятся два железнодорожных туннеля, вплотную друг к другу, а под ними — меньший туннель, вспомогательный. Так выглядит туннель, который мы ведем сейчас. Малый туннель называется штольней, он прокладывается первым. Так мы выясняем, какой грунт у нас впереди, скала ли, земля ли, и с какими проблемами мы столкнемся при проходке больших туннелей. Эти туннели прокладываются бок о бок и через определенные интервалы соединяются переходными камерами. Как ни крутите, сложно, и техническая методика проходки такова, что мы должны быть счастливы, если держим среднюю скорость тридцать футов в день. Если бы только перед нами не лежали тысячи миль. Поэтому я предлагаю то, что может показаться новым и неоправданным, но, смею вас уверить, эта технология была опробована и оправдала себя в этой стране, при прокладке туннелей под Делавэрским заливом, под Миссисипи и в других частях света, например, в бухте Гонконга. Технология такова: туннель формуется, бетонируется, строится по секциям заранее, на берегу, затем буксируется к месту и затапливается. Секции строятся в условиях, практически идеальных, тестируются на предмет дефектов, остаются на суше до полной готовности — и лишь затем им дозволяется стать частью туннеля.

Можете ли вы, джентльмены, представить воочию, что это значит? Все верфи в Атлантике и в Мексиканском заливе, равно как и вновь созданные предприятия, будут заниматься секциями — даже на Великих озерах и на реке Святого Лаврентия портовые рабочие окажутся заняты. Почти немедленно потребуются громадные количества стали и бетона — и без слов ясно, что тот, кто вложит деньги в сталь и бетон, наверняка сорвет хороший куш. Контракты будут заключаться со всеми, кто удостоверит свое участие в поставках. После такого впрыскивания национальная экономика в целом

не может не оживиться. Туннель будет построен, и, строя его, наша великая страна построит себя заново!

Раздались восхищенные возгласы; Гас зажег директоров своим энтузиазмом, они поверили. Снова заскрипели перья, кто-то уже заглядывал в «Уолл-стрит джорнэл», выясняя, каковы курсы акций на сталь и бетон, кто-то уже достал карманный передатчик, чтобы связаться со своими брокерами. Предчувствие новой жизни буквально обрушилось на комнату, и лишь очень немногие — один в особенности — не разделяли всеобъемлющего энтузиазма. Когда шум начал стихать, Макинтош заговорил:

— Необходимо известить Айсэмбарда об этом предложении. Без его согласия ничего делаться не будет.

Фраза была встречена громким свистом и негодующими выкриками, но точку поставил мистер Уинтроп.

— Не думаю, что это необходимо. Финансирование туннеля под угрозой, иначе в нашем совещании, специально посвященном этой проблеме, не было бы нужды и капитан Вашингтон не был бы к нам направлен в своем нынешнем качестве. Руки у него развязаны, и Лондон ему не указ, вы должны это запомнить. Руки у него развязаны. Если на этой стороне Атлантики не начнутся выплаты по облигациям, туннеля не будет вообще. Если смена технологии обеспечит успех, а у меня нет никаких причин думать иначе, мы должны принять этот план. Больше нам ничего не остается.

Затем были вопросы, на которые Гас отвечал точно и конкретно; но была и небольшая оппозиция, представленная, главным образом, джентльменом из Новой Англии.

— Запомните мои слова — нас ждет беда. Такое имя, как Вашингтон, не может не повлечь дурных последствий!

Он выкрикнул это в тишине, но единственным ответным возгласом было: «Снимите с него скальп!» Правда, это обещало оказаться делом чрезвычайно трудным, поскольку волосяной покров, который, вероятно, у этого человека существовал когда-то, давно исчез, но даже упоминание об операции заставило джентльмена с громким хлопающим звуком накрыть голову ладонью и проворно сесть, так что этот голос протеста против общего мнения был утихомирен, и замены ему не нашлось. Состоялось устное голосование, результат которого вызвал одобрительный гул, и, лишь когда тишина

воцарилась вновь, Макинтош поднялся и, сотрясаясь от злости, обратился к аудитории с заключительной репликой:

— Пусть будет так, не стану спорить. Но считаю, мы не слишком хорошо оплатили великому человеку, задумавшему и спроектировавшему этот туннель, — и он обвиняюще ткнул пальцем в сторону Вашингтона. — Человеку, который ввел вас в свой дом, Огастин Вашингтон, с дочерью которого, я слышал, вы помолвлены. Задумывались ли вы, как это решение отразится на юной леди?

В комнате все затихло, ибо в своем стремлении защитить начальника и друга Макинтош переступил рамки приличий и углубился в неприятную область личных отношений и выпадов. Похоже, он понял это, еще пока говорил; став серее серого, он попытался сесть, потом снова встал, когда Вашингтон повернулся к нему. Лицо американца осталось невозмутимым и твердым, но внимательный глаз заметил бы, как вздулись вены на тыльных сторонах его ладоней, как побелели пальцы, стиснутые в кулаки.

— Я счастлив, что вы заговорили об этом, поскольку кто-нибудь когда-нибудь все равно об этом спросит. Первое. Я по-прежнему восхищаюсь сэром Айсэмбардом и почитаю его как своего наставника и работодателя, я не испытываю к нему ничего, кроме глубочайшего уважения. Он, со своим практическим складом ума, предлагает нам обождать с новой технологией прокладки, и мы бы ждали, будь у нас время и деньги. Но их нет — ни того ни другого. А поэтому мы переходим к методике, которая, по крайней мере в теории, если не в плане ее немедленного практического применения, была им одобрена. Я желаю ему только добра и даже понимаю его отношение ко мне. Он, который стоит на Олимпе один, не горит желанием пускать туда других. И он действительно стоит там один, как не превзойденный никем инженер и строитель нашего времени. Когда в Лондоне определили мне новую роль на американской стороне, он счел это личным оскорблением, и это я тоже могу понять. Он отказал мне от дома, и я не виню его никоим образом, потому что в рамках своих представлений он прав. Он настоял также, чтобы помолвка между его дочерью и мной оказалась расторгнутой, и это было сделано. Я не буду обсуждать с вами мои переживания, джентльмены, скажу лишь одно: я этого

не хотел. Но это произошло. И в каком-то смысле это хорошо, так как дает мне свободу, чтобы принять правильное решение, — если не относительно себя, то, во всяком случае, относительно туннеля. Деньги будут получены, и туннель будет построен с применением той методики, которую я вам обрисовал.

КНИГА ВТОРАЯ

НА ДНЕ МОРСКОМ

Глава 1

ПУТЕШЕСТВИЕ ИЗ РЯДА ВОН

Тишина в маленькой рубке была почти абсолютной. Но создавали ее не ухищрения человеческой техники — просто здесь, в Атлантике, на глубине тридцати саженей, не было звуков. На поверхности океана могли с грохотом сталкиваться волны, судовые сирены могли стонать, когда корабли на ощупь пробирались в едва ли не вечных туманах Ньюфаундлендской отмели Грэнд-бэнкс; ближе к поверхности океаническая жизнь шумела вовсю в вечной погоне за пропитанием: щелкали креветки, дельфины обменивались сигналами, что-то бубнили рыбы. Не то что внизу, где спешила по своим делам крохотная субмарина; здесь царило вечное безмолвие бездны. Покой снаружи и почти такой же покой внутри. Слышался только отдаленный гул двигавших субмарину электромоторов, да шелест вентиляторов, да на удивление громкое «тик-так» часов с галкой, укрепленных на переборке над местом рулевого. Уже в течение нескольких минут длилось молчание, и тиканье часов было особенно громким. Рулевой заметил брошенный на них взгляд пассажира и улыбнулся.

— Наконец-то вы заметили часы, капитан, — сказал он не без гордости.

— Да, действительно, — пробормотал Вашингтон, воздержавшись добавить, что невозможно не заметить вещь, столь бесстыдно бросающуюся в глаза. — Полагая, это не серийное производство?

— Не просто не серийное, хотя и это тоже, но к тому же один из первых экземпляров, вот что это такое. Мой дед смастерил первые часы с галкой после того, как увидел в ломбарде на О'Коннэл-стрит похожие среди вещей из Блэк-форест. Он говорил, это были часы с кукушкой, и они его просто очаровали, — хотя он сам был часовщик, и все такое. Когда он вернулся домой в Кэшэл, он попытался сделать такие же, но, поскольку кукушек любил не очень — еще бы, здоровенные наглые твари, подкладывающие яйца в чужие гнезда, — хамство и только! — он сделал галку и часть башни разрушенного замка, где галку встретишь всегда. Он смастерил одни, смастерил другие, они понравились английским туристам, приехавшим осмотреть замок и скалы, и, быстрее, чем вы успеете сказать «Брайан О'Линн», возникло целое новое производство. А теперь памятник деду вы увидите на площади в Кэшэле.

Будто стремясь усилить этот панегирик в свою честь, часы начали отбивать время — из портала разрушенного аббатства выпрыгнула галка и, хрипло крикнув «кар-р! кар-р!», скрылась.

— Уже два? — спросил Вашингтон, взглянув на свои часы, которые, в общем, были согласны с галкой, вернувшейся в свою темную келью ждать трех. — Мы не можем идти быстрее?

— Полный ход, капитан. «Наутилус» делает все, на что способен, — рулевой передвинул рычаг скорости как можно дальше от нулевого положения, словно этим хотел подтвердить собственные слова. — В любом случае, мы уже на месте.

О'Тул отключил внешнее освещение, чтобы можно было видеть дальше сквозь глубоководный мрак. Сверху сочился чистейший зеленый свет, который пропадал с глубиной, так что внизу была ничем не оживляемая тьма. Но, когда лучи от огней субмарины погасли, глаза начали различать в пучине некое свечение — там, где со дня сотворения мира царилась ночь. Показался один огонек, затем еще и еще, пока целый рой затонувших звезд не окружил субмарину, погружающуюся все глубже и глубже; казалось, они зазывают ее в самую гущу копошащейся техники, безмерно чуждой древнему покою океанского дна.

Прежде всего взгляд останавливался на огромной, приземистой, нелепой и противоестественной с виду, угловатой, гудящей машине с какими-то штангами и

навесными башнями, которая сидела на дне, как наседка на яйцах. Она имела вид клепаной фермы мощного моста, и процентов девяносто пять всей конструкции были открыты океану, чтобы сравнить внутреннее давление с наружным. Каркас был открыт, рычаги были открыты; гусеницы — ленты стальных пластин — охлестывали мощные металлические колеса. Только внимательный глаз мог разглядеть пухлые выпуклости за гусеницами, в которых размещались ходовые электромоторы, а вот кругляш атомного котла, подобно дыне плававший позади машины, наоборот, был на виду. Другие моторы, заключенные в герметичные коконы, приводили в движение зубчатые колеса и тросы, а главный кокон, словно округлый нарост, сидел на переднем конце всей конструкции. Там располагались пост управления и каюты экипажа — герметичные, комфортабельные, вполне пригодные для жизни и настолько независимые от внешнего мира, что люди могли проводить в них месяцы, не возвращаясь в привычный мир, который они оставили наверху. Однако вспомогательные механизмы были столь велики, что просторное жилье казалось рядом с ними не более чем куриным яйцом, балансирующим на руле велосипеда, — и в каком-то смысле этот образ к конструкции подходил.

Эту чудовищную машину, нареченную ее создателями землечерпалкой «Челленджер, Модель IV», никто, однако, не называл иначе как Ползунок, — несомненно, из-за ее скорости, не превышавшей мили в час. Сейчас Ползунок не полз и вообще не работал, что было к лучшему, поскольку иначе видимость бы полностью отсутствовала — во время работы он поднимал облако мути намного гуще, чем самое лучшее чернильное облако самого большого из когда-либо живших осьминогов. Стены его выдвигались тогда вперед, и вращающиеся буры, каждый величиной с омнибус, вгрызались в океаническое дно, в то время как хлещущие вдоль них потоки воды из гидромониторов буквально взрывали ил и песок донных отложений. Под воздействием воды и буров ложе океана пробуждалось от своего, казалось, вечного сна и вздымалось вверх — в пасть поглотителя землечерпалки, которая всасывала полученную пульпу, и та транспортировалась далеко в сторону, где землечерпалка изрыгала ее, насыпая вдоль своего пути высокие курганы. Вся эта круговерть поднимала облака мельчайших частиц, полностью перекры-

вающих видимость, но проницаемых для специальных приборов. Звуковым волнам все равно, прозрачна вода или нет, и сканер сонара, уловившего отраженный сигнал, покажет на экране все, что происходит в отрываемой выемке впереди. Но сейчас Ползунок наработался; на какое-то время его моторы затихли, рабочие механизмы оторвались от грунта; покинув выемку, он отступил назад.

Теперь на свои позиции вышли другие машины. Был среди них уродливый механизм с воронкообразным хоботом, устлавший гравием дно выемки; однако и эта операция была завершена, и механизм отошел назад. Поднявшийся во время его работы ил осел быстро. Тогда началась последняя операция, та, ради которой и проводились все эти подводные земляные работы. Тяжелая, массивная секция туннеля медленно погружалась вниз, к только что отрытой выемке с ложем из гравия, на котором ей отныне предстояло покоем. Тонны бетона и стальной арматуры ушли на изготовление стофутовой секции, наружная поверхность которой была укутана многослойным защитным покрытием. Сформованная и полностью обработанная еще на суше, она ожидала лишь осторожной транспортировки к месту назначения, чтобы продолжить собою постоянно удлиняющийся туннель. Толстые тросы тянулись от намертво залитых в бетон колец к плывшему сверху буксировочному понтону, по размерам еще большему, чем секция, которая сама, разумеется, не обладала плавучестью. Трубы — по ним когда-нибудь предстояло пойти поездам — были с обеих сторон открыты воде. Массивная и неповоротливая секция висела, медленно смещаясь вперед под действием четырех небольших, напряженно гудящих субмарин, родных сестер той, на которой приплыл Вашингтон. Они обменивались сигналами, притормаживая и вновь разгоняясь, маневрировали, пока не оказались над нужной точкой выемки. Тогда балластные цистерны подводного понтона приняли воду, и он медленно опустился, уложив секцию на подготовленное для нее ложе. С поразительной точностью сработала выравнивающая автоматика стыка, так что, стоило новой секции занять свое место, она точно продолжила собой предыдущую. Субмарины с гудением опустились ниже; носовые манипуляторы охватили гидравлическими захватами края стыка и медленно стиснулись, скрепляя их воедино. Лишь когда

резиновые прокладки сжались до предела, рычаги замерли; тогда по стыку были укреплены запирающие пластины. Другие машины, ползающие, уже дожидались на дне, когда шов охлестнут заливочные формы, чтобы наполнить их специальным раствором застывающего в воде бетона и соединить секции наглухо.

Все шло нормально, как тому и следует быть, машины внизу делали свое дело с усердием муравьев в муравейнике. Однако сам этот порядок увлек мысли Гаса в сторону — к разрушению, к недавней катастрофе, которая на короткое время поставила под угрозу весь проект.

Туннельная секция. Исковерканная ударом, зарывшаяся одним концом глубоко в океанский ил.

Неужели с момента аварии прошло каких-то двадцать четыре часа? Один день. Всего лишь один день. Уцелевшие люди на всю жизнь запомнят мгновение, когда лопнул трос и секция, кувыряясь, начала падать прямо на туннель и на Ползунка. Одна субмарина... один человек оказался в нужном месте в нужный момент и сделал то, что было невозможно сделать. Один-единственный крохотный механизм с отчаянно вращающимся гребным винтом смог удержаться возле секции, оттаскивая ее изо всех силенок с траектории падения в сторону — едва-едва; однако этого «едва» хватило, чтобы спасти туннель и машины внизу. Но и субмарина, и человек заплатили сполна за этот дерзкий поединок с громадной конструкцией, ибо от удара о дно секция раскололась и вздыбилась, словно мстительный молот, и сокрушила пылинку, осмелившуюся вступить с ней в борьбу. Один человек погиб, сохранив этим жизнь другим. Так Алоисиус О'Брайан покрыл свое имя славой. Первая смерть на строительстве — и более честной смерти человеку не пожелаешь, если вообще позволено говорить о том, присуще ли человеку желание смерти. При этой мысли Вашингтон вздохнул: будут смерти, будут наверняка, прежде чем строительство завершится. Рулевой, видя, куда направлен взгляд пассажира, легко угадывал его мысли, словно тот говорил вслух.

— А неплохой был парень, Алоисиус, даром что приехал из Уотерфорда. Из ирландцев получают хорошие подводники, и это не пустая похвальба, — а если кто засомневается, вы только расскажите про него, как он нырнул под тысячетонное надгробие и что

совершил. Да вы не терзайте себя, капитан. Другая секция уже в пути, она заменит ту, подумаешь, опоздает на несколько часов, — но ведь движется же. Дело будет сделано.

— Хорошо бы, если так, О'Тул, хорошо бы.

Очередная секция уже показалась и была хорошо видна на фоне огней внизу. Гас знал, следующая уже ждет своей очереди, висая в темноте поодаль, а последняя движется сюда с максимальной быстротой, какую могут обеспечить буксиры. По его указанию субмарина пошла вдоль выемки, вплотную к двум собранным секциям, отходившим от кессона, которому предстояло когда-нибудь сделаться станцией Грэнд-бэнкс. Глубина здесь не превышала одиннадцати саженей; это позволяло производить выгрузку бута для станции прямо с судов, что значительно облегчало дело. Искусственный остров рос к поверхности, увеличиваясь с приходом каждой баржи, добавлявшей ему щебня и песка. Гас взглянул на часы и показал вперед.

— Давай-ка наверх, — приказал он.

Они всплыли возле стоявшего на якорях плавучего дока; раздался глухой удар магнитного захвата о корпус, и субмарину втащили на ее место. О'Тул, перебросив рычаги, открыл верхний люк, и свежий, привольный ветер океана толкнул своей влажной ладонью Гаса в лицо, когда тот вышел на воздух. Оказалось, что солнце уже успело зайти, пока они находились в глубине океана, и туман, который теплые лучи какое-то время удерживали в бухте, спешил вернуться, словно пробовал наверстать упущенное. Его длинные струи вились над доком, принося с собой внезапную прохладу северного сентябрьского вечера. К субмарине опустили трап, и Гас поднялся наверх, навстречу ожидавшему его моряку; Гас шагнул с трапа, и моряк отдал ему честь.

— Капитан приветствует вас, сэр, и сообщает, что корабль ждет. Мы снимаемся, как только вы будете на борту.

Гас последовал за моряком, зевая так же, как он, — этот длинный день начался задолго до рассвета и был всего лишь одним из бесконечной вереницы точно таких же дней; начало их терялось далеко в прошлом, Гас даже не мог вспомнить, когда оно было — начало. Решив побриться, он заглянул в зеркало и, увидев себя, поразился — на него смотрел чужой человек, с лицом, болезненно бледным от долгого пребывания вдали от

солнца, с темными крутами у глаз от постоянного недосыпания, с проблесками седины на висках от ответственности, слишком большой и слишком долго несомой. Но он никогда ни о чем не жалел; то, что он делал, стоило того, чтобы это делать, — игра стоила свеч. Даже сейчас он сетовал лишь на то, что ночь, за которую хорошо бы выспаться, ему предстояло провести на борту военного корабля «Боадия» — члены экипажа ласково называли его «Старым Костоломом» за ту сноровку, с какой корабль справлялся с бушующими волнами. Это было судно на воздушной подушке, последнее пополнение Королевской Американской береговой охраны, способное делать 50 узлов над самыми неистовыми морями, как и над песками, болотами, твердым грунтом — предмет восхищения таможенника, ужас контрабандиста; на полном ходу оно шло, как шел бы по стиральной доске грузовик без рессор, так что не это место стоило выбирать на ночь, если желаешь выспаться. Но задачей путешествия был не сон, а скорость, — а уж скорость этот необычайный аппарат гарантировать мог. Сам капитан Стокс дожидался наверху сходней; с искренней гостеприимной улыбкой он пожал Вашингтону руку.

— Счастлив видеть вас на борту, капитан Вашингтон, — негромко сказал он Гасу. — Отдать швартовы!!! — гаркнул он матросам на палубе, будто пушка выпалила. — Сводки дают умеренное волнение, так что мы сможем держать пятьдесят пять узлов почти всю ночь. Если море останется таким же спокойным — придем в Бриджхэмптон на рассвете. Какой-то малый из газеты напросился с нами, никак его было не спровадить. Надеюсь, вы не возражаете?

— Никоим образом, капитан. Паблисити — это тоже строительство туннеля, так что, если пресса захочет повидаться со мной, я готов.

Когда они вошли в офицерскую кают-компанию, репортер встал — крепкий, рыжеватый человек в клетчатом пиджаке и котелке, традиционном головном уборе газетчиков. Он был из того нового поколения репортеров, которые шагу не могут ступить без электроники; записывающие устройства, как ранец, висели у него за спиной, микрофон выглядывал из-за одного плеча, линзы фотоаппарата — из-за другого.

— Бьемонт из «Нью-Йорк таймс», капитан Вашингтон. Но за мной весь газетный пул, просто монетка у

меня упала как надо, — ведь только один корреспондент мог ехать с вами. Так что я из Эй-пи, Ю-пи, Рейтер, «Дейли ньюс» и еще много откуда. У меня несколько вопросов...

— На которые я буду более чем счастлив ответить чуть позже. Дело в том, что я никогда не бывал на кораблях этого типа и хотел бы посмотреть, как он отходит.

Судно вот-вот должно было пуститься в путь. Два громадных пропеллера, установленных на кормовых башнях, уже начали вращаться, и швартовы, державшие «Боадицею» у дока, были отданы. Внезапно несущие пропеллеры взревели, создавая подъемный эффект, и громадный аппарат зашевелился, закачался, а затем — самое странное ощущение из всех — прямо пошел вверх. Выше и выше — шесть, восемь, десять футов; он поднимался, пока и впрямь не лег на подушку из воздуха, не имея ни единой точки соприкосновения с поверхностью воды. Несущие пропеллеры превратились теперь в своей вышине просто в серебряные диски, диски с подвижной осью вращения; они повернулись перпендикулярно направлению движения, и аппарат легко скользнул прочь от дока. Пропеллеры повернулись опять, давая теперь полный ход, и мало-помалу «Боадицея», чудо современной техники, превратилась и впрямь в покорительницу вод и понеслась над ними к югу, все быстрее и быстрее уходя в ночь. Но тряска при этом возросла так, что задребезжала посуда на полках в буфете, и Гас с наслаждением устроился на софе, дававшей хотя бы относительный комфорт. Бьемонт сел напротив него и тронул кнопки ручного пульта управления.

— Собираемся ли мы победить, капитан Вашингтон, — вот вопрос, который сегодня у всех на устах. Мы победим?

— Это никогда не было вопросом победы или поражения. Обстоятельствами почти всегда правит случай, так что американская часть туннеля достигнет конечной точки возле станции на шельфе приблизительно в то же время, когда английская часть дойдет до их станции на банке Грейт-соул. Это не гонки. Ситуации различны, даже расстояния различны.

— Вот именно, различны, и именно это делает наши гонки, которые вы не хотите называть гонками, столь

волнующими. Американский туннель втрое длиннее английского.

— Ну, не втрое.

— Но все же, признайтесь, намного длиннее, а построить такой туннель за тот же срок, что и они, — это само по себе победа и источник гордости для всех американцев. Еще большей победой будет, если вы сможете проехать по всей длине американского туннеля и затем прибыть в Лондон так, чтобы сесть на первый поезд, идущий по английскому туннелю. Он уходит с Паддингтонского вокзала менее чем через тридцать часов. Вы еще надеетесь быть на нем?

— У меня есть все основания надеяться.

Судно достигло теперь предельной скорости и, прыгая от волны к волне, колотилось, словно припадочная вагонетка. Бьемонт сглотнул и ослабил воротничок, мелкие бисеринки пота проступили у него на лбу; нежным внутренностям не рекомендуется путешествовать на воздушных подушках. Но, больной или здоровый, он оставался репортером — и напора не ослаблял:

— Угрожает ли нашим шансам на победу крушение одной из секций туннеля?

— Я не хочу, чтобы вы употребляли слова «победа» и «поражение», поскольку, на мой взгляд, они здесь неуместны. Что касается вашего вопроса, то — нет, это не изменит ситуацию сколько-либо значительно. Секции изготовлялись с избытком на случай выявления дефектов во время сборки. Последняя секция сейчас в пути и будет поставлена в течение ночи.

— Нет ли у вас желания как-то прокомментировать тот факт, что мистер Дж. И. Гувер из лонг-айлендского отдела Колониального бюро расследований полагает, будто здесь имела место диверсия? Он уже арестовал кого-то...

— У меня нет никаких комментариев, поскольку я знаю об этом столько же, сколько вы.

Гас говорил нарочито бесстрастно, стараясь даже голосом не намекнуть на то, что это была не первая попытка диверсии. Репортер начал теперь слегка зеленеть, этот оттенок сделал черты его лица еще более интересными; он ничего не заметил. Тем не менее он настойчиво продолжал задавать вопросы, хотя глаза его все больше стекленели и голос явно охрип.

— После аварии букмекерские ставки на вас упали с пяти до трех за равные деньги. Волнует ли вас вообще

то, что громадные суммы поставлены на ваш своевременный приезд в Лондон?

— Ни в малейшей степени. Среди моих пороков нет любви к азартным играм.

— Не расскажете ли вы, каковы ваши пороки?

— Один из них — это не отвечать на подобные вопросы.

Оба улыбнулись этой легкой пикировке, хотя улыбка Бьемонта была несколько принужденной, замороженной. Теперь он определенно позеленел и говорил с трудом, поскольку «Боадичея» атаковала соленые громады волн с неослабевающей энергией.

— Если снова серьезно... не объяснили бы вы... значение этих станций... в океане... для туннеля?

— Разумеется. Если вы представите себе трехмерную карту мира без воды в океанах, вы увидите, как мелки — сравнительно, конечно, — моря, омывающие Британские острова и Северную Америку. Здесь мы имеем континентальный шельф, мелководье, простирающееся вдоль нашего берега до Канады и затем к острову Ньюфаундленд до отмели Грэнд-бэнкс, граничащей с абиссальной равниной. Начинающиеся здесь подводные горные склоны более отвесны, более скалисты, более изрезаны, нежели любые горные цепи на суше. Вы видели искусственный остров, на котором будет в будущем станция Грэнд-бэнкс. Она расположена на глубине 66 футов. Сразу за нею дно резко уходит вниз на глубину более пятнадцати тысяч футов, то есть на три мили. Британская Отметка 200 на отмели Грэйт-соул находится на глубине 42 фута и тоже на краю трехмильного склона. Эти две станции отмечают границы наших операций на мелководье, с их внешней стороны мы будем использовать другой тип туннелей и другой тип поездов. Следовательно, здесь должны быть построены пересадочные станции, а также...

Он не закончил, так как репортера уже не было — с придушенным хрипом, зажав рот ладонью, он выскочил из комнаты. Для Гаса всегда было несколько странно, почему люди ведут себя столь неподобающим образом, — хотя он знал, что по большей части они ведут себя именно так; сам он обладал железной конституцией, никогда не подводившей его ни при каких обстоятельствах. Но перерыв случился вовремя, он давал Гасу возможность немного отдохнуть. Он нашел капитана на мостике; после короткой, но полезной беседы,

касающейся конструктивных особенностей их не имевшего аналогов в прошлом судна, капитан предложил гостю свою каюту. Койка здесь оказалась весьма удобной, и Гас мгновенно провалился в глубокий, но отнюдь не безмятежный сон. Полностью отключиться не удалось; и глаза Вашингтона уже были открыты, когда посыльный принес закрытый сосуд, напоминавший чашку с носиком наверху.

— Кофе, сэр, только что из термоса, с сахаром и сливками, как, надеюсь, вы любите. Потяните ртом сверху, этот клапан не дает кофе разбрызгаться. Совсем легко, если приноровиться.

Действительно, пить было легко, да и кофе оказался хорош. Умывшись и наскоро побрившись, Гас почувствовал себя значительно лучше и поднялся на мостик. Приближающийся рассвет набросил золотое покрывало на море за кормой, а впереди еще царила ночь, хотя звезды уже пропадали и низкий контур Лонг-Айленда был ясно виден. Маяк на мысе Монток приветливо мигал, и через несколько минут его башня четко прорисовалась на фоне светлеющего неба. Капитан, не покидавший мостик всю ночь, пожелал Вашингтону доброго утра и затем передал ему листок бумаги.

— Мы получили это по радио несколько минут назад.

Гас развернул и прочел.

КАПИТАНУ Г. ВАШИНГТОНУ БОРТ КОРАБЛЯ КОРОЛЕВСКИХ ВМС БОАДИЦЕЯ.

ПОСЛЕДНЯЯ СЕКЦИЯ УСТАНОВЛЕНА ГЕРМЕТИЗАЦИЯ ИДЕТ ПО ПЛАНУ ПОГРЕШНОСТЬ ВОСЕМЬ ФУТОВ ГАУЭН СОЕДИНЯЕТ ВСЕ ЗЕЛЕНЕ

САППЕР

— Боюсь, радист напутал, — сказал капитан Стокс. — Но текст был передан дважды, и радист говорит, все правильно.

— Конечно, правильно, лучших известий и быть не может. Все секции туннеля на местах, и сейчас идет герметизация, которая сделает их водонепроницаемыми по всей длине. Как вы, без сомнения, знаете, часть туннеля идет назад от станции Грэнд-бэнкс навстречу другой части. Ориентироваться на дне океана — дело не простое, к тому же мы предполагали, что к моменту встречи может возникнуть определенное отклонение.

Мы можем производить различные операции с туннельными секциями под водой, но не в состоянии делать их короче. Погрешность при соединении оказалась восемь футов, практически точно такая, как мы рассчитывали. Сейчас идет заливка раствора в зазор. Раствор будет зафиксирован агрегатами Гауэна — они заморозят его жидким азотом до полного отвердения, а затем мы просверлим эту пробку насквозь. Все идет по плану.

Увлечшись рассказом, Гас не обращал внимания на то, что все, кто находился на мостике, — рулевой, матросы, офицеры — внимательно прислушиваются к его словам; но он не мог не заметить этого, когда у всех вырвались радостные крики.

— Тихо! — рявкнул капитан. — Вы ведете себя как стадо новобранцев, а не как моряки, — однако проговорил он это с улыбкой, поскольку разделял чувства остальных. — Вы подрываете дисциплину на моем корабле, капитан Вашингтон, но в данном случае я не возражаю. Хотя мы служим в Королевской береговой охране и преданы королеве не меньше других, мы все же американцы. То, что вы сделали и продолжаете делать с этим вашим туннелем, объединяет нас и больше, чем что-либо другое, напоминает нам о том, что мы жители именно этой страны. Великий день. Мы за вас на все сто.

Гас крепко пожал его руку.

— Этих слов я не забуду никогда, капитан. Они значат для меня больше, чем любые награды и почести. То, что я делаю — я делаю для этой страны, для ее осознания себя. Мне не нужно ничего иного.

Они уже входили во внешнюю бухту у Бриджхэмптона; скорость падала, и водяная пыль уже не вздымалась по всему пространству вокруг них. Сонный маленький городок близ оконечности Лонг-Айленда совершенно переменился за годы, прошедшие с начала строительства туннеля, поскольку здесь располагалась конечная станция американской части великой стройки. Несколько домиков с белыми оконными рамами, принадлежавшие прежним жителям, еще уцелели на берегу, но большинство их было проглочено доками, стапелями, верфями, сборочными цехами, складами, сортировочными станциями, конторами, бараками, подсобными зданиями; шум и суета затопили город. «Боадицея» направилась прямо к прибрежному пляжу, про-

шла над полосой прибоя, скользнула на песок и здесь наконец остановилась. Едва осел вихрь поднятых в воздух песчинок, плотную поверхность пляжа пересекла полицейская машина. Водитель открыл дверцу и козырнул спускающемуся с трапа Вашингтону.

— Мне велено встретить вас, сэр. Спецпоезд ждет.

Да, он ждал; как и восторженная толпа очень рано вставших людей — вернее, не вставших, а даже не ложившихся, потому что большинство из них, похоже, провело здесь холодную ночь, не смыкая глаз, греясь у остывших теперь костров и ловя каждое слово о передвижениях Вашингтона, которое просачивалось из штаба строительства. Они были на его стороне, он был их кумиром, и потому, когда он появился, общая радость достигла уровня лихорадочного возбуждения; толпа с гулом заволновалась, забурлила, все разом хотели оказаться поближе. На высокой, украшенной всевозможными флажками эстраде группа краснолицых оркестрантов наигрывала что-то громкое, но было не разобрать что, ибо музыка тонула без следа в океане громовых оваций. Каждый хотел поприветствовать Вашингтона, пожать ему руку, коснуться его одежды, оказаться хоть как-то причастным к славе героя дня. Полиция не могла воспрепятствовать; а вот бригада землекопов — смогла; они окружили Вашингтона несокрушимым кольцом своих тел и сапог и протаранили дорогу к ждущему поезду. Проходя мимо трибуны, задержались. Вашингтон поднялся, быстро пожал руки стоявшим там сановникам в шелковых головных уборах и помахал толпе рукой. В ответ она загремела еще сильнее, а потом вдруг почти затихла, и его слова долетели до всех:

— Спасибо вам. Сегодня — день Америки. Теперь я должен ехать.

Кратко, но корректно, — и вот он уже снова на пути к поезду, а там сильная бронзовая рука протянулась вниз и почти втащила его в единственный прицепленный к электровозу вагон. Не успела нога Гаса коснуться ступени, как поезд начал двигаться, быстро набирая скорость и грохоча на стрелках; и вот он нырнул в черное отверстие, обрамленное гордыми словами «Трансатлантический туннель».

Гас не успел усесться как следует, как та же самая бронзовая рука-поднимальщица, превратившись теперь

в руку-подавальщицу, извлекла бутылку пива, открыла ее и ткнула горлышком, из которого лезла пена, в сторону Вашингтона. Говядина с пивом были основой жизни землекопов, и Гас давным-давно привык к подобным трапезам в любое время дня и ночи, так что теперь он взял бутылку с видом, словно разговестись этим солодовым напитком было для него обычным делом, — не раз оно действительно бывало так; он поднес бутылку к губам. Владелец бронзовой руки держал другую бутылку наготове и, тут же подняв ее, ополовинил одним глотком, а затем удовлетворенно вздохнул.

Саппер Кукурузник из племени онейда, народа ирокезов, начальник смены землекопов в туннеле, верный друг. Он представлял собою почти семь футов обтянутых медной кожей костей, сухожилий и мускулов, черноволосый, черноглазый, не скорый на гнев, — но во гневе превращавшийся в неумолимую колесницу справедливости с кулаками, огромными, как вирджинский окорок, и тяжелыми, как гранит. Золотое кольцо с подвеской из лосинового зуба свисало с его правого уха, и сейчас он крутил его пальцами, значит, думал — он всегда крутил его, когда ему нужно было сосредоточиться. Кручение подвешенного на ниточке лосинового зуба, согласно рецептам какой-то тайной магии, свивало мысли в пригодную для работы связку; когда они как следует притирались друг к другу и становились легко управляемыми, возникал результат.

— Вы скроили всю операцию очень точно, капитан.

— К этому заключению я пришел самостоятельно, Саппер. У тебя есть какие-то причины думать, что я с ним поспешил?

— Никаких — за исключением того, что у вас нет ни малейшего упреждения, ни малейшего люфта в расписании на случай чего-то непредвиденного, — а я могу напомнить вам, что непредвиденное туннельщики всегда должны брать в расчет. Туннельные секции — на местах, герметизирующий стыки раствор — заливается, все так хорошо, как только может быть. Последние пять секций еще заполнены водой, поскольку нужно несколько часов, чтобы загерметизировать сочленения. Как вы и приказали. Хотите, я позвоню и велю начать откачку?

— Ни в коем случае. Нам нужно столько времени, сколько необходимо для застывания раствора, и ни

секундой меньше. Удостоверься только, что все готово к работе. Теперь, как насчет транспорта на станции?

— Геликоптер Королевских ВВС уже там, запарвлен, стоит наготове. Так же как и «Веллингтон» в Гандере. Они протащат вас через что угодно, пока Великий Дух осыпает вас своими благодеяниями. Однако существует вероятность, что Он осыплет вас не только благодеяниями. В Атлантике циклон — ветер девять баллов и снег. Двигается к Ньюфаундленду и, похоже, сулит массу больших неприятностей.

— Я буду там раньше.

— Я выпью за это, — и, будучи надежным человеком не только на словах, он извлек из стоящего под сиденьем кейса еще две бутылки пива «Ситтинг Булл»*.

Постоянно наращивая скорость, поезд мчался в глубину темного туннеля на дне Атлантики, повторяя под морем тот путь, который «Боадия» недавно проделала над ним. Но здесь, вдали от непогоды и капризов ветров и волн, на дороге, выглаженной бесчисленными техническими ухищрениями человека, могла быть достигнута скорость, о которой там, на поверхности океана, не приходилось и мечтать. Через несколько минут поезд летел в грохочущей темноте со скоростью, вдвое превышавшей ту, которая была доступна снаружи, так что еще каких-то две бутылки пива, каких-то два часа пути, дружеский обед из говядины с картофелем, приготовленный на импровизированной кухне — паяльная лампа и железная кружка, — и они начали сбрасывать скорость перед конечной остановкой.

Она была и впрямь конечной — машинист, зная об экстренности ситуации и всей душой стремясь помочь, затормозил так, что передние колеса лишь нескольких дюймов не добрали до конца колеи. В считанные секунды Вашингтон и Саппер спрыгнули вниз и влезли в электрофургон, чтобы уже на нем проделать короткое путешествие в рабочую зону. Размытые пятна огней замелькали у них над головами, а спереди стремительно надвигался герметичный конец туннеля.

— Лучше надеть эти сапоги, — сказал Саппер, протягивая пару сапог, закрывающих бедра. — Перед тем как станет сухо, станет мокро.

* С и т т и н г Б у л л (Сидящий Бизон) — знаменитый индейский вождь, предводитель племени дакота-сиу во второй половине XIX века.

Фургон остановился, а Вашингтон еще натягивал сапоги; когда он прыгнул, Саппер уже находился возле необычного устройства, стоявшего близ одной из стен туннеля. Пока он, нажимая какие-то рычаги и поглядывая на циферблаты, настраивал устройство, фургон дал задний ход и умчался прочь. Гас подошел к небольшой группе землекопов, которые тепло с ним поздоровались, и он им ответил тем же, каждого называя по имени. Саппер крикнул им, прося помощи; они подкатали машину ближе к стене туннеля и оттащили подальше толстый электрический кабель.

— Готово, капитан. Слово за вами.

— Зажигай.

Когда начальник смены переключил рубильник, тонкий луч пылающего рубинового света выхлестнул из лазера и впился в ржавую стальную панель, запиравшую конец туннеля. То, что это был не обычный свет, стало ясно, когда металл засветился, а потом начал плавиться и потек.

— Встаньте все с одной стороны, — приказал Вашингтон. — Туннель впереди тоже отрезан от океана, но все еще полон воды, находящейся под большим давлением. Когда лазер пробьет отверстие, мы получим...

Реальность опередила его слова. Интенсивный пучок когерентного света пронзил толстую сталь щита, и через мгновение струя воды в палец толщиной, шипящая, будто сотня демонов, и твердая, как стальной прут, выстрелила в глубину туннеля под таким давлением, что лишь в сотне футов от отверстия начала рассыпаться на брызги и падать. Саппер тем временем не ленился; направляемый им луч резал круг металла в верхней части щита. Громадное давление с той стороны изогнуло и выдавило твердую сталь, и столб освобожденной воды с оглушительным ревом пролетел мимо землекопов. Теперь в туннеле стало промозгло и сыро; холодная вода испарялась, поднялся густой туман, сквозь который смутно проглядывали предметы. Но пылающий луч продолжал свое дело, вырезая продолговатое отверстие в центре щита, которое было продолжено вниз, едва уровень воды начал падать. Когда он достиг средней отметки на щите, Вашингтон по радиотелефону связался со станцией Грэнд-бэнкс. Хотя до нее было не более десятой части мили, прямой разговор был невозможен; голос Вашингтона сначала шел по телефонному проводу

назад в Бриджхэмптон, а затем по радио летел через океан.

— Открывайте, — приказал Вашингтон. — Вода уже достаточно низко, и все держится.

— Много работы помпам, — сказал Саппер, мрачно поглядывая на достигавшую лодыжек темную воду; нужно было откачивать ее на целых восемьдесят миль назад, до ближайшего искусственного острова, имевшего вентиляционную шахту.

— Не утонем, — таков был единственный полученный им ответ, после которого, видно, всерьез задумавшись, так ли это, он некоторое время крутил лосиный зуб на серье. Одновременно он продолжал управляться с лазером, пока не довел отверстие до уровня хлещущей по ногам воды; коснувшись поверхности, луч окутался паром и зашипел. Только тогда отверстие стало настолько большим, чтобы в него мог пролезть человек.

— Ниже она теперь не скоро станет, — проговорил Гас, глядя, как холодная вода едва не подступает к его поясу. — Пошли.

Вплотную друг к другу они протиснулись в отверстие, с усилием преодолевая водоворот по ту сторону щита. Вашингтон вел. Через какую-то секунду они вымокли до нитки, через две секунды — промерзли до костей, но не слышно было ни единого недовольного слова. Подсвечивая себе мощными электрическими светильниками, они шли — и если и говорили, то лишь о состоянии туннеля. Стыки герметичны, фильтрация отсутствует, работа практически сделана, первая часть туннеля, в сущности, завершена. Единственным препятствием на их пути оставалось теперь только восемь футов замороженного грунта, образовавшего гигантскую пробку, которая затыкала конец туннеля и соединяла его с другой его частью. Все землекопы несли с собой лопаты, и теперь пришла пора пустить их в дело, поскольку, когда в просвет между частями туннеля накачивали жидкий грунт, частично он растекся по низу трубы и избежал замораживания. Землекопы яростно принялись за работу; руки двигались, как поршни, не произносилось ни слова — перед решительной атакой им пришлось буквально прогрызать себе путь в мокрой грязи, откидывая ее в сторону, и так до конца. На ледяной, покрытой инеем поверхности пробки лопаты не могли и следа оставить, но, когда они добрались до

нее, уже слышался непрерывный скрежет; а затем — взрыв, фонтан осколков, и острие сверкающего, крутящегося бура толчком вылезло из твердой поверхности.

— Просверлили! — воскликнул Саппер и издал исполненный энергии боевой клич, который подхватили остальные.

Когда сверло было втянуто назад, Гас подобрался к скважине и крикнул в нее, уже видя свет с той стороны; прижав ухо к отверстию, он смог расслышать ответные голоса.

— Просверлили, — повторил он, и глаза его, еще недавно темные от тревоги, засветились.

Теперь землекопы стояли, опираясь на свои лопаты и болтая, как кумушки, а тем временем машина и люди на той стороне уже расширяли отверстие с нескольких дюймов сначала до фута, потом до двух...

— Достаточно! — крикнул Саппер через канал, пробитый в замороженном грунте. — Теперь давайте трос.

Мгновением позже в отверстие высунулся конец веревки, его ухватили и завязали жесткой петлей. Вашингтон опустил ее на плечи, как следует закрепил под мышками и, наклонившись, сунул голову в отверстие. Люди с той стороны, увидев его, вновь разразились приветственными криками; еще продолжая кричать, они плавно и сильно потянули за веревку, и Гас заскользил вперед, ушибаясь о неровности, цепляясь одеждой, царапая кожу, пока не очутился на той стороне — весь багровый, едва дыша, но — на той. Множество рук ухватило его и буквально подняло в дожидавшийся электрокар, который немедленно рванулся вперед. Гас с трудом успел освободиться от веревки, а они уже остановились; он прыгнул в подъемник. Тот, едва приняв пассажира, с лязгом пошел по шахте вверх — и очутился под дневным небом Грэнд-бэнкс, еще полным солнечного света, но мутным и обещающим дождь. Окончательно запыхавшись, как и сопровождавшие его служащие, на ходу счищающие с него грязь, он побежал к странному механизму, ждавшему его прибытия.

Одно дело собирать сведения, читая описания и разглядывая фотографии, обманывать себя, будто можно иметь представление о предмете, никогда не видев его воочию, и совсем другое — увидеть этот предмет во всей его полноте и осознать, что между первым и вторым — пропасть. Гас читал достаточно, чтобы пребывать в убеждении, будто знает, что такое вертолет;

внезапное осознание своей ошибки заставило его вздрогнуть и почти потерять равновесие на бегу. Тогда он перешел на быстрый шаг — и приблизился к громадной машине с видом, выразившим нечто большее, чем просто благоговение.

Во-первых, машина была много больше, чем он воображал, — размером с двухэтажный лондонский омнибус, поставленный на попу. Яйцевидный или, точнее, столь же овальный, сколь любое произведение куриной природы, установленный широким концом вниз, в то время как узкий возносился высоко вверх, он, казалось, на корточках сидел на своих трех искривленных лапах, высунутых сейчас из туловища, но в полете способных убираться в хитроумно придуманные ниши по сторонам корпуса. Верхняя треть яйца была прозрачной, а на самой макушке стеклянного купола высывалась вверх металлическая ось, несущая два широких четырехлопастных винта, расположенных один над другим и разделенных вздутием на оси. У Гаса было лишь мгновение, чтобы впитать все эти детали, — дверца в куполе резко открылась, и веревочная лестница, раскачиваясь, шлепнулась к его ногам; в отверстие просунулась голова человека, который ободряюще произнес:

— Если вы сядете ко мне, сэр, то мы взлетим.

И загудел себе под нос веселую песенку с тем особым произношением, которое сразу наводило на мысль о Марионете или Кэрнарвоне *. И поэтому, когда Гас поднялся на уровень дверцы, он вовсе не удивился, увидев темные волосы и светлую форму офицера Королевских ВВС; пилот представился как лейтенант Джонс.

— Сюда, сэр. Вот пристежные ремни, сэр.

Еще не закончив фразу, еще до того даже, как Гас успел усесться во второе кресло этой небольшой кабины, Джонс запорхал пальцами над пультом, запуская громадный летательный аппарат. Где-то под ногами возник свистящий рокот; быстро нарастая, он превратился в басовитый глухой рев, и тогда длиннолопастные винты очнулись и заворачивались в противоположных направлениях. Вскоре они стали не более чем двумя тускло мерцающими дисками, и, по мере того как они все стремительнее молотили воздух, вертолет начал подрагивать, потом затрясся, как просыпающийся

* Марионет и Кэрнарвон — графства в северном и северо-западном Уэльсе.

зверь, — а затем прыгнул вверх. Нажатием кнопки Джонс убрал опорные лапы, а крохотный искусственный островок тем временем проваливался вниз, таял — и вскоре, куда ни падал взгляд, был один только океан.

— Вы сами инженер, капитан Вашингтон, и вы по достоинству можете оценить такую машину, как эта. Наша турбина развивает мощность в две тысячи лошадиных сил, и все идет на эти два противонаправленных ротора, так что мы можем давать скорость до двухсот семнадцати миль в час. Ориентируемся по радиомаякам. Как раз сейчас мы зацепились за сигнал из Гандера, и теперь все, что от меня требуется, — это держать вот эту стрелку вот в этом положении, тогда мы прямо попадем на место.

— А горючее?

— Сжиженный бутан. Очень калорийное.

— Да, верно.

Через несколько минут показалось побережье острова Ньюфаундленд; город Сент-Джонс плавно проплыл под ними. Их путь лежал вдоль берега, над бахромой бесчисленных заливов. Джонс взглянул на открывавшийся внизу вид, затем снова на пульт, и его рука потянулась к переключателю.

— Первый бак почти что выгорел, я переключаюсь на второй.

Он тронул переключатель — турбина прерывисто загрохотала и умолкла.

— Ну, я смотрю, тут что-то не так, — сказал Джонс, слегка нахмурившись. — Но вы не беспокойтесь. Я могу переключиться на бак три.

Что он и сделал, и тем не менее двигатель остался безмолвным.

Они начали падать.

— Ну, ну, бак четыре!

Но и тот держал машину в полете не лучше, чем предыдущие.

— Нет, мы не можем разбиться! Ба! Как ветряк спланируем и приземлимся!

— Приводнимся, — сказал Гас, указывая на океан.

— Верное замечание. Но в первом баке осталось достаточно горючего, чтобы дотянуть до берега.

Летчика явно приободрили его же собственные слова, действительно, они оказались первым правильным предсказанием, сделанным им за последнее время; стоило ему переключиться на первый бак, турбина сразу

оживленно взревела и вертолет упруго пошел вверх. Изменив курс на кратчайший до берега, Джонс легонько пощелкал по циферблатам над переключателями, потом покачал головой.

— Показывают, что все баки полны. Не понимаю.

— Могу я просить вас связаться по радио с базой в Гандере и сообщить о нашем положении?

— Это была бы прекрасная мысль, сэр, если бы я мог. Нет у нас радио. Экспериментальный аппарат, знаете ли. Но вон там, по ту сторону поля, уверен, — ферма, наверное, там есть телефон. Мы установим связь.

Словно бросая вызов его словам, турбина закашлялась и остановилась, поступательный полет сменился плавным снижением. Джонс проворно выпустил опорные лапы, и едва они успели выйти из пазов, аппарат коснулся земли посреди вспаханного поля. Пилот, не мешкая, открыл люк в полу кабины и нырнул в лабиринт механизмов нижнего отсека.

— Очень интересно, — сказал он, постукивая гаечным ключом по цилиндрическим бакам под собой. — Они пустые. Все.

— Действительно интересно, и я сообщу о нашем интересном положении, если обнаружу на ферме телефон.

Рукоятку дверцы найти было легко. Гас открыл дверцу, сбросил наружу веревочную лестницу и начал спускаться по ней едва ли не раньше, чем нижний конец ее коснулся земли. Быстрым шагом Гас пошел поперек поля, срезая угол в направлении группы деревьев, за которыми пряталась ферма, потом побежал по жнивью изо всех сил, но мысли его бежали еще быстрее — мысли о тех немногих часах, остающихся до лондонского поезда, о том, что часы эти тают, и темнеющее небо было страшным тому подтверждением. В десять пополудни поезд уйдет, а он — бегаёт здесь, на другой стороне Атлантики, вечером накануне, хотя бег — не лучший способ, чтобы пересекать океаны. Впервые он ясно почувствовал, что может не успеть, что все усилия могут оказаться напрасными, — но все равно бежал. «Оставить борьбу» — таких слов он не знал.

Проселочная дорога, деревянная изгородь, и наконец деревья нехотя расступились, открыв взору деревянный фермерский домик. Дверь закрыта, ни души, ставни опущены. Брошена? Не может быть! Он громко молотил в дверь кулаком, снова и снова, и уже совсем было потерял надежду, когда внутри лязгнула засов и

приоткрылась щель, в которой показался недоверчивый глаз на еще более недоверчивом лице, упакованном в окладистую, поседелую и, если можно назвать бороду недоверчивой, чрезвычайно недоверчивую бороду.

— Чего? — подозрительно пробурчал недоверчивый голос. И все.

— Меня зовут Вашингтон, сэр, и я в беде. Мой летательный аппарат совершил на вашем поле вынужденную посадку, и мне крайне необходимо воспользоваться вашим телефоном. Вы получите компенсацию.

— Нет тут телефона, — дверь закрылась куда быстрее, чем открывалась.

Вашингтон тут же принялся дубасить в нее; наконец она неохотно открылась во второй раз.

— Может быть, вы укажете мне дорогу к соседу, у которого...

— Нет тут соседей.

— Или к городу, в котором...

— Нет тут городов.

— В таком случае, может, вы позволите мне войти в дом, чтобы обсудить, где я могу найти телефон?! — гаркнул Вашингтон голосом, привыкшим, перекрывая грохот работ, отдавать приказы.

Где не помогли хорошие манеры, помогла неприкрытая команда — дверь, хоть и с прежней неохотой, растворилась шире, и Гас вслед за хозяином затопал внутрь. Они вошли в скромную кухню, освещенную тлеющими желтыми огнями, и Вашингтон принялся ходить по ней взад и вперед, крепко сцепив руки за спиной и пытаясь с помощью упрямого дикаря определить, какой будет его следующий шаг. Добрых пять минут ушло на то, чтобы выпытать тщательно скрываемую информацию: в разумный промежуток времени ничего сделать нельзя. Ближайший город? Очень далеко. Соседи? Не существуют. Самый быстрый транспорт? Гужевой.

— Значит, ничего не выйдет. Я пропал.

С этими грустными словами Гас крепко ударил кулаком в ладонь, а затем поднес руку с часами к лампе, чтобы узнать время. Шесть вечера. Ему вот-вот нужно быть на авиабазе, садиться в реактивный «Супер-Веллингтон» и лететь в Англию, — а не торчать на этой доисторической кухне. Сейчас шесть, в одиннадцать вечера — в Лондоне, и поезд отходит в девять утра. Огонь затрепетал вновь; Гас медленно поднял взгляд на

абажур, на прозрачный шар с яркой и горячей калильной сеткой внутри.

— Что... это... за свет? — спросил он, боясь поверить.

— Газ, — неохотно ответил хозяин.

— Какой газ?

— В баке. Грузовик приходит и заряжает.

Луч надежды зажегся у Гаса в глазах, когда он повернулся к хозяину снова.

— Пропан? Может это быть пропан? Слышали ли вы это слово, сэр?

Сам не свой от нежелания говорить хоть что-то определенное, фермер все же вынужден был признать:

— Что-то вроде.

— Это он, потому что пропан — единственный применимый на севере вид сжиженного газа, бутан при низких температурах не испаряется. Это обнадеживает... Я хочу приобрести этот бак и арендовать вашу повозку с лошастью, чтобы перевезти его ко мне. Что вы на это скажете, сэр?

— Нет.

— Я заплачу вам сто долларов.

— Ну и что?

— Я заплачу двести.

— Дайте глянуть.

Гас немедленно вынул бумажник; банкноты шлепнулись на стол. Голова и борода качнулись с совершеннейшей определенностью: нет.

— Колониальные бумажки. Я такие не беру. Канадские зеленухи или стерлинги, выбирайте.

— У меня нет ни тех ни других.

— Ну и не продам.

Гас не собирался ни уступать, ни капитулировать перед этим замшелым хлебобобом; человек, который покорил океан, не мог признать, что потерпел поражение от мирного аборигена пашен.

— Тогда давайте меняться.

— Что даете?

— Вот это, — одним движением Гас отстегнул с руки часы и со значением поводил ими перед лицом собеседника. — Стоят двести тридцать семь долларов, водонепроницаемые, четыре стрелки, семь кнопок...

— Беру часы.

— ...противоударные, самозаводящиеся, показывают день недели и число месяца, отбивают время, если вот эту кнопочку нажать, — крохотный колокольчик прозвонил шесть раз, — имеется микрорадио, постоянно настроенное на государственную синоптическую станцию, которая даст прогноз, если вот эту кнопочку нажать...

— «...малым аппаратам запретительное предупреждение — снег и ветер штормовой силы...»

Гас будто и не слышал сводку. Стоял в тишине, протягивая обладающие такой массой полезных достоинств часы, пока узловатая, натруженная рука не поднялась с величайшей нерешительностью и не коснулась их, благоговейно трепеща.

— Вот это сделка!

Потом был грубый надсадный труд, который несколько заглушил боль и ярость от бессильного ожидания, — борьба с тяжелым баком при свете керосинового фонаря, погрузка на телегу; потом запрягали упрямую скотину, как-то выбрались на дорогу, дальше что было сил толкали свое хозяйство через вспаханное поле к ярко освещенному вертолету, где поджидавший Джонс, стоило его окликнуть, сразу высунул голову из открытого люка.

— Нашел неисправность, сэр. Все очень странно, ведь я сам заполнял баки. Теперь они пусты, а индикаторы каким-то образом поломались так, что могут показывать только предельное заполнение. Это может быть лишь...

— Диверсия. Но у меня тут есть кое-что взамен. Пропан — возможно, его хватит до базы в Гандере.

Было делом нескольких секунд открыть крышки моторного отсека и обнажить громоздкие топливные баки вертолета. Джонс, плюнув на ладони, взялся за ящик с инструментами.

— Нам придется вытащить их, потому что перелить горючее невозможно. Если вы возьметесь за верхнюю garnитуру, я возьму на себя зажимы внизу, и тогда мы его снимем быстрее, чем вы успеете сказать «Росла-нэргчруго».

Работали споро; металл звенел о металл, и кроме этого не было иных звуков — разве лишь редкие приглушенные ругательства, когда гаечный ключ срывался и в кровь сдираал кожу с костяшек пальцев. Наконец баки были освобождены и вывалены на землю, после

чего, надсаживаясь еще пуще, они взгромоздили привезенный Вашингтоном бак на освободившееся место.

— Грузовик вернет вам бак и заберет эти, — сказал Джонс и получил в ответ неохотный кивок.

Новый бак пришлось закрепить ремнями. Потом возникли сложности при присоединении фитинга к его клапану. Но в течение часа работа была сделана, последние гайки затянуты, металлические крышки возвращены на места. Пока шла работа, ветер усилился, а скоро и первые хлопья снега замелькали в лучах фонаря. Гас заметил их, но смолчал; пилот работал так быстро, как только мог, — но Гас все же кинул взгляд на свое запястье, и лишь тогда вспомнил, что часов уже нет. Наверняка еще было время. По слухам, новый реактивный «Веллингтон» мог дать более 600 миль в час. Должно быть еще время. Затем работа и впрямь закончилась, последние задвижки задвинуты, последняя проверка проведена. Они поднялись по лестнице, свернули ее; щелкнул переключатель, и громадная машина задрожала и заревела, вновь возвращаясь к жизни. Джонс зажег посадочные огни, и в их мощном сиянии стало видно, что снег повалил гуще, что перепуганная лошадь лягает копытами повозку, потом в панике пропадает с глаз, что фермер гонится за ней с криком; а винты вращались — быстрее, быстрее, пока вертолет не рванулся вверх, прочь, в ослепляющий шторм.

— Приборы в порядке, — сказал Джонс со спокойной уверенностью. — Здесь нет ничего выше пятисот футов, ровное поле и мы, так что я буду держаться на тысяче, незачем попусту жечь горючее, залезая выше. Идти по лучу, поглядывать на альтиметр — и с этим все.

С этим было не все, ибо погода ухудшалась с каждой минутой и с каждой милей, пока наконец ураган не закрутил огромную тушу вертолета, как сухой лист. Только мастерство и молниеносная реакция пилота позволяли им выдерживать курс; несмотря на внешнее спокойствие Джонса, промокший воротничок рубашки неопровержимо свидетельствовал, что работа была не из легких. Гас молчал, плотно держась за подлокотники кресла, глядя на вихри снега, крутящиеся в золотых конусах света фар, и старался не думать о минутах, которые улетали так быстро. Время еще было, время должно было быть.

— Посмотрите, посмотрите-ка сюда! — радостно крикнул Джонс и, уловив момент, показал на шкалу радиомаяка; стрелка кружилась, будто обезумев.

— Сломан!

— Вовсе нет! Это значит только, что мы над маяком, над аэродромом. Держитесь крепче, я иду вниз.

И он действительно пошел вниз — камнем к невидимой земле; а стрелка альтиметра моталась из стороны в сторону, и снег валил стеной.

— Вы что-нибудь видите, капитан?

— Снег, только снег и тьма... стоп... момент... есть! По левому борту какие-то огни, и еще... больше... под нами!

— Гандер! Ребята пришли нам на помощь — и очень вовремя. Сидите крепче, сейчас не лучшая погода для маневрирования.

И все же он сманеврировал. Падение, стремительная работа с рычагами и дросселем, которая не дала им упасть, медленное снижение, затем снова падение — и дребезжащий, глухой удар; они приземлились, и двигатель замер, когда дроссель наконец был полностью закрыт.

— Я никогда не забуду того, что вы сделали, Джонс, — сказал Вашингтон, горячо пожимая руку пилоту.

— Обычная служба в ВВС, капитан. Рад был встретиться с вами. Теперь вы победите.

Победит ли? После короткой пробежки сквозь буран в тихую гавань отапливаемого помещения и успешного знакомства с офицерами Вашингтон ощутил общую неловкость; люди избегали смотреть ему в глаза.

— Что-то не так? — спросил он начальствовавшего над базой командира авиабазы.

— Боюсь, что да, сэр. Я сомневался бы по поводу возможности взлета в такой ураган, но это, в принципе, возможно, и взлетную полосу сейчас можно очистить от снега, тут нет проблем. Но дело в том, что ветер, — а он при порывах достигает сотни миль в час, — подбросил «Веллингтон» и повредил его шасси. Ремонт ведется, но не думаю, что он будет закончен до полуночи, это самое раннее. И мы все-таки успели бы в Лондон в срок, но, если ураган не ослабеет, — а метеорологи говорят, что нет, — ко времени завершения ремонта взлетная полоса будет совершенно забита снегом. Тако-

вы обстоятельства, сэр, и я от всей души прошу у вас прощения.

Гас что-то говорил в ответ — сам не зная что; потом с благодарностью взял предложенную ему кружку дымящегося чая. Он заглянул в нее — и увидел крушение, и испытал бездну отчаяния. Летчики чувствовали его состояние и старались занять себя хоть чем-нибудь, чтобы оставить Вашингтона наедине с собой. Это был страшный удар! Так близка была победа, так много было затрачено усилий, так много препятствий преодолено — и быть вот так остановленным в самый последний миг! Стихии помешали ему там, где даже диверсии не смогли. Горькие мысли охватили Вашингтона; он словно впал в забытие, и офицер, который вот уже несколько минут стоял перед ним навтыжку, оставался им не замеченным. Вашингтон поднял лицо, на котором поражение отгиснуло свою, казалось, неизгладимую печать, и, увидев наконец ждущего человека, овладел собой; теперь его чувства не были видны никому.

— Я Кларк, сэр, капитан Кларк. Простите, что вторгаюсь, но у меня есть кое-что... что может рассматриваться как предложение.

Он был худощавый, чуть лысоватый, носил очки в золотой оправе и казался очень чистосердечным. Его речь еще хранила мягкость и раскатистое «р» его девонширской юности, но сейчас в нем не было ничего от провинциала.

— Пожалуйста, говорите, капитан Кларк. Сейчас любое предложение как нельзя кстати.

— Если бы я мог показать, было бы проще. Не хотите ли пойти со мной?

Через несколько крытых переходов они прошли в другой корпус; снег и ветер не залетали сюда, и свободный проход был возможен в любую погоду. Теперь они оказались в чем-то вроде лаборатории, с массой проводов и электроприборов на подставках, но главенствовал здесь огромный аппарат в темном кожухе, громоздившийся вдоль одной из стен. Через стеклянные оконца в передней панели, изготовленной из красного дерева, виднелись ходившие ходуном латунные шестерни и штоки. Кларк легонько похлопал полированное дерево, и в жесте его сквозила нескрываемая любовь.

— Машина Брзббеджа *, одна из наиболее крупных и сложных, существовавших когда-либо.

— Она великолепна, — с искренним восхищением ответил Гас, на какой-то момент забыв о своей беде. — Я никогда не видел таких огромных. Думаю, у нее очень большой объем памяти?

— Как вы можете убедиться, более чем достаточный для наших потребностей.

Немного театральным жестом он откинул дверцу, продемонстрировав вереницы медленно вращающихся серебристых дисков, испещренных множеством мелких отверстий. В них, пощелкивая, то и дело заскакивали касавшиеся дисков металлические пальцы на стержнях. Слышался постоянный, негромкий металлический шелест, сопровождаемый каким-то шипением и временами лязгом. В этом концерте Кларк, должно быть, уловил некую фальшивую ноту; он наклонил голову набок, прислушиваясь, а затем открыл соседнюю панель и снял с подставки масленку. «Прекрасная машина, но требует присмотра», — с этими словами он подлил масла в подшипник кулачкового толкателя, ходившего взад-вперед по гладкой латунной поверхности причудливого эксцентрика.

— Сейчас выпускают полностью электрифицированные машины Брзббеджа и называют их компьютерами — будто в названии дело; они значительно меньше по размерам, но полны дефектов. Нет, вы дайте мне добрый надежный металл... хоть у нас и бывают проблемы с люфтами в зубчатых передачах.

— Это все, конечно, очень интересно...

— Пожалуйста, простите меня, Вашингтон! Хотя какое тут может быть прощение... я отвлекся немного, страшно сожалею.

Он выронил масленку; засуетившись, поднял ее, вернул на подставку, закрыл панель и указал на противоположную дверь.

— Если уютно, теперь, когда вы увидели Брзббеджа, прямо сюда. Это, вероятно, заинтересует вас больше.

Так оно и случилось. За дверью был громадный ангар, в центре которого высилось гигантское копые ракеты. Футов пятьдесят или больше в длину, шесть

* Здесь Гаррисон имеет в виду, слегка исказив фамилию, английского изобретателя Чарльза Бэббеджа, который в XIX веке изобрел механическую счетную машину.

футов в поперечнике у основания — изящная, полированная, строгая, иссиня-черная и блестящая.

— «Черный рыцарь», наша лучшая и мощнейшая ракета. Абсолютная надежность. Чрезвычайно эффективный двигатель на жидком горючем — смесь керосина с перекисью водорода. Очень чувствительная система управления. Во время полета посылает назад радиосигналы, они обрабатываются машиной Брэббеджа, которую мы только что видели, так что коррекции курса могут проводиться незамедлительно. С этой ракетой мы добились больших успехов в осуществлении экспериментальной программы, которая вскоре, возможно, станет обычной практикой. Почтовое ведомство, как вы легко можете понять, крайне заинтересовано в установлении линии ракетной почты между нами и Кройдоном. У них там есть один из этих электрических компьютеров, он начинает принимать сигналы «Черного рыцаря», как только тот проходит над Атлантикой, и ведет его дальше, выключает двигатели, опускает на парашюте и тому подобное...

Тут его голос мучительно запнулся, потому что Вашингтон, медленно повернувшись, пристально уставился на него тяжелым взглядом. Когда Кларк заговорил вновь, речь его стала торопливой, он часто сбивался.

— Нет, выслушайте меня, пожалуйста, это экспериментальная программа, не более. Постоянную переброску в такую даль почта, может, и выдержит, кто знает. Колоссальное ускорение. Может, для человека оно смертельно. Правда, во время последнего эксперимента мы послали шимпанзе Дэйзи, прелестное создание, — сейчас она в зоопарке Риджент-парка и ни секунду не выглядела хоть сколько-нибудь травмированной. Когда там ее вынули из ракеты, она тут же уплела целую пригоршню бананов.

— Если я не ослышался и то, что вы говорите — правда, то, Кларк, я к вашим услугам. Если вам нужен доброволец, чтобы пересечь океан на этом бенгальском огне, то вот он, доброволец. Но только если она доставит меня на место к девяти утра.

Именно это и имел в виду девонширский инженер, и чем больше он объяснял, тем больше убеждался Гас, что победу еще можно вырвать из почти уже сжавшихся когтей неблагоприятной судьбы. Были приглашены другие инженеры и командир базы, провели совещание, затем по радио связались с Лондоном и посоветовались

сызнава, наконец никто больше не говорил «нет», обладали говорившие «да» — и вот уже не осталось ничего иного, кроме как взяться за это беспрецедентное, удивительное дело.

Стоило немалого труда все успеть подготовить в течение нескольких оставшихся часов, — но это было сделано. Арктический ураган снаружи, завывая, с бессилой яростью бился в стены здания, а внутри люди сутились вокруг машины, которой суждено было победить его, этот ураган, победить время и пространство, перенеся пассажира из Нового Света в Старый за несколько минут. Ракета была заправлена и подготовлена, прозвонены все ее сложные схемы, а высоко наверху механики установили тем временем прорезиненную прокладку и накачали внутрь необходимое количество воды.

— Это секрет, — объяснял Кларк, а глаза его за перепачканными стеклами очков увлеченно горели. — Амниотическая жидкость *, естественный амортизатор — секрет, известный природе испокон веку; просто, чтобы взять, надо знать места, где смотреть. Вот мы и посмотрели, и увидели, и теперь пользуемся этим секретом. Как вы знаете, сила гравитации равна одному g — это здесь, на Земле, на ее поверхности. Ускорение и гравитация кажутся идентичными, или даже, как утверждает один частенько бывавший в Оксфорде малый из Германии, Эйнштейн, они и впрямь идентичны. Мы увеличиваем ускорение до двух g , и нам не по себе, до трех g — и мы начинаем страдать, а при пяти-шести g происходят страшные вещи — смерть, остановка сердца, выпадение зрения, ужасно! Но, будучи помещенными в жидкую среду, наши подопытные животные — обезьяны, главным образом — подвергались перегрузкам до пятидесяти g и оставались живы-здоровы и невредимы. Вот этим мы как раз и заняты в данный момент. Можете назвать это, — он коротко рассмеялся, — космолетающим материнским чревом.

— Всю дорогу под водой? Надеюсь, задерживать дыхание не придется?

* Амниотическая жидкость — жидкость внутри зародышевой оболочки (амниона) у пресмыкающихся, птиц и млекопитающих, предохраняющая зародыш от механических повреждений и обеспечивающая водную среду для его развития.

— Это было бы невозможно... А, вы дурака валяете, капитан Вашингтон? Ну конечно, дорогой мой! Нет, разумеется, вам будет вполне удобно. Вода может быть холодноватой, но на вас будет водонепроницаемый костюм и кислородная маска. Действительно, будет удобно.

Вряд ли это можно назвать удобным, подумал Вашингтон, когда заботливые руки помогли ему опуститься в его космическую ванну. Он погрузился с головой, пристегнулся ремнями, как ему велели, и медленно, осторожно вдохнул воздух маски. Все это было очень интересно, хотя он и поволновался слегка, когда искорверканные преломлением лица и руки над ним пропали, скрытые конусом носового обтекателя, с лязгом скользнувшим на место. Вода не глушила звуки, и он мог слышать скрип и скрежет металла — затягивали болты. Затем — тишина.

Это было хуже всего — ждать в темноте и одиночестве. Один, совсем один — такого в жизни с ним не бывало — заброшен на острие этого столба, наполненного дремлющим жидким огнем. Ожидание. Он мог представить себе откатывающуюся на роликах крышу, предстартовую проверку, зажигание, идущее по этапам. Ему сказали, что все займет несколько минут, но он не представлял, что настолько утратит чувство времени. Минуты прошли — или часы? Нет ли неполадок? Не произошла ли авария? Выберется ли он отсюда или изжарится на вершине пылающей колонны? Воображение разыгралось вовсю, и, будь у него возможность, он закричал бы во весь голос, так велико было напряжение в эти секунды.

Затем появился звук; вой, отчаянный вопль — так, вероятно, кричат души грешников в аду в своей вечной агонии. Он почувствовал, как волосы у него встают дыбом, и только потом сообразил, что это всего лишь высокоскоростные насосы погнавшие горючее в камеру сгорания. Полет начинался! И едва до него это дошло, возник отдаленный грохот, рев, который быстро достиг фантастической силы; уши, казалось, готовы были лопнуть, он зажал их руками, и тут что-то невидимое навалилось ему на грудь. Взлет!

Долго, невероятно долго продолжалось это давление — и вдруг исчезло; двигатели смолкли. Ракета находилась в свободном полете и начала снижение. За те бесконечные минуты, пока двигатели работали, ракета проделала путь через ураган, пробила атмосферу и

стратосферу и теперь, когда вокруг не было и следа воздушного одеяла Земли, описывала широкую дугу в космической пустоте. Атлантика была в сотне, в двух сотнях миль внизу, — а впереди была Англия. И компьютер в Кройдоне, маленьком сонном пригороде Лондона, электрифицированная машина Брэббеджа, менее надежная, чем механическая; Гас надеялся только, что хотя бы на этот раз увлеченный капитан Кларк окажется не прав относительно достоинств здешней машины.

С момента начала снижения его сердце стало биться медленнее, он ощутил покой и даже радость. Вне зависимости от исхода, это путешествие останется в памяти — что-то вроде современной версии написанного известным французом романа о путешествии вокруг света в восемьдесят дней; герои пользовались там всевозможными видами транспорта. И вот он здесь, и у него транспорт, о котором достойный мистер Верн не мог и мечтать. Игра действительно стоила свеч. Именно в этом расслабленном состоянии духа он ощутил, что уже находится во власти местной машины, и, успокоившись, улыбнулся собственным мыслям. Теряя теперь высоту над Сурреем, ракета маневрировала, выходила на цель, снижалась и наконец с резким треском выпустила парашют. Был внезапный толчок, вызванный, скорее всего, тем, что парашют раскрылся, и вскоре — еще один; и в чем Вашингтон был уверен, так это в том, что после второго толчка ракета перестала двигаться. Добрался?

Подтверждение последовало быстро. Лязг, удар, затем еще один, и еще, и снова скрежет металла. Через мгновение носовой конус пропал с глаз; вместо него Вашингтон увидел смутные пятна лиц на фоне сверкающего голубого неба. Ну конечно! В своем стремительном путешествии он перелетел в день. Распрямляясь, он поднял лицо над водой, сорвал маску и вдохнул ароматный, сладкий, теплый воздух. Веселое лицо, неровные зубы, обнаженные широкой улыбкой, гаечный ключ в руке; ниже, — суровое лицо под голубой форменной фуражкой; рядом — картонный прямоугольник.

— Таможенная служба Ее Величества, сэр. Вот список предметов, считающихся контрабандой, и предметов, облагаемых пошлиной. Есть ли у вас что-либо для заявления в декларации?

— Ничего. У меня нет багажа.

Сильные руки помогли ему перейти на верхнюю площадку колесной платформы, стоявшей рядом с ракетой. Внизу — белый бетон, зеленые деревья, ждущие люди, далекие приветствия. Он повернулся к таможеннику.

— Могу я узнать, который теперь час?

— Ровно без четверти девять, сэр.

Есть ли время? Сколько отсюда до вокзала в Лондоне? Десять-двенадцать миль, по крайней мере. Оттолкнув поддерживающие руки, он рванулся к веревочной лестнице и буквально съехал на землю; но внизу на мгновение застыл, потому что, повернувшись, увидел перед собою знакомую громадную фигуру.

— Боевой Джек!

— Он самый. Поторапливайтесь теперь — и, возможно, вы добьетесь своего. Тут одежда, — он сунул Гасу в руки бумажный пакет, одновременно подталкивая капитана к странного вида автомобилю, задним ходом подруливавшему им навстречу.

— Это Луиджи Молния, Луиджи Ламбретта, точнее. Он классный водила, хотя и макаронник. Теперь садитесь, и ходу отсюда.

— Рад встрече, синьор, — сказал шофер, когда Гас прыгнул в пустую кабину и сиденье сразу ударило его по спине. — Эта машина победила в гонках «Миль-Миглиа», так что не беспокойтесь. Дуэ сэнто, двести лошадиных сил, мы полетим как ветер. Паровая турбина на газолине, охлаждается фреоном. Полиция предупреждена, дороги очищены на всем пути до моста Путни и дальше. Чудный денек для езды.

Они ревели, они гнали, они неслись по дороге, и только резина протекторов жалобно завизжала, когда они юзом вывернули на Лондонскую дорогу при скорости больше ста миль в час. Стремительно мелькали сдерживавшие толпу «бобби», развевающиеся флаги; праздник чувствовался во всем. Червяком извиваясь на тесном сиденье, Гас ухитрился стащить мокрый костюм; встречный ветер вырвал его из рук и бросил куда-то за горизонт. Разворачивая пакет, Гас старался быть осторожнее. Он извлек исподние, в обтяжку, штаны до колен, рубашку, галстук, пиджачный костюм, здесь же лежали крепкие ботинки. Гас выбился из сил, пока надевал все это, — но победил, и даже узел на галстуке вышел вполне приличным.

— Время? — громко спросил он.

— Одна минута десятого, синьор.

— Тогда все пропало...

— Еще нет, синьор, — с ревом вылетая на мост Путни при скорости сто тридцать пять миль в час, ответил Луиджи Молния. — Все улажено, я говорил по телефону. Вся Англия на вашей стороне, даже сама королева. Она отложила свой отъезд из Букингемского дворца. Необыкновенная женщина! Сейчас она не спеша следует на вокзал в конном экипаже. Ничего еще не потеряно.

Победит ли он? Или все эти нечеловеческие усилия завершатся провалом? Теперь все было в руках богов, и оставалось надеяться лишь на то, что они ему улыбнутся. Тормоз, акселератор, протяжный визг резины, вбок, по узким улочкам, резкий поворот баранки, чтобы спасти жизнь бездомной собаки, очередной поворот за угол — и вот вокзал. Вниз по скату к платформе, с другой ее стороны — правительственный вагон, пустой.

Поезд трогается.

— Не бойтесь, докторе, Луиджи Молния не подведет!

Трубно хохоча, крутя одной рукой могучие усы, бесстрашный водитель бросил свою кроваво-красную машину прямо на платформу; путевые чиновники и провожающие брызнули в стороны; обгоняя поезд, машина летела вдоль него, все ближе, чуть сбавила ход; когда от колес до края платформы оставались какие-то дюймы, уравнивала скорость со скоростью поезда и пошла так вплотную к открытой двери вагона.

— Не уютно ли вам перейти, синьор, конец платформы приближается быстро.

Во мгновение ока Гас вскочил на сиденье, перешагнул на округлый капот гоночной машины и, опираясь одной рукой о голову водителя, протянул другую навстречу руке, тянувшейся к нему из вагона; вцепился, прыгнул и, оглянувшись, с ужасом увидел, как водитель ударил по тормозам, машину занесло, закрутило и швырнуло на фонарный столб в конце платформы. Но сам водитель на прощанье махал рукой и что-то радостно кричал из дымящихся обломков.

— Сюда, сэр, — сказал проводник хладнокровно. — Место для вас забронировано.

Глава 2

ОТМЕТКА 200

Зеленая Англия проносилась мимо: поля и ручьи, в стремительном беге сливающиеся в одно пестрое одеяло; голубые реки, мелькающие внизу под колесами; черные мосты и серокаменные домики деревушек, сбившихся в кучи вокруг островерхих церквей, — все было в движении, все летело и пропадало вместе с толпами приветственно машущих людей в полях, с лающими собаками, с лошадьми, встающими на дыбы... Словно бы вся страна разворачивалась, стараясь развлечь счастливых пассажиров могучего поезда в этот знаменательный день, ибо столь ровным был путь, что едущим на «Летучем Корнуолльце» казалось, будто сами они неподвижны, а это Англия бежит перед их глазами, чтобы показать им себя.

Они и впрямь были горсткой благословенных — те, кому посчастливилось оказаться на «Корнуолльце» в день его первого торжественного пробеге — по туннелю, без остановок — от Лондона до Отметки 200, искусственного острова далеко в Атлантическом океане, к западу от Ирландии и более чем в ста милях от ближайшего побережья. Присутствовала сама королева и принц Филип. Принц Уэльский вернулся специальным поездом из Москвы, где был с официальным визитом, и тоже участвовал в поездке. Попал сюда и кое-кто из знати и из известных имен, но таких было меньше, чем,

скажем, бывает на Дерби * или на каком-нибудь модном приеме — ведь это был день нации, день триумфа технологии, и потому членов Королевской Академии оказалось больше, чем членов палаты лордов. Здесь были директора компании и наиболее крупные из финансистов, поддерживающих компанию, и даже известная актриса, чье присутствие объяснялось ее связью с одним из финансовых воротил. И, конечно, было шампанское, много шампанского — бутылки, ящики — о Боже! — целая холодильная камера; компания Трансатлантического туннеля сделала щедрый жест, закупив почти весь запас знаменитого урожая 1965 года из подвалов малоизвестного, но в высшей степени аристократического замка. Это жидкое золото благодатной рекой текло по коридорам и апартаментам; бокалы сновали вверх-вниз и опять вверх, и звучали, не умолкая, тосты — за славу этой минуты, за превосходство британской инженерной мысли, за силу фунта, за несокрушимость империи, за мир во всем мире, за величие дня...

В поезде присутствовали также и печально униженные в правах работники прессы, весьма немногочисленные вследствие недостатка мест, но буквально раздувающиеся от сознания собственной необходимости — ведь им надлежало поведать о великом событии всему мировому сообществу. Какой-то оператор снимал буквально все без разбору, чтобы мир мог тут же увидеть эту неразбериху на экранах своих телевизоров — хотя, разумеется, зрители Би-би-си должны были увидеть все первыми; газетам мира надлежало удовлетвориться тем, чем снабжал их джентльмен из Рейтер, но с французами дело обстояло иначе, им суждено было читать то, что писал низкорослый темноволосый джентльмен, которого, правда, его более грузные англосаксонские коллеги так и норовили оттеснить за свои спины, — он попал на поезд благодаря взятке, и из-за нее в Трансатлантической компании еще предстояло скатиться по крайней мере одной голове. Конечно, был здесь и джентльмен из «Таймс», много сил положивший на то, чтобы добиться благосклонного внимания громовержца с площади Печатного Двора, и представители прочих ведущих изданий, среди которых, преодолев сильное

* В Англии — главные скачки сезона для четырехлетних рысаков. Организованы впервые в 1778 году лордом Дерби.

сопротивление посредством постоянных напоминаний, что это вам не какой-нибудь, а *Трансатлантический туннель*, маячила квадратноплечая махина человека из «*Нью-Йорк таймс*».

Все они хотели беседовать с Вашингтоном немедленно, ибо среди пассажиров поезда он был самым лакомым кусочком для читателей всего мира; и понятно — еще не унялась дрожь после того, как читатели с замиранием сердца следили за перипетиями его путешествия. Теперь, когда до ~~финиша~~ оставался лишь один шаг, несколько часов и не более, они требовали, чтобы он описал все предшествующие этапы вплоть до мельчайших подробностей. Неторопливо потягивая шампанское, он отвечал, особо расцвечивая моменты, от которых кровь леденела в жилах, — вертолет, ракета, безумная гонка к Лондону, прибытие в последний миг. В ответ ему рассказали, что водитель Ламбретта отделался синяками, ни о чем не жалеет и весьма воодушевлен тем, что одно из самых популярных ежедневных изданий на корню купило его описание гонки за сумму, обозначенную пятизначным числом. Гаса допрашивали с пристрастием о каждом футе дороги в Пензанс, и спасло его лишь то, что журналистам приспело время сдавать свои репортажи редакциям. Поскольку они могли полностью перекрыть все телефонные и телеграфные линии поезда, журналистам ими пользоваться запретили — лишь джентльмен из «Таймс» получил разрешение передать один короткий репортаж; поэтому были сделаны специальные приготовления для снятия с поезда в Пензансе репортерской добычи. Гигантский брезентовый мешок с броской наклейкой «Пресса» стремительно был заполнен отчетами и репортажами, жестянку с киноплёнкой уложили сверху. Был предпринят и ряд других остроумных мер, так что газетчики разошлись, чтобы продолжить работу. Скоростные автомобили с флажками определенных цветов ждали в заранее оговоренных местах в полной готовности подобрать сброшенные контейнеры; какой-то мотоциклист на гоночном мотоцикле целый участок дороги мчался бок о бок с поездом — пассажиры видели, как он закончил свою гонку в пруду, продолжая сжимать кольцо схваченного им тюка; и не один оборудованный сетью быстроходный катер ждал в водах, которые поезду предстояло пересечь.

Освободившись на какое-то время от интервьюеров, Гас добрался-таки до купе с отведенным ему местом и там принял поздравления от соседей, сдобренные очередным бокалом шампанского. Но тут ему удалось отделаться от внимания публики — поезд замедлил ход, проезжая Пензанс, где многотысячные толпы ожидающих приветствовали его буйными криками, размахивая британскими флагами с таким воодушевлением, что те напоминали мечущихся ярких птиц. Мешок «Пресса» сбросили на платформу, и поезд, вновь набирая ход, помчался через город к черной пасти туннеля, мимо подъездных путей, на которых, пропуская его, стояли битком набитые людьми другие поезда — и люди все как один провожали взглядами этот праздничный пробег. Все быстрее и быстрее летел «Корнуоллец», чтобы наконец с ревом нырнуть в темное отверстие; женщины возбужденно завизжали, когда внезапно настала ночь. Гас, неоднократно бывавший в туннеле, закрыл глаза, едва они расстались с поверхностью, и к тому времени, когда все пресытилось удовольствием вглядываться туда, где смотреть было совершенно не на что, и отодвинулись от окон, он сладко и шумно спал. Понимая, как он устал после только что заверщенного вояжа, все понизили голоса, так что он спал сном праведника; его разбудили, лишь когда поступило сообщение, что до прибытия к Отметке 200 осталось десять минут.

Волнение переполняло путешественников, заставляя их трепетать как под ударами электрического тока; даже самые скептические и приземленные натуры были охвачены им — напряженно вглядываясь в темноту, вставая и вновь садясь, они, как и все остальные, обнаруживали тот самый восторг, над которым обычно посмеивались. Все медленнее двигался гигантский поезд, пока где-то впереди не появился тусклый свет — и вот, пугающе внезапно, ударило сверкание солнца: они выехали из туннеля наружу. Через пустое депо, неспешно прогрохотав по стрелкам, поезд подполз к станции, где ожидавший его оркестр разразился милейшей мелодией «Туннель через глубины»; эта песня специально была заказана сэру Брюсу Монтгомери к сегодняшнему событию и сейчас исполнялась впервые. Широкой, чистой и просторной была эта станция и казалась безжизненной, пока пассажиры не высыпали из поезда, охая и ахая по поводу всего, на что ни падал их взгляд. Высокий потолок станции был целиком смон-

тирован из больших стеклянных панелей, сквозь которые виднелось голубое небо и парящие чайки. Потолок удерживали стальные колонны, покрытые белой эмалью и украшенные на сочленениях и капителях стальными изображениями рыб, кальмаров и китов, хитроумно вплавленными в тело самих опор. Эти фигуры были исполнены в голубом; сочетание белого и голубого соблюдалось по всему громадному помещению станции, придавая ей воздушность и легкость, неожиданные при ее громадных размерах.

Пассажиры почтительно отступили, освобождая место для красной ковровой дорожки; принесенный ковер расстелили — и с поезда, в окружении свиты, сошла королева. Фотографы заполыхали вспышками своих аппаратов; когда они отошли, их сменили другие.

Никто, сколь бы он ни был суров в поведении, сколь бы ни скупился на проявления чувств, не мог не испытать замешательства и не задохнуться от восторга, выходя из здания станции между алебастровыми колоннами, поддерживающими портик. Ибо здесь открывался вид, от которого поистине перехватывало дыхание, вид, подобного которому еще не знал мир. Широкая белая лестница сбегала к променаду, который переливался и сверкал многоцветной роскошью мозаичного покрытия; дуги, волны, извивающиеся ленты самых разных оттенков несколько напоминали променады над заливом Копакабана, который, несомненно, оказал немалое влияние на дизайн Отметки 200. Дальше расстилались поросшие самой нарядной, самой зеленой травой холмистые луга, полого спускавшиеся к темной синеве океана, которую сейчас слегка нарушали накатывавшие на берег невысокие пенные волны. Никакой мусор, никакие отбросы не оскверняли чистоты океана в такой дали от берегов, ни малейших признаков земли не было видно до самого горизонта, куда ни глянь — только белокрылые яхты легко скользили по поверхности вод, скрадывая чувство пустоты. Стоило одному из посетителей спуститься по ступеням, как многие пожелали сделать то же, ведь променады шел по всему берегу нового острова, и с каждым шагом взгляду открывались новые и новые невероятные картины.

Во-первых, огромный отель, вытянувший длинные боковые крылья в кипящий цветами сад и поднявший две симметричные башни с голубыми куполами высоко в небо. На террасе перед отелем оркестр наигрывал

танцевальные мелодии, заманивая проезжающих к накрытым столам, где одетые в черное официанты стояли, готовые подать чай. И здесь, и на променаде все было пропитано атмосферой праздника, праздника, который затаил дыхание, сложил крылья и ждет. Все было приготовлено загодя, но никогда еще не использовалось, — и доставленное сюда морем, и созданное на месте ожидало, полное веры в то, что, стоит туннелю открыться, гости повалят на этот праздник гурьбой. Рестораны и танцевальные залы, скрытые за нарядными заведениями тропинки, ведущие к потешным ярмаркам, к каруселям, к колесам обозрения, к кегельбанам и публичным домам; любому что-то да приглянется. Еще дальше открывались гостеприимно сверкающие белопесчаные пляжи; вскоре появились и первые купальщики, нерешительно пробующие воду и затем с радостно-изумленными восклицаниями бросающиеся в нее — здесь, посреди Гольфстрима, вода была такой теплой и приятной для тела, какой она никогда не бывает в Брайтоне или Блэкпуле. За пляжами возвышались башни и замки Батлинова лагеря отдыха 200, нетерпеливо ждущего всех, кто заказал билеты; громкоговорители уже зазывали первых прибывших на пьянящие удовольствия совместных забав. И еще, и еще, пока взгляд не пресыщался разнообразием красок и развлечений. Дальше, уже на другой стороне острова, в берег далеко вдавалась маленькая закрытая бухта, здесь располагался яхт-клуб, и публика веселилась вовсю, лодки уже толкались на воде в этот знаменательный день, а еще дальше, возле увенчанного деревьями холма, променад кончался, упираясь в открытый амфитеатр, где вот-вот должна быть разыграна греческая пьеса — идеальная постановка для столь пасторального окружения. Все радовало глаз, но так это и было спланировано, ведь холм закрывал другую часть острова, с парком машин, с ветками железнодорожных путей, с коммерческими доками. Отметка 200 и Трансатлантический туннель предназначались для великих дел, и вкладчики слетелись сюда, к предлагаемым здесь великим соблазнам. Это поистине был чудесный день.

Вашингтон наслаждался прогулкой и разноцветной суматохой вокруг — точно так же, как владелец магазина из Хоува или лорд, покинувший свой замок, неторопливо вышагивавшие по променаду среди столь причудливых видов. В конце концов он устал и направился

к большому отелю «Трансатлантик-тауэрс», где для него был забронирован номер. Его чемодан, отправленный заранее еще несколько недель назад, был открыт, вещи распакованы, а стол ломился от цветов и поздравительных телеграмм. Он прочитал несколько — и отложил в сторону, чувствуя некоторую расслабленность после яростного напряжения последних часов; отхлебнув шампанского из бутылки, заботливо предусмотренной устроителями, он прошел в ванную. Вскоре освеженный и прибодрившийся он оделся в тропический костюм из легчайшего шелка более подходящий к здешнему климату, нежели его прежний, твидовый, и как раз, когда он повязывал галстук, зазвонил телефон. Вынув его из выдвижного ящика стола, Гас положил микрофон перед собою, динамик прижал к уху и щелкнул маленьким переключателем, давая контакт. Знакомый голос Дригга, секретаря лорда Корнуоллиса, поздравив с успешным исходом путешествия, передал приглашение маркиза присоединиться к его отдыхающей на террасе компании в любое удобное для Вашингтона время.

— Я скоро буду, — ответил Гас и тем же переключателем дал отбой; вставив цветок в петлицу и допив оставшееся шампанское, он счел, что вполне подготовился к неожиданной встрече.

Это была маленькая группка элиты, собравшаяся на укрытом от чужих глаз и ушей балконе, нависшем над морем; она принимала послеобеденные солнечные ванны и блаженствовала под нежным бризом. Буфет, словно шеренгами солдат, уставленный шеренгами бутылок — судя по численности, их тут было не меньше полка, — позволял пить что душе угодно, не прибегая к услугам официантов, которые нарушали бы уединение. Если же внезапное чувство голода потревожило бы кого-нибудь из собравшихся, к его услугам была громадная стеклянная чаша белужьей икры с колотым льдом. Над буфетом исполненной величия картиной висела подробная карта Северной Атлантики с маршрутом будущего туннеля, прочерченным на ней от руки; временами то один, то другой из присутствующих кидал на нее взгляд, и это воодушевляющее зрелище, как правило, вызывало на его лице улыбку. Сэр Айсэмбард Брэсси-Бранел сидел в распахнутом пиджаке, в наполовину расстегнутом жилете, что было для него из ряда вон выходящим смягчением требований к своему облику; время от вре-

мени он с наслаждением вдыхал приносимые бризом ароматы и маленькими глоточками прихлебывал грушевый сидр «Перрье». Сидевший напротив него лорд Корнуоллис отдыхал посредством чуть более укрепляющего напитка — семизвездочного «Хэнесси» невообразимой выдержки, деля свое внимание между ним и ямайской сигарой впечатляющей длины и не менее впечатляющей толщины, оставлявшей белоснежный пепел. Сэр Уинтроп Рокфеллер считал час слишком ранним для столь спиртоносных напитков, и поэтому просто прихлебывал из бокала кларет, бутылка с которым стояла от него чуть сзади, но тем не менее всегда под рукой. Все трое мужчин были совершенно спокойны и почти целиком отдались легкой беседе, наслаждаясь отдыхом после хорошо сделанной работы перед тем, как обратить всю свою энергию на следующую часть этой работы, ожидающую их впереди. Поскольку все известия были благоприятными, им не приходилось анализировать какие-либо просчеты — это воистину был замечательный день.

Когда Огастин Вашингтон появился на балконе, все они одновременно встали, и рукопожатия, которыми они с ним обменялись, были знаком обоюдной признательности. Они поздравляли молодого инженера с благополучным завершением его путешествия, внесшего столь драматическую ноту в открытие новой эры туннельных сообщений; он же, в свою очередь, благодарил финансистов за все, что они сделали, и старого инженера — за его труд, за его проект, благодаря которому, собственно говоря, строительство и стало возможным. Сэр Айсэмбард кивком ответил на эту дань уважения, прекрасно отдавая себе отчет в том, какая именно доля от этой дани принадлежит ему действительно по праву, и, когда все расселись и Гас принял от сэра Уинтропа бокал вина из его бутылки, собрался с мыслями, чтобы поговорить на тему, о которой давно размышлял.

— Вашингтон, мы достаточно давно отдалились друг от друга. Наши личные разногласия не помешали нам делать все, на что мы способны, для блага компании, но теперь я чувствую, что с той поры утекло много воды и пришло время оставить прошлое в прошлом. Присутствующий здесь Рокфеллер вновь является председателем американского правления, и я хочу при этих джентльменах заявить, что вы проделали блестящую работу в качестве главы американской части проекта.

Пригубив из бокала, он на несколько мгновений прервался — два других джентльмена успели с воодушевлением крикнуть: «Да!», «Так!» — а затем продолжил:

— Когда я не прав, я признаю это с готовностью. И теперь я признаю, что технология затопления заранее сформированных туннельных секций надежнее, нежели принято считать, и, как вы это доказали, действительно обеспечивает более высокую скорость прокладки. Она была использована при завершении туннеля, по которому мы ехали сегодня, — это лучшее подтверждение вашей концепции. Я надеюсь, что в будущем мы сможем работать в более тесном контакте, и, в дополнение к вышесказанному, отныне вы в моем доме снова желанный гость.

Последняя порция информации так поразила Гаса, что он привскочил было со своего стула, затем опустился вновь, и легкая бледность покрыла его лицо, неопровержимо свидетельствуя о том, что эта нечаянная уступка правилам хорошего тона взволновала все его существо куда более, нежели самые жестокие опасности, пройденные им так недавно. Он, однако, выпил немного вина и, когда заговорил после этого, выглядел, как всегда, спокойным.

— Я принимаю ваши слова и ваше приглашение с глубочайшей благодарностью, сэр, поскольку, как вы должны были бы знать, я до сих пор считаю вас ведущим инженером и строителем нашего времени, и для меня всегда было счастьем работать под вашим руководством. Для меня будет также счастьем снова войти в ваш дом. Ваша дочь, я полагаю...

— С Айрис все в порядке, она сопровождает меня в этой поездке и, я думаю, будет рада вам так же, как и я. Но вопросы подобного свойства я с нею не обсуждаю. Теперь о другом. Хотя нынче успех нам сопутствует, завтрашний день принесет, без сомнения, новые проблемы, и мы должны подготовиться к ним. Два участка туннеля, которые мы завершили сейчас, весьма важны, и, если цифры, те, что я видел, дают верный прогноз, они скоро начнут окупать себя сами. Отметка 200 быстро превратится в крупный и весьма современный порт, где направляемые в Англию грузы будут сгружаться с кораблей и транспортироваться дальше поездами быстро и надежно, без использования вспомогательного транспорта в Ла-Манше и устарелого обо-

рудования Лондонского порта. Я считаю, что сегодня мы были свидетелями ее успеха и в другом качестве — в качестве лечебного курорта и места отдыха. На другой стороне Атлантики станция Грэнд-бэнкс будет выполнять сходные функции, к тому же рыболовецкие суда смогут выгружать там улов, чтобы ускорить перевозку свежей рыбы в колонии. Все это, конечно, очень хорошо, но мы должны двигать дело дальше и оправдать название компании. Мы должны пересечь Атлантику. Предварительные исследования закончены, отчеты представлены; мы должны подытожить их и перейти к делу.

Последовали возгласы одобрения; он не один горел желанием увидеть великий проект завершенным. Разумеется, следующим предметом обсуждения оказалось финансирование, и председатели расположенных на разных берегах океана советов директоров, вставая, по очереди рассказывали о состоянии находящихся в их распоряжении средств. В общем получалось, что и там и там все здоровы, как щенки бульдога. Происходившее в последние годы улучшение экономического положения, причины которого без труда просматривались в деятельности, связанной с туннелем, принесло значительные доходы немалому числу лиц, и «горячие» деньги ждут теперь не дождутся, чтобы их вложили. То, что согласные кивки не составляли четырехугольника, не было замечено в порыве энтузиазма; казалось, ничто не стоит у компании на пути. Но Гас, угрюмо вертя в пальцах бокал, то коротко взглядывал на висевшую на стене карту, то опять начинал вглядываться в поверхность вина, как если бы некое важное открытие таилось в его глубине. Он выглядел как человек, ожесточенно борющийся с самим собой, — да так оно и было. Сегодня перед ним вновь открылась дверь, которая в течение долгих лет была для него заперта, и он мог чувствовать лишь искреннюю признательность. Но то, что он должен был сказать, могло, скорее всего, закрыть эту дверь снова — и все же он не мог уйти, промолчав, ведь речь шла о научном факте, и он был вынужден о нем заявить. Так что сердце и рассудок бились сейчас в его душе, и, сколь бы беззвучной ни была эта битва, она могла оказаться более страшной и разрушительной, нежели любое столкновение, при котором летят снаряды и рвутся бомбы. Решившись наконец, Гас распрямил спину, осушил бокал, в глубине которого пытался только что разглядеть свою судьбу, и

стал дожидаться удобного случая заговорить. Случай не заставил себя ждать, ибо финансовые детали скоро были оговорены, и на первый план выдвинулось обсуждение технической стороны дела. Гас получил слово и подошел к карте, а там своим твердым пальцем прочеркнул предполагаемый маршрут туннеля.

— Джентльмены! Все вы понимаете, что самая долгая и самая сложная часть работы сейчас у нас впереди. Сэр Айсэмбард предложил основной тип движения по туннелю, и исследования подтвердили, что его гений не ошибся. Вакуумированные каналы с линейной электрической тягой поднимут перевозки на качественно новый уровень.

— Простите, что прерываю, — сказал Корнуоллис, — но я не вполне уверен, что понимаю, как все это действует. Я буду глубоко вам признателен, если вы постараетесь объяснить это так, чтобы я смог ухватить вашу мысль. Хотя я и в состоянии, как правило, находить дорогу в лабиринте мировой финансовой системы, должен признаться, что голова моя пухнет, как только я слышу об электронах и тому подобных вещах.

— Ерунда, Чарльз. Я тебе сорок раз объяснял, как действует эта чертова штука, — сравнительно мягко вмешался сэр Айсэмбард. — Давайте разбираться в делах более насущных.

— Пожалуйста, сначала разъяснение, если вы не против, — сказал сэр Уинтроп с оттенком благодарности в голосе. — Счастлив, что оказался не одинок в своем невежестве, а оно вызывает у меня некоторую озабоченность. Не считите за труд, Вашингтон.

Сэр Айсэмбард поник, ворча что-то по поводу возмутительной потери времени, и сделал безрассудно большой глоток своего напитка, так он был раздражен. Гас воспринял это, как разрешение, и начал объяснять.

— Теории, на основе которых сделано это предложение, весьма сложны, но нет никакой нужды в них углубляться, поскольку основные выводы уяснить очень легко. Представьте себе туннель в виде, если угодно, практически бесконечной, абсолютно твердой и непрерывной, безо всяких сочленений, трубы. В трубе воздух, его давление такое же, как, в среднем, у поверхности земли, то есть что-то около пятнадцати фунтов на квадратный дюйм. Этот воздух нужен лишь для того, чтобы пассажирам в поездах было чем дышать; для пассажиров он имеет большое значение, но для конст-

рукции туннеля — никакого. Эти несколько фунтов давления ничего не прибавляют к структурной способности стен туннеля противостоять колоссальному давлению океана снаружи, а с инженерной точки зрения они даже являются помехой, поскольку ограничивают, уменьшают скорость поездов. Уберите воздух — а это очень легко — и поезда пойдут быстрее, да к тому же с меньшими затратами энергии.

— Но люди, сэр, наши пассажиры — они же должны дышать!

— И будут дышать, поскольку поезда будут герметичны и нормальное давление в них будет поддерживаться так же, как на высотных воздушных судах. Зато, убрав воздух, мы сможем говорить о более высоких скоростях, чем любые из прежде доступных. Почему, собственно, наши поезда не могут делать восемьсот, девятьсот и даже тысячу миль в час?

— Таких скоростей не выдержат ни колеса, ни подшипники.

— Совершенно верно, сэр Уинтроп, но это-то и ведет нас дальше. Поезд вообще без колес. Такой поезд, в сущности, плавает в пространстве, поскольку мощные магниты, установленные на нем, отталкиваются от столь же мощных магнитов полотна. Все мы знаем, что один сильный магнит может удерживать другой в состоянии парения благодаря полю отталкивания; именно так наш поезд будет двигаться в вакуумированном туннеле. Но что обеспечит поступательное движение поезда? Здесь сэр Айсэмбард дает гениальный ответ. Поезд будет перемещаться посредством двигателя линейной тяги. Я не стану подробно объяснять это сложное изобретение, достаточно сказать, что здесь мы имеем дело как бы с вывернутым наизнанку электромотором, одна часть которого устанавливается на поезде, а другая растянута по всей длине туннеля, причем между этими двумя частями не требуется никакого механического взаимодействия. Вдобавок значительная часть ускорения поезда будет вызываться процессом его скатывания с края континентального шельфа на три мили вниз, на абиссальную равнину океанического дна. Итак, джентльмены, вы имеете герметичный поезд в вакуумированной трубе, парящий посреди нее, ничего, даже молекул воздуха, не касаясь; он начинает движение благодаря гравитации, а продолжает — благодаря

электричеству. Это тип движения, столь же современный, сколь и концепция самого туннеля.

С облегченными вздохами финансисты принялись задавать вопросы, стараясь прояснить для себя некоторые детали, так что, когда Гас продолжил, маленькая аудитория слушала его внимательно и понимающе.

— Как было показано, у нас есть теперь и определенный тип движения, который будет применяться в туннеле, и технология, с помощью которой будет осуществляться прокладка. Перед тем как начнутся детальные обследования дна и собственно строительство, осталось сделать последний шаг — определить маршрут, по которому пойдет туннель. Поскольку ложе океана имеет сложное строение, к этому вопросу надлежит подойти с величайшей осторожностью, ведь дно Атлантики — не песчаная лагуна, которую можно проскочить по прямой. Нельзя! Мы имеем здесь разнообразный ландшафт, более сложный и изрезанный, нежели любой из известных нам на суше. Есть, конечно, абиссальные равнины, формирующие дно, они лежат, в среднем, на глубинах около шестнадцати тысяч футов под поверхностью океана, но во внимание следует принимать и другие характеристики. Посредине океана проходит Среднеатлантический хребет, грандиозная горная цепь, которая в действительности является двойной. Между двумя рядами гор, как ущелье, лежит рифтовая долина. Горные цепи и рифтовую долину под прямым углом пересекают мощные каньоны, называемые зонами разлома; они напоминают морщины на шкуре Земли. Нас касаются также такие неприятности, как каньоны, — например, Срединный каньон, напоминающий русло подводной реки, а также подводные горы, острова и желоба, — то есть чудовищной глубины впадины, такие, как вот эта, здесь на карте, глубиной более пяти миль. Есть и другие факторы, которые нужно учитывать — подводные землетрясения и вулканы, очаги которых в основном сосредоточены в определенных районах, высокая температура дна в окрестностях рифтовой долины, а также тот факт, что дно здесь находится в движении в связи с дрейфом материков, разносящим их в разные стороны примерно на два дюйма в год. Можно подозревать, и геологи это подозрение подтверждают, что в рифтовой долине поднимается вещество из глубины Земли, раздвигая ее края с этой постоянной скоростью. Все это — проблемы, джентльмены, но ни

одна из этих проблем не является неразрешимой. Вы можете заметить, что предполагаемый маршрут, он нанесен на карту, обходит эти бесчисленные препятствия. Если мы начнем отсюда, от Отметки 200 на краю континентального шельфа, наш туннель пойдет, грубо говоря, на северо-северо-запад, вдоль разлома, который мы зовем 41-Джи. Он соединяет отроги Среднеатлантического хребта с продолжающим его хребтом Рейкьянес, расположенным к югу от Исландии. Таким образом, мы избегаем рискованного движения поперек рифтовой долины, которая до этих мест не доходит. Теперь далее на запад, мы покидаем зону разлома и поворачиваем на юг, идем по краю Срединного каньона и огибаем высоты подводной горы Милн, пока не достигаем Сомской абиссальной равнины. В этой точке туннель поворачивает почти строго на север, чтобы подняться на возвышенность Лаврентия и соединиться с туннелем, уже проложенным на шельфе до станции Грэнд-бэнкс. Нужно сказать теперь, что этот маршрут имеет несколько недостатков.

Оттуда, где сидел сэр Айсэмбард, слышалось неразборчивое ворчание, словно отдаленный шторм; Гас, решив не обращать внимания, продолжал:

— Поскольку ложе океана в зонах разлома нагрето, нам придется укладывать специально сконструированные секции непосредственно на само это ложе, а не в выемки, и сконструировать их придется так, чтобы обеспечить циркуляцию воды и в их внутренних полостях с целью охлаждения. Однако главной бедой, возможно, является то, что, стремясь обойти все геоморфологические препятствия, мы будем делать туннель вдвое длиннее, а значит, и вдвое дороже того, каким он был бы, если бы шел напрямик.

— Боже милостивый! — взорвался сэр Айсэмбард, — Мы уже разбирались с этим, вы ведь знаете, что мы не можем идти прямо через этот окаянный океан. Так что же вы предлагаете?

В полной тишине Гас вынул из кармана лист бумаги и развернул; крики чаек доносились из поднебесья, и звуки играющего оркестра слышались где-то вдали, — но на балконе никто не проронил ни звука.

— Вот что я предлагаю, — с непоколебимой уверенностью сказал Гас. — И намереваюсь показать вам как. Я предлагаю, чтобы туннель от Отметки 200 пошел не на север, а строго на юг, по плоскому ложу Бискай-

ской абиссальной равнины, к базе на Азорском архипелаге, где он встретится с другой веткой туннеля, протянутой почти строго на восток от Грэнд-бэнкс через зону разломов. Это путь более чем вдвое короче того, который мы сейчас рассмотрели, и вдобавок принесет дополнительные выгоды. Грузы можно доставлять на Азорскую базу, а уже оттуда корабли перевезут их в Африку или на континент, это значительно сократит время транспортировки. Плюс тот факт, что со временем может быть рассмотрена возможность постройки еще одной ветки туннеля, от Азорских островов до Испании, так мы напрямую свяжем железнодорожной линией континент с обеими Америками. Если это будет сделано, результаты окажутся замечательными. Для пассажира тогда станет возможным сесть на поезд в тихоокеанском порту Провиденция, что в конце Транс-сибирской магистрали, и затем поездом проехать через Сибирь, Россию, Европу, под Атлантикой, через Америку и по Трансканадской магистрали до Аляски, закончив свое путешествие опять-таки на берегу Тихого океана. То есть преодолев по меньшей мере девяносто девять процентов окружности Земли.

Тут уж нетерпеливое желание выяснить побольше об этой новой идее прорвалось наружу; финансисты наперебой выкрикивали вопросы, пока сэр Айсэмбард ударом кулака по столу не призвал к тишине.

— Мечта безумца, и ничего более. Может, она и была бы осуществимой, если бы не Среднеатлантический хребет с рифтовой долиной, которая, насколько мне известно, в этой точке, по крайней мере, шириной в милю и в несколько миль глубиной. Ее невозможно пересечь. Этот план нужно сразу отбросить.

— Не совсем так. Долину можно пересечь, и у меня есть план, как это сделать. Мы пересечем ее, джентльмены, с помощью подводного моста.

В наступившей тишине презрительный смешок Айсэмбарда прозвучал как вызов.

— Бессмыслица, сэр! Бессмыслица и чушь! Нельзя на этой глубине построить мост — в милю длиной! — который выдержит вес туннельных секций!

— Вы правы, сэр, нельзя. Но лишь потому, что такой мост имел бы отрицательную плавучесть, как и наши секции, пока они тянут вниз. Поэтому мост будет плавать над каньоном, а закрепим мы его мощными тро-сами.

На сей раз тишина была абсолютной на протяжении всего времени, пока Гас торопливо излагал слушателям этот план, объясняя, как будет устроен мост и как, благодаря своей плавучести, он будет компенсировать другие детали нового предложения. На каждый вопрос у Гаса был ответ, и вскоре стало ясно, что, если не выдумывать каких-то фантастических факторов, этот план во всех отношениях превосходит предшествующий. Задолго до того, как стало ясно остальным, понял это сэр Айсэмбард; он отошел от стола и встал, сложив руки на груди и глядя на заходящее солнце. Когда остальные, иссякнув, умолкли, чтобы перевести дух, он повернулся и смерил Гаса взглядом более холодным, чем ледяное дыхание арктической ночи.

— Вы сделали это преднамеренно, Вашингтон. Преднамеренно разработали ваш план, чтобы унижить меня и вдобавок извлечь какую-то корысть.

— Нет, сэр! Даю вам слово...

— Нет сомнений, что будет принят ваш проект или какой-то его вариант, — продолжал человек, у которого не было сомнений; от попытки Вашингтона вставить слово он просто отмахнулся. — Туннель пойдет к Азорам. Вы получите и репутацию, и деньги, я убежден. Коль скоро я ставлю благо туннеля выше своих личных амбиций, я буду продолжать работать, как делал это и в прошлом. Но к вам лично, сэр, у меня мало уважения. Пожалуйста, имейте в виду, что отныне вы не являетесь желанным гостем в моем доме.

Гас кивнул еще до того, как сэр Айсэмбард закончил; все это было predetermined.

— Я с самого начала знал, что так будет, — сказал он, и в этих простых словах прозвучала вся тяжесть невысказанных чувств. — Я не испытываю к вам ничего, кроме расположения, сэр, и никоим образом не хочу причинить вам боль. Я хочу, чтобы вы поверили: всегда я ставил благо туннеля выше, чем соображения личного успеха. Учитывая ваши слова, у меня не остается другого выхода, как только уйти в отставку со своего поста в компании Трансатлантического туннеля и прекратить работать для нее. Если мое участие является отрицательным фактором и мешает завершению великого дела — я отказываюсь от своего участия.

Его слова, хоть он и говорил очень тихо, оглушили присутствующих. Но сэр Айсэмбард пришел в себя уже через несколько секунд.

— Отставка принята. Вы свободны.

Такая развязка буквально парализовала обоих финансистов, Гас действительно встал со своего места и пошел к двери; лишь тогда лорд Корнуоллис смог заговорить.

— Вашингтон, минутку, пожалуйста. Мы не должны подходить односторонне... уж эти мне вопросы первенства... надо все обсудить... хоть разорви меня, если я знаю, что со всем этим делать! — с видимым усилием он попытался собрать свои скачущие мысли и найти какой-то компромисс хотя бы в последний момент. — Мы слышали ваше предложение и должны рассмотреть его, поскольку, сэр Айсэмбард, при всем к вам уважении, вы не можете говорить за всех членов обоих правлений, ни даже за меня или Уинтропа. Что бы я предложил... что я и в самом деле предлагаю, сэр, — так это то, что мы здесь все обдумаем, и затем сообщим вам о нашем решении, каким бы оно ни было. Можете вы, капитан Вашингтон, сказать, где вас найти, когда обсуждение закончится?

— Я буду у себя в номере.

— Очень хорошо. Мы встретимся, как только наш симпозиум принесет хоть какие-то плоды.

Гас вышел, дверь плотно закрылась за ним, прогрет замком и предрекая счастливый исход.

Глава 3

НЕЖДАННАЯ ВСТРЕЧА

Веселы и приветливы здесь были все — оживленно беседующие пары и группы со вкусом одетых людей, радостно окликающие друг друга друзья, посыльные, юрко протискивающиеся сквозь толпу в вестибюле с записками и телеграммами, которые, несомненно, могли лишь радовать и одобрять; волна добрых чувств захлестывала людей, и, конечно, она должна была выплеснуться наружу — через окна, через дорогу, неся повсюду улыбки и заставляя даже сидящих на балюстраде чаек кричать от радости. И тем не менее этот океан добродушия бороздило одно мрачное судно — человек, от которого за десять шагов несло бедой, отвергнутый и одинокий виновник царящего здесь веселья; и теперь, в час своего триумфа, он был чужим среди всех, кто наслаждался плодами его трудов.

Вашингтон был настолько подавлен, что даже не сознавал этого; душа его оцепенела, он не чувствовал ничего. Он шагал размеренно и спокойно, с серьезным видом, который ни в малейшей степени не отражал всей бездны его отчаяния; туннель стал его жизнью, без туннеля он оказался пуст. Другой на его месте не удержался бы от жалости к себе, — но Гас знал, что, если бы довелось, он снова сделал бы то, что сделал. Строить нужно наилучшим из возможных способов. Если спасение туннеля означает крушение его личной

жизни — пусть она пойдет прахом. Погруженный в столь мрачные раздумья, он протолкался к площадке перед лифтом и стал ждать, когда откроется дверь. Открылась она очень быстро, ведь лифт приводился в движение гидравлическим поршнем, уходящим в расположенный глубоко в земле цилиндр, — и Гас отступил в сторону, ибо единственным человеком, вышедшим из лифта прямо ему навстречу, лицом к лицу — о, подарок судьбы! о, божественная игра случая! — была та самая леди, о которой упоминали недавно, дочь сэра Айсэмбарда, Айрис.

— Айрис, — сказал он. И замолчал, не в силах больше выговорить ни слова, ибо глаза его затуманил золотой блеск, исходивший, казалось, от ее лица и изящного одеяния.

— Вы возмужали, Гас, — сказала она, глядя на него с присущей всем женщинам практичностью. — Хотя, должна сказать, легкая седина вам идет.

Но, сколь бы практичной она ни была, нельзя было не заметить, что, хотя голос ее оказался тверд, говорить она начала после какого-то внутреннего колебания. На этом разговор прервался; они стояли, просто глядя друг на друга, и наконец мальчик-лифтер, не выдержавший столь долгой паузы, позвал:

— Лифт идет вверх, ваша честь. На какой этаж вам угодно?

Тогда они отступили подальше, давая войти другим, и в этой человеческой круговерти они оставались вдвоем, словно посреди бушующего океана. Она была лучезарной, как прежде, и Гасу показалось даже, что она стала еще красивее, если такое возможно, обогатившись новым очарованием, приходящим к женщине с возрастом. Его глаза сами собой скользнули по ее левой руке к ладони, к пальцам, — но ищущий взгляд наткнулся лишь на лайку перчатки. Однако Айрис прекрасно поняла, что означал это взгляд, и улыбнулась.

— Там нет кольца, Гас. Я по-прежнему тихонько живу с отцом.

— Мы с ним только что расстались, у нас был разговор. Вначале это был разговор друзей, а потом, боюсь, разговор врагов.

— Мой отец во всей красе.

— Как друг он удостоил меня приглашения снова бывать у вас в доме. Как враг...

— Это вы расскажете мне позднее, пока достаточно первого, — простая предусмотрительность подсказывала ей, что это мгновение, сколь бы коротким оно ни было, нужно остановить — и забыть о времени. То, что придет потом, придет скоро, но сейчас возможность побыть вдвоем, не нарушая этим светских условностей, была подарена ей, и нужно было пользоваться, пока она есть. — Нет ли здесь местечка, чтобы поговорить спокойно?

— Я знаю как раз такое, — ответил Гас, не зная ни одного, но, как и она, сознавая, что им предоставлена, быть может, единственная возможность и схватиться за нее надо обеими руками.

Извинившись, он на мгновение отошел и обратился к одному из служителей, стоявшему неподалеку; если деньги переходят из рук в руки, это всегда ускоряет дело, Гас убедился в этом в очередной раз, когда служитель, опустив монеты в карман, без проволочек проводил его и Айрис в уютный альков в дальнем конце обеденного зала, где официант, приняв их заказ, тут же исчез, чтобы выполнить его через какие-то секунды. На этот раз, в отличие от той, последней встречи, они не спрашивали чаю; Айрис за это время достигла совершеннолетия и, принадлежа к не так давно заявившей о себе расе эмансипированных женщин, которые не считали за грех пить на людях, заказала себе херес «Теопепе». Гасу же было необходимо, как минимум, двойное бренди.

— Ваше здоровье, Айрис.

— И ваше. Оно нуждается в добром слове больше моего, ведь вы обращаетесь с вашей жизнью самым бесцеремонным образом.

— Эта последняя поездка? Она была необходима, а риск — невелик.

— Но вполне достаточен для того, кто сидит в тиши лондонского дома, ждет сообщений и гадает, не окажется ли следующее последним.

— Вы все еще беспокоитесь обо мне?

— Я все еще люблю вас.

Эти слова прозвучали так сердечно, так искренне, что трещина, рассекшая их жизнь на ту и на эту, казалось, сомкнулась опять. Не было многолетней разлуки. Они не расставались никогда. Его рука нашла ее нетерпеливо ждущую руку и крепко стиснула под столом.

— Я никогда не переставал любить вас, ни на одно мгновение. Может быть, ожидание теперь подошло к концу? Я все еще храню ваше кольцо, вот здесь; я всегда надеялся, что настанет день, когда я смогу вам его вернуть.

— Сможете ли вы это сделать теперь же?

Его пожатие ослабло, рука подалась назад — и это лучше всяких слов сказало ей, что сейчас произойдет.

— Смогу, если вы порвете с вашим отцом.

— Те слова врага, о которых вы говорили. Думаю, сейчас вы должны мне их повторить, хотя я молила бы бога, чтобы их не слышать, — и она осушила свой бокал; щеки ее запылали от вина и нахлынувших чувств.

Гас, молча любуясь ею, не спешил говорить; он знал, что другой такой нет в целом мире, и знал, что никогда не полюбит другую.

— Я предложил некоторые изменения в проекте, которые улучшают и даже существенно меняют план вашего отца в отдельных его аспектах. По поводу этих изменений наши мнения разошлись. Он решил, и, возможно, решил справедливо, что моя попытка усовершенствовать его работу является личным выпадом. Оказав мне честь, пригласив в свой дом, он сразу взял свое приглашение назад. Вот как сейчас обстоят дела.

Не было силы в мире, способной вырвать у него признание в том, что, ко всему прочему, он подал в отставку — это было бы нечестной игрой на ее чувствах.

— Обстоят они очень некрасиво, должна сказать. Позвоните, чтобы принесли еще выпить. Не каждой девушке доводится видеть, как в считанные минуты мечты ее воскресают и вновь обращаются в прах.

Когда ей принесли херес и она его слегка пригубила, Гас решился наконец задать вопрос, от ответа на который зависело все.

— Должны ли они обратиться в прах? Теперь вам уже больше чем двадцать один, и вы принадлежите себе. Выйдете ли вы за меня, несмотря на немилость вашего отца?

— Гас, милый, я сделала бы это, если бы могла. Но я должна остаться с ним.

— Но почему?! Можете вы назвать мне причины?

— Да, она одна, и я вам ее открою, вам это следует знать: я поступаю так не по недостатку любви к вам, но

по долгу. Как вы знаете, моя мать умерла. Оба брата мои — инженеры, вроде вас, они всегда далеко. У отца есть только я. То, что я скажу сейчас, сохраняется в глубочайшей тайне, знаем ее только я, да врач, да несколько доверенных слуг. Отец мой нездоров. О, я знаю, он напускает важный вид, он бушует, он ведет себя как вел всегда, но годы берут свое. У него был сердечный приступ, такой серьезный, что он много дней провел между жизнью и смертью. Теперь я должна заботиться о нем и делать все, чтобы его жизнь шла спокойно, ведь врач сказал, что второго приступа он не переживет, врач в этом почти уверен. Если я покину его, если пойду против его воли — я убью его так же наверняка, как если бы спустила курок.

Это было все. Несколько секунд они сидели молча, затем она поднялась, он тоже встал. Она нежно поцеловала его в щеку, он ответил ей так же — ласково и вместе с тем отчужденно; это все, что они могли позволить себе, чтобы чувства, которые они с трудом сдерживали, не выплеснулись наружу. Они попрощались, и Айрис пошла прочь, а он провожал ее взглядом, пока она не пропала из глаз, скрывшись за позолоченными колоннами; затем он вновь сел и резко продолжил уничтожение бренди в бокале, и бренди его согрело — единственное тепло в мире холода; он заказал еще бокал, потом бутылку, зачем официанту так часто бегать взад-вперед...

Но чем больше он пил, тем трезвее становился. Жидкость в бутылке стремительно исчезала и исчезала-таки, обнажив дно, но волшебная исцеляющая сила ее так и не оживила оцепеневшей души Гаса. Работа погибла, любимая ушла; осталось одно отчаяние. Так он сидел очень долго, пока не понял вдруг, что у плеча его стоит официант, протягивая ему переносной телефонный аппарат, а механик подключает его к фитингу, скрытому в стене.

— Вас просят на связь, капитан Вашингтон, — сказал официант.

Громкий, возбужденный голос Корнуоллиса донесся до Вашингтона.

— Вашингтон, это вы?! Наконец-то, мы уже несколько часов пытаемся связаться с вами!

— Да?

— Ну, пытались связаться с вами, я говорю. Мы тут хорошенько помучились, смею вас уверить; вы знаете

сами, что сэр Айсэмбард — тяжелый человек. Но в конце концов он пошел на попятный. Он ставит туннель выше всего остального, как и все мы. И, надеюсь, как и вы, Вашингтон.

— Сэр!

— Конечно, вы скажете, что так и есть. В таком случае мы просим вас забрать назад свою отставку и продолжить работу с нами. Вы нужны нам, парень! Сэр Айсэмбард будет строить ветку от Отметки 200 к Азорам, наиболее простую, и предоставляет вам американский участок с этим мостом через рифтовую долину, будь он навеки проклят! Будете вы это делать? Остаетесь вы с нами?

Молчание затянулось; слышно было тревожное дыхание Корнуоллиса. Несмотря на выпитое бренди, Гас мгновенно протрезвел и, когда он ответил, голос его был тверд.

КНИГА ТРЕТЬЯ

ШТОРМ

Глава 1

АНГРА-ДУ-ЭРОИЖМУ

Далеко в море грохотал гром, словно огромные деревянные бочонки перекатывались по булыжной мостовой; зигзаги молний освещали гряды темных облаков зловещим светом, коротко высвечивая удивительные пейзажи с пылающими черными лугами в небесах, с адскими портъерами, несущимися над свинцовым морем. Первые крупные капли дождя опередили шторм и разбивались о камни причала, под порывами ветра сухо шелестели высокие пальмы, шеренгами выстроившиеся вдоль берега. Входящие в гавань буксиры торопливо сигналили друг другу, выплевывая белые клубы пара; людям на берегу было видно, как облачка беззвучно срываются с труб и жмутся к воде, а уж затем, спустя несколько долгих секунд, долетали печальные стоны гудков. У буксиров были причины торопиться — надвигающийся шторм уже вздыбливал валы, уже срывал длинные струи белой пены с их гребней. И все же им приходилось торопиться без спешки, потому что гигантская, напоминающая кита туннельная секция, которую они волокли за собой, сопротивлялась всякому поспешному движению всей своей тысячетонной массой. Ее горбатая спина едва возвышалась над водой, и волны перекатывались через нее, придавая секции вид какого-то серого, зловещего морского чудовища, всплывшего на поверхность. Со всеми предосторожностями, после еще более неистового обмена сигналами, ее завели

наконец в бездонную гавань, отделенную волнорезами от штормового моря, и закрепили на дожидавшихся там буюх.

С высокой террасы Управления Гас отлично видел гавань и мастерские, депо и машинные парки, подъездные пути и запасные пути, подъемные краны и строительные конструкции, судоподъемные механизмы и склады — сложный индустриальный мир, которым он управлял, где трудились под его началом тысячи людей. Теперь это была уже привычная картина, но она никогда не надоедала ему. Радио возле его локтя сообщало об успешном закреплении секции в тот самый момент, когда сам он увидел поднимающийся столб пара от долгого гудка, означавшего, что буксировка завершена и можно отцеплять тросы. Тогда он опустил свой мощный бинокль и потер усталые глаза, а затем окинул взглядом всю эту неумолкающую возню внизу, всю эту суету, которая составляла его жизнь. Ритмично грохотали клепальные машины, металл бил о металл, визжали тросы выбивающихся из сил тягачей, посвистывали гудочки пылящих маневровых паровичков, снующих взад-вперед по рельсовому лабиринту и заталкивающих товарные вагоны на запасные пути, медленно кружили в воздухе стрелы кранов, поднимающих грузы из корабельных трюмов. Капли дождя били все ближе и ближе и наконец упали на Гаса; сейчас он был благодарен им за их холодные прикосновения к его побронзовевшей коже, ибо прошедший день был жарким и напряженным. Хотя его рубашка с закатанными рукавами и широкие штаны были сшиты из тончайшей, цвета хаки, хлопковой саржи, все равно жара до сих пор была невыносимой, так что дождь можно было только приветствовать. Гас даже сорвал свой тропический шлем и поднял лицо к тучам, капли приятно заплескались на его щеках, на лбу. Лишь когда небесный душ превратился в потоп, Гас укрылся в конторе Управления и взял полотенце, чтобы вытереться. Служащие конторы продолжали заниматься своими делами; исключение составил лишь Саппер Кукурузник, начальник смены, который тут же подошел к Гасу, неся целую охапку бумаг.

— Тут у меня все рабочие отчеты и графики работ всех бригад, дни и часы, пропуски по болезням, все. Это сожрет чертову уйму времени.

— Вынужден признать, что разделяю твою скудость энтузиазма — но то, что нужно сделать, нужно делать, — Гас бросил взгляд на бумаги и быстро решил: — Пусть посыльный отнесет это ко мне в отель и оставит на столе, я займусь ими вечером. Нью-Йорк озабочен ростом общих расходов, и вполне может оказаться, что секрет увеличения затрат именно здесь. Вечером я изучу все детально и посмотрю, нельзя ли выудить хоть крупицу смысла из этого статистического хлама. Дело в том, что я уйду до окончания смены, так что не буду путаться у вас под ногами.

— В таком климате строительство туннеля вызывает жажду. Чтобы сохранять форму, землекопам нужна прорва пива, вина, виски-красноглазки...

— С этим не приходится спорить. Ты знаешь, где я буду и что делать.

Стремительный шторм улетел, пока Гас пробирался задворками складов и сортировочных станций, и лишь последние капли изредка щелкали по его шлему. Здесьгодились бы его рабочие сапоги выше колен — тяжелые грузовики страшно размесили грязь. Добравшись до авениды Атлантика, широкой улицы, тянувшейся вдоль берега, Гас медленно пошел по ней, смешавшись с разношерстной толпой, заполнившей ее после дневной сиесты. Он любил это время дня и шествие так не похожих друг на друга людей, собравшихся сюда чуть ли не со всего света, ибо это его туннель превратил маленький сонный городок Ангра-ду-Эроижду на острове Терсейра в Азорах в суматошный, крикливый международный порт.

Конечно, здесь были свободные от работы землекопы с обеих сторон Атлантики, очень внушительные в своих шарфах, цветастых жилетах, высоких сапогах и громадных шляпах; они бесцеремонно проталкивались сквозь толпу и спуску никому не давали. Оливковые островитяне были теперь в заметном меньшинстве, но они не жалели об этом, потому что судьбой их отныне стало процветание, — процветание, которого они не знали, пока извлекали из моря не жалованье строителей туннеля, а всего лишь рыбу. Прежде деньги попадали сюда лишь в обмен на ананасы и бананы, апельсины, табак и чай, которые вывозились на капризный мировой рынок. Теперь эти продукты вовсю расхватывались здесь, так что ничего — или почти ничего — не приходилось грузить на корабли и транспортировать.

Но землекопы отнюдь не были единственными потребителями местных товаров, ибо там, куда приходил туннель и где появлялись деньги из конвертов с жалованьем, сразу появлялись мужчины и — увы! — женщины, которые смотрели на эти деньги с вожделением и жаждали лишь одного: перекачать их как можно больше из кошельков честно работающих людей в свои нечестивые сумочки и бумажники. Здесь были профессиональные игроки, лощеные люди в черном, с аккуратными усиками, с холеными нерабочими пальцами — и всегда изготовленными к бою миниатюрными крупнокалиберными пистолетами, предназначенными для любого, кто стал бы опрометчиво оспаривать честность сдачи карт или броска костей. Были и ростовщики с наличностью всегда наготове — для тех, от кого можно ждать барыша; они ссужали под чудовищные проценты, триста-четыреста были обычным делом, так что библейские предписания против ростовщичества звучали здесь очень доходчиво. Появились и торговцы, — но не торговцы с крепким, налаженным бизнесом, демонстрирующие свои товары любому и устанавливающие свои цены открыто, — нет, темные личности со складными коробочками и вельветовыми чехольчиками в потайных карманах, предлагающие за смехотворные деньги кольца и часы, алмазы и рубины, намекая или нашептывая при этом, что вещи — лава, то есть горячие, то есть краденые; хотя разве только сумасшедший вор польстился бы на подобную дрянь, потому что кольца зеленели, часы переставали тикать, как только в них издыхала живность, алмазы и рубины, стоило им упасть, разлетались осколками стекла. И были здесь женщины, о да, несчастные ночные создания, которых предали, продали, поработили, загнали в ловушку и обрекли на жизнь в аду, — но описывать такое невыносимо, да и чернила, которыми это будет написано, раскалились бы и выжгли прочь с бумаги слова, чтобы утонченный читатель никогда не узнал, каково жить им в том мире, каково ремесло, которому бедняжки отдаются с таким усердием.

Все они прогуливались сейчас по тротуарам, прогуливались и многие другие: мавританские торговцы, пришедшие на своих одномачтовых дау из Африки и Иберии с грузами съестного — ведь несколько островов архипелага не могли прокормить такое количество людей, — меряли мостовую твердыми шагами, темно-

кожие, горбоносые, в белых бурнусах, с руками, лежащими на рукоятках их ужасных ножей, им было на что посмотреть в этом форпосте чуждых им христиан. Подчас мелькал сюртук делового человека, эта униформа любому придает вид инкогнито, и на взгляд никак нельзя отличить, приехал ли человек из Франции или Пруссии, России или Польши, Голландии или Дании; здесь заключалось много сделок. И еще, и еще — и все вливались в этот изменчивый и неизменный поток.

Гасу всегда нравилось смотреть на него, и, подойдя к любимому своему заведению «Эль Тампико», он завернул внутрь и сел за столик на террасе, положив руки на окружавшие ее тонкие латунные перильца, приветственно помахал владельцу, склонившемуся в поклоне, и улыбнулся официанту, который уже спешил к нему с охлажденной бутылкой «Вино де шейро», местного вина, приглянувшегося Гасу; оно обладало великолепным букетом, было ароматными и сладким — и вкусом, и запахом оно напоминало розы. Гас пригубил; ему было хорошо и спокойно. Работа шла споро, не на что было жаловаться. Он посмотрел на толпу, и тут уловил краем глаза, как кто-то сидевший спиной к нему за соседним столиком придвинулся ближе. То, что движение не было случайным, стало ясно, когда мужчина — а это был мужчина — тихо заговорил, не по-английски растягивая гласные, и слышать его мог лишь Вашингтон.

— Ваши землекопы — хорошие работники, ми-истайр Вашингтон, они работают очень много, им надо кушать очень много. Вы должны их ко-ормить, значит, вам надо мно-ого пищи, мно-ого денег. У меня как ра-аз есть мно-ого тонн консервированной ветчины, такой хорошей, вы просто не поверите, но-о у меня в кармане есть образчик ва-ам на пробу.

Что-то влажное шлепнулось на стол, и Гас не мог не заметить внезапно возникшего на полотняной салфетке у его локтя ломтя мяса. Гас не обратил внимания ни на мясо, ни на его владельца, но тот настаивал:

— Посмотрите, как вкусно, славная моя балканская свининка, съе-ешьте, съе-ешьте, вам понравится. Эту ветчину я продам вам по особой цене, хоро-ошей цене, а под столом есть для вас кое-какое вознаграждение, против золотишка-то вы не бу-удете возражать, ик!

Он завершил свою речь столь необычным образом, потому что за спиной у него неслышно возник Саппер Кукурузник и, без лишних слов ухватив его за шкирку

и за седалище, вышвырнул на улицу; там сомнительный снабженец моментально скрылся. Кончиками пальцев Гас отправил мясо вслед за его хозяином, и оно тут же исчезло в пасти одного из длинноногих местных псов, болтавшихся по мостовой.

— Очередные несколько тонн бетона, наштампованного песком? — спросил Саппер, все еще стоя, но уже наливая себе бокал вина за труды.

— На этот раз нет. Из того немногого, что я успел услышать, прежде чем ты прервал беседу, это либо краденая партия мяса, либо тухлая, либо что-то в этом роде. Прекратят они когда-нибудь или нет?

В ответ Саппер что-то односложно хрюкнул и скрылся из виду внутри кафе. Гас потягивал вино. Дельцы этого сорта никак не могли поверить, что Вашингтона нельзя подкупить; их жизненный опыт гласил, что все продается, просто у всего своя цена, что можно подобрать ключик к каждому, поэтому они настойчиво продолжали подкапываться и под него. Давно прошли времена, когда Гас пытался обходиться с ними одними словами; теперь дело поставили так, что, когда он бывал среди посторонних, кто-нибудь из его людей постоянно находился наподолеку и определенное движение руки Гаса, вроде бы само по себе ничего не значащее, давало понять: ненамечавшаяся беседа должна быть немедленно прекращена. Через мгновение Гас уже забыл об этом эпизоде, настолько он был обычным, и выпил еще вина; тем временем наступил нежный тропический вечер. Освежившись и сбросив пар, Гас лениво побрел сквозь бурлившую по-прежнему толпу к отелю «Терра Ностра», где держал комнату; отель был лучшим на острове, но это вовсе не говорило об особой привередливости Гаса, отель был переполнен. Все отели и все рестораны были безобразно переполнены с тех пор, как сюда пришел туннель. Управляющий, любезно раскланившись — Гас был из уважаемых клиентов, — передал ему оставленный посыльным пакет, и капитан поднялся к себе, чтобы сесть поработать с бумагами вплоть до столь любимого островитянами позднего обеда.

Открыв дверь, он убедился, что в комнате темно — значит, горничная опять забыла о его просьбе оставлять свет включенным. Это было обычным явлением и, недолго думая, он закрыл дверь, нащупал выключатель и нажал. Ничего не изменилось. Электричество опять отключили, подумал он; работавшая на угле местная

электростанция была крайне ненадежна. Но ведь в вестибюле горели лампы. Недоумевая, он повернулся было обратно к двери, как вдруг ослепительный свет электрического фонаря ударил ему в глаза; Гас понял, что в комнате кто-то есть. И кем бы этот загадочный посетитель ни был, ясно, что он здесь неспроста, это Гас сообразил сразу и пригнулся, чтобы броситься на того, кто держал фонарь. От броска его удержало тихое появление в луче света мужской руки, державшей никелированный, очень убедительный на вид револьвер.

— Вы пришли меня ограбить? — холодно спросил Гас.

— Не совсем, — ответил загадочный посетитель; то явно была речь американца. — Допустим, я хотел сначала посмотреть на вас, затем удостовериться, что вы один, и, наконец, пистолет, простите, был нужен для того, чтобы убедить вас не совершать в этой темной комнате ничего необдуманного, — что вы, похоже, собирались сделать.

— Вот мой бумажник, берите его и уходите. Для вас в этой комнате больше нет ничего ценного.

— Благодарю вас, нет, — ответил голос из темноты, и в нем прозвучали веселые нотки. — Вы неправильно истолковали мое появление.

Послышалась какая-то возня там, где к выключателю подходили провода, хотя луч фонаря по-прежнему был направлен на Гаса. Наконец вспыхнул свет.

Ночной гость оказался мужчиной лет тридцати пяти, одетым так, как обычно одеваются за границей американские туристы: цветастая, украшенная бисером рубашка в индейском стиле, островерхая шапочка рыболова с зеленым пластиковым козырьком, усеянным значками и наклейками с названиями мест, где побывал ее владелец, шорты до колен и крепкие, подбитые крупными гвоздями ботинки. На шее висели камера и экспонометр, к поясу было прицеплено окаянное устройство, без которого добрый американский путешественник как без рук: днем и ночью оно читало лекции обо всем, что путешественник видел. Сейчас гость улыбался, и поэтому лицо его выглядело приветливым, но чувствовалось, что обычно эти ледяные голубые глаза бывают неумолимы, широкая челюсть упряма, а острый с горбинкой нос со следами давнишнего перелома временами напоминает хищный клюв ястреба. Гас рассмат-

ривал гостя медленно, осторожно, стоя без движения под угрозой револьвера и ожидая подходящего момента, чтобы опрокинуть стол. Однако мгновением позже оказалось, что незнакомец коснулся кнопки на висящем у пояса «говорильнике», у того отскочила крышка и открылось потайное отделение. В него гость уложил оружие, а оттуда вынул предмет, по размеру несколько меньший. Кожаный футляр щелкнул и закрылся вновь, а гость, по-прежнему улыбаясь, передал Гасу извлеченный из тайника металлический значок полицейского.

— Счастлив познакомиться с вами, капитан Вашингтон. Меня зовут Ричард Трейси *, я — управляющий нью-йоркской конторы Пинкертона. Мой значок у вас в руке, и мне поручено, чтобы окончательно удостоверить мою личность, передать вам вот эту записку.

Плотный конверт; на сургуче — оттиск печати сэра Уинтропа. Не похоже, что конверт вскрывали. Внутри — короткая записка, написанная Рокфеллером собственноручно, Гас сразу узнал почерк. Послание было лаконичным:

«Представляю вам Р. Трейси, эск., которого я нанял частным образом. Можете ему доверять абсолютно. У. Рокфеллер».

— Знаете ли вы содержание письма?

— Только суть — я провожу расследование, и знать об этом должны только вы. Сэр Уинтроп просил передать, что он нанял меня лично, на свои личные деньги, так что, кроме него, о моем существовании знаете только вы.

— Я полагаю, вы не откажетесь рассказать мне, в чем состоит ваше расследование?

— Как раз подходим к этому, сэр. Диверсии, конечно; более грязного бизнеса не придумаешь. Я могу сослаться на примеры, вам известные, — но тех, о которых вам не известно, гораздо больше.

— Скажем, загадочное исчезновение горючего в вертолете над Канадой?

— Совершенно верно. И перерезанный трос туннельной секции на завершающем участке у станции Грэнд-бэнкс, и обвалившийся ангар в депо, и много других. Здесь, на острове, я недавно и веду расследова-

* Детектив Р и ч а р д (Дик) Т р е й с и — персонаж серии комиксов, издававшихся в США в 40 — 50-х годах, один из популярных героев американской массовой культуры.

ние вглубь. Это сильная организация, активно противодействующая успешному завершению строительства. Им хорошо платят, они безжалостны и не остановятся ни перед чем.

— Но кто это делает и для чего?

— Пока я могу только гадать, а гаданиями я предпочитаю не заниматься. Я человек фактов и только фактов. Возможно, мы все это скоро узнаем, поэтому сейчас я и обращаюсь к вам за помощью. Я и мои работники разбираемся тут уже несколько месяцев...

— Я ничего не знал!

— И не должны были. У меня отличные парни. Держу пари, вы видели некоторых в туннеле, я расставил их по самым разным местам. А сейчас на одного из них — зовут его Козлище, потому что он уродлив и упрям козлу под стать — вышли диверсанты, и он согласился им помочь. Вы должны подобрать место для преднамеренной и впечатляющей диверсии, чтобы Козлище взяли на доверие. Когда я буду знать, кто они, мы наскочим и разом возьмем многих.

— Тут надо подумать, но я знаю, с кем можно проконсультироваться. Я поговорю с...

— Ни с кем, ни с кем, пожалуйста. Я слишком ценю свою жизнь.

— Что вы имеете в виду?

— Буду откровенен. В прошлом несколько раз уже прибегали к услугам детективов, но они либо проваливали работу, либо их находили погибшими при невыясненных обстоятельствах. Сэр Уинтроп считает, и я с ним согласен полностью, что внутри компании кто-то сотрудничает с диверсантами.

— Не может быть!

— Это так. Кто-то обладающий доступом к обширной специальной информации. Возможно, он даже не один. Пока мы не выясним, кто это, шансов у нас нет. Вот почему я зашел к вам в гости таким необычным образом. Никто, кроме вас и сэра Уинтропа, не знает о том, что я занимаюсь этим делом.

— Уверен, что могу сказать...

— Никому! Только так.

Они договорились. Никому. Договорились о системе паролей и способах общения, проработали план крупной диверсии. Когда с этим было покончено, секретный агент коснулся своего запястья и раздался щелчок; это открылся его опознавательный браслет, который к тому

же оказался и аппаратом двусторонней радиосвязи. Трейси побеседовал с каким-то помощником, тот сказал, что за комнатой никто не следил. Успокоенный этим сообщением, ночной гость выключил свет и выскользнул за дверь, исчезнув так же неожиданно, как и появился.

Хотя Гас работал с бумагами допоздна и должен был бы все внимание отдать им, мысли его то и дело возвращались к таинственным диверсантам. Кто они — и кто внутри компании участвует в этом подлом заговоре?

Когда он все же лег отдохнуть, сон не шел. Мысли его смерчем крутились вокруг столь неожиданных известий; и тревога его не оставляла.

Глава 2

ЗАГОВОР РАСКРЫТ

Ни один звук не осквернял молчания дня. Не слышно было ни слова, ни разу не ударил по металлу металл; ни стук шагов, ни гул мотора, никакой иной из обычно сопровождающих человека шумов не осмеливался нарушить удивительную тишину. Лишь плескались волны у мола, и чайки кричали в небесах, но то были голоса природы, — а люди и их машины замерли на всем громадном пространстве туннельных работ, ибо каждый, бросив все, вскарабкался куда-нибудь повыше, чтобы лучше видеть драму, которая разыгрывалась прямо перед глазами. С каждой стены, и крыши, и крана свешивались, как виноградные гроздья, люди — гроздья людей с наполненными горем глазами и потерявших дар речи перед лицом трагедии; они напряженно следили, как маленькая горбатая субмарина, взбивая за собою пенный след, на предельной скорости мчится к выходу из гавани. Лишь на самой верхней наблюдательной точке, в Управлении, были движения и звуки — один человек, радист, щелкал переключателями, подкручивал кремальеры и говорил, говорил в судорожно стиснутый микрофон, не замечая, как крупные капли пота катятся по его лбу и срываются вниз.

— Повторяю, это приказ капитана Вашингтона. Повторяю, немедленно покиньте судно. Поняли меня, «Наутилус», поняли меня?

Динамик у него над головой хрустнул и зашипел, а затем взревел невыносимо громкой от чрезмерного усиления речью:

— Разумеется, вы ж не Эйнштейн и не Фолкнер какой-нибудь, понять вас особых стараний не требуется. А вообще-то я слышу вас хорошо, будто вы сидите у меня на плече. Продолжаю идти по курсу.

Не то предсмертный выдох, не то вздох облегчения вырвался у слышавших это людей. Протолкавшись сквозь них и взяв у оператора микрофон, Гас перещелкнул тумблер на передачу.

— Здесь Вашингтон — и это приказ, О'Тул. Немедленно заклиньте рычаги — и вон оттуда. Я пошлю катер подобрать вас. Все.

И снова воздух наполнился шипением и треском.

— Приказы существуют для того, чтобы их выполняли, капитан, но, прошу прощения, сэр, я думаю, что этого приказа я не услышу. Я тут раскрутил старину «Наута» на столько узлов, сколько ему и не снилось прежде в его спокойной ржавой жизни, сейчас он шпарит, как проклятый. Красный столбик по-прежнему лезет вверх, но мы будем уже далеко в море, когда он перевалит опасную черту.

— Можете вы заглушить реактор?

— Боюсь, сейчас мне придется ответить отрицательно, сэр. Когда я запустил силовую установку, стержни оказались поднятыми на всю длину, и я не могу запихнуть их обратно ни вручную, ни как иначе. Я ж не атомщик, мне было не сообразить, чем умаслить эту пакость, — и я подумал, что лучше всего будет слегка оттащить ее в море.

— Заклиньте рычаги и уходите...

— Немножко поздно, капитан, тут уже припекает, пошел разогрев кормы. И потом, рычаги можно закрепить, чтобы старина держался на курсе, но погружение так не отработаешь, — а я как раз собираюсь нырнуть поглубже. Так глубоко, как только получится. Значит, конец связи. Под водой радио не работает...

Голос постепенно затихал. Затих. Микрофон со стуком выпал из руки Гаса. Далеко в море полыхнуло белое пятнышко пены там, где лодка ушла вниз. Потом океан стал пустынным.

— Вызовите его по сонарфону, — сказал Гас.

— Я пробовал, сэр, — не отвечает. Не думаю, что он его включил.

Дальше — тишина. Полная тишина, ибо то, что произошло, уже было названо, и теперь каждый, кто здесь находился, знал, что делает этот один человек ради них всех. Щурясь от солнца, они смотрели в море, туда, где ушла в глубину субмарина, и ждали последнего акта драмы жизни и смерти, которая разыгрывалась у них на глазах; они не знали, чего, собственно, ждут, но понимали, чувствовали, что, хотя атомная энергия и не входит в круг их познаний, ее появление будет заметным для всех.

Так и случилось. Далеко-далеко водная гладь внезапно дрогнула и закипела, и сам океан вздыбил горбатую спину, как если бы какой-то древний, чудовищный обитатель глубин пытался всплыть на поверхность или, может быть, рождался новый остров. Страшное кипение в океане все усиливалось, и тут до берега докатился могучий удар, который сбил людей с ног, раскачал подъемные краны, заставил оглушительно задребезжать лежавшие друг на друге стальные листы на каком-то складе. А океан выгибался все выше и выше, пока кипящая масса воды не замерла на высоте нескольких сотен футов — и тогда, прежде чем она начала падать обратно, из самой ее сердцевины белой колонной вымахнула бешено крутящаяся спираль, она рвалась в небо, в самое небо, невообразимо высоко, вот она уже сравнялась с горной вершиной на соседнем острове Пику... И тут она расцвела мерзким цветом, раскрываясь, словно адский цветок, до тех пор пока белое облако, насквозь простреливаемое кровавыми вспышками, не утвердилось на вершине колосса, который его исторг. Так он стоял; отвратительный, странно красивый в своей чужеродности, самый ядовитый гриб под небесами, вскормленный смертью и сам — смерть.

Люди на берегу не в силах были отвести глаз от этого ужаса; забыв о человеке, который стоял позади них, все они как один обнажили головы и прижали свои шляпы, шлемы, кепки к груди, отдавая последнюю память храбрецу, который только что перестал жить.

— Сегодня больше не работаем, — внезапно прозвучал в тишине голос Гаса. — Сделайте объявление и все могут идти.

В море затихающий ветер уже рассеивал облако и уносил его прочь. Гас бросил туда короткий взгляд, нахлобучил свой шлем и ушел. Ноги сами собой пошли по знакомому пути — к улице, затем к «Эль Тампико».

Официант бросился за вином для него, принес, и с языка его уже готовы были сорваться вопросы о странном явлении, которое все недавно наблюдали, но Гас, отмахнувшись и от вина, и от вопросов, велел принести виски. Стоило бутылке появиться перед ним, он залпом осушил бокал, наполнил его снова и устался в его глубину. Через несколько минут он поднес к голове руку в условном жесте — охранявший его огромный индеец возник в дверях и подошел к нему.

— Тут некого брать за задницу, — сказал Саппер.

— Знаю. Давай, садись-ка и выпей.

— Красноглазка, отрава добрая, — он опрокинул бокал и удовлетворенно выдохнул. — Вот настоящая огненная вода.

— Выпей еще. И возьми бутылку себе про запас, если хочешь. Оставайся здесь и похлебай какое-то время — а за мной не ходи. Я зайду внутрь и уйду черным ходом.

Лицо индейца на миг недоуменно вытянулось, затем осветилось широкой улыбкой.

— Ага. Вот это, по-моему, хорошая идея. Как раз то, что сделал бы индеец. Снять женщину и забыть печали. Я подскажу вам отличный дом...

— Это замечательно, но я уже большой и сам о себе позабочусь. Сиди здесь.

Поднимаясь, Гас едва сдержал улыбку; если бы только Саппер знал, куда Гас идет. Не оглядываясь, он пересек обеденный зал и поднялся по лестнице, ведущей в комнаты отдыха. Оказавшись в темном коридоре, он остановился и прислушался, выясняя, действительно ли он здесь один. Убедившись, что за ним никто не идет, он быстро и тихо подошел к окну в конце коридора и толкнул раму; окно было не заперто, хорошо смазано и открылось беззвучно. Одним быстрым движением Гас вылез наружу; балансируя на карнизе, закрыл за собой окно и прыгнул в темный переулок. Никто его не видел; лишь белые потрескавшиеся стены смотрели на него, да источали зловоние близкие помойные баки. В конце переулка, там, куда попадало солнце, проходили какие-то люди, но сюда никто не заглядывал; однако для пущей уверенности Гас подождал, пока они пройдут. Лишь когда видимая часть улицы опустела, он, стараясь двигаться как можно тише, перебежал к зданию напротив; заглубленная в стену и поэтому со стороны почти

незаметная дверь отворилась, стоило ему подойти, и сразу закрылась за его спиной.

— Сошло нормально? Вас не видели?

— Отлично, просто отлично. Саппер меня прикрывал.

Человек Пинкертон кивнул и провел Гаса в другую комнату, залитую ярким светом электрических ламп; ставни были закрыты, шторы опущены. На столе был радиоаппарат, перед ним сидел человек; когда Гас вошел, человек обернулся и встал.

— Честное слово, я чувствую себя духом умершего, — сказал О'Тул.

— Вы все сделали прекрасно.

— В душе я актер, сэр, но вы и сами не терялись. Временами мне и впрямь казалось, что я снова на старине «Науте» и вывожу его на шесть футов под килем, а он в натуре собирается меня придушить. Он был хорошим кораблем, жаль, что так кончил.

— Честная смерть. Куда лучше, чем идти на слом, — а он одной ногой был уже там. Сальники начали течь, корпус дал трещины. Сейчас его гибель пошла на пользу доброму делу.

— Да, конечно, вы правы. Но меня беспокоит угроза радиации — о ней все время предупреждают эксплуатационные руководства.

— На этот раз беспокоиться не стоит. Метеорологи нас заверили, что господствующие ветры унесут облако мимо судоходных линий, а расщепляющиеся материалы в морской воде быстро рассеются и не причинят вреда.

— Такая предусмотрительность ободряет. Что ж, переходим к следующему номеру нашей программы. Вы займетесь им сегодня вечером; ожидается крупное приключение, к тому же оно придаст хоть какой-то смысл кончине старины «Наута». Могу я пойти с вами?

— Нет! — сказал Трейси тоном приказа, а пальцы его едва не коснулись рукоятки револьвера, заткнутого за ремень брюк на животе и до этого момента прикрытого курткой.

Еще один человек, тихо сидевший на стуле в углу, быстро вскочил, и тогда стало видно, что все это время он просидел с пистолетом в руке. Трейси жестом велел ему сесть снова.

— Спокойно, Пикеринг, он не пойдет. Капитан Вашингтон, когда я разрешил вам информировать о происходящем еще одно лицо, мы твердо договорились, что

оно останется в этой комнате, пока все не встанет на свои места.

— И оно остается, Трейси, я дал вам слово, — Гас повернулся к водителю субмарины, который смотрел на них в полном недоумении. — Будет, как он сказал, О'Тул. Вы влезли в это дело вслепую, поверив мне на слово, что повредить вашу подлодку, увести ее в море, где она взорвется, и вдобавок по радио притвориться, что вы на борту, — это очень важно и очень секретно. Возможно, у вас есть какие-то догадки относительно того, что происходит, но, если даже и так, я прошу вас держать их при себе. Оставайтесь в этой комнате с Пикерингом, хотя бы ради вашей же безопасности. Мы схватились сейчас с отчаянными людьми и должны стать такими же отчаянными, как они; я твердо убежден, что эти двое скорее застрелят вас, чем позволят сегодня вечером выйти отсюда.

Оба агента кивнули, молчаливо подтверждая слова Вашингтона. О'Тул пожал плечами, подчиняясь.

— Пусть будет так, сэр. Я сегодня уже совершил один раз самоубийство, и у меня нет желания его повторять.

— Садитесь сюда, к свету, — сказал Трейси Гасу, когда вопрос был исчерпан и рукоятка револьвера убралась снова. — Никто не должен вас узнать, иначе игре конец.

Под его ловкими пальцами Вашингтон превращался в другого человека так быстро и неузнаваемо, что наблюдавший за этой метаморфозой О'Тул шепотом помянул имена одного-двух святых. Первым делом в кожу рук и лица была как следует втерта коричневая краска, потом за щеки вложены маленькие подушечки, несколько быстрых прикосновений черного карандаша обозначили морщины, потайные колечки вставлены в ноздри, которые сразу расширились и округлились, а увенчалось дело густыми черными усами на быстросохнущем клее и весьма гармонично их дополнившим париком. Когда Гас глянул в зеркало, у него даже дыхание перехватило — на него смотрел незнакомец, очевидно, принадлежавший к латинской расе, скорее всего, один из островитян, который ничем не напоминал человека, недавно севшего на этот стул. Пока он восхищался этим произведением искусства, Трейси занимался собственным лицом, обрабатывая его так же, как и лицо Гаса; завершил он это таинство, достав два костюма в

узкую полоску, с широкими лацканами и накладными плечами, имевших явно континентальный покрой, и черные остроносые туфли. Когда оба переоделись, О'Тул невольно присвистнул сквозь зубы.

— Ну, честное слово, я мог бы на улице пройти мимо и ни за что не узнал бы, не вру!

— Нам пора, — сказал Трейси, взглянув на часы; восхищение рулевого он воспринял бесстрастно, как нормальное признание добросовестно выполненного дела. — К месту встречи придется идти кружным путем.

Пока они гримировались, совсем свечерело, так что боковые улочки и переулки, по которым предпочитал идти Трейси, были темнее дегтя. Но он, похоже, отлично знал географию этих трущоб, потому что безошибочно пришел к цели. Когда они остановились перед утопающей во тьме дверью, ничем не отличавшейся от сотен других, мимо которых они прошли, он наклонился к Гасу и прошептал:

— Это кровожадные люди и наверняка вооруженные. Есть второй револьвер — хотите?

— Нет, благодарю. Я человек мира, а не войны. Все это мне отвратительно.

— Необходимый инструмент, не более. Впрочем, я слышал, ваш правый боковой пользовался большим уважением в колледже и вас неоднократно зазывали на профессиональный ринг. Когда доходит до ближнего боя, против кулаков трудно что-нибудь возразить.

— Согласен и с удовольствием предвкушаю такую возможность. Теперь — ведите.

Дверь оказалась черным ходом одного из омерзительных питейных притонов, расположенных в районе порта; там был нависавший над главным залом балкон, где представители местной знати или те, кто старался под них подделываться, могли пить в относительном уединении, глядя на зловонное бурление жизни внизу. Заняли столик у перил; Трейси отмахнулся от двух черноглазых, размалеванных женщин, которые начали было бочком подбираться к ним. Официант принес бутылку лучшего вина, которое могло предложить это заведение, — водянистого, кислого шампанского по удивительно высокой цене; они подняли бокалы к губам, не делая ни глотка. Говоря так тихо, чтобы лишь Гас мог его слышать, Трейси поверх бокала произнес:

— Он здесь. Столик у двери, человек, который пьет один. Сразу не оборачивайтесь — мы здесь не единственные наблюдатели.

Небрежно подпалив тощую, черную, опасную даже на вид сигару с обрезанным концом, которую передал ему Трейси, Вашингтон бросил спичку на грязный пол и рассеянно оглядел толпу внизу. Там пили, кричали, играли, ругались — отвратительное кипение жизни, где рядом в одном котле варилось местное хулиганье, землекопы, грубая матросня... Клоака. Наконец Гас позволил своим глазам скользнуть по одиноко сидящему за столом у двери — точно так же, как они скользили по остальным.

Некрасивый человек с застылым выражением утрюмости на лице. Агент Трейси, которого тот назвал Козлицем. Одет он был, как землекоп; работал в туннеле, в береговой его части. И, само собой, мог иметь доступ к субмарине, сразу пришло Гасу на ум. Его акция, если смотреть со стороны, увенчалась успехом, теперь он ждет платы, ждет встречи с другими гангстерами, поскольку своим дерзким поступком доказал свою ценность для них.

Именно в этот момент в неразберихе голосов внизу вдруг отчетливо и — для Гаса в особенности — отдельно от остальных прозвучал знакомый, похожий на бычий, рев, который Гас явно слышал много раз. С нарочитой рассеянностью, словно бы от нечего делать, он опять обвел взглядом толпу — и едва сохранил контроль над собой; ни одна черточка на лице не дрогнула от того, что он увидел внизу. Завершив ленивый осмотр происходящего в зале, он поднял бокал, и, лишь когда лицо его оказалось прикрыто, сказал:

— Там внизу землекоп, Боевой Джек, мой начальник смены с английского туннеля. Если он меня узнает...

— Молите бога, чтобы не узнал, иначе мы пропали, а вся операция — сорвана. Я знал, что он приехал сегодня с группой новых рабочих для английской ветки, но почему при таком обилии возможностей выпить он предпочел это заведение всем другим? Вот же не везет!

Вскоре им предстояло узнать как следует, что такое не везет. С улицы донеслись хриплые вопли. Дверь с треском распахнулась, и вошел Саппер Кукурузник, пьяный вдрызг. Бутылка, которую заказал в начале вечера Вашингтон, была теперь пуста, но Саппер продолжал сжимать ее горлышко. Видимо, опасаясь, что

кто-то мог не заметить его громкого появления, он возвестил теперь о себе протяжным воинственным кличем, от которого заплясали стаканы в баре.

— Я одним ударом могу положить любого, кто тут есть! Я могу положить троих, если у вас кишка тонка вставать поодиночке! Я могу положить шестерых, если не...

— Эй ты, куча индейской трепотни!

Едва прозвучали эти слова, Саппер оцепенел, но глаза его сузились, а голова медленно повернулась, двигаясь с неотвратимостью вращающейся орудийной башни; глаза напоминали спаренные орудия. Но стоило Сапперу найти Джека взглядом, как тот встал. На балконе над ними Гас подавил стон, когда Саппер ответил:

— Островное брехло!

Он выглядел уже совершенно трезвым. Не успев еще договорить, он резко ударил бутылкой о косяк двери, и в руке его осталось отбитое горлышко. Боевой Джек ногой отпихнул стул и открыто выступил вперед.

— Нужна битая бутылка, а, индеец? Боишься кулаков белого человека?

И он показал, что собой представляет один из них — поднял руку и сжал кулак размером с небольшую лопату. Раздался глухой стук — это Саппер отбросил горлышко и двинулся навстречу Джеку.

— Любой белый может шевелить кулаками, но может ли хоть один белый побороть кулак индейца?

В ответ раздался рев:

— Я могу все, что можешь ты, — только лучше!

Они затопали друг к другу, и от их шагов затряслось здание; те, кто еще оставался между ними, бросились врассыпную. Ни один не остановился, пока не сошелся вплотную с противником — нос уперся в нос, глаза сверкали, зубы оскалились; они были будто два бизона, упершиеся морда в морду, или два локомотива на одной колее, бессильные освободить дорогу друг другу. По молчаливому согласию оба шагнули в сторону и уселись за только что освободившийся столик, смахнули на пол бутылки и стаканы, скинули куртки, с тупым стуком утвердили правые локти на покрытой трещинами деревянной поверхности, усаживаясь поудобнее. Глядя друг другу в глаза, они сцепили руки, стиснули пальцы и принялись сдавливать друг друга с силой, которой хватило бы, чтобы сломать дерево, но недостаточной, что-

бы причинить хоть какой-то урон противнику. Тогда каждый из них начал что было мочи клонить руку другого на столик, чтобы костяшки пальцев коснулись поверхности, — это бы считалось победой. Весьма примитивная процедура, завершающаяся легко и быстро в большинстве случаев, когда более сильный или более решительный одолевает другого.

Но не на этот раз. Если когда-нибудь и встречались два равных по силе гиганта, то это были как раз они — ни один не уступал ни на волос. Мышцы их рук вспучились, словно застывшие натеки стали, сухожилия выступили из-под кожи, как металлическая проволока; мужчины выкладывались до конца. Они были друг другу ровня, даже уж слишком ровня, потому что ни один, даже на пределе возможностей, не мог взять верх над другим. Толпа во все глаза следила за этой битвой титанов и так замерла в благоговейном трепете, что, когда рубашка Боевого Джека лопнула у него на бицепсе, треск материи, как автоматная очередь, разорвал тишину. Секундой позже рубашка на вздувшемся плече Саппера взорвалась с таким же звуком, не выдержав напряжения. Они боролись, сцепившись в жестокой, мертвой хватке; ни один не собирался сдаваться, ни один не мог уступить победу.

С резким треском крышка стола раскололась от давления, и половины разлетелись по сторонам. Теперь, когда локти уже не имели опоры, мужчины медленно поднялись, все еще сомкнутые воедино, все еще напрягаясь с такой силой, какой, казалось, плоть и кость человека не могут противостоять.

Волна восхищенного шепота прошелестела по залу; сбившимся в кучу людям трудно было поверить, что все это происходит на самом деле. Потом гул и ропот стали расти, раздалось несколько подзадоривающих выкриков и среди них — воинственный клич, долетевший до столика, занятого индейцами племени онондага. В ответ один из английских землекопов крикнул:

— Переломи его пополам, Боевой Джек!

К нему присоединились еще несколько. Но странно: крики эти оказали неожиданное воздействие на Саппера: не уступая, впрочем, и йоты, он глянул на противника каким-то новым взглядом и с явным усилием, так сжаты были его челюсти, процедил:

— Ты... сменный начальник... Боевой Джек?

У Джека были те же затруднения с речью. И тем не менее он сумел выговорить:

— Да.

Эффект этого простого утверждения был, по меньшей мере, поразителен, ибо Саппер сразу перестал бороться. От неожиданности Боевой Джек потерял равновесие и, завалившись в сторону, крутанулся на месте, так что индеец получил возможность беспрепятственно хлопнуть англичанина по пронесшемуся мимо его груди плечу. Результат оказался именно таким, какого и следовало ожидать: английский начальник не склонен был отнестись снисходительно к подобному обращению; он закончил свой разворот, описав полный круг, и снова оказался лицом к лицу с противником, — но уже со сжатыми кулаками, готовый разнести все и вся. Но, прежде чем он успел броситься в атаку, индеец сказал:

— Ну а я начальник смены по имени Саппер Кукурузник.

Боевой Джек уронил кулаки и распрямился, лицо его приобрело такой же изумленный вид, какой имело лицо его противника секундами раньше. Некоторое время они обалдело разглядывали друг друга, потом вдруг расплылись в улыбках, а мгновением позже уже смеялись, трясаясь и мыча от хохота, — к полному недоумению зрителей, которые оказались поражены еще больше, когда оба здоровенных землекопа обняли друг друга за плечи и, подцепив по бутылке с ближайших столов, вышли на улицу, все еще смеясь и уже прихлебывая.

— Полагаю, вы сможете объяснить мне их поведение, — сказал человек Пинкертона.

— Разумеется, — ответил Гас. — Вы знаете, что Саппер мой сменный начальник здесь, а Боевой Джек был моим сменным начальником на английском участке туннеля. Каждый из них слышал о другом, знает о нем много хорошего и знает также, что оба они — мои близкие друзья, а для землекопов это значит, что они тоже товарищи. Так что, видите, у них нет никаких причин драться, но зато масса причин вместе выпить, чем, я уверен, они сейчас и занялись.

Закончив, Гас оглянулся на тот столик, где сидел Козлище, о котором он на какое-то время совсем забыл, — и едва сумел скрыть потрясение.

— Он ушел. Пока мы смотрели на других — он ушел!

Их миссия была под угрозой; они отвлеклись и упустили шанс схватить саботажников. Поняв это, Гас совершенно растерялся, но Трейси, казалось, сохранял холодное равнодушие. Он достал часы, большую карманную «луковицу», и глянул на циферблат.

— Пока вы смотрели на других, — надавив на «вы», отчужденно сказал он. — Я стреляный воробей, и сбить меня с толку не так легко. Пока тут все с ума сходили, связной улучил минутку и сделал Козлищу знак, после чего оба ушли.

— Вам следовало сказать мне. Теперь мы никогда их не найдем.

— Как раз наоборот, все идет по плану. Я ведь говорил вам, что тут у противника есть наблюдатели, и, если бы мы ушли сразу следом, это было бы замечено и могли бы возникнуть неприятности. Но, поскольку этого не случилось, мы можем теперь расплатиться за помои, которые пили, — с этими словами он бросил на стол несколько монет, — и идти, раз уж публика успокоилась. За ними никто не пойдет, — он еще раз посмотрел на часы, прежде чем положить их в карман, и поднялся.

Гас поднялся следом, изумляясь спокойствию своего спутника перед лицом очевидной катастрофы, и последовал за ним по влажному переходу вниз, снова на улицу. Они вышли на центральный проспект, и Трейси повернул к берегу.

— Не буду больше держать вас в неведении, Вашингтон, — сказал он. — В вашей работе есть свои технические тонкости, но и в нашей тоже. У агента, Козлища, в правом ботинке скрыто одно устройство, точнее, оно вмонтировано в подметку башмака, и при обычном обыске его не обнаружишь. Когда с агентом вышли на связь, Козлище определенным образом нажал на подметку пяткой. При этом сломалась чувствительная мембрана в капсуле, после чего из одной части капсулы в другую перетекла кислота и активировала ее, превратив в мощную батарею. Полученный таким образом ток поступил в сильный компактный генератор радиоволн, тоже спрятанный в подметке, а его сигнал пошел по проводу, вплетенному в шов брюк, к антенне в ремне, которая начала излучать мощные позывные на коротких волнах. Вы видели, я смотрел на часы?

— Разумеется, и удивился вашему внезапному интересу к точному времени.

— Совсем не ко времени. В часах укрыт миниатюрный приемник, пеленгатор, настроенный на позывные Козлища. Посмотрите сами.

Он извлек часы и положил на ладонь; ближайший газовый фонарь давал достаточно света, чтобы разглядеть циферблат. Когда Трейси нажал кнопку завода, часовая стрелка слабо засветилась и повернулась, указав на ведущую к морю улицу; затем, когда Трейси отпустил кнопку, стрелка вернулась в положение, обозначающее время.

— Остроумно, согласитесь. Они впереди нас, так что идемте дальше. Нам их не видно, и это очень хорошо, значит, и им нас не видно, и они не встревожатся. Радио укажет дорогу.

Пока улица была хорошо освещена и полна людей, они с лентой прогуливались, как бы сродни толпе. Но когда проспект закончился тупиком у темных доков, они развернулись, словно здесь и завершилась их прогулка, и пошли обратно по той же дороге. У первого поворота они ненадолго остановились, беседуя, — просто люди, вышедшие пройтись; в это время Трейси постарался убедиться, что за ними не следят. Решив, что все в порядке, он отступил в тень на перекрестке и потянул Гаса за собой.

— Они где-то на берегу, пеленгатор указывает туда. Мы будем идти параллельно гавани, пока не выясним точнее.

И они пошли, то и дело спотыкаясь на заваленной мусором мостовой, распугивая кошек и крыс, совершающих свои ночные турне, пока Трейси не остановился вновь на очередном перекрестке, вглядываясь в шкалу пеленгатора.

— Очень интересно. Теперь она показывает только назад, туда, откуда мы пришли. Вашингтон, вы инженер и топограф, у вас на все эти вещи наметанный глаз. Засеките направление здесь, относительно этой улицы, затем мы пройдем немного назад до следующей, и там сделаем засечку. Можете вы это сделать и определить, где они?

— Это мое ремесло, — уверенно сказал Гас, мельком покосившись на крохотную стрелку.

Повторив этот обряд в другом месте, Гас задумался на мгновение, а затем повел агента Пинкертонa вперед

к месту, откуда хорошо были видны темные причалы и корабли за ними. Без колебаний он показал пальцем:

— Они там.

— На корабле? Вы уверены?

— Недавно вы сказали, что там, где дело касается вашей работы, вас с толку не сбить. То же я могу сказать и о себе.

— В таком случае я принимаю вашу информацию без колебаний. Можно начинать последний акт.

Треysi отступил на несколько ярдов в том направлении, откуда они пришли, поднес к губам свисток и с силой в него дунул. Гас несколько удивился, потому что никакого звука не последовало — только едва слышно фукнул воздух, вырвавшись из свистка. Треysi заметил его недоумение и улыбнулся.

— Ультразвук. Для человеческого уха частота этих колебаний слишком велика, — но они и не предназначены для человеческого уха. Можете убедиться.

Возникли два человека, первый вел на поводке небольшую собаку. Наклонившись, Треysi потрепал ее по загривку и пояснил:

— Она приучена идти на этот звук. А эти двое — мои люди, они следили за нами и ждали, когда я дам сигнал.

— Я и понятия не имел, что они здесь.

— Это профессионалы.

Треysi отдал несколько коротких распоряжений, затем вместе с Гасом вновь двинулся вперед.

— Мои парни окружают и блокируют территорию, но вести должен я. Вам не обязательно идти со мной...

— Я пойду с вами.

— Хорошо. Я надеялся, что так и будет. Вы мне можете понадобиться, когда эта маленькая драма закончится и занавес упадет.

Треysi пошел первым, как кошка. Гас следовал за ним в нескольких ярдах позади. Они держались поближе к стенам, в темноте подбираясь к кораблю, — туда, где одна-единственная маленькая лампа бросала с палубы жидкий свет на выдавшие виды сходни. На мгновение Треysi остановился, глядя на корабль, и в этот момент от стены отделилась какая-то тень и вразвалку двинулась вперед.

В распоряжении Гаса оставались доли секунды; он не хотел шуметь, предупреждая агента об опасности, поэтому не раздумывая прыгнул на незнакомца; его

кулак описал короткую, стремительную дугу, завершившуюся на челюсти таинственного противника с таким оглушительным треском, что Трейси невольно оглянулся. Тут же послышался легкий, глухой стук — это из руки неизвестного выпала на булыжники дубинка. Трейси помог Гасу прижать потерявшего сознание человека к земле.

— Хорошо, что вы здесь, Вашингтон, — сказал он; в устах профессионала такого уровня эти слова были лучше любой награды. — Славный удар. Прежде чем этот очнется, мои люди возьмут его. Они сейчас сжимают кольцо, чтобы лишить преступников всякой возможности бегства. С моря их будут караулить быстроходные катера. Последний акт драмы вот-вот будет сыгран. Вы были правы, я сейчас определился пеленгатором. Козлище на корабле. Теперь идем.

Словно призрак, без единого звука, он стал перемещаться вперед; Гас держался на несколько шагов позади. Они прошли под кормовым подзором корабля, и стали видны протянувшиеся поперек кормы источенные ржавчиной буквы: «Дер Либестод. Люцерн». Швейцарская приписка — наверняка лишь удобная маскировка; настоящие имена и национальности владельцев хорошо скрыты. Но уже не надолго. На палубе все было тихо, корабль стоял, погруженный во мрак, лишь та единственная лампа светила над сходнями. Трейси ступал уверенно, словно уже не раз здесь бывал; он начал подниматься по сходням, Гас двигался вслед за ним. Однако, как ни беззвучно крался агент, он не остался незамеченным; стоило ему достичь палубы, из тени выступил человек и тихо проговорил что-то неслышное Гасу, который еще поднимался. Трейси что-то ответил и показал вниз, а когда охранник, глянув туда, куда указал пальцем Трейси, на мгновение отвернулся, руки детектива коротко взметнулись к его шее; охранник как бы одеревенел на секунду, а затем согнулся и повалился на палубу.

До сих пор все оставалось тихо, Гасу трудно было в это поверить. Они поднялись на корабль, успели обезвредить двух человек, — а их присутствие до сих пор не замечено. Слишком уж им везло, везению явно пора было кончаться — и единственное, на что уповал Гас, — что из этого правила могут быть исключения. Трейси дождался его у двери и прошептал прямо в ухо:

— В рубке никакого движения, и на мостике ни души. Должно быть, негодяи внизу. Следуйте за мной так тихо, как только можете.

С этими словами он натужно открыл тяжелую стальную дверь; показался тускло освещенный коридор, в который они осторожно вошли. За первой дверью по коридору было темно, и они прошли мимо, лишь бросив внутрь беглый взгляд, следующая каюта тоже была открытой и темной. Но третья была закрыта; Трейси, нагнувшись, заглянул в замочную скважину, затем достал из кармана медицинский стетоскоп и прослушал с его помощью дверную панель. Удовлетворенный, он положил стетоскоп обратно и знаком подозвал Гаса, указывая в то же время на лестницу. Медленно и осторожно они спустились по ней вниз; их усердие было вознаграждено очень быстро, поскольку одна из дверей на этой палубе была оставлена приоткрытой, а из щели просачивалась полоска света и доносился шум голосов. По-прежнему следуя впереди, Трейси направился дальше и миновал еще одну неосвещенную каюту; Гас вплотную следовал за ним. Но, когда он проходил мимо двери, темная фигура с ножом в руке прыгнула на него.

Только молниеносная реакция спасла Гасу жизнь. Когда человек наносил удар, он успел отклониться назад, поднырнул под летящее к нему широкое лезвие, схватил руку, державшую нож, и вместе с противником они покатались в сторону. С громким стуком оба ударились о переборку напротив, и удар на миг оглушил неизвестного; немедленный выпад кулака оглушил его на более продолжительное время, он как бы с грустью вздохнул и обмяк, и нож, вывалившись из его руки, громко зазвенел на металлической палубе.

В наступившей тишине был отчетливо слышен голос за приоткрытой дверью:

— Что там? Кажется, какой-то звук в коридоре.

Трейси больше не сдерживался. В его руку прыгнул револьвер; ударом ноги детектив распахнул дверь и вызывающе закричал:

— Полиция! Вы арестованы!

И нырнул в помещение.

Крики, выстрелы, глухие вопли... и Гас, не колеблясь ни секунды, бросился вперед, в схватку неизвестно с кем — в громадную каюту, заполненную мечущимися людьми. Один из них попытался выскочить вон, но Гас

встал на его пути; ударом кулака в корпус он согнул человека пополам, так что подбородок преступника, устремившийся вниз, очень аккуратно повстречался со вторым кулаком, летящим ему навстречу. Потом Гас попал в самую гущу потасовки — и тут лезвие чьего-то ножа рванулось к его горлу; заслоняясь, он поднял руку, и красная стрела боли пронзила ее, когда лезвие вонзилось в предплечье. Но вторая рука Гаса еще оставалась здоровой, и на ней оставался не менее здоровый кулак — он-то и уложил нападавшего туда, куда следует.

На этом битва закончилась, хотя сам Гас об этом еще не знал; превозмогая боль, он с трудом удерживался на ногах. Так или иначе, покалеченные подонки общества валялись по всей каюте, а Козлище сидел верхом на единственном из них, не потерявшем сознания, и колотил его головой о палубу, помогая ему последовать в безмятежность вслед за его товарищами. Трейси быстро переходил от одного к другому, надевая наручники на каждого, кто подавал малейшие признаки жизни, а Козлище, отпустив наконец свою жертву, поднялся, отряхнул руки и указал на закрытую дверь в дальнем конце каюты.

— Он ушел во время драки. Серый, один из главных.

Трейси мгновенно оценил ситуацию и кинул Козлищу автоматический пистолет довольно-таки свирепого вида; Козлище поймал его на лету.

— Охраняй пленных. Я хочу, чтобы в живых осталось как можно больше.

Еще не договорив фразу, он прыгнул поперек каюты, и плечом ударив хлипкую дверь, вломился в соседнее помещение вместе с Гасом, уже успевшим перевязать раненую руку платком; распрямившись, Трейси поднял пистолет и сказал:

— Все, кончай. Отплясался.

Человек, которому это было сказано, действительно сразу прекратил делать то, что делал, и медленно выпрямился, держа в руке пачку бумаг. Перед этим он бросал бумаги в металлическую корзину для мусора, в которой плясало неровное, дымное пламя. Когда Гас сообразил, что к чему, он рванулся мимо детектива и ногой опрокинул корзину, чтобы сбить тлеющие огоньки. Только после этого он встал во весь рост и посмотрел на человека, которого они захватили. Глава тайных сил, наконец-то!

Человек действительно, как и сказал Козлище, оказался серым. Он стоял выпрямившись возле стола, упершись в него одним кулаком, а другой прижимая к груди, и тихо покачивался. С ног до головы он был серым, вся одежда была серой: серые гетры, натянутые на серые туфли, серые брюки и серый, хорошо скроенный пиджак, серая ворсистая рубашка, дополненная серым галстуком, серая мягкая шляпа на голове и маска из серой ткани, прикрывавшая целиком лицо, за исключением выглядывавшей из проделанных в материи отверстий пары серых глаз.

— Не двигайтесь, — приказал Трейси, когда рука серого человека потянулась к столу. Серый отдернул руку и ответил напряженным шепотом:

— Здесь, в ящике — деньги, много денег, это плата тем, снаружи. Все, что вам нужно сделать — это отвернуться на несколько секунд, я прошу вас. Дайте мне уйти...

— Вы держите меня за дурака, сэр! Я из агентства Пинкертона, нанят компанией Трансатлантического туннеля, и ни одна взятка в мире не заставит меня поступиться своей честью. Вас взяли, и баста. Игра окончена.

От этих слов серый человек съежился с таким трагическим видом, что Гасу невольно захотелось помочь ему. Вся видимость исчезла, серый затрепетал, оглянулся в поисках стула и почти упал на него. Профессиональный детектив Пинкертона остался к этому равнодушным, хотя Гас был тронут; но ведь Трейси уже не раз доводилось прежде задерживать закоренелых преступников — поэтому, когда сыщик заговорил, голос его звучал жестко.

— Ну, а теперь, сэр, вы снимете эту маску сами — или нам сделать это за вас?

— Нет... пожалуйста, нет... — серый буквально задышался, но и это не тронуло Трейси. Держа пистолет наготове, он шагнул к серому, разом скомкал маску и шляпу и одним движением отшвырнул их прочь.

У Гаса перехватило дыхание. Перед ним сидел тот, кого он так хорошо знал, тот, кто не вызывал у него подозрений никогда, тот, кто никак не мог находиться сейчас здесь.

— Вы знаете, кто это? — спросил Гас.

— Закоренелый преступник, — ответил Трейси.

— Нет, в том-то и дело, он не преступник. И все же он здесь. В это невозможно поверить.

— Вы что, его знаете?

— Конечно, знаю! Это ни кто иной, как Генри Стреттон, уважаемый финансист из Бостона, член нью-йоркского совета директоров компании Трансатлантического туннеля.

— Ну, тогда, похоже, мы наконец взяли, кого надо. Вот тебе раз, член совета директоров! Ничего удивительного, что преступники были посвящены во все ваши секреты и могли наносить удары, где им заблагорассудится.

— Я умоляю вас, джентльмены, освободите меня. Бесчестие... моя семья... вам не понять. Если я буду освобожден, то обещаю...

— Нет, — сказал Трейси, и в этом слове прозвучала вся непреложность рока, вся неотвратимая сила судьбы, столь могущественная, что Стреттон опять сник; этой силе нельзя было сопротивляться.

— Да, вы правы, я не должен просить. Безнадежная попытка потерявшего надежду человека. Я обречен, и обречен с самого начала... но у меня не хватило ума вовремя это понять.

— Так почему?! — взорвался Гас. — Что подтолкнуло вас, уважаемого члена общества, на столь предосудительные действия?

Стреттон медленно перевел на него взгляд, затем улыбнулся холодной улыбкой, в которой не было ни тени веселья.

— Почему? Я ждал от вас этого вопроса, Вашингтон, ведь вы из тех, кого никогда не беспокоят проблемы, тревожащие нормальных людей. Вы — машина для строительства туннелей, вот вы кто, и вам не доставляют страданий слабости, присущие нам, смертным. Вы спрашиваете почему? Я расскажу вам, и это действительно грязная история, история медленного падения в ад, которое началось с одного-единственного неверного шага. Я — член правления, и отдал себя компании целиком. Но я был жаден, я хотел иметь больше — и тайно продал часть акций основного капитала, которыми распоряжался, чтобы прикупить больше акций туннельной компании. Я собирался вернуть деньги, как только пойдут первые дивиденды. Но это были акции компании, занимающейся морскими перевозками, вы же знаете, моя семья имеет давние интересы в морских

перевозках, и я даже не подозревал, что за мною следят. Ко мне обратились с предложением, скажем так, люди, связанные с этой сферой бизнеса, которые знали все о том, что я сделал. Они обещали мне помочь, и они мне помогли, о моей краже так никто и не узнал, но в ответ я должен был оказывать им некоторые небольшие услуги. Я делал то, что они просили, действуя как их шпион в нашем правлении, я передавал им информацию, пока не скомпрометировал себя настолько, что отступить было уже невозможно. Тогда они начали требовать новых услуг, пока я не кончил там, где вы видите меня теперь; с одной стороны, уважаемый член правления, с другой — человек, который направляет секретную деятельность по уничтожению туннеля. Да! Я рад, что все это закончилось наконец.

— Кто те люди, которые сотворили с вами такое? — спросил Гас.

Стреттон устало махнул рукой на разбросанные по каюте бумаги.

— Они там; скоро вы все узнаете. Интересы судостроения; другие государства; это люди власти и люди зла, которым кажется, что туннель не сулит им ничего хорошего; люди, которые издавна желали Англии и империи в целом вреда. Преступный союз, невиданный прежде. Это все там — моя корреспонденция, документы, записи, директивы, все до мелочей. Я же бизнесмен из Новой Англии, со связями и квалификацией. Каким бы низким делом я ни занимался, я делаю его добросовестно. Здесь все, что вам нужно. С этим вы уничтожите клику полностью, и с диверсиями будет покончено навсегда, могу поручиться. Все выплывет, теперь я это вижу, и мое доброе имя будет погублено навеки. Поэтому я прошу вас только об одном одолжении. Соберите бумаги и покиньте комнату на несколько минут. Я быстро. Здесь только один маленький иллюминатор, я не смогу бежать, вы же видите. Пожалуйста. Я прошу вас как людей чести.

— Нет, — твердо сказал Трейси. — Вы наш главный свидетель.

— Да, — сказал Вашингтон, словно отдавая приказ. — У нас достаточно пленников там, снаружи, если вы действительно беспокоитесь насчет свидетелей. О чем я беспокоюсь, так это о прекращении диверсий и о разоблачении извергов, стоящих за этими диверсиями, — а они у нас тут, в бумагах. Посмотрите на эти

имена! Уважаемые люди, крупные компании! Будут аресты, и какое-то количество исчезнувших акций вновь окажется на рынке, но диверсии прекратятся раз и навсегда. До иностранных правительств нам не дотянуться, но их делишки мы разоблачим, и это надолго заставит их держаться в рамках. То, что нам нужно — здесь. Я настаиваю на удовлетворении просьбы мистера Стреттона.

Поколебавшись, Трейси пожал плечами.

— Правосудие не пострадает... жалование мне не уменьшится... Но только если вы настаиваете и если берете полную ответственность за решение на себя.

— Настаиваю и беру. И сэр Уинтроп, я знаю, меня поддержит.

Когда они, собрав бумаги, уже собирались уходить, голос загубленной души прошептал им вслед:

— Я ненавижу вас, Вашингтон. Вас и все, что вы делаете. Но, учитывая интересы семьи, я вынужден вас благодарить.

Почти сразу после того, как за ними закрылась дверь, выстрел взорвал тишину; потом все затихло снова.

Глава 3

ОПАСНОСТИ БЕЗДНЫ

Здесь, в Атлантике, на двухмильной глубине, было царство вечной ночи; тьма, тишина и неподвижный, пустынный мир черных вод. Поверхность океана с ее ветрами и штормами, бушующими волнами, стремительными течениями и цветущей жизнью осталась более чем в десяти тысячах футов выше. Это там был солнечный свет, и планктон — микроскопические организмы, не могущие без него обходиться, и рыба мелочь, пасущаяся на морских лугах, и рыбы, что покрупнее, питающиеся этой мелочью. Там, высоко вверху, была энергия Солнца и кислород, которые только и делали возможной жизнь в океанских безднах; по мере увеличения глубины жизнь убывала, пока, примерно в миле от поверхности, даже мелкие рыбopodobные монстры, обитающие в этом мраке, не становились редкими и далекими друг от друга, как звезды в космосе. Странные существа с игловидными зубами и глазами навывкате, с рядами подобных иллюминаторам огней, протянутых вдоль тела или подвешенных впереди, отдельно; маленькие сгустки жидкости, подобные *Chiasmodon niger*, сами длиной в два дюйма, не более, но прожорливые настолько, что заглатывают добычу много крупнее себя. Однако для них здесь было последнее поле битвы, ибо жизни и движения ниже становилось еще меньше, совсем мало, пока на глубине трех миль

не появилось наконец дно — где в направлении, обратном поверхностному, Канарскому, струилось мощное течение; но черное, пустынное, безжизненное, спокойное. Здесь никогда ничего не менялось.

Но что это? Правда ли, издалека приближается нечто? Огни, ну да, действительно, огни, мерно продвигающиеся огненные точки в беспредельной ночи. Рыбья стая, быть может, — потому что их становится все больше, больше; но вот они проплывают мимо, вот, тускнея, начинают пропадать из глаз. Постойте, тут, кажется, две породы: рыбы поменьше — хотя маленькими они кажутся лишь в сравнении, на самом деле они не мельче голубых китов — окружили колоссальную морскую змею, которая, извиваясь волнами, пронизывает воду с чисто змеиной грацией, по бокам ее тоже тянутся ряды огней, это невероятное создание, оно больше мили в длину! Но что мы видим? Змея взята рыбами в плен, они волокут ее, приковав к себе крепкими путами. Что это могут быть за создания — с твердой гладкой кожей, безглазые, но с пылающими огнями, издающие громкий гул и ритмичный стук, нарушающие покой глубин? Это не животные, это металлические оболочки, а внутри — единственные творения природы, которые в силах бросить вызов царству мертвого покоя: люди, самые дерзкие из живых существ.

Впереди других субмарин шел «Наутилус II», значительно более мощный и технически вооруженный, чем его распыленный на атомы старший брат; чтобы обслуживать все его механизмы, нужен был экипаж в тридцать человек. Лишь малая часть экипажа управлялась с самой субмариной, она была столь же проста в управлении, как и первый «Наутилус»; большинство работало со вспомогательным оборудованием. Стальные тросы тянулись с катушек, смонтированных в киле, к гигантскому, в милю длиной, объекту буксировки; автоматы постоянно контролировали состояние этих тросов, поддерживая их одинаковое натяжение, слегка подтравливая их, когда они слишком напрягались, слегка подматывая обратно на катушки, когда возникала слабина. Информация о состоянии тросов по проводам подавалась на мощнейшую компьютерную машину Брэбеджа, занимавшую почти четверть объема субмарины; машина получала также информацию о состоянии тросов на всех остальных субмаринах, обрабатывала ее и

регулировала натяжение так, что вся группа со своим чудовищным грузом двигалась как единое целое. Не было никаких проводов, соединявших машину Брэббеджа с остальными — связь осуществлялась иначе, посредством пучков когерентного света бесчисленных лазеров, которые усеивали борта. Лазерные лучи легко пронизывали воду, а модулированное излучение вполне справлялось с передачей информации. Все шло хорошо, все работало хорошо — заслуженная награда таланту человека, для которого проект стал осью коловращения его жизни; то была последняя секция. Железнодорожный путь шел теперь от города Нью-Йорка в глубину вод и пересекал дно по недавно продолженному туннелю, который тянулся по вспоровшей ложе океана зоне разлома, поднимался на Среднеатлантический хребет и заканчивался на самом краю расчленившего этот хребет каньона. На другой стороне Атлантики такой же путь тянулся из Лондона и нырял в туннель, шедший к Азорам, чтобы ненадолго подняться и затем опуститься снова на дно абиссальной равнины, достичь еще одного разлома и по нему — противоположного склона каньона. Здесь два туннеля и заканчивались сейчас, а их разверстые торцы смотрели друг на друга сквозь толщу пустынной воды с расстояния в милю, с двух краев рифтовой пучины, терявшейся из виду в непроглядной мгле внизу.

Именно сюда, медленно двигаясь навстречу своей судьбе, подплыла наконец неправдоподобная морская змея — конструкция длиной в милю, бывшая одновременно и туннелем, и перевернутым с ног на голову плавучим мостом, который, выбей из-под него опоры, стал бы падать не вниз, а вверх; сплав стали, бетона и конструкторского остроумия, он действительно в пути извивался, словно змея. Секрет этого движения заключался в конструкции сочленений между секциями, подобных кузнечным мехам из твердой стали, — стали, достаточно твердой, чтобы противостоять огромному давлению глубин, но пластичной настолько, чтобы менять конфигурацию, когда это было необходимо. Это грандиозное творение индустрии должно было завершить наконец геркулесов труд; оно было последним элементом туннеля, связывающего континенты воедино. Строили мост два года, различные звенья создавались в разных городах и по воде доставлялись к месту

сборки в верховьях Гудзона, близ развалин крепости Уэст-Пойнт *, наводящих обычно на воспоминания о генерале-герое Бенедикте Арнольде **. Теперь здесь шла иная война — человек воевал против стихии, человек завоевывал бесконечное пространство моря. Секция за секцией монтировался мост-туннель; потом последовали долгие проверки и испытания, прежде чем невообразимая конструкция была признана годной. Наконец во время отлива она была затоплена, и началось ее долгое странствие к морю — самое начало путешествия, которое ныне подходило к концу.

На мостике управлял О'Тул — вернее, он только следил за управлением, потому что держал субмарину на курсе тоже компьютер.

— К таким вещам придется привыкать, — сказал О'Тул, держа руки сложенными так, чтобы пальцы не могли дотянуться до рычагов и кнопок, и с подозрением глядя на компас, стрелка которого слегка повернулась и опять замерла. — В теории я знаю теперь, что мы идем к месту по лучу сонар-маяка на стройплощадке и что эта адова машина у нас в брюхе рулит всю дорогу, управляет двигателями и всем прочим, я знаю, но, честное слово, поверить в это не могу.

— Думаю, сможете, — улыбаясь, сказал Гас и склонился над чертежной доской, отмечая на карте медленное, но неуклонное продвижение их каравана. — Все, что вам нужно — это чуточку действия: подраться с кем-нибудь, или малость выпить, или что-нибудь в том же духе.

— Как смеете вы марать имя О'Тула! — сразу же вскинулся О'Тул, лукаво улыбаясь при этом. — Хотя, по правде говоря, думаю, что от кружки гиннесовского пива я бы не отказался.

На пульте зажглись красные огоньки, и пальцы рулевого метнулись к рычагам, вводя необходимые поправки.

— До маяка приблизительно десять миль, малый вперед.

* В нашей реальности в Уэст-Пойнте находится самое престижное военное учебное заведение США.

** Бенедикт Арнольд — американский генерал, который во время войны за независимость стал изменником, перейдя на сторону английских войск.

— Время сбрасывать скорость. Над каньоном нам нужно иметь практически нулевой ход, чтобы только маневрировать против течения.

И, позвонив в компьютерный отсек, он отдал необходимые распоряжения.

Огромная змея двигалась все медленнее; ей нужно было еще много миль, чтобы потерять скорость, так велика была ее масса. Внизу, расположенные треугольником сонар-маяки вывели ее в нужное место именно в тот момент, когда инерция была полностью погашена и, следовательно, можно было начинать завершающий спуск. На одну милю по вертикали вниз, прочь из спокойных вод, в объятия донного течения, которое, каким бы медленным оно ни было, оказывало все же мощное воздействие на столь массивные объекты, как этот мост-туннель. Скорость течения была измерена аккуратнейшим образом, она являлась одним из тех факторов, которые учитывались компьютером, поэтому, когда начался спуск моста, он был в нескольких милях выше по течению от места укладки. По мере того как гигантская конструкция с расчетной скоростью погружалась, ее вдобавок с расчетной же скоростью и сносило, так что теоретически оба эти процесса должны были привести ее в нужную точку на нужной глубине.

Последний спуск начался. Чувствительные механизмы, которыми снабжены были все секции моста, по мере движения вниз аккуратно подкачивали воду в балластные цистерны, так что, хотя давление нарастало, конструкция имела одну и ту же небольшую положительную плавучесть. Ниже, ниже и ниже — пока со дна не проглянули красные огни и лучи лазеров не обеспечили компьютер возможностями для более точного наведения. Компьютер мгновенно обработал новую информацию, и некоторые субмарины начали двигаться быстрее, некоторые — притормаживать; мост чуть изогнулся и заколыхался снова, поскольку его, слегка развернув, окончательно сориентировали соответственно опорам, все еще теряющимся в бездне.

— Вот они, — сказал Гас, указывая на четкие пятнышки, которые стали заметны на телеэкране, когда на мостике был погашен свет. Только на телеэкране, потому что яйцевидные, толстостенные субмарины, оперирующие на таких глубинах, не могли, разумеется, нарушать монолитность своих корпусов отверстиями

или иллюминаторами; весь внешний обзор осуществлялся посредством электроники: телекамерами, установленными на носу, корме, над рубкой и у киля. Именно килевая камера разглядела и показала людям огни внизу и впереди. — Погрешности курса в пределах одной стотысячной, — добавил Гас, взглянув на табло компьютера.

Теперь начиналась последняя, самая тонкая и самая ответственная часть работы. Подводная река устойчиво и равномерно текла здесь со скоростью почти полутора узлов, казалось бы, и беспокоиться не о чем; будь дело на поверхности, хороший пловец вполне мог бы потягаться с таким течением, гребная лодка способна была двигаться против него, а моторка его даже бы не заметила. Да и под водой субмарины мало обращали внимания на течение, — когда они действовали самостоятельно. Но сейчас колоссальный груз сделал течение их главной заботой, потому что мост-туннель поперечником в тридцать футов и длиной в милю обладал громадной поверхностью, вся площадь которой принимала давление воды, и сила этого давления была столь велика, что вряд ли даже объединенные усилия всех субмарин могли его скомпенсировать и сделать груз неподвижным, — не говоря уже о том, чтобы попробовать двигаться наперекор. Поэтому укладка моста должна была получиться с первого раза.

Чтобы добиться этого, нужно было разнести по обе стороны долины мощные тросы и в один и тот же момент намертво закрепить их. Буксировочные тросы субмарин были пристегнуты к значительно более мощным, свыше ярда в диаметре, тросам моста, игравшим двойную роль: сейчас они использовались для буксировки, а после прибытия будут удерживать мост на месте. Тросы центральной секции были самыми длинными — более полумили, поскольку им предстояло дотянуться до контрфорсов каждой из сторон, а остальные, чем ближе были к концам моста, тем становились короче. Когда все встанет на свои места, эта стальная паутина будет держать мост в фиксированном положении, а мост, в свою очередь, благодаря своей плавучести будет держать ее туго натянутой. Сейчас предстояло тросы закрепить.

По обе стороны каньона, несколько ниже краев, располагались обширные участки выровненных скал, ярко освещенные множеством огней, ибо в деле, кото-

рое предстояло сделать, не обойтись без человеческих глаз, никакая электроника тут помочь не могла. Удерживать мост на месте должны были тяжелые, чудовищные якоря, зацементированные в скважинах, высверленных в твердой породе; на них были посажены неуклюжие фитинги. К ним-то и окажутся присоединенными громадные стяжные муфты, задачей которых станет поддержание постоянного натяжения тросов. Но это позже: сейчас тросы нужно закрепить быстро и без хлопот. Эта задача возлагалась на выступающие из каждого якоря тяжелые пружинные зажимы кованой стали. Когда трос попадал в зажим, тот мгновенно захлопывался, словно титаническая мышеловка, его рифленые челюсти быстро сжимались, а электромоторы тут же усиливали зажим. Таков был план, он многократно отработывался на тренировках, и он сработает. Он должен сработать!

Ниже, ниже, ниже падала глыба моста, в то время как чуткие ее конвоиры тяжело трудились, подавая то чуть левее, то, наоборот, вправо под неусыпным контролем машины Брзббеджа. В субмаринах было очень тихо, лишь шелестели вентиляторы, да отдаленно гудели двигатели, да иногда отрывисто перебрасывались словом-двумя операторы, обслуживающие компьютер. Несмотря на тишину и неподвижность, люди были настолько напряжены, что некоторые буквально задыхались; то, что делалось в эти секунды — делалось на века.

Вниз, равномерно вниз; ярко освещенные якоря растут на экранах, отчетливые красные номера на каждом выступают яснее и резче, и скальные стены под ними тоже делаются все ближе. Кулаки сжимались, и костяшки пальцев становились белыми словно мел, хотя рулевые просто следили за приборами, опекаемыми электронным мозгом, — но это ожидание, это созерцание было мучительнее, нежели любая работа за пультом. Вниз. Теперь ясно были видны и каждая черточка на древних камнях, и каждый блик на отточенных металлических гранях нового человеческого творения. Вниз.

— Присоединить первый и девятый, присоединить первый и девятый. Действуйте самостоятельно.

Голос отдавал распоряжения по селектору быстро и четко, слышный в каждом динамике на каждой субмарине. То был долгожданный сигнал, приказ работать

самим, без Брэббеджа; первые субмарины с тросами пошли к якорям. По десять тросов на сторонах моста, номера первый и второй были самыми короткими, так как должны были расположиться на самом верху подмостных сооружений, номера девять и десять — самыми длинными, потому что из середины пролета им предстояло дотянуться до подмостного дна. Теперь две субмарины, неся по одному из самой длинной и из самой короткой пары, были выведены из-под контроля компьютера и двигались вперед сами по себе, чтобы присоединить доверенные им тросы; давая полный ход, они должны были сделать это одновременно. Лишь только они выполнят задачу, отправлены будут две следующие, чтобы повторить операцию, — и все это за две решающие минуты, в течение которых мост будет находиться там, где возможно осуществить сцепление. Это все, что нужно: закрепить мост четырьмя тросами с каждой стороны. Если эти восемь будут закреплены, мост удержится на месте — расчеты точны. Но они должны быть закреплены быстро, иначе мост будет снесен; слов нет, это будет настоящая катастрофа.

«Наутилус II», натужно гудя моторами, на полном ходу шел к якорям. О'Тул, дорвавшись наконец до своих рычагов, спокойно вел субмарину вниз, выжидая момент, когда нужно будет отцепить килевой и носовой тросы, крепящие швартовочный трос моста, скрученный сейчас, как пружина, конец которой пока оставался свободным. Барабан и мотор его располагались на штыре, выдававшемся на двадцать футов перед носом субмарины, — он хорошо был виден на экране переднего обзора. Еще до того, как субмарина устремилась к цели, тяжелый швартовочный трос был плотно намотан на штырь, так что конец троса располагался прямо напротив конца штыря. Двадцатифутовая оконечность троса была окрашена в оранжевый цвет — это была зона прицеливания. Если окрашенная часть в какой-либо точке будет захвачена дождающимися ее челюстями зажима, сцепление окажется успешным; оранжевая зона вся находилась в пределах допусков гибкости моста и естественной слабины троса. Для большей точности в центре имелось двухфутовое черное пятно — это была оптимальная точка.

О'Тул вел субмарину виртуозно; он поставил ее почти вертикально, так что стержень нацелился точно

на ждущий зажим; компенсируя вес троса, он подал субмарину немного назад, затем устремился вперед снова, — но без поспешности, чтобы не протаранить мостиковую опору. Медленно вверх... легкий дрейф по течению... коррекция... вперед; стержень, как гигантский указующий палец, тянулся к цели. Гас, стоявший позади рулевого, непроизвольно задержал дыхание, когда опора надвинулась вплотную... ближе, еще ближе... казалось, они все-таки врежутся в нее.

— Есть! — радостно выкрикнул О'Тул, когда стальные челюсти, словно пасть чудовищного металлического аллигатора, с хрустом и скрежетом сомкнулись как раз на черном пятне; сила их была такова, что субмарину тряхнуло. — Теперь освобождаемся и уходим.

Нажав две кнопки, он послал электрический сигнал по проводам в буксировочные тросы. По этому сигналу два взрыва разорвали связь между субмариной и швартовочным тросом. Обрывки свободно повисли в воде, и электромоторы быстро сматывали их на катушки внутри субмарины, — а та уже шла вверх.

— Девятый тоже закреплен, — проговорил Гас, глядя на экран нижнего обзора, показывавший место работ. — Второй и десятый — на сближение!

Именно тогда это и произошло, хотя трудно было бы отыскать момент менее подходящий; успех или провал операции зависели теперь от каких-то секунд, балансируя буквально на лезвии бритвы. Но планета измеряет время по своей шкале; можно сказать, короткие мгновения человеческой жизни на внешней оболочке Земли мало что значат для геологических часов, отсчитывающих тысячелетия или даже сотни тысячелетий так, как обычные часы отсчитывают секунды. По мере того как расплавленная магма выдавливалась из подземных глубин, напирая на плавающую поверх нее толщу, в коре возникали напряжения, возникали медленно, но неотвратимо, возникали, ища выход. Где-то глубоко в скалах разверзлась трещина, массы пород пришли в движение, камни заскребли о камни; затем давление выровнялось, и Земля уснула опять. Пустяк по масштабам жизни планеты, пустяк, совсем незаметный в сравнении с мощностью сил, действующих не переставая. Но вполне достаточный для того, чтобы свести на нет плоды человеческого труда.

Басовитое ворчание донеслось из недр, словно некий невообразимый гигант, невнятно жалуясь на судь-

бу, повернулся во сне; звук был столь мощен, что стряхнул кусок твердой скалы над субмариной, и поднятая им при падении тугая волна ударила в металлические корпуса. Потом — умчалась дальше...

— Землетрясение... — проговорил Гас, поднимаясь с пола, куда он был брошен ударом. — Подводное землетрясение, именно сейчас...

Он осекся, в ужасе от того, что происходило снаружи и что так ясно, так услужливо показывали экраны. Дрожь Земли передалась теперь на швартовочные тросы, они гнулись и корчились, будто живые, и передавали волну вибрации дальше, по всей своей длине, к мосту, который был едва закреплен. Мост и тросы были рассчитаны на толчки и землетрясения, подобные этому, они вполне могли выдержать, — но только как единое целое, после полной сборки и надежного закрепления. А сейчас два троса несли нагрузку двадцати. Это было немыслимо, но это случилось. Какие же повреждения будут нанесены мосту! Но, даже если бы Гас решился додумать эту мысль до конца, он все равно не успел бы этого сделать — ибо то, что открылось его глазам на экранах, было еще трагичнее. Перенапряженные, натянутые как струны тросы вырвались из своих фитингов.

Страшно смотреть, и не смотреть невозможно: металл и бетон тяжелых якорей крошились и распадались, высвобождая тросы. Очнувшись от короткого паралича, Гас схватил микрофон.

— Второй, уходите назад или сбросьте трос, слышите меня?

— Я могу закрепить, я могу!..

Водителю субмарины не суждено было закончить эту фразу — ибо произошла трагедия. Утратив опору, сносимый течением мост наверху начал гнуться, зашевелился, волоча тросы за собой. Как ребенок дергает за веревочку свой игрушечный грузовичок, он дернул вторую субмарину, которая вот-вот уже готова была осуществить зацепление, и швырнул на скальную стену. В какую-то долю секунды корпус лопнул, и невообразимое давление пучины стиснуло, взломало, расплющило корабль — так быстро, что его экипаж даже не успел понять, какой конец уготовила ему судьба. Теперь суденышко медленно погружалось — мертвый груз на конце троса.

Но Гас не мог позволить себе думать сейчас о мертвых — он должен был думать о живых, о субмаринах, все еще связанных с мостом, и о самом мосте. В течение нескольких долгих секунд он заставил себя оставаться на месте, прежде чем начинать действовать: нужно было все обдумать как следует, учесть каждый фактор, — а динамик связи захлебывался голосами, вопросами, криками боли. Приняв наконец решение, Гас переключил радио на себя и с холодной четкостью проговорил в микрофон:

— Очистить эфир. Тишина, полная тишина. Говорит Вашингтон, мне нужна тишина.

Он получил тишину; через несколько секунд последний голос в динамике смолк. Тогда Вашингтон заговорил снова:

— Начальник второго звена, доложите обстановку. С нашей стороны было землетрясение, мы не закрепились. Как дела у вас?

Ответ пришел мгновенно.

— Здесь начальник второго звена. Все в норме. Четыре троса закреплены, на подходе еще два. Заметны вибрация и колебания тросов.

— Цепляйте эти два и прекращайте операцию. Держитесь на своем краю и ждите распоряжений. Внимание! Всем субмаринам первого звена! Произошел отрыв, и мы не можем повторить зацепление, пока мост не на месте. Всем нечетным субмаринам, всем нечетным субмаринам! Отстреливайте ваши тросы и идите на юг, от моста, на длину свободного троса, затем возвращайтесь над мостом, повторяю, над мостом. Под ним будут свисающие концы тросов. Всем четным субмаринам! Поворот на север, против течения, все вдрут, и полный вперед с одновременным подъемом на уровень моста. Выполняйте.

Это был отчаянный маневр. План, с помощью которого можно было попытаться овладеть ситуацией, родился за какие-то секунды. Но сложную стратегию следовало разыграть без помарок в этих полуночных глубинах, где каждый человек и каждая субмарина самостоятельны и изолированы, но все же взаимозависимы. Перед мысленным взором Гаса предстал целиком весь мост; Гас в деталях видел все, что должно быть сделано, и был уверен, что пытается совершить единственно возможную вещь.

Зависший в воде мост был прикреплен к опорам лишь с одной стороны, противоположной, у восточного склона долины. Поскольку западный конец не закреплен, течение, давя на всю конструкцию, будет перегибать ее к югу, деформируя все больше и больше, пока она не переломится и вода не хлынет в заполненные воздухом отсеки, лишая их плавучести; мост начнет тонуть, распадаясь на части и дробясь по всей длине. Этого нельзя было допустить! Первым делом следовало отделить все субмарины с нечетными номерами, которые, как и корабль Гаса, буксировали мост с южной стороны, то есть с той, куда было направлено течение. Если попытаться хоть как-то тянуть мост за швартовочные тросы в сторону, противоположную течению, то все старания вернуть мост на место так его перекрутят, что разрушат еще быстрее, чем разрушило бы давление подводной реки. Если все пойдет хорошо, нечетные субмарины сейчас освободятся от тросов и всплывут над мостом; «Наутилус II», расположенный ниже пространства, которое будет перекрыто свисающими тросами, сможет пойти против течения, чтобы затем подняться выше и примкнуть к субмаринам, которые еще связаны с мостом. Тогда начнется битва за спасение моста от прогиба; всей мощью двигателей субмарины будут тянуть его в северном направлении. Господи, только бы удалось!

По мере того как «Наутилус II», стремительно понижая толщу вод, поднимался вверх, на экранах верхнего обзора вырисовывалась ужасающая картина. Огни на мосту уже не вытягивались в прямую линию, они изогнулись чудовищной буквой «С», — незакрепленный конец течением сносило к югу. Гас бросил один лишь взгляд, затем щелкнул переключателем селектора.

— Всем субмаринам, сбросившим тросы. Присоединяйтесь к тем, наверху, они пытаются удержать западный конец моста. Закрепитесь на них своими магнитными захватами, потом — машинам полный задний ход. Мы должны остановить прогибание моста. Мы должны выпрямить мост.

«Наутилус II» показывал путь, пристроившись носом к одной из тянущих мост субмарин; сперва он ее коснулся, затем закрепился прочнее, когда мощный электромагнит корпуса сцепил оба судна намертво. Как только произошло соединение, машины взвыли, вой делался громче, громче, по мере того как, отрабатывая

задний ход, они набирали обороты. Если что-то и происходило, это не могло проявиться сразу; мост прогибался, искривлялся все больше, пока его незакрепленный конец не развернулся почти точно на юг. Конструкторы предусмотрели определенную гибкость, да, но не до такой же степени; мост мог переломиться в любой момент.

Но не переломился. Одна за другой новые субмарины присасывались к своим напарницам и присоединяли мощь своих машин к общим усилиям. Они не могли ликвидировать прогиб, но они явно приостановили его увеличение. Это была еще не победа, — но и поражение было отодвинуто. Им нужна была еще мощность.

— Внимание всем во втором звене. Продолжайте закрепление тросов на вашем конце. Мы здесь едва держимся. По мере закрепления на полной скорости двигайтесь на наш конец и цепляйтесь за наши субмарины. Нам нужна ваша помощь.

И помощь пришла. Одна за другой субмарины выныривали из тьмы и пристраивались корпусами к тем, что уже были в работе — две, три, четыре в каждой связке, так что скоро они стали походить на виноградные гроздья. Поначалу казалось, что все усилия тщетны. Затем... Неужели получилось? Неужели изгиб действительно стал уменьшаться? Невозможно было сказать наверняка. Гас протер глаза, и в этот момент О'Тул сказал:

— Честное слово, я не из тех, кто бросает слова на ветер, но мне кажется, мы помаленьку отрабатываем назад.

Не успели эти слова сорваться с его губ, как зажужжал зуммер связи.

— Здесь «Анемон». Я занимаю позицию близ скальной стены, мне ее хорошо видно. Движение к югу прекратилось. Такое впечатление, что теперь мы движемся к северу, очень медленно, но устойчиво.

— Спасибо, «Анемон», — сказал Гас. — Хорошо. «Перивинкл», слышите меня?

— «Перивинкл» на связи.

— У вас на борту тяжелое крепежное оборудование. Следуйте к свободной секции моста и найдите второй трос на южной стороне. Повторяю, второй трос, с отметкой «три». Первый трос был заякорен, но его вырвало. Идите вниз вдоль троса до оранжевой полосы,

зацепите его и постарайтесь закрепить на третьем якоре. Поняли меня?

— Уже идем.

Машины выбивались из сил; но под их могучим воздействием неподатливая громада моста, преодолевая напор течения, мало-помалу вернулась к исходному положению, где «Перивинкл» зацепил нужный трос и затем закрепил его на дне. Только когда все тросы с южной стороны моста были заякорены, Гас разрешил устанавливать те, за которые они до сих пор тянули мост. И лишь после того, как первый из них был отбуксирован вниз и поставлен на место, Гас позволил себе расслабиться и глубоко вздохнул, чтобы унять дрожь.

«Один экипаж, одна субмарина погибла», — сказал он себе, когда память вернулась к нему после завершения борьбы, которой, казалось, не будет конца. Он не знал, что О'Тул и другие смотрят на него с благоговением и все согласно кивают в ответ на слова О'Тула.

— Вы сделали это, капитан Вашингтон, вы сделали это, несмотря на землетрясение. Никто другой не сделал бы, — а вы сделали. Славные ребята погибли, да, но ни один человек не в силах был предотвратить их гибель. И теперь мост на месте, и больше не будет жертв. Вы сделали это!

Глава 4

КОНЕЦ ЭКСПЕРИМЕНТА

— Саннингдэйл на линии, — проговорил швейцар клуба. — Если вам угодно, сэр, возьмите трубку в переговорной кабине.

Вашингтон кивнул и поспешил в кабину со стеклянной дверью и кожаным креслом у одной из обитых парчой стен. Динамик был вмонтирован в одно из крыльев спинки, прямо напротив уха, переключатель без труда отыскался под пальцами, на конце подлокотника; микрофон располагался возле губ. Вашингтон, усевшись, включил аппарат.

— Вы меня слушаете? Говорит Вашингтон.

— Гас, это вы? Как славно, что вы позвонили. Где вы?

— В моем лондонском клубе. Джойс, могу ли я попросить вас об одолжении?

Гас встречался с Джойс Бодмэн много раз; он часто приглашал ее на ленч, когда бывал в Лондоне. Дело в том, что она до сих пор поддерживала хорошие отношения с Айрис. Джойс была счастлива замужем, но понимала, как жестоко страдает Гас, и, не дожидаясь расспросов, сама рассказывала ему об Айрис все, что знала, все, что успевало дойти до нее с момента предыдущей встречи. Это было слабым утешением, но все же лучше, чем ничего не знать; ленчи вдвоем доставляли им обоим радость, хотя об истинной причине встреч не говорилось никогда.

На секунду в трубке возникла тишина, потому что Джойс ответила не сразу — до сих пор Гас никогда ни о чем ее не просил.

— Ну, разумеется. В пределах разумного, конечно; вы же знаете.

Теперь настал черед Гаса помолчать, ибо он ощущал определенную неловкость, высказывая желание подобного рода; он крепко сжал кулаки. Он должен сказать.

— Дело, разумеется, личное, вы наверняка догадались. Вы читаете газеты, так что знаете, что туннель вот-вот будет закончен; в сущности, я и в Лондоне-то лишь из-за этого, нужно уладить кое-что напоследок. Утром я отбываю в Нью-Йорк, это подхлестнет события, пробег первого поезда и все такое, но сначала надо все завершить здесь. То, что я хочу, я не могу сделать прямо, поэтому — не могли бы вы устроить мне встречу с Айрис?

Гас выпалил это скороговоркой и откинулся на спинку кресла; он сказал, что хотел. Джойс засмеялась, и его лицо вспыхнуло; но она тут же поспешила объяснить.

— Извините меня, пожалуйста. Знаете, меня рассмешило совпадение, это просто удивительно. Вы помните вечер, когда мы в первый раз повстречались в Альберт-Холле?

— Думаю, я никогда его не забуду.

— Да, я понимаю, но там был докладчик, философ и ученый, доктор Джуда Мендоза, со всеми этими своими теориями времени, такими милыми... Я ходила на все его лекции, иногда вместе с Айрис, и сегодня днем он будет у меня — небольшое суаре; мадам Клотильда, медиум, тоже приглашена. Она плохо работает перед большой аудиторией, а здесь все будет как надо. Буквально несколько человек. В два часа. Айрис тоже придет.

— Прекрасно. Я ваш вечный должник.

— Полно! Так я могу на вас рассчитывать?

— Можете считать, что я уже у вас.

Кебом Гас доехал до вокзала, поезд проворно повез его в один из пригородов столицы — погруженный в себя, Гас не замечал ничего вокруг. Что он мог сделать? Что мог сказать? Будущее было в руках сэра Айсэмбарда, а на утренней встрече сегодня он был таким же отчужденным, как и всегда — и это несмотря на завершение строительства! Возможно ли, чтобы

он переменялся? В состоянии ли он перемениться? Нельзя было ответить наверняка.

Был мягкий летний день; старые дома по обеим сторонам извилистой улочки утопали в ярких цветах, над цветами летали пчелы, натужно гудящие под бременем нектара. Дерево, покалеченное ветром; красные черепицы, зеленые газоны, синее небо — прекрасный день, но у Гаса было тяжело на сердце. Когда мир вокруг так спокоен, конец строительства близок, между ним и Айрис должна наступить полная ясность. Слишком много лет принесено в жертву; надо было с этим кончать.

Он позвонил, и горничная провела его в дом. А вот и Джойс, в длинном, до полу, платье, вышла подать ему руку.

— Айрис будет с минуты на минуту. Проходите и знакомьтесь пока с остальными.

Остальные были, по большей части, женщины, ни одной из которых он не знал; Гас наскоро отбормотал положенные в таких случаях слова. Присутствовали там и двое мужчин, один — некий бородатый профессор с крошками еды на лацканах пиджака, сильным немецким акцентом и тяжелым дыханием. Гас поспешно взял бокал хереса и подошел к другому мужчине — он тоже принадлежал к академическим крутам, но о нем Гас по крайней мере слышал: преподобный отец Олдисс *, ректор колледжа Всех святых. Высокий, прямой, с внушительным носом и не менее внушительным подбородком, ректор не разменивался на какой-то там херес, в руке у него был большой бокал с виски. На короткий момент Гас удивился, не понимая, что здесь Олдиссу надо, но затем вспомнил, что, вдобавок к своей работе в колледже, ректор снискал немалую известность на литературном поприще как автор ряда завоевавших популярность научно-романтических произведений, которые он публиковал под псевдонимом Эрджентмаунт Браун. Наверняка его хлебом не корми — дай только послушать про параллельные миры. Они слегка побеседовали; ректор живо интересовался туннелем, и это был не интерес профана, он слушал внимательно и в ответ на объяснения Гаса кивал. Беседу

* Здесь, по-видимому, автор намекает на своего близкого друга, известного английского писателя-фантаста Брайана Олдисса.

прервало появление Айрис; Гас отрывисто извинился и пошел навстречу возлюбленной.

— Вы выглядите прекрасно, — сказал он, и это была истинная правда, ибо легкие морщинки в углах глаз делали Айрис еще привлекательнее, чем прежде.

— А у вас все в порядке? Туннель скоро будет завершен, отец сказал мне. Не могу передать, как я горда.

На людях они не в силах были сказать друг другу больше, но глаза Айрис говорили красноречивее слов, в них было все: неизбывное стремление, дни и ночи, одинокие, словно в пустыне. Он понял это, и обоим сделалось ясно: между ними ничего не переменилось. Времени хватило лишь на несколько вежливых слов, а потом их позвали — сеанс вот-вот должен был начаться. Окна оказались плотно завешены, так что снаружи сочился лишь бледный полусвет. Расселись полукругом вокруг доктора Мендозы, который стоял перед ними спиной к камину, спрятав руки под фалдами фрака, словно ища тепла у остывшего очага, а еще больше располневшая мадам Клотильда спокойно возлежала на софе чуть позади. Мендоза громко покашлял, добиваясь полной тишины, погладил свою ермолку, словно желая проверить, на месте она или нет, погладил свою окладистую седую бороду, которая, конечно же, никуда не делась за эти годы, и начал:

— Я вижу здесь сегодня несколько знакомых лиц, но вижу также лица, которые мне неизвестны, поэтому я возьму на себя смелость разъяснить некоторые вещи, уже отмеченные нами в наших глубоких изысканиях. Существует один-единственный альфа-узел такой важности, что он далеко оставляет позади все остальные по своей роли в связях этого мира, каким мы его знаем, с другим миром, который мы пытаемся изучить и который тоже является, можно сказать, нашим миром, но таким, каким мы его не знаем. Этим альфа-узлом является ничтожный пастух Мартин Алаяя Гонтран, убитый в 1212 году. В исследуемом нами другом мире, я называю этот мир Альфа-Два, тогда как наш, разумеется, Альфа-Один, пастух выжил и мавры проиграли битву при Навас-де-Толоса. На той части Иберийского полуострова, которая известна нам как территория Иберийского халифата, возникло христианское государство, называемое Испанией, и еще одно, меньшее, называемое Португалией. События ускорились. Эти задиристые,

крепкие страны расширяются, отправляют посланцев за моря, воюют там, лик мира меняется. Бросим теперь взгляд на Англию, ведь этот вопрос задают особенно часто — как там с Англией? Где были мы? Открыл ли Джон Кэбот * Северную и Южную Америки? Где наши храбрецы? Для мира Альфа-Два ответ кроется в подорвавшей силы Англии гражданской войне, которая весьма нелепо была названа — правда, точности деталей я не гарантирую — войной Тюльпанов, хотя, возможно, и не так, мадам Клотильда не уверена, и Англия все же не Голландия... возможно, точнее будет сказать, войной Роз **. Ресурсы Англии были истощены внутренними распрями, король Франции Людовик XI, доживший до весьма преклонных лет, постоянно вмешивался в английские столкновения...

— Людовик умер от сифилиса в девятнадцать лет, — пробормотал ректор Олдисс.

— Вот и хорошо, — доктор Мендоза высморкался в платок и продолжал: — Многое еще не нашло объяснения, и сегодня я надеюсь прояснить некоторые трудные моменты, поскольку я намерен постараться забыть историю и всех этих странных ацтеков и инков, говорящих по-испански и приводящих нас в совершенное замешательство; мы попробуем увидеть мир Альфа-Два таким, каков он сегодня, в этом году, сейчас. Мадам, прошу вас.

Не издавая ни звука, аудитория следила, как доктор Мендоза совершает сложные пассы и произносит магические формулы, погружая медиума в транс. Мадам Клотильда легко заснула, сложив руки на груди и дыша ровно и глубоко. Но, когда доктор попытался вывести ее на контакт с миром Альфа-Два, она, не приходя в себя, запротестовала, ее тело затряслось, задергалось, голова начала мотаться из стороны в сторону. Но доктор был настойчив в своих стараниях и не дал ее духу соскользнуть с пути, по которому он его направил; в

* Джон Кэбот (а если точнее Джованни Кабото) — итальянский мореплаватель, находившийся на английской службе; в 1497 году, через пять лет после Христофора Колумба, открыл материковую часть Северной Америки.

** Имеется в виду война Алой и Белой розы (1455 — 1485) — война за английский престол между двумя ветвями династии Плантагенетов — Ланкастерами (в гербе алая роза) и Йорками (в гербе белая роза).

конце концов воля Мендозы победила, мадам подчинилась.

— Говорите, — велел он, и этому приказу нельзя было не подчиниться. — Вы теперь там, в том мире, о котором мы размышляли и говорили, вы можете видеть его наяву, расскажите о нем, расскажите, описывайте, ибо мы хотим слышать. Говорите!

Она заговорила. Вначале это были бессвязные, вырванные из контекста слова и даже отдельные, не имеющие смысла слоги; но затем она начала описывать то, чего никогда не было.

— Урххх... урххх... пенициллин, нефтепродукты, закупочная пошлина... подходящий налог, налог с продажи, сибирская язва... Вульворт, Маркс и Спаркс... огромные корабли в воздухе, огромные города на земле, люди повсюду. Вижу Лондон, вижу Париж, вижу Нью-Йорк, вижу Москву, вижу странные дела. Вижу армии, они воюют, убивают, тонны, тонны, тонны, тонны бомб сверху на города и на людей, ненавидят друг друга, убивают друг друга, ядовитые газы, бактериологическая война, напалм, бомбы, громадные бомбы, атомные бомбы, водородные бомбы, бомбы падают, люди дерутся, убивают, умирают, ненавидят, это... это... это... АРРРРРРРГХ!

Рассказ закончился диким воплем, и тело мадам Клотильды, судорожно дернувшись, скатилось с софы, словно огромная тряпичная кукла, сброшенная ударом лапы невидимого зверя. Гас бросился было на помощь, но доктор Мендоза жестом остановил его, а из дверей кухни уже появился врач, явно находившийся там в ожидании на случай подобного припадка. Гас вновь уселся на стул и тут увидел перепуганное лицо, мелькнувшее в дверях позади. Хозяин дома, Том Бодмэн, с которым Гасу как-то доводилось встречаться, бросил один дикий взгляд на невообразимое действо, происходившее в его собственной гостиной, и убежал наверх. Вытирая лицо многоцветным своим платком, Мендоза заговорил опять.

— Мы больше не услышим ничего. Мадам не сможет даже приблизиться к этой софе, она не выдерживает, и вы сами только что видели почему. Ужасные, кошмарные силы! Услышав все это, мы, с крайней неохотой, вынуждены сделать некоторые умозаключения. Возможно, мир Альфа-Два вообще не существует, поскольку звучит все это ужасно, и мы просто не

можем себе представить, как мир мог стать таким; не исключено поэтому, что здесь имеют место просто роковые видения, порожденные подсознанием медиума, подобные возможности мы должны постоянно иметь в виду при наших изысканиях. Мы постараемся проникнуть в дело глубже, если сможем, но, похоже, у нас мало надежды на успех, и уж подавно — на установление контакта с тем миром, как я когда-то надеялся. Тщетная надежда. Нам следует быть довольными собственным миром, при всех его возможных несовершенствах.

— Больше вы не знаете никаких подробностей? — спросил ректор Олдисс.

— Немного. Я могу поделиться с вами, если хотите. Возможно, они больше подошли бы для научно-романтического произведения, а не для реальной жизни. Прежде всего я хочу сказать, что вряд ли смог бы жить в подобном мире.

По всем углам зашелестел шепот согласия, а Гас воспользовался случаем и, взяв Айрис под руку, увел из комнаты через створчатое, до самого пола, так называемое французское окно в сад. Они не спеша шли под яблонями, ветви которых уже упруго обвисли под тяжестью обильных плодов; Гас быстро изгнал из памяти странный опыт, которому только что стал свидетелем, и заговорил о деле, которое было куда ближе к сердцу.

— Айрис! Вы выйдете за меня?

— Если бы я могла! Но...

— Ваш отец?

— Он все еще болен; он слишком много работал. Он нуждается во мне. Быть может, когда туннель будет построен, я увезу его куда-нибудь, где он перестанет изнурять себя.

— Я сомневаюсь, что это когда-нибудь произойдет.

Она согласно кивнула, а потом, безнадежно покачав головой, повернулась и взяла обе его руки в свои.

— Боюсь, что и я сомневаюсь. Гас, милый Гас, неужели после всех этих лет ожидания у нас все-таки нет будущего?

— Оно должно быть. Я поговорю с сэром Айсэмбардом после завершения праздничного пробега. С окончанием работ наши разногласия отойдут в прошлое.

— Для отца они никогда не отойдут в прошлое. Он человек непреклонный.

— Вы не оставите его, чтобы стать моей женой?

— Я не могу. Я не могу строить свое счастье на страдании другого.

Его логический ум согласился с нею; за эти слова он любил ее еще больше. Но в сердце своем он не мог снести решения, которое вновь их разделяло. Измученные, несчастные, они сплели руки в крепком пожатии и долго стояли так, вглядываясь в самую глубину глаз друг друга. На лице Айрис теперь не было слез — оттого, быть может, что она выплакала их давным-давно. Облако закрыло солнце, и сумрак пал на них и на их сердца.

Глава 5

ЧУДЕСНЫЙ ДЕНЬ

Что за день, что за солнечный день! Дети, видевшие его, вырастут с воспоминаниями, которые никогда не сотрутся, и, сидя вечерами у огня, станут рассказывать другим, сегодня еще не родившимся детям о чудесах этого дня, — а те только глазами захлопают от изумления. Солнце заливало праздничным сиянием нью-йоркский Сити-холл парк; под свежим бризом шелестела листва деревьев, а ребятя крутила обручи и весело носилась среди степенно прогуливающихся взрослых. Весь преображенный мир оказался в миниатюре представлен в маленьком парке, когда удивительный повод собрал здесь праздничные толпы народа; давно, казалось бы, перевернутые страницы истории открылись вновь, когда на аллеях появились индейцы племени ленни-линэйп, следом — группа голландцев, ведь именно голландцы оказались когда-то настолько бесстрашными, чтобы попытаться основать здесь колонию задолго до того, как их вытеснили англичане; потом шотландцы, ирландцы — они приезжали сюда навсегда; переселенцы из всех-всех стран Европы. И снова, снова индейцы-алгонкины всех пяти племен в своих пышных церемониальных одеяниях с длинными перьями на головных уборах; черноногие и кроу с запада, пуэбло и пима с дальнего запада, ацтеки и инки с юга, неотразимые в своих многоцветных накидках из птичьих перьев, с

торжественными топориками и боевыми дубинками, у которых, правда, вместо смертоносных обсидиановых шипов были лепестковые наклейки из черной резины; майя и представители сотен других племен и народов Южной Америки. Они прогуливались здесь, все вперемежку, беседовали, жестикулировали, с удовольствием озирались вокруг и покупали у уличных торговцев мороженое, маисовые лепешки, сосиски, тако, свирепый красный перец чили и уйму воздушных шариков, игрушек, бенгальских огней, флажков... Вот с лаем пробежала собака, а ее увлеченно преследуют мальчишки; вот первого пьяного сцапали голубые мундиры и препровождают в гостеприимный хмелеуборочный фургончик. Все шло как по-писаному, и мир казался прекрасным.

Прямо у ступеней Сити-холла была воздвигнута торжественная трибуна, щедро украшенная флагами и даже с виду тяжелая от позолоты, утыканная микрофонами для выступающих и с вовсю наяривающими оркестрантами за их спинами. Пользующиеся случаем поговорить политические деятели неустанно напоминали о величии происходящего и о громадном собственном вкладе в это происходящее, но на них не очень-то обращали внимание; в каком-то смысле они создавали всего лишь шумовой фон сродни тому, который делали музыканты, с неиссякающим темпераментом игравшие в перерывах между речами. И те и другие вызывали у толпы не более чем мимолетный интерес — хотя, конечно, звуки музыки доставляли людям определенное удовольствие; ибо все пришли сюда увидеть кое-что иное, более поразительное, более достойное сохраниться в памяти, нежели политиканы и флейты. Поезд. Тот самый. Вот он, ярко сверкает на солнце. Бродвей был до середины засыпан песком, на песок уложили шпалы, на шпалы — рельсы, и ни одна душа не вздумала жаловаться на сбой в движении городского транспорта — потому что ночью по этим рельсам, пятась, медленно прополз поезд, сопровождаемый марширующими по обе стороны от него солдатами, и встал в ожидании рассвета. Вот он: перила смотровой площадки последнего вагона — вплотную к трибуне, вагоны четко выстроились на рельсах, отбрасывая солнечные блики, сверкая эмалью глубокого, словно океан, голубого цвета, оттененного возле окон белым; голубой и белый — официальные цвета туннеля. На каждом вагоне красовались блестящие, причудливо выписанные золотом буквы, гордо заявляя:

«Трансатлантический экспресс». Но как ни привлекательны были эти вагоны, у локомотива толпа стояла гуще всего, прижавшись вплотную к ограждению и непроницаемым линиям солдат за ним — то были высокие, крепкие ребята из Первой Территориальной Гвардии, очень внушительные в своих ботинках до колен, офицерских походных ремнях «Сэм Браун» на поясах, с ритуальными томагавками у бедер, гусарскими киверами на головах и винтовками «на плечо»; по случаю важности происходящего штыки были примкнуты. Что это был за локомотив! Родной брат обслуживавшего английскую часть туннеля могучего «Дредноута», названный «Императором», — и вполне по праву, ибо его полированные, мощные, посеребренные наружные механизмы имели вид вполне императорский. Поговаривали, что создатель этой огромной машины получил докторскую степень Массачусетского технологического института, и, возможно, так оно и было — ведь двигатель питался от атомного реактора, как у «Дредноута».

Начали прибывать счастливые пассажиры, машины их скапливались на очищенном от толпы участке у конца состава. Все они были богатыми, щедро одетыми судьбой людьми, влиятельными, красивыми; им-то и удалось добиться участия в праздничном пробеге. Восторженные крики раздавались всякий раз, когда показывалась какая-нибудь значительная персона и проводники помогали ей пройти к своему месту. Стрелки часов на башне Сити-холла все больше приближались к часу, на который было назначено отправление, волнение нарастало, хотя обрывки напыщенных фраз последних ораторов еще прокатывались над толпой. Со смотровой площадки поезда председатель правления компании Трансатлантического туннеля сэр Уинтроп выступал с речью, которой с некоторым интересом внимали те, кто стоял поближе, но которая была совершенно не слышна остальным. Вдруг в задних рядах возникло какое-то движение, несколько голосов принялись скандировать сначала неразборчиво, а потом, по мере того как к ним присоединялись другие, все громче и громче, пока наконец напроць не заглушили оратора:

— Ваш-инг-тон! Ваш-инг-тон! Ваш-инг-тон!

И сильнее, и сильнее, теперь это кричали буквально все; сэр Уинтроп, уступая желанию народа, улыбнулся и жестом позвал Огастина Вашингтона к микрофону.

Восторженные крики отразились эхом от стоявших по сторонам высотных зданий с такой силой, что разжигавшие голуби облаком взметнулись с земли и встревоженная стая заметалась над толпой. Шум нарастал, становился громче, — но вот Вашингтон поднял руки над головой, и сразу все стихло. Теперь наступила настоящая тишина, ибо люди хотели слышать его и запомнить каждое слово — ведь он был героем дня.

— Братья американцы! Сегодня — день Америки. Этот туннель рыли, бурили и строили американцы, каждую милю до станции на Азорах. Американцам выпало и умирать во время строительства, но это была достойная смерть, потому что мы делали то, чего не делал еще никто, строили то, чего никогда не существовало до нас, и добились победы, какой никто еще не добивался. Это — ваш туннель, ваш поезд, ваш успех, потому что без железной воли американского народа, которая поддерживала нас, все это никогда не стало бы реальностью. Я приветствую вас, и благодарю вас, и говорю вам: всего доброго.

Крикам, которые разразились затем, не было конца, и даже те, кто стоял рядом, ни слова не смогли разобрать из речи генерал-губернатора американских колоний, что, в конце концов, вряд ли было трагедией. Когда он добрался до конца своей речи, вперед выступила его супруга, сказала несколько приличествующих моменту слов и затем разбила бутылку шампанского о корпус локомотива. Только оглушительный звук свистка «Императора» восстановил тишину; люди, стоявшие рядом с ним, зажали руками уши. Теперь стали слышны бесчисленные громкоговорители, установленные на столбах вокруг парка, они доносили далекие звуки, которым вторили такие же звуки здесь: радиопередача шла прямо с Паддингтонского вокзала в Лондоне.

— Просьба занять места! — повторил кондуктор в Нью-Йорке; свистки проводников перекликались через Атлантику. Люди теперь притихли, слышалась только шумная суeta последних приготовлений перед отправкой: хлопанье дверей, громкие распоряжения, снова свистки — пока наконец, как только стрелки часов указали время отправления, не были отпущены тормоза и низкий металлический лязг не возвестил, что два поезда начали свое плавное движение. Тут уж не осталось никакой сдержанности, толпа докричалась до хрипоты, и многие еще долго бежали за удаляющимся

поездом, что было сил размахивая руками вслед. Вашингтон и все, кто был рядом с ним, махали в ответ, стоя под прозрачным колпаком, который, как только поезд тронулся, был опущен над смотровой площадкой. Путешествие началось.

Стоило поезду нырнуть в туннель под Гудзоном, Гас прошел в вагон-бар, где его встречали громкими приветственными возгласами, аплодисментами и широким выбором протянутых ему навстречу бокалов, из которых он согласился принять один или два. Однако, когда состав вылетел наружу в Куинсе, Гас извинился и ушел в свое купе, где был приятно удивлен, обнаружив его пустым; остальные явно были в переполненном баре, который Гас только что покинул. Ему же было приятнее посидеть у окна, за которым мелькали маленькие домики, потом луга и фермы Лонг-Айленда; мысли и воспоминания мелькали с той же калейдоскопической быстротой. Работа сделана — это невозможно было себе представить. Все люди и все сотни тысяч часов страшных усилий, поглощенные ею; туннельные секции и полотно, подводная укладка, операции субмарин, мост, конечная станция... Все кончилось. Лица и имена всплывали в памяти нескончаемой чередой, и если бы Гас дал волю своей усталости, то был бы просто раздавлен. Но нет, его поддерживал на плаву успех, осязаемый успех. Трансатлантический туннель! Наконец-то!

Проламывая воздух, поезд канул в отверстие туннеля в Бриджхэмптоне и понесся дальше под атлантическим мелководьем. Быстрее и быстрее, словно мысли Гаса, — до тех пор пока, снова сбрасывая ход, «Император» не вылетел под лучи солнца у станции Грэнд-бэнкс, где по другую сторону платформы уже ожидали цилиндрические вагоны «глубоководного» поезда. Пассажиры обычного рейса просто перешли бы из одного состава в другой, багаж их, заключенный в специальные контейнеры, за это время тоже бы перенесли, это было делом нескольких коротких минут. Но сегодня для стоянки был отведен целый час, чтобы участники праздничного пробега могли осмотреться на искусственном острове. Гас уже не раз видел причалы, где рыбацьи катера выгружали улов, депо, пакгаузы, поэтому он просто перешел платформу и снова уселся сам по себе, все еще обуреваемый мыслями, — а тут и гомонящие пассажиры постепенно начали возвращаться и занимать свои места, охая при виде роскошной

обстановки, ахая, когда пневматические двери, коротко свистнув, самостоятельно скользнули в пазах и герметично закрылись. Прежде всего здесь обращали на себя внимание массивные клапаны и сверкающая полированной сталью камера, которая в действительности была воздушным кессоном. Стоило дверям закрыться за пассажирами, заработали насосы, откачивая воздух из пространства вокруг поезда, так что вскоре весь состав завис в глубоком вакууме без какой бы то ни было опоры. Лишь тогда открылись створки герметичного люка в другом конце, и обтекаемая серебристая змея скользнула в вакуумированный туннель впереди. Начался разгон. Внутри поезда ничто даже не намекало на дикую быстроту перемещения, и это было к лучшему, потому что, скатившись с возвышенности Лаврентия по скалистому склону, поезд набрал предельную скорость, что-то около 2000 миль в час. Но поскольку снаружи ничего не было видно, пассажиры вскоре утратили интерес к происходящему и принялись гонять резвых официантов за выпивкой, закусками, а некоторые, совсем уж заскучав и не находя иного способа развлечься, решили перекинуться в картишки. Но Гас как наяву видел перед собою окружающий пейзаж — выемку, тянущуюся по дну океана к великой зоне разломов, и плавающий мост в середине. Хорошие люди погибли здесь, — а теперь поезд летит по туннелю, через мост, а чуть позже уже начинает подниматься к Азорской станции и снова всплывает в кессон, только на этот раз воздух снаружи впускают.

Пассажиры знать не знали, что бег двух поездов направлялся компьютером Брэббеджа, который отвел определенное время для обеих стоянок на промежуточных станциях и затем так регулировал скорость, что сейчас, когда американский состав Трансатлантического экспресса скользил к платформе, с другой стороны к той же платформе подплывал английский состав; синхронизация встречи посреди океана прекрасно удалась Брэббеджу, тормозные колодки обоих поездов опустились в один и тот же миг.

Остановка здесь предусматривалась сравнительно короткая, буквально для нескольких речей; затем поезд снова должны были пойти своими маршрутами. Гас смотрел на состав напротив, на приветственно машущих людей в его окнах, и в этот момент прикосновение к

плечу заставило его обернуться, и он встретился взглядом с человеком в форме проводника.

— Не могли бы вы пойти со мной, капитан Вашингтон?

Сразу ощутив в его голосе крайнее беспокойство, Гас без колебаний кивнул и поднялся, надеясь, что соседи не слышат; но те были слишком увлечены новыми ощущениями и общим возбуждением, чтобы быть настолько внимательными. Вслед за проводником Гас спустился на платформу и там немедленно осведомился, в чем дело.

— Я не уверен, сэр, но что-то с сэром Айсэмбардом. Мне велено привести вас к нему как можно скорее.

Они поспешили к поезду, замершему в ожидании, — и там он увидел Айрис; схватив Гаса за руку, она повела его по коридору подальше от чужих ушей.

— Отец... У него снова приступ. И он хотел видеть вас. Доктор опасается, что... — она не смогла договорить; слезы, которые она с таким достоинством сдерживала до сих пор, прорвались.

Гас осторожно коснулся своим платком ее глаз и проговорил:

— Проводите меня.

Сэр Айсэмбард был в купе один, если не считать суетившегося врача; шторы были опущены. Едва бросив взгляд на укутанное шерстяным одеялом тело, Гас понял, что дела действительно плохи. Великий инженер выглядел теперь маленьким и совсем старым; он лежал, закрыв глаза, приоткрыв рот и коротко, часто дыша; губы его посинели. Врач делал укол в бессильно лежащую руку, и им пришлось молча ждать, когда он закончит.

— Папа, — выговорила наконец Айрис и больше ничего не смогла сказать.

Его глаза медленно приоткрылись, и, прежде чем заговорить, он долго вглядывался в ее лицо.

— Подойдите... оба... подойдите. Доктор, нет сил... совсем нет сил...

— Так и должно быть, сэр. Вы должны понять...

— Я понимаю, что я должен как-нибудь сесть... чтобы я мог говорить. Укол, вы знаете, что мне нужно.

— Любые стимуляторы в такой момент абсолютно исключены.

— Смешно, что вы говорите... они убьют меня. Так ведь все равно умирать... дайте мотору постучать чуть дольше — вот и все, что я прошу.

Врач заколебался лишь на миг. Приняв решение, он повернулся к своей сумке и стал готовить шприц. Айрис и Вашингтон молча дождались окончания процедуры и увидели, как на щеках больного чуть проступила краска.

— Так гораздо лучше, — проговорил сэр Айсэмбард, пытаясь сесть.

— Самообман, — настойчиво сказал доктор. — Потом...

— Потом будет потом, — проговорил сэр Айсэмбард сварливо, как встарь. — Я положительно собираюсь досмотреть праздничный пробег до конца, доктор, и я это сделаю, если вы не лишите меня внимания ваших чертовых иголок. Теперь побудьте снаружи, пока мы не достигнем станции Грэнд-бэнкс, там мне понадобится ваша помощь, чтобы перейти из поезда в поезд, — он подождал, пока дверь за врачом закроется, и повернулся к Гасу. — Я свалил дурака, я это сообразил наконец.

— Сэр...

— Не перебивайте. Туннель построен, и все поводы к нашей вражде исчерпали себя. Если они вообще когда-то были, вот в чем штука. Сейчас, когда я стал ближе к своему Создателю и к жизни вечной, я вижу, что, наверное, все беды по большей части были вызваны моим неверием в ваши способности. Если так, простите меня. Куда важнее, что из-за своего эгоизма я заставил страдать двух людей, и за это я особенно прошу прощения. Было время, когда я знал, что вы оба хотите обвенчаться. А сейчас?

Быстрым кивком Айрис ответила за двоих; ее рука несмело нащупала руку Гаса.

— Быть посему. Следовало сделать это много лет назад.

— Я не могу и не хочу оставить вас, отец. Я так решила.

— Чушь. побыстрее выходи за него и не беспокойся, что тебе еще хоть сколько-нибудь придется обо мне заботиться.

— Нет!

— Да. Так лучше. Человек может либо строить из себя дурака на смертном одре, либо признать, что он

был дураком прежде. После этого ему лучше умереть. Теперь позовите врача, мне опять нужна его помощь.

В его хрупком теле жила могучая воля, которая единственно позволяла ему до сих пор сохранять ясность сознания; приступ должен был сразить его куда раньше. Медицина помогала ровно настолько, насколько она способна; но поддерживал великого инженера его несокрушимый дух. На станции Грэнд-бэнкс уже поджидали носилки; его перенесли в другой поезд, и остальных пассажиров поторопили с пересадкой, времени на осмотр острова на этот раз не было предоставлено. И снова в черную пасть туннеля, — а сэр Айсэмбард неподвижно смотрел прямо перед собой, как если бы все его силы уходили на то, чтобы продолжать дышать и жить; да, наверное, так оно и было. Спустя несколько минут дверь открылась, и Гас, покосившись, поспешно вскочил, в то время как Айрис склонилась в реверансе перед молодым человеком, стоявшим в проеме.

— Пожалуйста, не утруждайтесь, — проговорил он. — Мы все очень обеспокоены болезнью сэра Айсэмбарда. Как он?

— Хорошо, насколько это возможно в его состоянии, Ваше Высочество, — ответил Гас.

— Прекрасно. Капитан Вашингтон! Если у вас есть свободная минутка, прошу вас. Моя матушка хотела бы поговорить с вами.

И они вышли вместе, в то время как Айрис села подле отца, согревая ладонями его холодную руку, и сидела так, куда Гас не вернулся. Один.

— Ну? — спросил сэр Айсэмбард, открывая глаза на звук его шагов.

— Действительно, прекрасная женщина. Всех нас поздравляет с завершением работы. Затем упомянула о возведении в рыцарское достоинство...

— О, Гас!

— ...от которого я отказался, заявив, что есть кое-что, чего я хочу гораздо больше, кое-что для моей страны. Она вполне поняла. Оказывается, после начала туннельных работ был проведен целый ряд консультаций по вопросу о независимости, и, очевидно, министр иностранных дел, лорд Эмис, постоянно поддерживает королеву: по ее словам, он даже заявил как-то раз, что видел в колониях больше хорошего, чем за все время в Англии. Похоже, с той поры, как под землей заверте-

лись колеса, колесо фортуны повернулось наконец в сторону независимой Америки!

— О, Гас, дорогой, тогда все получится! То, чего ты всегда так хотел!

— Надо было соглашаться на титул, а чертовы колонии пусть разбираются сами...

Сэр Айсэмбард смотрел в окно и молча терпел, пока они целовались долго и страстно; наконец словно что-то лопнуло снаружи, обрушился яркий свет — тьма туннеля кончилась, и за стеклом поплыли зеленые картофельные поля Лонг-Айленда.

— Вот так, — сказал сэр Айсэмбард с удовлетворением и пристукнул тростью по полу. — Вот так! Транс-атлантический туннель, поперек всего океана. Чудесный день.

Улыбаясь, он прикрыл глаза — и больше их уже не открывал.

ЭПИЛОГ

Над зелеными просторами Чешира летел радостный звон колоколов. Заслышав этот чарующий благовест, никто не мог сдержать своих чувств. Сама церковь Балкли, древняя, поседевшая громада еще норманнской постройки, расположенная близ родового поместья семейства Брэсси Балкли-Олд-холл, утопала среди цветников и живых изгородей, только колокольня ее виднелась с дороги. За нею прятался наполненный мягким светом и сладким запахом тщательно ухоженных роз дворик — сейчас здесь стояли трое друзей, и двое из них, мужчины, пожимали друг другу руки.

— Я никогда не смогу по-настоящему отблагодарить тебя, — сказал Гас Вашингтон.

— Чушь! — ответил Алек Даррел. — Постоять за твоей спиной мне только в радость. Никогда в жизни не был шафером — по правде сказать, я и в церкви-то не был все эти годы. Во всяком случае, масса удовольствий. Внеочередная увольнительная, лишний кредит у моего портного на этот утренний костюм, он всегда пригодится. И возможность поцеловать невесту... Что это я, в самом деле? Впрочем, стоит попробовать еще разок.

И, действительно, взял и попробовал, — а глаза Айрис сияли, и она смеялась, не сдерживаясь, воздушное облачко белизны и кружев, счастливая, как может быть счастлива только невеста.

— Ты уверен, что не хочешь остаться на вечерний прием?

— Положительно уверен. Хотелось бы, конечно, но долг превыше всего. Со старой кенгурихи «Королевы Елизаветы» я списался, много чести болтаться над Атлантикой взад-вперед. Может, думаю, под ней лучше? Сунулся в твой туннель, но там, как везде, ничего, кроме машинного, не увидел. Взяться за старое, думаю, — ну и взялся, шиллинг королевы и все такое; они были чертовски рады заполучить меня обратно.

— Королевским ВВС без тебя никак, — засмеялся Гас.

— А ты как думал? — Алек понизил голос и оглянулся по сторонам. — Между нами, старик, ты ж газеты читаешь, знаешь обо всех этих очагах напряженности на континенте. Честное слово, от иностранцев одни неприятности. Эти саксонцы опять, они не лучше пруссаков, только французам уступают, да и то не всегда. Продают снаряды туда-сюда через Рейн, а всем и горюшка мало, пока они рвут свинарники и всякое такое. Но тут они шарахнули своими ВВ по курортным городам, фасад отеля снесли. Ты не поверишь, но там же наши жили. Их эвакуировали, конечно, но все же. Вот для чего нужны линкоры, как кто-то сказал.

Они проводили его до самых садовых ворот, где, обменявшись с Гасом рукопожатием, он позволил себе еще раз чмокнуть невесту — достаточно внезапно, так что никто не успел возразить.

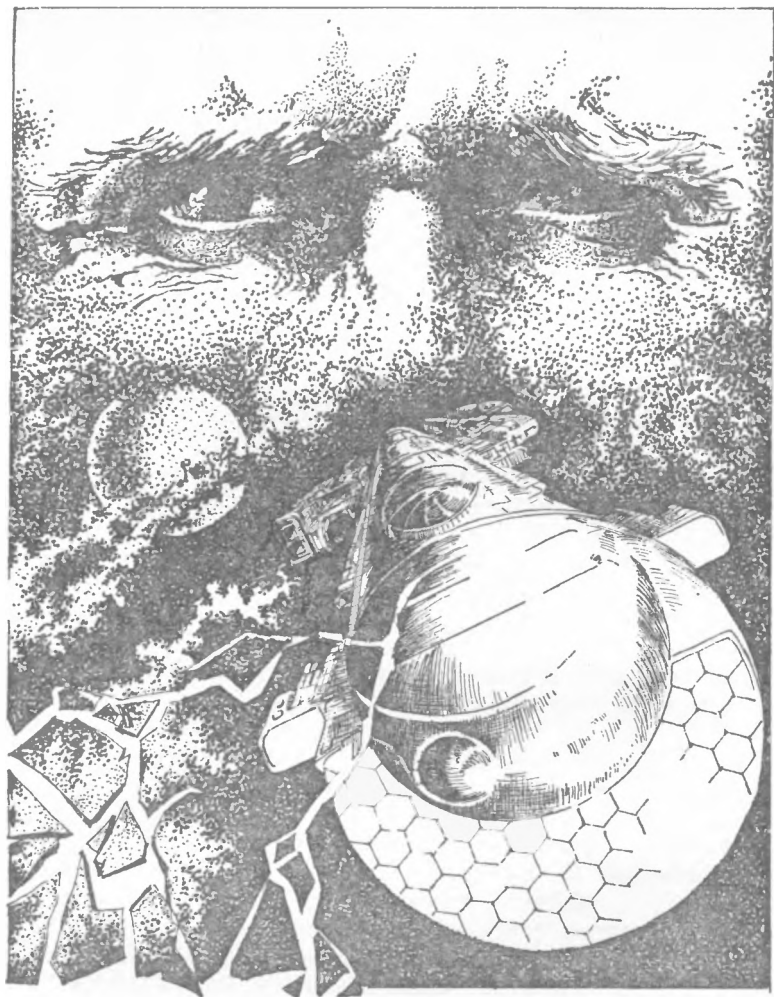
— Я сейчас на «Инвинсибле» — родном братце старины «Кэрэйджеса», они вроде как совсем одинаковые, но «Инвинсибл» все-таки на десять лет современнее, как ни крути. Четыре кочегара в машинном, так что вполне можем обиходить топку вручную, если автоматика полетит. Винты вращают четырнадцать паровых турбин, по семь на крыло. Все характеристики засекречены, но, я тебя заверяю, старик, это кое-что. Чертова уйма вооружения. Легкие и тяжелые пулеметы, легкая турельная пушка наверху сдвоенного хвоста, два безоткатных семидюймовых орудия на турелях в носу. Подожди, вот как полетит он над старым Рейном, как положит пару-тройку залпов вокруг их лодчонок — они еще дважды подумают перед тем, как обстреливать англичан!

Он зашагал по тропинке, с армейским шиком откидывая плечи назад, затем обернулся, чтобы с абсолютно

штатской улыбкой помахать счастливой паре, не разжимая объятий глядевшей ему вслед, и крикнул:

— Да, хотел поздравить тебя с независимостью твоей Америки. Это здорово. Почему ты не пошел в президенты, Гас? Президент Вашингтон звучит не ново, но приятно. Пари, что у тебя получится. Вперед!

Насвистывая, он дошел до поворота и скрылся из виду.

СУДОВОЙ ВРАЧ

Глава 1

Перелет со станции Лунная на Марс — сущий пустяк. Пассажиры прибывают транспортными ракетными модулями на борт висящего на орбите межпланетного лайнера «Иоганн Кеплер», где их ожидает 92 дня развлечений и пиршеств, общения и отдыха. Именно так и наслаждались своим путешествием все 147 пассажиров этого корабля на тридцатый день после вылета с Земли.

И именно в этот день в космический корабль попал метеорит, летевший встречным курсом. Попал чуть ли не в самый центр корпуса.

Автоматические лазерные установки оказались не в состоянии отразить опасность. Наружная бронированная обшивка корпуса лишь немного смягчила удар. Метеорит прошел переборки восемнадцати отсеков различного назначения, пока наконец не застрял где-то глубоко среди грузов в трюмах корабля.

На своем разрушительном пути метеорит пробил главный водяной резервуар и центральную рубку управления. Погиб капитан корабля Кардид, а также — двенадцать других офицеров и рядовых членов команды. Кроме того, после короткой агонии скончались шестнадцать пассажиров.

Положение складывалось очень скверное.

В тот момент, когда корабль столкнулся с метеоритом, лейтенант Дональд Чейз лежал на койке в корабельном лазарете, читая толстую книгу под названием «Дегенерация костной ткани в условиях слабой грави-

тации». Вдруг металлический каркас койки задрожал, вибрация передалась книге, но Дон в течение нескольких мгновений не придавал этому значения.

И тут смысл случившегося внезапно дошел до его сознания. Вибрация! На космическом корабле, летящем в вакууме, не может быть никаких толчков или резких сотрясений. Он уронил книгу, вскочил на ноги, и в тот же миг заработала сигнализация корабельной тревоги.

По ушам ударил рев sireны, а перед глазами бешено замигало красное табло. Затем звук sireны сменился трансляцией записи, усиленной до оглушительной громкости:

«Авария в космосе!!! Корпус корабля поврежден. Происходит утечка воздуха. Автоматические двери между отсеками закрываются. Действуйте в соответствии с инструкцией по выживанию в космосе».

Как только завывла сирена, аварийный шкаф, расположенный в противоположной стене комнаты, с треском распахнулся по команде тех же устройств, что включили звуковую сигнализацию.

«Снять комбинезон и надеть скафандр», — вспомнил Дон инструкцию. Когда-то это было просто очередное правило, которое следовало запомнить. Он даже не думал, что когда-нибудь эти знания ему пригодятся.

Он быстро расстегнул длинную молнию рабочего комбинезона и запрыгал на одной ноге, стягивая с себя одежду. Вместе с комбинезоном он сбросил легкие сандалии и подскочил к шкафу.

Аварийный скафандр покачивался на конце штанги, которая сразу же выдвинулась из открывшихся дверей. Скафандр был цельнокроеным, почти облегающим и точно соответствовал фигуре. Он был обращен к Дону расстегнутой по всей длине спиной, шлем свисал на грудь.

— Голова, правая нога, левая нога. Правая рука, левая рука, застегнуть, — бормотал Дон себе под нос, вспоминая порядок действий.

Ухватившись за ручки, укрепленные на подставке, он наклонился вперед и нырнул головой в шлем, одновременно сунув правую ногу в скафандр. Автоматические клапаны открылись, штанина наполнилась сжатым воздухом и раздулась наподобие воздушного шара. Когда нога вошла до конца, пальцы ступни коснулись

выключателя, и подача воздуха прекратилась. Штанина скафандра плотно обтянула ногу.

Потом, преодолевая сопротивление воздушного потока, заняли свое место левая нога и руки. Дон сунул пальцы в перчатки и протянул руку к красной кнопке с надписью, выполненной большими белыми буквами: «Герметизация».

Герметизирующее устройство крепилось на скафандре у самой поясницы. Оно тотчас же, подобно огромному насекомому, зигзагами поползло вверх, закрывая и герметизируя скафандр. Достигнув шлема, устройство отсоединилось. Теперь, одетый в воздухонепроницаемый костюм, Дон мог свободно передвигаться по кораблю.

Вся процедура, от начала до конца, заняла не более двенадцати секунд.

Шлем Дона напоминал круглый аквариум с прорезью для рта и носа. Легкое металлическое забрало автоматически захлопывалось, как только давление воздуха падало ниже пяти фунтов на квадратный дюйм. Запас кислорода в скафандре был ограничен и использовался только в том случае, когда возникала настоятельная необходимость.

Чемоданчик для срочной медицинской помощи также находился в аварийном шкафу. Дон схватил его и подбежал к терминалу — обычной электрической пишущей машинке, подключенной непосредственно к корабельному компьютеру. Дон быстро отпечатал свой кодовый номер, который идентифицировал его как офицера медицинской службы корабля; это было нужно для того, чтобы компьютер мог определить, доступ к какой информации доктору разрешен. Затем отпечатал запрос:

«Каков характер аварии?»

Последовала секундная пауза — компьютер анализировал вопрос, отыскивал требуемую информацию и проверял, имеет ли запросивший право получить ее. Затем решение было принято, пишущая машинка ожила, и печатающая головка забегала по бумаге:

«Пробоина во внешней обшивке корпуса над отсеком 107-JN.

В данном отсеке и 17 других произошла полная утечка воздуха.

Разгерметизированные отсеки изолированы.

Разгерметизированы следующие отсеки:

107-JN

32B

32BI

...»

Дон подошел к схеме отсеков корабля, и у него перехватило дыхание: 107-JN был центральной рубкой управления, мозгом корабля.

Как только терминал умолк, Дон вырвал лист, сунул его в карман на колене и, схватив аптечку, выскочил из лазарета, направляясь в рубку управления.

Наверняка в пострадавших отсеках есть мертвые и, возможно, раненые, которых, если не медлить, еще можно спасти. Но сначала — люди рубки управления! Без них этот громадный космический корабль превратится в кувыркающуюся глыбу металла. Беспорядочно вращаясь, он пронесется мимо Марса и затеряется в бесконечной тьме.

Впереди был лестничный колодец, ведущий вниз с палубы В на палубу А и заканчивающийся прямо у входа в рубку управления.

— Что случилось? Почему тревога? — спросил испуганный мужчина в фиолетовом костюме, выходя из каюты и пытаясь загородить Дону путь.

— Авария. Оставайтесь в вашей каюте, как вас инструктировали.

Дон проскочил мимо, зацепив его плечом, и пассажир, среагировавший недостаточно быстро, отлетел в сторону. Дон повернулся к лестничному колодцу и натолкнулся на закрытую дверь.

Это была герметичная дверь, которая автоматически запиралась, когда в расположенных за ней отсеках происходила утечка воздуха. И, чтобы локализовать аварию, одновременно с ней должны были закрыться подобные же двери между самими отсеками, а также с внешних сторон первого и последнего поврежденного помещения.

На панели у двери горела зеленая лампочка, означавшая, что в отсеке за ней есть воздух. Дон принялся шарить в кармане в поисках специального ключа для автоматических дверей, но тут услышал за спиной быстрые шаги.

— Позвольте мне открыть ее, док, — крикнул человек, и Дон посторонился.

Это был рядовой Гоулд, помощник инженера-электрика, тоже одетый в скафандр с открытым шлемом: в подобной ситуации все члены команды — уцелевшие члены команды — должны быть в скафандрах. Гоулд вставил ключ в замочную скважину — дверь, скользнув в сторону, открылась и, как только они переступили порог, снова плотно закрылась за их спинами. Они побежали вниз по лестнице, перескакивая через ступеньки.

Дверь у основания лестницы была закрыта, а рядом с ней горела красная лампочка.

— Они остались без воздуха, — произнес Гоулд, и голос его прозвучал как-то глухо.

— Нам нужно туда войти!

— Теперь используйте свой ключ, док. Моим нельзя открыть дверь в отсек, где нет воздуха.

На космическом корабле, выполняющем межпланетный перелет, воздух — этот источник жизни — необходимо строго беречь. Поэтому только у нескольких офицеров команды были ключи, позволявшие открывать двери, по другую сторону которых был вакуум. Дон вставил ключ и повернул его.

Они услышали, как натужно загудели электромоторы, преодолевая силу давления. Наконец дверь начала медленно сдвигаться в сторону. Как только между ней и косяком образовалась щель толщиной в волос, раздалось зловещее шипение. По мере расширения щели оно становилось все громче. Их барабанные перепонки чуть не лопнули, когда воздух с шумом устремился из лестничного колодца.

Неожиданно раздалось едва слышное в разреженной атмосфере клацанье автоматически захлопнувшихся крышек на их шлемах.

Дверь свободно распахнулась.

Дон и его напарник оказались в отрезке коридора непосредственно перед рубкой управления. Дверь в рубку была полуоткрыта.

Полностью закрыться ей мешало тело капитана Кардиды.

Широко раскрытые глаза капитана — голубые, пустые, замерзшие — пристально смотрели на прибывших. На лице застыло злое выражение, как будто он

был недоволен тем, что они не успели вовремя. Дон отвел глаза от этого обвиняющего взгляда и повернул ключ в замке. Дверь открылась полностью, и они вошли в рубку; в вакууме их шаги по металлическому полу были беззвучными.

Трагедия предстала перед ними в виде груды тел у самой двери. Когда произошла катастрофа, люди, находившиеся ближе к выходу, пытались выбраться из рубки. Но даже стремясь спасти собственные жизни, офицеры и рядовые делали все, чтобы первым спасся капитан, — ведь он был самым нужным человеком на борту. Двое космонавтов так и продолжали держать своими скрюченными пальцами дверь, пытаясь и после смерти остановить ее, чтобы она не прижала капитана. Первый помощник еще сжимал в руках ключ: видимо, пытался вставить его в замок, чтобы не дать двери захлопнуться.

И ни один из них не смог осуществить своего намерения.

И они погибли.

А с ними и все остальные, находившиеся в рубке. Пол был усеян замерзшими телами, скорчившимися в агонии. Дон подошел к аппаратуре радиосвязи и посмотрел на то, что от нее осталось. Главная радиостанция была разбита и искорежена. Вокруг застыли капли расплавившегося в момент удара металла. Он наклонился и заглянул в дыру величиной с кулак, которая проходила насквозь через изоляцию, водный резервуар и обшивку корпуса. По ту сторону, во тьме, были видны медленно движущиеся звезды. Он обернулся и посмотрел на выходное отверстие в противоположной переборке, которое также пробил метеорит. Здесь, с мертвыми, делать ему было нечего. Следовало позаботиться о живых. Повернувшись к выходу, Дон увидел Гоулда, который жестами подзывал его к себе. Они подошли друг к другу и соприкоснулись шлемами.

— Вы можете заделать эту пробойну? — спросил Дон, и его голос передался вибрацией от шлема к шлему.

— Конечно. Это не трудно, док. Мы наложим временные заплаты, пока команда, обслуживающая обшивку, не сможет выйти наружу и произвести ремонт. Но это не так важно.

— Что вы имеете в виду?

— Посмотрите на эти тела — их слишком много. В рубке управления не должно быть одновременно столько людей. И взгляните на их золотые нашивки.

Охваченные одинаковым страхом, они стали быстро переворачивать мертвых и заглядывать в их лица. Когда они вновь сдвинули шлемы, Дон подытожил за обоих:

— Должно быть, капитан проводил совещание офицеров. Они все до единого здесь.

Гоулд мрачно кивнул, и от этого движения шлемы заскребли друг о друга.

— Все офицеры корабельной службы, — подтвердил он, — и даже второй инженер. Нам остается лишь перекреститься, док, и надеяться, что мы отыщем первого инженера Хольца. И что он цел и невредим.

— Вы что, думаете...

— Вот именно, док. Если первый инженер мертв или даже просто ранен, вы остаетесь единственным офицером на борту. И тогда вам придется принять командование кораблем.

Глава 2

Итак, в рубке управления врач был не нужен. Сюда уже всей командой спешили специалисты-аварийщики, и, как только выход освободился, Дон направился обратно — в неповрежденную часть корабля. На верху лестничного колодца, перед дверью, был уже сооружен временный шлюз, и, проходя через него, пришлось немного задержаться. Едва лишь давление окружающего воздуха достигло нормы, металлическая крышка шлема автоматически откинулась, и он снова вдохнул воздух корабля. Подойдя к ближайшему аппарату бортовой видеосвязи, Дон заглянул в лежащий рядом справочник и набрал номер центра управления аварийными работами. Линия была занята, но мигающая зеленая лампочка говорила, что вызов дожидается своей очереди и ему ответят, как только появится возможность.

Дон нетерпеливо переступил с ноги на ногу. Да, это путешествие оказалось совсем не таким, как он себе представлял. Ведь бытовало мнение, что служба космических полетов не обещает ни романтики, ни приключений. Сразу по окончании учебного заведения многие молодые врачи нанимались, подобно ему, временно на межпланетные корабли, чтобы уже потом принять решение относительно своего будущего. Для врачей существовала масса интересных мест на космических станциях-спутниках и на планетных базах, а космические полеты давали возможность увидеть их своими глазами до того, как принять окончательное решение.

Кроме того, это было приятным разнообразием после стольких лет учебы. Приятным! Он даже улыбнулся своему отражению на экране видеомонитора, но тут зазвучал сигнал вызова.

— Говорит доктор Чейз, — представился он встревоженному старшине, лицо которого появилось на экране.

— Для вас есть дело, док. Похоже, самое тяжелое состояние у пострадавшего, находящегося перед отсеком 32В. Вы можете заняться им, а я подготавливаю информацию о других, кто нуждается в вашей помощи.

— Иду. Конец связи.

Он пустился бегом: при несчастных случаях минуты или даже секунды могут решить вопрос жизни и смерти.

В коридоре перед отсеком 32В лежал седовласый мужчина, над которым склонилась девушка. На ней был желтый спортивный костюм без одного рукава. Когда девушка отодвинулась, он увидел, что она сама оторвала этот рукав и, скомкав, прижимала его как тампон к виску мужчины. Рукав был покрыт красными пятнами крови.

— Я его не трогала, доктор. Только попыталась остановить кровотечение, больше ничего.

— Вы молодец, — кивнул Дон, опустился на колени и открыл свой чемоданчик.

Первое, что он сделал, — приложил диагностический регистратор к вялому запястью пострадавшего. Из прибора выдвинулись два зажима и автоматически закрепили регистратор в нужном месте. Шкалы ожили, показывая, что у раненого низкое давление, слабый пульс, нормальная температура, холодная и влажная кожа — шок. Этого и следовало ожидать. Перед тем как заняться раной, Дон вытащил инъектор и, не прокалывая кожу, ввел пациенту противошоковое средство. Убрав самодельный тампон, он убедился, что случай не настолько серьезный, как представила себе девушка. Рана была поверхностной — всего лишь неровный разрез на коже, но кровотечение было таким сильным, что неопытному глазу девушки все показалось в преувеличенном свете. Дон обработал рану специальной пеной из баллончика, — застыв, она остановит дальнейшее кровотечение до того, как он сможет заняться этим пациентом в операционной.

— С ним будет все в порядке, — сказал он. — Вы находились здесь, когда это случилось? Вы сами не ранены?

— Нет, со мной все нормально. Я шла по коридору и наткнулась на него, уже лежавшего в луже крови. После того как я наложила тампон и вызвала помощь, я заметила вон ту штуку в стене. Непонятно, как она туда попала.

Она указала на зазубренный кусок металла, который торчал из стены коридора напротив отсека 32В. Рядом с закрытой дверью отсека горела красная лампочка.

— Ему просто не повезло, — как можно спокойнее сказал Дон. — Как раз в тот момент, когда он проходил мимо, в отсеке произошел взрыв. Этот кусок металла, по-видимому, вылетел через дверной проем и попал в него.

Он ни словом не обмолвился о том, что осколок — работа метеорита и что в отсеке сейчас вакуум. Этот импровизированный снаряд, очевидно, вышвырнуло через дверной проем до того, как дверь автоматически закрылась.

В коридорном динамике, а одновременно и во всех помещениях огромного корабля раздалась мелодия, предшествующая трансляции объявлений. Последовала пауза, затем кто-то откашлялся и начал говорить:

— Внимание! Говорит первый инженер Хольц. Меня попросили проинформировать всех на борту, пассажиров и членов команды, что на нашем корабле произошла авария. В него попал метеорит.

Девушка в ужасе судорожно вздохнула и закрыла лицо руками.

— Все нормально, — быстро успокоил ее Дон. — Опасность миновала. Несколько отсеков были пробиты, но они уже изолированы.

А про себя подумал: может, Хольц и хороший инженер, но психолог он никудышный, иначе бы не сделал такого устрашающего объявления. Голос, усиленный динамиком, продолжал:

— Центр аварийных работ сообщил мне, что пробитые отсеки изолированы и в них в настоящее время ведутся ремонтные работы. Пассажирам предписывается оставаться в своих каютах или там, где они сейчас находятся, и воздержаться от передвижения по кораб-

лю. Члены команды выполняют свою работу, и вы будете только мешать им. У меня все.

В коридоре появился человек в скафандре; он нес сложенные носилки и явно спешил.

— Меня прислал центр аварийных работ, док, — сказал он. — И еще просили передать вот это.

Он порылся в кармане, вытащил оттуда листок бумаги и передал его Дону. Это была компьютерная распечатка с перечислением мест, где, по поступившим сообщениям, имелись раненые. Дон посмотрел, какое из них расположено ближе.

— Этого человека нужно доставить в лазарет, — распорядился он. — Но чтобы поднять носилки, нужен еще кто-нибудь...

— Я могу помочь, — откликнулась девушка.

Решение было принято сразу: она молода, сильна и должна справиться.

— Хорошо. И присмотрите за ним в лазарете.

— А мне что делать, док? — спросил космолетчик.

— Принесете носилки назад. Я буду рядом, в отсеке 89-НА. По пути попытайтесь прихватить кого-нибудь себе в помощь.

Мужчина в отсеке 89-НА был мертв. Так же как и следующие двое из списка потерпевших — пожилая супружеская пара. Холодный вакуум оказался убийцей, который пощадил очень немногих. Но встречались и уцелевшие, они находились в отсеках, которые были повреждены последними и где утечка воздуха происходила медленнее. Дон выводил их из шока, сшивал лопнувшие кровеносные сосуды, обрабатывал мелкие раны. Однако по сравнению с числом погибших их было ничтожно мало. Дон перевязывал чью-то обмороженную руку, когда по радио объявили:

— Лейтенант Чейз, вы приглашаетесь в рубку управления на совещание офицеров.

«И очень немногочисленное», — мрачно добавил про себя Дон. Он обвел взглядом тех немногих пациентов, что лежали в лазарете: все получили успокоительное, и большинство из них спало. Молодой космолетчик уже складывал носилки. Дон окликнул его:

— Рама, вы можете побыть здесь, пока я не вернусь?

— Конечно, доктор. Если что случится, я вызову вас.

Рама Кусум был помощником инженера в силовом отсеке, но мечтал стать врачом. Он откладывал большую часть своего жалованья для того, чтобы дома, в Индии, пойти учиться на медицинский факультет. В свободное от вахты время он помогал Дону и обучался, чему мог.

Центр аварийных работ давно уже объявил, что повреждения устранены и скафандры можно снять. Но до сих пор у Дона времени для этого не нашлось. И лишь теперь он с облегчением стянул с себя это душное одеяние, помылся и надел чистый комбинезон.

Он повторил тот же путь до рубки управления — на этот раз все двери были открыты. Когда он спускался по лестнице на палубу А, перила были холодными, а металлические стены покрыты капельками влаги, которая конденсировалась из воздуха. Но он знал, что очень скоро перила нагреются, а вода испарится.

Тела из рубки управления были уже убраны, а рваная дыра в полу заварена тяжелой металлической плитой. Кто-то до его прихода, очевидно, занимался разбитой радиостанцией: на столе были разложены детали. Вначале Дону показалось, что в рубке, кроме него, никого нет, но тут он услышал покашливание и увидел, что за высокой спинкой кресла астронавигатора кто-то сидит. Это был первый инженер Хольц.

— Войдите и закройте дверь, — произнес Хольц, подняв голову. — И присаживайтесь, лейтенант. Нам нужно о многом поговорить. Очень о многом.

С подавленным выражением лица он потряс стопкой бумаг, которую держал в руке.

Дон опустился на стул и стал ждать, когда инженер начнет разговор. Ждать пришлось долго. Хольц размышлял над бумагами, медленно перелистывая их, как будто в них был скрыт ответ, которого он искал и не мог найти. Он был уже немолод, а после шока от событий, происшедших в последние несколько часов, казался еще более постаревшим: под глазами набрякли темные мешки, кожа под подбородком обвисла.

— Дела очень плохи, — наконец произнес он.

— Что вы конкретно имеете в виду? — спросил Дон, сдерживая нетерпение. Хольц был старшим офицером и сейчас автоматически стал командиром корабля.

— Вы только посмотрите на это! — Он сердито тряхнул бумагами. — Все офицеры погибли за исключением вас и меня. Как такое могло случиться? Кроме того, этот летающий обломок уничтожил нашу радиостанцию, которая нам так необходима. Спаркс монтирует временную, но мощность ее будет ограничена. Впрочем, это не имеет значения: вблизи нет ни одного корабля, который мог бы прийти нам на помощь. Наконец, мы потеряли почти половину нашего запаса воды, которая через пробойну ушла в космос. Кошмар!

Дон почувствовал, что необходимо как-то остановить эти причитания.

— Дела плохи, сэр. Однако корабль еще не погиб. Смерть капитана и других — трагедия, но мы должны научиться обходиться без них. Довести корабль до цели — в наших силах. Мы находимся на правильном курсе, а когда приблизимся к Марсу, свяжемся с ним, и навстречу нам вышлют навигаторов. Корабль герметичен и исправен. Мы выполним эту задачу. С моей стороны вы можете рассчитывать на любую помощь, которую я в силах оказать. — Дон улыбнулся. — Все будет нормально, капитан.

— Капитан?! — Хольц выпрямился. Его глаза широко раскрылись.

— Конечно. Вы старший офицер, и эта должность автоматически переходит к вам...

— Нет! — Хольц яростно замотал головой. — Я — первый инженер. Я отвечаю за ядерный реактор и двигатели и ничего не понимаю в астронавигации, ничего. Извините, но я не могу бросить силовую часть корабля. И если вам нужно назвать кого-то капитаном, назовите себя.

— Но я простой врач, — запротестовал Дон. — Это мой первый полет в космос. Вы должны...

— Не вам напоминать, что я должен. Слушайте меня. Я должен находиться в силовом отсеке, от этого никуда не деться. А вы — командуйте. Будете капитаном, пока на борт не придут другие офицеры. Рядовой состав свою работу знает и вам поможет.

Раздражение Хольца неожиданно прошло, и, когда он сцепил перед собой пальцы больших рук, Дон заметил, что они дрожат.

— Вы молоды, — объяснил инженер. — У вас хватит сил справиться с этой работой. А я не могу. Вы же

знаете, что я собираюсь уходить в отставку. Предполагалось, что это будет мой последний полет. Я знаю ядерную физику, я знаю двигатели. И я знаю свое место.

Он выпрямился и взглянул Дону в глаза:

— Именно так и должно быть. Отныне вы — командир.

Дон хотел что-то возразить, но тут открылась дверь, и вошел оператор бортового компьютера Бойд. Он козырнул в сторону капитанского кресла и повернулся к обоим офицерам.

— Я принес данные наблюдений, — начал он, но Хольц прервал его.

— Докладывайте лейтенанту Чейзу. Мне нужно возвращаться в силовой отсек. Мы договорились, что он будет командовать кораблем до тех пор, пока не придут другие офицеры. Докладывайте ему.

Хольц поднялся и, тяжело ступая, вышел. Дон не мог ничего возразить — невозможно было заставить или вынудить первого инженера взять на себя обязанности командира. Следовательно, оставался единственный выход.

Оператор компьютера повернулся к Дону и протянул листок бумаги.

— Вот курсовые поправки, рассчитанные на основе наблюдений, которые проводятся ежечасно. Кстати, первые с того момента, как этот осколок попал в нас.

Дон равнодушно взглянул на ряды чисел, отпечатанных на бумаге:

— Что это значит? Вам придется объяснить мне, Бойд.

— Я и сам не очень разбираюсь, док, но накануне столкновения я работал с астронавигатором, и он говорил, что в течение следующей вахты необходимо произвести коррекцию курса. А что делать сейчас, я не знаю. Этот метеорит столкнулся с нами точно в плоскости вращения корабля. Он обладал достаточной массой и скоростью, чтобы оказать на нас воздействие. Удар не смог замедлить вращения корабля настолько, чтобы это стало заметным, уровень гравитации на борту сохраняется около одного g . Но метеорит сбил ориентацию оси корабля, и сейчас началась прецессия.

Дон вздохнул и возвратил листок.

— Вам придется объяснить все попроще, Бойд, если вы хотите, чтобы я хоть что-нибудь понял в этой проблеме.

На лице оператора не мелькнуло и тени улыбки.

— Понимаете... наша основная ось, другими словами вектор тяги атомных реактивных двигателей корабля, должна совпадать с траекторией полета. Так было до сих пор, и так *должно* быть при осуществлении коррекции курса. Но сейчас мы начали кувыркаться в космосе, понимаете, разворачиваться то одним концом вперед, то другим. И пока корабль движется таким образом, коррекцию проводить невозможно, а без нее, док, мы проскочим мимо Марса и полетим дальше. В бесконечность.

Дон кивнул: это ему было понятно. Нужно что-то предпринимать, и немедленно. И он — единственный, кто должен это сделать. На помощь Хольца надеяться бессмысленно, а больше на борту «Иоганна Кеплера» нет ни одного человека, к которому можно было бы обратиться.

— Хорошо, Бойд, — сказал он, — я займусь этим. Но в таком случае вы должны перестать называть меня «док».

— Есть, сэр, — ответил оператор, вытягиваясь и отдавая ему честь. — Понимаю, капитан.

Глава 3

— Вызывали, сэр?

Дон поднял голову и увидел, что на пороге кают-компании стоит главный старшина Курикка.

— Входите, старшина. Через полчаса я провожу совещание, но прежде я хотел бы поговорить с вами. Если кто-нибудь здесь и может ответить на мои вопросы об «Иоганне Кеплере», так это вы. — Он указал на модель их космического корабля, стоявшую перед ним на столе. — Как я понимаю, вы служите на борту этого лайнера с момента ввода его в строй?

— Несколько дольше, сэр. Я входил в состав строительной команды, которая монтировала «Большого Джо» — так мы его называли, — на околоземной орбите. Потом я перешел на космическую службу и остался на корабле.

Этот высокий финн, светловолосый и голубоглазый, выглядел гораздо моложе своих лет.

— Это даже лучше, чем я думал, — сказал Дон. — Смогли бы вы объяснить мне, что это за «прецессия» и «качание оси», которые так беспокоят оператора бортового компьютера?

Курикка, утвердительно кивнув, осторожно отсоединил модель корабля от основания и поднял ее перед собой.

— То, как нам описали «Большого Джо», когда мы начинали его монтаж, является самым понятным из всего, что я слышал. Он представляет из себя большой

барабан, соединенный газовой трубой с баскетбольным мячом.

— Вы правы. Услышав однажды такое сравнение, вряд ли его забудешь.

— Газовая труба проходит через обе кожаные мембраны барабана. С одной стороны она выступает лишь немного, а основная ее часть расположена по другую сторону. На конце длинного участка трубы закреплен баскетбольный мяч. В нем находятся ядерный реактор и двигатели. В том месте, где мяч прикрепляется к трубе, за мощной противорадиационной защитой расположен силовой отсек. Все остальное оборудование корабля сосредоточено в барабане. В полете весь корабль вращается вдоль основной оси трубы.

— Пока все ясно, — сказал Дон и легонько постучал пальцем по большому цилиндру. — Этот барабан вращается с такой скоростью, что центробежная сила создает на палубе А гравитацию, равную одному g . Палуба А является первой по счету и так же, как и все остальные, проходит по окружности барабана. Пол под нашими ногами одновременно служит наружной обшивкой корабля. Чтобы попасть на палубу В, мы поднимаемся на один пролет лестницы вверх, хотя это «вверх» фактически означает «по направлению к оси вращения». Еще выше следует палуба С, которая используется исключительно для груза или в качестве хранилища. Это — последняя палуба, имеющая атмосферу. Внутренняя, полая часть барабана сообщается с космическим пространством и используется только для перевозки грузов. Я правильно говорю?

— Нормально, сэр. — На бесстрастном лице Курikki мелькнула улыбка, но тут же исчезла.

Дон крутил трубу между ладонями, придавая вращение всей модели, и одновременно направлял барабан на лампу, висевшую над столом.

— Вот так летит корабль, вращаясь и в то же время перемещаясь вперед, по направлению к этой лампе, которую мы назовем Марсом.

— Не совсем так, сэр. После старта, когда прекратили работать ускорители, корабль был развернут кормой вперед, так что наши основные двигатели сейчас направлены в сторону Марса, а обсерватория, расположенная в коротком конце трубы, обращена назад, откуда мы летим.

Дон развернул модель противоположным концом вперед и внимательно посмотрел на нее.

— Ага, мы летим вот так. И одновременно вращаемся. Так в чем же проблема?

Старшина начал показывать.

— Основная ось вращения этой трубы должна точно совпадать с нашей траекторией, тогда реактивные сопла в носу или на корме могут разогнать или замедлить нас, и мы прилетим в одну и ту же точку соответственно раньше или позже. Если необходима коррекция курса, то боковые сопла, расположенные вот здесь, в центре тяжести трубы, могут по вашему желанию отклонить траекторию на любой угол. Но сейчас все это невозможно.

— Почему?

— Потому что метеорит вызвал сдвиг оси нашего вращения. Она больше не совпадает с направлением движения корабля, и уход ее продолжается. Отклонение происходит очень медленно, но все-таки происходит. Мы начали кувыркаться в полете, и пока это кувыркание не будет прекращено, осуществить какую-либо коррекцию курса невозможно.

— А если мы не произведем коррекцию, то пролетим мимо Марса на большом удалении.

Медленно и серьезно старшина Куриikka наклонил голову в знак согласия. Последовавшая за этим долгая пауза была прервана энергичным стуком в дверь кают-компании. Старшина подошел и открыл ее. На пороге стоял оператор Бойд.

— 03.00, капитан, — доложил он. — Со мной интендант, а инженер Хольц просил передать, что придет позже.

— В таком случае входите, начнем без него.

Они вошли в кают-компанию с человеком, которого Дон до этого ни разу не видел. У него были черные с проседью прямые волосы, большие пышные усы и бронзовая кожа. Очевидно, кто-то из пассажиров. Но что ему здесь нужно? Не успел Дон задать этот само собой разумеющийся вопрос, как Жонке, интендант, выступил вперед. Он был швейцарцем и когда-то закончил курсы управляющих отелями, поэтому даже после многих лет, проведенных в космосе, от него неизменно

веяло духом гранд-отеля. С легким поклоном он указал на человека, пришедшего с ним.

— Надеюсь, вы меня извините, капитан, за то, что я взял на себя смелость привести сюда на совещание человека, с которым хотел бы вас познакомить. Это доктор Угалде из университета города Мехико. Он один из самых выдающихся математиков мира. Я подумал, что... — тут он понизил голос, — ...поскольку другие офицеры погибли, доктор Угалде мог бы оказать нам большую помощь.

Дон не стал возмущаться. Конечно, в обязанности интенданта не входило принимать такие решения без предварительного согласования с капитаном, но ведь и сам он, дипломированный врач, не имел никаких оснований стать командиром. Так что одно уравнивало другое.

— Благодарю вас, — ответил Дон. — Хорошая идея. Жаль, что до сих пор она не пришла в голову мне самому. Ведь, как мне кажется, в основе нашей проблемы лежит математика.

— Не ожидайте от меня слишком многого, — заговорил Угалде, возбужденно размахивая руками. — Между заоблачными высями абстрактной математики и практическим управлением кораблем лежит огромная пропасть. У меня нет никакого опыта...

— Ни у кого из нас нет того опыта, который нам сейчас нужен, — прервал его Дон. — Нам приходится действовать наугад, поэтому мы, несомненно, воспользуемся вашей помощью, доктор. Я только попрошу вас не рассказывать другим пассажирам, сколько погибло офицеров и в какое тяжелое положение мы попали.

— Слово чести! — торжественно произнес Угалде, выпрямившись и положив руку на сердце. — Мои благородные предки сражались за свободу моей страны, и многие из них сложили головы за правое дело. Я постараюсь не подвести их.

Дон не уловил связи между этими словами и существующей опасностью, но тем не менее одобрительно кивнул и пригласил всех сесть. Затем он описал суть проблемы и то, как трудно ее решить без погибших офицеров.

— Такая вот картина, — сказал он в заключение. — Как видите — совсем невеселая. Бойд, каков обычный порядок действий при выполнении коррекции?

Оператор компьютера закусил губу и окинул всех нервным взглядом.

— Не знаю, сэр. Астронавигатор обычно давал мне уже готовые цифры, а я всего лишь проверял их на предмет ошибок в записи и вводил в компьютер. Иногда, при задачах повышенной сложности, мы передавали эти цифры в центр управления на Марсе: у них там более мощные компьютеры и целый штат математиков.

Его глаза расширились от внезапно пришедшей в голову идеи.

— Послушайте, а почему бы нам не сделать так и на этот раз? Попросить помощи по радио?

Дон грустно покачал головой.

— Мы не можем сделать этого: главная радиостанция корабля выведена из строя. Радист сейчас монтирует временные передатчик и приемник. Но мы не знаем, когда он их сделает и насколько мощными они получатся. По этой причине, по крайней мере на данный момент, нам придется забыть о какой-либо помощи со стороны. — Он повернулся к математику: — Вы могли бы помочь нам справиться с такой задачей?

Доктор Угалде вскочил со стула и начал рассказывать по комнате, заложив одну руку за спину — похоже, так ему легче думалось.

— Нереально, нереально, — выпалил он. — Астронавигация как прикладная наука отстоит невообразимо далеко от теоретической математики. Я не знаю, какие силы участвуют в этом процессе, какие проводятся измерения. Задача о трех телах сама по себе, конечно, несложная, но...

— Может, вы поговорите с оператором Бойдом, изучите журналы с данными предыдущих наблюдений и коррекций и попытаетесь найти ответ?

— Я попробую — это все, что я могу обещать. Обязательно попробую.

— Хорошо. И потом, пожалуйста, доложите результаты. — Дон посмотрел в список, который сам для себя набросал. — Перед нами стоит еще одна проблема: когда в обшивке появилась пробоина, мы потеряли большое количество воды...

— И умрем от жажды! — воскликнул доктор Угалде, снова вскакивая на ноги и, наверное, представляя себе выжженные пустыни Мексики.

Дон невольно улыбнулся, отвечая ему:

— Да нет, доктор, такой опасности не существует. Корабль представляет собой замкнутую систему, и вся вода на борту подвергается рециркуляции. Но эта же вода выполняет и другие функции: она циркулирует между двумя слоями наружной обшивки корабля и действует как защитный барьер, спасающий нас от радиации ван Аллена при отлете с Земли, а все остальное время — от солнечной радиации. Но сейчас период спокойного солнца, и я не думаю, что мы должны тревожиться по поводу радиации. Однако нам надо чем-то дышать, а вода на «Большом Джо» является важным элементом системы очистки воздуха. В этой воде обитают одноклеточные растения. Их прокачивают мимо специальных проницаемых панелей во внешней обшивке, где они поглощают из воздуха углекислый газ, который мы все время выдыхаем, и превращают его в кислород, необходимый для нашего существования. Большое количество этих растений пропало в космосе вместе с водой, а размножаются они медленно.

— И что мы можем сделать в этом направлении? — спросил интендант.

— Естественно, мы не можем перестать дышать, — ответил Дон. — Но мы можем прекратить использование открытого огня, который сжигает кислород. Я заметил, что некоторые пассажиры и члены команды курят. Сейчас, когда выведены сорта табака, не содержащие канцерогенных веществ, эта привычка, кажется, вновь входит в моду. Я требую, чтобы все сигареты, трубки, спички и тому подобное были конфискованы и доставлены сюда. Вы сможете выполнить эту задачу?

Интендант утвердительно кивнул.

— Мне понадобится помощь не менее чем двух космолетчиков. Об остальном я позабочусь сам.

— Хорошо. Тогда возлагаю это на вас. — Дон взглянул в список и нахмурился. — Следующий вопрос весьма печального характера, но его необходимо решить. Тела погибших пассажиров, офицеров и рядовых членов команды помещены в открытый трюм и будут доставлены на Марс. Но в сейфе я обнаружил завещание капитана Кардиды, в котором однозначно сказано,

что он желает без ненужного промедления быть похороненным в космосе. И, если это возможно, с борта его корабля. Нам не остается ничего другого, как выполнить его волю. Кто из вас знает хоть что-нибудь об этой церемонии?

— Я знаю, сэр, — сделал шаг вперед старшина Курikka. — Если позволите, я займусь этим делом лично. Я служил с капитаном вместе девять лет.

Дон не успел ему ответить, как на столе зазвонил видеофон. Кивнув старшине, он поднял трубку.

— Капитан слушает, — произнес он, несколько смущаясь, что назвал себя так в присутствии других, хотя ни у кого не возникло и тени сомнения. Он выслушал короткое сообщение и, ответив «да», положил трубку.

— Это нужно знать всем, — спокойно произнес он. — Звонил радист. Он собрал приемник и сумел принять передачу из центра управления на Марсе. Сигнал очень слабый и едва выделяется на фоне статических помех, но он записывает его на ленту и пытается выделить информацию. По его словам, в передаче снова и снова повторяется одно и то же сообщение: вначале наши позывные — он их разобрал, — а потом короткая радиограмма, большая часть которой неразборчива, но кое-какие слова понятны. Они постоянно повторяют слово «опасность» и пароль «солнечное пятно»...

— Это не пароль, — прозвучал с порога голос первого инженера Хольца. — Именно об этом я и пришел вам сказать. С помощью приборов, установленных на корпусе корабля, я обнаружил, что приближается солнечная буря. — Он сделал паузу и, судорожно вздохнув, закончил мысль: — Это значит, что мы все можем считать себя покойниками.

Глава 4

— Для паники нет никаких оснований! Мы даже не можем позволить себе выказывать беспокойство, не говоря уж о большем! — крикнул Дон, перекрывая шум голосов и громкие вопросы. — Я требую абсолютной тишины!

Его слова возымели действие — дисциплинированные космолетчики, привыкшие подчиняться приказам, затихли. Доктор Угалде умолк вместе со всеми. Дон встал и так, стоя, обвел присутствующих глазами, призывая силою своего взгляда всех успокоиться и сесть на место. Хольц еще стоял на пороге. Он собрался было снова заговорить, но Дон сердито ткнул в его сторону пальцем.

— Первый инженер Хольц! Закройте дверь и сядьте. А потом доложите как следует. И без паники, если вы еще на это способны.

Суровость Дона по отношению к человеку старше его была произвольной: он просто не мог допустить, чтобы Хольц своей паникой заразил других. Инженер покраснел и попытался что-то сказать, но Дон не стал его слушать.

— Я вам приказал сесть. Неужели не понятно? — Дон был взбешен, и это чувствовалось по его голосу.

Какое-то мгновение Хольц постоял в нерешительности, потом плечи его ссутулились и он, закрыв дверь, неуверенно опустился на ближайший стул. Когда он

заговорил снова, его голос звучал мрачно, и в нем слышалась горечь поражения:

— К чему все наши усилия? Этот полет должен был быть для меня последним. Теперь он будет последним для всех...

— Что показали ваши приборы? — прервал его Дон.

Опустив голову, первый инженер начал говорить, но так тихо, что всем пришлось напрячь слух, чтобы понять, о чем идет речь.

— Солнечная радиация... растет, растет непрерывно. Я знаю, что это такое... Солнечные пятна, солнечная буря... мы не можем от этого защититься.

— Что он имеет в виду? — спросил интендант. — Мы попадали в солнечные бури и раньше. Почему нам нужно об этом беспокоиться?

— Можно я отвечу? — произнес Курикка.

Дон кивнул ему.

— Мы потеряли слишком много воды — вот наша основная беда. Вода внутри двойной обшивки корабля поглощает большинство заряженных частиц, которые возникают при солнечной буре, замедляет или останавливает их, подобно атмосфере Земли. С потерей почти половины нашей воды толщина ее слоя уже недостаточна, чтобы остановить излучение. А если марсианский центр управления посылает предупреждение, то буря, по-видимому, ожидается сильнее обычной. И с ней нам будет справиться непросто.

— Но мы все-таки справимся, — прервал его Дон. — Предпринимались ли в прошлом какие-нибудь специальные меры при солнечных бурях?

— Да, сэр. Мы разворачивали ось корабля так, чтобы он был кормой к Солнцу. Таким образом мы помещали между Солнцем и силовым отсеком в качестве защиты всю массу реактора. Кроме того, мы закачивали всю воду в специально предназначенное для таких случаев пространство в мембране барабана, обращенной к Солнцу. И если корабль сохраняет правильную ориентацию, эти меры обеспечивают достаточно надежную защиту.

— А у нас хватит воды, чтобы сделать то же самое? — спросил Дон.

Выражение лица главного старшины абсолютно не изменилось, когда он произнес:

— Нет, сэр.

— Но силовой отсек защищен?

— Так точно.

Дон улыбнулся.

— Это уже наполовину решает проблему. Всех пассажиров и команду на опасный период — в силовой отсек. Позаботьтесь об этом, интендант.

Первый инженер начал было протестовать, ссылаясь на то, что на всех места не хватит, но Дон жестом заставил его замолчать.

— От тесноты еще никто не умирал, а вот радиация нас убьет. Найдём место для всех. Но прежде всего нужно решить, как развернуть корабль. Сделать это следует как можно быстрее — ведь мы не знаем, сколько времени в нашем распоряжении. Что у вас, Бойд?

— Мне кажется, здесь я могу помочь, — сказал оператор. — Раньше, во время вспышек на Солнце, нам приходилось получать искаженные радиogramмы, и поэтому в компьютер была заложена программа их обработки. Поскольку одно и то же сообщение передается несколько раз, все сеансы трансляции записываются и прогоняются через компьютер. Машина выделяет из каждого сеанса понятные фрагменты и составляет из них полное сообщение.

— Очень неплохо, — сказал Дон. — Приступайте к обработке записей немедленно.

— Есть, сэр, — ответил Бойд и чуть ли не бегом устремился к двери.

Космолетчики один за другим получали инструктаж и покидали кают-компанию. И только после ухода последнего Дон понял, что он ничем не может помочь решению проблемы до тех пор, пока они не доложат о своих результатах. Его заботы по медицинской линии к тому моменту закончились. Всем пострадавшим была оказана помощь, а двое, наиболее тяжело раненные, лежали в лазарете под действием успокоительного. К ним были подключены автоматические регистраторы, которые непрерывно снимали данные о кровяном давлении, температуре, дыхании, пульсе, активности мозга и измеряли другие важные параметры. И если хоть один из них изменится, Дона в тот же момент оповестит сигнальное устройство, вмонтированное в его пояс.

Некоторое время его никто не беспокоил, и он мог посидеть в одиночестве. О сне не могло быть и речи — он отоспится потом, если им удастся пережить приближающуюся опасность. Пока он размышлял, что делать в сложившейся ситуации, ноги сами понесли его из кают-компаний. Не осознавая четко своих действий, он вышел в коридор и направился к ближайшему лифту. Обсерватория!.. Конечно — вот куда ему надо заглянуть. Пока кабина лифта ползла по шахте, он вызвал дежурного из рубки управления и сообщил ему, где будет находиться.

Лифт поднимался вверх от наружной обшивки, фактически внутрь барабана, к трубе, которая соединяла обе секции корабля. Когда кабина остановилась и двери открылись, Дон, ухватившись за их края, рывком выбросил свое тело вперед и мягко выплыл из лифта, паря в воздухе. Достигнув противоположной стенки трубы, обшитой мягким материалом, он уцепился за одну из укрепленных на ней гибких ручек, оттолкнулся и полетел в сторону обсерватории.

Так как космический корабль находился в свободном полете с выключенными двигателями, здесь не было гравитации и царила невесомость. Вращение корабля создавало центробежную силу лишь на внешних палубах, здесь же, в центре вращения, эта сила отсутствовала и он мог плавать в воздухе так же легко, как рыба в воде. Дон коснулся кнопки и, когда дверь в обсерваторию открылась, вплыл внутрь.

Как всегда, у него перехватило дыхание от представшей глазам фантастической картины: звезды... звезды... море звезд, целые галактики медленно поворачивались перед ним.

Обсерватория представляла собой огромный прозрачный купол в коротком конце трубы, выступавшем из барабана. Воздуха, который бы преломлял и ослаблял свет звезд, снаружи не было, и они горели ровно, не мерцая. Они были похожи на горячие точки света удивительно разных цветов и разной яркости. О том, что есть какой-то купол, пусть и прозрачный, сразу забывалось: казалось, что находишься прямо среди звезд, являешься частичкой Вселенной.

И здесь же, немного в стороне, висело Солнце. Его ослепительное сияние смягчалось темневшим под воз-

действием света материалом купола. Этот огненный шар напомнил Дону о буре, уже закипавшей на его поверхности, и он посмотрел на счетчик радиации. Радиоактивный фон был выше обычного, однако не настолько, чтобы представлять опасность. Но он, как заметил Хольц, непрерывно рос. Сколько у них оставалось времени до того, как ураганный поток смертоносных частиц настигнет корабль? Что можно сделать, чтобы спасти те жизни, за которые он нес ответственность? Дон уперся сжатыми кулаками в прохладную поверхность купола.

Именно сейчас, когда он был один и его никто не видел, можно было предаться отчаянию. Он устал, силы были на исходе, какая-то часть сознания побуждала его немедленно отказаться от борьбы, свалить это бремя на кого-нибудь другого. Мысль эта, возникавшая здесь, в темноте, вызвала у него улыбку: ведь на борту больше никого не оставалось — в том-то и вся загвоздка. Как врач, Дон привык брать на себя ответственность за жизнь и за смерть, но, давая клятву Гиппократата, он никак не мог подумать, что ему придется выполнять обязанности капитана космического корабля. *Такому на медицинском факультете его не учили!* Он снова улыбнулся своей мысли и почувствовал себя увереннее. Что ж, он будет выполнять эти обязанности настолько хорошо, насколько позволят его способности. Ничего другого ему не оставалось.

Зазвонил видеофон. В тишине помещения, которое, казалось, заключало в себе всю Вселенную, звонок прозвучал необычно громко. Дон поднял трубку. Приняв окончательное решение, он уже не задумывался, как себя называть:

— Капитан слушает.

— Говорят из рубки управления, сэр. Записи сообщения из марсианского центра управления уже обработаны. У меня есть полный текст. Зачитать?

— Давайте только цифры. Какой силы ожидается буря и как скоро она нас настигнет?

— Минутку... а, вот! Сила — восемь баллов по шкале Хойла. А предел по этой шкале — десять баллов. Сам я никогда не попадал в бурю сильнее шести...

— Итак, она будет сильной — я понял. А когда начнется?

— Самый ранний прогноз — через полтора часа. По другим — позже, но лишь на несколько минут.

Дон перевел дыхание, которое, сам того не осознавая, затаил в ожидании ответа.

— Хорошо. Я возвращаюсь в рубку. Свяжитесь с пассажиром по фамилии Угалде и попросите его прибыть туда же как можно быстрее. Да, и пригласите старшину Курикку.

Углубившись в свои мысли, Дон чисто автоматически находил дорогу назад в рубку; его уже ждал там разъяренный доктор Угалде.

— Вы требуете от меня невозможного, капитан, и к тому же немедленно. И *тут* же прерываете мою работу. Такие вещи нельзя...

— До подхода бури осталось менее полутора часов, — спокойно произнес Дон. — Наше время истекает, доктор.

Лицо Угалде стало серым, и он почти упал на стоящий рядом стул.

— В таком случае... слишком поздно, — прошептал он.

— Не думаю. Будем маневрировать вручную. — Дон невольно улыбнулся, заметив выражение крайнего удивления на лицах Курикки и вахтенного дежурного. — У нас нет другого выхода. И зря вы так удивляетесь. Всем известно, что коммерческие реактивные авиалайнеры почти полностью управляются автоматикой. А своими личными самолетами и вертолетами, бьюсь об заклад, вы управляли сами. Так вот, космические корабли ничем от них не отличаются. Первым астронавтам не раз приходилось брать управление на себя, когда автоматика выходила из строя. Мы сделаем то же самое. Курикка, что нужно для того, чтобы изменить положение оси корабля?

Старшина выглядел мрачнее, чем когда-либо прежде.

— Все это выполняет компьютер, сэр. Автронavigator лишь вводит нужные данные и соответствующие команды, а затем, сидя в кресле, следит за тем, что происходит.

— А что, возможность ручного управления на случай выхода чего-нибудь из строя не предусмотрена?

— Предусмотрена, хотя нам никогда не приходилось ею пользоваться. Вон там оно.

Дон подошел к пульту, на который указал Курикка, и бросил взгляд на приборы и переключатели.

— А можете вы мне рассказать — только просто, каким образом изменяют положение корабля?

Инструкции, к которым за время службы привык Курикка, таких действий не предусматривали. Однако он был достаточно умен, чтобы понять, что случаются обстоятельства, когда про инструкции надо забыть. Неохотно, преодолевая внутреннее сопротивление, он подошел к пульту и включил экраны.

— На корабле установлены две телевизионных камеры, — принялся объяснять он, — одна на носу, в обсерватории, другая — на корме. Последняя находится на продольной оси корабля между основными ракетными двигателями. Вот это — вид, транслируемый носовой камерой. — Он указал на экран, на котором появилось Солнце, немного смещенное в сторону — та же картина, что Дон наблюдал в обсерватории. Курикка продолжал: — По окружности сферы, заключающей в себе реактор, у самого основания главных сопел, имеется рельсовая дорожка. По ней, в направлении, противоположном вращению корабля, перемещается небольшой ракетный двигатель. За счет такого перемещения компенсируется вращение корабля, и двигатель сохраняет свою ориентацию неизменной. Включаясь, двигатель дает кратковременный импульс, достаточный для того, чтобы заставить ось корабля разворачиваться. Поворот корабля происходит до тех пор, пока его ось не будет сориентирована в нужном направлении, после чего этот же двигатель по команде компьютера включается вторично и прекращает маневр.

Дон хотел было взглянуть на часы, но удержался: лучше уж пока не знать, сколько еще времени в их распоряжении. И вдруг ему пришло в голову, что эта проблема может быть решена просто, даже слишком просто. Он повернулся и жестом подозвал мексиканского математика.

— Доктор Угалде, подойдите, пожалуйста, сюда и выслушайте мою идею. Вы в курсе стоящей перед нами проблемы и слышали, что сказал старшина. Сейчас Солнце находится по носу корабля. Нам необходимо изменить ориентацию примерно на 180 градусов. Так вот, если мы включим ракетный двигатель, о котором говорил Курикка, корабль начнет разворачиваться в

пространстве. Появление Солнца на экране кормовой телекамеры будет означать, что корабль сориентирован правильно: между нами и Солнцем встал реактор. При этом ракетный двигатель маневрирования будет направлен уже в другую сторону. Останется лишь еще раз включить его и остановить разворот корабля. Таким образом, мы окажемся в нужном нам положении. Как вы думаете, получится?

Нахмурившись, Угалде сосредоточился, затем набросал в своей записной книжке в кожаном переплете несколько коротких уравнений.

— Это не так просто, — ответил он. — Второе включение двигателя должно быть точно таким же по длительности, что и первое, а выключиться он должен именно в тот момент, когда корабль достигнет правильной ориентации...

— Пожалуйста, без деталей, доктор. Скажите только, получится у нас что-нибудь или нет?

На лице математика отразилось удивление.

— Конечно, получится. Почему бы нет? Именно это и делает компьютер. Вы собираетесь сделать то же самое, только менее точно.

— Точно или неточно, но это спасет наши жизни! — Дон возбужденно ударил кулаком по ладони другой руки. — Пожалуйста, начинайте немедленно. Я думаю, что с вашей теоретической подготовкой и с опытом Курики вы вдвоем справитесь с этой задачей.

Теперь он позволил себе взглянуть на часы — и чуть не вскрикнул: так мало времени осталось у них в запасе. Менее чем через 45 минут смертоносная солнечная радиация должна настигнуть корабль.

— Капитан, вас вызывает интендант Жонке, — прервал ход его мыслей голос дежурного, который протягивал ему трубку видеофона.

— Капитан слушает.

— Капитан, говорит интендант. У меня здесь с пассажирами возникло небольшое недоразумение. Я хотел бы попросить вас подойти сюда и поговорить с ними.

— Не сейчас. У меня нет времени. Я прибуду в силовой отсек, как только освобожусь, и поговорю с ними.

Последовала секундная пауза, и снова зазвучал голос интенданта. На этот раз он был явно озабочен:

— Я и хочу, чтобы вы поговорили с ними именно об этом, сэр. Они пока еще не в силовом отсеке, а все здесь, в главном обеденном зале, и заявляют, что не двинутся с места, пока не поговорят с капитаном или с кем-нибудь из старших офицеров.

— Но... они что, не знают, что находятся на краю гибели?

Голос интенданта стал тише, видно, он не хотел чтобы его слышали:

— Нет, сэр, не совсем. Я не хотел вызывать у них тревогу, поэтому нарочно не сообщил им разных подробностей про существующую угрозу. Вы не могли бы прийти сюда и все им растолковать?

Дон быстро прикинул в уме, есть ли такая возможность. Сейчас он понял, что совершил ошибку, забыв о пассажирах и отнесясь к ним как к грузу или стаду овец, которых можно просто перегнать с одного места на другое. Необходимо было объяснить им все заранее. Сейчас же придется выложить полную правду. Быстро! Счет времени пошел уже на минуты.

— Я спускаюсь к вам, — сказал он и положил трубку.

— Капитан, один чрезвычайно важный вопрос, — позвал доктор Угалде, видя, что тот встает.

— В чем дело? — спросил Дон, направившись к пульту управления, за которым сидел математик. На его глазах Солнце медленно уплыло за пределы экрана, связанного с кормовой телекамерой.

— Вот, пожалуйста, судите сами. — Угалде показал на экран. — Теоретически развернуть корабль вручную, на глаз, вовсе не трудно. Однако на практике все совсем иначе. Мы не в состоянии выполнить маневр с той точностью, которую обеспечивает компьютер. Тем более что корабль имеет такую огромную массу. Мы поставим корабль в нужное положение по отношению к Солнцу, но первое время его ориентация все же не будет стабильной. И кто-то должен ее постоянно корректировать, пока смещение не прекратится и она не установится окончательно.

— Вы можете ориентировочно сказать, сколько времени это займет? — спросил Дон с надеждой, хотя уже заранее предполагал, каков будет ответ.

— Явно не один час. Это чрезвычайно тонкая работа.

— Не один час! Это означает, что человек, сидящий за пультом управления, будет лишен защиты от солнечной радиации, то есть обречен на верную смерть.

— Я понимаю... Кто-то должен погибнуть, чтобы спасти остальных. Разве такая смерть не прекрасна?

Затуманившимся от отчаяния взором Дон посмотрел на часы. Оставалось чуть больше получаса. Ничего у них, скорее всего, не получится. Времени на поиски решений нет. И команду, и пассажиров можно уже считать покойниками.

Глава 5

— Кто-то один должен умереть, чтобы остальные смогли выжить, — произнес Угалде, расправляя плечи и делая шаг вперед. — Я охотно берусь управлять кораблем. Все остальные должны немедленно укрыться в силовом отсеке.

Низенький доктор высоко задрал подбородок и положил руку на сердце. Это могло бы показаться смешным, но только не в сложившейся ситуации. Он говорил то, что думал на самом деле, и был готов, не колеблясь, отдать свою жизнь за незнакомых людей на корабле.

— Думаю, в этом нет необходимости, доктор, — обратился к нему Дон. — Мы попробуем найти выход, не жертвуя ничьей жизнью.

— Позвольте узнать, как вы собираетесь это сделать, капитан?

Действительно, как? Дон задумался и на мгновение почувствовал, как его охватывает тихая паника. Что делать? Ведь должен же быть какой-то выход. Члены команды знали этот корабль лучше его. Он должен заставить их думать.

— Что если использовать радиационные костюмы, старшина? — спросил Дон. — Я знаю, что они у нас есть. Может, тому, кто будет управлять кораблем, надеть такой костюм?

Куриikka, с чисто скандинавской утрюмостью на лице, отрицательно покачал головой.

— Ничего не получится. Те, что у нас есть, предназначены для кратковременного использования при низких уровнях радиации. Для настигающей нас бури они все равно что папиросная бумага.

Дон изо всех сил старался не поддаваться чувству отчаяния, которое постепенно охватывало его.

— Но ведь должно же быть какое-то решение! А может, установить в силовом отсеке временный дублирующий пульт управления или что-нибудь в этом роде?

— Можно, но понадобится немало времени, чтобы протянуть кабели...

— Если не хватит времени, нужно придумать что-то другое.

Дон огляделся; взгляд его остановился на двери, которая вела в служебную душевую. Он открыл ее.

— А как насчет вот этого? Протяните кабели сюда, расстояние здесь — лишь несколько футов. Мы бы установили здесь какую-нибудь защиту, чтобы задерживать радиацию, например, листы свинца...

И тут, совершенно внезапно, пришло решение. Он знал, что нужно делать. Он повернулся, нацелив свой указательный палец на старшину и рассуждая вслух:

— Космический скафандр... он не пропускает воздух наружу... значит, не пропустит и воду внутрь. Я прав? Куриikka потер подбородок.

— Думаю, что да. Но вода будет неблагоприятно действовать на него. Ржавчина и...

— За пару часов этого не случится, — оборвал его Дон, чувствуя, как быстро уходят одна за другой секунды. — Вот что нам нужно сделать: установите дублирующий пульт управления в душевой и подключите его к основному. Туда же выведите дублирующий экран. Если дверь пропускает воду, достаньте замазки и загерметизируйте ее. Принесите скафандр и проверьте, чтобы баллоны с кислородом были полны. — Он направился к двери. — Тот, кому предстоит управлять кораблем, будет работать из душевой, которую нужно заполнить водой.

— Но, сэр! — крикнул вслед ему Куриikka. — А как нам герметизировать органы управления?

— Придумайте сами. Можете надеть на них пластиковые мешки, неважно. Но вы должны сделать это... —

Он взглянул на часы: — ...в течение ближайших двадцати минут. Я сейчас вернусь.

Он выскочил из рубки, хлопнув дверь, и побежал по коридору в главный обеденный зал. Ему предстояла встреча с пассажирами, а времени на разговор с ними было отчаянно мало. Вернее, его не было вообще.

Дон остановился у первого попавшегося видеофона и набрал номер, который подключал его к системе бортовой трансляции.

— Говорит капитан. Я прошу всех членов команды, свободных от вахты в силовом отсеке или в рубке управления, явиться в главный обеденный зал. Немедленно. В течение минуты.

Из динамика над головой грохотал его собственный голос.

Когда он достиг обеденного зала, туда через разные входы уже стекались члены команды. Как это обычно делалось в перерывах между приемами пищи, столы были сдвинуты в сторону, образовалось свободное пространство. Один из пассажиров стоял на стуле, остальные столпились вокруг него. Они оглянулись в замешательстве на подбегающего Дона.

— Послушайте меня. Я — лейтенант Чейз, судовой врач. Извините, что я не могу в данный момент объяснить вам все подробно, — я сделаю это позже, — но сейчас крайне необходимо, чтобы вы незамедлительно проследовали в силовой отсек...

— Мы не желаем больше вас слушать, — закричал человек, стоящий на стуле. — Мы хотим видеть капитана и требуем объяснений по поводу того, что здесь происходит.

Дон узнал его — Бриггс. Мэтью Бриггс, отставной бригадный генерал. Его коротко остриженные волосы казались частоколом иголок, твердых и острых, как шипы колючей проволоки. Злой взгляд и сердитое выражение лица генерала были знакомы Дону по газетам и телевизионным передачам. Он был человеком, который всегда навязывал свое мнение, независимо от того, насколько оно отличалось от мнения остального мира, и упорно на нем настаивал. Дон бросил на него холодный взгляд и резко произнес:

— Как вы знаете, на корабле произошла авария. Капитан погиб, а с ним и большинство офицеров. Сейчас обязанности капитана выполняю я.

Среди пассажиров послышались судорожные вздохи, возникла суета.

— В ближайшие несколько минут корабль подвергнется радиации, вызванной солнечной бурей. Единственным безопасным местом на корабле является силовой отсек. Всем необходимо перебраться туда.

В толпе произошло движение: пассажиры направились к выходам из зала. Но их остановил громкий возглас генерала:

— Не очень понятно и недостаточно убедительно, лейтенант. Я требую, чтобы...

— Вы, двое, — приказал Дон, ткнув пальцем в стоявших ближе к нему членов команды, — снимите этого человека со стула и тащите в силовой отсек.

— Вы не имеете права, слышите? Не имеете права! — закричал генерал, пятясь и принимая оборонительную стойку.

Рослые члены команды приблизились по одному с каждой стороны и схватили его. Борьба длилась недолго — через мгновение они уже волокли громко возмущающегося генерала к выходу.

Какой-то худой тип с большим носом и тонкими усиками шагнул вперед, видимо, намереваясь вмешаться, но, увидев, что к нему двинулись несколько членов команды, остановился. Остальные пассажиры разбились на группы; в зале повис шум невнятных голосов.

— Может возникнуть паника, — тихо, чтобы никто, кроме Дона, не мог услышать, произнес интендант.

— Знаю, но у нас нет времени на подробные объяснения. Нам нужно увести их отсюда быстро и тихо. — Дон задумчиво оглядел зал. — У нас здесь примерно по одному космолетчику на каждый десяток пассажиров. Я пойду впереди, а вы станьте у двери и толкуйте, что члены команды будут показывать им дорогу. Разбивайте их на группы по принципу «десять и один». Присутствие членов команды окажет успокаивающее действие. К трубе ведут два лифта, посылайте группы поочередно то к одному, то к другому.

— Отличная идея, капитан... — Но не успел интендант закончить, как Дона и след простыл.

У лифта Дон нагнал генерала Бритса и его бдительных охранников.

— Вы пожалеете об этом, — с холодной яростью проговорил Бригтс, когда Дон вошел в лифт. Дверь кабины закрылась, и он зло стряхнул с себя руки своих опекунов.

— Извините, генерал, но у меня не было другого выхода. Ситуация чрезвычайная, сейчас не до споров. Надеюсь, вы примете мои извинения...

— Нет. Вы начали все это, мистер, а я завершу. У нас еще существуют суды.

— Вам виднее, — ответил Дон.

Лифт остановился, и дверь открылась. Дон и космолетчики ухватились за ручки на стенах кабины, а Бригтс, когда его ноги оторвались от пола, начал беспомощно барахтаться в воздухе.

— Помогите, пожалуйста, генералу, — сказал Дон.

Привычные к невесомости, космолетчики подхватили его под руки и, оттолкнувшись ногами, поплыли по трубе. Дон последовал за ними, но не столь свободно и быстро, а придерживаясь за специальные поручни: он, разумеется, не имел таких навыков свободного парения, как его теперешние подчиненные. Гравитация здесь отсутствовала, поскольку в трубе, на оси вращения, центробежная сила была равна нулю.

Когда они приблизились к массивной двери силового отсека, она распахнулась. На пороге их ожидал первый инженер, такой же мрачный, как и генерал.

— Присутствие пассажиров будет мешать нашей работе, — сказал Хольц.

— Я в этом нисколько не сомневаюсь, — ответил Дон, пытаясь его успокоить. — Но здесь будут находиться и члены команды; они помогут вам. Расставьте их у пультов управления и в местах повышенной опасности. Будет тесно и неудобно, но зато все останутся в живых.

Начали прибывать первые пассажиры; некоторые, подлетая, беспомощно кувыркались в пространстве. У одной из немолодых женщин был уже откровенно зеленый цвет лица, и таких могло быть немало. Кто-то из членов команды поспешил к этой женщине с пластиковым мешочком.

Дальняя стена у основания двигателей была усеяна поблескивающими панелями управления, но большая часть пространства оставалась свободной. Площади пола вряд ли хватит на всех — кое-кому придется пови-

сеть в воздухе. Короче, здесь, в тесноте и неразберихе, будет весьма неудобно. Не дожидаясь новых жалоб, Дон покинул отсек.

После того как очередная партия пассажиров освободила лифт, он занял пустую кабину и поехал наверх. Во время подъема к нему постепенно возвратилась сила тяжести. Он поспешил в рубку управления. Одна проблема была решена: пассажиры находились в безопасности, но оставалась еще другая, более серьезная. Дон невольно посмотрел на часы и содрогнулся; до сознания дошло, что у них в запасе всего тринадцать минут. Тринадцать! Он пустился бегом.

— Заканчиваем, капитан, — доложил старшина Куриikka. Он склонился с дымящимся паяльником в руке над вскрытым пультом управления, откуда, подобно змеям, выползали кабели и, пересекая комнату по полу, скрывались в отверстиях, просверленном в металлической стене. Старшина припаял последний провод и выпрямился.

— Должно работать, — сказал он и повел Дона в душевую. — Тут мы установили пару рукояток управления, надев на них пластиковые мешки — самая простая защита от воды. И еще монитор, подключенный к кормовой телекамере.

Они протиснулись мимо человека, который наносил по периметру двери какую-то серую пасту.

— Силиконовая замазка. Теперь, если дверь закрыть, она не пропустит воду. Воздух же, по мере наполнения комнаты водой, будет выходить через вентиляционное отверстие. Скафандр уже здесь. Я прошу доверить управление кораблем мне, капитан.

— Отлично. У нас еще девять минут. Отошлите людей, как только они закончат работу. А можно ли, находясь здесь, определять уровень радиации?

Куриikka указал на экран монитора, который представлял собой обычный аппарат видеотелефонной связи без трубки, снятый с подставки и прикрепленный, тоже в пластиковом мешке, к стене.

— Данные измерений выводятся компьютером на нижнюю часть экрана. Вот эти цифры под изображением Солнца показывают уровень радиации по шкале Хойла.

— 1,4 — еще не много. Нет, вот уже прыгнула до 2,1.

— Это — фронт бури. Скоро здесь станет опасно. Думаю, вам пора идти, сэр.

В рубке, кроме них, уже никого не было, последний техник, спеша, покинул помещение, чтобы укрыться в силовом отсеке. Оставалось шесть минут.

— Загерметизируйте на мне скафандр, старшина, и уходите. Это приказ.

— Но... — начал было удивленный Куриikka.

— И никаких «но». Ваши технические знания гораздо важнее для выживания корабля, чем моя медицина. И как командир, я приказываю вам спуститься вниз.

Услышав это, Куриikka не стал тратить время на споры. Он помог Дону надеть скафандр и загерметизировал его. Дон схватил запястье старшины и посмотрел на его часы. Две минуты!

Он почти вытолкнул Куриikka из маленькой душевой и налег на дверь, преодолевая сопротивление замазки; снаружи ему помогал старшина. Наконец язычок замка защелкнулся. Старшина бегом покинул рубку, и Дон остался один. Он до отказа открыл все краны в умывальнике и душе — стоки были уже заранее перекрыты. Вода, булькая, начала выплескиваться через край раковины на пол. Дон повернулся к экрану монитора. Солнце сдвинулось из перекрестья в центре экрана — пришлось включить двигатель, чтобы выровнять корабль. Он снова взглянул на цифры внизу: 2,8.

Буря набирала силу.

Солнце снова ушло из центра, и Дон машинально выполнил необходимую коррекцию. Огромное светило, удаленное более чем на сто миллионов миль, выглядело на экране монитора маленьким и невзрачным. Но на нем сейчас бушевала буря, выбрасывая гигантские факелы горящего газа, раскаленного до температуры более шести миллионов градусов. Эта цифра была слишком большой, чтобы ее представить, но осознать, что происходило дальше, было достаточно просто. Эти взрывы генерировали вначале радиоволны, а затем рентгеновское излучение, которые через восемь минут достигали Земли. Они служили предупреждением о том, что приближается расширяющееся облако горячей плазмы. А через несколько минут налетал ураган протонов высокой энергии — передовой фронт бушующей стихии. Затем, несколько часов спустя, следовал поток протонов низкой энергии, заключавший в себе всю ярость бури. Эти

ускоренные частицы сжигали и убивали... Дон перевел взгляд с Солнца и растущих под ним показаний уровня радиации на воду, которая плескалась у его щиколоток.

Она поднималась недостаточно быстро.

А уровень излучения был уже равен 3,2. Металлические переборки корабля еще обеспечивали ему некоторую защиту, но почти на пределе. А как там дела в силовом отсеке? Сбоку шлема был тумблер радиосвязи, но, когда он включил его, слышались лишь статические разряды. Естественно, в этой комнате, где стены задерживали любое излучение, радиостанция скафандра была бесполезной. А в спешке последних минут никто не догадался подключить его к телефонной сети. Он был один, отрезан от всех остальных.

Вода достигла колен. Показания на экране, возрастающая, стали быстро сменять друг друга. 3,9... 4,2... 5,5...

Буря неистовствовала в полную силу!

Дон отпустил рукоятки управления и нырнул в воду, лицом вниз. Ему пришлось ухватиться за основание раковины, чтобы удержаться под водой, так как находящийся в скафандре воздух тянул его к поверхности. Воды было столько, что она едва покрывала Дона. Пришлось напрячь всю силу рук, чтобы не всплыть, как пузырь. Он боролся решительно, зная, что воздух над ним наполнен невидимой смертью. Он *должен* удержаться под водой.

Вода поднималась мучительно медленно, и его начала терзать мысль, насколько ли отклонилась ось корабля. Высунуть голову из воды, чтобы посмотреть на экран, было бы самоубийством. А если этого не сделать, могут погибнуть все остальные. Сколько времени он уже провел под водой? Как долго можно еще не касаться ручек управления? Старшина сказал, что толщина противорадиационной переборки достаточна для того, чтобы защитить силовой отсек при отклонении оси корабля от правильной ориентации на десять или даже пятнадцать градусов. Это означало, что изображение Солнца могло дойти почти до края экрана, прежде чем жизни находящихся в этом отсеке людей станет угрожать опасность. Но сколько для такого отклонения нужно времени? И сколько уже прошло? Узнать это, не имея

часов, не было никакой возможности. Как действовать? Что он *должен* сделать?

Уровень воды теперь был достаточно высок, чтобы перевернуться на спину и принять полусидячее положение. Но через рябую поверхность воды над головой он смог рассмотреть лишь общие контуры монитора в ярко освещенной комнате. Детали различить было невозможно, хотя экран находился мучительно близко, не далее чем в футах от его головы.

Он *должен* разглядеть изображение. От этого зависела жизни других людей. *Сейчас же!* Но поднять голову из воды — это смерть.

Может, высунуться только немного? Он запрокинул голову внутри шлема, насколько это было возможным, и стал медленно подниматься. Осторожно... поверхность воды уже прямо у лица... вот перед прозрачным щитком шлема осталась лишь тонкая пленка воды.

Вода стекла с выпуклости шлема, оставив свободным небольшой участок, поднявшийся над поверхностью, и стал виден экран и висящие на кабеле ручки управления.

Изображение Солнца покинуло середину экрана и было почти на полпути к его краю.

Уровень радиации по шкале Хойла был 8,7.

Дон снова погрузился в воду, и она сомкнулась над шлемом.

При предельно возможной интенсивности радиации в десять баллов эта буря была чуть ли не самой сильной из всех, о которых он когда-либо слышал. Вода прибывала безумно медленно.

Когда он выглянул снова, на экране горело число 9,3, а Солнце находилось у самого края. Необходимо было срочно провести коррекцию.

На поверхности воды появилась рябь. Дон взглянул вверх и увидел, что над ним плавают два пластиковых мешка. Ну конечно же, ручки управления! Осторожно двигаясь, он ухитрился зажать пластик между пальцами, одетыми в перчатки, и потянул прикрепленные к отрезку кабеля ручки вниз. Стараясь не выпустить их из рук, он снова высунул шлем из воды и убедился, что, избегая резких движений, сможет управлять двигателем и выравнивать ориентацию корабля.

— Победа! — воскликнул он, и его голос эхом отдался внутри шлема, напомнив ему, как он одинок. Больше разговаривать вслух он не пытался.

Теперь, когда опасность миновала, Дон вдруг почувствовал усталость, но для отдыха сейчас времени не было, и он это знал. Каким бы утомленным он ни был, он должен бодрствовать и быть начеку. Здесь, под водой, он был в безопасности, но от него зависят жизни остальных. Уровень воды поднимался. Он миновал экран монитора и пошел выше. Когда вода достигла потолка и начала выливаться через вентиляционное отверстие, Дон закрыл краны. Напряжение спало, и началось ожидание. Он моргнул несколько раз и пожалел, что не может потерять глаза, которые резало, будто в них попал песок...

Прошло неизвестно сколько времени, прежде чем Дон неожиданно и с ужасом осознал, что заснул. Как долго он спал — сказать было невозможно. Изображение Солнца касалось края экрана. Трясущимися руками он благополучно вернул его в перекрестье. Показания уровня радиации неизменно держались на 8,7 — ниже верхнего предела, но значительно выше смертельной черты.

Сколько еще продлится эта буря? Уже, надо полагать, прошло несколько часов. Он впервые почувствовал беспокойство из-за кислорода. Скафандр был ему незнаком — таким он никогда не пользовался. Пришлось повозиться с кнопками на груди, пока не отыскалась нужная. Перед глазами, — как ему показалось, в воде, за щитком шлема, — засветился дисплей.

Кислородный баллон был на три четверти пуст.

Сон сняло как рукой. Поддерживая нужную ориентацию корабля, он действовал ручками управления уже автоматически. Теперь корабль отклонялся все меньше и меньше, так как колебания оси, одно за другим, постепенно нейтрализовывались.

8,6. Уровень радиации падал, но крайне медленно. А кислород, наоборот, расходовался все быстрее. Дон старался, по возможности, не дышать глубоко и поменьше двигаться. Это снижало его потребление. Однако уровень в баллоне медленно, но все же приближался к нулевой отметке. Дон знал, что и при нулевых показа-

ниях прибора в баллоне останется еще резерв, но ведь и он исчерпаем. Что тогда делать? Выбрать, каким способом умереть: от удушья или от радиационного заражения? Самым скверным было то, что у кислородного голодания почти нет симптомов — жертва просто теряет сознание. И умирает.

7.6. Ему нужно определить остаток кислорода и в самый последний момент выпустить из комнаты часть воды, чтобы можно было открыть шлем.

6.3. Теперь недолго. Расходуется резерв, нулевая отметка достигнута уже давно. Как давно? И с какого времени можно считать, что это «давно» наступило?..

5.4. Пора спускать воду... воду... воду...

Он выпустил ручки управления и безжизненно закачался в воде, потеряв сознание от недостатка кислорода и скользнув в темный туннель, ведущий к смерти.

Глава 6

— Он шевелится? — спросил голос.

— Кажется, да, — ответил другой. — Приходит в себя.

Дон осознавал, что знает говорящих, но не видел их. Наконец пришло понимание, что говорят именно о нем. Понадобилось ощутимое усилие воли, чтобы открыть глаза. Он лежал на койке своего лазарета в кислородной палатке. Над тонким пластиком склонилось встревоженное лицо первого инженера Хольца, рядом с ним стоял Рама Кусум.

— Наконец и вам достался пациент, Рама, — проговорил Дон, поразившись слабости своего голоса. Что он здесь делает? Память вдруг вернулась к нему, и он попытался сесть на постели. — Что случилось? Я, наверное, потерял сознание...

— Успокойтесь, сэр, — сказал Рама, мягко, но настойчиво укладывая его голову обратно на подушку. — Все в норме. Мы все время следили за уровнем радиации из силового отсека, и, как только он упал достаточно низко, я и старшина надели бронированные скафандры. Правда, добираясь до вас, мы здорово наследили в рубке управления. К тому времени радиация упала настолько, что с вас можно было снять скафандр. Вы были одной ногой в могиле, но сейчас, насколько я могу

судить по показаниям диагностической аппаратуры, с вами все в порядке.

Сознание Дона еще окончательно не прояснилось, мысли путались.

— А что заставило вас прийти за мной? — спросил он. — Как вы узнали, что со мной произошла беда?

— Сигнал с кормовой телекамеры подавался также и на монитор в силовом отсеке. Поначалу мы пережили весьма неприятные минуты, когда подумали, что вы потеряли управление. Но потом вы взяли ситуацию под контроль. А позже, когда буря практически кончилась, мы увидели, что Солнце ушло с экрана. Вот тогда мы и поспешили к вам. — Он улыбнулся. — Ну вот, ваш замысел прекрасно удался, и сейчас у нас все в порядке...

Как будто в насмешку над его словами из динамика бортовой системы трансляции внезапно раздался вой сирены, а рядом ярко замигала лампочка тревоги.

— Пожарное предупреждение... пожарное предупреждение... — объявил механически звучащий голос компьютера. — В отсеке 64А пожар.

Дон попытался встать, но тут же понял, насколько он слаб. В любой чрезвычайной ситуации он окажется только помехой. Нужно на время передать кому-то свои полномочия.

— Хольц, попробуйте ликвидировать пожар, результаты доложите. Рама, возьмите комплект для срочной медицинской помощи на случай, если кто-нибудь пострадал, и идите с Хольцем. Может, это из-за неисправности оборудования?..

Уже подошедший к двери инженер обернулся и возмущенно фыркнул:

— Только не моего. 64А — это пассажирская каюта.

Дон чувствовал себя слишком усталым, чтобы заниматься новым ЧП, но сейчас это было его обязанностью. Потребовалось большое усилие, чтобы сесть; в конце концов это ему удалось. Отключив кислород, он передохнул, чтобы хоть немного собраться с силами. Пожар... Как будто запас кислорода на корабле и без того не был угрожающе мал. Да еще их траектория... пора подумать и о ней. Во время солнечной бури об этой проблеме никто не вспомнил. Но если в ближайшее

время они не найдут, как скорректировать свой курс, то потом может оказаться слишком поздно — они пролетят мимо Марса и затеряются в бесконечности межзвездного пространства.

Зазвонил видеофон. Дон потянулся к аппарату и с трудом снял трубку.

— Капитан слушает, — ответил он, не задумываясь и уже не стесняясь называть себя этим званием. С крошечного экрана на него угрюмо смотрел старшина Куриikka.

— Капитан, первый инженер Хольц у вас? Поступило сообщение о пожаре...

— Я знаю. Хольц уже занимается им. Где вы сейчас находитесь?

— В рубке управления, сэр. Временно руковожу ликвидацией пожара. Дело в том, что мы получаем новые сообщения о появлении дыма в разных местах. Пока непонятно, связано ли это с наличием других очагов пожара или дым из отсека 64А просто распространяется по вентиляционной системе. Прошу разрешения очистить палубу А и прекратить циркуляцию воздуха в ее пределах.

— Разрешаю. Если будут новые данные, сообщайте мне.

Дон положил трубку и медленно поднялся на ноги. Не обращая внимания на головокружение, он подошел к двери, но перед тем, как открыть ее, вынужден был перевести дух, опершись на ручку. Он находился в изоляторе, который сообщался прямо с его кабинетом. У противоположной стены стоял шкаф с медикаментами. За время, которое ему потребовалось, чтобы добраться до шкафа, он немного размялся, и передвигаться стало легче. Он приложил большой палец к контрольному окошку, и замок со щелчком открылся — автоматика срабатывала только от отпечатка его пальца. Здесь хранились сильнодействующие средства, которые могли снять усталость и вызвать на некоторое время прилив сил. Дону не очень хотелось принимать их, он знал — наступит обратная реакция, и ему придется заплатить за «прилив» еще большей усталостью. Однако другого выхода сейчас не было. Он перекачал содержимое ампулы в инъектор и ввел себе препарат. Закрывая шкаф с лекарствами, снова услышал звонок видеофона.

Это опять был Курикка, и выражение его лица на сей раз было еще угрюмее.

— Циркуляция воздуха остановлена, сэр, палуба загерметизирована, все пассажиры эвакуированы. Я послал еще нескольких членов команды на помощь. Но... не могли бы вы подойти туда, сэр? Им нужен врач.

— Зачем?

— Похоже, произошло отравление дымом.

— Иду.

Лекарство начало действовать: голова еще немного кружилась, но Дон уже чувствовал в себе достаточно сил, чтобы свободно передвигаться по кораблю. В комплекте срочной медицинской помощи, который захватил с собой Рама, был кислород, но не исключено, что может понадобиться еще. Дон отстегнул от стены баллон с маской и поспешил из лазарета.

Герметичная дверь, ведущая на палубу А, была закрыта, но не заперта и отворилась, как только Дон подошел достаточно близко. Помещение за ней было наполнено дымом, от запаха которого защипало в носу. На полу перед отсеком 64А лежал человек. Над ним склонился Рама, прижимая к лицу пострадавшего кислородную маску. Рама сильно кашлял, его лицо и руки были перепачканы сажей. Подойдя ближе, Дон узнал в лежащем человеке первого инженера.

— Пришлось... выломать дверь... — Рама тяжело дышал между приступами раздирающего кашля. — Там было полно дыма... я подумал, может внутри кто-то есть.

— Помолчите, — обратился к нему Дон. — Лучше подышите этим кислородом. Я займусь им сам.

Дон почувствовал приступ страха. Он защелкнул кнопку ремешка, удерживающего на лице кислородную маску, и пальцем приподнял веко Хольца. Дела плохи. Нащупав одной рукой пульс, Дон принялся шарить другой в чемоданчике, нашел иньектор и, прижав его сбоку к шее инженера, сделал иньекцию. Рама внимательно следил за его действиями, потом отнял кислородную маску от своего лица и сказал:

— Это был алкаверир — средство, стимулирующее сердечно-сосудистую систему. То есть у него...

— Сердечная недостаточность. Правильно. Немногие знали о ней. Вот почему он собирался увольняться по окончании этого полета.

— А как он сейчас?

— Плохо. Это худшее, что могло с ним случиться. В каюте кто-нибудь был?

— Нет. Мы никого не видели. А потом нас заволокло дымом.

Из двери каюты вышел один из членов команды с большим огнетушителем, из форсунки которого еще продолжала медленно пузыриться пена.

— Порядок, сэр. Огонь погашен.

Дон встал и заглянул в изуродованную каюту. Стены покоробились, из них сочился дым. Повсюду висели хлопья пены. На полу возвышались две мокрые кучи обгоревших вещей.

— Как такое могло случиться? — спросил Дон. — Я считал, эти корабли не горят.

— Они-то — да, но не багаж. Сгорели два чемодана с одеждой и другими вещами.

— Вы можете что-нибудь сказать о причине возгорания?

Космолетчик колебался, а затем вытянул вперед руку.

— Я не хочу никого обвинять, капитан, но вот что я нашел на столе.

На ладони лежала промокшая пачка сигарет.

Дон некоторое время молча смотрел на нее, крепко сжав зубы.

— Передайте сигареты старшине Курикке и подробно доложите обо всем, что здесь произошло, — распорядился он. — Но прежде позвоните ему в рубку управления, и пусть он срочно вышлет сюда двух человек с носилками.

— Доктор, — крикнул Рама, — быстрее сюда! Его пульс, кажется, стал неровным.

Дон лишь взглянул на Хольца и крикнул космолетчику:

— Не надо звонить, помогите нам. Этого человека нужно немедленно доставить в лазарет.

Первый инженер Карл Хольц был далеко не молодым человеком, и болезнь сердца развивалась у него годами. Она легко поддавалась лечению и лекарствам.

Но в лазарете, хоть тот и был достаточно хорошо оборудован, не хватало целого ряда медицинских аппаратов, которые были в любом планетном госпитале, например, аппарата «искусственное сердце-легкие». Не было, конечно, и хирургической бригады, чтобы помочь ему в случае, если понадобится трансплантация. Располагая только имеющимися средствами, Дон сделал все, что было в его силах. Рама Кусум, несмотря на протесты, был уложен в постель в связи с отравлением дымом. Теперь в маленькой палате были заняты четыре койки.

Два часа спустя Дон вызвал рубку управления и попросил доложить обстановку, ведь он был не только врачом, но и командиром корабля.

— Пожар ликвидирован, — доложил Курикка. — Других очагов нет. Пострадавших от дыма поблизости от отсека тоже нет.

— Что вы скажете о содержании кислорода в воздухе?

— В данный момент оно упало, но незначительно. Я порывлся в обгоревших вещах и обнаружил там сгоревшую сигарету. Похоже, она выпала из пепельницы, и от нее загорелся багаж.

Дон ненадолго задумался.

— У нас на корабле есть карцер? — спросил он.

Курикка удивился такому вопросу, но четко ответил:

— Есть кое-что подобное. Каюта 84А может открываться и закрываться только снаружи. Раньше она и использовалась как карцер.

— Отлично. Я прошу вас разыскать того, кто занимал сгоревшую каюту, и посадить его или ее под замок. Людям надо дать понять, насколько серьезна ситуация. Если бы этот человек — кем бы он ни был — не нарушил приказа о запрещении курения, этого бы никогда не случилось.

— Да, сэр, но если бы вы знали, кто занимал эту каюту...

— Мне абсолютно безразлично. Это приказ, старшина.

— Я немедленно приму меры, сэр. Разрешите спросить, в каком состоянии находится инженер Хольц. Я слышал, что он надышался дымом.

Дон взглянул на неподвижную фигуру, лежащую на койке у противоположной стены.

— Первый инженер Хольц мертв, — ответил он. — Держите пока эту информацию при себе. Я не хочу, чтобы всем стало известно, что мы потеряли единственного инженера.

Глава 7

Действие стимулирующего препарата заканчивалось. Дон чувствовал себя изнуренным и подавленным, и на то у него, конечно, были причины. Он обвел взглядом кают-компанию, посмотрел на встревоженные лица космонавтов и, не будь он в таком угнетенном состоянии, наверняка бы рассмеялся: офицеров на межпланетном лайнере «Иоганн Кеплер» несколько не доставало.

Капитаном был врач, который впервые ступил на борт космического корабля всего несколько недель назад.

Его помощником был главный старшина — в настоящий момент, пожалуй, самый ценный человек на корабле.

Техническим советником был гражданский математик, не лишенный гениальности, но настолько далекий от реальности окружающего мира, что ошибался при сложении двух чисел.

А испуганный помощник инженера по ядерной силовой установке, рядовой 2 класса, сейчас отвечал за двигатели корабля, которые стоили два миллиарда долларов.

Подавив вздох, Дон налил себе чашку кофе, потом взглянул на помощника инженера и заставил себя улыбнуться.

— Поздравляю вас, Тыблевский, теперь вы исполняете обязанности первого инженера «Большого Джо».

Тыблевский был щуплым светловолосым человечком, абсолютно ничем не примечательным, разве что

большими ушами, которые торчали по обе стороны головы, словно ручки у кувшина. Он нервно покусывал нижнюю губу.

— Не знаю, сэр. Я ведь на ядерной установке рядовой специалист. Я могу выполнять приказы, но...

— Тогда вы выполните и *этот* приказ, — перебил его Дон. — Старшина сказал мне, что вы хорошо знаете свое дело и являетесь единственным человеком на борту, который может обслуживать двигатели. Вы справитесь с этой обязанностью.

Тыблевский открыл рот, как будто хотел возразить, затем сразу закрыл его и молча кивнул в знак согласия. Дон не любил принуждать, но сейчас выбора не было. Прежде всего требовалось думать о корабле и его пассажирах.

— Хорошо, господа, — произнес Дон, оглядывая сидящих вокруг. — Сейчас я вам вкратце обрисую наше нынешнее положение. Солнечная буря миновала, и о ней можно забыть. Ситуация с кислородом не вызывает тревоги... но только пока. Дело в том, что с водой мы потеряли много фитопланктона и содержание кислорода в воздухе падает. Оно еще не достигло опасного уровня, поэтому мы можем отложить решение данного вопроса на будущее. Более насущной проблемой сейчас является наш курс. Мы давно пропустили момент, когда следовало произвести коррекцию нашей траектории. Если продолжать лететь по нынешнему курсу, то Марс останется в стороне на добрый миллион миль и мы умчимся неизвестно куда. Доктор Угалде, хотелось бы послушать вас.

Темноволосый математик находился в состоянии уныния — лоб нахмурен, у уголков рта залегли глубокие складки. В отчаянии он поднял руки вверх ладонями, пожал плечами.

— Что я могу сказать? Ложью делу не поможешь. Я сделал все, что в моих силах, но боюсь, этого недостаточно. Теоретически я могу рассчитать курс такого огромного корабля, математический аппарат тут совсем прост. Однако сделать подобное на практике — выше моих сил. Я взялся за наставления по навигации, но изучить их как следует — это заняло бы уйму времени. Мне нужно научиться правильно программировать ком-

пьютер, а это еще одна большая задача... — Он снова пожал плечами.

Дон едва сдерживался, но голос его прозвучал ровно:

— Доктор, не могли бы вы сказать, сколько времени займет у вас освоение всей этой информации?

— Недели! Месяцы! Не могу сказать. Я прошу у вас прощения, я буду продолжать изучение наставлений.

«Плохо, — подумал Дон. — У нас нет времени...»

А вслух произнес:

— Тогда нам нужно заняться радио. Спаркс обыскал все склады запасных радиодеталей. Сейчас они с Гоулдом, помощником электрика, сооружают временный передатчик. Приемник, который ему удалось собрать, работает уже лучше, но остаточная солнечная активность еще весьма высока и снижает качество приема. Что же касается передатчика, то здесь мы оказываемся в еще худшем положении, так как его мощность не позволит нам прорваться сквозь помехи. И такая мощность — это, к сожалению, все, чем мы располагаем. Ни у кого больше нет вопросов?

— Две вещи, сэр.

— Слушаю вас, Курикка.

— Вопрос о... похоронах капитана Кардида. До сих пор мы не имели возможности этим заняться.

— Если вы возьмете организацию их на себя, мы постараемся провести это мероприятие в ближайшее время.

— Все готово. Я просто ждал вашей команды.

— Тогда сразу после совещания. Что еще?

— Пассажир, заключенный в карцер, протестует. Он хочет поговорить с вами.

— А, наш поджигатель! Признаться, я забыл о нем. Я даже не спросил у вас его имени.

— Это... генерал Мэтью Бриггс, сэр.

— Чего и следовало ожидать. Но кто он — в данном случае не имеет значения. Он сидит в карцере и будет сидеть там дальше. Я встречу с ним, когда у меня появится такая возможность.

Больше вопросов не было, и Дон закончил совещание. Похороны капитана Кардида были назначены через час, о чем было объявлено по всему кораблю. Дон лег на койку, чтобы отдохнуть до начала церемонии. Он попытался уснуть, но не смог. Серьезность сложивше-

гося положения рождала в мозгу массу различных вариантов. Уже не в первый раз Дон пожалел, что на корабле не нашлось никого, кто бы взвалил на свои плечи ту огромную ответственность, на которую он с такой неохотой согласился. Он делал все, что было в его силах, но ситуация продолжала ухудшаться. Наверное, пора было признать, что метеорит фактически уничтожил корабль, что все их аварийные работы и прочие усилия были с самого начала обречены на неудачу. Они все погибли... почему этого не признать...

Пронзительный, как сигнал тревоги, звонок будильника выдернул его из полусна, в который он начал погружаться и где все его самые худшие опасения превращались в реальность. Были ли они реальными на самом деле? Он тряхнул головой, пытаясь избавиться от чувства глубокой депрессии, но напрасно.

Помог душ, сначала невыносимо горячий, затем — холодный. Потом воду сменил успокаивающий поток теплого воздуха. Подсохнув, Дон надел парадную форму и направился к служебному шлюзу на палубе А. Команда уже собралась там и ждала его. С Куриккой они обменялись приветствиями.

— Все на месте, сэр, — отрапортовал тот. — Похоронная команда готова, экипаж выстроен. Люди представлены на всех наблюдательных постах.

Он подал Дону книгу в черном переплете с закладкой и проговорил тихо, только для Дона:

— Я буду руководить церемонией, она займет немного времени. Когда я подам команду «смирно, головные уборы — снять», зачитайте отрывок из корабельного устава, который отмечен закладкой.

— Начинайте, старшина.

Церемония была простой, но волнующей, в основе ее, несомненно, лежал древний ритуал погребения в море. Команда корабля — почти сорок человек, за исключением нескольких космолетчиков, несущих вахту, — вытянулись по стойке «смирно», когда мимо, под размеренный бой барабана, пронесли тело капитана, обернутое флагом. Из пассажиров корабля только считанные еденицы изъявили желание присутствовать на церемонии: недавно они побывали совсем рядом со смертью и наверняка не горели желанием пережить еще одно напоминание о ней. Тело несли шесть человек.

Они осторожно опустили его рядом с люком круглого шлюза, встроенного в пол.

— Головные уборы — снять! — командовал старшина. Послышался шорох снимаемых пилоток.

Дон зажал свою под мышкой и с раскрытой книгой в руке шагнул вперед.

— Мы предаем глубинам космоса тело этого человека, капитана Кардиды, командира лайнера «Иоганн Кеплер», который бороздил пустынные пространства...

Ритуальная речь была короткой — лишь страничка в книге. Но когда Дон читал, он ощутил, что за простыми словами стоит нечто большее, чем их прямой смысл. Кардид командовал одним из самых больших кораблей всех времен, за плечами у него был путь, измеряемый не сотнями, а миллионами миль. Он погиб по воле случая, но корабль и его команда продолжали жить. Они выполняют свой долг, и, если понадобится, до конца, как их капитан. И он, Дональд Чейз, дипломированный врач из Соединенных Штатов Америки, планета Земля, стал одним из них. Он полетел в космос, не осознавая полностью той ответственности, которую брал на себя, не подозревая, с какой людской сплоченностью ему придется здесь встретиться. Теперь он это узнал. Дон закончил чтение, обвел взглядом команду и увидел в ответных взорах, что его признают равноправным членом этой большой семьи. И он понял, что никогда не забудет этого момента.

— Головные уборы — надеть. Похоронная команда — вперед.

Раздался рокот моторов, звук скольжения металла по металлу, и внутренний люк шлюза открылся. Космолетчики с телом на плечах двинулись вперед, спустились по лестнице в шлюз и положили свою ношу на крышку внешнего люка, который служил полом этого цилиндрического колодца. Когда они поднялись из шлюза, в руках у них был тщательно свернутый бело-голубой флаг Земли. Внутренний люк закрылся, заработали насосы, откачивающие воздух.

— Теперь вы должны открыть внешний люк, капитан, — сказал Курикка и освободил место у пульта управления.

Дон стал рядом с ним и подождал, пока загорится лампочка, сигнализирующая о готовности. После этого он прикоснулся к кнопке — в беззвучном вакууме

неслышно открылся внешний люк. Теперь центробежная сила, создаваемая вращением корабля, увлечет тело в космос, и оно станет постепенно удаляться от корабля по раскручивающейся спирали.

— Разойдись.

Дон устало повернулся и направился в свою каюту, но не прошел он и десятка шагов, как услышал за спиной быстрый топот.

— Сэр, можно с вами поговорить?

Это был Спаркс. Его руки и лицо были перепачканы смазкой, под глазами от усталости залегли темные круги: он уже забыл, когда спал. Помня приказ Дона не обсуждать служебных проблем в присутствии пассажиров, он молча последовал за капитаном в рубку управления.

— Мы сделали передатчик, — выпалил он, как только закрылась дверь.

— Великолепно! Давайте попробуем, сможем ли мы связаться с центром управления на Марсе.

Из приемника доносилась невнятная речь: громкость его была убавлена, так как Марс транслировал на частоте корабля одно и то же записанное на пленку сообщение. Оно повторялось снова и снова, уведомляя, что плановые сеансы связи не состоялись, и запрашивая у «Кеплера» причину молчания. Спаркс увеличил громкость, чтобы они могли сразу услышать изменение в трансляции в случае, если их передача будет принята.

— Выглядит не ахти как, — заметил помощник электрика Гоулд, — но работает хорошо.

— Только не очень мощный, — признался Спаркс, глядя на нагромождение блоков, стоящих перед ним на столе: резервный блок от радара, усилительный каскад от магнитофона из кают-компания и даже некоторые узлы от микроволновой печки. Все это было соединено между собой проводами и волноводами и подключено к источнику питания толстым змеящимся кабелем.

— Вы уверены, что эта штука генерирует сигнал? — спросил Дон.

— Абсолютно, — ответил Спаркс и осторожно подстроил переменный конденсатор. — Я настроил его на нашу частоту приема. Передаваемый сигнал будет получен нашей же приемной антенной. Нужно убрать усиление.

Он включил микрофон и зашептал в него. Его слова оглушительными раскатами полились из приемника, заглушая сообщение с Марса.

— Для меня это звучит достаточно громко, — сказал Дон.

— Да, — подтвердил Гоулд угрюмо. — Но сигнал прошел только от передающей до приемной антенны, расстояние между которыми не больше ста футов. А сколько миллионов миль от нас до Марса?

— Но у них там мощные приемники, — как бы оправдываясь, сказал Спаркс. — Их параболические антенны могут принимать сигнал, который...

— Хватит разговоров, — прервал его Дон. — Давайте посмотрим, сможем ли мы с ними связаться.

По-видимому, эта новость все-таки распространилась по кораблю, потому что в рубку вошли Курикка с доктором Угалде, а вскоре после них прибежал интендант Жонке. Спаркс очень тщательно настроился на частоту, снова и снова проверяя сигнал до тех пор, пока не был полностью удовлетворен, затем увеличил мощность до максимума и пододвинул к себе микрофон. Наконец он смущенно кашлянул и переключил тумблер в положение «передача».

— Говорит «Иоганн Кеплер», вызываем центр управления на Марсе... Как слышите меня... прием. Прием...

Он терпеливо повторял вызов снова и снова. Приемник продолжал сопровождать его слова монотонной трансляцией записанного сообщения. Спаркс выключил питание и откинулся на спинку стула. В передаче, которую они принимали, не произошло никаких изменений.

— Не доходит? — спросил Дон.

— Слишком рано говорить об этом, сэр. На таких расстояниях требуется две-три минуты, чтобы наш сигнал достиг адресата, и столько же, чтобы их — пришел к нам.

Он снова придвинулся к радиостанции и опять начал повторять вызов.

Большая красная стрелка, отсчитывающая секунды в часах на переборке, продолжала свой неспешный бег, а передаваемое Марсом сообщение так и не изменилось.

Прошло несколько минут. Ни у кого не было желания задавать вопросы, но сама тишина была красноре-

чивее любых слов. Спаркс наконец нарушил общее оцепенение: он уронил микрофон на стол и щелкнул тумблером питания. Когда он обернулся, все увидели, что его лицо покрыто капельками пота.

— Извините, капитан, но ничего не получается. Наш сигнал излучается, но он недостаточно мощный. Остаточный фон бури еще довольно силен, и сигнал не проходит...

И тут он замолчал, услышав, что трансляция записанного сообщения прекратилась, и после нескольких секунд воцарившейся тишины раздался другой голос:

— «Иоганн Кеплер», вы работаете в эфире? Мы приняли на вашей частоте слабый сигнал, но не можем его понять. Вы ведете передачу? Как меня слышите? Марсианский центр управления вызывает «Иоганна Кеплера». Мы принимаем на вашей частоте слабый сигнал, но не можем понять его...

— Это все из-за бури, — объяснил Спаркс, — и недостаточной мощности...

— Вы сделали все, что могли, Спаркс, — успокоил его Дон. — Вас никто ни в чем не обвиняет.

Действительно, обвинять было некого.

Но это не спасало положения.

Они не смогли связаться с Марсом. И с этого момента их можно считать покойниками.

Глава 8

Все отвернулись, один только Дон продолжал пристально смотреть на этот несуразный аппарат, как будто намеревался силой воли заставить его работать. Должен же быть какой-то выход, ведь этот передатчик был единственной надеждой, которая у них оставалась.

— А никак нельзя увеличить мощность? — спросил он.

Спаркс покачал головой.

— Там и так уже все схемы работают с сорокапроцентной перегрузкой. Чтобы они не сгорели, передатчик приходится выключать. Вы же видели, что через каждые несколько минут я отключал питание. Чуть больше мощность — и они сгорят, как только будет подано напряжение.

— А можно как-нибудь усилить эти схемы?

— Боюсь, что нет. Собрать эту штуку было самым легким делом. Большую часть времени мы с Гоулдом провели в поисках самых совершенных схем из того, что было в нашем распоряжении. Но знаете, по мере приближения к Марсу принимаемый от нас сигнал будет становиться все сильнее, и в конце концов они нас услышат.

— «В конце концов» — нам не подходит, — заметил Угалде. Он стоял у радиостанции, раскачиваясь на носках и заложив руки за спину, как будто обращаясь к студенческой аудитории. — Хотя я с глубоким сожалением и признаю, что в данный момент не способен

выполнять функции навигатора, тем не менее я могу достаточно легко рассчитать траекторию корабля, правда, только приблизительно. Я самым тщательным образом проанализировал последние расчеты погибшего астронавигатора. С каждым мгновением отклонение нашего курса возрастает все больше. А чем больше это отклонение, тем труднее нам его устранить. Позвольте привести вам сравнение. Представьте, пожалуйста, себе очень длинный и широкий склон, по которому катится шар. Если этот шар скатится прямо вниз, то попадет в палку, воткнутую у основания склона. Теперь, если шар слабым толчком отклонить в сторону, то он покажется под углом, постепенно удаляясь от нужного направления. Другим слабым толчком его можно вернуть на первоначальную траекторию, и в конце своего пути он попадет в палку. Но этот слабый толчок должен следовать через *короткий* промежуток времени после начала отклонения. Если коррекция запаздывает, то спустя некоторое время шар отклонится на много футов от правильной траектории, и, чтобы вернуть его назад, понадобится по-настоящему сильный удар. И чем дольше мы будем ждать, тем большей должна быть сила удара. Конечно, вы понимаете, что шар — это наш корабль, а гипотетическая палка — Марс. Мы и так уже упустили слишком много времени. Если промедлим еще, то не сможем осуществить такую коррекцию, которая вернула бы нас на правильный курс. Связь с Марсом должна быть установлена — и немедленно.

После этих слов никто не нашелся, что сказать. Атмосфера уныния в рубке стала настолько ощутимой, что ее, казалось, можно было резать ножом. Спаркс, отодвинувшись от стола, обвел взглядом всех присутствующих, одного за другим.

— Не смотрите на меня так! — громко воскликнул он, как бы защищаясь. — Я сделал из того, что у меня было, все, что мог. Я собрал радиостанцию, она работает, и вы это сами слышали. Она выдает все, на что способна, и больше ничего сделать я не могу. Не забывайте, что это — радио, которое работает с помощью модулированного сигнала, а не радар или обычный генератор сигналов, излучающий отдельные импульсы. Это — все, чем мы располагаем...

Дон схватил его за плечо и, не отдавая себе отчета, сжал так, что пальцы буквально впились в тело.

— Что вы сказали о радаре? — он быстро отпустил плечо, увидев ошеломленное лицо Спаркса.

— Ничего, сэр. К нам это не имеет никакого отношения. Если передавать одиночный импульс, то его мощность может возрасти вдвое по сравнению с той, что мы имеем сейчас. Но для передачи информации нам нужен модулированный сигнал, иначе центр управления на Марсе получит от нас не более чем серию импульсов, похожих на статические разряды. Они узнают, что мы живы, но не более того.

— Нет! — возразил Дон. — Больше.

Он зашагал по комнате, молотя кулаком одной руки ладонь другой.

— Кое-что можно сделать! Я знаю. Я, помню, читал в книге или еще где-то о том, как начиналось радио, что-то о кодах...

— Точно, — подхватил Спаркс, — код! Его использовали около двух столетий назад — мы проходили это по истории, когда я учился на радиста. До того как научились модулировать сигнал, информация передавалась комбинацией коротких и длинных импульсов, представляющих собой код. Насколько я помню, для каждой буквы у них была своя комбинация, а адресат преобразовывал сочетания импульсов в буквы. Но мы этого сделать не можем...

— Почему?

На губах Спаркса заиграла улыбка, но он быстро подавил ее, увидев выражение лица Дона.

— Ну, понимаете... никто сейчас не помнит этого кода. И даже если бы мы его знали и могли использовать, вряд ли кто его поймет. Конечно, было бы здорово, если бы мы сумели связаться таким способом, но...

— Никаких «но». Мы сделаем это. Вы сумеете передавать длинные и короткие импульсы, если я составлю и закодирую сообщение?

— Думаю, что да. Я подсоединю к схеме прерыватель, который будет замыкать и размыкать цепь. Сообщение можно еще записать на ленту — это, наверное, будет легче — и сделать так, чтобы записанный сигнал включал реле. Думаю, это можно осуществлять механически.

— Тогда — за работу. Я принесу вам готовое закодированное сообщение, как только его составлю. Делайте свое устройство. Куриikka, пойдемте со мной.

Старшина не промолвил ни слова до тех пор, пока они не вышли в коридор. Там он наконец перевел дух и спросил:

— Позвольте мне узнать, сэр, что вы задумали?

Он был в таком недоумении, что Дон чуть не рассмеялся.

— Все очень просто. Мы идем в библиотеку, там должна быть нужная нам информация. Если не в книгах, то в памяти библиотечного компьютера.

Все действительно было просто. Ни одна из книг, — а это была в основном беллетристика для развлечения пассажиров, — не обещала ничего путного, поэтому Дон обратился к энциклопедическому каталогу. Раздел «КА — КУ» содержал статью «Коды». Просмотрев три-четыре подстатьи, он обнаружил информацию о международном коде, в ней даже был приведен сам код.

— Вот то, что мы ищем, — сказал Дон, указывая на колонки букв с тире и точками напротив. Он нажал клавишу «печатать». — Теперь давайте попробуем преобразовать наше сообщение в такой вид.

Когда они вернулись в рубку управления, решение проблемы предложил математик, доктор Угалде:

— Компьютер! Нам нужно разработать соответствующую программу. Именно для таких операций эта глупая машина и предназначена. Если вы мне позволите, я составлю программу, чтобы она преобразовывала обычное сообщение в этот код и записывала его в готовом виде на ленту для передатчика. Мы пошлем радиограмму, и, я уверен, они быстро поймут, что это какой-то код. А перед сообщением я предлагаю передать цифры от 1 до 10 соответствующим количеством точек, чтобы дать им понять, что эта передача — не случайный набор импульсов, а несет в себе определенное содержание. При наличии такого ключа они быстро догадаются что к чему.

— Отличное предложение, — сказал Дон. — После цифр пошлем простой запрос, чтобы убедиться, что они поняли этот код, а потом перейдем к передаче более сложных сообщений. Мы дадим знать, что слышим их микрофонную передачу, но будем отвечать

кодом. — Он повернулся к остальным. — Как можно быстрее смонтируйте необходимое устройство. Я пойду в лазарет навестить больных. Как только все будет готово к передаче, вызовите меня.

У постели пациентов ему пришлось мобилизовать все свои актерские способности, чтобы с правдоподобным оптимизмом отвечать на их вопросы. Да, буря прошла и больше не повторится. Нет, в слухах о том, что воздух на корабле кончается, нет ни доли истины. Воздух здесь просто чудесный, не правда ли? Он сменил повязки на ранах, выписал из лазарета обмороженного, велел ему показываться раз в день, и направился в свой кабинет. Не успел он войти, как раздался звонок видеофона: к передаче сообщения все было готово.

— В контрольном режиме работает нормально, — доложил при появлении Дона Спаркс и щелкнул тумблером. Из динамика зазвучали медленно чередующиеся точки и тире. — Мы запустили ленту через коммутационную схему. Мощность излучаемого антенной сигнала увеличилась почти вдвое по сравнению с той, что была.

— Передавайте, — распорядился Дон и опустился в капитанское кресло у пульта управления.

Жонке принес кофе и разлил всем в чашки.

Спаркс перемотал ленту и произвел необходимую подстройку. Катушка завертелась, и стрекочущее сообщение полетело в космос. Из приемника продолжала доноситься запись, которую они слушали уже не первый день. Спаркс еще дважды перемотал ленту на начало и дважды повторил передачу и только потом выключил аппарат.

— Теперь будем ждать, — произнес он.

Доктор Угалде быстро делал какие-то расчеты на клочке бумаги.

— Я подсчитал, — сказал он, — что, учитывая наше возможное положение относительно Марса, мы должны услышать ответ не более чем через 30 секунд.

Все посмотрели на часы, на их прыгающую секундную стрелку. Она, казалось, ползет все медленнее и медленнее. Но вот она наконец отсчитала 30 секунд и пошла дальше... Совершила еще один полный оборот. Полторы минуты... Угалде скомкал свою бумажку.

— Может, мои расчеты были неверными. Ошибка...

Он замолчал, услышав, что монотонный голос, доносившийся из приемника, вдруг оборвался. Все инстинктивно повернулись к умолкшему приемнику. После нескольких секунд тишины раздался другой голос:

— Приветствую вас, «Иоганн Кеплер»... как меня слышите? Мы принимаем на вашей частоте серию импульсов. Это вы передаете? Если да — подтвердите импульсами. И повторите их, потому что прием на нашем конце еще неустойчивый...

— Выполняйте, — скомандовал Дон.

Кнопочный ручной прерыватель в передатчике был уже установлен. Используя его, Спаркс начал передавать точки, повторяя их снова и снова: 5, 5, 5, 5...

Потом они снова ждали несколько долгих минут, пока их сообщение, несущееся со скоростью света — 186000 миль в секунду — достигло Марса и было принято. И пока пришел ответ.

— «Иоганн Кеплер», мы получили вашу радиограмму, — произнес голос, и комната вдруг сотряслась от ликующих возгласов. — ...значит, у вас трудности с радиосвязью. Мы установили, что вы работаете кодом, и ищем его аналог в библиотеке. Если вы считаете, что мы его найдем и сможем декодировать ваше послание, приступайте к передаче подробного доклада о вашей ситуации. Повторите его не менее пяти раз... Я повторяю, передавайте свое сообщение не менее пяти раз, так как мы здесь испытываем трудности с приемом. Ждем вашей передачи. Желаем успеха.

Такая сложная процедура связи требовала много времени. Дон отпечатал на компьютере сообщение, в котором объяснил, что с ними случилось. Оно было перенесено на ленту в виде комбинаций точек и тире. Одновременно была подготовлена другая лента с данными предшествующих и последних астрономических наблюдений для компьютера на Марсе, который обрабатывает их и определит величину необходимой поправки к курсу. Время шло, и с каждой секундой они все больше удалялись от правильной траектории.

Им пришлось ждать еще, но вместо результатов расчетов пришел запрос относительно массы реактивного вещества, оставшегося в баках корабля. Эту информацию передали как можно быстрее и потом снова, в течение нескольких молчаливых минут, ждали отве-

та — данных для проведения коррекции, которая вернет их на первоначальную траекторию и даст возможность долететь до Марса. Наконец ответ пришел.

— Приветствую вас, «Большой Джо», — загредел голос, и, хотя он старался звучать бодро, в нем слышались нотки тревоги. — Мы еще не можем считать это окончательным ответом — цифры перепроверяются, и будут предприняты определенные меры. Но дело в том, что... гм... вы находитесь на ошибочной траектории слишком давно. По нашим расчетам выходит, что с той массой реактивного вещества, которая у вас осталась... ну, в общем, ее недостаточно для осуществления необходимой коррекции. Ваш корабль в любом случае улетит в открытый космос.

Глава 9

В тишине, которая последовала за этим ошеломляющим известием, стук в дверь рубки управления прозвучал необычайно громко. В комнату вошел помощник инженера по воздухообеспечению. Он отдал честь и, окинув умолкших людей быстрым взглядом, вручил Дону листок бумаги.

— Я подумал, что эти данные лучше доложить непосредственно вам, сэр. Это контрольное испытание я провел всего несколько минут назад.

Дон взял себя в руки; после того, что они слышали, потребовалось усилие воли, чтобы заставить себя думать о других проблемах. Он взял бумажку и посмотрел на нее, ничего не понимая.

— Извините, не могли бы вы объяснить, что значат все эти цифры?

Специалист по воздухообеспечению показал на ряд чисел у правого края листка, последнее из которых было обведено красным кружком.

— Это процент концентрации кислорода в воздухе. Как видите, он неуклонно снижается. Вот эти цифры — результаты измерений, которые проводились через каждые пять часов после аварии. Изменение происходило медленно, но в последнее время наблюдается резкое падение. И вот — последние данные. Боюсь, что радиация, вызванная солнечной бурей, убила слиш-

ком много фитопланктона. А это, в сочетании с потерей воды, нарушило общий баланс.

— И что это значит?

— Если говорить просто, сэр, то люди на борту корабля превращают кислород в углекислый газ быстрее, чем наши растения восстанавливают его. И воздух, пригодный для дыхания, скоро кончится.

Дон невольно содрогнулся: слишком много сразу наваливалось проблем.

— Сколько у нас времени до того, как концентрация достигнет опасного уровня? — спросил он.

— По меньшей мере несколько дней, точнее сказать не могу. Но уже сейчас нужно что-то предпринимать...

— Только не в данный момент. Я зайду к вам в центр управления воздухом, как только освобожусь. Кто там руководит?

Космолетчик, которому было, пожалуй, не более двадцати, смутился:

— Дело в том, что лейтенант Хонг погиб, и там остался я один.

— Как вас зовут?

— Хансен. Помощник инженера по воздухом, рядовой 3 класса Хансен.

— Хорошо, Хансен, отныне вы будете выполнять обязанности офицера, ответственного за воздухом. Старайтесь, потому что от вас зависят все.

— Есть, сэр, — ответил тот и, вытянувшись, отдал честь.

«Этот справится», — подумал Дон, провожая его глазами.

Затем его мысли вернулись к информации, полученной с Марса, и его снова охватила глубокая депрессия. Он повернулся к Курикке.

— Что это за реактивное вещество, по поводу которого так беспокоится Марс? — спросил он. — Я не люблю выглядеть дураком, но занятия медициной оставляют мало времени для чтения другой литературы. Я думал, что корабль приводится в движение атомными двигателями.

— Да, это так, сэр. Но тем не менее нам нужно реактивное вещество. Любая ракета летит не потому, что она отталкивается от чего-то, а потому, что выбрасывает что-то из себя. И то, что выбрасывается, называ-

ется реактивным веществом. В ракетах на химическом топливе это — горящий газ, он выбрасывается в одном направлении, а ракета летит в противоположном. Чем больше вещества выбрасывается, тем больше реактивная сила и тем быстрее вы летите. Большая реактивная сила получается также за счет повышения скорости выброса. То же самое происходит и у нас. Наше реактивное вещество представляет собой очень мелкие частицы кремния. Их получают на сталеплавильных заводах путем испарения шлака в вакууме, в результате чего образуются частицы микроскопических размеров. Эти частицы ускоряются двигателями до невероятных скоростей. Так мы обеспечиваем себе тягу.

Дон кивнул.

— Звучит довольно просто, по крайней мере, в теории. Итак, хотя наши ядерные двигатели и имеют неограниченную мощность, у нас нет достаточного количества реактивного вещества для того, чтобы выполнить необходимую коррекцию курса, правильно?

— Так точно, сэр. Обычно запас этого вещества на борту значительно превосходит наши нужды, так как коррекции курса проводятся, по возможности, сразу же. Чем больше корабль отклонится от заданного курса, тем больше нужно этого вещества, чтобы вернуть его назад. Но на этот раз мы немного опоздали.

Дон пытался не поддаваться унынию, которое заполнило рубку и готово было охватить его самого.

— А нельзя ли в качестве реактивного вещества использовать что-нибудь другое? — спросил он.

Курилка отрицательно покачал головой.

— Боюсь, что нет. У нас нет ничего настолько мелкого, что могло бы проходить через инжекторы. Да и двигатели могут работать только с этим видом реактивного вещества. — Он отвернулся, и Дон впервые увидел, как переживает их поражение этот твердый, как скала, старшина. — Боюсь, мы ничего не сможем сделать.

— Но не можем же мы просто так сдаться! — настаивал Дон. — Если мы не в состоянии вернуться на прежний курс, то должны предпринять все, чтобы максимально приблизиться к нему.

— Даже в случае удачи, капитан, это нам не поможет. Если мы используем все вещество на изменение траектории, нам нечем будет потом тормозить.

— Но во всяком случае мы будем ближе к Марсу. А там должны быть другие корабли, которые могут выйти на орбиту, параллельную нашей, и снять нас отсюда. Давайте запросим на этот счет Марс.

Ответа пришлось ждать бесконечно долго, да и был он не очень обнадеживающим:

— Мы здесь просчитываем на компьютере все варианты, но пока ничего подходящего не получили. В настоящее время поблизости нет космических лайнеров, которые могли бы вам помочь, а транспортные модули, курсирующие между Марсом и космическими станциями, не обладают такой дальностью полета, чтобы доставить вас даже в случае, если бы вы находились на расчетной траектории. Не теряйте надежды: мы продолжаем искать выход из этой ситуации.

— Нам от этого не легче, — пробурчал Спаркс. — Оказались бы вы на нашем месте!

— Позвольте мне не согласиться со старшиной Куричкой! Я осмелюсь утверждать, что его последнее заявление неверно, — раздался голос Угалде. До этого он долго стоял посреди рубки, отрешенно сосредоточившись на своих мыслях, и сейчас даже не осознавал, что свое «последнее» заявление старшина произнес почти пятнадцать минут назад. — Кое-что мы все-таки можем сделать. Я проанализировал ситуацию со всех сторон и позволю себе указать вам на то, что вы рассматриваете только часть проблемы. И все потому, что вы неправильно сформулировали задачу.

Он стал рассказывать туда-сюда.

— Задача состоит не в том, чтобы найти больше вещества, а в том, чтобы изменить траекторию. И если эту задачу сформулировать именно таким образом, то она представляется совершенно ясной, и решение становится очевидным.

— Но не для меня, — сказал Куричка, выражая мнение и остальных.

Угалде улыбнулся.

— Если мы не можем увеличить массу реактивного вещества, то мы можем уменьшить ту массу, которую

имеющийся у нас запас вещества должен приводить в движение.

Тут Дон тоже улыбнулся.

— Ну конечно! То, что нам надо! Мы должны облегчить корабль.

— Но важно, чтобы все, что выбрасывается из корабля, вначале взвешивалось, — предупредил Угалде. — Эти данные будут необходимы при расчетах. И чем быстрее мы это сделаем, тем больше у нас будет шансов!

— Начнем немедленно! — сказал Дон, придвигая к себе блокнот и ручку. — Я хочу составить список всего того, что непосредственно не участвует в обеспечении функционирования корабля и жизнедеятельности людей на борту. Ваши предложения?

— Конечно, багаж пассажиров, — сказал Угалде. — Пусть оставят только то, что имеют на себе, а остальное выбросим.

Интендант застонал:

— Я уже предвижу судебные иски.

— Уверен, что все их имущество застраховано, — ответил Дон, делая запись в блокноте. — Их багаж или их жизни — выбор неравноценный. Они могут оставить себе ценности и мелкие личные вещи, а все, что может быть потом приобретено, должно пойти за борт. Наверное, будет лучше, если вы соберете их всех через пятнадцать минут в главном обеденном зале. Я поднимусь туда и сам поговорю с ними.

Жонке кивнул и удалился, а Дон повернулся к остальным.

— Обеденные столы, стулья, посуда, большая часть кухонного оборудования, — перечислял Курилка, загибая при этом пальцы. — Все замороженное мясо и другие продукты — мы проживем на обезвоженных пайках, для которых можно использовать рециркулированную воду.

— Хорошая мысль. Что еще?

Как только они задались этой целью, сразу нашлось на удивление много ненужных вещей: ковры, украшения, перила лестниц, мебель, арматура, запасные части... Список рос, и Дон отмечал каждый пункт в блокноте. Но одну очевидную категорию очень тяжелых предметов они упустили из виду.

— А как насчет груза? — спросил Дон.

Куриikka покачал головой.

— Вряд ли нам это удастся. Там тяжелые станки, туки с одеждой и множество других вещей, без которых мы можем обойтись. Но большая часть груза находится в контейнерах, а они основательно закреплены, чтобы избежать смещения при перегрузках. Транспортно-разгрузочные модули имеют специальные устройства в виде мощных выдвижных захватов, которые позволяют высвобождать контейнеры. У нас же подобного оборудования нет. Думаю, мы могли бы соорудить что-нибудь для извлечения контейнеров из грузового отсека, но это займет у нас, по меньшей мере, дня два.

— Слишком долго. Итак, груз остается, но все остальное, что можно выбросить, — за борт!

Команда принялась за дело, а Дон, скрепя сердце, отправился в главный обеденный зал. Он представил, какой его ждет там прием, и почти не ошибся. Пассажиры — все 112 человек — уже поджидали его, и все были настроены весьма агрессивно. Из-за шума, который вдобавок подняли члены команды, отрывавшие столы от пола, ему пришлось кричать, чтобы быть услышанным. Он рассказал им о возникших трудностях, о том, что из-за попадания метеорита корабль отклонился далеко от заданного курса, в связи с чем его необходимо облегчить. И как только он сообщил, что багаж пассажиров тоже будет выброшен из корабля, среди собравшихся тут же поднялось сердитое ворчание.

— Вы не имеете права навязывать свою волю! — крикнула пожилая матрона.

Со всех сторон тотчас раздались возгласы поддержки. Дон подождал, пока установится тишина, и заговорил снова:

— Извините, если я, с вашей точки зрения, чиню произвол. Но уверяю вас, другого выхода из той беды, в которой мы оказались, нет. Это не мое решение. Вы знаете: я врач и выполняю обязанности командира корабля только потому, что остальные офицеры погибли. Мы связались с марсианским центром управления, и это — их решение: мы должны облегчить корабль или никогда не сможем вернуть его на правильный курс.

Послышались новые жалобы, но Дон криком заставил всех утихнуть.

— Я — капитан, и это — приказ. Вы можете оставить себе только то, что я перечислил. Весь остальной багаж вы должны в течение получаса принести сюда. От этого зависит ваша жизнь.

Люди нехотя разошлись, ворчливо жалуясь друг другу. Дон криво улыбнулся, представив, какой рейтинг был бы у него, если бы среди этих людей провести опрос. Но он должен спасти их жизни — нравилось им это или нет. Один из пассажиров остался в зале и подошел к Дону. Его лицо было знакомым — худощавое, смуглое, с аккуратными усами. Он представился:

— Капитан, меня зовут Дойл. Я — секретарь генерала Бриггса.

— Да. Чем могу вам быть полезен?

Дойл пропустил мимо ушей резкие нотки в голосе Дона и улыбнулся.

— Не столько мне, капитан, сколько генералу Бриггсу. Он хочет поговорить с вами. Надеюсь, это не такая уж невыполнимая просьба.

Дон помедлил, размышляя. Он помнил свое обещание поговорить с Бриггсом. Что ж, нужно было разделиться с этой не очень приятной миссией, да и время было подходящим: работа по облегчению корабля налажена.

— Хорошо, пойдемте сейчас.

— Благодарю вас, сэр, я уверен, что генерал будет признателен вам за это.

Они зашли в рубку управления за ключом от каюты и направились в импровизированный карцер. При их появлении генерал встал с койки.

— Я вам благодарен, что вы пришли, капитан.

— Вы хотели поговорить со мной, генерал?

— Да, если у вас найдется несколько минут. Но главное, я хотел бы извиниться за инцидент в моей каюте. Я, разумеется, сдал все свои сигареты: как вы понимаете, я могу не только отдавать приказы, но и выполнять их. Однако я позабыл о той пачке, сигарету из которой я совершенно машинально закурил. Она и стала причиной несчастного случая. Мне очень жаль, что все так произошло.

— Нам тоже, генерал.

— Не сомневаюсь. А теперь, если позволите, я хотел бы спросить, как долго вы намерены держать меня в этой каюте? Я не оспариваю приговор — ваши действия совершенно обоснованы, но мне кажется, что срок наказания следует наконец определить.

Дон немного подумал. Он нуждался в сотрудничестве со стороны пассажиров, а заполучить на свою сторону генерала было бы хорошим подспорьем. Держать его под замком и дальше не имело смысла.

— Вы свободны, генерал. Это было вовсе не наказанием, а просто временной мерой до того, как мы выясним причину пожара.

— Вы очень добры.

Последние слова генерал произнес весьма холодно и официально, в них совсем не было той теплоты, которая только что звучала. Они с Дойлом повернулись и тут же ушли. Дон посмотрел им вслед, донимаемый каким-то смутным воспоминанием. Что ему сказал тогда космолетчик? Кажется — что в багаже пассажира были еще сигареты. Возможно даже, генерал соврал, чтобы освободиться из заточения, — теперь это уже ничего не значило. Инцидент был исчерпан, и сейчас нужно побеспокоиться о корабле.

Спускаясь по лестнице на палубу А, он увидел невероятное зрелище. Пол этой палубы был одновременно внешней обшивкой корабля, и в него были встроены иллюминаторы из закаленного стекла. Через эти обрамленные круглые отверстия диаметром в два ярда открывался вид абсолютно черного космоса, как бы проколото-го лучами яркого немигающего света, исходящего от мириад звезд. Вращение корабля, создающее гравитацию для пассажиров, рождало впечатление, что звезды постоянно движутся. За исключением периодов прибытия корабля в космопорт и его отлета, единственное, что можно было видеть через эти иллюминаторы, — ...звезды.

Но сейчас картина совершенно изменилась: яркий свет далекого Солнца, не смягченный никакой атмосферой, отражался от множества предметов, которыми было усеяно пространство вокруг корабля. Столы, чемоданы, стулья, окорока, обувь, ковры, поручни, консервные банки, фаянсовая посуда — перечень не имел конца. Они медленно удалялись от корабля, уменьшаясь

в размерах и пропадая вдали, а на их месте появлялись новые. Сброс вещей начался.

Обстановку возле воздушного шлюза можно было охарактеризовать как упорядоченный беспорядок. Рядом с открытым люком шлюза были установлены рычажные весы. По мере доставки различных предметов, предназначенных для сброса, их взвешивали, вес записывали, а сами вещи бесцеремонно заталкивали в раскрытую пасть люка. Когда шлюз заполнялся доверху, люк закрывали. После откачки воздуха открывался внешний люк, и центробежная сила выбрасывала все наружу, пополняя поток добра, медленно текущего в открытое пространство. Когда шлюз закрывался, вся процедура повторялась снова. Работой руководил старшина Курикка. Увидев Дона, он подошел к нему с докладом:

— Пока все идет нормально, капитан. Поначалу у нас были трения с пассажирами, но сейчас все улажено.

— Какие трения?

Старшина огляделся вокруг и понизил голос:

— Я — реалист, сэр, и совсем не из тех, кто полагается на доверие, особенно, когда от этого зависит моя жизнь. Я послал интенданта с несколькими членами команды пройти по каютам после того, как пассажиры сдали свой багаж. И они обнаружили множество «крайне необходимых» вещей, которые им совершенно не нужны. Их тоже выбросили.

— Вы невозможный человек, старшина, в этом вас убедят их судебные иски. Но я буду неизменно на вашей стороне.

— Спасибо, сэр. Мы здесь скоро заканчиваем. Вес выброшенных вещей подытоживается для передачи на Марс.

— Завершайте как можно быстрее. Вам не надо объяснять почему.

Курикка молча кивнул и снова принялся за работу. Дон повернулся к выходу и зацепился за что-то ногой. Ему пришлось ухватиться за стену, чтобы не упасть. Он невероятно устал, но пока коррекция курса не проведена, об отдыхе не могло быть и речи. Шагая медленно и осторожно по коридору, он добрался до рубки управления и там буквально упал в капитанское кресло.

— Сэр, приняты данные для проведения коррекции!

Дон вскинул голову — оказывается, он уснул незаметно для себя. Растерянно моргая, он посмотрел на листок бумаги, который протягивал Спаркс.

— Что они говорят?

— До включения двигателей осталось десять минут. Старшина с доктором Угалде уже вводят в компьютер программу с последовательностью операций. Центр управления на Марсе заявил, что сейчас они оптимистично смотрят на наш маневр.

— Дай бог, чтобы их оптимизм оправдался, — проворчал Дон. — Спасибо, Спаркс. Вы, да и вся команда блестяще справились с задачей.

— Будем надеяться, что наши усилия увенчаются успехом, сэр, — сказал радист и, отложив листок в сторону, повернулся к радиостанции.

Теперь работу взяли на себя машины. Компьютер на Марсе сделал расчеты на включение двигателей корабля для осуществления коррекции, и эти данные были введены в бортовой компьютер. Имея информацию о требуемом исходном положении корабля перед коррекцией, компьютер включил позиционный двигатель, и тот развернул корабль в космосе. Дон выглянул в иллюминатор, увидел, как звезды плавно переместились в новое положение, и криво улыбнулся, вспомнив долгие часы своей вахты и те усилия, которые он затратил, чтобы с горем пополам справиться с такой же работой.

Потом началось ожидание. Стрелки приборов на пульте управления задвигались, когда компьютер, готовясь к включению сопел, подал команду на увеличение мощности ядерных двигателей. Прошло несколько мучительно долгих минут, пока наконец компьютер определил, что наступил нужный момент. Их, конечно, никто об этом не извещал, они сами узнали о включении сопел: корабль сотряс внезапный толчок.

— Ну, вот и все, — произнес Дон. — Через сколько времени можно определить, находимся ли мы на правильном курсе, доктор Угалде?

Математик задумчиво нахмурился.

— Думаю, должно пройти не менее часа, прежде чем можно будет получить минимальный значимый базис. За нами будут следить из центра управления на

Марсе, и, как только их компьютер сможет рассчитать нашу новую траекторию, нас известят.

— Вас вызывают, капитан, — сообщил Курикка.

Дон включил стоящий перед ним видеофон, на экране появилось встревоженное лицо Рамы Кусума.

— Не могли бы вы прийти в лазарет, сэр? У меня здесь больной с высокой температурой, и я не знаю, что делать.

— Какие-нибудь другие симптомы?

— Ничего такого, за что можно было бы ухватиться. Просто общее недомогание, расстройство желудка... ну, вы знаете.

— Ладно, можете не волноваться. Существует целый ряд обычных инфекционных заболеваний, которые начинаются подобным образом. Подождите немного, я сейчас приду и посмотрю.

По сравнению с той ответственностью, которую он нес за весь корабль, возникновение медицинской проблемы вызвало у Дона чуть ли не вздох облегчения. Он был квалифицированным врачом и знал, что здесь может справиться с любой проблемой. Чувство бессилия появлялось у него только при командовании кораблем.

— Я буду в лазарете, старшина. Вызовите меня, как только поступит какое-нибудь сообщение.

Он открыл дверь и чуть не столкнулся с Хансеном, специалистом по воздуходушению. Тот очень спешил и выглядел испуганным.

— Извините, сэр, — выпалил он. — Я пришел поговорить с вами. Наедине, если можно.

Дон закрыл за собой дверь и внимательно осмотрелся: коридор был пуст.

— Можно здесь. Слушаю вас.

— Я насчет кислорода, капитан. Уровень его воспроизводства еще больше упал, темп регенерации слишком низок. Сейчас для нормального дыхания в атмосферу корабля вводится кислород из наших бортовых запасов. Я вполне справляюсь с излишками углекислого газа, его концентрация не увеличивается, но кислород...

— Сколько у нас времени до того, как его недостаток начнет ощущаться?

— Он проявляется уже сейчас. Попробуйте пробежаться, и вы очень скоро начнете задыхаться. А еще немного, два-три дня...

— И что?

— И люди начнут умирать.

Глава 10

— Что-нибудь болит, мистер Прис? — спросил Дон. Он ощупал шею и подмышечные впадины больного — увеличения лимфатических узлов, которое бы свидетельствовало о серьезной инфекции, не было.

— Нет, если бы болело, я бы вам сразу сказал. — У Приса было худощавое лицо с ястребиным носом. Очевидно, он привык, чтобы ему подчинялись. — Я заплатил за это путешествие кучу денег, но до сих пор оно мало похоже на отдых: метеоры, плохая пища... Забрали мой багаж, а теперь — это. Если бы ваш корабль был чистым, я бы не заразился.

— Все космические корабли поддерживаются в стерильной чистоте, чтобы предотвратить распространение заболеваний между планетами. — Температура больного была 38 градусов, но пульс и дыхание — нормальными. — Не исключено, что вы принесли эту инфекцию с собой с Земли, а после инкубационного периода она проявилась.

— Что у меня? — теперь в его голосе слышалось беспокойство.

— Можете быть уверены, что ничего серьезного. Пока что просто повышенная температура и ничего больше. Я попрошу вас полежать в лазарете несколько дней, в основном чтобы не заразить других пассажиров. Я дам вам лекарство против инфекции и жаропонижающее, чтобы сбить температуру. Вам не о чем беспокоиться.

Набирая лекарство в иньектор, он услышал звонок видеофона и бросился к аппарату, едва не выронив все из рук.

— Капитан слушает.

— Мы одержали победу! — Это был Курикка. Внезапный поворот событий сокрушил его привычную сдержанность. — Марс сообщил, что теперь наша траектория направлена в самую точку или настолько близко, что достаточно будет незначительной коррекции. Учитывая, что реактивного вещества у нас было очень мало, нас вывели не на обычную траекторию спуска в атмосфере, а на орбиту захвата.

— А какая между ними разница?

— Обычно мы сближаемся с Фобосом и тормозим до тех пор, пока наши орбиты не совпадут. Но сейчас для торможения у нас нет реактивного вещества, поэтому нас выводят прямо к Марсу. Не настолько близко, чтобы мы вошли в его атмосферу, но достаточно близко, чтобы быть захваченными его гравитационным полем и перейти на орбиту вокруг этой планеты.

— Прекрасные новости, старшина. Передайте от меня всем благодарность за то, что помогли нам успешно справиться с этим делом.

— Теперь все будет в норме.

Дон положил трубку, и его мысли вернулись к самым последним событиям. Нет, не все в норме. Какой толк из того, что они благополучно перейдут на орбиту вокруг Марса, если к тому времени все на корабле погибнет от удушья?

Он сделал иньекцию и отправился наверх, на палубу С, откуда осуществлялось управление регенерацией кислорода. Вся эта палуба была отдана под служебные помещения и хранилища. Сейчас здесь стояла гробовая тишина. Он миновал пустые кладовые, с которых были сняты даже двери, места, где еще недавно были закреплены запасные агрегаты...

Хансен уже ждал его.

— Вот таблицы, сэр, — сказал он. — Судите сами.

Дон посмотрел на листы бумаги; колонки цифр от навалившейся на него усталости расплывались перед глазами.

— Мне бы не хотелось судить об этом самому. Вы специалист, и прошу объяснить мне, что случилось. Что было основной причиной падения уровня кислорода?

Хансен указал на висевший на стене прибор. В освещенном контрольном окошке виднелась почти прозрачная зеленая жидкость.

— Там, в окошке, вы видите фитопланктон — одноклеточные растения, живущие в воде. Они поглощают выдыхаемый нами углекислый газ и превращают его в кислород. Одновременно с водой, которую мы потеряли во время столкновения с метеоритом, мы лишились большого количества фитопланктона. Еще больше его погибло или подверглось мутациям под воздействием солнечной бури. Сейчас его уже недостаточно, чтобы производить тот объем кислорода, который нам необходим.

— Мы можем вырастить новый?

Хансен покачал головой.

— Я делаю все возможное, чтобы очистить его от штаммов, подвергшихся мутации, и стимулировать рост и деление клеток. Но этот процесс идет слишком медленно. Требуется много питательных веществ, да и скорость деления невозможно увеличить.

— Понимаю. — Дон обвел взглядом остальные аппараты в этом большом отсеке. — А это для чего?

— В основном для обработки воды, взятия проб, микроанализа, непрерывного автоматического контроля и тому подобного. Вон там — установка грубой очистки воздуха: фильтры для удаления загрязняющих веществ и устройство, снижающее концентрацию углекислого газа.

— А оно не помогает?

— Помогает, но недостаточно. Сейчас я использую его на полную мощность. Оно расщепляет углекислоту на углерод и кислород, но является лишь дополнением к основной системе регенерации, чем-то вроде временного средства очень непродолжительного действия для устранения избытка углекислого газа.

Дон попробовал подстегнуть свой уставший мозг.

— У нас есть запасы кислорода, они могут нам помочь?

— Нет, сэр, разве только ненадолго. Общих запасов его хватит для всех на корабле менее чем на сутки.

— Что же нам делать?

— Не знаю, — сказал Хансен, и лицо его побледнело от страха.

Дон пожалел, что задал такой вопрос. Этот космолетчик выполнял порученную ему работу достаточно добросовестно, но он не в состоянии справиться с более серьезной проблемой.

— Не беспокойтесь, что-нибудь придумаем.

Сказать это было легко, но что они могли сделать? Где им найти кислород здесь, в глубинах межпланетного пространства?.. Думай!.. Он напряг измученный мозг, но абсолютно безрезультатно. Тем не менее у него было навязчивое ощущение, что решение проблемы где-то рядом, прямо перед глазами.

Однако единственное, что на самом деле было у него перед глазами, — это крошечные растения в своей водной среде. И он знал, что они совершали все, на что были способны. И все же ответ маячил где-то совсем близко. Но где?..

Тут Дон громко рассмеялся.

— Решение все время было прямо у нас под носом! — воскликнул он и хлопнул удивленного Хансена по спине. — Посмотрите туда. Что вы видите?

— Планктон, сэр... а что?

— Еще что?

— Ничего. Планктон в воде...

— Повторите — где?

— В воде.

— А из чего состоит вода?

Лицо Хансена озарилось неожиданной догадкой.

— Водорода... и кислорода!

— Абсолютно верно. А в наших руках — вся мощь ядерного генератора. Пропуская электрический ток через воду, мы можем путем электролиза разделить эти два элемента...

— Водород будем сбрасывать в космос, а кислород — использовать. Но, капитан, нам ведь все равно будет нужен планктон, а без воды он погибнет.

— Я и не собираюсь лишать его воды, правда, в связи с этим предвижу новые претензии со стороны пассажиров! Вся вода в корабле подвергается рециркуляции, но ее у нас гораздо больше, чем требуется для выживания. Мы определим минимально необходимое количество и оставим только его, а остальная вода пойдет на производство кислорода. Пусть люди не смогут помыться и довольны попить, но, по крайней мере, они смогут дышать!

— Что нам будет нужно из оборудования?

Дон снова почувствовал тяжесть усталости и, перед тем как ответить, в изнеможении опустился на стул. Он начал перечислять, загибая пальцы:

— Прежде всего резервуар, что-нибудь вроде ванны. В этой реакции нет ничего сложного, поэтому резервуар может быть открытым. Затем нам нужен источник постоянного тока — протянем силовой кабель от генератора. И еще необходим слабый раствор электролита, чтобы проводил ток — обычный раствор соли или основания.

— Столовой соли?

— Вы что?! Ведь это — хлорид натрия, в этом случае вместе с кислородом будет выделяться хлор. Только ядовитых газов нам и не хватало. Нужна другая соль щелочного металла. Может, у вас есть что-нибудь подобное среди веществ, используемых для подкормки планктона?

Хансен нашел перечень имеющихся в запасе химикатов и быстро пробежал его.

— Вот это подойдет? — спросил он. — У нас в запасах есть сульфат магния, который необходим планктону для образования хлорофилла...

— Английская соль! Лучше не может быть. Единственной проблемой будет соорудить какой-нибудь резервуар и сделать газоотвод от катода. Именно на этом отрицательном электроде, опущенном в раствор, будет скапливаться водород, который нужно будет отводить в космос. А кислород с анода может выходить пузырями прямо в воздух.

Он быстро набросал схему устройства и передал ее Хансену.

— Должно работать отлично, сэр, — подтвердил тот. — В качестве резервуара мы можем использовать отстойник с покрытием из стекла. Я вычищу его и разведу слабый раствор электролита. Вот только электрическую часть установки и систему отвода газов я сделать, наверное, не смогу.

— Я организую кого-нибудь вам в помощь. Старшина Куриikka должен знать, как все это сделать, а если и нет, то ему известно, кого привлечь из команды. Вызовите его сюда.

Курикка привел с собой Спаркса, а потом вызвал исполняющего обязанности первого инженера Тыблевского. Под полом пролегли кабели, которые шли к уже опустошенным хранилищам замороженного продовольствия. Их решено было вытащить и использовать для подвода к установке необходимой электроэнергии. Пока одни делали это, другие сняли стеклянный купол, служивший смотровым иллюминатором в обсерватории, поместили его над катодом и соединили отводной трубкой с наружным клапаном. Систему отрегулировали так, чтобы отсасывался только газообразный водород, а жидкий электролит оставался.

— Готово, — наконец объявил Спаркс.

— Ну что ж, включайте, — сказал Дон. Он настолько устал, что едва держался на стуле.

Курикка включил большой рубильник, а Тыблевский медленно повернул ручку реостата. Как только был подан ток, на аноде начали образовываться крошечные пузырьки газа. По мере увеличения тока они росли, превращались в большие пузыри, которые всплывали и лопались у поверхности воды. Дон наклонился над ванной и глубоко вдохнул.

— Чудесно! — воскликнул он, когда его голова под воздействием чистого кислорода прояснилась. — Похоже, что все наши проблемы кончились раз и навсегда.

Он блаженно прищурился в насыщенной кислородом атмосфере над ванной и почти не услышал звонка видеофона. Ему передали трубку.

— Слушаю, — произнес он, взглянув на лицо Рамы Кусума, появившееся на маленьком экране.

— Сэр, зайдите, пожалуйста, в лазарет. Здесь еще четверо больных с высокой температурой. Картина абсолютно такая же. А с тем первым я не знаю, что и делать. Он в коме, пульс очень медленный. Я не могу привести его в чувство!

Глава 11

Дон отпустил Раму, посоветовав ему выспаться. Он хотел остаться с новой проблемой один на один. Четверо недавно поступивших больных были помещены в большую палату, а первый, Прис, лежал в изоляторе. Дон стоял у его койки, вслушиваясь в медленное и тяжелое дыхание пациента и анализируя показания целого арсенала регистрирующих устройств, подсоединенных к его телу. Взятые в отдельности, симптомы были просты, но что означало их сочетание?

Пульс редкий, но ровный — сердце явно в норме. Температура уже поднялась до 39 градусов и продолжает непрерывно расти, несмотря на большие дозы жаропонижающих лекарств, которые оказались не в состоянии ее сбить. Антибиотики — тоже неэффективны. В чем причина? Только недавно он гордился, что может справиться с любой проблемой из области медицины. А с этой болезнью у него что-то не очень получается. К тому же он устал...

Подавляя зевоту, он пошел в свой кабинет, тщательно вымыл руки до локтя и сунул их в ультразвуковой стерилизатор. Потом из термоса, который оставил Рама, налил себе чашку горячего кофе и, потягивая его, попытался сложить имеющиеся факты в более или менее ясную картину.

Каковы же были эти факты кроме того, что у него на руках пять госпитализированных больных с высокой температурой, причины которой неизвестны? Единст-

венный специфический симптом проявился у Приса, болезнь у которого зашла дальше, чем у остальных. Он выражался в характерном подергивании лица и нижней челюсти — очень похоже на симптом Колливера, — правда, подергивание не такое регулярное и сильное. Это, без сомнения, не могло быть симптомом Колливера, который проявляется исключительно в стадии паралича при полиомиелите. Ведь другие признаки отсутствовали. Это заболевание никак не могло быть полиомиелитом. Но что же тогда?

Подобно собаке, грызущей старую кость, он вновь и вновь приходил к выводу, что это была болезнь, о которой он никогда до этого не слышал. Но ведь такое невозможно. Болезни видоизменялись, или перерождались, или просто были очень редкими, но новых болезней не существовало. Должно быть, одна из редких болезней. Ему понадобится не один день работы в библиотеке, чтобы хоть немного сузить область поисков. Прис был его единственной ниточкой. Поскольку все началось с него, то вполне вероятно, что он является носителем инфекции. Дон пододвинул к себе видеофон и набрал номер кабинета интенданта.

— Жонке, мне нужна информация об одном пассажире.

— Что вы хотите узнать, сэр? Картотека у меня под рукой.

— В лазарете лежит пассажир по фамилии Прис. Мне нужно знать, откуда он и где был до того, как прибыл на борт корабля. И вообще любую информацию о нем, которая у вас есть.

— Минутку, сэр. Вы подождете или вам перезвонить?

— Я буду в своем кабинете... я имею в виду лазарет.

Он повесил трубку, и в этот момент вошел Рама Кусум с заставленным подносом.

— Я пообедал, капитан, и мне пришла в голову мысль, что вы, должно быть, давно не ели. И я позволил себе...

Дон напряг память, но так и не смог вспомнить, когда ел в последний раз. Он был настолько измотан, что уже не ощущал чувства голода.

— Спасибо, но боюсь, что я не смогу есть. Я видел обезвоженную пищу после ее восстановления. Я уве-

рен, что она питательна, но она похожа на горстку опилок. Нет, только не сейчас...

Он умолк, когда Рама поставил поднос перед ним на стол и открыл его. На тарелке лежал дымящийся бифштекс, его сочный вид заставил Дона невольно облизнуться. Он потянулся было к серебряному прибору, но вдруг негодуя вскинул голову.

— Я же приказал, чтобы все продовольствие, за исключением обезвоженных пайков, было выброшено за борт. Я не допущу здесь никаких любимцев или особых привилегий для кого бы то ни было, включая себя самого.

— Что вы, сэр! — Рама отступил на шаг, подняв руки в ответ на вспышку гнева. — История очень простая. Старшина Курикка обнаружил, что один из поваров готовит вот это для себя, видимо, он припрятал кусок, чтобы потом полакомиться. Старшина — человек справедливый, но очень уж резкий. Я содрогаюсь, вспоминая, как он наказал жадного повара. Самой мягкой частью его приговора было — тщательно приготовить этот бифштекс, зная, что его съест другой. Все присутствующие единодушно согласились, что выбрасывать его было бы глупо и что если кто на «Большом Джо» и достоин съесть его, так это, конечно, вы. Других мнений на этот счет не было, сэр. Съешьте, пожалуйста, пока он не остыл.

Дон некоторое время сидел молча, потом взял столовый прибор. Когда он заговорил, его голос немного срывался:

— Это самое малое, что я могу для всех сделать. Пожалуйста... поблагодарите всех от моего имени. Чудесный бифштекс!

Он уже запивал последний кусок кофе, когда зазвонил видеофон. Это был интендант.

— Информация, которую вы запросили, сэр, весьма простая. Человек, который вас интересуется, покинул Землю с космического терминала Чикаго-Лейк. Он жил в Большом Чикаго и не покидал города по меньшей мере в течение года до этого полета. Это то, что вам нужно, сэр?

— Да, благодарю вас, — Дон медленно опустил трубку.

Тупик! В Большом Чикаго экзотических болезней быть не может.

— Что-нибудь не так? — спросил Рама.

Дон выпрямился, поняв, что все его беспокойство написано у него на лице.

— Просто ложный след. Я пытаюсь выявить природу заболевания этих людей, но это оказывается весьма трудным делом. Если быть с вами до конца откровенным, у меня нет ни малейшего понятия, в чем причина. Поскольку вы, Рама, хотите в будущем стать врачом, вам пойдет на пользу то, что вы сейчас узнаете: да, врачи — те же люди. Если мы порежемся, у нас тоже идет кровь. Мы не знаем всего, вернее, каждый из нас не знает всего. Вот почему у нас существует специализация. И сейчас я буду вынужден связаться со специалистом. А вам, наверное, придется подежурить здесь. Если я вам понадоблюсь, найдете меня в рубке управления.

То ли коридоры стали длиннее, то ли он еще больше устал... По пути он встретил одну из пассажирок, миссис... как же ее?... фамилии пассажиров капитану следовало помнить. Когда они поравнялись, он кивнул ей в знак приветствия, но она отвернулась и лишь громко фыркнула. Он невольно улыбнулся, почти читая ее мысли: лишил всех багажа, пищи, воды — хреновый капитан!

В рубке управления был один Курикка. Он сидел в кресле астронавигатора, расслабившись и скрестив руки на груди, и следил за показаниями приборов, расположенных перед ним. Создавалось впечатление, что он спит, но Курикка был не из тех, кто может заснуть на дежурстве. Он выпрямился во все шесть футов своего роста и вытянулся по стойке «смирно», несмотря на то что Дон жестом разрешил ему сидеть.

— Курс выдерживается, капитан. Системы в норме. По данным службы воздухоснабжения, концентрация кислорода держится на постоянном уровне.

— Вольно, старшина! Садитесь. — Дон окинул его взглядом, обратив внимание на помятую форму (а ведь в ее отношении тот был особенно скрупулезен) и темные круги под глазами.

— Когда вы последний раз спали?

— Точно не помню, сэр. Но чувствую себя отлично, совсем не устал. А все, конечно, потому, что я не пью, не курю и всегда ложусь спать в девять часов.

— Врете! — выпалил Дон, и оба одновременно улыбнулись. — У нас уже есть микрофонная связь с Марсом?

— Пока нет. Но доктор Угалде научил меня, как программировать компьютер, чтобы он переносил на ленту любое сообщение. Так что давайте его мне, и я все сделаю.

— Содержание простое: попросите их связаться с Землей и вызвать на связь объединенный диагностический центр в Лондоне. Мне нужна будет консультация. Я хочу передать перечень симптомов, но сначала сделайте запрос. Возможно, им понадобится некоторое время, чтобы установить связь.

— Консультация? По поводу болезни? Это касается тех пациентов, что лежат у вас?

— Конечно. Но я хочу попросить вас как второго человека на корабле, чтобы эта информация не распространялась. Похоже, состояние первого больного становится серьезным. Насколько я могу судить, у всех — одно и то же заболевание, но я не имею ни малейшего представления, что это.

Старшина молча повернулся к клавиатуре компьютера и ввел сообщение.

Дон сел в кресло капитана и попытался привести свои мысли в порядок. Болезнь, лечение, симптомы — все крутилось в быстром водовороте и никак не складывалось в хоть чуть-чуть понятную картину...

Голоса Дон не слышал, и только непрерывное подергивание за рукав заставило его очнуться. Он поднял припухшие веки и увидел склонившегося над ним старшину.

— Объединенный диагностический центр на связи, сэр. — произнес Курилка.

— Сколько я спал?

— Около четырех часов, сэр. Я запрашивал лазарет — необходимости в вашем присутствии там не было, и я решил дать вам поспать.

— Вы, наверное, правильно сделали, старшина, сон мне действительно был необходим. — Он оглядел рубку: Спаркс настраивал свой самодельный передатчик, один из рядовых членов команды делал записи в вахтенном журнале. — А теперь я попрошу вас закодировать мое сообщение.

Дон продиктовал все симптомы загадочной болезни и все данные медицинских исследований своих пациентов, — короче, все факты, которыми он располагал, вплоть до фамилий и адресов пассажиров, с тем чтобы можно было проверить их медицинские карточки на Земле. Потом он зевнул и потянулся. Закодированную ленту ввели в передатчик.

— Пойду приму душ, — сказал Дон. — У нас в запасе еще много времени до того, как придет ответ. Организуйте, пожалуйста, мне кофе.

Так хорошо Дон себя не чувствовал с того времени, когда еще не произошло столкновения с метеоритом и не начался весь этот кошмар. Он неплохо выспался, и наконец-то все срочные проблемы позади. Конечно, остается беспокойство по поводу непонятной болезни, но тут уже можно надеяться на помощь извне. Если до того он был один, то теперь в его распоряжении все неисчерпаемые ресурсы земной медицины. Правда, это напоминало охоту с крупнокалиберным ружьем на мышку, но зато вселяло и чувство уверенности.

Марсианский центр управления передал радиограмму Лондона с запросом дополнительной информации, и Дон сообщил им все, что у него было. По докладу Рамы, состояние всех больных не изменилось, и Дон позволил себе расслабиться — впервые за черт знает сколько дней — и попить кофе в спокойной обстановке.

Ответ, который пришел из диагностического центра, был для Дона полной неожиданностью:

— Приветствуем вас, «Большой Джо». С вами говорит центр управления на Марсе. У нас радиограмма для доктора Чейза, полученная из объединенного диагностического центра в Лондоне. Сообщение следующее: «К сожалению, среди существующих заболеваний не обнаружено ни одного, которое бы сопровождалось указанными вами симптомами и особенностями. Просим тщательно регистрировать ход болезни, поскольку она, по-видимому, является уникальной». Конец сообщения.

Уникальная! Дон вскочил на ноги, и чашка из небьющегося стекла покати́лась по полу, оставляя за собой темный ручеек кофе.

Значит, помощи ждать нечего. Он снова остается один на один с проблемой. И теперь это одиночество ощущается гораздо острее, чем прежде.

— Звучит не очень весело, — заметил Кури́кка.

Дон мрачно улыбнулся в ответ.

— Слишком мягко сказано. Но так или иначе, а определить причину высокой температуры, которая нас так беспокоит, они не в состоянии.

— Если это обычная лихорадка, то все не так уж страшно. Еще пять-шесть дней — и мы выйдем на орбиту вокруг Марса, а там они уже смогут прислать вам на помощь врачей.

— Да, но при условии, что это всего лишь *обычная* лихорадка...

Дон замолчал, услышав звонок видеофона. Кури́кка поднял трубку, приложил ее на несколько секунд к уху, а затем отнял и прикрыл ладонью микрофон.

— Это Рама из лазарета, — сообщил он. — Просит, чтобы вы немедленно пришли туда.

— Он сказал зачем?

Кури́кка окинул взглядом присутствующих в рубке и решился произнести новость вслух:

— Да. Он сказал, что этот больной, Прис, умер.

Глава 12

— Большого вы сделать не могли, сэр, — сказал Рама.

— А может... — начал было Дон, но не нашел, чем закончить свою мысль. Он знал, что Рама прав, и отвернулся, чтобы не видеть, как тот закрывает умершего простыней.

Они перепробовали все: переливание крови, охлаждающие ванны, стимуляцию сердца, медикаменты — все. И ничего не помогло. Прис умер, просто умер — его жизнь прекратилась, как гаснет выключенная лампочка. Вся мощь современной медицины оказалась бессилой повернуть этот страшный процесс вспять.

— А сейчас я вам должен сообщить, — тихо сказал Рама, — что, пока вы были в рубке управления, у нас появились еще двое больных, и я положил их в лазарет. Из Лондона сказали вам, что это за болезнь? Как ее надо лечить?

Дон медленно покачал головой. До его сознания дошло, что в этой безумной спешке, когда они пытались вернуть жизнь больному, он забыл рассказать Раме Кусуму о содержании последней радиогаммы.

— У них тоже нет ни малейшего представления о том, что это за болезнь. Теперь нам придется бороться в одиночку.

— Но они ведь *должны* знать! — упорствовал Рама. Он чуть ли не боготворил медицину за ее безграничные

возможности. — Они знают про все болезни, естественно, должны знать и про эту.

— А вот об этой им, по-видимому, ничего не известно.

— Это невозможно, если только она не новая.

— Видимо, так оно и есть. И каким образом Прис заразился ею до прибытия на корабль, теперь представляет для нас чисто академический интерес. А так как помощи нам ждать неоткуда, придется полагаться на свои силы. Прежде всего мы должны предупредить распространение инфекции. Нам придется ввести в лазарете карантин и принять меры, чтобы оградить от заражения других. Надо выяснить, кто мог контактировать с заболевшими, и постараться по возможности изолировать их тоже.

— Это будет нелегко сделать на корабле таких размеров, как наш.

— Полагаю, нелегко, а может, и вообще невозможно. Но мы должны хотя бы попытаться. Я сейчас схожу в рубку управления, постараюсь возвратиться как можно скорее.

Дон предварительно оповестил своих помощников и, войдя в рубку, увидел, что все уже собрались: Спаркс, сидящий за радиостанцией, Тыблевский, прибежавший из силового отсека, интендант и Курикка. Когда поступило распоряжение собраться в рубке, старшина, очевидно, брился — сейчас одна его щека была гладкой, другую же покрывала жесткая щетина.

— Вольно, садитесь, — скомандовал Дон и прикинул в уме, как лучше сообщить им новость. Пожалуй, лучше без обиняков: они были опытными космолетчиками и не боялись смотреть правде в глаза.

— Отныне вам придется стать такими же вынужденными добровольцами, каким был я, когда взял на себя обязанности капитана. У нас в лазарете находятся несколько больных с высокой температурой, и уже прибывают новые. Самый первый из заболевших только что скончался. Хочу откровенно признаться, что никто не знает, что это за болезнь. Я ввожу карантин на лазарет и рубку управления. Поскольку я имел контакты с больными, мне следовало бы изолировать в лазарете и себя тоже, но это невозможно, так как я являюсь еще и командиром корабля. Не знаю, насколько высок риск

заражения, но боюсь, что я вынужден просить, чтобы во время моего присутствия в рубке на вахте здесь находились только вы.

— Другого выхода нет, капитан. Ничего лучше не придумаешь, — сказал Курикка от лица остальных. — Как будет осуществляться карантин?

— Я хочу изолировать лазарет. Водопровод там есть, и, если туда еще доставить несколько ящиков обезвоженных пайков, он сможет функционировать автономно. Кроме того, всех пассажиров нужно перевести в другой конец корабля, как можно дальше от лазарета. Я знаю, будут протесты, но к настоящему времени мы должны были уже с ними свыкнуться. Наконец, я планирую установить вторую зону карантина для тех пассажиров, которые контактировали с кем-нибудь из заболевших: соседей по каюте, жен, друзей. Нам неизвестно, как переносится эта болезнь, но если мы достаточно быстро реализуем данный план, то, возможно, сумеем замедлить ее распространение. Интендант, у вас есть с собой список пассажиров?

Жонке утвердительно кивнул и похлопал по лежащей рядом с ним папке.

— Хорошо, тогда приступим к работе. Мне нужно два списка, и как можно быстрее...

Эту любопытную закономерность заметил Курикка, человек, который когда-то помогал строить «Йоганна Кеплера». Услышав произносимые имена и номера отсеков, он резко поднял голову от пульта управления и нахмурился. А когда все номера были выписаны по порядку, морщина на его лбу стала еще глубже. Стараясь не привлекать внимания остальных, он подошел к шкафу для хранения чертежей и, порывшись в нем, достал большую кальку, расстелил ее на столе и принялся внимательно изучать. И только когда его подозрения подтвердились, он решил ознакомить с ними остальных.

— Капитан, посмотрите, пожалуйста, сюда.

Дон подошел поближе и взглянул на кальку, представлявшую собой один из чертежей корабля в разрезе.

— Что вы хотите сказать? — спросил он.

Старшина постучал по чертежу толстым пальцем и вытащил из кармана огрызок красного карандаша.

— Вот это — отсеки, которые были пробиты метеоритом. Они сообщались с космическим пространством, но затем были загерметизированы и заполнены воздухом, — он обвел каждый из них кружком. — Жонке, — позвал он, — теперь назовите номера отсеков, которые занимали больные, находящиеся сейчас в лазарете.

Жонке начал зачитывать номера, а Куриikka показывал эти отсеки на чертеже. Дон смотрел, все больше не веря своим глазам. И только когда чтение списка закончилось, он наконец взглянул на старшину.

— Вы хотите сказать...

— Я ничего не хочу сказать, сэр, — утрирую произнес Куриikka, — просто констатирую факт.

— Разве это факт? Каждый больной, у кого сейчас высокая температура, занимал каюту, которая была пробита метеоритом. По счастливой случайности в момент столкновения они находились в другой части корабля. Какая же тут связь? Вероятно, простое совпадение.

— Я не очень верю в совпадения, капитан, особенно, когда это касается такого количества людей. Одина два — еще куда ни шло, но столько!

Дон нервно засмеялся:

— Это не может быть ничем другим, кроме совпадения. В противном случае получается, что существует какая-то связь между метеоритом и этой болезнью.

— Такой вывод предложили вы, сэр. Я только указал на факт.

— Но подобного рода связь просто невозможна! — Дон расхаживал по рубке, в то время как остальные молча следили за ним. — При попадании метеорита из их кают вышел весь воздух, температура упала. Затем помещения загерметизировали и снова заполнили воздухом. До тех пор пока температура и все остальные параметры не пришли в норму, в эти каюты никто не возвращался, то есть простуда или что-нибудь в этом роде исключены.

Он вдруг умолк, глаза его широко раскрылись.

— Нет, это невозможно! — Его голос зазвучал неуверенно. — Старшина, где мы находились в момент столкновения?

Куриikka вытащил карту и показал:

— Примерно здесь, сэр.

Дон взглянул на нее и кивнул.

— Между Землей и Марсом, в плоскости эклиптики, правильно?

Куриikka подтвердил.

— Тогда один важный вопрос, что еще находится в этой плоскости между Землей и Марсом?

— Ничего.

— Не спешите с ответом. А астероиды?

Куриikka улыбнулся и постучал пальцем по карте.

— Вот здесь, капитан, между Марсом и Юпитером. Астероиды находятся здесь.

— Насколько я помню астрономию, существует несколько астероидов, таких как Аполлон и Эрос, чьи орбиты находятся между орбитами Марса и Земли. Я прав?

Улыбка сошла с лица Куриikka.

— Да, это так. Я совсем забыл о них.

— Тогда еще один крайне важный вопрос: если в этом участке пространства встречаются крупные астероиды, не может ли случиться так, что в нас попал небольшой кусок, один из космических обломков, образующих пояс астероидов?

— Вполне возможно, сэр. Вероятнее всего, так оно и было. Но какое это имеет значение?

— Вся суть в том, что наиболее достоверная теория происхождения астероидов утверждает, что они представляют собой обломки планеты, некогда существовавшей между Марсом и Юпитером. То есть попавший в нас метеорит мог быть куском этой планеты.

На него со всех сторон устремились недоуменные взгляды. Первым, кто понял, куда ведет эта цепочка предположений, был Жонке.

— Mon dieu! * — выдохнул он, внезапно побледнев. — Вы хотите сказать, что причиной этой болезни, этой лихорадки является метеорит... что эта болезнь — с планеты, которая разрушилась миллионы лет назад?

— Да, именно это я и хочу сказать. Идея не так уж абсурдна, как звучит поначалу. Вы должны понять, что я взял у жертв этой лихорадки все анализы, какие только можно вообразить. Я исследовал их кровь, кал, слюну, мочу. У нас есть небольшой электронный микро-

* Боже мой! (фр.).

скоп, и, если бы в пробах были болезнетворные микробы, я бы обнаружил их. Но увидеть в этот микроскоп вирус — невозможно. И сейчас я уверен, что мы имеем дело с вирусной инфекцией, хотя что это за вирус, я не знаю. Вот некоторые факты о вирусах, которые вам, возможно, неизвестны: вирусы — это самые малые формы жизни, находящиеся на границе живой и неживой материи. Некоторые ученые даже считают, что они вообще не имеют ничего общего с живыми организмами. Вирусы удалось создать в лабораторных условиях из нейтральных химических веществ, и их искусственные формы обладали теми же свойствами, что и естественные. Некоторые из них в высушенном состоянии проявляют высокую устойчивость и могут быть оживлены спустя много лет. Хорошо известно, что они остаются неизменными очень и очень долго, и вполне вероятно, что в определенном, совсем пассивном состоянии они могут сохраняться тысячи и даже миллионы лет.

Неудивительно, — продолжал Дон, — что болезнь невозможно было установить... Для Земли она оказалась действительно новой, хотя могла существовать значительно дольше, чем мы в состоянии себе представить. Если мои предположения верны, то мы являемся жертвами какой-то чумы из другого мира, болезни, против которой наши организмы абсолютно беззащитны, а медикаменты — бессильны.

Слова, которые прошептал в наступившей тишине Жонке, прозвучали невероятно громко:

— Тогда... мы все погибли!..

— Нет! — воскликнул Дон, пытаясь рассеять атмосферу отчаяния, которая воцарилась в рубке. — Мы попробуем одну вещь. У меня в лазарете достаточно аппаратуры, чтобы сконструировать РНК-анализатор и редупликатор. До сих пор я не задавался такой целью, потому что для редупликации нужен только один тип вируса, а в нашей крови и крови больных существует еще масса других. Выделить штамм инфекционного вируса я бы не смог, так как это — длительный и сложный лабораторный процесс.

Но сейчас у меня появилась возможность приготовить противовирусную вакцину. Старшина, насколько я

помню, вы как-то говорили, что попавший в нас метеорит до сих пор находится где-то в корабле, так?

— Да, вот здесь, в открытом трюме в центре корабля. — Он показал на чертеже. — В центре этого барабана расположены открытые грузовые трюмы, в которых размещен навалочный груз, контейнеры и тому подобное. Метеорит где-то там.

— Мы можем его найти?

— Почему бы нет? Думаю, сможем. Но для чего?..

— Чтобы взять образцы вируса в высушенном состоянии. Если эти мельчайшие частицы, которые метеорит оставил в обшивке, смогли самостоятельно восстановиться и вызвать болезнь, то я не вижу причин, которые помешали бы мне проделать с ними то же самое в лаборатории. И если мне удастся, не исключено, что я смогу создать лекарство от этой болезни. Работа займет много времени, но другого выхода нет, чтобы остановить распространение инфекции.

— Звучит неплохо, — сказал Курикка. — Сейчас я возьму скафандр и посмотрю, где могла застрять эта штука. И если она еще там, доставлю сюда.

— Возьмите два скафандра: я иду с вами. Мне нужно быть там, где обнаружится метеорит, и обследовать его. Необходимо сделать так, чтобы он не причинил нам новых бед, когда мы принесем его сюда.

— Вы — капитан. Вам не следует рисковать...

— Сейчас важнее то, что я врач. Корабль функционирует более или менее исправно. А я — единственный человек, который может обращаться с этим вирусным материалом, если он вообще существует. Я иду с вами, старшина.

Пока они говорили, дверь рубки незаметно для всех открылась, и неожиданно прозвучавший голос заставил космонавтов обернуться.

— Никто никуда не выйдет!

В дверях стоял генерал Бриттс, вооруженный револьвером. За его спиной с металлическими прутьями в руках стояли Доул и еще двое.

— Теперь этим кораблем командую я, *доктор*, а вы возвращайтесь в лазарет, где вам и положено быть. С тех пор как вы взяли на себя ответственность за этот корабль, вы натворили здесь черт знает что. Уверяю вас, все пассажиры думают так же, как и я. Они

единодушно решили, что капитаном должен стать человек, который уже имеет опыт командования, то есть я. А сейчас — приступайте к выполнению своих прямых обязанностей и забудьте этот идиотский план вместе с остальными безумными идеями, которые сидят у вас в голове. С этого момента вы снова обычный врач, а командовать «Иоганном Кеплером» буду я.

Глава 13

В последовавшей за этим заявлением тишине, которая была вызвана общим шоком, генерал и его сопровождение ворвались в рубку. Первым пришел в себя старшина Курикка; он шагнул вперед, не обращая внимания на направленное в его сторону оружие.

— То, что вы сейчас делаете, называется пиратством, — произнес он суровым голосом, привыкшим командовать. — Согласно постановлению Всемирной Конвенции, пиратство в космосе считается таким же серьезным преступлением, как и пиратство на море, но наказывается еще строже. Минимальным наказанием является пожизненное заключение, и вам от него не уйти. Сейчас же сложите оружие, пока дело не зашло слишком далеко. Дайте сюда свой револьвер.

Его речь почти возымела успех. Некоторые из тех, кто стоял за Бриггсом, опустили свои импровизированные дубинки и с беспокойством переглянулись. Курикка решительно двинулся вперед, протянув руку за револьвером. Генерал вынужден был отступить.

— Если вы попытаетесь забрать у меня револьвер, я буду вынужден стрелять, — произнес он уже менее уверенным тоном.

— Тогда, кроме пиратства, вы будете обвиняться еще и в убийстве. И уж точно проведете остаток своей жизни в тюрьме. Дайте его сюда!

Бриггс отступил еще на шаг.

— Дойл, уберите его отсюда! — приказал он, не поворачивая головы.

Дойл со всего размаху ударил старшину металлическим прутом по плечу — тот рухнул на пол.

— Мы люди решительные, — сказал Бриттс. — Нас не остановить.

С сопротивлением было покончено. Старшина пытался встать с пола. Коридор заполнялся все новыми вооруженными пассажирами.

— У вас ничего не получится, — предупредил Дон. — Вы же ничего не знаете о навигации и управлении кораблем и к тому же не можете рассчитывать на сотрудничество команды.

Рот Бриггса скривился в холодной усмешке.

— Напротив, среди нас есть, по меньшей мере, один человек, который знает достаточно много об управлении этим кораблем. Члены команды в свободное от вахты время будут находиться под стражей, а при каждом несущем вахту будет как минимум два охранника. Ваши космолетчики не смогут отказаться выполнять свои обязанности, так как это поставит под угрозу не только наши жизни, но и их собственные. Так что все будет в порядке, доктор. Особенно, если учесть, кто у меня первый помощник. Надеюсь, вы знакомы с доктором Угалде?

Угалде протиснулся вперед, держа в руке остро заточенный кухонный нож. Он коротко кивнул, подошел к капитанскому креслу и уселся в него. Дон был потрясен, он никогда бы не подумал, что мексиканский математик может их предать. Поняв, что они потерпели поражение, он повернулся к генералу.

— Хорошо, Бриттс, командуйте кораблем, если вы считаете, что вам всем от этого будет лучше...

— Корабль благополучно доставит нас на Марс.

— Он доставит вас в тюрьму — и надолго, — произнес Курикка, с трудом поднимаясь на ноги. — То, что вы пронесли контрабандным путем на борт корабля оружие, является серьезным преступлением.

— Я всегда ношу при себе оружие, плевать мне на ваши правила.

— А мне наплевать на ваш револьвер и даже на ваше глупое пиратство, — воскликнул Дон со злостью. — Я

беспокоюсь за жизни людей на борту, мне нужно достать метеорит...

— Нет. Идите к своим пациентам, доктор. Я не собираюсь повторять дважды.

— Вы же ничего не понимаете. Ведь я не могу вылечить их или просто облегчить их состояние. А если мы сможем обследовать метеорит, мне, возможно, удастся создать...

— Уберите его отсюда, — приказал Бриггс, подзывая жестом двух человек. — Я уже предостаточно наслушался ваших вздорных теорий и уверен, что эта — такая же безумная, как и все остальные. Первое, что я сделаю по прибытии на Марс — это предложу, чтобы вас обследовала комиссия психиатров. А пока — попробуйте быть врачом, если вы еще на что-нибудь способны.

Потрясенный таким оборотом дела, Дон не смог сопротивляться двум здоровенным мужчинам, которые вытолкали его в коридор. Они неотступно сопровождали его до лазарета, а когда он вошел туда, остались караулить снаружи.

— Что случилось? — спросил Рама, испуганный выражением лица Дона. И испугался еще больше, когда тот рассказал ему обо всем, что произошло.

— Мы должны восстать, дать им бой! Вы спасли их жизни — и вот вам награда. И как только может существовать на свете такое зло?! — Он начал рыться в шкафах в поисках больших скальпелей.

Дон попытался успокоить его:

— Так проблемы не решить. Эти люди вооружены и готовы к драке. Кроме того, они испуганы, иначе вряд ли удалось бы Бриггсу склонить их к бунту. Да и не так уж важно, кто командует кораблем, лишь бы он благополучно достиг Марса. Важно то, что я, как мне кажется, нашел путь для создания лекарства от этой болезни, а Бриггс не дает мне это осуществить. Мы должны что-то делать!

Но что они могли сделать? Стража снаружи была начеку и сменялась через равные промежутки времени. Первые несколько часов видеофоны не работали: при захвате корабля генерал отключил систему внутренней связи, но, как только управление надежно перешло в его руки, он, видимо, почувствовал себя уверенно в новом положении, и связь была восстановлена. Дон

попытался вызвать силовой отсек, но на вызов ответил один из людей Бриггса. То же самое случилось, когда он позвонил в отсек воздухоснабжения и другие места, где члены команды несли вахту. Космонавтики держали отдельно друг от друга, а во время вахты за каждым из них следили по меньшей мере двое надзирателей. Возвратить контроль над кораблем было невозможно.

С чувством глубокого отчаяния пытался Дон помочь своим пациентам. К этому времени их стало уже четырнадцать, и состояние тех, кто поступил в числе первых, стремительно ухудшалось. Он перепробовал все сочетания антибиотиков в тщетной надежде, что случайно наткнется именно на то, что нужно. Но его усилия были напрасны.

Измученный напряжением и усталостью, он в конце концов лег не раздеваясь и попытался заснуть. По корабельному времени уже наступила полночь. Хотя солнце освещало корабль все время и на борту царил бесконечный день, регулярные циклы дня и ночи неукоснительно соблюдались. Это не только позволяло принимать пищу и проводить общественные мероприятия в привычное для землян время, но и было обязательно для сохранения здоровья людей на корабле: человеческий организм следует околосуточным ритмам со строгим чередованием периодов бодрствования и сна, и, если этот режим нарушить, могут возникнуть самые различные расстройства. Поэтому «ночью» весь корабль спал, бодрствовали только космонавтики, несущие вахту.

Дон заснул, но в четыре часа по корабельному времени был разбужен звонком видеофона. Он нащупал аппарат, и на засветившемся экране появилось лицо Дойла, секретаря генерала.

— Скажите охранникам, чтобы они вошли в лазарет, — приказал тот, — я хочу с ними поговорить.

Первой мыслью Дона было швырнуть трубку на рычаг — пусть они сами связываются между собой, он им не помощник! Но как бы приятно это ни было, такой поступок ничего ему не даст, поэтому Дон встал и пошел к двери. Охранники вели себя настороженно: пока один из них говорил с Дойлом, второй не спускал с Дона глаз. Наконец первый, выслушав Дойла, положил трубку.

— Там, в рубке, требуется врач, — сказал он и добавил второму: — Я должен отвести его, а вы оста-
етесь здесь.

— Они сказали, в чем дело?

— Кто-то заболел... Берите свой черный чемодан-
чик, док, и пошли.

Дон смыл с лица остатки сна и взял из шкафа набор для неотложной помощи. Неужели еще один случай лихорадки? Кто бы это мог быть? И хотя такие чувства были не к лицу врачу, он надеялся, что заболел генерал. Если тот уберется с дороги, мятежу, без сомнения, придет конец. Дон зашагал к рубке управления с конво-
иром, следовавшим за ним по пятам.

Стоявший снаружи охранник кивнул при их прибли-
жении и открыл дверь. Первым, кого увидел Дон, войдя
внутрь, был лежавший на полу Спаркс. Глаза его были
закрыты, он стонал и держался за живот. Доктор Угалде
сидел в кресле капитана, а Дойл с револьвером в руке
стоял на другой половине комнаты.

— Посмотрите его, — скомандовал Дойл. — С ним
что-то случилось — вдруг скорчился и упал. Он нужен
нам за радиостанцией.

— Я потрогал его лоб, он очень горячий, — добавил
Угалде.

Эта лихорадка обычно начиналась по-другому, но
болезнь была неизвестной, и такой вариант ее проявле-
ния вовсе не исключался.

Дон опустился на колени рядом со Спарксом и
раскрыл свой чемоданчик. Вытаскивая одной рукой
автоматический регистратор, он приложил ладонь дру-
гой ко лбу космонавтика. Кожа была прохладной —
температура абсолютно нормальная.

Дон не успел произнести и слова, как Спаркс открыл
глаза, а потом закрыл один, явно подмигивая.

В этот самый момент дверь в коридор распахнулась,
и Дон узнал голос Курикки:

— Бросайте оружие, Дойл, тогда никто не постра-
дает!

Дон быстро обернулся и увидел, что обстановка
круто изменилась. В дверном проеме, прикрываясь
обезоруженным охранником, стоял Курикка. В руках у
него был большой автоматический пистолет, уверенно
направленный на Дойла. За спиной другого охранника

стоял доктор Угалде и прижимал к его шее острие ножа.

— Бросайте оружие, — прорычал Угалде совсем не свойственным ему тоном, — или я всажу этот нож вам в горло и убью на месте.

Металлический прут звякнул о пол.

Дойл был в замешательстве и явно не знал, что делать, его взгляд метался от одного к другому. Но в следующее мгновение он пришел в себя и поднял руку с револьвером.

Куриikka тут же выстрелил, и Дойл, взыв от боли, выронил револьвер и судорожно схватился за плечо. Между пальцами медленно выступила кровь.

Спаркс вскочил на ноги и с ликующим криком схватил выпавшее оружие. Дон был в полной растерянности.

— Куриikka, — произнес он. — Как вам это удалось?

Старшина улыбнулся и опустил пистолет.

— Все благодаря доктору Угалде. Он организовал этот заговор и сам руководил им.

Угалде расцвел от удовольствия и слегка поклонился под обращенными к нему взорами.

— В моей стране подобные прецеденты нередки. Неверно информированный генерал Бриггс, зная революционное прошлое моих предков, предложил мне сотрудничать с ним, и я сразу же принял его предложение. Но он упустил из виду контрреволюционный опыт моего народа. Как известно, бороться со злодейскими организациями легче изнутри. Я примкнул к ним, сразу вошел в руководство и стал ждать. Всегда следует помнить, что любое движение легче всего ликвидировать на начальном этапе, пока оно еще не набрало силу. На этот раз мне оставалось лишь, так сказать, дожидаться подходящей возможности. Как только генерал ушел отдыхать и оставил вместо себя своего вооруженного приспешника Дойла, я понял, что момент наступил. Я предупредил по видеофону старшину Куриикку, а он в ответ сообщил мне, что знает, где в капитанской каюте хранится оружие. Обычно мало кому известно, что на борту любого корабля на всякий случай всегда имеется пистолет — против сумасшедших и им подобных. Очень предусмотрительно! Потом... раз-два-три... по моему

знаку Спаркс падает, посылают за вами, появляется старшина Курикка — и все заканчивается...

— Не совсем. Вы еще забыли обо мне.

В дверях стоял генерал Бригтс с бледным от гнева лицом. Он вошел в комнату и обвел ее холодным взглядом.

— Ваш опереточный заговор не пройдет. Я был извещен, как только доктор покинул лазарет, потому что не исключал возможности того, что этот безумец в порыве отчаяния попытается вновь захватить корабль. Этому не бывать!

Он указал на дверной проем, где в ожидании стояли несколько человек, вооруженных дубинками и прутьями.

— А сейчас сложите оружие, и все обойдется без насилия. — Бригтс даже снисходительно улыбнулся. — Немедленно, чтобы избежать наказаний и кровопролития. Дайте сюда этот пистолет!

Он поднял руку и шагнул к Курикке. Старшина медленно поднял оружие и направил его генералу в переносицу.

— Еще шаг — и вы на том свете.

Генерал остановился.

— Я хочу предотвратить кровопролитие, — произнес он. — Это ваш последний шанс сдаться. На всех у вас не хватит патронов. А мы — люди отчаянные.

В рубке воцарилась мертвая тишина, никто не посмел даже шелохнуться.

— Ничего у вас не получится, Бригтс, — произнес Дон жестким и властным голосом. — Вы — самозванец, и вам прекрасно об этом известно, ожесточенный и озлобленный на всех человечешко, пират-самоучка. Никто не собирается из-за вас умирать. Капитан корабля — я. И я обещаю всем прощение, если оружие будет немедленно сложено...

— Не слушайте его! — заорал Бригтс; от гнева голос его стал хриплым, лицо побагровело. — Вперед! Схватить их!

Но слова Дона уже нарушили атмосферу безоговорочного повиновения, и вооруженные люди заколебались. Они бы вступили в бой за свои жизни, но предстать понапрасну перед черным глазом смерти, которым смотрело на них дуло пистолета в твердой руке старшины, им не хотелось.

— Труссы! — визгливо закричал генерал Бриттс. Он нагнулся и схватил стальной прут, который бросил охранник под ножом Угалде. — Среди вас нет ни одного настоящего мужчины. За мной! Этот не будет стрелять, он не сможет хладнокровно убить. Ведь он еще больший трус, чем вы.

И он бросился вперед.

— На вашем месте я бы этого не делал, — произнес Курикка и твердой рукой взвел тяжелый курок — звук щелчка в тишине казался очень громким.

— Вы не выстрелите, — ухмыльнулся Бриттс, поднимая свое оружие.

— В кого-нибудь другого выстрелил бы, в вас — нет, — сказал старшина, опуская пистолет. — Мне хочется увидеть вас на скамье подсудимых.

С победным криком генерал замахнулся прутом, целясь в голову старшины.

Несмотря на свои внушительные размеры, Курикка двигался стремительно, как кошка. Он сделал шаг вперед и блокировал удар поднятой рукой, подставив под предплечье генерала металлическую рукоятку пистолета. Раздался судорожный крик, и прут выпал из парализованных болью пальцев Бриттса. Тут же, развернувшись на носках, Курикка нанес левой рукой короткий и точный удар снизу вверх в солнечное сплетение.

Генерал согнулся пополам и упал на спину. Не обращая больше на него внимания, Курикка направил пистолет на столпившихся в дверях людей.

— А сейчас я выстрелю в любого, кто не бросит свое оружие. *Оружие — на пол!*

Ни у кого не было сомнения в серьезности его слов. Прутья и дубинки с грохотом полетели на пол. Пиратская вылазка бесславно закончилась. Курикка бросил взгляд на неподвижное тело генерала, и на его открытом лице заиграла холодная улыбка.

— Вы не можете себе представить, какое я получил удовольствие, — произнес он.

Дон подошел к Дойлу, который с зеленым лицом корчился, сидя на стуле, и обследовал аккуратное пулевое отверстие в его предплечье.

— Дома я был чемпионом страны по стрельбе из пистолета, — объяснил старшина. — Я никогда не промахиваюсь.

Дон посыпал рану порошком из антибиотика и разорвал перевязочный пакет. Но как только его пальцы коснулись кожи Дойла, он резко поднял голову, а затем быстро приложил диагностический регистратор к руке раненого.

— Дойл заразился, — сообщил он. — Температура 39,5 градуса.

— Неудивительно, — заметил доктор Угалде. — Я и сам не хотел раньше времени говорить об этом, чтобы не вызвать суматохи, но теперь я вынужден признать, что и у меня в течение нескольких последних часов наблюдается повышенная температура, я отчетливо ощущаю какую-то беспокоящую боль.

— Куриikka, — сказал Дон, — мы обязательно должны найти метеорит, и как можно скорее. У нас и так уже нет времени.

Они переглянулись, и каждый увидел, как в глазах другого мелькнуло отражение его собственного ледящегоо душу страха.

Глава 14

— Еще одна «временка», — заметил Спаркс. — Вы думаете, она будет работать?

— Обязательно должна, — сказал Дон, стараясь не поддаваться унынию при виде вороха собранных отовсюду устройств, расставленных на небольшой полке в лаборатории при лазарете. — Теория верна — мы консультировались с госпиталем на Марсе. Они собрали копию этого аппарата, используя те же самые блоки, и убедились в его работоспособности в процессе испытаний. Если мы будем следовать их инструкциям, то сможем осуществить редупликацию любой молекулы РНК, которая будет обнаружена, и приготовить противовирусную вакцину.

«Если вообще что-нибудь найдем», — добавил он про себя.

Вся эта лихорадочная работа, которую они проделали за последние десять часов, окажется ненужной, если метеорит не обнаружится или если их гипотеза ошибочна и этот кусок камня не имеет к болезни никакого отношения. Слишком уж много этих «если»...

Но то был их единственный шанс. Одна нога Дона была в скафандре, когда вошел Курикка со стальным ящиком в руках; он был уже готов к выходу в космос.

— Надеюсь, этот ящик подойдет! — сказал он.

— Пожалуй, да. Он много больше входного отверствия от метеорита, и, что бы мы ни нашли, должно легко в нем поместиться. Как он открывается?

Курикка откинул плоскую металлическую крышку на шарнирах.

— Достаточно просто. Мы положим туда метеорит, а внутреннюю поверхность крышки намажем эпоксидным клеем — им можно пользоваться где угодно, даже в вакууме. В течение двух минут клей загерметизирует ящик наглухо. Чтобы потом добраться до метеорита, придется резать стенку ящика, но это для нас не проблема.

— Лишь бы нам найти метеорит — и все проблемы отпадут.

Дон застегнул скафандр и взял шлем.

— Пошли!

— Сколько уже больных? — спросил Курикка.

— Когда цифра перевалила за 60, я перестал считать. Сейчас больны более половины людей на борту, и еще трое умерли.

Замолчав, он пошел вперед, к лифту. Шестерни подъемного механизма натужно запели, поднимая их к оси вращения корабля. Сила тяжести становилась все меньше и меньше, и, когда лифт остановился, они, паря, выплыли из дверей. Дон следовал сзади, двигаясь значительно медленнее старшины, который уже давно привык к невесомости и теперь легко управлял своим телом, лишь изредка касаясь направляющих поручней. Когда Дон нагнал его, тот уже открывал шлюз трюма.

— Мы войдем в трюм как можно ближе к месту попадания метеорита. Пробоина, которую мы заваривали стальными плитами на палубе С, находится отсюда всего футах в тридцати. Правда, тогда мы не входили в трюм и делали все со стороны палубы. Сейчас мы попробуем проследить траекторию его полета отсюда, изнутри. Мы не знаем, насколько глубоко этот камень проник в трюм, известно только, что оттуда он не выходил.

— Не выходил *внутрь* барабана. А что если он вышел не сквозь палубы, а через стенку трубы? Как нам это узнать?

— Никак, — мрачно ответил Курикка. — Нам остается только надеяться, что он застрял там. Приготовьтесь, я включаю автоматику.

Они захлопнули крышки на шлемах. Двери шлюза закрылись, и насосы начали откачивать воздух. Когда откачка закончилась, вспыхнула зеленая лампочка, и

наружная дверь автоматически открылась. Они выплыли в темноту огромного трюма.

Это был какой-то кошмарный мир света и теней, и едва они отделились от шлюза на несколько футов, как Дон потерял ориентацию и заблудился. В трюме, лишенном воздуха, темные участки могли оказаться как тенью, так и предметами, и узнать, что это, было невозможно до тех пор, пока не дотронешься рукой или не осветишь этот участок. Фонарь крепился на шлеме, но пользоваться им было неудобно. Дон ухватился за поручень и попытался сориентироваться. Старшина же спокойно плыл в стороне, освещая путь своим фонарем. В шлемовых телефонах Дона раздался его голос:

— Поначалу будет трудно, но потом привыкнете.

— Тут нет ни верха, ни низа. Когда я начинаю двигаться, появляется головокружение и я теряю ориентацию.

— Вы не исключение, сэр. Так бывает всегда, когда впервые выходишь из корабля. Чтобы избавиться от этого, сосредоточьтесь на одном предмете и постарайтесь не обращать внимания на остальное. Давайте я буду медленно двигаться впереди, а вы следуйте за мной. Смотрите только вперед, прямо на меня, чтобы ваш фонарь все время освещал мне спину. Если захотите посмотреть в сторону, то не косите глаза, а поворачивайте всю голову — тогда луч будет светить туда, куда вы хотите посмотреть. Готовы?

— Как никогда в жизни. Пошли.

Куричка поплыл вперед, перебирая ручки, которые были укреплены вдоль направляющей. Свободного пространства было мало: по обе стороны от них все было заставлено огромными контейнерами, причудливо выступающими из темноты. Дон добрался до поперечной направляющей и двинулся вдоль нее. Над головой нависла какая-то твердая поверхность, и он навел на нее свой фонарь.

— Посмотрите, — сказал старшина, указывая на рваную дыру в металле, которая была закрыта блестящей металлической плитой. — Вот где он прошел. А это — заплата, которую мы наложили со стороны палубы.

Они повернули головы, и крути света от фонарей сошлись на поверхности алюминиевого контейнера, на-

ходившегося в нескольких футах от них. На его стенке виднелся черный диск дыры.

— Он? — спросил Дон.

— Да. Но до того как вскрывать контейнер, давайте убедимся, что метеорит внутри. Побудьте здесь, в одиночку я это сделаю быстрее. Нужно обследовать его стенки.

Старшина был прав — это заняло совсем немного времени. Дон только успел посветить своим фонарем в дыру, но ничего, кроме темноты, внутри не увидел.

— Я обнаружил выходное отверстие! — раздался голос старшины. — Сейчас покажу.

Метеорит прошел контейнер насквозь и зарылся в находящийся рядом тюк, один из многих, которые были закреплены сетью из синтетических волокон.

— Одежда, — сказал старшина, прочитав надпись на ярлыке. — Нам повезло. Слои ткани внутри должны были замедлить метеорит и остановить его. Он, вероятно, застрял там. Возьмите свой нож и режьте сеть. Мы вытащим этот тюк.

Резать сеть было нетрудно, но вот вытащить плотно зажатый со всех сторон тюк оказалось невозможным.

— Придется освободить их все, — сказал Курикка, разрезая веревки, — а затем разбросать.

Как будто оживая, освобождаемые тюки начинали колыхаться и всплывать, сталкиваясь друг с другом, разлетаясь в стороны. Очень скоро вокруг уже плавали десятки тюков, они толкали космолетчиков со всех сторон, преграждали им путь. Теперь, когда нужный тюк оказался свободен, Дон и Курикка оттащили его в сторону. Старшина перевернул его и посветил фонарем.

С противоположной стороны оказалась выходная дыра.

— Займемся следующим: метеорит прошел дальше, — сказал он.

Плавающие тюки заполнили все пространство вокруг, мешая им двигаться. Во втором же слое они оставались плотно зажатыми.

— Ну, эти нам не освободить, — произнес Дон.

— Может, в этом не будет никакой необходимости... Смотрите! — Он направил фонарь в дыру и осветил глубоко внутри какую-то неровную поверхность. — Метеорит здесь!

Быстрым взмахом ножа он вспорол тюк, из которого начала выплывать одежда, сшитая из плотной ткани. Они зарывались, как мыши в зерно, раздвигая одежду, отбрасывая ее от себя — все глубже и глубже, пока не добрались до камня.

— Вот он, — промолвил Дон. Его вдруг охватила крайняя усталость и абсолютное безразличие.

Метеорит выглядел совсем обычно: кусок грязного камня. Дон подковырнул его ножом, и тот, медленно кувыряясь, начал свободно подниматься. Вращаясь, он повернулся к ним противоположной стороной.

Эта сторона имела глубокую выемку, поверхность которой была покрыта беловатыми кристаллами.

— Ящик, быстро! — отпрянув, произнес Дон. — Ни в коем случае не трогайте его перчатками.

— Вот эти кристаллы, это — то, что вам надо? — спросил старшина, подталкивая камень острием ножа в отверстие ящика, который он держал в руке.

— Думаю, что да. Надеюсь, во всяком случае. — Дон взмок от пота, голова его раскалывалась. — Закрывайте.

С неторопливой аккуратностью старшина вытащил тюбик, нанес по периметру крышки полоску эпоксидного клея и захлопнул ее. Потом сильно прижал и проверил, чтобы дверца плотно прилегала к стенке.

— Через две минуты это будет прочнее стали, — сказал он.

— Хорошо. Ножи оставим здесь: они, наверное, заражены. И будьте осторожны, снимая скафандр, — ведь мы наверняка прикасались к предметам, на которых остались вирусы.

— Понял. Держитесь за мной. Пока доберемся до шлюза, клей застынет. — Курилка начал проталкиваться сквозь завесу из плавающих тюков и одежды; Дон последовал за ним.

— А как выглядит этот высушенный вирус? — спросил старшина, когда они вошли в шлюз и включили подачу воздуха.

— Не имею представления. Он может быть похож на что угодно. Может быть, это сами кристаллы. — Дон провел перчаткой по шлему, чтобы стереть осевшую на нем из поступающего воздуха влагу. — Когда можно будет открыть скафандр?

— Не раньше чем загорится зеленая лампочка. Но лучше сделать это после выхода из шлюза. Металл здесь сильно охлажден, можно серьезно обморозиться.

Дверь открылась, и они влетели внутрь корабля. Дон протянул руку.

— Давайте я подержу ящик, а вы отойдите подальше и снимите скафандр. Но не дотрагивайтесь до его наружной поверхности. Если вам понадобится помощь, зовите меня. А затем ступайте в рубку управления. Как только вы окажетесь в безопасности, я начну раздеваться.

Курикка запротестовал:

— Вам понадобится помощь, чтобы выбраться из скафандра...

— Нет, не понадобится. Мне можно не остерегаться заражения. Ведь я врач и легко распознаю симптомы. Я могу не беспокоиться, что подхвачу эту лихорадку, потому что я уже ею заболел.

Глава 15

Еще накануне соотношение больных и здоровых достигло 50 процентов, и их приходилось изолировать друг от друга. Сейчас же от лихорадки слегли четверо из каждых пяти человек на борту.

Марс находился в двух днях лёта. Специальные ракеты с добровольно вызвавшимися медсестрами и врачами ожидали их на орбите. Никто не должен был покинуть борт лайнера «Иоганн Кеплер». Он стал носителем неизвестной чумы и должен быть подвергнут карантину до тех пор, пока не будет найдено лекарство от этой болезни... если его вообще когда-нибудь найдут. Пища, лекарства, оборудование — все будет доставляться на борт. Но никто и ничто не сможет его покинуть.

Уже умерло 22 человека.

Дон принял еще одну таблетку обезболивающего и промокнул вспотевшее лицо сырым полотенцем. Он знал, что принял таблеток уже намного больше допустимого, но он не мог сейчас позволить себе свалиться. Нет, только не сейчас. Оборудование, за которым он работал, расплывалось перед глазами — пришлось зажмуриться, чтобы восстановить четкость. Он отрегулировал стеклянный краник, замедлявший поток реактива до равномерных капель.

— Давайте я это сделаю, доктор, — раздался голос Рамы.

— Вы не должны здесь появляться, работа еще не закончена.

— Неважно, сэр. Я — единственный, кто может хоть как-то вам помочь, и вы должны разрешить мне находиться с вами. В каком состоянии сейчас процесс редупликации?

— Не знаю. Я даже не уверен, что действую правильно и что в этом растворе действительно присутствует наш вирус. У нас нет лабораторных животных, — если не считать нас самих, — чтобы провести проверку. Я растворил эти кристаллы в питательном бульоне, вернее, в разных средах и при разных температурах, профильтровал их, осуществил рекомбинацию и перегнал полученную жидкость через вот этот аппарат. Кто его знает, может, это чистая вода... — Его голос захрипел, он закашлялся и снова промокнул лоб. — Как дела в рубке управления?

— Я только что говорил с ними. Там старшина Курikka и оператор Бойд. Оба они пока здоровы и полагают, что смогут успешно довести корабль до Марса. К сожалению, должен сообщить, что доктор Угалде в коме и больше не может нам помогать. Но центр управления на Марсе известил нас, что они уже могут работать через наш компьютер и способны управлять маневрированием на конечном участке, даже если у пульта нашего корабля не останется ни одного человека. Они планируют использовать оставшееся у нас реактивное вещество для вывода корабля на максимально низкую орбиту.

Раздался сигнал таймера. Дон направился в другой конец комнаты к ультрацентрифуге и вдруг ни с того ни с сего упал во весь рост на пол. Ноги подкосились как бы сами собой. Рама поднял его и усадил на стул.

— Сейчас это пройдет, Рама. Выключите, пожалуйста, центрифугу.

Пронзительный вой центрифуги перешел в быстро понижающийся стон, и она наконец остановилась.

— Если нам повезет, — заметил Дон, поднимаясь на ноги и держась при этом за спинку стула, — это будет то, что нам нужно. Это — результат первой экстракции. Противовирусная вакцина.

— Можно использовать? — спросил возбужденно Рама.

Дон отрицательно покачал головой.

— Не спешите. Сначала помогите мне с питательным бульоном из другой банки. — Он поднял квадратный

сосуд и посмотрел на плещущуюся внутри жидкость. — Этот бульон я приготовил одновременно с тем, который использовал для первой партии вакцины, но бросил в него больше кристаллов. Так что, если вирусы там не успели восстановиться и вакцины не получилось, то, возможно, мы обнаружим их здесь. Приходится работать вслепую.

Дон тщательно отрегулировал аппарат редупликации РНК, залил в него жидкость и инициировал процесс. И только после этого подошел к центрифуге и открыл крышку. Вынув одну пробирку, он поднял ее к свету: над коричневатым осадком, собравшимся на дне, была прозрачная жидкость.

— Принесите шприц с иглой номер 20.

Опустив кончик иглы в пробирку, Дон наполнил шприц.

— Возьмите это, — сказал он, подавая его Раме, — и введите тем, кто находится в самом тяжелом состоянии.

— Какую дозу?

— Не знаю. Вакцина должна быть концентрированной. Думаю, не менее 3,5 кубиков. Внутривенно. Сначала самым тяжелым, затем остальным. Здесь, в центрифуге, хватит на всех. А я должен контролировать вторую партию.

Зуммер. Температура 43 градуса. Фильтрат. Осторожно — если прольешь, больше нет. Эх, если бы руки не так тряслись! Но дрожь не прекращается, надо напрячься. Перелей. Осторожно, не разбрызгивать.

Зуммер. Что теперь? Что делать дальше? Лицо — в холодную воду, голову — под кран, это всегда помогало. Это кто в зеркале, я? Давненько не брился, док, правда? С таким лицом можно перепутать всех пациентов. Так что же делать сейчас?..

Пол... Соленый привкус крови во рту... Что-то ужалило в щеку... Склонившееся лицо...

— Рама?..

— Вы упали, сэр, и немного порезались. Я забинтую вашу рану...

Страх!..

— Аппарат... Я что-нибудь сломал?

— Нет, вы, наверное, поняли, что падаете, — оттолкнулись и упали на спину. Я слышал звук зуммера, который никак не прекращался. Что нужно делать сейчас?

— Помогите мне встать, я покажу.

Думать — трудно. Серый туман наполняет голову, стоит перед глазами. Из-за него трудно что-нибудь рассмотреть. Из-за него трудно думать. Пациенты...

— Сколько времени прошло после инъекций?

— Больше восьми часов, сэр. Вам укол я сделал, когда...

— И как они?

Последовало долгое молчание. Вместо лица Рамы Дон видел только размытое пятно. Наконец тот сказал:

— Никаких изменений, абсолютно. Еще двое умерли. Заболел старшина Курилка, и его из рубки управления перевели сюда.

— Получается, что все напрасно? Нас можно считать мертвыми? — хрипло произнес Дон, обращаясь к самому себе. — Неужели все так и закончится? А какого ответа на этот вопрос еще можно ожидать?

Самое время сдать, упасть духом, умереть. Но только не для него. Тело ему уже не подчинялось, он заставил себя выпрямиться лишь усилием воли. Его глаза могут видеть, они должны видеть. Он со злостью принялся тереть их костяшками пальцев и тер до тех пор, пока сквозь окутывающий его туман, вызванный чрезмерной дозой принятых лекарств, не почувствовал боль. По щекам лились слезы, но он снова мог видеть — нечетко, но мог. И, спотыкаясь, побрел к полке с оборудованием.

— Выключите зуммер. Так. Вылейте это в пробирки. Охладите. Теперь — в центрифугу, на четыре минуты. И в дело.

— Это уже окончательный раствор, лекарство?

Дон попытался улыбнуться, но получилось нечто, похожее на оскал лошади, испытывающей боль. Чтобы

произнести всего несколько слов, ему потребовалось огромное усилие:

— Должна получиться прозрачная жидкость. Как дистиллированная вода. А может, это на самом деле окажется простой дистиллированной водой. У нас... у нас...

Чернота... Он куда-то падает... Конец.

Глава 16

Бесконечная тьма, а в ней две черные горы, огромные, как сам мир. Они движутся, медленно, туда-сюда, но движение это непросто заметить на фоне черных, как полночь, полос, которые струятся мимо. И они говорят — незнакомые слова на незнакомом языке. Так, ничего интересного. Они что-то шепчут, раскачиваясь в своем вечном движении...

Однако слова все же имеют какой-то смысл. Конечно! Иначе для чего они еще нужны?

— ...можно начать...

— ...или...

— ...это над...

Несвязные обрывки, отдельные слова. От гор?.. Нет, это не горы, а какие-то существа. И они говорят.

Долго, бесконечно долго цеплялся Дон за эту идею, она не давала ему покоя. Временами она куда-то уплывала и он забывал о ней, но оставались голоса, а за ними стоял какой-то смысл.

В один из моментов этого долгого поиска смысла Дон осознал, что его глаза закрыты. Память представляла собой сплошное серое пятно, тело онемело и как бы оторвалось от мыслей. Но главное — глаза. Потому что эти горы были людьми, которые пытались привести его в сознание, и он хотел увидеть, кто они. С бесконечным усилием он открыл веки и увидел какие-то размытые формы. Белые.

— Доктор, у него открыты глаза.

Ориентируясь на голос, Дон попытался сосредоточить зрение, и когда ему это удалось, то перед глазами вырисовалось лицо девушки в белой одежде медсестры. Прежде он ее никогда не видел. Откуда на корабле мог быть человек, которого он ни разу не видел?.. Еще одна фигура, тоже в белом... Врач?.. И этого он никогда не видел. Дон внимательно посмотрел на обоих. Врач принялся объяснять ему самое простое, то, что он видел, но никак не мог понять.

— Вы — больны, но вы живы. Вы поправитесь. И, засыпая, вы должны думать только об этом.

Подобно ребенку, послушно выполняющему волю взрослого, Дон закрыл глаза и погрузился в глубокий непроглядный сон.

На этот раз — когда он проснулся — его сознание было ясным. Он лежал разбитый, опустошенный, безвольный, как тряпка: не в состоянии пошевелить даже пальцем. Но — с ясным сознанием. Теперь незнакомых не было. Вместо них над спинкой кровати он увидел тонкое, смуглое лицо Рамы. Глаза у того расширились, возбужденно воздев руки, он громко позвал:

— Старшина! Старшина Курикка, скорее сюда! Он очнулся!

Послышались тяжелые шаги, и сбоку в поле зрения появился улыбающийся Курикка.

— Наша взяла, капитан. Благодаря вам!

Именно такие слова Дону и хотелось услышать. И старшина чувствовал это. Итак, они победили. Все остальное теперь уже не имело значения. Дон попытался заговорить, но голос сорвался, и он закашлялся. Рама поспешил к нему со стаканом воды и поднес соломинку к губам. Вода была холодной и приятно остужала горло. Теперь он мог говорить.

— Что произошло? Расскажите подробно, — произнес он хриплым шепотом — иначе пока не получалось.

— Вы были почти на том свете, капитан, это уж точно.

Рама торжественно кивнул в подтверждение слов старшины.

— Рама позвал меня, когда вы упали без сознания. Я был прямо там, в лазарете, потому что чувствовал себя уже неважно. К тому времени все на корабле уже были больны. Мы положили вас на койку, и Рама показал мне второй раствор, который вы прогоняли через аппарат. Когда вакцину извлекли из центрифуги, он сделал первый укол вам. Затем я помог ему ввести лекарство всем больным в лазарете. Правда, был еще один мертвый — я помню это отчетливо, потому что он был последним умершим на корабле. Верите или нет, но им оказался Дойл — так что, когда наступит время, ему уже не придется предстать перед судом вместе с генералом.

— А как генерал?

— Жив и здоров, — произнес Курикка, холодно улыбаясь. — К суду будет в отличной форме. Но это не имеет значения — во всяком случае, сейчас. А с вами тогда произошли поразительные перемены, капитан. Я бы никогда не поверил, если бы не видел этого собственными глазами. Когда мы использовали всю вакцину, которой запаслись, и пришли за новой, Рама обследовал вас, и я услышал, как он вскрикнул. Ну и быстро же я тогда рванул к вам, можете мне поверить.

— Минуты, — добавил Рама. — Прошли всего лишь минуты, и температура у вас спала. Вы спокойно спали и даже похрапывали. Конечно, последствия болезни сразу пройти не могли, но лихорадка мгновенно прекратилась.

— Вторая партия раствора, которую вы изготовили, и оказалось той самой вакциной. После одной инъекции люди, которые только-только слегли от болезни, чуть ли не сразу вставали с коек. Но я им категорически запретил это делать. Мы сделали прививки всем, кто был на борту, и на следующий день, когда спускались на орбиту захвата, то и силовой отсек, и рубка управления были укомплектованы по штату. Марсу не пришлось переходить на дистанционное управление нами — «Большой Джо» совершил маневр сам.

— Он устал, — послышался незнакомый голос. — Вам пора уходить.

Дон увидел стоящего на пороге врача и, улыбаясь, помотал головой, лежавшей на подушке.

— Это же лучше всяких лекарств, доктор!

— Конечно-конечно. Но на сегодня — достаточно. Поспите, а потом они придут опять.

Когда посетители ушли, врач взял шприц с прикроватной тумбочки. Повернув голову в его сторону, Дон впервые увидел, что лежит не на своей койке. Эта была больше, и вся комната была больше, чем его кабинет. Увидев на стене большую фотографию «Иоганна Кеплера», а рядом — панель, дублирующую приборы в рубке управления, он понял, что находится в каюте капитана.

— Можно перед сном я задам вам несколько вопросов? — спросил он, и врач утвердительно кивнул.

— Как дела у моих пациентов?

— Всем стало значительно лучше, но они пока здесь, на борту. Ваше чудесное лекарство сработало великолепно. Однако до того, как мы завершим анализы — для полной уверенности, — корабль будет находиться на карантине. Самое плохое состояние — у вас. Вы приняли слишком много лекарств, вызвали перегрузку организма и, если откровенно, были некоторое время на грани смерти.

— Но мне ничего другого не оставалось делать, не так ли?

Врач хотел было что-то сказать, но промолчал. Потом улыбнулся.

— Да, видимо, так. Их счастье, что на борту оказались именно вы. Лично я вряд ли смог бы совершить то, что вы. Ну, а теперь — укол.

— Минуточку. А о так называемом мятеже? Что собираются делать власти с этими людьми? Можете представить себе серьезность положения, ведь то была провокация...

— Об этом все известно, но я не думаю, что кто-то из них, за исключением генерала Бриггса, предстанет перед судом. Таково мое личное мнение. Но, насколько я знаю, власти придерживаются примерно такого же. Тут действительно было пиратство, так как вы — офицер корабля и были его командиром. Да вы и сейчас им являетесь, поскольку новый еще не назначен. Я даже не знаю, как вас называть: доктором или капитаном. Но как бы то ни было, сейчас — спать.

И Дон, улыбаясь, заснул.

На следующее утро после завтрака сестра специальным кремом удалила щетину с его лица и подперла ему голову еще одной подушкой.

— А это зачем? — спросил он недоуменно.

— К вам придут гости. Надо выглядеть как можно лучше.

— Ну вот, уже гости! А я-то думал, что слишком слаб, чтобы принимать посетителей. Во всяком случае, так мне говорили, хотя я утверждал, что...

— Врач, выписывающий рецепт самому себе, выглядит глупо в глазах пациента, — сказала она и выбежала из комнаты. Дон улыбнулся ей вслед.

— Прошу разрешения войти, сэр, — произнес появившийся на пороге Курикка.

— Что? А, старшина! Конечно, входите. Но почему...

Дон замолчал, увидев, что на старшине серая парадная форма. Нашивки были золотыми, стоячий воротничок врезался в шею — видимо, он занял эту форму у другого космолетчика, так как всю его собственную, насколько было известно Дону, выбросили за борт. Он вошел четким шагом, а вслед за ним — остальные.

И все в парадной форме: Рама Кусум, помощник инженера силового отсека и будущий врач; интендант Жонке и оператор Бойд, и Спаркс, и первый инженер Тыблевский, и Хансен из службы воздушноснабжения. А за ними, в торжественном костюме, высоко подняв голову и держась по-парадному прямо — доктор Угалде. Когда все остановились, он положил руку на сердце, остальные — отдали честь.

— Все, к сожалению, не могут присутствовать — я имею в виду команду, капитан. Но они поручили нам их представлять. И доктор Угалде здесь, потому что теперь он, несомненно, является членом нашей команды.

— Абсолютно верно, — твердо сказал Дон, вспоминая прошлое: коррекцию курса, подавление мятежа...

— Мы тоже так думаем, сэр. Поэтому сейчас, когда я... то есть мы представляем всю команду, он с нами. Эта команда *ваша*, капитан.

Курикка немного расслабился и посмотрел на Дона.

— Я умею проводить церемонии, сэр, когда это делается надлежащим образом, то есть в соответствии с уставом и всякое такое. Вы только не подумайте, что сейчас у нас не настоящая церемония, но в уставе о ней ничего не сказано. В общем, я хочу сказать, что через

несколько дней карантин будет снят и вас планируют перевести в госпиталь на Марсе. Командир Доправа, находящийся там, на базе, собирается перегнать «Большого Джо» назад, на околоземную орбиту, для ремонта, но пока он не принял командования, капитаном являетесь вы.

Он щелкнул пальцами, и сзади ему передали коробку.

— А вот этого у вас никогда не смогут забрать. Космолетчики знают, что на корабле нет никого выше капитана. Его работу могут выполнять очень немногие, но вы с ней справились, сэр. Вы спасли всех нас, и это главное.

Он открыл коробку и достал оттуда пилотку с золотой эмблемой в виде ракеты.

— Это — капитанская пилотка, она — ваша. Мы купили ее у командира местного орбитального корабля. Примите ее в подарок от всей команды, капитан. Она куплена всеми нами в складчину.

Дон принял пилотку в обе руки и осмотрел ее со всех сторон, не зная, что сказать. Космолетчики взяли под козырек. Дон ответил на их приветствие, испытывая при этом странное, еще не знакомое ему ощущение.

У него не нашлось слов, чтобы выразить охватившие его чувства. И все видели это по его лицу. То был главный момент в жизни не только для него, но и для остальных. Теперь они были связаны узами, которых никогда не разорвать. Один за другим они молча вышли из комнаты. Старшина Курикка помялся на пороге и, набравшись смелости, обратился к Дону:

— Сэр, а можно мне спросить о ваших планах? Я имею в виду, когда вы выйдете из госпиталя. Большинство из вас, медиков, как правило, совершают один полет в качестве судового врача, а потом остаются работать, как мы говорим, «в грязи». Насколько я понимаю, космос их уже не привлекает. Интересно, какие у вас планы. Я имею в виду...

Когда-то Дон собирался остаться работать на одной из планет — решение было однозначным. Но сейчас он понял, что отныне это для него невозможно. Грязь — другого слова и не подберешь. Что могли предложить ему эти сгустки пыли по сравнению с чистым и суровым миром космоса? А ведь перед ним был огромный выбор: межпланетные корабли, исследовательские станции-

спутники — бесконечные возможности, стоило лишь задуматься. И хотя идея еще окончательно не сформировалась, он сказал:

— Не верьте этим старым слухам, старшина. Я намерен работать «в грязи» не более, чем... ну, скажем, чем вы.

— Я был в этом абсолютно уверен, — широко улыбаясь, произнес старшина. Он резко вскинул руку к козырьку и вышел.

Дверь закрылась, и Дон остался наедине с самим собой.

Он повертел в руках пилотку, провел пальцем по скользкому золотому цилиндру эмблемы. Ему даже стало жаль, что их полет уже закончился: будет немного скучновато возвращаться к обязанностям врача.

— Да, полет был нелегким. Я рад, что он завершился, — тихо проговорил он. — Очень рад, что мы наконец достигли безопасной гавани. Теперь у меня остается эта пилотка — и воспоминания о том, что она символизирует. И этого отобрать у меня никто не сможет.

Содержание

Далет-эффект, роман, <i>перевод с английского И. Почиталина</i>	5
Да здравствует Трансатлантический туннель! Ура!, роман, <i>перевод с английского В. Рыбакова</i>	205
Судовой врач, роман, <i>перевод с английского Г. Искара</i>	399

Миры Гарри Гаррисона кн. 8 / Пер. с англ. — Рига: Полярис, 1993. — 527 с.

МИРЫ ГАРРИ ГАРРИСОНА

Книга восьмая

Составитель В. Быстров

Главный редактор А. Захаренков

Ответственный за выпуск Е. Чутов

Редактор И. Васильева

Технический редактор К. Козаченко

Корректоры: К. Вартанова, Г. Бочарова, Е. Ошуркова

Оператор компьютерной верстки О. Кинель

Художественное оформление серии: М. Захаренкова

Оформление обложки и форзаца: Л. Булыкина

Оформление шмуцтитлов: Д. Затравкин

Качество печати соответствует диапозитивам,
предоставленным издательством.

Подписано в печать 16.07.93. Формат 84×108¹/₃₂.
Усл. печ. л. 27,72. Тираж 50000 экз. Заказ № 2326. С 016.

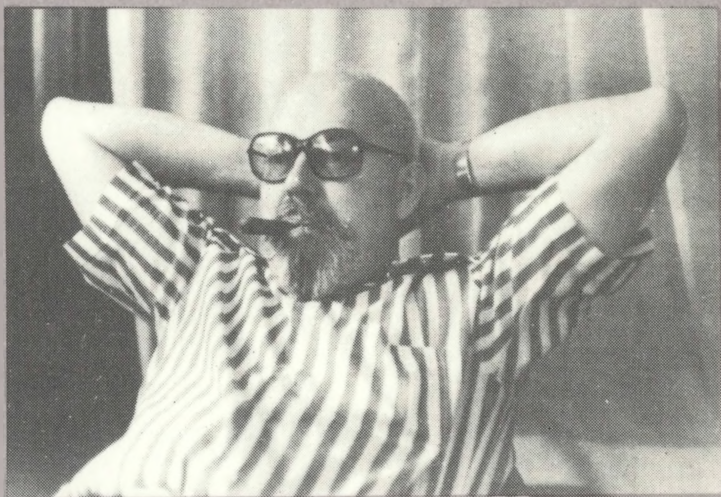
Издательская фирма «Полярис»

Латвийская Республика, LV-1039, Рига, а/я 22

Отпечатано с готовых диапозитивов на Тверском ордена Трудового Красного Знамени полиграфкомбинате детской литературы им. 50-летия СССР Министерства печати и информации Российской Федерации. 170040, Тверь, проспект 50-летия Октября, 46.

VERBA VOLANT, SCRIPTA MANENT

POLARIS
publisher